

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Яхутль Юрий Асланбиевич

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ВЛАСТИ
С КАЗАЧЕСТВОМ И КРЕСТЬЯНСТВОМ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ
1921-1929 гг. (НА ПРИМЕРЕ КУБАНИ И ДОНА)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

**Диссертация на соискание учёной степени
доктора исторических наук**

Научный консультант – доктор
исторических наук, доктор со-
циологических наук, профессор
Касьянов Валерий Васильевич

Краснодар 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4–24
1. Теоретико-методологические аспекты исследования взаимоотношений власти с крестьянством и казачеством России в 1920-е гг.	25–94
1.1. Периодизация и содержание историографии взаимоотношений власти и крестьянства России в условиях новой экономической политики 1920-х гг.	25–58
1.2. Теоретико-методологический инструментарий исследования взаимоотношений власти и сельского населения Юга России в 1920-х гг.	59–79
1.3. Источниковая база исследования взаимоотношений власти с казачеством и крестьянством Юга России в 1920-х гг.	79–94
2. Развитие аграрного сектора экономики Кубани и Дона в 1920-е гг. в контексте большевистской модернизации Юга России	95–208
2.1. Особенности реализации государственной продовольственной и налоговой политики и их влияние на сельское хозяйство региона	95–138
2.2. Земельные отношения в рамках аграрных реформ и «мягкого расказачивания»	138–174
2.3. Индивидуальные казачье-крестьянские хозяйства Кубани и Дона: восстановление и перспективы развития в 1920-х гг.	174–209
3. Трансформации социальной структуры и социально-культурная сфера станиц Кубани и Дона в 1920-е гг.	210–298
3.1. Основные социально-стратификационные процессы на Кубани и Дону в 1920-е гг.	210–254
3.2. Изменения в социокультурном облике станицы и крестьянско-казачьей повседневности Юга России под влиянием политики РКП(б) –ВКП(б)	254–298
4. Формирование системы партийно-советских органов в сельских районах Кубани и Дона в 1920-е гг.	299–387
4.1. Организационно-кадровый потенциал местных структур РКП(б) –ВКП(б) и их роль в трансформации казачье-крестьянского социума	299–342

4.2. Советы рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов как органы государственной власти и управления	343–387
5. Сопротивление казаков и крестьян Кубани и Дона процессам большевизации	388–467
5.1. Особенности большевизации Кубани и Дона в начале 1920-х гг.	388–423
5.2. Вооруженный протест казачества и крестьянства (1920-1923 гг.) как фактор регулирования экономической политики и перехода к нэпу на Кубани и Дону	424–467
Заключение	468–483
Список источников и литературы	484–571
Приложения	572–580

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Политика большевиков периода 1921–1929 гг. получившая название «новой экономической политики» (в дальнейшем - нэп), стала определяющим фактором переходного периода в кризисной ситуации, охватившей страну в начале 1920-х гг. Усиливающийся социально-экономический, политический и социокультурный кризис заставлял правящую партию РКП(б) существенно изменять стратегию социалистической реконструкции российского общества. Определяющим фактором содержания проводимых реформ стала потребность восстановления и развития аграрного сектора экономики, формирования новых форм взаимоотношений власти и общества.

У молодой советской власти было не много опыта общения с крестьянством не как с массой или единым классом-сословием (по К. Марксу), а как с разными разнонаправленными социальными группами. Не было у нее на первых порах и твердой опоры внутри сельских товаропроизводителей. Советская интеллигенция, которая позже стала проводником политики партии и правительства, в том числе и в крестьянской среде, как заметная социальная группа еще только зарождалась. Отсутствие к началу 1920-х гг. публичных политических оппонентов тоже не могло помочь большевикам глубже понять чаяния и настроения крестьянства. События Гражданской войны показали, что инструменты военно-политического давления не принесли большого успеха ни белым, ни красным. В партии и правительстве шли активные поиски новых форм диалога с крестьянством, но оперативно найти его более приемлемые формы, даже с теми группами крестьян, которые поддерживали советскую власть, долго не удавалось. Внутрипартийная оппозиция, существовавшая в 1920-х гг., тоже демонстрировала неспособность участвовать в формировании единой платформы по отношению к крестьянам.

Российская деревня в первой четверти XX столетия пережила несколько этапов реформирования, направленных на эволюционное развитие крестьян-

ского хозяйства. Период Великой Российской революции и первые попытки социалистических преобразований в годы Гражданской войны отчасти прервали, но не остановили этот процесс. В последующем, аграрная реформа в РСФСР–СССР сочетала себе традиции старого и нового. Традиционные для российской империи натуральное хозяйство и патриархальный уклад, соседствующий с общинными формами землевладения и землепользования, и развивавшимся фермерскими хозяйствами, пополнился социалистическим сектором в форме еще двух укладов советских (государственных) и коллективных хозяйств. Начало политики сплошной коллективизации на несколько десятилетий завершило этап эволюционного пути развития российской деревни. Отличительной чертой социалистического реформирования было доминирование идеологических аспектов в модернизационном процессе, в том числе и в сельском хозяйстве.

Экономические и политические реформы периода нэпа предоставляли возможность выбора методов хозяйствования. Земельная политика большевиков, основанная на классовых принципах, вызвала социальную дифференциацию российской деревни и рост числа середняцких хозяйств, но существовала юридически не определенная проблема–право собственности на землю. Идея частной собственности на землю не привлекала коммунистов. Получив доступ к власти, они много делали для развития, как им казалось, сознательности крестьян. Без учета вклада большевиков в изменение социокультурного облика российской деревни не будут достаточно понятны и результаты социально-экономических преобразований, особенности русского варианта ускоренной модернизации жизни сельского населения в годы нэпа. Последствия внутренней политики большевиков посредством активной работы по ликвидации безграмотности, политико-просветительской работы, активного привлечения молодежи и женщин к общественно-политической деятельности немало способствовали формированию новой социальной базы в деревне. Одновременно государственная власть активно стала формировать органы местного управления - Советы, которые сосуществовали с традици-

онными формами крестьянского самоуправления. Активная политическая позиция крестьянства на выборах в Советы создавала возможность отстаивать их интересы в органах власти. Однако нэп не создал условий для формирования крестьянской партии, чему после фактического запрета партии эсеров, активно сопротивлялись большевики. Весь период 1920-х гг. проходил в противостоянии старого и нового.

Протяженность и противоречивость переходных периодов в истории России стало поводом для её отнесения к так называемым транзитным обществам¹. 1920-е гг. особенно противоречивы в тех регионах, которые становились аренами Гражданской войны. Это тоже часть одного из переходных периодов в истории России, когда развивались новые формы народоправства и народовластия. Диктатура пролетариата, предложенная и установленная большевиками, была одной из них. В совокупности взаимодействия и развитых, и зачаточных форм саморегуляции повседневной жизни, традиционные и вновь формировавшиеся, ускоряли модернизационные процессы в России.

Рыночные реформы 1990-х гг. фактически стали возвращением к модернизационным процессам в российской деревне 1920-х гг., которые так и не завершились естественным для капитализма развитием аграрного сектора экономики и института частной собственности на землю. В 1920-е годы задачи, которые стояли перед государством по преобразованию крестьянских хозяйств, нуждавшемся в высокотоварном сельском хозяйстве, были реализованы лишь частично, посредством политического компромисса между правящей партией и основной массой населения - крестьянством и другими примыкавшими к нему социальными группами.

Российская Федерация конца XX в. - начала XXI в. опять оказалась вовлечена в длительный переходный период развития института частной собственности, в том числе, на землю. Актуальность данной темы диктуется

¹ Переход от феодализма к капитализму в России: Материалы Всесоюз. дискуссии / редкол.: В.И. Шунков (отв. ред.) и др. М., 1969; Ахиезер, А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т. 1. От прошлого к будущему. Новосибирск, 1998. Т. 1.

необходимостью изучения особенностей перехода в нашей стране от традиционного к обществу господства частной собственности, частной инициативы.

Тема данного исследования актуальна в теоретико-методологическом, конкретно-историческом и конкретном плане.

В теоретико-методологическом - это разработка нового понимания нэпа как закономерного эволюционного периода в развитии взаимоотношений государства с крестьянством в стране с многоукладной экономикой.

Конкретно-историческая актуальность темы обусловлена необходимостью создания системной картины региональных процессов, происходивших в сельскохозяйственном производстве Кубани и Дона в годы нэпа.

Практическая актуальность темы исследования состоит в связи с современными преобразованиями российской деревни, которые имеют тенденцию скатываться в архаику.

Хронологические рамки исследования охватывают период с марта 1921 г. по ноябрь 1929 г. Они связаны со временем проведения нэпа органами партийно-государственной власти РСФСР–СССР. Нарастание народного особенно крестьянского, противостояния внутренней политике большевиков в начале 1920-х гг. требовала кардинального изменения продовольственной политики как одной из главных составляющих политики «военного коммунизма». Создание рабочих групп и комиссий по выработке новой внутренней политики стала приоритетным для большевиков и их лидера В.И. Ленина, который признавал необходимость изменения политики в отношении крестьянства¹. Именно Ленин на начальной стадии реформ в выступлениях на X и XI съездах РКП(б), X партийной конференции, III и IV конгрессах Коминтерна, IX Всероссийском съезде Советов рабочих и солдат-

¹ Ленин В.И. Предварительный, черновой набросок тезисов насчёт крестьян. 8 февраля 1921 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1977. Т. 42. С. 333; Ленин В.И. Доклад о продовольственном налоге на собрании секретарей от ответственных представителей ячеек РКП(б) г. Москвы и Московской губернии 9 апреля 1921 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1977. Т. 42. С. 147.

ских депутатов и в последующих статьях обосновывал содержание нэпа¹. Разрабатывая основы нэпа, В.И. Ленин подчёркивал, что он не отвергает единого государственного хозяйственного плана, а лишь меняет подход к его осуществлению². Это означало частичный отказ РКП(б), СНК от жесткого государственного регулирования, признание возможности применения традиционных рыночных методов и необходимости формирования нового уровня взаимоотношений власти и общества³. Крестьянско-казачья масса Советской России становилась объектом активного политического и экономического воздействия со стороны правящей партии, которая была вынуждена весь период 1920-х гг. искать компромисс с ней для достижения поставленной цели. Открытое военно-политическое противоборство начала 1920-х гг. переросло в латентное противостояние со стороны сельского населения, которое в меру возможностей отстаивало свои интересы в земельном, продовольственном и политическом вопросах. Но при этом большевики в «диалоге» с аграрным населением исходили из военного и экономического доминирования. В условиях мирного времени они вынуждены были чаще применять тактику политического лавирования. Особенно ярко она себя проявила в период 1924-1926 гг.

Началом нового этапа взаимоотношений власти и крестьянской массы России стали решения X съезда РКП(б) (март 1921). Крайней датой, завершившей эпоху рыночных преобразований, можно считать статью И.В. Сталина «Год великого перелома» (ноябрь 1929 г.). И та, и другая дата опреде-

¹ Ленин В.И. О значении золота теперь и после полной победы социализма // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1977. Т. 44. С. 221; Ленин В.И. X Всероссийская конференция РКП(б) 26-28 мая 1921. Доклад о продовольственном налоге 26 мая // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1977. Т. 44. С. 312–313.

* Рассмотрев значимые вопросы экономики переходного периода, В.И. Ленин отметил особенности российской экономики, общественных отношений, социальной структуры общества и предложил новые методы её реконструкции. Они предполагали более активное использование рыночных отношений и капиталистических методов хозяйствования в новых политических условиях.

² Ленин В.И. Г.М. Кржижановскому // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1977. Т. 54. С. 101.

³ О замене развёрстки натуральным налогом. Резолюция X съезда РКП(б) 14 марта 1921 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1986. 9-е изд., доп. и испр. М., 1983. Т. 2. С. 370–371.

ляются приматом политических решений в модернизационных процессах нашей страны того времени.

Свертывание нэпа и ликвидация рыночной самостоятельности крестьянства означали завершение эпохи использования процессов капиталистической модернизации в истории страны и незавершённых возможностей нэпа. Вместе с тем период от Октябрьской революции до коллективизации, включая не только годы нэпа, но и военного коммунизма для крестьянской общины оказался периодом внутреннего органического развития. Как подчеркивал В.П. Данилов, функционирование крестьянской общины того времени не имело другого назначения, кроме удовлетворения нужд общинников¹. Высказывается точка зрения, что большинство крестьян в 1920-х гг. связывало возможности хозяйствования на земле с сохранением общины². Возникает сомнение можно ли всерьез говорить об общине как доминирующей формы организации жизни сельского населения 1920-х гг. Ведь тогда органическое развитие общины проявлялось бы через ее влияние на архаизацию жизни советской деревни первых лет её существования и коллективизация считалась бы как шагом вперед в продолжении модернизационного преобразования деревни.

Территориальные рамки исследования. Рассматриваемый период является временем активных реформ Советской России: первый – 1918-1922 гг. и второй – 1923-1929 гг.³ Исследование охватывает ключевые южнороссийские регионы: Кубань и Дон. Они из тех ведущих регионов по производству сельскохозяйственной продукции, где сельское население доминировало. Следует отметить, что с момента прихода большевиков к власти мы видим активную политику по нивелировке сословных различий внутри трудового крестьянства. Поэтому с первых лет советской власти обобщающий термин

¹ Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: в 2 ч. М., 2011. Ч. 2. С. 93.

² Кознова И.Е. Сталинская эпоха в памяти крестьянства России. М., 2016. С. 69.

³ Круглов В.Н. Административно-территориальное деление и экономическое районирование СССР: замыслы и реализации (1918 - первая половина 1960-х годов) // Мир глазами историка: памяти академика Юрия Александровича Полякова. М., 2014. С. 114.

«крестьянство» применялось ко всему сельскому населению страны. Позже разграничение власть провела по признаку политической лояльности, зажиточности и использования, часто весьма условного, наемного труда.

Регионы Юга России в 1920-х гг. неоднократно подвергались административному реформированию. Они ставили задачу не только совершенствования управления и систематизации народонаселения, но и осуществлялись попытки «растворения» казачьего населения. Так в процессе борьбы с белым движением решением руководства страны часть территории Донской области была передана Украинской ССР и в Царицынской губернии. После завершения активной фазы Гражданской войны на Дону в 1920 г. была начата административно-территориальная реформа, которая завершилась созданием Донской области с административным центром в Ростове-на-Дону.

Затем тогда же, в 1920 г. для организационного и политического руководства регионом была образована административная единица: Юго-Восток России. В него вошли Донская, Кубанская и Терская области, Ставропольская губерния и автономные республики Северного Кавказа. В Донскую область были включены Ростовский, Сальский, Черкасский, 1-й Донской, Верхне-Донской, Донецкий, Усть-Медведицкий, Хоперский, 2-й Донской округа, а с 1921 г. - Морозовский округ. С целью дальнейшего «растворения» казачьей массы в апреле 1921 г. в состав Царицынской губернии были переданы три округа: 2-й Донской, Усть-Медведицкий и Хоперский.

В июле 1924 г. области как административные единицы были упразднены. Вместо них создавался Юго-Восточный край. Осенью (октябрь) 1924 г. произошла смена наименования на Северо-Кавказский край, который просуществовал до 10 января 1934 г., ему передали Таганрогский и Шахтинский округа, входившие до этого в состав Украинской ССР. Летом 1924 г. в составе области (края) были образованы округа¹, которые непосредственно подчинялись краю. В итоге районирования территорию Донской области разделили на 4 округа: Ростовский (переименованный затем в Донской округ), Саль-

¹ Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-890. Оп. 1. Д. 6. Л. 134.

ский, Морозовский и Донецкий. В июне 1925 г. Морозовский округ упразднили с последующим вхождением в состав Шахтинского округа.

В 1920 г. в РСФСР была создана Кубано-Черноморская область, объединившая Кубанскую область и Черноморскую губернию площадью 105,5 тыс. км². По итогам административной реформы в феврале 1924 г. Кубано-Черноморская и Донская области вошли в состав Юго-Восточной области. Кубано-Черноморская область прекратила существование, на ее основе были образованы Армавирский, Кубанский, Майкопский и Черноморский округа.

Фокусом данного исследования являются процессы, протекавшие на территории Кубано-Черноморской области (позже – перечисленных округов). Они имели общие тенденции с теми процессами, которые наблюдались в донском регионе. Но были и отличия. Обращение автора к материалам по донским землям связаны прежде всего с характером источников по развитию сельскохозяйственного производства, общественно-политических процессов и этнических факторов, и социокультурных интеграций. Обобщающие данные, о чем речь пойдет ниже, в 1920-е гг. соединяли вместе данные по Кубани и Дону.

Объект исследования - российская доколхозная деревня Кубани и Дона в период нэпа 1921–1929 гг.

Предмет исследования - выявление региональных закономерностей и форм взаимодействия власти и крестьянства в экономической сфере и их влияния на этническую и социальную стратификацию, политическую систему на Юге России в 1920-х гг.

Цель исследования - выявить региональные закономерности взаимодействий органов власти и крестьянства в экономической сфере, этнической и социальной стратификации, политической системе периода нэпа (1921-1929 гг.) на материалах Кубани и Дона.

Для достижения цели исследования ставятся следующие **задачи**:

1) выявить различные модели взаимоотношения власти и крестьянства России в условиях нэпа, созданные предшествующим опытом исследования

данной проблематики в отечественной и зарубежной исследовательской литературе; обосновать теоретико-методологические принципы построения системной многомерной динамической модели форм взаимоотношений власти и сельскохозяйственного населения Юга России;

2) установить сущность земельного вопроса на Кубани и Дону, проявившуюся в результативности продовольственной и налоговой политики правительства и особенностях целей землеустройства сельской местности Юга России как средства модернизации аграрного сектора экономики в годы нэпа;

3) определить направленность этносоциальных и социально-стратификационных процессов в южнороссийском регионе 1920-х гг., связанных с социально-экономическим, политическим и социокультурным преобразованием сельскохозяйственного населения;

4) раскрыть изменения статуса первичных организаций РКП(б)-ВКП(б) во взаимоотношениях с сельским населением, выявить закономерности и особенности формирования и функционирования сельских Советов на Кубани и Дону в 1920-х гг.;

5) установить идейную направленность, политические формы самоорганизации и методы протестных выступлений кубанских и донских хлеборобов в 1920-х гг. при защите их прав на хозяйственную самостоятельность и показать использование низовыми партийными и советскими структурами привычных и новых форм взаимодействия с местным населением региона при реализации налоговой и землеустроительной политики;

6) создать авторскую модель форм взаимоотношения власти и сельского населения Кубани и Дона в период поисков выхода из глубокого системного кризиса начала XX в.

Научная новизна исследования.

Впервые в российской историографии комплексное исследование экономических, социальных и политических взаимоотношений власти и крестьянства Кубани и Дона показано через эволюцию форм взаимоотношений

власти и крестьянства в системе нэпа. Доказано, что при всей многочисленности историографии нэпа формы взаимоотношений власти и крестьянства в них на разных этапах показаны как доминирование каких-то одних типов взаимодействий: либо внешних по отношению к крестьянству, либо репрессивных, либо негативного ответа крестьянства на мероприятия правительства.

Введены в научный оборот материалы региональных и местных локальных архивных фондов, характеризующие формы взаимоотношения власти и сельского населения. Благодаря этим материалам получена развернутая характеристика действий региональных и низовых партийных и советских структур.

Доказаны особенности влияния налоговой политики, этносоциальных и социально-стратификационных процессов на развитие земельных отношений как средств модернизации сельского хозяйства Юга России; показано, что компоненты социокультурной эволюции, культурной и образовательной политики на Юге России становились средством повышения производительности труда и социальной значимости сельского хозяйственного сектора экономики страны.

Установлена связь трудовых и политических форм самоорганизации сельского населения с формами взаимодействия государства и сельского населения в период модернизационных процессов в сельской местности 1920-х гг.

Дана системная характеристика формирования и функционирования низовых партийных и советских организаций на Кубани и Дону в 1920-х гг., показано преобладание форм саморегуляции в жизни местного населения при создании низовых советских органов и постепенное усиление в течении 1920-х гг. контроля партийных структур над ними.

Доказано, что отношение сельского населения к действиям властных структур проявлялось в разных формах от индивидуальных и коллективных писем, жалоб, обращений до групповых и достаточно массовых выступле-

ний. Выявлено соотношение разных форм активности сельского населения Юга России в 1920-х гг.

Предложены теоретико-методологические принципы построения динамической модели форм взаимоотношений власти и крестьянства. Они заключаются в учёте наличия механизмов регуляции и саморегуляции как во властных структурах, так в среде крестьянства и в параллельности процессов влияния друг на друга как действий власти, так и ответных шагов сельского населения.

Создана динамическая многомерная модель эволюции форм взаимоотношений власти и сельского населения на Юге России. В ней показано, что в процессе нейтрализации индивидуальной хозяйственной самостоятельности сельского товаропроизводителя государство использует разные методы воздействия: насилие, пропаганду, кооперацию (сотрудничество), диалог, агитацию, компромисс для поиска более оптимальных форм взаимодействия в решении, в первую очередь, продовольственного вопроса и проблемы формирования социальной базы ускоренной модернизации сельского хозяйства.

Положения, выносимые на защиту.

1. В историографии, посвященной нэпу как отечественной, так и зарубежной, формы взаимоотношений власти и сельского населения Юга России прописаны частично, потому что возможности научного исследования и состояние источниковой базы не позволяли вплоть до последнего времени применять системный анализ как набор конкретных методологических шагов. Данное исследование предлагает для реализации возможностей системного анализа использовать принципы построения динамических многомерных моделей, учитывающих взаимовлияние власти и населения в процессе их компромисса, конфронтации или сотрудничества (кооперации).

2. То, что принято называть нэпом по исследуемому комплексу документов представляется разрозненными шагами, вызванными текущими политическими и экономическими проблемами 1920-х гг., причем не только внутренними, но и внешними. Политика правительства в аграрном секторе Юга

России строилась методом проб и ошибок. Успехи нэпа в восстановлении довоенных показателей индивидуальных казачье-крестьянских хозяйств до середины 1920-х гг. были обусловлены совпадением интересов власти и сельского населения. Новая концепция продовольственной и земельной политики сочетала в себе условия, удовлетворявшие потребностям хлеборобов и опиравшиеся на представления большинства сельского населения о справедливом землепользовании. Политика налогового протекционизма большевиков по отношению к беднейшей части хлеборобов, содержание землеустроительных работ по ограничению прав зажиточных слоёв, привели к размыванию сословных противоречий при одновременном росте социально-классового противостояния в станицах Кубани и Дона, что не могло не оказать отрицательного влияния на весь ход реформ. В конечном итоге это стало одной из причин неуспеха нэпа, так как основной агент модернизации - зажиточный крестьянин (казак), лишенный «политической легитимности» не имел возможности защищать свои экономические интересы и расширять своё хозяйство. Налоговая политика большевиков подрывала и в известной мере развращала производителя, создавая ему (союзнику - части середняцких и бедняцких хозяйств) благоприятные условия.

Приоритетным вопросом с момента установления советской власти в южнороссийской станице оставался земельный, как определяющая база, которая формирует принципы взаимоотношений между сельским обществом и государством. Традиционная форма землепользования сложилась на Юге России в дооктябрьский период и была основой казачьего самоуправления и экономической самостоятельности устойчивых казачьих хозяйств. Новый подход к земельному вопросу, отраженный в декретах советской власти, в последующем обоснованный в Земельном кодексе (1922 г.), способствовал утрате устоявшихся форм землепользования, реализуемых на классовых принципах.

Политика РКП(б)-ВКП(б) в вопросах землеустроительных работ (уравнительное землепользование) провоцировала рост противостояния в стани-

цах Юга России и ставила под угрозу эволюционное развитие индивидуального казачье-крестьянского хозяйства. Традиции общинного землепользования, казачьего самоуправления и личная свобода доминировали в общественном пространстве южнороссийской станицы и противоречили политическим и идеологическим концепциям большевиков, что неминуемо вело к конфликту. Политика большевиков в вопросах землепользования сочетала как полувоенные (административные) методы, так и легитимные (правовые) и на очередном витке противостояния использовалась как средство компромисса, так как от его разрешения зависел продовольственный вопрос.

Проводимая большевиками земельная и налоговая политика привела к росту числа середняцких хозяйств, чей хозяйственный уровень позволял быть самостоятельной хозяйственной единицей, но не способной к товарному росту. Весь период нэпа вопрос формирования новых социалистических форм хозяйствования оставался востребованным как один из важнейших элементов не только восстановления, но и развития сельского хозяйства нашей страны, в том числе и Юга России. Неразрешимость этих противоречий во многом предопределила историческую перспективу нэпа.

3. Формируя себе социально-политическую опору в станице большевики поддерживали иногородних в уравнительном перераспределении земли. Реализуя земельную политику в станицах Юга России большевики вместо традиционного противостояния «казачество - иногородние» сформировали иную официальную имущественную стратификацию - «бедняк - середняк - кулак». Одновременно, как социальная опора, формирующейся низовой партийно-советской системы, важное положение стал занимать сельскохозяйственный рабочий - батрак. И по мере реализации классовых принципов в аграрном секторе экономики актуальность разделения по линиям «хозяин - батрак», «кулак - наемный рабочий», неуклонно росла. При сохранении в сознании кубанского и донского казачества его особом статусе, большевики продолжали стимулировать принципы имущественного расслоения. Одновременно формируется новый полюс противостояния, основанный на принципах поли-

тической благонадежности, т.е. поддержки проводимой политики партии или же не восприятие советской власти и большевиков. Он складывался на основе принципов «свой» - «чужой», при том что социальная база этих полюсов формировалась в отличии от традиционных за счет переселенцев и мобилизованных партийных кадров.

На различных этапах реформ 1920-х гг. актуальность отношений внутри указанных социальных страт могла возрастать или сходить на нет в зависимости от содержания проводимых реформ. Для правящей партии приоритетной оставалась «бедняк - середняк - кулак», в основе которой были имущественные критерии. Процесс осереднячивания привел к стиранию сословных противоречий и одновременно к росту имущественного неравенства в сельской среде Юга России. Социально-экономические трансформации в южно-российской станице вызвали рост социального противостояния с одновременным сглаживанием сословных противоречий, которые стали носить латентный характер. Но идеологическая враждебность к зажиточной части хлеборобов со стороны большевиков делала бесперспективным развитие индивидуальных крестьянско-казачьих хозяйств, что привело к переходу к насильственной коллективизации.

Модернизация советского общества в 1920-х гг. была возможна при условии создания социальной базы, способной воспринимать содержание проводимых реформ. Таким образом, это стало очередным общественным пространством южнороссийской станицы, в котором сосуществовали и противостояли друг другу традиции и новации. Культурная революция, начатая в 1920-х гг., ставила перед собой тактические и стратегические цели. Первоочередной задачей была ликвидация неграмотности и утверждение новых принципов в системе просветительской работы, формирования агрономической грамотности хлеборобов, способной вывести индивидуальное казачье-крестьянское хозяйство на новый уровень производственной деятельности. В стратегическом плане большевики формировали основы новой советской действительности, противостоящие традиционным нормам сельского сооб-

щества. Социальной опорой в реализации принципов новой школы выступили иногородняя молодежь и женщины, часть казачества, что способствовало формированию нового очага противостояния в южнороссийской станице. Особенно явно это проявилось в повседневной деятельности хлеборобов, выборах в Советы, новых советских праздниках.

4. Проблемы восстановления индивидуального казачье-крестьянского хозяйства и формирование низовых устойчивых структур партийно-советской системы как средство руководства этим процессом оставались приоритетными для РКП(б)–ВКП(б) в 1920-х гг. Весь период нэпа региональные и местные партийные, советские организации оставались основными проводниками внутренней политики правительства. Их качественный и количественный состав оставался одним из проблемных, требовал постоянно принятия организационно-правовых мер по совершенствованию их деятельности. Желание расширить социальную базу реформ приводило к необходимости вовлечения в партийное строительство казачье-крестьянской массы, формирующегося резерва, что неуклонно вело к нарастанию кризисных явлений в самой партии, в первую очередь в вопросе уровня качества кадрового её состава. Это провоцировало проведение всевозможных чисток в партии. Формирующаяся однопартийная административно-командная система управления сводилась к неукоснительному исполнению директив центральных партийных органов, проведению многочисленным мобилизационных кампаний. Нэп стал демонстрировать в рамках своих экономических преобразований утверждение за РКП(б)-ВКП(б) ведущей роли в системе формирующихся властных отношений на различных уровнях. Такое положение стало возможным вследствие отсутствия политического плюрализма и окончательной победы сторонников Сталина. Это привело к закреплению за РКП(б)-ВКП(б) всевластия в советском обществе, в том числе на селе, при одновременно установлении контроля за порядком формирования Советом, а в последующем их фактического слияния их функций с функциями парторганизаций. Одновременно вырабатываются новые методы воздействия пер-

вичных партийных организаций на сельское население на различных этапах нэпа. Периоды компромисса и установления общественного диалога характеризуются активизацией крестьянско-казачьих масс в работе первичных партийных и советских структур (1924-1926 гг.). Большинство партийные организации оставались закрытыми и не доступными для крестьян, в особенности казаков Юга России. 1920-е гг. стали времен организационно-политической эволюции РКП(б)–ВКП(б), когда сформировалась иерархическая, многоступенчатая партийная структура, контролировавшая общество. В её основе была первичная партийная организация.

Весь период 1920-х гг. южнороссийская станица оставалась ареной противостояния общинных форм самоуправления с советскими структурами, которые стали основой местной власти. Это противостояние наиболее ярко проявлялось в ходе выборов в станичные Советы. Низовые Советы 1920-х гг. пытались быть демократическими по форме и содержанию своей деятельности, оставались замкнутой системой, подчиненной правившей партии, что не соответствовало интересам казачье-крестьянской массы. Сельские Советы оказались слишком политизированы, чтобы руководствоваться требованиями рыночной экономики. Политика лишения конституционных прав зажиточной части хлеборобов, установление административных барьеров в ходе голосования, многоступенчатость (для сельского населения) выборов демонстрировали существующее неравенство в советском обществе и не доверие к казачье-крестьянскому сообществу со стороны РКП(б)–ВКП(б).

5. Проблемы классового противостояния и процесс советизации на Юге России обозначились с весны - лета 1920 г., когда были предприняты попытки реализации политики «военного коммунизма» и создания ревкомов. Продо-вольственное положение в стране не позволило большевикам отступить от реквизиционной политики, но они отказались от ревкомов, которые вызвали отчуждение у местного населения. Наличие остаточных явлений «военного коммунизма» в административно-распределительных структурах советско-партийной системы стало причиной зарождения нового витка военно-

политического противостояния. Оно усугублялось кадровой политикой большевиков, которые целенаправленно формировали новые органы местного самоуправления под своим контролем. Нарастание противостояния на Юге России было обусловлено не только продовольственной политикой большевиков, но и не восприятием большевиками местных форм самоуправления и хозяйственной деятельности, что во многом предопределило содержание упорного противостояния казачества и власти в 1920-1923 гг. «Малая гражданская война» послужила грозным предупреждением большевикам о необходимости коренного изменения политики в отношениях с крестьянством.

Мнение большевиков о том, что рост бело-зеленого движения является происками бывших белогвардейцев и иностранных спецслужб, было идеологическим обоснованием собственных мер по «усмирению» региона. Противостояние между коммунистами и казачье-крестьянской массой Кубани, и Дона формировалось из-за взаимного неприятия продовольственной политики, активного применения РКП(б) методов политики «военного коммунизма» в решении политических и хозяйственных вопросов, отрицания самобытности региональных форм самоорганизации и самоуправления. Отсутствие широкой социальной базы реформ (как одно из определяющих условий модернизационных преобразований) при наличии государственных ограничений способствовали свертыванию нэпа.

6. Власть в лице партии и Советов, трансформировавшись в 1920-х гг. в единую государственную систему управления осуществляла свою деятельность основываясь на различных методах управления: от военно-политических (доминирование, принуждения) до политического диалога (компромисс) и политического доминирования (подчинение). На различных этапах до нэповского и нэповского периода в истории страны присутствовали различные методы властного воздействия на сельское население в зависимости от расстановки сил и поставленных целей. На начальном этапе - принуждение, в период политики «Лицом к деревне» - компромисс, завершаю-

щий этап, свертывание нэпа - подчинение. Сельское общество, оставаясь замкнутой, консервативной частью общества стремилось сохранить свои традиции, но при этом на каждом этапе взаимодействия с государством в 1920-е гг. использовало свои методы, а именно противостояние – компромисс - молчаливое согласие. Нэп продемонстрировал, что воздействие на сельское население через различные формы государственной политики имели успех при совпадении целей правящей партии и основной крестьянско-казачьей массы. Поиск этих форм и эволюция существующих, стали объектом политики партии, через которые были реализованы экономические, политические и социальные концепции РКП(б) в 1920-е гг.

Формирование многомерной динамичной модели взаимодействия власти и сельского населения Юга России шло через политические и экономические институты, порожденные предыдущей общественно-политической практикой и нэпом. Содержание модели–государству пришлось взять на себя роль стабилизирующего компонента в системе сельскохозяйственного производства. Обострение социальных отношений в сельской местности, как следствие проводимых земельных реформ, процесса советизации, налоговой политики, явно выраженной поддержки бедняцких слоев со стороны РКП(б) не способствовали решению главной задачи - стабильного обеспечения населения продовольствием и объёмов экспорта зерна. Индивидуальное крестьянско-казачье хозяйство в 1920-х гг. не продемонстрировало способности к экономическому росту, ориентируясь в основном на самопотребление.

Повторяющиеся кризисы нэпа свидетельствовали о нестабильности в обществе и отсутствии выработанной концепции развития. Большевики, используя различные формы взаимодействия с крестьянством и казачеством продолжали весь период нэпа сочетать в своей работе методы компромисса с административно-командными. Решение о вытеснении и последующей ликвидации кулачества означало победу административно-командных принципов во взаимоотношениях власти с крестьянским социумом. Государство со своими ресурсами становится гарантом развития крестьянско-казачьих хо-

зяйств, но на условиях их обязательной коллективизации, способной обеспечить продовольственные интересы страны.

Теоретическая значимость исследования. Диссертация вносит вклад в исследование типологии и форм взаимоотношений партийно-государственной власти с крестьянством, направлений и методов советской аграрной политики, её институтов и практик. Исследование совершенствует понятийный аппарат анализа новой экономической политики в контексте долговременных тенденций развития российской общества.

Практическая значимость исследования. Материалы диссертационного исследования использовались в ходе учебных занятий по курсам «История» и «История Кубани» и написании учебно-методических пособий по направлению «История» в ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», а также при реализации проектов Российского общества «Знание». Следует отметить, что опыт реформирования советского общества, изложенный в диссертации, можно использовать в рамках проводимых преобразований современной России, в особенности в плане совершенствования местного самоуправления, концепции государственной поддержки личных подсобных и фермерских хозяйств. Материалы исследования могут быть использованы в курсе лекций по истории России XX века и региональной истории.

Соответствие паспорту научной специальности. Диссертация соответствует паспорту научной специальности 07.00.02 – Отечественная история, в т.ч. областям исследований: 3. Социально-экономическая политика Российского государства и ее реализация на различных этапах его развития; 4. История взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов России и её регионов; 7. История развития различных социальных групп России, их политической жизни и хозяйственной деятельности; 15. Исторический опыт российских реформ; 19. История развития российского города и деревни; 21. История экономического развития России, ее регионов.

Апробация работы. По теме диссертации опубликованы 56 работ общим объёмом 51,3 печатных листов, среди которых - 2 монографии и 20 научных статей в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора наук. Три научных статьи опубликованы в журналах, входящих в международные базы цитирования. Также опубликованы 19 статей в сборниках материалов международных и всероссийских научных конференций: международной научно-практической конференции «Великая Отечественная война в контексте истории XX века» (г. Сочи, 2005 г.); Всероссийской конференции «XV Адлерские чтения. Проблемы становления правового государства и гражданского общества в России» (г. Сочи, 2009 г.); международной научно-практической конференции «XVI Адлерские чтения Личность. Общество. Государство» (г. Сочи, 2009 г.); Всероссийской научно-практической конференции «100-летие курорта Сочи: историко-культурные и природно-географические аспекты» (г. Сочи, 2009 г.); VI Международной научной конференции «Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР» (г. Краснодар, 2010 г.); международной научно-практической конференции «Адлерские чтения. Проблемы национальной безопасности России в XX-XXI вв.: уроки истории и вызовы современности» (г. Сочи, 2010 г.); Всероссийской научно-практической конференции «Личность. Общество. Государство. Проблемы развития и взаимодействия» (г. Сочи, 2010 г.); Международной научно-практической конференции «Проблемы обеспечения экономической безопасности и качественной социохозяйственной динамики: экономико-правовые аспекты» (ОАЭ, г. Дубай, 2013 г.); Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Личность. Общество. Государство. Проблемы развития и взаимодействия» (г. Сочи, 2016 г.); Международной научно-практической конференции «Современные проблемы развития образования, обучения и воспитания в России и за рубежом» (г. Москва, 2019 г.); всероссийской научной конференции «Казачество в конце

XIX - начале XXI в.: рассказывание и социокультурные трансформации» (г. Ростов-на-Дону, 2019 г.), Международной научно-практической конференции «Причерноморье в контексте российской цивилизации: история, политика, культура» (г. Севастополь, 2019); I Всероссийской с международным участием научной конференции «Актуальные проблемы региональной истории: взаимоотношения центра и регионов в исторической динамике» (г. Ижевск, 2019); Международной научно-практической конференции «VIII Столыпинские чтения. Фундаментальные и прикладные исследования интеграционных и дезинтеграционных процессов в политической, экономической и социокультурной сферах» (г. Краснодар, 2019); Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Личность. Общество. Государство: проблемы развития и взаимодействия» (г. Сочи, 2019 г.), X Международной научно-практической конференции «Кубанские исторические чтения» (г. Краснодар, 2019); XI Всероссийской научной конференции с международным участием «Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России» (г. Санкт-Петербург, 2020); XI Международной научно-практической конференции «Кубанские исторические чтения» (г. Краснодар, 2020 г.); Международной научно-практической конференции «Причерноморье в контексте обеспечения национальной безопасности России: к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне» (г. Туапсе, 2020 г.).

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры истории России ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет».

Структура работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав, включающих двенадцать параграфов, заключения, списка источников и литературы, приложений, содержащих таблицы и фрагменты архивных документов. Исследование сочетает проблемно-логический и хронологический принципы построения, реализуя принцип научного познания «от общего - к частному».

1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ВЛАСТИ С КРЕСТЬЯНСТВОМ И КАЗАЧЕСТВОМ РОССИИ В 1920-е гг.

1.1. Периодизация и содержание историографии взаимоотношений власти и крестьянства России в условиях новой экономической политики 1920-х гг.

Необходимым условием полноценного научного исследования является всесторонний анализ комплекса работ предшествующего периода, посвященных рассматриваемой исторической проблеме. Осуществленный нами анализ процессов трансформации аграрной политики в контексте взаимоотношений власти и общества и развития южно-российских станиц Кубани и Дона в годы нэпа опирается на обширный массив научных публикаций, посвященных как общероссийским, так и региональным темам. Предложив периодизацию, считаем необходимым объяснить критерии, которые легли в её основу. Первый - это степень влияния коммунистической идеологии на исследовательскую практику; второй - наличие методологии, скорректированной текущей политической повесткой; третий - степень и качество источниковедческой базы; четвертый - уровень и качество осмысления форм и методов взаимоотношений власти и сельского населения и их влияние на модернизацию аграрного сектора экономики в переходный период 1920-х гг.

Осмысливая историографии проблемы, целесообразно выделить её основные этапы:

1. Этап 1920-х гг., представляющий собой время накопления первичного материала и оценки основных положений нэпа и последующего перехода к социалистической реконструкции народного хозяйства, осмысления социально-экономических и политических аспектов развития страны, осуществлявшегося разработчиками и проводниками партийно-государственной поли-

тики, их системными оппонентами, а также участниками и свидетелями событий.

2. 1930-е - первая половина 1950-х гг. - этап, которому присущ слабый интерес к вопросам развития доколхозной деревни, отличающийся резким падением интенсивности исторических исследований проблем нэпа.

3. Середина 1950-х - середина 1980-х гг., этап во многом сопряжен с изменениями политики коммунистической партии, все более ориентированной на расширение экономической самостоятельности крестьянства и повышение его жизненного уровня. В этот период расширяется круг источников, доступный для исследователей, более разнообразной становится тематика исследований, которые, однако, принципиально не меняли устоявшихся политических выводов и оценок нэпа.

4. Вторая половина 1980-х гг. - по настоящее время. В свою очередь, его можно разделить на два условных периода: до 1991 г. и постсоветский период. Рассматриваемый этап исторического исследования характеризуется принципиальными изменениями научных концепций в изучении аграрной истории 1920-х гг. и вовлечением большого массива рассекреченных архивных материалов в научный оборот. Процесс научного переосмысления нэпа и модернизации доколхозной деревни привел к полному отказу от традиционных подходов советской историографии и глубокому пересмотру оценок социально-экономического, политического и социокультурного развития в том числе станиц Кубани и Дона в 1920-х гг.

Указанная периодизация историографии приемлема как для общероссийских, так и для региональных исследований. Основанием этого является наличие общих критериев оценки событий в доколхозной российской деревне и станицах Кубани и Дона.

Особый интерес при разработке научной проблемы вызывают исследования, осуществлявшиеся непосредственно в рамках эпохи нэпа. В целом, к рубежу 1920–1930-х гг. и в стране, и за ее пределами был создан массив научной и публицистической литературы, посвященной проблемам эволю-

ции деревни и модернизации советского аграрного строя¹. Большевики осознавали значение и роль крестьянства для устойчивого развития советской системы и формирования новых общественных отношений. Как справедливо подчеркивал исследователь более позднего времени, «партия считала крайне важным глубоко изучить социально-экономическую обстановку в деревне, выявить тенденции в развитии сельского хозяйства, внутренние возможности подъёма индивидуального хозяйства»².

Важнейший вклад в формирование концепции нэпа и ее практическую реализацию внес В.И. Ленин. Разрабатывая основы нэпа в аграрной стране, вождь революции подчеркивал решающее значение для победы социализма индустриальной модернизации, в том числе призванной преобразовать, перевести на новую техническую основу отсталое сельское хозяйство, долгое время, развивавшееся по «прусскому пути». Новый курс означал отказ от военно-административных методов руководства и перехода к плановому развитию экономики (ГОЭЛРО) с допуском рыночных методов регулирования, опорой на частную инициативу и традиционные формы хозяйствования. Впрочем, большевистское государство при этом должно было прочно сохранять за собой так называемые «командные высоты» в экономике.

Анализируя обширный блок работ руководителей большевистской партии и Советского государства, следует признать, что стройной концепции нэпа в них так и не было создано. Более того, в высшем политическом эшелоне власти не существовало единства во взглядах на нэп. Л.Д. Троцкий, Е.А. Преображенский и др. понимали реформы нэпа исключительно как временное отступление, обусловленное особенностями развития России и сложной международной обстановкой. Поэтому большое внимание они уделяли вопросам перехода от военного коммунизма к нэпу, анализу причин и сущно-

¹ Безусловно, прав Т. Шанин, утверждавший, что Россия начала века, а в последующем Советский Союз периода нэпа были мировыми лидерами в изучении крестьянства. См. Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире / сост. Т. Шанин. М., 1992. С. 7.

² Погудин В.И. Путь советского крестьянства к социализму. Историографический очерк. М., 1975. С. 33.

сти нэпа, пределов «отступления» от принципов бесклассового общества¹. В принципе, эта точка зрения в той или иной мере разделялась большинством коммунистов. Даже В.И. Ленин на XI съезде РКП(б), определяя границы нэпа, заявил, что временное «отступление» закончено².

Поскольку большевистские идеологи не могли дать четких и однозначных ответов на многие повседневные вопросы, экономическая политика 1920-х гг. стала полем прагматических импровизаций и экспериментов. Л.Б. Каменев во многом связывал изменение экономической политики с кризисом Советской России, в силу чего признавал, что ввиду общей экономической отсталости России строительство социализма займет немало времени. В этой связи задача нэпа, как считал Л.Б. Каменев, заключалась в том, чтобы стимулировать развитие промышленности на основе крестьянского хозяйства³. Схожих взглядов на нэп придерживались Г.Е. Зиновьев, А.И. Рыков и др.⁴

Радикально настроенные публицисты 1920-х гг., воспринимая нэп через призму роста протестного движения населения, в первую очередь крестьянского, акцентировали внимание на ограниченности нэпа. Нэп воспринимался как продолжение политики «военного коммунизма», видоизмененной в результате смены политической ситуации в стране. По их мнению, нэп был временным явлением в рамках переходного периода, от которого предстояло отказаться по достижении стратегической цели⁵. Наивысшим выражением прагматического понимания нэпа стали работы Н.И. Бухарина⁶ и Г.Я. Со-

¹ Троцкий Л.Д. Основные вопросы революции. М.; Пг., 1923. С. 377; Преображенский Е.А. Основной закон социалистического накопления // Вестник Коммунистической академии. 1924. № 8. С. 53-54.

² Ленин В.И. Политический отчет Центрального Комитета РКП(б). XI съезд РКП(б) 27 марта - 2 апреля 1922 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1977. Т. 45. С. 87.

³ Каменев Л. Положение в стране и в партии. М., 1923. С. 48.

⁴ Зиновьев Г.Е. Ленинизм и НЭП. Л., 1926; Рыков А.И. Деревня, новая экономическая политика и кооперация. М.; Л., 1926 и др.

⁵ Кактынь А. Новая экономическая политика и «ножницы» (очередные задачи экономической политики). М., 1924.

⁶ Бухарин Н.И. Избранные произведения. М., 1988. С. 79; Он же. Путь к социализму: Избранные произведения. Новосибирск, 1990. С. 91, 120-122; Он же. Атака: сборник статей. М., 1924; Рыков А.И. Избранные произведения: сборник. М., 1990.

кольникова¹. В них речь велась о динамическом равновесии секторов и укладов переходной экономики, о союзе государства и рабочего класса с крестьянством (на основе поздних работ В.И. Ленина о кооперации).

Исследования периода 1920-х гг. разноплановы, посвящены не только проблемам модернизации крестьянского хозяйства, но и общественно-политическим событиям, советизации местного самоуправления, классовой борьбе на материалах общероссийских и региональных данных.

Безусловно, доминирующей темой стало восстановление и развитие экономики страны, в том числе сельского хозяйства, индивидуального крестьянского хозяйства в рамках обеспечения продовольственной безопасности². Несмотря на преобладание в историографии 1920-х гг. трудов апологетического характера, в это время отечественными историками и экономистами подготовлено немало ценных работ. Они довольно плодотворно изучали проблемы социально-экономической эволюции села, рассматривая их не только в общем контексте политических перемен в советском обществе, но и в тесной связи с анализом наследия имперского периода³. Исследователи отдавали приоритет вопросам экономического и политического союза рабочего класса и трудового крестьянства, формированию новой налоговой и бюджетной системы, развитию торговли и кооперации и т.д.⁴ Проблемы аграрной

¹ Сокольников Г.Я. Пройденный путь и новые задачи. М., 1926. С. 32–42.

² Сарабьянов В. Основные проблемы НЭПа: план, регулирование, стихия. М.; Л., 1926; Большаков А.М. Советская деревня за 1917–1924 гг. Экономика и быт. Л., 1924; Большаков А.М. Очерки деревни СССР. 1917–1926. М., 1928; Милютин В.П. История экономического развития СССР 1917–1927 гг. М., 1928; Челищев А.Н. Динамика крестьянского хозяйства. М., 1928; Крицман Л.М. Пролетарская революция и деревня. М., 1929.

³ Вайнштейн А.Л. Тяжесть обложения крестьянского населения в довоенное и революционное время // Сельское и лесное хозяйство. 1922. № 1-2; Книпович Б.Н. Главные черты сельскохозяйственной эволюции Европейской России в 1916–1921 гг. М., 1923.

⁴ Самойлов В.А. Налоговая политика в деревне и единый сельскохозяйственный налог. Владимир, 1923; Лифшиц М.И. Налоговая политика советской власти и новый сельскохозяйственный налог. М., 1926; Тархов Д. Налоги и налоговая политика советской власти. М., 1927; Лифшиц М.И. Налоговая политика ВКП(б) и оппозиция. М.; Л., 1928.

политики и хозяйственного расслоения крестьянства особенно активно стали изучаться в середине 1920-х гг. в связи с курсом «Лицом к деревне»¹.

Значительный вклад в формирование историографии нэпа и одновременно его источниковедческой базы внесли советские и партийные деятели, выступавшие с оценкой содержания нэпа. Можно выделить исследования будущего наркома земледелия Я.А. Яковлева², которые следует отнести к числу наиболее интересных работ первого этапа научного осмысления нэпа. К примеру, интересная методика анализа крестьянских хозяйств разработана статистиками А.И. Хрящевой и П.И. Поповым³. Перспективные работы, написанные в духе защиты свободного рынка, подготовили Б.Д. Бруцкус, Л.Н. Литошенко⁴ и др.

Отмеченные тенденции, несмотря на ощутимый поворот в 1927–1928 гг., во многом по инерции сохранялись до рубежа 1920–1930-х гг. Помимо собственно социально-экономических проблем, до конца десятилетия исследователей живо интересовала тема советизации российской деревни, деятельность сельских Советов, выступающих как самостоятельные органы власти, с одной стороны, и в качестве правопреемника крестьянской общины – с другой. Выборы в Советы были зеркальным отражением отношения селян к политике, выражавшегося в активности населения, качественном составе из-

¹ Деревня при НЭПе. Кого считать кулаком, кого - тружеником. Что говорят об этом крестьяне? М., 1924; Гагарин А. Хозяйство, жизнь и настроение деревни. М.; Л., 1925; Пономарёв А.А. К характеристике расслоения северокавказской деревни. Ростов н/Д, 1925; Буров Я. Деревня на переломе. М.; Л., 1926; Большаков А.М. Деревня, 1917–1927. М., 1927; Заметки о деревне / под ред. Г.И. Окуловой. М., 1927.

² Яковлев Я.А. Деревня как она есть. 4-е изд. М.; Л., 1925, Он же. Наша деревня: Новое в старом, старое в новом. М., 1925.

³ Хрящева А.И. К вопросу о неправильных приемах исследования динамики крестьянских хозяйств. М., 1923; Хрящева А.И. Группы и классы в крестьянстве. М.: 1926, Она же. Крестьянство в первом десятилетии (1917–1927) // Экономическое обозрение. 1927. № 10; Попов П.И. Производство хлеба в РСФСР и федерирующихся с ней республиках. М., 1921; Он же. Сельское хозяйство Союза республик. М.; Л., 1924.

⁴ Бруцкус Б.Д. Экономические предпосылки возрождения сельского хозяйства // Вестник сельского хозяйства. 1922. № 6-7; он же. Экспорт хлеба // Руль. Берлин, 1923. 26 нояб.

бранных депутатов, влиянии местных партийных ячеек на итоги выборов и влиянии политики «лицом к деревне» на политическую активность крестьян¹.

На Юге России в 1920-х годах опубликован большой массив работ, посвященных жизни казачества в условиях нэпа, в рамках восстановительных мероприятий (в том числе в связи с не утихавшими протестными выступлениями 1921–1923 гг.). Как и в Советской России в целом, исследование нэпа на Юге России в этот период имело в основном апологетический и публицистический характер. Как правило, эти работы носили повествовательный характер и не отличались глубоким анализом событий, происходивших в южнороссийской станице. В этих работах мы не видим оценки уровня и качества взаимоотношений власти и сельского населения, так этот процесс был в стадии формирования.

Вместе с тем ценность данной группы исследований очевидна. В публикациях 1920-х гг. рассматривались проблемы экономического развития, вопросы эволюции крестьянско-казачьих хозяйств, осуществлялась их классификация по имущественным и производственным показателям в зависимости от наличия сельскохозяйственных орудий, размеров земельной площади, численности поголовья скота, применения наемной рабочей силы, развития арендных отношений. Эти процессы объяснялись как последствия целенаправленной политики большевиков по защите классовых интересов беднейшей части населения и ограничения зажиточных казаков². Авторы приводили

¹ Болдырев М. Новая волость. М., 1924; Волисполкомы и сельсоветы по данным обследования ЦКК РКП(б) и НК РКИ. М., 1924; Избирательная кампания по РСФСР 1923 г. М., 1924; Бауман К., Любимов И. Партия и оживление работы советов. М., 1925; Избирательная кампания в Советы РСФСР в 1924-1925 году (Предварительные итоги). М., 1925; Киселёв А.С. Вопросы укрепления и улучшения работы волисполкомов и сельсоветов. М., 1925. Вып. 1; Лаврентьев З. Оживление советов в деревне. Л., 1925; Любимов И. Оживление работы Советов и советская общественность в деревне. М., 1925; Полюдов Е. Волостной бюджет и волостное строительство в деревне. М., 1925; Чугунов С.И. Что показали последние перевыборы советов. М., 1926; Резунов М. Сельские Советы и земельные общества. М., 1928; Крестьяне о советской власти. М.; Л., 1929 и др.

² Пономарёв А.А. Расслоение современной юго-восточной деревни (по материалам подворной переписи НКЗ, 1922) // Юго-Восток. Ростов н/Д, 1923. № 4; Как живёт и чем болеет деревня (по материалам комиссии по обследованию деревни на Юго-Востоке) / под ред. Н.Л. Янчевского. М.; Ростов н/Д, 1924; Гозулов А.И. Влияние мощности хозяйства на структуру основных свойств населения. Ростов н/Д, 1925; Летавин Н.И. Нивелировка или

большое количество фактов о хозяйственной деятельности крестьян, состоянии посевных площадей, составе посевных культур, особенностях эволюции различных отраслей сельского хозяйства, промежуточных итогах и перспективах восстановления местной экономики и т.д.¹ Особый интерес в это время вызывали вопросы передела земли в пользу беднейшей части населения станиц (землеустройство). Исследователи пытались дать оценку влияния земле-

социальная маскировка // Северо-Кавказский край. Ростов н/Д, 1925. № 4-5; Лицо донской деревни (по материалам обследования ДКК и ДОНО РКИ). Ростов н/Д, 1925; Кордо Я. Эволюция крестьянского хозяйства Донокруга за 1924–1925 гг. // Северо-Кавказский край. 1926. № 1-2.

¹ Асаульченко П. К восстановлению сельского хозяйства на Кубани // Путь Советов. 1922. № 3–4; Чермак Л.К. Основные черты развития сельского хозяйства на Юго-Востоке России // Экономическое районирование Юго-Востока России. М., 1923. Вып. 1; Коновалов А. Состояние сельского хозяйства на Юго-Востоке России в 1922 и 1923 гг. // Юго-Восток. 1924. № 1-2; Левин С. Сельское хозяйство края в 1924–1925 году (по данным налогового учёта 1925 г.) // Северо-Кавказский край. Ростов н/Д, 1925. № 9; Земельный вопрос в казачьих областях и районах // Землеустроитель. 1925. № 11; Скворцов С.А. Землевладение в Кубанской области. Использование земель общинами Кубани. Краснодар, 1925; Чёрный В. Политика партии на Кубани в области землеустройства // На аграрном фронте. 1927. № 2; Повалюхин И. Итоги и очередные задачи землеустройства в крае // Северо-Кавказский край. 1927. № 11-12; Конюков И.А. О расслоении крестьянских хозяйств Кубани. Краснодар, 1928.

* Заметная активизация исследований проблем станицы в региональной литературе пришла на 1924–1927 гг. Отметим брошюры и статьи И. Гольдентула, М.И. Лолы, И.М. Клейнера и Н.Л. Янчевского, в которых дается краткая информация аграрной истории Кубани и Дона, характеризуются взаимоотношения казачества и иногородних крестьян. См.: Гольдентул И. Земельные отношения на Кубани. Краткий очерк. Ростов н/Д; Краснодар, 1924; Лола М.И. О кубанском казачестве (казачество и сословная рознь на Кубани). Ростов н/Д; Краснодар, 1926; Клейнер И.М. Действительность кубанской станицы. Краснодар, 1924; Янчевский Н.Л. Гражданская борьба на Северном Кавказе: в 2 т. Ростов н/Д, 1927; Горюнов П. О казачьем вопросе (из наблюдений и опыта работы по Ейскому району Донского округа). Новочеркасск, 1925; Донецкий М. Донское казачество (историко-публицистические очерки) / предисл. А. Микояна. Ростов н/Д, 1926.

* Статистики дореволюционной школы В.Н. Смирнский и И.А. Конюков, А.А. Пономарёв, краеведы Л.Я. Апостолов и П.И. Неволин стремились объективно оценить тип социального расслоения станицы, не придавая выводам политического характера. В их работах отмечалось благотворное влияние мер советской власти на материальное положение беднейшей части станиц как следствие землеустроительных работ. См.: Смирнский В.Н. Население и хозяйство Кубанского округа. Краснодар, 1924; Конюков И.А. О расслоении крестьянских хозяйств Кубани. Краснодар, 1928; Пономарёв А.А. Сельскохозяйственные районы Дона, Северного Кавказа, Черноморья и Дагестана. Ростов н/Д, 1924; Апостолов Л.Я. Кубано-Черноморский край: Краткий очерк его современного состояния с приложением карты. Краснодар, 1924. Черноморский округ и его производительные силы: в 2 т. / под ред. П.И. Неволлина, В.М. Четыркина. Новороссийск, 1923. Следует выделить статью С.С. Одинцова, которая отличалась попыткой системного анализа достижений Советской власти. См.: Одинцов С.С. Сельское хозяйство Северо-Кавказского края к 10-летию Октября // Известия Северо-Кавказского крайисполкома. Ростов н/Д, 1927. № 11.

устроительных работ на процессы социально-имущественного расслоения крестьянства, ослабления сословного противостояния в станицах Юга России, формирование новых отношений между сельским населением и властью.

Следует обратить внимание на немалый интерес южнороссийских исследователей к проблемам кооперации и коллективизации, но эти работы можно отнести к категории пропагандистских, так как они явно выполняли функции по агитации крестьян для перехода к коллективным формам хозяйствования¹. Южнороссийские исследователи активно обращались и к теме советизации станиц². Авторы рассматривали вопросы взаимоотношения казачества и советских структур, отмечали влияние политики «Лицом к деревне» на формирование положительного отношения казачества к Советам как органам местного самоуправления. В первую очередь, это стало возможным из-за существенного увеличения в Советах числа депутатов-казаков.

Чрезвычайно активно проблемы нэпа и перехода к социалистической реконструкции народного хозяйства изучались в 1920-е гг. и за рубежом, особенно в эмигрантской среде. В работах представителей русского зарубежья сохранились традиции российской аграрной мысли. Зарубежная историография отличалась большим идеологическим и концептуальным плюрализмом точек зрения. Альтернативные взгляды на нэповскую экономику изложены, в частности, такими видными учеными и политиками русского зарубежья, как либералы П.Н. Милюков³ и С.Н. Прокопович¹, правые социали-

¹ Дейчман И. Кооперация в деревне как она есть (по материалам Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б). Ростов н/Д, 1924; Осинский С. Краткий очерк сельскохозяйственной кооперации Юго-Востока. Ростов н/Д, 1924; Бежкович А.С. Коллективизация сельского хозяйства на Юге России. Л., 1927; Конюков И.А. Сельскохозяйственная кооперация и её значение для крестьянского производства. Краснодар, 1927; Михайлов И. Итоги колхозного строительства (к 10-й годовщине Октября) // Северо-Кавказский край. 1927. № 10; Колхозное строительство на Кубани // Северо-Кавказский край. 1928. № 6-7; Лантух Л. Колхозы на Дону // Северо-Кавказский край. 1928. № 8-9.

² Кубанская станица на выборах в Советы (март 1925 года). Краснодар, 1925; Горюнов П.М. О перевыборах Советов на Дону. Ростов н/Д, 1927; Чёрный В. Перевыборы Советов и сословно-классовые отношения на Кубани // На аграрном фронте. 1928. № 1.

³ Милюков П.Н. Россия на переломе: большевистский период русской революции. Париж, 1927. Т. 1. С. 145-156; он же. Листки из дневника. Потеря перспектив // Последние ново-

сты П.А. Сорокин², С.С. Маслов³, Ст. Иванович (С.О. Португейс)⁴, а также «сменовеховцы»⁵ и «евразийцы»⁶. В целом, историки крестьянства в русской эмиграции рассматривали нэп как временную уступку, посредством которой большевики смогли сохранить политическую власть в стране. Большинство аналитиков считали, что успех реформ зависит от возможности установлении правового строя, роста производительности сельскохозяйственного труда и укрепления частной собственности на землю. В этой связи, обращаясь к анализу советских реалий, они доказывали, что положение крестьянства при нэпе оказалось хуже, чем до революции⁷. Основной причиной неудовлетворительного роста экономики СССР все мыслители эмиграции считали политический диктат большевиков⁸.

Большое внимание в работах русского зарубежья уделялось анализу перспектив рыночной эволюции власти большевиков и их перерождения. В частности, одной из центральных в работах «сменовеховцев» была идея саморазложения («термидора») большевистского режима. Представители этого

сти. Париж, 1925. 2 авг.; он же. Рецензия на Экономический вестник / под ред. С.Н. Прокоповича // Последние новости. 1923. 8 нояб.

¹ Прокопович С.Н. Банкротство НЭПа // Свободная Россия. 1924. № 2; Прокопович С.Н. Народное хозяйство СССР. Нью-Йорк, 1952. Т. 1. С. 168–175.

² Сорокин П.А. Россия после нэпа // Крестьянская Россия: сборник статей по вопросам общественно-политическим и экономическим. Прага, 1922. Вып. 2–3. С. 140–157.

³ Маслов С.С. Россия после четырех лет революции: в 2 ч. Париж, 1922; Маслов С.С. Колхозная Россия / сост. Л.В. Никифоров, Т.Е. Кузнецова, А.В. Соболев, А.М. Никулин. М., 2007.

⁴ Иванович Ст. ВКП: Десять лет коммунистической монополии. Париж, 1928.

⁵ Смена вех: сб. статей Ю.В. Ключникова, Н.В. Устрялова, С.С. Лукьянова, А.В. Бобрищева-Пушкина, С.С. Чахотина и Ю.Н. Потехина. Прага, 1921.

⁶ Мир России- Евразия. М., 1995. С. 233–290.

⁷ Телицын В.Л. Новая экономическая политика: взгляд из русского зарубежья // Вопросы истории. 2000. № 8. С. 30–41.

* П.Н. Милюков в размышлениях об аграрном вопросе приходил к выводу, что большевистская модернизация не только разрушала, но и создала экономику новой России. А.Д. Билимович, не поддерживая идей П.Н. Милюкова, предсказывал скорый конец советской власти. Он говорил о закономерности падения советской системы и централизованной системы хозяйствования. См.: Билимович А.Д. Экономический строй освобожденной России. Мюнхен, 1960; Егоров Ю.Н. Разработка альтернатив экономического развития России в работах ученых русского зарубежья // Историко-экономические исследования. 2011. Т. 12. № 3. С. 32.

⁸ Кон С. Опыт советской национализации // НЭП. Взгляд со стороны / сост. В.В. Кудрявцев. М., 1992. С. 129.

направления считали нэп закономерным этапом в развитии послереволюционного общества и шансом на эволюцию СССР в направлении капитализма.

Разрабатывались в русском зарубежье и проблемы нэпа в условиях Дона и Кубани. Впервые исследования по вопросам аграрных отношений в системе нэпа на Юге России были опубликованы в середине 1920-х гг. Опираясь на советские открытые источники и письма из СССР, Ф.А. Щербина, П.Л. Макаренко, Н.В. Воронович, С.Н. Сирин и др. дали глубокий критический анализ нэпа на Дону и Кубани¹. Их работы были во многом проникнуты идеями казачьей либо крестьянской «самостийности».

Работы 1920-х годов, касающиеся проблемы аграрного сектора экономики, создавались непосредственно в период нэпа и содержали актуальную информацию о развитии индивидуально-крестьянского хозяйства, восстановлении экономики, укреплении Советов как органов местного самоуправления. И при этом мы можем использовать их в плане оценки восприятия событий современниками. Но, являясь свидетелями и участниками событий, исследователи не всегда могли дать объективную оценку результатам и перспективам процессов, происходивших в годы нэпа. Просматривается в работах и отчетливое влияние идеологических установок большевиков по проблемам нэпа и главной её составляющей - взаимоотношение власти и крестьянства. Вместе с тем, нельзя отрицать наличие плюрализма в оценке событий нэпа, что является, несомненно, достоянием этого этапа отечественной историографии.

На рубеже 1930-х гг., после формальных «реверансов» в сторону нэпа², партийная доктрина ВКП(б) стала основой для разработки и формирования новой концепции нарастания классовой борьбы на основе которой рассмат-

¹ Щербина Ф.А. Законы эволюции и русский большевизм. Белград, 1921; Трагедия казачества (очерк на тему «Казачество и Россия»). Прага, 1938. Ч. 4; Воронович Н.В. Разоренная Кубань // Нужды деревни. Берлин, 1922. № 3. С. 58–63; Сирин С.Н. Юго-Восток России: к проблеме его экономического восстановления. Берлин, 1922.

² Капалкин В.М. Отменяет ли партия НЭП. М.; Л., 1928; Федоров Б.В. НЭП - путь к социализму. М.; Л., 1928; Андреев А.А. Итоги июльского пленума ЦК ВКП (б): Доклад на 3-м пленуме Северо-Кавказского краевого комитета ВКП(б) (14 июля 1928 г.). Ростов н/Д, 1928; НЭП и основные этапы его развития / сост. К. Смирнова. Саратов; М., 1931.

ривались общественно-политические события в доколхозной деревне. Исследователи придерживались идеологических установок о росте попыток влияния зажиточных слоев крестьянства на проводимую большевиками политику в деревне, об их активном сопротивлении мероприятиям государства¹. Коренной перелом в советской историографии произошел на рубеже 1930-х гг. Его основная черта применительно к теме – установление господства сталинской трактовки нэпа. В 1929 г. в Коммунистической академии была проведена дискуссия. Нэп, по мнению её участников, решил свои задачи². Данная политика, продиктованная исключительно особенностями страны - структурой экономики, в которой существовала многоукладность, доминированием крестьянского мелкотоварного хозяйства, потребностью в подъеме экономического потенциала до определенного уровня, который должен был стать основой для социалистических преобразований – была объявлена исчерпавшей себя. В условиях перехода к форсированной коллективизации сословные противоречия были перенесены в плоскость не только экономического, но и военно-политического противоборства. Процесс социального расслоения, сопряженный с активной политизацией экономического противостояния, неизбежно актуализировал борьбу против кулачества в ходе активной фазы коллективизации³.

¹ Азизян А.К. Аренда земли и борьба с кулаком. М.; Л., 1929; Боговой И.В. Организация деревенской бедноты и борьба против кулачества. М.; Л., 1928; Виноградов Н.А. Работа партии среди деревенской бедноты и борьба с кулаком. М.; Л., 1928.

² Сталин И.В. К вопросам аграрной политики в СССР: речь на конференции аграрников-марксистов. 27 декабря 1929 г. // Вопросы ленинизма. Изд. 9-е, доп. М., 1933. С. 459.

³ Сталин И.В. Статьи и речи: сплошная коллективизация и ликвидация кулачества как класса. Ростов н/Д, 1930; Ильин Т.Ф. Кто такой кулак и почему с ним надо бороться. Ростов н/Д, 1930; Курейко М.Г. Кулак - враг колхоза. Ростов н/Д, 1930; Миксон А.О. Кулак - злейший враг колхозного строительства. М.; Л., 1930; Классовая борьба и кулачество на Кубани. Ростов н/Д, 1931; Смирнский В.И. Динамика коллективного земледелия и социальная структура Кубанского округа. Краснодар, 1930. Вып. 2.

* Публикация в октябре 1931 г. письма И.В. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма» окончательно определила принципиально новые условия существования советской исторической науки (См.: Сталин И.В. Письмо в редакцию журнала «Пролетарская Революция» // Вопросы ленинизма. Изд. 9-е, доп. М., 1933. С. 604–614), исключавшие творческий поиск и свободу мысли, актуализировавшие поиск классовых врагов в научной среде и борьбу с различного рода «уклонами». (См.: История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1950. С. 266). Появление в

Некоторый интерес историков к проблеме нэпа и аграрного вопроса обозначился лишь с конца 1940-х гг.¹ Тема восстановления экономики была актуальна в послевоенный период, чем был обусловлен интерес к проектам 1920-х гг. Но эти работы демонстрировали полную идеологическую зависимость от партийных установок в трактовке нэпа как временного явления, связанного с необходимостью использования частнокапиталистических элементов в восстановительный период.

Третий этап советской историографии нэпа отличался значительным нарастанием активности в исследовании проблем аграрных преобразований 1920-х гг. Глубокое обновление советского общества в период «оттепели» возродило интерес к проблематике нэпа. Решения XX съезда КПСС расширили источниковедческую базу исторических исследований, что способствовало изучению механизмов самоорганизации переходной экономики. Это качественно сказалось на содержании и уровне исследований. В 1956–1967 гг. выходят работы, в которых нэп анализировался более глубоко и объективно,

1938 г. «Истории ВКП(б). Краткий курс» привело к канонизации сталинских трактовок нэпа. В частности, утверждалось, что нэп был введен только в интересах восстановления довоенного уровня экономики, был временным отступлением от принципов бесклассового социализма и, следовательно, не имел перспектив развития.

Исследования нэпа в 1930–1953 гг. фактически были свернуты. Публиковались в основном работы, весьма бедные по источниковой базе, комментировавшие партийные резолюции и тиражировавшие цитаты из работ «классиков марксизма-ленинизма». (См.: Крестьяне о советской власти / сост. Селих Я., Гриневский И. М.; Л., 1929; Казачество // Большая Советская энциклопедия. М., 1937. Т. 30. С. 605–645; Казачество под большевистским знаменем. Пятигорск, 1936; Коротков И.С. Разгром Врангеля. М., 1955; Генкина Э.Б. Переход Советского государства к новой экономической политике (1921–1922). М., 1954). Социальные процессы сводились в них к «классовому расслоению», а политические – к «классовой борьбе». Не было объективности в оценке партийно-государственной политики, анализе противоречий нэпа.

¹ Конюков И.А. Очерки о первых этапах коллективного земледелия, 1917–1925. М., 1949; Конюхов Г.А. Борьба за хлеб в 1928 году: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1951; Гусакова М.Г. Борьба большевистской партии за оживление советов (1924–1926 годы): дис. ... канд. ист. наук. М., 1950; Ноздрачев В.В. Борьба большевистской партии за оживление Советов в деревне в 1924–1925 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1950; Гозулов А.И. Народное хозяйство Дона до и после Октября. Ростов н/Д, 1947; Корчин М.Н., Раенко Я.Н., Семернин П.В. Очерки истории большевистских организаций на Дону. Ростов н/Д, 1948. Ч. 2; Попова Г.А. Борьба большевистских организаций Юго-Востока за восстановление народного хозяйства и укрепление союза рабочего класса с трудящимся крестьянством в 1921–1925 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1950.

а главное, более свободно, чем в сталинский период. При сохранении повышенного интереса ученых к вопросам классовой борьбы¹ все большее внимание стало уделяться вопросам экономики. В.П. Данилов, Ю.А. Поляков, И.Б. Берхин, Ю.А. Мошков и другие исследователи стали оценивать нэп как безусловно позитивную тенденцию в развитии экономической политики переходного периода². В 1960-х гг. начали активно изучаться вопросы осуществления нэпа на региональном материале Юга России (Э.Д. Осколкова, Я.А. Перехов, В.Е. Щетнёв и др.)³ с включением в научный оборот большого ко-

¹ Трифонов И.Я. Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы НЭПа (1921-1937). М., 1960.

² Данилов В.П. Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. М., 1957; Берхин И.Б. Ленинский план построения социализма. М., 1960; Мошков Ю.А. Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1929–1932 гг.). М., 1966; Островский В.Б. Колхозное крестьянство СССР: Политика партии в деревне и ее социально-экономические результаты. Саратов, 1967.

*В данном ряду выделяется работа Ю.А. Полякова (См.: Поляков Ю.А. Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967), который впервые в советской историографии на большом фактическом материале показал причины и результаты первых лет реформирования сельского хозяйства в рамках нэпа. Это вело к пересмотру оценок степени влияния нэпа на социальные и политические процессы, к более объективному анализу многоукладности российского общества 1920-х гг.

Со второй половины 1950-х гг. заметно вырос научный интерес к развитию села, аграрного сектора экономики, укреплению союза рабочего класса и крестьянства, в том числе на региональном уровне, получило новый толчок развитие краеведения. (См.: Бейдик А.И. Кубань прежде и теперь. Краснодар, 1957; Коваленко А., Тумасов Б. Годы больших свершений. Краснодар, 1959).

Важным рубежом в изучении истории крестьянства стала научная сессия Института истории АН СССР 1961 г., посвященная проблемам формирования советского крестьянства и колхозного строительства. (См.: История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР. М., 1963).

В контексте нового понимания сущности нэпа и значения аграрного сектора экономики в переходный период было признано, что в сельском хозяйстве 1920-х гг. присутствовали различные производственные отношения - от мелкобуржуазных до социалистических. В частности, В.П. Данилов (См.: История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР: материалы науч. сессии 18–21 апр. 1961 г. г. Москва / отв. ред. М.П. Ким. М., 1963. С. 49–80) неоднократно высказывался по проблемам аграрных отношений эпохи нэпа, подтвердил сформулированный ещё В.И. Лениным и развитый им тезис о многоукладности российской экономики. (См.: Ленин В.И. О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1977. Т. 36. С. 296).

³ Осколкова Э.Д. Партийное строительство на селе в первые годы нэпа (1921–1925 гг.) (по материалам Дона): дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1963; Перехов Я.А. Политика Коммунистической партии по вовлечению казачества Дона и Кубани в социалистическое строительство (1920–1925 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1966; Щетнёв В.Е. Из

личества архивных документов, что, в частности, позволило во многом по-новому осмыслить политику РКП(б)–ВКП(б) на Юге России, начать дискуссию о негативных аспектах «расказачивания» и форсированной коллективизации¹. Новое дыхание получило этнографическое изучение истории казачества².

За период 1960-х - 1980-х гг. советская историческая наука существенно продвинулась в изучении истории крестьянства 1920-х гг. Выход в свет многотомных изданий по истории партии обозначили очередной виток интереса к проблеме российского крестьянства в переходный период. Этот период характеризуют работы С.П. Трапезникова, В.А. Сидорова и др.³ На кубано-черноморском и донском материале данную тенденцию закрепили очерки истории местных партийных организаций КПСС⁴. В этих работах вопросы сельского хозяйства отдельно не рассматривались, а были представлены в общем контексте восстановительного периода, который должен был на основе ленинского плана кооперации обеспечить переход к коллективным фор-

истории классовой борьбы в кубанской станице (1920–1927 гг.) // На путях к социализму (по материалам Кубани и Адыгеи). Краснодар, 1966. С. 5-36; Устиновский И.В. Деятельность партийных организаций Кубани по развертыванию производственного кооперирования крестьянства (1920–1927 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1967.

¹ Проблемы аграрной истории советского общества: материалы науч. конф. 9-12 июня 1969 г. / отв. ред. М.П. Ким. М., 1971; Перехов Я.А. Об аграрных преобразованиях на Дону и Кубани в первые годы социалистического строительства (1920–1925 гг.) // Проблемы аграрной истории советского общества. М., 1971.

² Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани / под ред. К.В. Чистова. М., 1967.

³ Трапезников С.П. Исторический опыт КПСС в осуществлении ленинского кооперативного плана. М., 1965; Трапезников С.П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос: в 2 т. М., 1976; Сидоров В.А. Классовая борьба в доколхозной деревне, 1921–1929 гг. М., 1978.

⁴ Очерки истории партийных организаций Дона. 1921–1971 гг. / под ред. П.В. Барчугова. Ростов н/Д, 1973. Ч. 2; Очерки истории Краснодарской организации КПСС / под ред. И.И. Алексеенко. 2-е изд., доп. Краснодар, 1976.

* В ряде работ этого времени, посвященных развитию региональной экономики, утвердилось мнение, что частный сектор в промышленности, сельском хозяйстве не играл значительной роли в переходный период от капитализма к социализму. См.: Супрунова К.М. Политика партии в использовании госкапитализма для восстановления промышленности 1921–1924 гг. // Из истории борьбы партийной организации Северного Кавказа за победу социализма: Сборник. Краснодар, 1969. С. 34; Супрунова К.М. Государственный капитализм в промышленности Кубани и Черноморья // Новая экономическая политика. Вопросы теории и истории. М., 1975.

мам хозяйствования. Но анализ социально-политической и экономической ситуации в доколхозной деревне в издании представлен основательно. Основное внимание уделялось руководящей роли большевиков в социально-экономических и политических преобразованиях, непосредственно вопросы внутрихозяйственного развития южно-российских станиц зачастую игнорировались¹. Исследователи в большей мере оценивали события с политических позиций правящей партии, подтверждая незыблемость проводимого курса и в гораздо меньшей степени касаясь вопросов повседневной производственной деятельности хлеборобов Юга России. Имея приоритеты, которые выражались в активной оценке политических, социально-экономических, демографических изменений в станицах Дона и Кубани, исследователи истории Юга России, как и прежде, особое внимание уделяли вопросам формирования социальной базы власти большевиков, социальным противоречиям, классовой борьбе². Вместе с тем предметом исследования таких историков, как В.И. Иванов, И.Я. Куценко, Я.А. Перехов, Г.Л. Воскобойников, Д.К. Прилепский, стали взаимоотношения партийно-государственной системы и казачества Юга России³. В этих трудах рассматривалась политика больше-

¹ Гелдыш А.А. Кубано-Черноморская партийная организация в борьбе за восстановление народного хозяйства (1921-1924 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1959; Бондарь А.Ф. Донская областная партийная организация в борьбе за хозяйственное и культурное строительство в конце интервенции и гражданской войны (1920 - начало 1921 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1961; Цыганаш Н.Г. Партийное руководство регулированием социально-экономических процессов в деревне в 1921-1925 гг. (на материалах Дона и Северного Кавказа): дис... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1978; Сквозь ветры века. Очерки истории Ростовской областной организации КПСС (80-е гг. XIX в. - 1987 г.) / отв. ред. Е.Н. Осколков. Ростов н/Д, 1988.

² Иванов В.И., Чернопицкий П.Г. Социалистическое строительство и классовая борьба на Дону (1920-1937 гг.). Исторический очерк. Ростов н/Д., 1971.

³ Куценко И.Я. Борьба парторганизаций Кубани за вовлечение в социалистическое строительство казачьего населения в 1920-1925 гг. // Материалы докладов по итогам научной работы вузов Краснодарского края за 1962 год. Краснодар, 1963; Иванов В.И. Борьба коммунистов Дона за преодоление левацких перегибов в казачьем вопросе в период восстановления Советской власти (1920 г.) // Во главе технического прогресса и творческой

виков «Лицом к деревне», освещались вопросы землеустройства, вовлечения казачества в советское строительство. Отличительной чертой исследований было то, что оценка прошлого происходила в сравнении со сложившейся колхозной системой. Ученые находились под прямым партийным контролем, что ограничивало их исследовательские возможности, препятствовало выработке принципиально новых подходов к оценке истории крестьянства 1920-х гг.

Свертывание исследований многоукладной экономики и понуждение писать только о «положительном опыте» КПСС¹ сыграли негативную роль в развитии историографии нэпа. Были прекращены перспективные дискуссии об альтернативах эволюции многоукладной экономики, о характере коллективизации.

Показательно и то, что проблема перехода к нэпу в масштабах страны и региона изучалась неравномерно: литература «общероссийская» была значительно более представительной и разнообразной, в отличие от региональной историографии, в которой нэп был изучен заметно слабее.

активности масс. Ростов н/Д, 1969; Перехов Я.А. Из истории борьбы Коммунистической партии за вовлечение казачества в социалистическое строительство (1924-1925) // Из опыта работы парторганизаций Северного Кавказа по руководству хозяйственным и культурным строительством (1918-1965). Ростов н/Д, 1965; Он же. Борьба Коммунистической партии по вовлечению казачества Дона и Кубани в социалистическое строительство (1920-1925): дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1966; Кожанов, А.П. Деятельность партийных организаций Дона по кооперированию крестьянства накануне сплошной коллективизации (1928-1929 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1970; Воскобойников Г.Л., Прилепский Д.К. Казачество и социализм: Исторические очерки. Ростов н/Д, 1986.

¹ История Коммунистической партии Советского Союза в 6 т. Т. 4: Коммунистическая партия в борьбе за построение социализма в СССР 1921-1937 гг. Кн. 1 (1921-1929 гг.). М., 1970.

Данный этап характеризуется расширением источниковедческой базы и увеличением числа публикаций по различным аспектам преобразований, происходивших в 1920-х гг. в доколхозной деревне¹. В его рамках в СССР появилась плеяда крупных исследователей аграрной истории 1920-х гг. Хотя их работы характеризует повышенное внимание к вопросам классового противостояния², понимание неизбежности коллективизации российского крестьянства и бесперспективности индивидуального крестьянского хозяйства. В частности, вызывают немалый интерес работы В.П. Данилова³, в которых проанализированы проблемы землепользования, численность и размеры крестьянских хозяйств, демографические характеристики, социальные противоречия, советское законодательство в области землевладения. Отличается определенной новизной работа «История советского крестьянства», в которой авторы анализировали причины перехода к нэпу и социально-экономические политические последствия реформ 1920-х гг.⁴ В целом, работы советских историков этого периода характеризует приверженность пар-

¹ Кондратенко Н.П. Коммунистическая партия Советского Союза в борьбе за укрепление местных Советов в годы восстановительного периода (1921-1925 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1959; Булатов И.Г. Кооперация и её роль в подготовке сплошной коллективизации. М., 1960; он же. Борьба Коммунистической партии за развитие кооперативного движения в СССР, 1921-1925. Пенза, 1961; Берхин И.Б. Основные этапы формирования кооперативного плана В.И. Ленина // История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР: материалы научной сессии 18-21 апреля 1961 г. М., 1963; Данилов В.П. К характеристике общественно-политической обстановки в советской деревне накануне коллективизации // Исторические записки. М., 1967. Т. 79.

² Трифонов И.Я. Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа, 1921-1923. Л., 1964; Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. (1929-1932 гг.). М., 1972; Сергеев Г.С. Социально-экономические проблемы развития деревни и её переустройства (1921-1937 гг.). Калинин, 1974; Рогалина Н.Л. Эксплуататорская сущность кулацкого хозяйства и его производственная основа: по материалам российской деревни второй половины 20-х годов // Проблемы социально-экономического развития советской деревни. Вологда, 1975; Трифонов И.Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М., 1975; Осокина В.Я. Социалистическое строительство в деревне и община. 1920-1933. М., 1978; Сидоров В.А. Классовая борьба в доколхозной деревне. 1921-1929. М., 1978.

³ Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977; Он же. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М., 1979.

⁴ История советского крестьянства. Крестьянство в первое десятилетие Советской власти. 1917-1927 / отв. ред. Г.В. Шарапов. М., 1986; История советского крестьянства. Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Конец 1927-1937 / отв. ред. И.Е. Зеленин. М., 1986.

тийным установкам и трактовкам нэпа, что не позволяло в полной мере раскрыть проблемы и противоречия нэпа, избегая острых вопросов взаимоотношений власти и общества.

Четвертый этап развития историографии нэпа связан с изменениями в общественно-политической жизни вследствие демократизации в СССР, а затем - в условиях формирования общества постсоветской России. На фоне глубоких перемен в стране исследователи приступили к серьезному переосмыслению истории России, в том числе эпохи нэпа.

В условиях «перестройки» интерес к нэпу связан с курсом на «обновление социализма», с сопряженными с ним реформами советской экономики. Немаловажными факторами активизации исследований стало снятие ряда ограничений в доступе к архивным материалам и, главное, ослабление политико-идеологического контроля Коммунистической партии. Это позволило историкам и экономистам¹ более свободно и непредвзято изучать проблемные вопросы социально-экономических и политических преобразований в доколхозной деревне, опираясь на широкую палитру мнений 1920-х гг., апеллируя к внутрипартийным дискуссиям, рассматривая возможные альтернативные пути развития и процесс выстраивания диалога между властью и обществом. В итоге это привело к пересмотру устоявшихся концептуальных подходов к проблемам нэповской деревни, доминировавших в советской историографии в рамках предшествующего периода.

Вторая половина 1980-х гг. ознаменовалась появлением большого количества работ, в которых авторы пытались найти в нэпе истоки перестройки. В это время у советских исследователей одной из приоритетных проблем в изучении нэпа стало наличие альтернативности. Её реализация, по мнению

¹ Новая экономическая политика: уроки хозяйственных реформ: темат. сб. / отв. ред. Ю.Ф. Воробьев. М., 1989; Курин Л., Наумов В. Новая экономическая политика: суть, опыт, уроки. М., 1990.

исследователей, была возможна при условии отстранения большевиков от власти или их отказа от идеологических установок¹.

На региональных материалах в годы «перестройки» ревизию устаревших положений и выводов в сфере аграрной истории начали В.Е. Щетнёв, И.В. Устиновский, Ю.А. Верхотуров, появились работы, в которых анализировались общественные процессы, внутрипартийные дискуссии 1920-х гг.²

Выделяя характерные черты развития отечественной историографии нэпа 1990-х гг., отметим идейное влияние работ российской эмиграции³ и особенно западных исследователей⁴, рассматриваемых прежде советской историографией в рамках критики «буржуазных фальсификаторов». Большая часть публикаций эмигрантов и иностранных ученых, при всей своей ценности, отличалась ярко выраженным критическим отношением к советскому опыту⁵. Период 1990-х гг. в историографии оказал существенное влияние на

¹ Данилов В.П., Дмитренко В.П., Лельчук В.С. Нэп и его судьба // Историки спорят: 13 бесед. М., 1988; Лацис О.Р. Перелом. М., 1989; Данилов В.П. 20-е годы: нэп и борьба альтернатив // Вопросы истории. 1988. № 9. С. 7-13; Дмитренко В.П. «Военный коммунизм», нэп... // История СССР. 1990. № 3. С. 11-26; Кабанов В.В. Школа А.В. Чаянова или организационно-производственное направление русской экономической мысли // История СССР. 1990. № 6; Данилов В.П. Чаяновский прорыв в будущее // Цивилизация: теория, история, современность. М., 1989; он же. «Бухаринская альтернатива» // Бухарин: человек, политик, учёный. М., 1990; Бордюгов Г.А., Козлов В.П. История и конъюнктура. М., 1991.

² Казачество в революциях и гражданской войне: Материалы второй Всесоюзн. науч. конф. 9-11 сент. 1986 г. Черкесск, 1988; Устиновский И.В. Ленинская аграрная программа и её осуществление на Северном Кавказе (октябрь 1917-1927 гг.). Ростов н/Д, 1989; Верхотуров Ю.И. Деятельность партии по развитию экономических связей между городом и деревней в 1921-1927 гг. (На материалах Дона, Кубани и Ставрополья): дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1990.

* В своих исследованиях И.В. Устиновский изучал количественные и качественные изменения, закономерности развития коллективных форм хозяйствования, их экономические возможности, преимущества относительно индивидуальных крестьянских хозяйств. См.: Устиновский И.В. Ленинская аграрная программа и её осуществление на Северном Кавказе (октябрь 1917-1927 гг.). Ростов н/Д, 1989.

³ НЭП. Взгляд со стороны: сборник / сост. В.В. Кудрявцев. М., 1991; Маслов С.С. Россия после четырех лет революции: в 2 ч. Париж, 1922; Милуков П.Н. Россия на переломе. В 2-х т. Париж, 1927.

⁴ Коэн С. Бухарин: Политическая биография. 1888-1938. М., 1988; Ноув А. О судьбах нэпа // Вопросы истории. 1989. № 8. С.172-176; Венер М. Лицом к деревне: советская власть и крестьянский вопрос (1924-1925 гг.) // Отечественная история. 1993. № 5; Холмс Л. Социальная история России: 1917-1941. Ростов н/Д, 1994.

⁵ Уиткрофт С.Г. Голод и эпидемии в России в 1918-1922 гг. Пример Саратова; Голод и другие факторы, влияющие на уровень смертности в СССР. Демографические кризисы

переосмысление исторических процессов 1920-х гг.¹ Исследователи, рассматривая социально-политические события периода нэпа, исходили из тезиса политического диктата большевиков в отношении населения страны, отсутствия каких-либо свобод.

В начале 1990-х гг. в российской историографии утвердились несколько основных подходов к пониманию нэпа и последующей социалистической реконструкции. Одни историки рассматривали их как родственные модели, отражавшие тоталитарную природу советской политической системы², другие считали, что внутренняя политика большевиков 1920-х гг. принципиально отличается от политики 1930-х гг.³ Коллектив авторов многотомного сборника документов по истории коллективизации, к примеру, обосновал вывод о том, что время с 1925 г. по 1927 г. было успешным, так как за столь короткий период нэп продемонстрировал способность активизировать рыночные отношения и обеспечил хозяйственный подъем⁴.

Некоторые исследователи считают реформы 1920-х гг. этапом подготовки перехода к административно-командной системе⁵, следовательно, он носил временный характер. По мнению Н.Л. Рогалиной, нэп был обречен⁶, по идеологическим соображениям. Таким образом, по мнению ряда исследователей, наличие противоречий в проводимых реформах, например, невозмож-

1918-1922 гг. и 1930-1933 гг. // Демографические процессы в СССР. 20-80-е гг. (современная зарубежная историография). М., 1991; Фешбах М. Демография и советское общество: социальные и культурные аспекты // Демографические процессы в СССР. 20-80-е гг. М., 1991.

¹ НЭП и хозрасчет. М., 1991; Горинов М.М. Советские историки 20-30-х годов: от мифов и реальности // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996. С. 239-278.

² Наше Отечество: опыт политической истории / авт. кол. С.В. Кулешов и др. М., 1991. Т. 2.

³ Бордюгов Г.А., Козлов В.А. История и конъюнктура: субъективные заметки об истории советского общества. М., 1991.

⁴ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939 // Документы и материалы: в 5 т. Т. 1: Май 1927 - ноябрь 1929 / под ред. В. Данилова, Р. Маннинга, Л. Виола. М., 1999. С. 16.

⁵ Цакунов С.В. В лабиринте доктрины. Из опыта разработки экономического курса страны в 1920-е годы. М., 1994.

⁶ Рогалина Н.Л. Новая экономическая политика и крестьянство // Нэп: приобретения и потери / отв. ред. В.П. Дмитренко. М., 1994.

ность включить индивидуальные крестьянские хозяйства в плановую экономику, заложили основы формирования административно-командной системы¹. В плане преемственности тематического содержания главенствующее значение в историографии приобрели работы, осмысливавшие специфику политического процесса (В.П. Дмитренко, В.А. Шишкин, Ю.М. Голанд, Е.Г. Гимпельсон и др.)². Объектом пристального внимания стали кризисные явления начала 1920-х гг., прежде всего восстания крестьян и причины, обусловившие переход к нэпу. Эта проблематика стала предметом исследований С.А. Павлюченкова, В.П. Данилова, Т.В. Осиповой и др.³ Впервые в историографии движение крестьян рассматривалось не как кулацкая контрреволюция, а как закономерный протест значительной части крестьян, недовольных военно-коммунистическими методами власти. Значительно более активно и,

¹ Горинев М.М., Цакунов С.В. Ленинская концепция нэпа: становление и развитие // Вопросы истории. 1990. № 4. С. 20-39; Богомолова Е.В. Управление советской экономикой в 20-е годы: опыт регулирования и самоорганизации. М., 1993; Давыдов А.Ю. Кооператоры советского народа: между «военным коммунизмом» и социалистической реконструкцией. СПб., 2011.

* Следует отметить коллективную работу «НЭП. Приобретения и потери» (См.: Дэвис Р.У., Дмитренко В.П., Мау В.А. НЭП: приобретения и потери. М., 1994), в которой прослеживается весь спектр проблем нэпа, причем в рамках концепции вынужденного отхода от форсированного строительства социализма.

² Формирование административно-командной системы (20-30-е годы). Сб. статей / под ред. В.П. Дмитренко. М., 1992; Шишкин В.А. Власть. Политика. Экономика: Послереволюционная Россия. 1917-1928 гг. СПб., 1997; Голанд Ю.М. Кризисы, разрушившие нэп. 2-е изд. М., 1998; Носова Н.П. Управлять или командовать? Государство и крестьянство Советской России (1917-1929). М., 1993; она же. НЭП: государство и сельское хозяйство (проблемы регулирования) // Нэп: приобретения и потери. М., 1994; Гимпельсон Е.Г. Нэп и советская политическая система. 20-е годы. М., 2000.

* Наибольший интерес вызывали темы кризисов, противоречий и перспектив нэпа. (См.: Селиванов А.М. Социально-политическое развитие российской деревни в годы новой экономической политики. Историография проблемы. Ярославль, 1994.). Более активно начали разрабатываться персоналии, в том числе роль политических лидеров в разработке и реализации аграрной политики (См.: Богатырев М.А. Н.И. Бухарин и НЭП: Проблемы и противоречия: дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1994).

³ Павлюченков С.А. С чего начинался нэп? // Трудные вопросы истории. Поиски. Размышления. Новый взгляд на события и факты. М., 1991; Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919-1921 гг.: «Антоновщина»: Документы и материалы / Сост. В. Данилов и др. Тамбов. 1994; Осипова Т.В. Крестьянский фронт в Гражданской войне // Судьбы российского крестьянства. М., 1996; Осипова Т.В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М., 2001; Литвин А.Л. Красный террор в России. 1918-1922 гг. М., 2004; Алёшкин П.Ф., Васильев Ю.А. Крестьянские восстания в России в 1918-1922 гг. От махновщины до антоновщины. М., 2012.

главное, с новых позиций, стали разрабатываться проблемы идеологической работы РКП(б)-ВКП(б). К примеру, новое направление исследований связано с изучением взаимодействия власти и прессы в том числе на материалах Юга России¹.

В рамках развивавшегося крестьяноведения внимание всё более сосредотачивалось на комплексном изучении советской деревни, прежде всего специфики крестьянского хозяйства. Общая активизация исследований была связана с изучением не только экономических и социальных процессов, но и особенностей ментальности, массового сознания крестьянства, его социальной психологии, взаимовлияния властных структур и крестьянского социума и т.д., в том числе и на региональном, южнороссийском, уровне².

В этот период меняются приоритеты исследователей, которые стали интересоваться проблемами взаимоотношений населения и партии, особенно-

¹ Турицын И.В. Кадровая политика РКП(б) и периодическая печать (1921-1925 гг.). Армавир, 1998; Турицын И.В. Власть и пресса в Советской России: проблема взаимоотношений и взаимовлияния в 20-е годы. М., 1998.

* Особо следует отметить достижения в изучении многоукладной экономики (См.: Виноградов С.В. НЭП: опыт создания многоукладной экономики. М., 1996; Ненин А.Е. Совнарком и новая экономическая политика (1921-1923 гг.). Н. Новгород, 1999; Суворова Л.Н. Нэповская многоукладная экономика: между государством и рынком. М., 2013), промышленного потенциала и государственного предпринимательства (См.: Лютов Л.Н. Неэффективность промышленности в условиях НЭПа // Вопросы истории. 2000. № 4; Черемисинов Г.А. Государственное предпринимательство в отечественной экономике. «Узоры» новой экономической политики (20-е г. - начало 30-х г. XX в.). Саратов, 2002; Лютов Л.Н. Промышленность России в годы НЭПа (1921-1929 гг.), финансов (См.: Соколов А.С. Из истории становления и развития финансовой системы России в период новой экономической политики. М., 1998). Выявляя противоречия в ходе и результатах экономических реформ, исследователи активно изучали негативные явления, прежде всего в сферах слабой технической оснащённости, трудовой занятости и безработицы, низких доходов населения. А.Б. Данилин связывал повышение уровня безработицы с неумелым проведением большевиками экономических реформ (См.: Данилин А.Б. Нэповская Россия: «социалистическая рационализация» рынка труда // Новый исторический вестник. 2001. № 3) и, в первую очередь с бюрократизацией управления.

² Рожков А.Ю. Молодое поколение в условиях новой экономической политики: облик, проблемы, противоречия, 1921-1929 гг., на материалах Кубани и Черноморья: дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1992; Кубань: 1920-е годы: сб. науч. тр. / В.Е. Щетнев (науч. ред.). Краснодар, 1996; Кожура О.И. Социально-психологический облик кубанского крестьянства и казачества в годы нэпа: дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1999.

стями реализации политики «Лицом к деревне» и т.д.¹ С процессом рассекретивания архивных документов связан и рост публикаций по формированию советских органов власти, оценки противостояния в ходе избирательных кампаний, действий оппозиционных предвыборных группировок².

На региональном уровне тенденции развития историографии темы, на наш взгляд, отразили работы А.В. Баранова, эволюционировавшие от преимущественно политической проблематики к системному анализу многоукладного общества Северного Кавказа³. В целом, историография 1990-х гг. характеризуется вовлечением в научный оборот большого массива новых архивных материалов и, безусловно, значительно более системной оценкой нэпа большинством исследователей⁴. Но очевидно и то, что постперестроеч-

¹ Лившин А.Я., Орлов И.Б. Власть и общество: диалог в письмах. М., 2002; Алексеев Г.М. Крестьянство и власть в условиях нэпа // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века: сб. статей Междунар. науч.-практ. конф. Коломна, 2007; Зима В.Ф. Человек и власть в СССР в 1920-1930-е годы: политика репрессий. М., 2010; Измозик В.С., Старков Б.А., Павлов Б.В., Рудник С.Н. Подлинная история РСДРП-РКП(б)-ВКП(б). Краткий курс. Без умолчаний и фальсификаций. СПб., 2010; Лившин А.Я. Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917-1932 гг. М., 2010; Рогалина, Н.Л. Реализация государственной аграрной программы в СССР второй половины 1920-х - начала 1930-х гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2011. № 1-2. С. 72-83.

² Яхшиян О.Ю. Крестьянская община и местные органы власти в русской деревне 1920-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1998; Чернышова А.В. Механизм государственного управления деревней в условиях нэпа: проблемы функционирования. М., 2005; Солдаткин А.П. Местные органы власти (структура, функции, социальный состав) накануне коллективизации // Судьбы реформ и реформаторства в России: материалы Всерос. науч.-практ. конф., 1920 окт. 2006 г. Коломна, 2006.

³ Баранов А.В. Социальное и политическое развитие Северного Кавказа в условиях новой экономической политики (1921-1929 гг.). СПб., 1996; Баранов А.В. Многоукладное общество Северного Кавказа в условиях новой экономической политики. Краснодар, 1999.

⁴ Чернопицкий П.Г. К вопросу о рассказывании // Казачество России: история и современность: Тез. Междунар. науч. конф. Геленджик, 2002; Перехов Я.А. Власть и казачество: Поиск согласия (1920-1926 гг.). Ростов н/Д, 1997; Кожанов А.П. К вопросу о социально-демографическом составе казачества Северного Кавказа (по материалам Всерос-

ный плюрализм был поставлен в рамки противопоставления «хорошего» нэпа (истории 1920-х гг.) «плохому» сталинизму (истории 1930-х гг.). Соответственно историография стала развиваться под знаком поиска альтернатив «великому перелому» 1929 г. и, шире, реализованной в СССР модели государственного социализма. Складывалось впечатление, что нэп идеально отвечал принципам модернизации советского общества, который сочетал рыночную модель с идеологическим доминированием большевиков¹.

На наш взгляд, реализация проекта развития аграрной сферы на индивидуальной основе требовала более длительного промежутка времени и средств, которых у СССР не было. В этой связи исключительный интерес представляют работы, посвященные альтернативному пути развития на основе кооперирования. В 1920-х гг. кооперация воспринималась как добровольное объединение свободных мелких товаропроизводителей, но вынуждена была уступить колхозному строю в итоге сталинской политики эпохи «великого перелома»².

В 1990-е гг. был накоплен интересный фактический материал по проблеме. В конце 1990-х - начале 2000-х гг. наступило время обобщений³. От-

сийской переписи населения 1926 года) // Известия СКНЦ ВШ. Общественные науки. Ростов н/Д, 1992. № 3; Куцетеров Р.М. Насилие. Политика коммунистической партии в отношении крестьян, методы и результаты её осуществления. Черкесск, 1993; он же. Советское крестьянство в условиях тоталитаризма. Черкесск, 1995; Он же. Аграрная политика Советского государства. 1917-1991 гг. (на материалах Северного Кавказа): дис. ... д-ра ист. наук. Ставрополь, 1997; Кубанская ЧК: Органы госбезопасности Кубани в документах и воспоминаниях / сост. Н.Т. Панчишкин, В.В. Гусев, Н.В. Сидоренко. Краснодар, 1997. Казачий Дон: очерки истории / А.П. Скорик, Р.Г. Тикиджьян и др. Ростов н/Д, 1995. Ч. 1; Донские казаки в прошлом и настоящем / под общ. ред. Ю.Г. Волкова. Ростов н/Д, 1998; Токарева Н.А. Деформация социально-экономических отношений в станицах и сёлах Северо-Кавказского края в 1928-1929 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1994; Макаренко М.Ю. Население Кубани в 1920-1926 гг. (историко-демографический аспект): дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1997; Абрамова И.Е. Социально-экономическое развитие донской деревни в условиях новой экономической политики (1921-1927 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Черноград, 2000.

¹ Горинов М.М. Советская история 1920-30-х годов: от мифов к реальности // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996. С. 239.

² Кабанов В.В. Судьбы кооперации в советской России: проблемы, историография // Судьбы российского крестьянства. М., 1996.

³ Орлов И.Б. Новая экономическая политика: история, опыт, проблемы. М., 1999; Гимпельсон Е.Г. НЭП. Новая экономическая политика Ленина - Сталина: проблемы и уроки (20-е гг. XX в.). М., 2004.

метим появление в 2002 г. коллективного труда «Россия нэповская»¹. Исследование аграрных отношений в России стало осуществляться на широкой источниковой базе².

На данной основе в современной российской историографии проблемы истории 1920-х гг., особенно сущность нэпа, её социально-экономические предпосылки и последствия, остаются предметом пристального внимания исследователей³. В исторической науке с начала XXI в. утвердилась тенденция, связанная с комплексной оценкой нэпа, взвешенным анализом положительных и отрицательных сторон политики большевиков, объективным освещением переходного периода⁴. Сегодня историки активно освещают как основные направления, так и методы, формы реализации нэпа, её колебания в условиях менявшейся экономической ситуации⁵.

Настоящий прорыв достигнут в сфере изучения российского села, трансформации крестьянских хозяйств в 1920-е гг. Объектом исследования в работах, выполненных как на общероссийском, так и на региональном материале, всё чаще был не просто нэп или развитие села, а крестьянство, что для советской историографии характерно лишь для изучения периода Граждан-

¹ Россия нэповская / рук. авт. кол. С.А. Павлюченков. М., 2002.

² Шмелев Г.И. Аграрная политика и аграрные отношения в России в XX веке. М., 2000; Российское село в XIX - XX веках: Междунар. науч. конф. 28 окт. 2009 г.: сб. статей / редкол.: С.А. Есиков (отв. ред.) и др. Тамбов, 2009.

³ Рогалина Н.Л. Аграрное реформирование в России XX века (краткий историко-сравнительный анализ) // Судьбы реформ и реформаторства в России. Материалы Всерос. науч.-практ. конф. 19-20 окт. 2006 г. Коломна, 2006; она же. Власть и аграрные реформы в России XX века. М., 2010; Мельникова Т.А. Состояние аграрного сектора в российской деревне во второй половине 20-х гг. XX в. // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2010. № 2; она же. Реализация государственной аграрной программы в СССР второй половины 1920-х - начала 1930-х гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. № 1-2; Жуков Ю.Н. Обратная сторона НЭПа: экономика и политическая борьба в СССР. М., 2019; Полищук И.С. Новая экономическая политика: теория и практика (опыт исследования истории России 20-х гг. XX в.). Тверь, 2007; Данильченко С.Л. Трансформация концессий в советскую экономику в годы НЭПа. М., 2012.

⁴ НЭП в контексте исторического развития России XX века / А.К. Соколов (отв. ред.) и др. М., 2001; НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты: сборник / редкол.: А.С. Сенявский (отв. ред.) и др. М., 2006; Альтернативы большевистской модернизации в годы новой экономической политики. М., 2014.

⁵ Виноградов С.В. НЭП: опыт создания многоукладной экономики. Астрахань, 2015; Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований / гл. ред. Л.Н. Мазур. Екатеринбург, 2017.

ской войны. Ломая привычные рамки, ученые предлагают новое видение как основного содержания, так и хронологии эволюции крестьянства¹, стремятся выявить содержание и особенности модернизационных процессов в аграрном секторе, их противоречия и альтернативы².

Современный период характеризуется включением в научный оборот большого количества источников, характеризующих деревню, в том числе - процессы «осереднячивания», имущественные группы и противостояние в деревне, изменения сознания крестьян (в том числе экономического)³. Особо интересной в данной связи представляется тема культурничества⁴.

Мы отмечаем рост интереса исследователей к истории повседневности, которая демонстрирует последствия коммуникативных связей государства и общества⁵. Исследователи, отмечая положительные последствия проводимых преобразований, признают доминирующее влияние государства на социальные и политические процессы, происходившие в российской деревне.

¹ Власть и крестьянский социум в условиях советской модернизации второй половины 1920-х - 1930-х гг. Саранск, 2013.

² Скрышников А.В. Российская деревня в годы новой экономической политики: тенденции и противоречия социально-экономического развития российской деревни в условиях НЭПа. М.; Пенза, 2006; Есиков С.А. Российская деревня в годы нэпа. К вопросу об альтернативах сталинской коллективизации. М., 2010.

³ Климин И.И. Российское крестьянство в годы новой экономической политики (1921-1927). Часть первая. СПб. 2007; Холодный М.А. Изменение отношения к собственности у населения РСФСР в условиях новой экономической политики (1921-1928 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.

⁴ Бондарев В.А. Крестьянство и коллективизация: многоукладность социально-экономических отношений деревни в районах Дона, Кубани и Ставрополя в конце 20-х - 30-х годах XX века. Ростов н/Д, 2006; он же. Культурничество как вариант модернизации российской деревни в 1920-х гг. // Государственная власть и крестьянство в XIX начале XXI века: сб. статей Междунар. науч.-практ. конф. Коломна, 2011; Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б), 21-23 октября 1927 г.: документы и материалы / сост. И.И. Кудрявцев. М., 2018.

⁵ Очерки традиционной культуры казачества России / под общ. ред. Н.И. Бондаря. Краснодар, 2005; Морозова О.М. Два акта драмы: боевое прошлое и послевоенная повседневность ветеранов Гражданской войны. Ростов н/Д, 2010.

В рамках политической истории по-прежнему повышенный интерес вызывают проблемы выхода из Гражданской войны и перехода к нэпу, связанного с этим повстанчества. Авторы, как и прежде, отмечают, что основой конфликта государства и крестьянства стало недовольство земельной и продовольственной политикой большевиков¹. Вместе с тем, в отличие от советской историографии, в которой тема повстанческого движения политизировалась, а также от тотальной критики большевиков в 1990-е гг., сегодня всё более видны новые подходы. Существенно расширены хронологические рамки повстанческого движения², показано, что часто идеология служила поводом для сведения бытовых счетов³.

Анализ партийно-государственной политики вышел на новый уровень в связи с появлением интересных работ по проблемам репрессий⁴, идеологической обработки крестьянства⁵, изменений в общественных настроениях⁶.

Зарубежные исследователи по-прежнему проявляют интерес к нэпу в аспекте условий стабильности многоукладной экономики и ее политико-правового обеспечения. Они активно изучают проблемы сущности и хронологические рамки нэпа, положение частного капитала в экономике, его политико-правовой статус, крестьянские восстания, положение крестьян и кулака,

¹ Телицын В.Л. Феномен крестьянского бунтарства 1917-1921 годов. М., 2003.

² Яблочкина И.В. Рецидивы гражданской войны: антигосударственные вооруженные выступления и повстанческие движения в Советской России. 1921-1925 гг. М., 2000.

³ Телицын В.Л. «Бесмысленный и беспощадный»? ... Феномен крестьянского бунта 1917-1921 гг. М.: 2002. С. 338.

⁴ Боева А.А. «Особенная каста»: ВЧК-ОГПУ и укрепление коммунистического режима в годы нэпа. М., 2009; Бомбергер И.И. Советская пенитенциарная система в годы новой экономической политики 1921-1928 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2009; Жаркой М.Э. НЭП и карательная политика Советского государства: опыт исторического исследования практики реализации (1921-1929 гг.). СПб., 2010; Орлов И.Б., Маркосян Г.М. Взятка и борьба с ней в годы нэпа. М., 2011.

⁵ Гурьев А.И. Как закалялся агитпроп: система государственной идеологической обработки населения в первые годы НЭПа. М., 2011; Куприянова Т.Г. Потребление печатной продукции в крестьянской среде в годы нэпа // Десятые Макушинские чтения: материалы науч. конф., 12-14 мая 2015 г., г. Томск. Новосибирск, 2015. С. 454-458.

⁶ Лившин А.Я. Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917-1932 гг. М., 2010; Булдаков В.П. Утопия, агрессия, власть: психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920-1930 гг. М., 2012.

содержание внутрипартийной работы, советский аппарат и культурную модернизацию.

Наибольший интерес вызывают вопросы перехода к нэпу и взаимоотношения власти и крестьянства. Двойственность проводимой аграрной политики большевиков была изучена в работах британского историка Э.Х. Карра. Он рассматривал крестьянские выступления как следствие политического кризиса власти, а проблема нэпа заключалась в несоответствии содержания индивидуального крестьянского хозяйства и социалистической индустриализации¹. Пайпс Р. считает, что причиной столь продолжительных крестьянских выступлений стало содержание внутренней политики партии и злоупотребления властью представителями РКП(б)². В большинстве случаев иностранные исследователи воспринимают нэп, его экономическую составляющую как следствие внутрипартийной борьбы среди большевиков³. В целом зарубежная историография нэпа развивалась на основе советологии, что не могло не наложить свой отпечаток на её содержание. Было две активные фазы зарубежных исследований в изучении нэпа - это период хрущевской «оттепели», перестройки и распада СССР.

На наш взгляд, значительно более интересным является разработка проблем исследуемого периода на региональном материале. Социально-политические проблемы южнороссийской станицы доминировали в тематике исследований и изучались в контексте взаимоотношений казачества и советской власти, роста протестного движения казачества в начале 1920-х гг. Особый интерес исследователей вызывала и политика «Лицом к деревне», пози-

¹ Карр Э.Х. История Советской России. Кн. 1: Большеви́стская революция 1917-1923. М., 1990; Боффа Дж. История Советского Союза. В 2 т. М., 1994.

² Пайпс Р. Россия при большевиках. М., 1997.

³ Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917-1933. М., 2001; Верт Н. История Советского государства. 3-е, испр. изд. М., 2006; Левин М. Советский век. М., 2008; он же. Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М., 2010; Дэвис Р.У. Советская экономическая реформа в исторической перспективе // НЭП: приобретения и потери. М., 1994. С. 7-26; он же. Развитие советского общества в 20-е годы и проблемы альтернативы. // Россия в XX веке: историки мира спорят. М., 1994. С. 311-318; Перейра Н. Советская Россия в 20-е годы глазами Запада // Россия в XX веке: Историки мира спорят: сб. статей. М., 1994. С. 382-392.

тивное отношение казачества к ней в 1924-1926 гг. Объектом глубокого изучения стали институты самоуправления местного населения¹, эволюция курса большевиков в отношении выборов в местные органы власти в казачьих регионах Юга России. Авторы отмечали рост недовольства казачества политикой большевиков, направленной на подконтрольность местных Советов. Эти явления на материалах Дона и Кубани исследовали А.В. Баранов, Д.М. Корчагин и М.В. Тютюник². В работах региональных историков (как и российских в целом) наблюдалось усиление интереса и к социально-экономическим процессам, происходившим в российской деревне³. Исследователи анализировали демографические процессы в станицах Кубани и Дона, ход восстановительного процесса, продовольственную и налоговую политику большевиков, акцентировали внимание на социокультурном облике крестьянства и казачества, их мировосприятию⁴. Исключительно важным представляется изучение в региональной историографии модернизация сельского хозяйства⁵, многоукладности аграрной экономики, сохранявшейся некоторое

¹ Панкова-Козочкина Т.В. Казачье-крестьянское самоуправление эпохи НЭПа: проблемы модернизации властных отношений на Юге России в 1920-е годы. Новочеркасск, 2014.

² Баранов А.В. Политические настроения земледельцев казачьего Юга России в условиях «расширения» нэпа 1924-1926 гг. (по материалам информационных сводок ОГПУ) // Новейшая история России. СПб., 2013. № 3. С. 112-125; Тютюник М.В. Региональный избирательный процесс и формирование системы местных Советов РСФСР в 1920-1924 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009; он же. Феномен советских избирательных кампаний 1921-1924 гг. (Опыт Дона и Кубани) // Наука и школа. 2009. № 6. С. 65-66.

³ Бершадская О.В. Черноморская деревня в условиях НЭПа: социально-экономический аспект: дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2007; Игонин А.В. Северокавказское общество на историческом переломе (1917 - конец 1920-х гг.) / А.В. Игонин, Е.Ю. Оборский, Н.И. Суханова. Ставрополь, 2009; Наухацкий В.В. Сельское хозяйство Северо-Кавказского края второй половины 1920-х гг. и проблема продовольственной безопасности // Государственная власть и крестьянство в XIX - начале XXI века... Коломна, 2011; Попова Н.А. Продовольственная политика большевиков в первые годы советской власти на Дону // Власть. 2012. № 10. С. 168-170.

⁴ Савельев В.А. Хозяйственные представления крестьянства и казачества в условиях новой экономической политики: особенности трансформации (на материалах Дона и Кубани). Армавир, 2012; Засорина Т.Д. Новая экономическая политика: отношение населения Кубани: 1921-1929 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Майкоп, 2003.

⁵ Наухацкий В.В. Сельское хозяйство Северо-Кавказского края второй половины 1920-х гг. и проблема продовольственной безопасности // Государственная власть и крестьянство в XIX - начале XXI века. Коломна,

время и в 1930-е гг.¹ Авторы единодушно отмечают низкий уровень восстановительных темпов индивидуального хозяйства, что чаще всего объясняют политикой большевиков. Периоды снижения уровня противостояния власти и сельского населения, политика «Лицом к деревне», смягчения избирательного законодательства объясняется необходимостью продолжения реформ, боязнью потери политической власти большевиками и желанием вовлечь большее количество населения в модернизационный процесс. Обобщающее значение имели труды А.А. Панарина² и З.Р. Кочкаровой³. Исследователи справедливо отмечают отрицательное влияние административных методов руководства на развитие сельскохозяйственной кооперации.

2011; Бершадская О.В. Государственные мероприятия по развитию крестьянских хозяйств Черноморского округа в годы НЭПа // Государственная власть и крестьянство в XIX - начале XXI века. Сб. статей Междунар. науч.-практ. конф. Коломна, 2013. С. 213-219.

¹ Бондарев В.А. Крестьянство и коллективизация: многоукладность социально-экономических отношений деревни в районах Дона, Кубани и Ставрополья в конце 20-х - 30-х годах XX века. Ростов н/Д, 2006.

² Панарин А.А. К проблеме эволюции северокавказской кооперации в 1920-е годы // Проблемы аграрной истории Северного Кавказа. Ставрополь, 1999; он же: Развитие сельскохозяйственной кооперации на Дону, Кубани и Ставрополье в 1921-1929 гг. Армавир, 2000; он же. Эволюция кооперации на Дону и Северном Кавказе в 1921-1929 гг. Армавир, 2004; он же. Социально-экономическая трансформация отечественной кооперации в 1921-1929 гг.: На материалах Дона и Северного Кавказа: дис. ... д-ра ист. наук. Армавир, 2004; Ракачева Я.В. Сельскохозяйственная кооперация Кубани в период новой экономической политики (1921-1927 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2000; Ковтун Л.В. История потребительской кооперации на Дону. Ростов н/Д, 2005; Волкова Е.В. Донская потребительская кооперация в условиях новой экономической политики: 1921-1929 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2004; Алиев А.Ш. Исторический опыт и уроки кооперативного движения на Северном Кавказе в годы НЭПа: 1921-1929 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2011.

³ Кочкарова З.Р. Советская партийно-государственная политика в отношении сельскохозяйственной кооперации (на материалах Северо-Кавказского региона). Ставрополь, 2002; она же. Эволюция отечественной кооперации и её социально-экономическая трансформация в условиях модернизации российского общества (на материалах Дона, Кубани и Ставрополья): дис. ... д-ра ист. наук. Владикавказ, 2011.

Если ранее историки настойчиво искали в местном материале подтверждения общероссийских закономерностей, то на сегодняшний день они предпочитают видеть в нем самобытную страницу российской истории¹.

Определяющим фактором во взаимоотношениях между властью и крестьянской массой был земельный вопрос². Решение земельной проблемы в рамках политического диалога не было возможным из-за отсутствия политической структуры, выражавшей интересы крестьян, что обрекало их на зависимость от власти. Такое обусловило формирование предпосылок нового роста недовольства и нового политического кризиса (рубеж 1920-1930-х гг.).

Политика деидеологизации в 1990-е гг. способствовала включению в научный оборот массива архивных материалов по повстанческому движению крестьянства и казачества России начала 1920-х гг. Наиболее активно в этой области работают южнороссийские исследователи³. Как и в общероссийской

¹ Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П. История Северного Кавказа в 1920-1940-е гг.: современная российская историография. Ростов н/Д, 2009. С. 9; Яхутль Ю.А. Проблемы нэпа в отечественной историографии // Вестник Адыг. гос. ун-та. Сер. 1. Регионоведение. Майкоп, 2011. № 1; он же. Казачьи хозяйства в условиях новой экономической политики 1920-х гг.: противоречия развития (по материалам Дона и Кубани) // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 4. С. 124-134.

² Бехтерева Л.Н. Проблемы новой экономической политики 1920-х годов в современной отечественной историографии // Вестник Удмурт. ун-та. Ижевск, 2010. Вып. 1. С. 57-64.

³ История Кубани. XX век: очерки / под ред. В.Е. Щетнева. Краснодар, 1998; Скорик А.П. Борьба донских казаков с советской властью в начале 1920-х годов: исторические факты и оценка в документах эпохи // Стратегическое планирование в полиэтническом макрорегионе в условиях неравномерного развития и роста напряженности: материалы Всерос. науч. конф. (Ростов н/Д, 3-4 октября 2013 г.). Ростов н/Д, 2013; Баранов А.В. «Военная тревога» 1927 г. как фактор развития политических ориентаций земледельцев Юга России // Каспийский регион: политика, экономика, культура. Астрахань, 2011. № 4. С. 11-16; он же. Повстанческое движение «бело-зеленых» в казачьих областях Юга России (1920-1924 гг.) // Альманах «Белая гвардия». № 8. Казачество России в Белом движении. М., 2005; Черкасов А.А. Крестьянское движение на Черноморье в период революции и гражданской войны. Краснодар, 2003; Черкасов А.А. Кубано-Черноморское повстанческое движение (1920-1922 гг.): краткая характеристика // Былые годы. Сочи, 2006 № 2 (2); Черкасов А.А. Повстанцы Кубани и Черноморья (1920-1930 гг.): повседневная деятельность // Вестник СГУТиКД. 2010. № 4 (14); Зайцев А.А. Региональный политический процесс в условиях Гражданской войны 1917-1922 гг.: на материалах Дона и Кубано-Черноморья: дис ... д-ра ист. наук. Краснодар, 2009; Грищенко А.Н. Антибольшевистское повстанческое движение в Донской области в 1920-1922 годах: дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2009; Грищенко А.Н. Казачье повстанческое движение в Донской области осенью 1920 г. // Юг России в условиях революционных потрясений, вооруженных конфликтов и социально-политических кризисов, 1917-2017 гг.: материалы Всерос. науч. конф. (Ростов-на-Дону,

историографии, особую популярность в работах общего плана по истории казачества в 1920-е гг.¹ имела проблематика политики большевиков, в том числе причины, содержание и последствия повстанческого движения на Юге России², конфликт большевиков и казачества³, процессы расказачивания⁴.

На Кубани и Дону крестьянские и казачьи выступления, как отмечают исследователи, во многом были определены всем предшествующим периодом развития. Само протестное движение было неоднородным и идеологически противоречивым, но при этом, имевшая региональные особенности. Это время военно-политического противостояния стало особым периодом формирования новых принципов во взаимоотношениях между большевиками и крестьянством. Активное применение силовых методов со стороны больше-

5-6 окт. 2017 г.). Ростов н/Д, 2017; Тикиджьян Р.Г. Новая экономическая политика советского государства и проблемы представительства донских казаков в органах власти и самоуправления в 1920-е годы // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4. 2011. № 1 (19); Кратова Н.Л. Повстанческое движение на Кубани и в Пятигорье в начале 20-х годов XX века. Ростов н/Д, 2012.

¹ Кожанов А.П. Донское казачество в 20-х годах XX века. Ростов н/Д, 2005; Водолацкий В.П., Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Казачий Дон: очерки истории и культуры. Ростов н/Д, 2005; Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Донцы в 1920-х годах: очерки истории. Ростов н/Д, 2010.

² Токарева Н.А. Деформация социально-экономических отношений в станицах и сёлах Северо-Кавказского края в 1928-1929 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1994.

³ Перехов Я.А. Власть и казачество: поиск согласия. Ростов н/Д, 1997; Чернопицкий П.Г. Советская власть и казачество // Проблемы казачьего возрождения: сб. науч. ст. Ростов н/Д, 1996. Ч. 2; Воскобойников Г.Л., Батырев В.Д. Советская власть и казачество (1921 - июнь 1941). М., 2003; Скорик А.П. Казаки Юга России и советская власть в 1917-1929 гг.: взаимоотношения в преддверии «великого перелома» // Казачество России: прошлое и настоящее: сб. науч. ст. Ростов н/Д, 2010. Вып. 3; Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Донские казаки и советская власть в ходе «чрезвычайных хлебозаготовок» 1927-1928 гг.: от нэпа к «великому перелому» // Лосевские чтения: тр. Междунар. ежегод. науч.-теор. конф., г. Новочеркасск, май 2008 г. Новочеркасск, 2008; они же. Политика большевиков по отношению к казачеству в 1920-х - 1930-х гг.: различие и противоборство подходов // Актуальные проблемы социальной истории. Новочеркасск; Ростов н/Д, 2009. Вып. 10; они же. Крестьяне и казаки Дона в середине 1920-х гг.: рецидивы сословного антагонизма // Государственная власть и крестьянство в XIX - начале XX века. Сб. статей (по итогам III междунар. науч. практ. конф., 5-7 окт. 2011 г., г. Коломна). Коломна, 2011.

⁴ Варнавских И.А. Продналог и процесс «расказачивания» на Кубани // Кубанское казачество: проблемы истории и возрождения. Тез. докл. науч. конф. Краснодар, 1992; Генис В.Л. Расказачивание в советской России // Вопросы истории. 1994. № 1; Кислицын С.А. «Расказачивание» - стратегический курс большевистской политической элиты в 20-е гг. // Возрождение казачества: история и современность: сб. науч. ст. к V Всерос. (междунар.) науч. конф. 2-е изд, испр. и доп. Новочеркасск, 1995; он же. Государство и расказачивание. 1917-1945 гг. Ростов н/Д, 1996.

виков привело не только к снижению протестного движения, но и к изменению содержания проводимой военно-мобилизационной политики. В свою очередь, крестьянско-казачья масса получила временные уступки, которые кардинально не решили всего круга их экономических и политических интересов. Не разрешенность конфликта и попытки найти общий интерес в реформах 1920-х гг., завершилась победой большевиков в ходе начавшейся коллективизации.

Как показывают новейшие публикации, историография нэпа и перехода к социалистической реконструкции на Юге России имеет широкий охват аспектов исследований, в которых отражены особенности развития южнороссийских станиц. К числу особенностей, характеризующих развитие постсоветского периода отечественной историографии, можно отнести повышенный интерес обществоведов к теоретическим проблемам, изменению методологических подходов к изучению истории, расширению источниковой базы и новому прочтению источников, качественную переоценку ключевых исторических событий. Ряд исследователей, мнение которых мы разделяем, считает, что ахиллесовой пятой отечественной историографии как советского, так и постсоветского периодов во многом остается нежелание разрабатывать теории среднего уровня и соотносить результаты своих поисков с уже разработанными теориями¹. Это, на наш взгляд, актуализирует разработку теоретико-методологических проблем.

Современная историография представлена значительным пластом исследовательских работ, в которых подробно освещены актуальные вопросы эпохи нэпа. Проблемы переходной экономики остаются актуальными, а опыт нэпа остается востребованным и требует всестороннего изучения.

¹ Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке / под ред. В.В. Бабашкина. М., 2015. С. 14.

1.2. Теоретико-методологический инструментарий исследования взаимоотношений власти и сельского населения Юга России в 1920-х гг.

Системная разработка истории взаимоотношений власти и крестьянства России 1920-х гг., в том числе на материалах Кубани и Дона, предполагает необходимость глубокого теоретического осмысления проблематики, анализа методологических подходов к изучению как аграрного прошлого, так и социально-политических и экономических процессов эпохи в целом.

Прежде всего, отметим, что активная работа историков и значительный количественный прирост информации по проблеме, присущие советскому периоду историографии, не привели к всестороннему осмыслению экономических и социальных процессов эпох нэпа и социалистической реконструкции, поскольку творческая активность ученых довольно жестко регламентировалась установками эволюционировавшего советского варианта марксистской идеологии.

Согласно официальной доктрине, советская историческая наука в своем развитии и методологии опиралась на марксистское, в том числе ленинское (затем ленинско-сталинское, затем вновь ленинское), учение, принципы которого находили непосредственное продолжение в работах советских ученых. Не отрицая и не умаляя ценности марксистского учения о развитии общества и его законах, заметим, что основу его отчасти упрощенного, а отчасти вульгаризированного советского варианта составляли тезисы о материалистическом понимании истории и её классовом характере, видение исторического процесса как последовательной смены формаций и др. Этим были обусловлены приоритеты советских исследователей, которые с классовых позиций изучали социально-политические и экономические процессы.

Советская историческая наука оказалась встроенной в административно-командную систему и обеспечивала её идеологическое сопровождение. Определенный запрет на действительный анализ спорных вопросов истории не позволял советскому исследователю вполне свободно исследовать эконо-

мические и социально-политические аспекты истории Советской России. Горизонты встроенной таким образом в административно-командную иерархию политической системы советской исторической науки в первую очередь определялись принципом партийности. Этот основополагающий принцип, в частности, нашел отражение в фразе В.И. Ленина: «партийность есть результат и политическое выражение высокоразвитых классовых противоположностей»¹. Принцип партийности отражал социальное, классовое содержание общественно-исторического познания и предполагал определенную оценку изучаемых явлений и процессов. Среди прочего, принцип коммунистической партийности предусматривал обязательную критику буржуазной историографии.

Принцип партийности по своей природе историчен², и признание этого факта никто не отрицает. Однако абсолютизация принципа партийности ставит историка в зависимость от идей, доминирующих в обществе, и, в меньшей степени, от собственных идей и пристрастий. Как следствие, историк не просто выражает партийные интересы (даже при наличии принципа плюрализма), но делает это предельно упрощенно и даже агрессивно. В советский период данный тезис был определяющим в развитии гуманитарных наук. Конечно, он развивался и эволюционировал. Однако мы вынуждены признать, что принцип партийности входил в противоречие с принципом объективности в ходе исторических исследований. Идеологическая составляющая политизировала исследования и ставила под сомнение их объективность.

Распад СССР, радикальная трансформация российской действительности, крушение социалистической системы обусловили глубокий кризис и в сфере научного осмысления истории, связанный с отказом от монополии марксистско-ленинской методологии. Для многих ученых эти и другие про-

¹ Ленин В.И. Неверные рассуждения «беспартийных» бойкотистов // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1977. Т. 13. С. 274.

² Ипполитов Г.М. Принцип партийности исторической науки: неактуальное наследие советских времен или сегодняшняя методологическая давность (дискуссионные заметки) // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2015. Т. 17, № 3 (2). С. 475-484.

цессы означали неизбежность прямого и огульного отрицания всей идеологической платформы недавнего коммунистического прошлого.

На наш взгляд, несмотря на имевшие место достижения в изучении проблем советской истории на предыдущем этапе, очевидно, что в условиях вступления в новую плюралистическую эпоху качественный прорыв в научных исследованиях на прежней основе уже немислим. Возможность объективно оценить прошлое в контексте выработки новой стратегии развития превратилась в одну из ключевых проблем российского общества. Это важно, потому что в обществе наблюдается возрастающий интерес к историческому прошлому, потребность в формировании новых теоретико-методологических подходов к его осмыслению.

В постсоветский период на смену марксистско-ленинской методологии как универсальному теоретическому инструменту исторического познания пришло признание методологического плюрализма. Это позволило, посредством использования различных теорий, анализировать научные проблемы путем сравнения разных точек зрения, что помогло историкам в работе по формированию многомерной и полихромной картины минувшего. Данный подход в постсоветский период стал активно использоваться при изучении истории взаимоотношений российского крестьянства и власти как направления исторического исследования, в отличие от советского периода, когда в первую очередь изучалась политика коммунистической партии и абсолютизировалось классовое противостояние в советской деревне.

Процесс выработки новых теоретико-методологических подходов к изучению советского крестьянства в условиях возникшего идейного плюрализма шёл в основном за счет заимствований теоретических подходов зарубежных исследователей, в том числе выработанных деятелями российской эмиграции. Во многом это осуществлялось упрощенно, некритически. Создание новых концепций происходило в основном в русле социально-

конструктивистской трактовки исторических событий¹. Исторический опыт прошлого и методы исследования подвергались критике или же отвергались.

В первое десятилетие после распада СССР и начала ломки старых, традиционных общественных институтов историческая наука оказалась открытой для теоретико-методологических новаций и именно благодаря этому в сжатые сроки пережила революционные преобразования, способствовавшие пересмотру сложившихся стереотипов предшествующего периода².

В контексте активного диалога с зарубежными коллегами, российские исследователи, безусловно, внесли и собственный, весьма ценный вклад в разработку проблем аграрной истории. В последние годы этот процесс нашел отражение в материалах научных конференций, посвященных российскому крестьянству³, в научных трудах⁴, в процессе систематического и системного обсуждения соответствующей проблематики в рамках формировавшегося крестьяноведения⁵.

Формирование многопартийной системы в постсоветский период окончательно свело на нет принцип партийности и классовый подход. Развитие демократических институтов и процедур способствовало изменению комплекса принципов исторического познания. Пройденный путь позволил российским ученым отойти от упрощенного, идеологизированного понимания социально-политических и экономических процессов, происходивших в со-

¹ Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история: в 2 т. Т. 1. Конструирование прошлого. СПб., 2003. Советская историография / ред. Ю.Н. Афанасьев и др. М., 1996; Плискевич Н.М. Устарела ли история по Ключевскому? Круглый стол // Общественные науки и современность. 2012. № 2. С. 92-109.

² Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX - начале XX в. Самара, 2011.

³ Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.): материалы Междунар. конф., г. Москва, 11-15 июня 1994 г. / отв. ред. В.П. Данилов, Л.В. Милов. М., 1996; Международный круглый стол «Крестьянство и власть в истории России XX века», Институт социологии РАН, ноябрь 2010 г. // Власть. 2011. № 8. С. 161-171.

⁴ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001.

⁵ Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. 1997. М., 1997; Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Учёные записки. 2011 / под ред. Т. Шанина, А.М. Никулина, И.В. Троцук. М., 2011. Вып. 6; Новые страницы истории Отечества: по материалам Северного Кавказа. Межвуз. сб. науч. статей. Ставрополь, 1996. Вып. 1.

ветской деревне в эпоху нэповской модернизации. Крестьяноведы постсоветского периода генерировали новые идеи и инструменты в процессе формирования новых походов в изучении крестьянского вопроса, нередко сохраняя в арсенале методологические принципы и теоретические подходы советской школы, объективно отражавшие взаимоотношения власти и крестьянства.

Применение новых методов и научных подходов, связанных с утверждением современного теоретико-методологического инструментария, способствовало становлению нового качественного подхода в изучении истории переходного периода, в том числе к пониманию значимости крестьянского вопроса, специфики эволюции индивидуально-крестьянского хозяйства и роли государства в этом процессе.

Теоретико-методологической базой нашей диссертации являются базовые принципы объективности, историзма. Возможность отойти от чрезмерной политизации проблематики предоставляет современному исследователю, опирающемуся на перечисленные принципы, необходимые условия для реального исследования событий и явлений прошлого со всеми его противоречиями, с учетом исторических особенностей и причинно-следственных связей.

Доминирование в постсоветский период теоретико-методологического плюрализма позволило ученым использовать различные приемы и методы в процессе исследования социально-политических, социально-экономических, военно-политических событий в доколхозной деревне. С учетом сложности изучаемой темы и накопленного исследовательского опыта, при изучении социально-политических и экономических событий в станицах Юга России наиболее эффективной должна быть признана мультипарадигмальная стратегия исследования. Это позволяет использовать различные подходы к познанию исторического прошлого, в том числе сложных процессов, происходивших в 1920-х годах в советской деревне. Синтез различных методологических подходов, применяемых в диссертационном исследовании, позволяет использовать их в многообразии достоинств и недостатков. Взаимно допол-

няя друг друга, они формируют концентрированную модель исторического исследования. Наиболее востребованными подходами являются формационный и цивилизационный, коммуникативный, теория модернизации, «новая локальная история».

Современные исследователи по-прежнему активно используют формационный метод исторического исследования при изучении прошлого¹. Это позволило нам применить принципы формационного подхода к исследованию социальной и политической истории южнороссийской деревни, анализу функционирования системы сельского самоуправления, социальных и словных противоречий, роли и места крестьянства в системе экономических реформ нэпа, особенностей аграрной политики большевиков в 1920-х гг.

В диссертации использовался также цивилизационный подход². Главенствующее значение в этой методологии имеет отражение жизни, быта, культуры, духовности во взаимосвязи и взаимозависимости с политическим, государственным, экономическим и иным устройством общества. Цивилизационный подход используется нами при изучении материальной и духовной культуры, структур повседневности, при анализе традиций и особенностей жизни казачества Юга России, формирования новой советской ментальности и советской системы местного самоуправления, функционирования индивидуального крестьянско-казачьего хозяйства.

На наш взгляд, основополагающее значение при изучении истории России XX в. как для большинства западных исследователей, так и для наиболее видных отечественных ученых, с конца 1980-х - начала 1990-х гг. приобрела модернизационная теория³.

¹ Жуков Ю.Н. Обратная сторона НЭПа: экономика и политическая борьба в СССР. 1923-1925 годы. М., 2017; Климин И.И. Российское крестьянство в годы новой экономической политики (1921-1927). СПб., 2007. Ч. 1.

² Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999.

³ Сперанский А.В., Сперанский П.А. Российская модернизация в контексте мировой истории: концептуально-методологические интерпретации // Вестник Уральского института экономики, управления и права. Екатеринбург, 2017. № 3. С. 24.

Теория модернизации позволяет рассмотреть и понять специфику и особенности южнороссийских станиц в переломный момент истории 1920-х гг., процессы обновления сельского хозяйства, жизнь местного аграрного сообщества, особенности землепользования, формирования советской системы, политического противостояния власти и казачества.

Теория модернизации является одним из наиболее эффективных средств исследования советского периода истории России. Процесс модернизации воспринимается как комплекс социально-политических, экономических, культурных трансформаций, в результате которых возникает общество современного типа. Теория модернизации изучает процессы видоизменения устоявшихся традиционных основ патриархального общества в современное индустриальное или постиндустриальное общество. Весь советский период в истории России характеризовался глобальными изменениями в экономике, общественной и политической жизни, в том числе коренными преобразованиями на юге страны. Происходила и модернизация основной отрасли экономики России в 1920-е гг. - сельского хозяйства. Под этим процессом понимается переход от традиционного общества к современному, включающий комплекс изменений, начинающихся с духовной переориентации, неизбежным следствием которой с течением времени становятся трансформации в социальной, экономической и политической сферах жизни общества¹.

Российские исследователи совершенствуют теорию модернизации, особенно, в части вопросов развития и трансформации аграрного сектора экономики². Отличительной чертой российской модернизации, по мнению исследователей, с которыми мы солидарны, является наличие таких черт, как «до-

¹ Опыт российских модернизаций XVIII-XX в. / отв. ред. В.В. Алексеев. М., 2000.

² Красильщиков В.А., Зиборов Г.М., Рябов А.В. Модернизация России (мировой опыт и наши перспективы) // Кентавр. 1992. Май - июнь; Красильщиков В.А. Вдогонку за прошедшим веком: развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М., 1998; Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Денисевич М.Н., Побережников И.В. Региональное развитие в контексте модернизации. Екатеринбург, 1997; Каспэ С.И. Империя и модернизация. Общая модель и российская специфика. М., 2001; Российская модернизация: размышляя о самобытности: сб. статей / под ред. Э.А. Паина и О.Д. Волкогоновой. М., 2008; Корнилов Г.Е. Модернизация аграрной сферы России в XX веке: региональное измерение // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Учёные записки. М., 2011.

гоняющая», «имперская», «неорганическая», «фрагментарная», «незавершённая», в отличие от западноевропейской, для которой характерно наличие индустриализации, урбанизации, секуляризации, институтов гражданского общества и др., что в конечном итоге не позволило нам опередить Запад ни на одном этапе исторического развития¹.

Локомотивом модернизации в мировой практике принято считать западноевропейское общество, а России отведена роль «догоняющей». Этот фактор стал определяющим в выборе методов и средств модернизации: для Европы это эволюционный метод, а для России - революционный, при активном участии государства. Реформаторы в России имели возможность эффективно использовать опыт западной цивилизации, учтя их ошибки. В российской историографии сформировался свой, отличный от западноевропейского, модернизационный подход исследования, признающий своеобразие исторического развития России. Отличительной его чертой является то, что государство определяло фрагментарность и неорганический характер отечественной модернизации. Это означало, что модернизационные процессы в России (СССР), как правило, происходившие в экономике, в том числе в аграрном секторе, осуществлялись за счет широких слоев населения, прежде всего крестьянства.

Россия, вступившая в период цивилизационных преобразований, последние два столетия находится в состоянии чередующихся реформ и контрреформ. О таком чередовании сегодня пишут многие. А.А. Кара-Мурза так видит последовательность этого процесса: «Радикальное усилие сблизиться с цивилизацией Запада - далее реформа «пробуксовывает», обрастает «издержками», постепенно приобретает черты псевдореформы - и, наконец, на волне ностальгии по былому имперскому могуществу и, пусть условному, социальному единству и идентификационной ясности на авансцену выходят жесткие

¹ Красильников В.А. Вдогонку за прошедшим веком: развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М., 1998. С. 18.

государственники-реставраторы и крайние националисты»¹. Нечто похожее происходит и ныне, страна переживает очередной откат, который А.В. Рябов определяет, как «модернизационный срыв»².

Наличие факторов «незавершенности», срыва модернизационных преобразований вызывает острые дискуссии. «Незавершённость» модернизации в России обусловлена, по мнению большинства исследователей, отсутствием действующих гражданских, демократических институтов, способных на паритетных началах взаимодействовать с государством. Если учесть тот факт, что в большинстве случаев мы осуществляем технические заимствования, то нужно признать, что они не обеспечивают полноценного течения модернизационных процессов. Такого рода процессы, проходившие на различных исторических этапах, лишь укрепляли традиционную российскую государственность, будь это самодержавие или советская система власти.

Советская модернизация, в свою очередь, являлась «инструментальной» (в приоритете были экономические преобразования), «консервативной» и «незавершённой»³. Исходя из такого понимания, сторонники «завершённой» модернизации призывают к более глубоким качественным изменениям, особенно в социально-психологическом аспекте. Исторические дискуссии на эту тему будут иметь продолжение, ибо разрешение их базовых вопросов лежит в плоскости успешности завершения реформ 1990-2010-х гг.

Западный путь модернизации не вполне отвечает национальным интересам России, потому что совершается очередная ошибка в области взаимодействия государства и общества. Геополитические, культурные, ментальные особенности России препятствуют копированию западного пути. Напротив, цивилизационная специфика России позволяет использовать собственный

¹ Цит. по: Паин Э.А. Особенности российской модернизации и их историческая природа. Российская модернизация: размышляя о самобытности: сб. ст. / под ред. Э.А. Паина и О.Д. Волкогоновой. М., 2008. С. 6.

² Там же. С 16.

³ Вишневецкий А.Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. 2-е изд. М., 2010. С. 6.

накопленный опыт развития и переоценки не только роли государства, но и его ответственности перед обществом.

В этой связи важным компонентом теоретико-методологической базы диссертации выступает обоснованная израильским социологом и специалистом в области теории цивилизаций Ш. Эйзенштадтом теория «множественности модернов». Выделение основных противоречий модернизации позволило ему создать многомерную модель, которая сводилась к тому, что модернизация - процесс противоречивый и отнюдь не сводится к усвоению достижений современного Запада, но учитывает и национальные традиции. В этом процессе имеют место противоречия, такие как: а) перемены против стабильности и преемственности: б) новые принципы рациональности против культурного достояния; в) свобода против авторитаризма. Разрешение этих проблем и последствия приводили к конфликтам в обществе, которые определяли результаты реформ (срыв реформ)¹.

Эта теория позволяет утверждать, что западная модель модернизации трансформируется в зависимости от цивилизационных особенностей той или иной страны. Именно исходя из этого посыла, теория «множественности модернов» позволяет, в сочетании с иными инструментариями научного исследования, дать объективную оценку особенностям развития России в переходный период 1920-х гг.

Экономическая политика 1921-1929 гг., кардинально отличаясь от периода «военного коммунизма», предусматривала допуск рыночных методов хозяйствования с активным использованием частнокапиталистических, торгово-рыночных отношений. Наличие этих элементов позволяет отнести эпоху нэпа к своеобразному модернизационному периоду Советской России.

В этой связи особенность исторического пути России порой определяется как проблема фрагментарной - неравномерной и диспропорциональной модернизации, уменьшающей привлекательность нашей страны в качестве

¹ Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999. С. 10.

партнера в мировом взаимодействии, а также ослабляющей ее конкурентоспособность в соревновании государств-наций¹. И мы отмечаем, что наличие многоукладности экономики в 1920-х гг. оказывало существенное влияние на модернизационные процессы, которые сохранялись как определённая преемственность социально-экономических отношений дооктябрьской и нэповской России. Вопрос многоукладности в советской историографии рассматривался с точки зрения ленинских подходов в оценке производственных форм, господствовавших в российской экономике. Данную тему не обошли исследователи в постсоветский период, а проблема многоукладности получила новое обоснование - более широкое, чем в предшествующий период. Исследователи трактуют многоукладность не только как экономическое, но и социальное, политическое, ментальное проявление².

Такое понимание состояния общества в переходный период, в сочетании с реформами рыночного плана в рамках нэпа, означает возможность сосуществования и развития различных моделей производственной деятельности. В рамках каждой формы производственной деятельности в 1920-е гг. происходили свои модернизационные процессы, которые большевики поддерживали до определенного времени. Нарастание критической массы, которая не могла поддерживать модернизационный процесс, привело к завершению реформ. Роль государства (а не экономическая целесообразность) при этом была определяющей.

Безусловно, в завершении нэпа решающее значение имели политические мотивы, в том числе и внешнеполитические факторы. Роль государства в модернизационных процессах в истории России была определяющей и в отношении крестьянства, которое является предметом нашего исследования. «Сутью модернизации является формирование сильной в экономическом, поли-

¹ Паин Э.А. Особенности российской модернизации и их историческая природа // Российская модернизация: размышляя о самобытности: сб. статей. М., 2008. С. 18.

² Баранов А.В. Многоукладное общество Северного Кавказа в условиях новой экономической политики. Краснодар, 1999. С. 22.

тическом, военном, научном и иных отношениях страны при росте благосостояния её населения»¹.

Различные уклады в аграрном секторе периода нэпа, имевшие контрастный тип взаимодействий с государством, представляли собой непрочную базу для модернизационных преобразований. Состояние российской промышленности не позволяло обеспечить необходимым количеством техники аграриев, а те, в свою очередь, не имели средств для их приобретения. Наличие техники, машин могло определить приоритет коллективных хозяйств, но советская промышленность в 1920-е гг. не обладала таким потенциалом и не могла удовлетворить даже минимальные потребности. Наличие таких объективных обстоятельств позволяло индивидуальным крестьянским хозяйствам до середины 1920-х гг. развиваться в рамках проводимых реформ, которые, по мнению партийного руководства могли через кооперацию перейти на иной уровень производственной деятельности, основанный на коллективизме. Соответственно индивидуальные крестьянско-казачьи хозяйства получали «дозированную» государственную помощь в соответствии с идеологическими принципами большевиков.

На разных этапах нэпа аграрная политика большевиков претерпевала значительные изменения, чем и объясняется незавершенность реформ в аграрном секторе экономики. На каждом этапе аграрных преобразований большевики ставили перед хлеборобами новые цели. Неисполнение или же не достижение целей не мешало правительству принимать другие решения. Но даже эти непоследовательные организационно-правовые действия не оказывали определяющего влияния. Определяющими стали политические цели, которые диктовали ход экономических преобразований, прежде всего их индустриальные приоритеты, тогда как сельское хозяйство для Советской власти отошло на второй план с точки зрения национальной безопасности. Прерывание поступательных модернизационных процессов в сельском хозяйстве посредством административных мер было объяснимо стратегической целью

¹ Мау В.А. Государство и экономика: опыт экономических реформ. М., 2017. С. 20.

движения к социализму при доминирующей актуализации военной составляющей.

Если рассматривать в этом контексте вариант «бухаринской альтернативы», то, с учетом позиций Н.И. Бухарина, который с легкостью менял свои взгляды, она стала неактуальной. Развитие сельского хозяйства возможно было при качественном изменении условий сельскохозяйственного производства, т. е. в рамках модернизации необходимо было обеспечить селян сельскохозяйственными машинами, специалистами и внедрять новые агротехнические приемы земледелия, менять психологию хлебороба, ориентированного не на удовлетворение собственных потребностей, а на получение прибыли, роста товарности хозяйства. Первостепенными объектами механизации, финансовой и кадровой помощи становились колхозы и совхозы, что напрямую отражало приоритеты политики большевиков и её классовое содержание.

Нэп был связан с постепенным ужесточением внутривластного режима как следствие поиска оптимальных путей модернизации экономики, приведшего к формированию централизованного и военизированного партийно-государственного бюрократического аппарата. В результате к концу 1920-х гг. нэп в командно-административном порядке прекратил существование (отказ как экономической модели) и начались форсированные социалистические преобразования. Для селян «закончился «золотой век» и начался период коллективизации.

Успехи в развитии сельского хозяйства во многом зависели от общего уровня развития социалистической экономики, которая к концу 1920-х гг. уже позволяла перейти к сплошной коллективизации в связи с объективной необходимостью формирования новой национальной продовольственной концепции. В контексте нэпа не стоит идеализировать сиюминутные экономические пристрастия большевиков, потому как приход их к власти в октябре 1917 г., провозглашенные ими принципы социальной справедливости, не реализованные в первое десятилетие, оказывали давление на политическую

элиты страны. Примером может служить обсуждение материалов о развитии советской кооперации, прошедшее в Комакадемии в 1929 г., о котором пишет Н.К. Фигуровская. Она отмечает, что участников дискуссии интересовали в первую очередь вопросы социалистических преобразований, а не поиск путей результативности деятельности кооперации¹.

Мы также активно использовали положения «новой локальной истории» как научного инструмента, основанного на принципах цивилизационного подхода в изучении истории. Данный метод активно применялся в ходе анализа исторических событий в 1920-х гг. на Юге России и в контексте как общероссийской истории, так и с позиций междисциплинарного подхода². Метод позволяет использовать местную информацию и специфику для понимания общероссийских событий и одновременно показать влияние последних на местные события, что дает возможность гармонично рассматривать региональную (местную) историю в контексте развития общероссийского исторического процесса. Но хотелось бы отметить, что мы наблюдаем рост регионального материала в исторических исследованиях и некий перекоп в оценке региональных особенностей реформ 1920-х гг.³

История нэпа неизбежно будет постоянно переосмысливаться и конструироваться в соответствии с мировоззрением исследователей⁴. Методологическое значение для темы исследования имеют труды таких выдающихся историков российского крестьянства, как Л.В. Милов⁵, В.П. Данилов⁶, Т. Шанин⁷. Взаимоотношения власти и крестьянства 1920-х гг. расцениваются в

¹ Фигуровская Н.К. Развитие аграрной теории в СССР. Конец 20-х - 30-е годы. М., 1983. С. 88-103.

² Булыгина Т.А. Историческая антропология и исследовательские подходы «новой локальной истории» // Человек на исторических поворотах XX века ... С. 27.

³ Орлов И.Б. Нэп в региональном ракурсе: от усреднённых оценок к многообразию // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. М., 2006. С. 33-54.

⁴ Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история: в 2 т. СПб., 2003-2006.

⁵ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001.

⁶ Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: в 2 ч. М., 2011.

⁷ Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире / сост. Т. Шанин. М., 1992.

более широком историческом контексте сравнения позднеимперской и раннесоветской общественных систем, выявления не только их разрыва, но и некоторой преемственности (Б.Н. Миронов¹); установления этапов и типологии модернизации в России в аспекте многоукладности и роли крестьянства в противоречивых реформах (В.А. Красильщиков², А.Г. Вишневский³).

В диссертации активно применялся коммуникативный подход. Он позволяет изучить содержание и развитие общественной коммуникации в кризисных ситуациях переходного периода и дает возможность оценить взаимодействие власти и крестьянства в разрешении острых социальных и политических противоречий. Большевики весь период 1920-х гг. находились в поиске решения задач восстановления экономики и дальнейшего ее развития и одновременно в поиске социального согласия в обществе, где явно проявлялись противоречия в методах и средствах решения поставленных задач. Советское общество 1920-х гг., состоявшее из социальных разнородных групп и укладов, но не имевшее единой идеологической платформы, единых ценностей и убеждений, находилось в открытом или скрытом противостоянии с политической властью. Протестные движения крестьянско-казацкой массы продолжались все годы нэпа: активно до 1923-1924 гг., когда военная составляющая была определяющим фактором. В последующем противоречия сохранялись в разрешении земельного и продовольственного вопроса, которые привели к росту внутриобщинного противостояния, скрытого роста неприятия проводимых реформ. Очередным испытанием советского общества стали события по выборам в Советы в декабре 1924 г., где большая часть населения продемонстрировала абсентеизм. Наличие скрытого противостояния было воспринято как угроза политической власти и проводимым реформам, что заставило правящую партию пойти на уступки крестьянству и отменить ре-

¹ Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII - начало XX века. М., 2010.

² Красильщиков В.А. Вдогонку за прошедшим веком: Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М., 1998.

³ Вишневский А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. 2-е изд. М., 2010.

зультаты выборов в Советы. Очередной скрытый протест крестьянства в 1924 г. на выборах в Советы заставил большевиков реформировать избирательную систему, тем самым сохранив социально-политическое согласие в обществе. В этом противостоянии на короткий промежуток времени (до 1926 г.) в крестьянской среде сформировалась иллюзия о возможности оказывать постоянное давление на власть и тем самым влиять на внутреннюю политику. Однако продовольственная политика правящей партии в 1927-1929 гг., «военная тревога» окончательно разрушили идею формирования единых ценностей и убеждений, которые могли стать значимыми для участников процесса, крестьянско-казачьей массы и государства. Именно не сформированность единой национальной, объединяющей идеи не позволяло эволюционировать нэпу, так как государство и крестьянство в 1920-х гг. выступали по отношению друг другу разнонаправленно в принципиальных вопросах.

По мере усиления авторитета органов государственной и партийной власти коммуникативная связь в советском обществе разрушалась. Коммуникативная структура осталась незавершенной, так как не был сформирован механизм консенсуса, где могли быть учтены не только интересы всех, но и каждого в отдельности участника диалога. Нарушение этого принципа привело к началу формирования условий для диктата советско-партийной системы от станицы (села) до центра и подавления очагов сопротивления в обществе. Обоснование на пленумах ВКП(б) 1928-1929 гг. перехода к плановому ведению хозяйства и начала коллективизации было явным проявлением нежелания, неспособности продолжать коммуникационный процесс. Основным доводом для прекращения очередного поиска компромисса между государством и крестьянства стали трудности в хлебозаготовительной кампании.

Таким образом, мы можем определить круг теоретико-методологических подходов, использованных при написании диссертации.

Данное исследование носит исторический характер. Исторический подход является системообразующим. Его задачам подчинены остальные подходы, специально-научные и конкретно-научные методы, а также междисци-

плинарные практики, которые позволяют существенно расширить границы получения достоверного исторического знания.

Основами исторического похода как области научного знания являются принципы объективности и историзма. В современном историческом знании под маркой постмодерна и производных от его теорий оба принципа историзма и объективности подвергаются сомнениям. В системе постправды и постистории само понятие исторического факта теряет свой смысл. Однако социальные функции исторической науки как знания, влияющего на саморазвитие конкретных людей и целых цивилизаций, не могут выполняться с опорой на аморфные постфакты. Их «нейтральность» не более чем маска для нового вида идеологического воздействия на сознание людей.

В XX в. принцип историзма трактовался исключительно с позиций идеологической направленности и привязывался к марксистской теории, однако само понятие историзма изначально старше. Его формулировал Вольтер. В немецкой историософии принцип историзма занимал центральное место, например, во взглядах на историю, сформулированных Э. Трёльчем¹.

Для автора данной работы принцип историзма означает: беспристрастность исследователя, использование им логически доказанных фактов и конвенционального (общепринятого в исторической науке) понятийного аппарата, строгое следование процедурам доказательства гипотезы исследования, неприемлемость подмены исторической истины идеологизированными и эмоциональными суждениями². Принцип историзма требует исследовать любое явление в контексте закономерного чередования ситуаций и процессов, в системе мировоззрения (социокультурной детерминации поведения) той или другой исторической эпохи³. Он означает учёт достаточно устойчивой детерминированности и вместе с тем альтернативности исторических процессов, каузальной связи явлений и событий.

¹ Трёльч Э. Историзм и его проблемы / пер. с нем. М.И. Левина, С.Д. Сказкина. М., 1994.

² Агацци Э. Научная объективность и ее контексты / под ред. и с предисл. В.А. Лекторского. М., 2017.

³ Трёльч Э. Историзм и его проблемы ...

Принцип историзма коррелируется с объективностью, полученного знания, а объективность опирается на представления о способности науки в рамках имеющихся в её распоряжении границ, получать точное, проверяемое, достоверное знание. Со временем с обращением к новому фактическому материалу, расширением приемов междисциплинарного синтеза, потребностью более широкого и глубокого обобщения, полученные в определенной исторической ситуации достоверные знания могут менять свой статус и значение в новой системе научных координат. Объективность в науке всегда относительна, но долг ученого всегда стремиться к получению достаточно полного, точного и достоверного фактографического знания. Поэтому автор считает необходимым четко обозначить свою приверженность и принципу объективности.

Возможности современной науки позволяют получить достаточно разносторонне конкретно-исторический материал и превратить принцип системного анализа в набор конкретных последовательных шагов, которые позволяют на историческом материале строить динамические системные модели. Основной специально-научный метод, на применение которого направлены усилия автора исследования, - системный. Под его нужды выстраивается применение таких методов исторического исследования как генетический, сравнительный, типологический и структурный. Познавательный потенциал системного метода как специально-научного направлен на итоговое построение многомерной динамической модели форм взаимоотношений власти и сельского населения Юга России, в которой бы учитывались механизмы саморегуляции и регуляции не только государственной власти, но и форм общежития крестьян.

Современное историческое исследование в изучении и описании конкретных аспектов событийной и каузальной истории может опираться на результаты и методические приемы различных областей научного знания. Одни из них ближе по содержанию задачам исторической науки, а другие на пер-

вый взгляд, казалось бы, далеки. Возможности междисциплинарного синтеза позволяют в методическом плане использовать опыт и тех и других.

Изучение конкретных форм и состояний взаимоотношений власти и сельского населения в 1920-х гг. расширяется за счет подходов, появившихся в современном социогуманитарном знании.

Конкретные аспекты поставленной проблемы с использованием параметров междисциплинарного синтеза позволяют нам применять в главах исследования, следующие конкретные исторические методы.

Системный метод даёт возможность рассмотреть нэп в целостности и взаимосвязи её направлений и методов, оценить взаимосвязанность отношений между партийно-государственной властью и различными социальными и сословными группами внутри крестьянства 1920-х гг.¹

Сравнительный метод позволяет установить общие закономерности и особенности взаимодействий власти с крестьянством как в кросс-территориальном аспекте (парное сравнение Кубани и Дона, плюральное сравнение на уровне округов), так и в кросс-темпоральном ракурсе (сравнение основных этапов взаимодействий в периоды «военного коммунизма», нэпа и начавшейся коллективизации), в кросс-субъектном аспекте (аграрная политика в отношении различных социально-стратификационных групп крестьянства)².

Структурно-функциональный метод обеспечивает изучение организационного строения партийных и государственных органов власти, институтов общественной самоорганизации крестьянства (земельных обществ, кооперативов и др.), их формальных и латентных функций в общественной системе 1920-х гг.³

¹ Закарян М.Р., Закарян Р.М. Диалектическая системология. Научная методология общей теории систем. Краснодар, 2017; Казаневская В.В. Философско-методологические основания системного подхода. Томск, 1987.

² Skocpol Th. States and Social Revolution: a Comparative Analysis of France, Russia, and China. First Published 1979. 15th Printing. Cambridge, 2007.

³ Кузьмин С.А. Социальные системы: опыт структурного анализа. М., 1996.

Основой для конкретных практик междисциплинарного синтеза при изучении отдельных аспектов темы стали подходы, разработанные смежными областями социогуманитарного знания. Историко-социологический подход образует базу для установления статусов, ролей и позиций основных социальных групп в южно-российской станице, равно как и различных слоёв партийно-государственного аппарата власти¹. Данный подход позволяет охарактеризовать общественную систему 1920-х гг.

Коммуникативный подход выбран основой эмпирического анализа взаимодействий между органами власти и различными группами земледельцев². Он обеспечивает выявление каналов и практик коммуникативных взаимодействий, эффектов искажения информации в условиях монополии органов власти на информирование общества.

Конфликтологический подход даёт возможность определить интересы участников общественных отношений, их мотивацию и способы выражения своих требований относительно аграрной политики 1920-х гг.³ На основе этого подхода изучены проявления оппозиции и протеста в общественном мнении, а также в формах деятельности различных категорий земледельцев.

Следует отметить положительные изменения, произошедшие в постсоветский период в деятельности исследователей в области гуманитарных наук, над которыми более не довлел идеологический диктат правящей партии. Новое состояние исторической науки позволяет расширить круг концепций современной историографии. Наличие плюрализма мнений способствует фор-

¹ Безруков М.П., Кулешов С.В., Медушевский А.Н., Свириденко Ю.П. Новейшая история России в политико-историческом измерении. М., 2006.

² Берберих М.В. Коммуникативный подход и историческая концепция Юргена Хабермаса. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2011; *Roots of Human Sociality: Culture, Cognition and Interaction* / ed. by N.J. Enfield and S.C. Levinson. Oxford; New York, 2006.

³ Сорокин П.А. Социология революции. М., 2005; Посадский А.В. Гражданская война в России под углом зрения политической конфликтологии // Политические исследования. 2002. № 3. С. 72-80; он же. Партизанско-повстанческая борьба: опыт и уроки XX столетия // Военная история. Саратов, 2009. № 3 (38). С. 6-11.

мированию новых методологических подходов, комбинируя различные методы, не концентрируясь на отдельно взятой методике при изучении истории южнороссийских станиц 1920-х гг.

1.3. Источниковая база исследования взаимоотношений власти с казачеством и крестьянством Юга России в 1920-х гг.

Источниковая основа исследования составляют письменные источники разных видов и разновидностей. Традиционно принято в источниковедческом обзоре характеризовать сначала неопубликованные затем опубликованные источники. Специфика данной темы заставляет отойти от общепринятых стандартов характеристики источников, поскольку источники, использованные в работе, представляют из себя как минимум три разные группы: 1) неопубликованные архивные документы; 2) опубликованные в 1920-х гг., но частично переданные в архивные фонды; 3) опубликованные источники, находящиеся в открытом доступе.

Преобладающая часть информации о деятельности первичных партийных и советских структур, протестного движения крестьянства, восстановления сельского хозяйства и социокультурным процессам в сельской местности Кубани и Дона найдена в неопубликованных источниках.

Данные обобщенные в работе получены из 11 центральных, региональных и местных хранилищ.

Документы органов государственной власти разных уровней, в том числе и региональных представлены в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). Повышенный интерес представляют отчетные доклады и записки с мест, поступавшие во ВЦИК Советов РСФСР (Ф. Р-1235 ГАРФ), характеризовавшие состояние хозяйственной работы, процесс проведения выборов в Советы, общественные настроения. Особенно информативны документы такого рода составленные в первой половине 1920-х гг. В фондах Народного комиссариата внутренних дел РСФСР (Ф. Р-393) представлены

материалы о преступлениях уголовного и политического характера 1920-х гг., особенности их проявления на территории Северо-Кавказского края. Информация о социально-политических процессах, экономическом состоянии индивидуальных крестьянско-казачьих хозяйств 1920-х гг. представлена в сравнении с предвоенным состоянием сельского хозяйства в фонде Народного комиссариата Рабоче-крестьянской инспекции СССР (Р-374). Отмечаем наличие ряда разночтений в статистических данных, имеющих в фонде, с данными, находящимся в аналогичных фондах региональных архивов. Наличие несоответствий по ряду показателей развития региона (численность и состав населения Кубани и Дона, основные экономические показатели) мы можем объяснить отсутствием единого методологического подхода в оценке основных статистических данных в 1920-х гг. Документы фонда Центрального Исполнительного Комитета СССР (ЦИК СССР) и его подведомственных учреждений (Р-3316) дают возможность изучить содержание проводимой продовольственной и земельной политики правительства в 1920-е гг., в том числе её противоречивость на региональном уровне. При написании диссертации использованы документы фонда Народного комиссариата земледелия РСФСР (Р-478) Российского государственного архива экономики. Фонд предоставляет документальные материалы о состоянии сельского хозяйства и деятельности структурных подразделений Наркомзема РСФСР за период 1918-1929 г. Документы фонда позволяют изучить государственную политику в области сельского хозяйства, в частности относительно индивидуальных крестьянско-казачьих хозяйств и отношения крестьян к проводимой политике. Следует обратить внимание на наличие материалов характеризующие не только состояние посевов, урожая и технической оснащённости, но и перспективных планов развития сельского хозяйства, в которых прослеживаются противоречивость проводимых реформ.

Документы Коммунистической партии представлены в фондах Российского государственного архива социально-политической истории (далее РГАСПИ), особенно в фонде Центральный комитет КПСС (ЦК КПСС) (Ф.

17), Кавказского бюро ЦК РКП(б) (Ф. 64). Документы высших партийных органов, переписка, письма, обращения граждан, аналитический материал по политическому и социально-экономическому положению в регионах Советской России позволяют охарактеризовать неоднозначную политику правящей партии на различных этапах реформ, взгляды правящей элиты на перспективы нэпа.

В фондах (архивных) региональных партийных комитетов имеются в наличии огромный массив различных документов от аналитических справок об экономическом, политическом состоянии до писем и обращений граждан и решений партийных форумов, которые позволяют разносторонне проанализировать и охарактеризовать содержание проводимой политики. Следует обратить внимание на региональную специфику содержание этих документов для Кубани и Дона, в которых вопрос казачества, сословных и земельных отношений, продовольственной политики, выборов в Советы оставался приоритетным. Наиболее объективная, разносторонняя информация, позволяющая объективно проанализировать события и процессы, происходившие в 1920-х гг. на региональном уровне размещена в Центре документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК) в следующих фондах: Кубано-Черноморский областной комитет РКП(б) (Ф. 1), Черноморская окружная контрольная комиссия ВКП(б) (Ф. 6). Кубано-Черноморская областная контрольная комиссия РКП(б) (Ф. 7), Кубанский окружной комитет ВКП(б) (Ф. 8), Черноморский окружной комитет РКП(б) (Ф. 9), Кубанская окружная контрольная комиссия (Ф. 10), Армавирская окружная контрольная комиссия ВКП(б) (Ф. 13), Краснодарский отдельский комитет РКП(б) (Ф. 17). Особое значение имеют архивные материалы, размещенные в Центре документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Город Ростов-на-Дону был региональным центром, в котором была сосредоточена итоговая (отчетная) документация (информация) поступающая из субъектов, входивших в Юго-Восточную область, а в последующем в Северо-Кавказский край. Нами обработан массив архивных документов из следующих фондов: Донской об-

ластной комитет РКП(б) (Ф. 4), Донской окружной комитет РКП(б) (Ф. 5), Северо-Кавказский краевой комитет ВКП(б) (Ф. 7), Донецкий окружной комитет ВКП(б) Северо-Кавказского края (Ф. 75). Анализ содержания документов позволяет оценить сложность становления политического диалога между властью и сельским населением, особенно в вопросах выбора в местные Советы и их взаимоотношений с партийными низовыми организациями, характер, содержание проводимой продовольственной и земельной политики, остроту протестного движения как на начальной стадии становления советской власти, так и в последующем.

Следует отметить документы, размещенные в фондах Национального архива Республики Адыгеи. Они предоставляют возможность охарактеризовать как уровень развития общества в национальном округе, так и особенности реализации нэпа в Адыгее, совпавшие с периодом становлением её государственности. Однако уровень информационного содержания документов не дает возможности сформировать целостное содержание нэпа и её последствия для коренного населения автономии.

В Государственном архиве Ростовской области (ГАРО) и Государственном архиве Краснодарского края (ГАКК) представлена информация о деятельности советских и хозяйственных органов Кубани и Дона в переходный период от Гражданской войны к реформам 1920-х гг., позволяющая оценить содержание экономической и социальной политики большевиков, в первую очередь, продовольственной и земельной.

Из числа фондов ГАРО привлекают внимание Ф. Р-97 (Донской областной исполком Советов), Ф. Р-1775. Донское областное земельное управление. Ф. Р-1485. Исполнительный комитет Юго-Востока России (Северо-Кавказского краевого Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов). (Северо-Кавказский краевой исполком Советов), Ф. Р-1390 (Северо-Кавказское краевое земельное управление). Аналогичную значение имеют фонды ГАКК: Ф. Р-686 (Кубано-Черноморский областной исполнительный комитет Советов); Ф. Р-102 (Отдел управления Кубано-Черноморского обл-

исполкома Советов); Ф. Р-60 (Кубано-Черноморский областной земельный отдел); Ф. Р-1594 (Кубанский окружной исполнительный комитет Советов), Ф. Р-990. Кубано-Черноморская областная рабоче-крестьянская инспекция исполнительного комитета Кубано-Черноморского областного совета рабочих, крестьянских, красноармейских, казачьих и горских депутатов. Мы обращаем на высокий уровень информативности и объективности в материалах, представленных в фондах рабоче-крестьянской инспекции различных уровней. В них присутствует разносторонняя информация о состоянии как производственной деятельности на отдельно взятом предприятии, так и общей оценки экономического политического положения в районе или регионе.

Стенограммы заседаний исполкомов Советов, отчётные доклады и записки с обоснованием нормативно-правовых актов позволяют оценить реализацию аграрной политики на краевом и окружном уровнях, взаимодействие Советов с земельными обществами и кооперацией, методы проведения избирательных кампаний, ход амнистий и репрессий. В фондах исполнительных комитетов Советов на Кубани и Дону хранятся документы не только по выборам, но хозяйственной деятельности крестьянско-казачьих хозяйств, письма и обращения хлеборобов в местные органы власти по различным вопросам. Эта информация содержит объективные сведения о политическом, сословно-имущественном противостоянии в сельской местности, а также сведения о количественном составе Советов и представительстве в них различных групп крестьян. Это позволяет охарактеризовать политику большевиков в отношении низовых советских структур и их влияние на процесс становления Советов, как органов местного самоуправления. В научный оборот вовлечены фонды местных архивов, а именно Муниципального казенного учреждения города Сочи «Сочинский городской архив» (МКУ города Сочи «Сочинский городской архив»), архивного отдела администрации муниципального образования города Армавира (АОА МО г. Армавир) и архивного отдела администрации муниципального образования города Новороссийска (АОА МО г. Новороссийск). Черноморский округ отличался своеобразно-

стью истории формирования и развития социально-политических процессов, что во многом предопределило в 1920-х гг. в том числе содержание «бело-зеленого» движения, земельных отношений и др.

В местных архивах представлен широкий круг информации о содержании проводимой большевиками политики в 1920-х гг. Она позволяет конкретизировать её содержание на уровне отдела, в последующем округа, района, города, станицы, хутора. Документы отличаются высоким уровнем репрезентативности. Мы отмечаем значимость следующих фондов: Р-9 «Исполнительный комитет Черноморского окружного Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и краснофлотских депутатов», Р-19 «Черноморская окружная рабоче-крестьянская инспекция», Р-24 «Земельное управление исполнительного комитета Новороссийского районного Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и краснофлотских депутатов» архивного отдела администрации муниципального образования города Новороссийска; Р-45 «Армавирский отдельский Совет рабочих, крестьянских, красноармейских, казачьих и горских депутатов и его исполнительный комитет», Р-87 «Армавирское окружное земельное управление», Р-247 «Управление уполномоченного СКК-РКИ по Армавирскому отделу» архивного отдела администрации МО г. Армавир. Именно из фондов Р-25 «Исполком Сочинского районного Совета рабочих, крестьянских, красноармейских депутатов» (Р-25 оп. 1. Д. 35, 36) и Р-223 «Сочинская районная рабоче-крестьянская инспекция» (Р-223. Оп. 1. Д. 102). Сочинского городского архива были впервые включены в научный оборот новые документы при написании диссертации. Выявленные документы содержали сведения о выборах в местные Советы и списки лиц, ограниченных в гражданских правах, заявления граждан по восстановлению конституционных прав, решения избирательных комиссий по этим вопросам. Эти документы характеризуют явно проявлявшуюся классовую политику большевиков на завершающей стадии нэпа.

Следует отметить, что информационная насыщенность документов, размещенных в партийных архивах качественно отличает их от документов,

находящихся в фондах советских органов. В 1920-е гг. сохранился паритет во взаимоотношениях партийных и советских органах, но вместе с тем именно за партией оставалось право принимать окончательные решения по дискуссионным вопросам, что во многом предопределило содержание партийных документов.

Для выявления целей аграрной политики правящей партии, механизмов выработки, принятия и осуществления политических решений важны стенограммы пленумов, заседаний бюро и секретариатов партийных комитетов разных уровней, совещаний при них. Опубликованными источниками являются стенограммы съездов партии, конференций краевых и окружных организаций РКП(б)-ВКП(б), их резолюции¹. Они отличаются большой информативностью и демократичностью в изложении информации, выступавших на партийных форумах. Значимость этой информации возрастает, так она содержит объективное восприятие партийным руководством происходивших событий в экономической и политической жизни страны, в том числе и в сельском хозяйстве, потому что информация изначально была закрытой и не доступна широким массам. Обсуждение критических вопросов на партийных форумах, в том числе региональных становится одним из приоритетных объектов нашего исследования.

Значительную пользу приносят также записки и доклады о состоянии различных направлений аграрной политики, отчёты о выполнении партийных решений. Благодаря им становятся яснее причины и проявления разногласий между советскими и партийными органами власти, а и также органов власти разных уровней и местным населением.

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898-1986. 9-е изд. В 14 т. М., 1982-1986; Материалы второй Юго-Восточной краевой конференции РКП(б) (Стеногр. отчёт). Ростов н/Д., 1924; Материалы к отчётному докладу Северо-Кавказского краевого комитета РКП(б) III Северо-Кавказской партийной конференции. Ростов н/Д, 1925; Отчёт Донского окружного комитета РКП(б) с мая по октябрь 1924 г. Ростов н/Д, 1925; Информационное письмо Кубанского окружкома ВКП(б) парторганизациям. Июль 1927 г. Краснодар, 1927.

Статистические материалы, привлечённые к исследованию, подразделяются на те, которые хранятся в архивных фондах или же опубликованные. Среди них следует упомянуть материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г.¹, ежегодные отчёты Северо-Кавказского крайисполкома Советов об экономическом и социальном положении региона², сборники о результатах выборов местных Советов³, справочники⁴. Этот вид источников позволяет оценить меры налоговой и земельной политики на Кубани и Дону, тенденции социального расслоения крестьянства и его сословных групп - казаков и «иногородних», изменения состава местных органов власти. Наиболее достоверными являются материалы за 1924-1927 гг., содержащие меньше идеологизированных искажений, чем в предшествующий и последующий периоды. В ходе работы с документами государственных архивов мы установили наличие большого количества разночтений в статистических показателях, характеризующих процессы восстановления и развития региональной экономики, что подчеркивает необходимость критического и объективного отношения к данному виду источников.

Статистические сборники позволили выявить количественные показатели, характеризующие состояние аграрного сектора экономики Кубани и Дона как на начальной стадии восстановительного процесса, так и на завершающем этапе нэпа. Информация, размещенная в статистических изданиях, позволяет установить уровень развития индивидуальных крестьянско-казачьих хозяйств, их потенциал и возможности модернизационных процессов в сельском хозяйстве Юга России. Значимость этих сборников возрастает по мере сравнения содержания статистических сборников с данными, изложенными в партийно-советских документах (отчетах). Это позволяет выявить объектив-

¹ Всесоюзная перепись населения 1926 года: В 56 т. М., 1928-1930. Т. V.

² Северо-Кавказский край. Цифры и диаграммы. Ростов н/Д, 1926; Список населённых мест Северо-Кавказского края. Ростов н/Д, Северо-Кавказское статистическое управление. 1925.

³ Избирательная кампания в Советы РСФСР в 1924-1925 году (Предварительные итоги). М., 1925.

⁴ Народное хозяйство Ростовской области за 20 лет / под ред. А.И. Гозулова. Ростов н/Д, 1940.

ные показатели развития сельского хозяйства, процесса советизации и формирования партийных структур на Кубани и Дону на протяжении 1920-х гг.

Полученная информация может быть перепроверена и уточнена по публицистическим и отчётным работам местных партийных, советских и хозяйственных активистов¹, излагавших текущее состояние дел. Зачастую эти работы носят промежуточный характер между оперативной управленческой документацией и текстами с элементами научного подхода. Большая степень фактографичности в опубликованных статьях сотрудников местных Советов и статистических служб, а не партийных комитетов.

Часть опубликованных источников в 1920-х гг. в настоящее время тоже хранятся в архивных фондах. Например, центральные и региональные газеты и журналы того времени. Большинство сведений об аграрной политике и состоянии дел в экономике страны, опубликованные в газетах того времени, дублируются в аналитических справках региональных партийных и советских структур, а также в аналитических отчетах и справках надзорных органов. Однако благодаря специфике газетных материалов и в центральных, и особенно много в региональных, и местных, размещена информация, характеризующая состояние дел на местах. Журналисты тех лет старались показать общие процессы, происходившие в стране через восприятие отдельных личностей. Письма крестьян, с различными сведениями о том, что происходило на местах стало новым веянием в молодой советской журналистики. Экономическая и социальная информация, статистика регулярно публиковались в краевых журналах «Юго-Восток», «Северо-Кавказский край», «Ленинский путь», «Известия Северо-Кавказского краевого исполкома Советов». Взаимоотношения власти с крестьянством, в том числе проведение беспартийных конференций, выборов Советов, кооперативных органов, сельских сходов в большей мере освещались в центральных газетах «Крестьянская га-

¹ Асаульченко П. К восстановлению сельского хозяйства на Кубани // Путь Советов. 1922. № 3-4; Горюнов П.М. О казачьем вопросе (Из наблюдений и опыта работы по Ейскому району Донского округа). Новочеркасск, 1925; Дейчман И. Кооперация в деревне как она есть (по материалам Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б)). Ростов н/Д, 1924; Клейнер И.М. Действительность кубанской станицы. Краснодар, 1924.

зета», «Беднота», журнале ЦК ВКП(б) и региональных изданиях «Советский Юг» и «Молот» (г. Ростов-на-Дону), «Красное знамя» (г. Краснодар), «Трудовой путь» (г. Армавир) и др. В фондах РГАСПИ находятся материалы эмигрантских изданий, в том числе издания «Руль». Они представлены в виде обобщающих информационных сведений для высшего руководства страны. В статьях и выступлениях прослеживается эволюция взглядов эмигрантов на содержание нэпа (это отмечено в разделе историография исследования).

В периодических изданиях Советской России 1920-х гг. можно найти важные детали, характеризующие повседневные процессы в сфере культуры и общественных настроений, хозяйственной деятельности крестьян. Вместе с тем, периодическая печать наиболее идеологически предвзятый вид источников, нуждающийся в перепроверке всех сообщений. В 1920-х гг. мы наблюдаем формирование подконтрольных средств массовой информации, выполняющих политический заказ РКП(б)-ВКП(б). Этим можно объяснить отсутствие резкой критики правящей партии на страницах периодических изданий страны. В своем исследовании мы обращаем внимание на деятельность сельских крестьянских корреспондентов, которые на добровольных началах сотрудничали с редакциями газет¹. Большинство их статей, освещавших повседневность сельской глубинки, в том числе Кубани и Дона, соответствовали действительности. Контент-анализ статей по повседневности сельских жителей, деятельности местных органов власти позволяют сделать обобщающие выводы об объективных процессах, происходивших в сельской местности. Особо отмечаем роль этой информации в оценке повседневной деятельности хлебороба южнороссийской станицы, общественно-политической ситуации на уровне станицы, хутора, села. Однако сама тенденциозность советской прессы является одним из источников советских настроений.

Изучение событий 1920-х на Юге России невозможно без обращения к опубликованным документам, статьям и выступлениям партийных и советских работников, руководителей разных уровней. Они хорошо известны по

¹ Городецкий Б.М. Периодика Кубанско-Черноморского края 1863-1925. Краснодар, 1927.

исследованиям советского времени и собраны в тематические сборники. Представлены выступления и публикации политических деятелей центрального, так и регионального уровней. Публикации членов высшего руководства РКП(б) В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого, И.В. Сталина, Г.Е. Зиновьева, Н.И. Бухарина и др.¹ определяли стратегический курс нэпа, в том числе - в аспекте аграрной политики. В этих материалах зафиксированы приоритеты и различия в понимании смысла нэпа, его направленности и перспектив. Особенно информативен этот материал в сопоставлении с архивными материалами о внутрипартийных дискуссиях и межведомственных отношениях между партийными и советскими органами разных уровней.

Частично опубликованные и частично хранящиеся в архивах публицистические материалы, и отчеты местных партийных, советских, хозяйственных активистов излагали текущее состояние дел. Зачастую в них есть информация оперативного так и теоретического характера. Работы краевых и окружных руководителей (А.И. Микояна, А.А. Андреева и др.)² позволяют выяснить особенности исполнения «генеральной линии» партии в соответствии с соотношением политических сил в регионе, конкретными политическими кампаниями. Перед партийным руководством разных уровней стояла задача достижения не только и не столько хозяйственных результатов, сколько оценка их политической результативности.

Личностный взгляд на исторические события и процессы характерен для таких видов источников как воспоминания³, служебная и частная переписка¹,

¹ Ленин В.И. Неизвестные документы, 1891-1922 / подгот. Ю.Н. Амиантов и др. М., 1999; Ленин В.И. О кооперации // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45; Троцкий Л.Д. Основные вопросы революции. М.; Пг., 1923; Сталин И.В. Об индустриализации страны и о правом уклоне в ВКП(б): речь на пленуме ЦК ВКП(б) 19 ноября 1928 г. // Вопросы ленинизма. 9-е изд., доп. М., 1933; Зиновьев Г.Е. Ленинизм и НЭП. Л., 1926; Бухарин Н.И. Избранные произведения. М., 1988; Преображенский Е.А. Основной закон социалистического накопления // Вестник Коммунистической академии. 1924. № 8. С. 53-54.

² Микоян А.И. Партия и казачество. Ростов н/Д, 1925; Андреев А.А. Пути подъема и социалистического строительства сельского хозяйства на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 1929.

³ Микоян А.И. В начале двадцатых ... М., 1975; Буденный С.М. Пройденный путь. В 3-х кн. М., 1958-1965. Кн. 12.

жалобы и обращения крестьян в органы власти и газеты², материалы обследований³. К сожалению, эти разновидности источников хранятся в различных хранилищах и публикациях. Собрать их в достаточно информативную часть единого истчникового комплекса достаточно сложно.

Опубликованные материалы не однородны. В советский период были изданы сборники законодательных актов правительства, решений высших партийных органов и партийных съездов, пленумов. Партийные документы, в том числе увидевшие свет еще в 1920-е гг.⁴, а также в последующих тематических сборниках советской эпохи⁵, демонстрируют процесс выработки партийно-государственной политики в аграрном вопросе, вариативность политики на различных этапах нэпа. Информация, содержащаяся в этих документах, позволяет выявить степень дискуссионности политического курса большевиков в отношении крестьянства и казачества в эпоху нэпа. Даже при отсутствии политических оппонентов у большевиков в 1920-х гг. в процессе формирования административно-партийной системы они не могли безраздельно игнорировать общественное мнение и проводить внутреннюю политику, полностью противоречащую крестьянским интересам.

¹ Большеви́стское руководство. Переписка. 1912-1927: сб. док. / сост. А.В. Квашонкин, О.В. Хлевнюк, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. М., 1996; Крестная ноша. Трагедия казачества. Ч. I. Как научить собаку есть горчицу. 1924-1934 / сост. В.С. Сидоров. Ростов н/Д, 1994.

² Голос народа. Письма и отклики советских граждан о событиях 1918-1932 гг. М., 1997; Крестьянские истории: Российская деревня 1920-х годов в письмах и документах / сост., авт. предисл. С.С. Крюкова. М., 2001.

³ Мурин В.А. Быт и нравы деревенской молодежи. М., 1926; Лицо донской деревни (по материалам обследования ДКК и ДОНО РКИ). Ростов на/Д, 1925.

⁴ Отчёт первого окружного совещания председателей стансоветов и секретарей Кубанского округа (17-20 янв. 1925 г.). Краснодар, 1925; Отчёт Северо-Кавказского краевого земельного управления за 1924-25 операц[ионный] год. Ростов н/Д, 1926; Тезисы докладов Н.К.З. к 3-му Всероссийскому совещанию земорганов. М., 1926; Отчёт III Кубанского окружного съезда Советов 19-24 марта 1927 г. Краснодар, 1927.

⁵ Партия в период наступления социализма по всему фронту: Создание колхозного строя. (1929-1932 гг.): Документы и материалы. М., 1961; Борьба КПСС за социалистическую индустриализацию страны и подготовку сплошной коллективизации сельского хозяйства (1926-1929 годы): Документы и материалы. М., 1960; Партия в борьбе за восстановление народного хозяйства. (1921-1925 гг.): Документы и материалы. М., 1961.

Весь период политического господства большевиков неоднократно издавались сборники высших партийных форумов, краевых, областных и республиканских конференций, местных партийных органов: «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», «Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам», «История колхозного права» и др.¹ Информация, содержащаяся в изданиях служит источником для понимания исторических событий, оценки социальных, экономических политических событий, происходивших в советской деревне (станции) в эпоху нэпа, комплексной политики большевиков в отношении крестьянства. В этих изданиях представлена нормативно-правовая база, проводимых реформ и политические решения правящей партии, формирующие новые формы взаимоотношений власти и населения. Эти документы в сочетании с архивными фондами позволяют охарактеризовать содержание проводимой внутренней политики коммунистов в области землепользования, продовольственной политики, формирования партийно-советских структур различных уровней². Однако сборники, изданные в советский период, отличает их идеологическое соответствие партийным установкам, что не позволяло публиковать документы, содержащие факты конфликтности, открытого противостояния власти и общества, наличие острых социальных противоречий, характерных для доколхозной деревни.

Выделим Конституции РСФСР и СССР, декреты Совнаркома, постановления съездов Советов³, а также нормативные акты - Земельный кодекс

¹ Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917-1957 годы: сб. документов: в 4 т. М., 1957; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898-1986. 9-е изд. в 14 т. М., 1982-1986.

² Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927-1932 гг. / сост. В.П. Данилов и др. М., 1989; Коллективизация сельского хозяйства на Кубани: сб. документов и материалов / под ред. С.Ф. Парашенко, А.Н. Трубицыной. Краснодар, 1959. Т. 1: 1918-1927 гг.; Восстановительный период на Дону (1921-1925 гг.) / под ред. П.В. Барчугова. Ростов н/Д, 1962; Наш край. Из истории советского Дона. Документы. Октябрь 1917-1965 / отв. ред. А.Г. Беспалова. Ростов н/Д, 1968; Коллективизация и развитие сельского хозяйства на Кубани (1927-1941 гг.): сб. документов: в 2-х т. / науч. ред. И.И. Алексеенко. Краснодар, 1981.

³ Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных Советских Социалистических Республик. Сб. документов. 1917-1936 гг. В 3 т. / ред. кол.: М.П. Георгадзе (гл. ред.) и др. М.,

1922 г., правовые акты Правительства РСФСР (СССР) и пр.¹, позволяющие проанализировать государственную политику в отношении крестьян, правовой статус и положение различных социальных групп в российской деревне. Информация таких изданий служит важным источником для понимания исторических событий, оценки экономических, социальных, политических процессов, происходивших в советской деревне (станице) в эпоху нэпа, комплексной оценки политики большевиков в деревне.

Основное место в массиве опубликованных документов и материалов занимают акты органов государственной власти РСФСР и СССР (ВЦИК, исполкомов разных уровней, Наркомата земледелия и их представительств на местах)², органов власти губерний, областей, краев, органов местного самоуправления - Советов.

В 1990-х гг. изданы сборники документов и материалов, собранные исследователями, изучавшими историю нэпа во второй половине XX в. и первых двух десятилетиях XXI в.³ Обычно данные сборники носят проблемно-

1959-1965; Конституции и конституционные акты Союза ССР (1922-1936): сб. документов / под ред. И.П. Трайнина. М., 1940.

¹ Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР. 1917-1954 / сост. Н.Д. Казанцев, О.И. Туманова. М., 1954; Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917-1952 гг. / сост. А.А. Герцензон. М., 1953; История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры. 1917-1954 гг. Сб. документов / под ред. С.А. Голунского. М., 1955.

² Советы народного хозяйства и плановые органы в центре и на местах. (1917-1932): сб. документов. М., 1957; Управление народным хозяйством СССР. 1917-1940 гг.: сб. документов / ред. В.З. Дробижев и др. М., 1968.

³ Кооперативно-колхозное строительство в СССР, 1923-1927: Документы и материалы / сост. Е.А. Тюрина и др. М., 1991; Крестная ноша. Трагедия казачества. Ч.1: Как научить собаку есть горчицу. 1924-1934 / сост., коммент. В.С. Сидоров. Ростов н/Д, 1994; Как ломали нэп. Стенограмма пленумов ЦК ВКП(б) 1928-1929 гг. В 5 т. / ред. кол. В.П. Данилов, О.В. Хлевнюк. М., 2000; Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Документы и материалы: в 4 т. / под ред. А. Береловича, В.П. Данилова. М., 1998-2000; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы: в 5 т. М., 1999-2000; Крестьянские истории: Российская деревня 1920-х годов в письмах и документах / сост., авт. предисл. С.С. Крюкова. М., 2001; Письма во власть. 1928-1939. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям / сост., ред. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов, О.В. Хлевнюк. М., 2002; «Совершенно секретно»: Лубянка - Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.): в 10 т. / под ред. Г.Н. Севостьянова. М., 2001-2012; Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД: Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Янв. 1922 - дек. 1936 / сост. В.Н. Хаустов и др. М., 2003.

тематический, а не по фондовый характер и объединяют источники различной видовой принадлежности. Отличительной чертой изданий последних десятилетий является наличие объективной информации истории крестьянства 1920-х гг., наличие острых социально-политических противоречий в среде сельского населения.

В постсоветский период активно рассекречивались документы, содержащие информацию о социально-экономических мероприятиях в рамках нэпа, документы внутрипартийного противостояния и в неполном объеме о протестном движении российского крестьянства и казачества Юга России. Вовлечение этого массива документов, посвященных периоду малой Гражданской войны, позволили выявить движущие силы, идеологическую платформу, региональные особенности, компромиссную и репрессивную политику большевиков в отношении участников «бело-зеленого» движения. Исследователи признают, что бело-зеленое движение на казачьем Юге России было одним из ожесточенных и упорных¹. Мы признаем, что интерес исследователей к нэпу возрос и способствовал вовлечению в научный оборот большого количества регионального материала². Возможность работать с рассекреченными документами, большим массивом архивных коллекций, опубликованных документов и материалов позволило автору исследования не только запустить в научный оборот новые источники, но и ответить на проблемные вопросы нэпа, дополнить или пересмотреть устоявшиеся оценки.

Завершая анализ источников, отмечу наметившуюся тенденцию нарастания критичности в отношении истории советского периода, её политизированность и обретение новой идеологемы отрицания, наличие которой признают многие исследователи. Вместе с тем, новый массив документов, вовлеченный в научный оборот, позволяет получить дополнительную объек-

¹ Baranov A.V. Land Reforms in Soviet Russia and the Peasant Uprisings of the 1920s in the Context of the Concept of Theodor Shanin (Regional Aspect) // Old and New Worlds: The Global Challenges of Rural History: International Conference. Lisbon, ISCTE-IUL, 27-30 January 2016. Conference Book. Lisboa, 2016. P. 70-71.

² Орлов И.Б. Нэп в региональном ракурсе: от усреднённых оценок к многообразию // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. М., 2006. С. 33-54.

тивную информацию о социально-экономических и политических процессах на Юге России в период нэпа, в работе с которыми следует учитывать особую модель коммуникаций, сложившаяся в советском обществе в 1920-х гг. Источниковая база исследования характеризует события аграрной истории Юга России комплексно и достаточно всесторонне. Она вполне репрезентативно для выполнения поставленных задач исследования.

2. РАЗВИТИЕ АГРАРНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ КУБАНИ И ДОНА В 1920-е гг. В КОНТЕКСТЕ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ЮГА РОССИИ

2.1. Особенности реализации государственной продовольственной и налоговой политики и их влияние на сельское хозяйство региона

Реализуя стратегическую цель перехода к социализму путем создания государства «диктатуры пролетариата» и формирования с опорой на него новых социально-экономических форм, большевистская партия в условиях крестьянской страны с неизбежностью столкнулась с основной задачей – преобразования на качественно новой основе существовавшего аграрного строя, изменения всего уклада жизни крестьянства, представлявшего для нее мелкобуржуазную массу, требовавшую «перевоспитания», что предполагало преодоление ее «частнособственнической» природы на основе обновления откровенно отсталой технологической базы и развития общественных форм организации производственной и социальной сфер.

Основные черты этой программы в 1917-1920 гг. были скорректированы условиями Гражданской войны, в рамках которой РКП(б) предприняла попытку форсированного перехода к новым формам организации жизни деревни на военно-коммунистической основе. Войдя в регион в 1920 г. на штыках Красной армии, большевики сразу применили здесь практически весь наработанный опыт реализации военно-коммунистических практик, за исключением лишь комбедов¹, которые к этому времени уже утратили актуальность, с одной стороны, и грозили Кубани и Дону небывалым взрывом казачье-крестьянского сопротивления - с другой.

В условиях острого продовольственного кризиса новые власти смотрели на Кубань и Дон в первую очередь как на источник продовольствия, при-

¹ Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М., 1997; Присяжный Н.С. Экономическая чума: Военный коммунизм в России (Историко-экономический анализ. 1918-1921 гг.). Ростов н/Д, 1994.

званный снять угрозу голода в городах Центральной России. В этой связи показательно выступление на I Всероссийском съезде трудового казачества В.И. Ленина. Помимо пространных суждений о международной обстановке в речи вождя звучала лишь одна мысль - дать городу хлеб. Призывая не бояться диктатуры пролетариата и бороться против тех, кто «спекулирует на голоде», он объяснил: «Крестьяне, имеющие излишек хлеба, должны дать хлеб государству». Кто не понимает этого—«сторонник капитализма и эксплуатации», который наживается за счет «голодного», «и в борьбе против этого мы не остановимся ни перед какими жертвами». Ленин обещал за 10 лет осуществить электрификацию, восстановить промышленность, поднять культуру до уровня, «которую наши пленные видели в Германии», и тогда уже вернуть «сторицей ту ссуду хлебом, которую берем у крестьян»¹.

Истинные цели вождя гораздо более ясно обозначены им несколькими днями спустя в речи на заседании Моссовета 6 марта 1920 г.: «Победа над мелким собственником, над мелким спекулянтom—трудна. Они не могут быть уничтожены в один год...»². Иными словами, в планах большевиков мелких собственников ждало неизбежное «уничтожение». Но это в перспективе, а пока у них нужно было любой ценой изъять хлеб. В этом плане рубеж 1919-1920 гг. мало чем отличался от весны 1919 г., когда на волне первых побед власти задумались о продовольственном аппарате³. Ленин лично контролировал отправку на Дон НКЗемом 1 тыс. петроградских рабочих⁴. В 1920 г. остановка была аналогичной. Хотя поначалу население Кубани и Дона с должным пониманием отнеслось к хлебозаготовительной кампании, власти сразу заговорили (С.И. Сырцов) о «плохо организованной работе продовольственных органов в Донской области» и очевидных проблемах, имевшихся с

¹ Ленин В.И. Доклад на I Всероссийском съезде трудовых казаков // Полн. собр. соч. М., 1977. Т. 40. С. 186-187.

² Ленин В.И. Речь на заседании Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов 6 марта 1920 г. // Полн. собр. соч. М., 1977. Т. 40. С. 198.

³ Ленин В.И. Успехи и трудности Советской власти // Полн. собр. соч. М., 1977. Т. 38. С. 63.

⁴ Летопись борьбы и побед: хроника революционной борьбы на Дону. 1875-1920 гг. Ростов н/Д, 1984. С. 229.

посевным материалом¹. По некоторым оценкам, всего на тот момент область располагала 1 350 000 пуд. продовольствия, и по доведенным до нее заданиям также требовалось собрать 1 350 000 пуд.² Таким образом, при условии выполнения планов большевиками Дон в короткий срок должен был остаться без продовольствия.

В связи с провалом реквизиционных мероприятий на Украине в 1920 г. давление на регион усилилось еще более. Отношение к местному казачеству и крестьянству почти исключительно определялось задачами чрезвычайной государственной продовольственной политики. В мае 1920 г. Наркомпрод установил для Донской области разверстку по урожаю 1919 г. в размере 8 млн пуд. Причем для участия в ее сборе в область перебросили более 1 тыс. рабочих, которые в итоге сумели собрать около половины установленного задания. А уже в июле появилась разверстка и на урожай 1920 г.—20 млн пуд. Забегая вперед, отметим, что это явно нереалистичные цифры и лишь сверх усилиями к началу 1921 г. на Дону удалось собрать около 10 млн пуд. хлеба³. Кубанская область должна была собрать 65 млн пуд⁴.

В критической ситуации 1920 г. сбор продрозверстки осуществлялся в регионе по уже отработанным схемам, прежде всего с опорой на бедноту. С весны 1920 г. активно проводились беспартийные крестьянские конференции, в большинстве случаев принимавшие внесенные большевиками резолюции по организации продовольственной разверстки. Но поскольку даже здесь получить поддержку большевики зачастую не могли, некоторые из них были признаны контрреволюционными. Попытки увеличить объемы разверстки, а

¹ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. 1870-1924: в 12 т. М., 1977. Т. 8. С. 216.

² Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 72. Л. 2.

³ Хмелевский К.А., Хмелевский С.К. Буря над Тихим Доном. Ростов н/Д, 1984. С. 62, 63. На Дону объявлено о продлении красного продовольственного месяца с 15 января по 15 февраля. В соответствии с циркуляром № 310 предлагалось объявить населению добровольно открыть тайники и ямы, в которых спрятан хлеб. Восстановительный период на Дону (1921–1925 гг.): сб. документов / науч. ред. П.В. Барчугов. Ростов н/Д, 1962. С. 55.

⁴ Мартыненко К.М. Большевицкая печать в борьбе за власть Советов на Дону и Северном Кавказе (март 1917 - декабрь 1920). Ростов н/Д, 1986. С. 129.

также использовать жесткие методы ее сбора привели к росту недовольства, в том числе подъему «политического бандитизма». К примеру, появившиеся на Дону во второй половине июня отряды Н.И. Махно выступали под лозунгом: «Бей коммунистов и не давай хлеба»¹. В борьбе с разверсткой казаки и крестьяне прибегли к террору в отношении властей, сокращали и скрывали объемы своих посевов и т.д.

Столь же критическая ситуация сложилась летом 1920 г. на Кубани, где произошла почти полная остановка поступления хлеба на заготовительные пункты. Обследование Каневского волкома и комячейки показало, что население восторгалось Советской властью лишь до начала продразверстки². Казачество выступило против военно-коммунистических мероприятий, прежде всего продразверстки, вызывавшей негодование всего сельского населения³. Колоссальное влияние на регион стали оказывать продналоговые органы, зачастую более значимые для станичников, чем органы советские и партийные. Именно они инициировали в 1920 г. террор на Дону и Кубани. Станицы, не исполнившие план продразверстки, подвергались полной экономической блокаде, конфискации имущества и т.д.⁴

Поскольку установленные планы продразверстки в 1920 г. являлись нереалистичными, отражая как общее слабое понимание продовольственной ситуации, так и, возможно, желание в ходе кампании полностью обескровить регион, нанеся сокрушительный удар по казакам «помещикам»⁵, их исполнение породило нараставший протест. И без того непростая ситуация⁶ обострилась после осенних установок ЦК РКП(б) и краевого совещания парторганизаций Дона и Кавказа (27-29 октября 1920 г.), потребовавших форсировать «экспроприацию» буржуазии, в том числе добиться прорыва в решении про-

¹ ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1. Л. 59.

² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 64. Оп. 1. Д. 96. Л. 136.

³ РГАСПИ. Ф. 64. Оп. 1. Д. 96. Л. 147.

⁴ Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-581. Оп. 1. Д. 189. Л. 5.

⁵ Попова Н.А. Продовольственная политика большевиков ... // Власть. 2012. № 10. С. 168.

⁶ Калинин М.И. На Дону и на Кубани // Беднота. 1920. 24 сентября.

довольственного вопроса. После этого I Кубано-Черноморская конференция РКП(б) (31 октября 1920 г.) дала установку на то, чтобы «изъять из этой окраины хлеб и другие предметы»¹. В свою очередь, на Дону за хлебом немедленно отправились более 300 местных коммунистов и около 700 питерских, московских и иваново-вознесенских рабочих, сумевших немалой кровью при плане в 20 млн пудов собрать к декабрю 2,6 млн. В рамках объявленного Донским комитетом РКП(б) и исполкомом «красного месяца» продразверстки (10 декабря 1920 - 10 января 1921 г.) собрали еще 2,5 млн пуд².

Безусловно, это был пик военно-коммунистической активности в кубанских и донских станицах, вновь погрузивший их в пучину фискального произвола. Поэтому на проведение продналоговой кампании в конце 1920 - начале 1921 г. в регионе проводится широкая «мобилизация» коммунистического актива, в том числе так называемых «ответработников»³. Общая ситуация осложнялась еще и тем, что продовольственные работники прибывали в регион в основном из центра. Располагая «столичным мандатом», они не считались не только с интересами и настроениями населения, но нередко и с местными властями, что вызывало законное недовольство и протесты последних. Жесткая чрезвычайная продовольственная политика 1920-1921 гг. усугублялась произволом отдельных функционеров. Помимо акций, связанных с излишним «революционным» рвением и имевших политическую подоплеку, в еще большем количестве наблюдались уголовные преступления. К примеру, в ст. Невинномысской в растратах обвинили предревкома и уполномоченного продкома. В итоге первый скрылся, второй попал под суд⁴. Попытки дальнейшего форсирования разверстки не только вновь погрузили регион в хаос повстанчества, но и совершенно разорили крестьянско-казачьи хозяйства, сделав физически невозможным дальнейшее

¹ Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 3-8.

² Очерки истории партийных организации Дона. Ч. 1 (1898-1920). Ростов н/Д, 1972. С. 518, 519.

³ Мобилизация на продовольственный десятидневник // Красное знамя. 1921. 19 февр.

⁴ Красное знамя. Краснодар, 1921. 22 февр. № 41.

продолжение данной политической линии. В Кубано-Черноморской области к 20 марта 1921 г. собрали продовольствия лишь около половины от установленного плана¹.

Донская область из урожая 1920 г. должна была выполнить «проднаряд» в 20 млн пудов. В начале 1921 г. Москва едва ли не ежедневно подстегивала местное руководство к активизации поставок. В.И. Ленин требовал ежедневно отправлять с Юга России (в том числе и Дона, Кубани) до 200 вагонов хлеба в сутки². Однако на деле регион был к этому времени полностью истощен. В итоге весной 1921 г. для районов Дона, не выполнивших планы разверстки, был установлен единовременный проднаряд в 1 млн пуд., в связи с отсутствием реальных запасов хлеба в области в дальнейшем сниженный до 643 тыс. пуд³. Постановление Донкома РКП(б) от 10 мая 1921 г. «О мероприятиях по скорейшему выполнению боевого задания по заготовке хлеба в области» в категоричной форме требовало: «приступить с полным напряжением сил... используя имеющуюся по округам вооруженную силу»⁴.

Ответом на продовольственную политику стали широкое общественное недовольство большевиками, рост протестных настроений. Но протест не может затенить главной проблемы — разверстка подорвала производственный потенциал аграрного сектора экономики Кубани и Дона, поставила под удар посевную кампанию 1921 г., создала условия для вхождения богатейшего хлебного региона России в полосу голода 1921-1922 гг. Весной 1921 г. переход к нэпу стал неизбежным. Как показало рассмотрение вопроса о применении новой налоговой продовольственной системы на VI Кубанской

¹ Щетнёв В.Е. Классовая борьба и осуществление первых земельных и продовольственных мероприятий советской власти на Кубани // Аграрная история Дона и Северного Кавказа. Сб. ст. Ростов н/Д, 1980. С. 54.

² Ленин В.И. Телеграмма М.И. Фрумкину // Полн. собр. соч. М., 1977. Т. 52. С. 305; он же. Телеграмма М. И. Фрумкину и С.Д. Маркову // Там же. С. 306.

³ Восстановительный период на Дону (1921-1925 гг.). Ростов н/Д, 1962. С. 82, 94.

⁴ О мероприятиях по скорейшему выполнению боевого задания по заготовке хлеба в области: Постановление Донского комитета РКП(б) от 10 мая 1921 г. // Восстановительный период на Дону (1921-1925 гг.) ... С. 84.

партийной конференции в марте 1921 г.¹, ее необходимость признавалась и на местах. В этой связи и в центре, и в провинции сразу началась широкая популяризация продналога и в крестьянской массе, и среди коммунистов. В посвященных ему агиткампаниях участвовали партийные и советские агитаторы. Под шапками «Не разверстка, а налог» выходили целые номера газет, разъяснявшие «почему крестьяне предпочитают налог»². Однако первые декреты ВЦИК о замене продразверстки продналогом и размере налога на 1921-1922 гг. не содержали даже в общих чертах намека на цельную политику. Надежда была в основном на умеренный налог, который и должен был стимулировать крестьян к повышению производительности³. Но в целом, это была достаточно сложная и в чем-то несуразная модель. Так, налог на хлеб, картофель, подсолнечное масло, взимавшийся согласно декрету Совнаркома от 21 апреля 1921 г, рассчитывался с учетом отчислений с 1 дес. обрабатываемой земли: посевам меньше 1 дес. - 200 пуд. капусты, от 1 до 2 дес. - 225 пуд. капусты, от 2 до 3 дес. - 250 пуд. капусты, 3 дес. и более - 275 пудов капусты⁴.

Переход к нэпу оказался крайне растянутым во времени и характеризовался переплетением старых и новых методов экономической деятельности⁵. Как следствие, на начальном этапе реформы, в 1921 г. и даже частично в 1922 г. продналог мало чем отличался от продразверстки. Поскольку в истощенных предыдущими сплошными изъятиями южнороссийских станицах и селах для уплаты налога не хватало даже минимально необходимого количества продуктов, его выполнение, несмотря на то, что налог был явно меньше разверстки, изначально сопоставимо с условиями продразверстки. Естественным результатом стал отказ селян выполнять продналог. Властные

¹ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 293. Л. 102.

² Беднота. 1921. 9 марта.

³ Ленин В.И. III Конгресс Коммунистического Интернационала // Полн. собр. соч. М., 1977. Т. 44. С. 7.

⁴ ЦДНИКК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 324. Л. 1.

⁵ Ибрагимова Д.Х. Рыночные свободы и сельский менталитет. Что жаждал крестьянин при нэпе? // Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.): материалы Междунар. конф. М., 1996. С. 260-275.

структуры на это отреагировали усилением административных мер воздействия. Ситуация усугублялась тем, что неподготовленные к перемене курса местные партийные и советские работники не воспринимали, а зачастую и не желали воспринимать нэп, и потому в практической работе не делали различий между продразверсткой и продналогом¹.

На этом фоне было естественным настороженное отношение хлеборобов Юга России к новой продовольственной политике большевиков². Для поведения крестьянства в периоды политической неопределенности всегда характерна выжидательная позиция. Первым шагом в пассивном сопротивлении становится прекращение выплат обязательных налогов³. На Кубани и Дону станичники отказывались сдавать фиксированный налог, исполнять иные распоряжения Советской власти⁴. Как следствие, в осуществлении хлебозаготовок наблюдались перебои, что вызывало острую озабоченность как в центре, так и на местах. К примеру, в Кубано-Черноморской области на экстренном областном совещании по продовольственным вопросам 7 мая 1921 г. была зачтена телеграмма Л.Д. Троцкого по прямому проводу с требованием мобилизовать всех членов исполкомов на сбор продовольствия и формирование промышленного фонда товарообмена. Снабжение деревни требовалось организовать только через товарообмен. Эти указания вызвали недоумение. На них отрицательно отреагировал председатель Кубано-Черноморского облисполкома Т. Королёв, который не считал возможным использовать в ходе нэпа методы продразверстки⁵. Провозглашение нэпа означало переход на качественно новый этап во взаимоотношениях государства с крестьянством и казачеством. И 21 июля 1921 г. было опубликовано обращение Краевого Экономического Совета к крестьянам и казакам Юго-Востока России с разъяснениями значения замены продразверстки на прод-

¹ ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 67. Л. 53.

² ЦДНИРО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 20. Л. 28, 28 а.

³ Стасюкович С.М. Политика и экономика в общественном сознании дальневосточного крестьянства 1920-х годов // Вестник ДВО РАН. Хабаровск, 2008. № 5. С. 65, 66.

⁴ ЦДНИКК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 274. Л. 1.

⁵ ГАКК. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 606. Л. 77.

налог. Отмечалась возможность свободного товарооборота после обязательного исполнения продналога. По стране планировалось собрать 420 млн пуд по старой системе продразверстки, а продналог предполагал сбор 240 млн пуд. продовольствия. Для уже стоявшего на пороге голода Дона размер «единовременного продовольственного наряда» определили в 643 тыс. пуд.¹ Всего по Дону и в целом по регионам Северного Кавказа предполагалось вместо 120 млн пуд. по разверстке собрать 25 млн пуд. продналога². Размер хлебного налога для Кубано-Черноморской области составил 7,4 млн пудов, хотя с августа по октябрь 1921 г. было собрано лишь 3,5 млн пудов³.

В связи с явной истощенностью региона, с одной стороны, и с постоянными корректировками размера сборов и попытками взыскания прежних долгов по продразверстке—с другой, в сборе продналога сразу наметились трудности. На Кубани, где не увенчались успехом первые попытки получить продовольственный налог без усилий, разверстку продлили в виде «единовременного продовольственного наряда»⁴. Но и сбор «проднаряда» летом 1921 г. безнадежно срывался. Из предусмотренных заданием центра 5,5 млн пуд. было собрано только 2 мил⁵. Как следствие, летом - осенью 1921 г. опять наметился существенный рост недовольства хлеборобов, связанный с введением «проднаряд», а затем - вновь продналог, по сути, не отличавшийся от разверстки ни по размерам, ни по формам. Учитывая, что с лета 1921 г. на Дону разразился голод, толпы станичников начали повсеместно грабить амбары с зерном и мукой⁶. С разной степенью успеха им противостояли местные власти, коммунистический актив, как показывают отчеты продкомов,

¹ Иванов В.И., Чернопицкий П.Г. Социалистическое строительство и классовая борьба на Дону. Ростов н/Д, 1971. С. 42.

² Советский Юг. 1921. 21 июля.

³ История Кубани с древнейших времен до конца XX века: в 2 ч. / А.В. Баранов, А.Н. Еремеева, А.В. Жинкин и др. Краснодар, 2011. Ч. 2. С. 74.

⁴ Баранов А.В. Многоукладное общество Северного Кавказа в условиях новой экономической политики. Краснодар, 1999. С. 43.

⁵ Красное знамя. 1921. 20 июля; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 86. Д. 32. Л. 2.

⁶ Красный Дон. 1921. Новочеркасск, 15 июня.

пытавшиеся выполнить задания центра¹. По значению в 1921 г. с продналогом мог сравниться лишь вопрос о сохранении военного контроля над регионом. Президиум Кубано-Черноморского облисполкома решил в этих условиях не проводить выборы в местные органы власти².

В августе 1921 г. на Кубани и Дону под угрозой персональной ответственности опять развернулась мобилизация на продрработку коммунистов – ответработников. К примеру, Кубано-Черноморский областной комитет РКП(б) в объявлении к приложенному списку отмечал: неисполнение «будет рассматриваться как труддезертирство»³. В этой связи критике подверглись учреждения, которые выделяли на продрработку кадры ответработников «похуже» и было высказано предложение закрыть некоторые учреждения, и всех бросить на продовольственный фронт⁴. Развивая тезис «Правды» («Собрал Губисполком продналог - оправдал свое существование»), облисполком поставил вопрос об аттестации всех аппаратов по «той пользе», сколько он собрал продналога⁵.

Отношение населения к продналогу, продрработникам и власти в целом было сугубо отрицательным. Вооруженные формирования имели явный успех не только среди зажиточной части казачества, но и в массе населения. Следствием этого стал срыв сбора продовольственного налога. В этой ситуации осенью 1921 г. власти вновь вернулись к методам продрразверстки. Так, в постановлении Кубано-Черноморского исполнительного комитета № 260 от 17 сентября 1921 г. отмечено: «Продналог не только долг, но и повинность»⁶. В ходе заготовительной кампании не обошлось без арестов и судебных разбирательств⁷. В ходе сбора продовольствия активно использовались воинские части, дислоцированные в области⁸. Сплошные изъятия хлеба,

¹ Красный Дон. 1921. 14 июля.

² ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 162. Л. 178, 189.

³ Объявление Кубчеробласткома // Красное знамя. 1921. 19 авг.

⁴ Королев. Нужна концентрация сил // Красное знамя. 1921. 23 авг.

⁵ Эпштейн М. Еще одно напоминание // Красное знамя. 1921. 24 авг.

⁶ ЦДНИКК. Ф. 581. Оп. 1. Д. 4. Л. 18.

⁷ ЦДНИКК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 341. Л. 5.

⁸ ГАКК. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 606. Л. 46, 47.

конфискация имущества должников по приговору суда заставили крестьян сводить к минимуму или отказываться от сельскохозяйственной деятельности¹.

Аналогичную ситуацию мы наблюдаем и на Дону, где после объявления о замене продразвёрстки на продналог по-прежнему активно применяли методы «военного коммунизма» с активным использованием продотрядов общей численностью в 1 300 чел. Для сбора продналога власть вынуждена была широко применить части РККА². При сборе налога Донисполком устанавливал две основные цели: первое, обеспечение интересов налогоплательщика и, второе, гарантированное поступление налогов. Советские и партийные работники понимали, что переход к новой модели продовольственного налога непременно приведет к конфликту, поэтому призывали очистить продорганы от кадров, проводивших продразверстку. Распоряжением Наркомпрода на Юго-Востоке предлагалось заблаговременно организовать выездные сессии ревтрибуналов, напоминая казакам и крестьянам региона, что выполнение плана продналога напрямую зависит организация местного товарообмена. Донисполком использовал все предоставленные возможности в организации пропаганды содержания новой продовольственной концепции правящей партии, обратившись с воззванием к хлеборобам «О новой продовольственной политике и продкомпании 1921-22 гг.»³. Поэтому осенью 1921 г. были приняты предельно жесткие меры. 24 октября 1921 г. издан «оперативный приказ № 1», на основании которого в селах и станицах, не выполнявших план сбора продовольствия, устанавливалась «экономическая блокада»⁴. «Оперативный приказ» № 2 требовал применения военно-административных методов воздействия. Приказ № 3 предусматривал уже прямые репрессии в отношении лиц, не выполнивших заданий по продовольственному налогу. Ревтрибуналы получали право их ареста.

¹ ГАКК. Ф. Р-581. Оп. 1. Д. 71. Л. 33.

² ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 72. Л. 2.

³ Спутник продовольственника Донобласти. Ростов н/Д, 1921. С. 7-9.

⁴ ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 98. Л. 276, 277.

Продработа в это время все более напоминала военную активность с присущими последним, элементами секретности. Продорганы подвергли острой критике содержание местной печати как «вредной для продработы». Бюро Донкома РКП(б) своим решением от 26 августа 1921 г. в связи с публикацией в газетах «секретных сведений о продналоге» задержало распространение соответствующих номеров этих газет по округам¹, а 7 сентября решением Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) был смещен редактор «Трудового Дона»².

Постоянный контроль за реализацией кампании осуществлялся в течение всего 1921 г. при максимальном ужесточении персональной ответственности как плательщиков, так и лиц, ответственных за эту работу. Так, председатель Стефанидино-Дарского волисполкома обвинялся в побряжках кулакам, выдаче липовых справок по хлебосдаче и т.д.³, впрочем, особенно к концу кампании, отмечался и позитив. За хорошую работу местных функционеров ставят в пример, «премируют мануфактурой»⁴ и пр. Важным моментом становится личный пример. К примеру, председателя сельсовета, сдавшего продналог в размере 33 пуд. вместо одного помещали на «Красную доску»⁵.

Всё же замена продразверстки на продналог положила начало постепенному изменению методов работы власти. Репрессивные меры всё более совмещались с экономическими методами. Для успешного выполнения продовольственного налога крестьянам разрешалось варьировать содержание налога, в том числе замещать хлебный налог на денежный эквивалент, но в двойном размере, или на мясомолочные продукты. Однако и эти меры поначалу не приносили ощутимых положительных результатов, что с неизбежностью возвращало станицу к практикам эпохи военного коммунизма. Деятельность коммунистов в 1920-х гг. стала устойчиво отождествляться сельским

¹ ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 84. Л. 7 об.

² ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 80. Л. 64 а.

³ Серп и молот. Азов, 1921. 6 июля.

⁴ Стенная газета Куб-Чер-РОСТА (Славянского Районного отд. РОСТА). 1921. 7 сент.

⁵ Верхне-Донская правда. Вешенская, 1921. 29 окт.

населением с работниками фиска, а основной чертой их имиджа стало обеспечение сборов, выбивание налогов.

V Донская областная партийная конференция (10-12 декабря 1921 г.), подводя итоги первых месяцев работы в условиях нэпа, как отмечалось в историографии, осудила «продразверсточный уклон», призвав изжить методы «военного коммунизма»¹. Но документы показывают, что признание факта реализации продовольственной политики методами периода «военного коммунизма»² не отменяло того, что, по мнению ряда партийных функционеров, она была оправданной и давала желаемый результат³. В Ростовском округе продорганами было издано три приказа по организации сбора продовольствия, которые подтверждали приверженность военно-коммунистическим методам сбора налога и применения мер воздействия в отношении должников⁴. Такая позиция была основной в деятельности Донкома РКП(б) при организации сбора продовольственного налога первый год нэпа⁵, вплоть до 1922 г.

Военно-коммунистические практики были закономерными и понятными для большинства партийных функционеров, многие из них рассматривали предшествующий период как непосредственный переход к социалистическому строительству, а нэп - как предательство идеалов революции. Поэтому на практике и в конце 1921 г. продразверстка на Дону и Кубани сохранилась, хотя под иным названием. На деле это создавало безвыходную хозяйственную ситуацию. Так, на Дону продовольственное задание на 1921-1922 гг. составляло 6 млн пуд. продовольствия, что было совершенно невыполнимо, так как равнялось 50% годового валового сбора. Было принято решение сократить задание в 2 раза - до 3 550 тыс. пуд., но и при этом дефицит продоволь-

¹ Очерки истории партийных организаций Дона (1921-1971). Ростов н/Д, 1973. Ч. 2. С. 34.

² ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 67. Л. 33.

³ ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 130. Л. 2.

⁴ ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 98. Л. 276278.

⁵ ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 130. Л. 2. III Съезд Советов Дона в июне 1921 г. поддержал идею продовольственного наряда СНК и подвел правовую базу под применение военно-коммунистических методов сбора продовольствия в первый год нэпа.

ствия в области составлял 1 млн пуд. Весной 1922 г. предполагалось засеять 1,6 млн дес. земли. Весенний посев требовал 9,6 млн пуд. зерна и 8 пуд. на человека, итого 11,2 млн пуд. требовалось на продовольственное снабжение. К этому количеству необходимо прибавить продналог в размере 3,55 млн пуд. В итоге, общая сумма составляла 23 млн пуд., при том, что весь валовой сбор составлял лишь 11 млн пуд. Общий дефицит продовольствия по области составлял 12 млн пуд.¹ Очевидно, что ввиду острого дефицита зерна² и посевная 1922 г., и последующий сбор продовольственного налога были обречены на провал.

Проблема продовольственного налога 1921-1922 гг. заключалась в том, что налог взимался со всей площади земельных угодий, а не только с засеянной части. Такой налоговый расчет вызывал недовольство со стороны хлеборобов. К примеру, общая площадь налогооблагаемой базы составляла в Кубано-Черноморской области 3 390 000 дес. земли, но из этого объема земли было засеяно 2 658 000 дес. Задание продовольственного сбора 22 млн пуд. формально было выполнено, но с большим количеством нарушений и предоставлением 10% льготы середняку и снятием налогового бремени с бедняцкой части казачества³.

В марте 1922 г. закончился первый год нэпа, когда по стране собрали 233 млн пуд. зерна. В центральном аппарате партии высказывали определённое опасение по вопросу изъятия «излишков», что вызывало осложнения в среде крестьян⁴. Ожидаемо был сорван не только продовольственный налог, но и посевы озимых. Осенью 1921 г. на Дону было засеяно только 10% посевных площадей годового задания НКЗема. Хотя в области преобладали яровые посевы, а озимые не играли значительной роли, отмечавшееся при этом резкое сокращение посевных площадей, мертвого и живого инвентаря,

¹ ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 67. Л. 58 а; Муниципальное казенное учреждение города Сочи «Сочинский городской архив» (МКУ города Сочи «Сочинский городской архив»). Ф. Р-223. Оп. Д. 23. Л. 20.

² Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-1775. Оп. 1. Д. 192. Л. 19, 23.

³ ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 34. Л. 23.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 86. Д. 18. Л. 2.

недостаточное количество рабочей силы и впредь не позволяли сельскому хозяйству Дона выполнять планы хлебозаготовок. На Кубани эти планы в 1921 г. выполнили на 67%, по другим источникам на 62%¹. По Краснодарскому отделу продналог был выполнен на 65% от планового задания, Туапсинскому и Майкопскому - на 91%, Славянскому - на 82%. Область выполнила план лишь по заготовке шерсти². Из-за невыполнения плановых заданий сбора по зерновым культурам было принято решение о замене их на мясной налог, что привело к массовому забою скота.

Фискальный нажим к концу первого года нэпа достиг предела. Произошло исчерпание запасов продовольствия, что вызвало голод, был нанесен удар по семенному фонду, что сорвало посев озимых в 1921 г. и во многом весеннюю посевную 1922 г. О деградации аграрного сектора, в частности, свидетельствовало то, что урожайность с 1 дес. земли составила только 10-20 пуд. зерновых³. В этой ситуации классовые принципы нарушились активно, и бедняцкие слои региона привлекались к активной сдаче продналога. Учитывая тот факт, что казаки до революции не платили налогов, можно было представить с каким упорством и злобой казачество сопротивлялось нововведениям советской власти⁴.

В 1921-1922 гг. ставки продналога постепенно стали превышать размеры продразверстки. В этих условиях хлеборобы резко снизили хозяйственную активность. К примеру, на Кубани и Черноморье посевные площади в 1922 г. сократились на 30%⁵. В свою очередь неурожай на Дону также свел к минимуму разницу между продналогом и продразвёрсткой. Общая сумма хлебного дефицита в Донской области в 1922 г. составляла 9 млн пуд., из них дефицит посевного материала - 2 млн пуд. И даже понижение в течение года дважды контрольных цифр сбора продовольственного налога позволило области выполнить план лишь на 80%. Недород и сбор продналога подрывали хозяй-

¹ ГАКК. Ф. Р-990. Оп. 2. Д. 167. Л. 99.

² ГАКК. Ф. Р-990. Оп. 2. Д. 168. Л. 12.

³ ГАКК. Ф. Р-581. Оп. 1. Д. 133. Л. 11.

⁴ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 193. Л. 2.

⁵ ГАКК. Ф. Р-581. Оп. 1. Д. 73. Л. 8.

ство Дона, снижалось сельскохозяйственное производство, резко сокращались посевные площади. В крестьянской среде наблюдалась негативная тенденция пролетаризации. Но это не остановило проведения продовольственной политики с элементами разверстки¹, что влекло недовольство крестьянства: «Крестьянские восстания и меры властей по их подавлению не лучшим образом сказывались на сельскохозяйственных работах, так что провоцируемые кампаниями по сбору налогов антисоветские настроения были тождественны спаду производства»².

Отметим сохранение важной роли в продовольственном налоге бедняцких слоев, старавшихся максимально выполнить задание, поскольку за это они должны были получить мануфактуру. Но, хотя большая часть бедняцких хозяйств выполнила свои обязательства, оставшись без хлеба, обещанной мануфактуры они не получили. Кулацкие слои станицы умело использовали данный факт и активно агитировали против большевиков и проводимой им аграрной политики³. Доверие казаков и крестьян к продналогу было подорвано из-за использования методов продразверстки⁴.

На местах работали налоговые инспектора, которые выявили нарушения по учету земли, подлежащей налоговому обложению. Местным исполкомам было предложено принять меры по устранению указанных замечаний и, главное, для каждого населенного пункта устанавливалась норма выявленных площадей без какого-либо обоснования⁵.

С учетом имевших место проблем, 17 марта 1922 г. ВЦИК и СНК издали совместный декрет «О едином натуральном налоге на продукты сельского

¹ ГАРО. Ф. Р-2716. Оп. 1. Д. 1. Л. 55.

² Панкова-Козочкина Т.В. Состояние сельского хозяйства Дона, Кубани и Ставрополья после окончания Гражданской войны // Юг России в условиях революционных потрясений, вооруженных конфликтов и социально-политических кризисов, 1917-2017 гг.: материалы Всерос. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 5-6 окт. 2017 г.). Ростов н/Д, 2017. С. 253.

³ ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 73. Л. 8.

⁴ ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 74. Л. 11 в.

⁵ ГАКК. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 551. Л. 333.

хозяйства на 1922-1923 гг.»¹. Декрет определил, что собой представляет единый натуральный налог. Новый налог на продукты сельского хозяйства исчислялся в единой весовой мере (пуде пшеницы или ржи). Хлеборобы могли его вносить зерном, масличными культурами, картофелем, сеном, мясом и маслом (с учетом специфики региона также другими продуктами). Общая сумма налога по стране была снижена с 380 до 340 млн пуд. Декрет увеличил число льгот, отменил «дополнительное обложение вновь разысканной пашни», запретил в административном порядке отбирать у должников инвентарь (только по суду). Давалась установка на то, что продработник был должен «не нарушить у крестьянина стимула ... к поднятию сельского хозяйства»².

Таким образом, в 1922 г. осуществлена унификация налогов на основе упорядочения объектов налогообложения (количество земли и скота) и установления особых разрядов урожайности и продуктивности хозяйств, что позволило снять недоимки с бедняцких хозяйств по сборам за 1921-1922 гг. От сбора было освобождено до 20% хозяйств, в число которых входили безлошадные или имевшие не более 0,75 дес. пашни на одного едока³. Структура налога варьировалась от натурального до денежного или смешанного⁴.

Руководствуясь постановлением ВЦИК РСФСР о едином натуральном налоге и инструкцией Наркомата продовольствия, областные органы Кубани, установили сроки уплаты продовольственного налога: к 15 августа необходимо уплатить 25% налога, к 1 сентября 25%, 15 сентября - 25%, а 1 ноября произвести последний платеж. В случае своевременного и полного объема взноса продовольственного налога устанавливалась 10% скидка⁵. Применяя ст. 10 и 11 Декрета ВЦИК, областной исполком (по Облпродкому) принял постановление об установлении нормы замены 1 пуд. пшеницы 20 фунтами

¹ Единый натуральный налог 1922-1923 г.: Сборник налогового законодательства. Пермь, 1922.

² Единый натуральный налог. 1922-1923 гг. Пермь, 1922. С. 3-7.

³ Фридберг Л. Продналог - главное звено перехода к новой экономической политике // Экономические науки. 1990. № 1. С. 90.

⁴ Грехова Н.Н. Налоговая политика в деревне в первой половине 20-х гг. // Дискуссионные вопросы российской истории. Арзамас, 1998. С. 198.

⁵ ГАКК. Ф. Р-581. Оп. 1. Д. 57. Л. 55.

мяса крупного рогатого скота. Поскольку площадь обложения в 1922-1923 гг. составляла 3,9 млн дес. земли, а среднее обложение 2 дес. составляло 7 пуд. пшеницы, весь объем натурального сбора достигал 27,3 млн пуд. пшеницы. При замене 4,6% назначенного количества пшеницы мясом последнего потребовалось сдать 627 900 пуд. Это означало, что 44 000 голов должно было пойти на убой. И это при том, что общее количество крупного рогатого скота по области насчитывалось 680 000 - в 3 раза меньше, чем в 1916 г.¹ Принятие таких решений вело к уничтожению животноводства как отрасли. В результате нажима Наркомпрода по выполнению налога на мясо истреблено значительное поголовье рабочего скота, который при отсутствии механизации был единственным подспорьем в тяжелых работах. На Дону количество рабочего скота уменьшилось с 593 000 голов в 1917 г. до 168 700 - в 1922 г., т. е. на 72%². В дальнейшем сознавая катастрофическое положение в животноводстве, на местах стали принимать постановления исполкомов о дополнительном снижении мясного налога³.

В рамках безусловного приоритета значения хлебозаготовок финансовая (налоговая) составляющая в ней играла подчиненную роль. Очевидно, что крестьянство плохо понимало принципы нэпа, запутанную и сложную налоговую политику, так как не видело принципиальных изменений в своей общественной и экономической деятельности. По-прежнему крайне несовершенной оставалась и работа налоговых структур. Так, хлебозаготовительная кампания осени 1922 г. вновь породила настоящий «бунташный фронт». Крестьяне были крайне возмущены тем, что с большим трудом сданный ими «кровный» хлеб находился на открытых площадках и нередко просто пропал.

Сбор продналога, который в Кубано-Черноморской области составил около 17% валового сбора, означал, что с хозяйства в среднем взималось 1/5 часть валового сбора, не считая иных доходов. Примечательно, что и ле-

¹ ГАКК. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 2006. Л. 2, 3.

² Кирпичев Я. Сельскохозяйственные нужды Дона // Правда. 1923. 14 янв.

³ ГАКК. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 2006. Л. 4 об.; ГАКК. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 428. Л. 255.

том - осенью 1922 г. сбор налога сопровождался применением репрессивных мер в отношении хлеборобов. По области было зарегистрировано 398 тыс. крестьянских хозяйств, обязанных платить продовольственный налог. За неуплату налогов суду предано 4 727 чел., ревтрибунал рассмотрел 118 дел, административные меры воздействия были применены в отношении 2 356 чел., а на 3 067 крестьян начислили пеню за просроченные сроки оплаты. Применялись и иные меры воздействия на неплательщиков: запрет выезда за пределы станиц, помолы, на выдачу удостоверения личности, торговлю, записи гражданского состояния о браке и т.д. Имели место и меры психологического воздействия. На заборах писали «Неплательщик», «Злостный неплательщик», «Кукурузник». Меры воздействия, которые были применены, к примеру, в Славянском отделе, и вовсе выходили за рамки общечеловеческих. Жителей станиц собирали на главной площади и проводили акции устрашения с применением огнестрельного оружия, били прикладами винтовок, не делая различий между взрослыми и детьми. Всего официальным мерам воздействия подверглись 2% крестьянских хозяйств области. Кроме этого из числа советских работников было осуждено 324 чел.¹

На Дону по признанию продовольственных органов продналоговая кампания 1922 г. прошла с огромным количеством нарушений действующего законодательства. Причину нашли в невозможности установить объем недоимок и определить даже размер семенной ссуды. Лицевые счета и поселенные выписки находились в таком плачевном состоянии, что невозможно было ими воспользоваться. Для активизации хлеборобов и разъяснения проводимой политики в г. Ростове выпускали специальную крестьянскую газету «Хлебороб» (на Кубани аналогичная газета «Станичник»), а для продработников Дона распространяли продовольственные бюллетени. Ответственность за срыв кампании возложена на сельсоветы, волисполкомы, которые самоустранились от работы. В этом аспекте критике подверглись особые тройки, которые не привлекали работников советских органов вместе с неплатель-

¹ ГАКК. Ф. Р-990. Оп. 2. Д. 167. Л. 250.

щиками к ответственности¹. И по справедливому утверждению, работа по сбору продналога напоминала прежние времена превращаясь в процесс выколачивания².

В контексте кампании 1922-1923 гг. очевидно, что мнение о том, что введение продналога в период нэпа сразу изменило ситуацию в деревне, нужно скорректировать. Во всяком случае в основных хлебопроизводящих регионах страны, даже спустя полтора года после официального введения нэпа, по-прежнему сохраняли актуальность военно-коммунистические практики, применялись репрессии для принудительного изъятия продналога³. Тем не менее согласимся с тем, что: «К концу 1922 г. формирование налоговой системы в стране было завершено». Основными ее инструментами являлись прямые налоги, доля которых в процентном соотношении выросла в два раза, превысив к концу нэпа (1926 г.) 80%⁴.

Переход от продналога к единому натуральному налогу стал важным шагом, оптимизировавшим налогообложение и расширившим права крестьян, однако он не решил многих проблем. Серьезный прорыв в налоговой сфере состоялся лишь в 1923 г. Партийный форум (XII съезд РКП(б)) признавал, что переход к продналогу расширил возможности крестьянско-казачьей массы свободно распоряжаться результатами своего труда. Одновременно партия признавала необходимость эволюции налоговой политики, которая «нуждается в некоторых поправках и дополнениях, направленных к облегчению положения крестьянства»⁵. Г.Е. Зиновьев и вовсе объявив прежде не-

¹ Юго-Восточное Краевое Продовольственное совещание 29 октября - 11 ноября 1922 г. Ростов н/Д, 1922. С. 2, 7.

² Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Донцы в 1920-х годах: очерки истории. Ростов н/Д, 2010. С. 65.

³ Скорик А.П. Борьба донских казаков с советской властью в начале 1920-х годов: исторические факты и оценка в документах эпохи // Стратегическое планирование в полиэтническом макрорегионе в условиях неравномерного развития и роста напряженности: материалы Всерос. науч. конф. (Ростов н/Д, 3-4 октября 2013 г.). Ростов н/Д, 2013. С. 131.

⁴ Волкушкин А.В. История налогов в России. М., 2011. С. 98.

⁵ XII съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1968. С. 41.

мыслимое: «...нам надо поклониться и, если нужно, преклониться» перед крестьянством¹.

Нужно признать, что этот поворот действительно был актуальным. Обремененные непосильным налогом крестьяне в аграрном регионе все чаще вынуждены не просто прятать посевы, но и отказываться от земли как объекта налогообложения, возвращая её в областные земельные фонды².

В духе решений XII съезда РКП(б) ВЦИК и СНК (10 мая 1923 г.) вместо единого натурального ввели единый сельскохозяйственный налог (ЕСХН), почти на 2/3 при этом снизили размеры налогообложения. Впрочем, и этот шаг оказался неоднозначным. Из-за отсутствия у крестьян денег и неразвитости торгово-закупочной инфраструктуры он поначалу вызвал резкое снижение цен на сельскохозяйственную продукцию. Государство, допустив поначалу частную торговлю, стало вытеснять, а потом и запретило ее. Как следствие, выполнение единого сельскохозяйственного налога в 1923 г. было произведено в основном продуктами питания³. Как и прежде, льготы предоставлялись беднякам, списки которых утверждались в волисполкомах.

Несмотря на позитивные отклики местных работников о ЕСХН⁴ и огромное внимание властей к его сбору, кампания 1923 г. шла с перебоями. И это при том, что на местах ее начали еще до уборочной кампании. Уже в июне в станицах эти вопросы оказались в центре внимания не только Советов и исполкомов. К примеру, ячейка РКП(б) в ст-це Привольной в первую очередь сосредоточилась на сборе налогов (лишь на втором месте укрепление кадрами ЕПО)⁵. Но призывы усилить работу по хлебозаготовкам сохранили актуальность и поздней осенью⁶. В этой связи по всему краю наблюдался шквал публикаций. Местные газеты из номера в номер вели мобилизацию

¹ Правда. 1923. 18 апр.

² ГАКК. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 544. Л. 22.

³ ГАКК. Ф. Р-581. Оп. 1. Д. 133. Л. 10.

⁴ Лыхман Ф. Ст. Дагестанская. Прежде и теперь (из дневника предволисполкома) // Красный пахарь. Майкоп, 1923. 27 июня.

⁵ Кизиллов. Ст. Привольная. Работа ячейки РКП(б) // Красное знамя. Краснодар, 1923. 8 июня.

⁶ Усилить работу // Красное знамя. Краснодар, 1923. 1 нояб.

местных работников. К примеру, в публикациях «Советского Юга» за январь - октябрь 1923 г. среди статей по экономическим вопросам абсолютно лидировала тема сельского хозяйства (125 статей), а также финансов и налогов (63)¹.

Выясняя причины сбоя в кампании 1923-1924 гг., нужно отметить, что, несмотря на снижение налога, а также предоставление льгот, ЕСНХ вряд ли можно считать легким для местного крестьянства. Брюховецкий район сдавал ЕСХН по 10-му разряду. Здесь учтено 87 611 074 дес. земли, фактически засеяли 45 528 071; рабочего скота зарегистрировано 10 590 голов. На территории района проживали 37 499 чел., которые в среднем в год потребляли 499 988 пуд. из расчета 12 пуд. на душу населения. Для обеспечения домашнего скота кормами требовалось до 190 620 пуд. из расчета 1718 пуд. на голову. Общий расход составлял 2 737 101 пуд. зерновых, что превысило уровень годового сбора на 37 477 тыс. пуд.² Чтобы исполнить контрольные цифры по сдаче ЕСХН, в этих условиях необходимо изымать семенной фонд, обеспечивающий воспроизводство крестьянского хозяйства. И эта ситуация была характерной для всего региона.

Впрочем, данные по контрольным цифрам продовольственного налога запутаны и требуют уточнения. В отчетах и плановых показателях допускались грубые статистические ошибки, об этом свидетельствуют арифметические действия и замечания должностных лиц. Контрольные цифры менялись по мере требований центральных органов власти и вносились уточнения по мере выявления скрытых земельных участков и неучтенного количества земли.

Неуклонно, причем существенно, расширился круг лиц, пользовавшихся льготами по единому сельскохозяйственному налогу. Так, в Кубано-Черноморской области льготы получили 25% бедняцких крестьянских хо-

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д.680. Л.102.

² ГАКК. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 533. Л. 420.

зайств. И это при том, что по области в 1922 г. было собрано 22 млн пуд. зерновых, а в 1923 г. - 17,6 млн пуд¹.

Как и в кампаниях продразверстки, в рамках кампании по проведению ЕСХН основная ставка сделана на непосредственную посылку ответработников в станицу². В этих условиях в целях исполнения ЕСХН, как и прежде, принимались «драконовские» меры. Всем волостным исполкомам предписано принять самые решительные меры по ограничению оборота частного зерна, обеспечив выполнение плана ЕСХН. В этих условиях особый акцент по-прежнему делался на том, чтобы оказать давление на неплательщиков, в том числе и бедняцкие хозяйства³.

Методы устрашения не ограничивались словесными угрозами. За неуплату налогов проводилась конфискация имущества. К примеру, суды Кубано-Черноморской области рассматривали дела по неуплате налогов в течение двух суток. После реализации конфискованного имущества разница между налогом и полученной выручкой от продажи возвращалась собственнику⁴. Меры административного и судебного наказания вплоть до выселения в Сибирь при отказе или невозможности внести ЕСХН создали довольно напряженную обстановку. Так, в ст. Кирпильской, Смоленской, Выселковской, Рязанской и др. план хлебозаготовок не выполнялся. Ограничительные меры будоражили станицы. Жители ст-цы Кореновской в количестве 500 чел. взяли штурмом государственную мельницу № 4, так как им запретили помол зерна и повысили цену на данный вид услуг. Процент исполнения налоговых ставок в некоторых районах к декабрю 1923 г. не доходил до 20%⁵. На Кубани особо отличились станицы Славянского отдела, пользовавшиеся до 1924 г. «покровительством» со стороны отрядов повстанца В.Ф. Рябоконя⁶.

¹ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 12. Л. 68.

² ЦДНИРО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 21. Л. 23об.

³ ГАКК. Ф. Р-581. Оп. 1. Д. 133. Л. 11.

⁴ ГАКК. Ф. Р-581. Оп. 1. Д. 13. Л. 37; ГАКК. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 551. Л. 20.

⁵ ГАКК. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 521. Л. 5.

⁶ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 25. Л. 7.

К концу хлебозаготовительной кампании 1923-1924 гг. в регионе возникли серьезные проблемы с планом государственных поставок. Надежда на получение большей части ЕСХН в денежном эквиваленте не оправдалась. Крестьяне, сосредоточив достаточное количество хлеба, не спешили выполнять налоговые обязательства из-за низких цен. В начале 1924 г. начался неконтролируемый рост цен на зерно. Так, на Кубани стоимость 1 пуд. достигала уже 1 руб. 75 к. плюс накладные расходы - 62 к., что превышало стоимость пуда зерна на Лондонской бирже (1 р. 58 к.)¹. По другим данным, за год она поднялась с 85 к. до 1,25 - 2 руб. за один пуд². В связи с этим принято решение временно приостановить закупку зерна и, не снижая закупочных цен, временно не выдавать кредиты частным закупочным организациям, установить лимиты на заготовку зерна.

Новым мерам нажима подверглись и беднейшие хозяйства. В январе 1924 г. секретарь Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) А.И. Микоян вынужден был обратиться к секретарю Кубано-Черноморского обкома РКП(б) А.К. Аболину по вопросу неправомерного увеличения налога на бедняцкие и красноармейские хозяйства³.

Таким образом, в начале 1924 г. ситуация в аграрном секторе экономики региона явно усложнилась. Недовольство крестьян, сокращение посевных платежей свидетельствовали о наличии кризисных явлений, в первую очередь связанных с налоговой политикой. Одновременно усилилась тенденция возврата земельных участков малоимущими крестьянскими хозяйствами в земельные фонды областей. Все это мешало выполнению ЕСНХ. Тем не менее, местные власти собирали его настойчиво, добившись хороших результатов. Так, на Дону, в 1923-1924 гг. план по единому сельскохозяйственному налогу выполнен на 98%. Налог собран как в натуральном виде, так и в денежном эквиваленте и облигациями⁴.

¹ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 20. Л. 3.

² ГАКК. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 521. Л. 5.

³ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 33. Л. 3.

⁴ ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 250. Л. 34.

Но крестьянство было угнетено несоответствием цен на сельхозпродукцию и товарами фабричного производства. Для исполнения плановых показателей ЕСХН власти привлекали регулярные воинские части. В этих условиях государство вносило изменения в законодательство, легитимируя действия по ужесточению политики. Партийные и советские органы в директивах под грифом «секретно» требовали принятия решительных мер против злостных уклонистов по уплате ЕСХН. Но по сравнению с предыдущим периодом большевики не хотели чрезмерных репрессивных мер. Основная ставка сделана на судебные разбирательства, которые в основном заканчивались штрафами, конфискациями, краткосрочными арестами¹.

Ситуацию усугубляли коммунисты, работавшие в местных органах власти. Советский аппарат, по мнению регионального руководства, находился в стадии «разложения под влиянием мелкобуржуазных элементов»². В этой связи причиной непростого положения дел в аграрной политике признавалось наличие в Советах кулацких элементов и саботаж с их стороны. Наряду с этим под удар карательных органов попали и заготовители, в среде которых выявлен ряд крупных хищений. На Кубани в рамках одного из дел под судом оказались 23 человека. И это в то время, когда о важности сдачи продналога «кричали афишные буквы со страниц газет»³.

С учетом допущенных ошибок в 1924 г. взят курс на более последовательное развитие товарно-денежных отношений. С 1 января 1924 г. вновь изменена система налогообложения. Государство стало взимать сельскохозяйственный налог исключительно в денежной форме в размере до 5% от дохода крестьянского двора и только с площади фактического посева, была устранена множественность налогообложения, сроки сбора⁴. Это был важный шаг по пути создания более цивилизованной системы хлебозаготовок на основе по-

¹ ГАКК. Ф. Р-389. Оп. 1. Д. 8. Л. 10.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 917. Л. 268.

³ Хлебозаготовительная панама // Краснодар, 1924. 18 апр.

⁴ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 3. Л. 3. См.: Государственный архив Российской Федерации. (ГАРФ). Ф. Р-3316. Оп. 46. Д. 96. Л. 21.

следовательного разделения собственно продовольственной и налогово-финансовой политики.

В данной связи за период 1924-1928 гг. были приняты акты, существенно скорректировавшие систему обложения сельхозпроизводителя, с учетом социально-экономических интересов государства¹.

Однако по-прежнему важное значение придавалось работе по выявлению скрытых объектов обложения. К примеру, в 1924 г. по Кубанскому округу налогообложению подверглись 486 тыс. хозяйств. Как следствие, новый порядок налогообложения имел и обратный эффект. За год в земельный фонд возвращено 110 тыс. дес. земли из-за невозможности их обработать и оплатить налог. Пашни в целом по округу за год сократились с 3 222 тыс. дес. до 2 949 тыс. дес. Хлебозаготовительная кампания должна была завершиться сбором 27,5 млн пуд. продовольствия, в том числе пшеницы 18 900 тыс. пуд. (70% всей заготовки), 5 100 тыс. пуд. масленичных семян, 100 тыс. пуд. кукурузы. Из этого числа на экспорт направлялось 9,5 млн пуд. продовольствия и 18 млн пуд. - на внутренний рынок. Государство выделило на организацию и проведение кампании 9 млн руб. без учета товарной мануфактуры, которой владела кооперация. Налоговая ставка на 1 дес. составляла 9 р. 40 к., а на одно крестьянское хозяйство - 20 р. 10 к. При таких ставках налога плановые показатели по ЕСХН были выполнены следующим образом: Абинский район - 47,9%, Брюховецкий - 63,3%, Горяче-Ключевской - 54%, Каневской - 68,9%, в целом, боле чем на 60% по всем районам². Однако проблемы с заготовками обострялись.

На Дону в 1924 г., невзирая на засуху в части районов, местные партийные структуры требовали не снижать темпов сбора продналога, вплоть до сбора всего зернового фонда с учетом посевного материала. И хотя в связи с программой выдачи семенных ссуд «не было допущено ни полного разоре-

¹ Пыльцина М.В. Правовое регулирование единого сельскохозяйственного налога в годы НЭПа // Наука. Мысль. 2016. № 4. С. 196. Положение «О едином сельскохозяйственном налоге на 1924/25 гг.», Положение «О едином сельскохозяйственном налоге на 1925/26 гг.», Положение «О едином сельскохозяйственном налоге на 1926/27 гг.»

² ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 5. Л. 24.

ния донских земледельцев, ни массовых голодовок»¹, в октябре наметилось падение темпов хлебозаготовок по всем сельхозкультурам.

Первые симптомы надвигающегося кризиса отмечались при заготовке зерна уже в сентябре, но превентивных мер принято не было. В итоге план по ЕСНХ в сентябре - декабре выполнили на 45%. Заготовительная кампания характеризовалась ростом цен на хлеб (зерно). Удельный вес кооперативных заготовительных организаций снизился с 27% до 15%, а частный сектор вырос с 26 до 31%. Частный заготовитель укрепил позиции на рынке в значительной мере благодаря расхождению цен на рынке хлебозаготовок и потребления. Одновременно частные арендаторы умело использовали конъюнктуру хлебного рынка. Они систематически предоставляли частным хлебозаготовительным организациям свои мельницы в качестве сыпных пунктов и благоприятные условия помола².

Власти с запозданием попытались выправить ситуацию. Началось снижение налоговых ставок на 30%, устанавливались более выгодные цены на зерно. Это должно было стимулировать крестьян к увеличению зернового производства и своевременной выплате налогов. В ряде районов по мере снижения ЕСХН посевные площади увеличивались. Введение в финансовый оборот новой денежной единицы золотого червонца заставляло активизировать работу по сбору продовольственного налога. Осенью 1924 г. станицам Юга России выделены дополнительные государственные кредиты, семена, что привело к стабилизации цен на хлеб³.

Даже выделенные населению льготы за погибший урожай зачастую использовались на местах по-своему. Нередко на сходах казаки, как в Ейском отделе, выносили решения о налоговых льготах и скидках с нарушением действующего законодательства. Местные органы власти требовали выполнения полного объема ЕСХН, а казаки ссылались на решения сходов селян, распре-

¹ Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Донцы в 1920-х годах: очерки истории. Ростов н/Д, 2010. С. 91.

² ГАРО. Ф. 1485. Оп. 1. Д. 169. Л. 42.

³ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

деливших льготы по хозяйствам, что способствовало нарастанию социального противостояния в деревне и росту недовольства населения станиц. В этой ситуации особую активность проявляла зажиточная часть населения. Поэтому основным решением, по мнению руководства, было усиление административного регулирования хлебного рынка и принятие решения о запрете вывоза зерна за пределы региона¹.

Серьезной проблемой оставалось предоставление льгот по налогу. Так, на Кубани полное освобождение получили 16 483 хозяйства, 50% - 7 413 хозяйств. Для их поддержки в районы направлены бюджетные средства в размере 176 069 р. Принимались также меры стимуляции крестьян к быстрой сдаче налога с целью получения мануфактуры. Кроме этого в масштабах округа был создан фонд за счет 3% отчисления, посредством которого установили льготы в размере 50% дополнительно 1 345 хозяйствам, 10% 207 хозяйствам. Льготы получили 61 108 хозяйств (30%)².

Однако эти меры не оказали серьезного влияния на процесс сбора налога, по-прежнему поступавшего неравномерно, с нарушением и сроков, и объема. По Горяче-Ключевскому району по состоянию на 15 сентября 1924 г. недоимки по налогу имели: ст. Кутаисская - 38%, Пятигорская - 20%, Саратовская - 47%, Бакинская - 27%³. В этих условиях при сборе недоимок в размере 7 107 099 р. на местные рынки поступило сельскохозяйственной продукции на сумму 12 094 100 р.⁴ Крестьяне располагали продуктами, но скрывали их и реализовывали на местном рынке.

В начале 1925 г. предпринят ряд экономических мер по стабилизации хлебозаготовительной кампании, направленных на ограничение деятельности частных заготовителей. Был введен запрет на вывоз зерна и муки за пределы региона, установлена твердая цена за 1 пуд зерна. В результате принятых мер, к примеру, на Дону в январе собрали 643,3 тыс. пуд. зерна, в

¹ ГАРО. Ф. Р-1775. Оп. 1. Д. 48. Л. 156.

² ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 22. Л. 1.

³ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 31. Л. 1.

⁴ ЦДНИКК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 52. Л. 24.

ле - 330 тыс. пуд., в марте - 322 тыс. пуд. Ведущее положение на рынке заняли государственные заготовительные организации (56%) и частные (34%), которые опережали кооперативные организации. Частные заготовители проявляли активность в Ейском районе и г. Ростове-на-Дону¹.

Успеху налоговой кампании в решающей степени способствовал переход правящей партии к курсу «Лицом к деревне!», кардинально изменившему настроения крестьян, открывшему возможность для их самореализации и в политической, и в экономической сферах.

Однако последствия нового курса, на наш взгляд, являлись далеко не однозначными, а по ряду позиций - более чем противоречивыми. В частности, в условиях общего смягчения курса мы видим известное сокращение налоговой базы в деревне. На Кубани в 1925 г. было выявлено 451 тыс. хозяйств, т. е. на 35 тыс. меньше, чем в 1924 г. И это при том, что за год количество едоков официально увеличилось с 2 276 000 чел. до 2 378 000 чел. за счет естественного прироста (3%) и переселения из других регионов страны². Наряду с этим от ЕСХН полностью освобождены 21,5% крестьянских хозяйств Кубанского округа, а 17,9% хозяйств платили 50% от установленной нормы. Хозяйства с доходом до 150 р., малоимущие, платили 2,5% от доходов, а крупные хозяйства с годовым доходом 500 р. выплачивали налог в размере 25%. Это результат перехода к прогрессивному подоходному налогу. Но столь существенное повышение налоговых ставок на кулака вело к процессу раскулачивания, что противоречило содержанию и целям нэпа. Особую озабоченность власти вызывал и неконтролируемый процесс самостоятельного регулирования объемов ЕСХН и лиц, освобождаемых от его уплаты. Под грифом «секретно» НК РКИ СССР разослал циркулярное письмо от 15 мая 1925 г. № 3028/с, в котором отмечал, что в результате неправомерных

¹ ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 54. Л. 66 а.

² ЦДНИКК. Ф.8. Оп. 1. Д. 5. Л. 24.

действий местных органов власти в состав хозяйств, получивших льготы или полное освобождение от ЕСХН, включены сторонние хозяйства¹.

В результате изучения материалов, предоставленных в Народный Комиссариат Рабоче-Крестьянской инспекции СССР, в 1924-1925 гг. выявились нарушения в сборе ЕСХН. Положение о едином сельскохозяйственном налоге предусматривало возможность уездным, волостным органам власти самостоятельно устанавливать нормы ЕСХН. Результаты проверки свидетельствовали о том, что ставки ЕСХН если и корректировались, то только в сторону повышения. Эти меры вызвали увеличение налогового бремени на ту часть аграриев, которые не имели льгот, т. е. на зажиточную часть села. Это противоречило принципам политики «Лицом к деревне» и той политике, которую стремились проводить большевики².

Но в рамках курса «Лицом к деревне» большевики продолжали льготную политику в отношении бедняцких хозяйств. В этой связи показательна динамика изменений: если в 1922/23 хозяйственном году число освобожденных от налога бедняцких хозяйств в стране составило около полумиллиона дворов (3%), в 1923/24 г. - 2,2 млн (14%), а в 1925/26 г. - уже 5,5 млн дворов (до 24%)³. Получалось, что по мере восстановления хозяйства крестьяне становились все беднее? Более чем странный, но логичный вывод. Или здесь мы видим явный популизм и, возможно, одно из тех коррупционных проявлений, которыми была так богата эпоха нэпа?

Таким образом, налоговая политика большевиков в деревне не способствовала восстановлению крестьянско-казачьего хозяйства, подрывая и развращая производителя. Тем не менее на местах многие исполкомы и далее предоставляли льготы по выплате ЕСХН при условии, что хозяйство выплачивает налог менее 30 р., т.е. большей части малоземельных крестьян. Дон-

¹ ЦДНИКК. Ф. 13. Оп. 1. Д. 34. Л. 2.

² ЦДНИКК. Ф. 13. Оп. 1. Д. 34. Л. 6.

³ Поляков Ю.А., Дмитренко В.И., Щербань Н.В. Новая экономическая политика: разработка и осуществление. М., 1982. С. 124; История советского крестьянства: в 5 т. Т. 1: Крестьянство в первое десятилетие советской власти 1917-1927. М., 1986. С. 357. Хозяйственный год в государственной статистике считался с 1 октября по 30 сентября.

ской окружной исполком в 1926 г. призывал при сборе ЕСХН опираться на малоимущие слои селян. Общий объем ЕСХН в 1926 г. для округа определен в размере 1 239 000 р. В то же время в контексте организации сбора ЕСХН отмечалось, что проведение налоговой кампании идет с нарушениями и связаны они в первую очередь с правомочностью предоставления льгот. Органы власти требовали от местных структур исполнения в полном объеме ЕСХН, в противном случае угрожая закрытием больниц, школ и других социально значимых объектов, а это с неизбежностью означало усиление обложения основных плательщиков¹.

В Адыгейской автономной области продовольственная политика реализовывалась с учетом особенностей национально-государственного устройства. Если на начальном этапе нэпа в области сбор продовольственного налога сведен к минимальным показателям, так как следовало учитывать специфику сельскохозяйственной деятельности адыгов, ориентированных на разведение скота, то в дальнейшем слабая работа по сбору налога нашла отражение в принятии жестких организационно-административных мер в отношении целого ряда советских и партийных работников низовых структур. В то же время ход сбора налога вызывал справедливые нарекания со стороны коренного населения, связанные с нарушением норм обложения, отсутствием государственной помощи. Активные выступления в этой связи зарегистрированы, к примеру, в Понежукайском районе. По итогам 1925/26 гг. план хлебаготовок был выполнен по районам следующим образом: Тахтамукайский - 91%, Понежукайский - 92,3%, Преображенский - 91%, Хакуриновский - 93%, Натырбовский - 92,9%².

К середине 1920-х гг. общая ситуация в сфере налогообложения в исследуемом регионе стабилизировалась. Планы сбора налогов в основном выполнялись. Несмотря на их очевидную тяжесть, особенно для зажиточных групп, хлебоборобы уже не обирались властями до нитки. Однако идеи индустриали-

¹ ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 54. Л. 46.

² Национальный архив Республики Адыгея (НАРА). Ф. 1. Оп. 1. Д. 179. Л. 13.

зации, взятые на вооружение уже в 1925 г., не могли не внести в данную сферу корректив. Неизбежная в этих условиях «продналоговая выкачка» должна была нарушить достигнутое равновесие, провоцируя антисоветские настроения в крестьянской среде¹.

Даже в разгар курса «Лицом к деревне» в 1925-1926 гг. налоговая политика государства способствовала росту противостояния в станице, где амбициозные и некомпетентные руководители станичных и сельских исполкомов нередко самостоятельно трактовали директивы партии, совершая самовольные, а зачастую и противоправные, действия. В частности, налоговые льготы зачастую получали зажиточные казаки, что провоцировало протестные настроения. Властями вновь стали применяться сверхнормативные поборы. Так, житель ст. Суздальской С.П. Новосельцев был арестован на 6 суток за то, что отказался выполнять дополнительный налог, который установил по своей воле председатель исполкома. При аресте он предъявил все справки налогового управления об уплате текущих налогов и отсутствии долга, но эти аргументы не возымели действия. Обращение потерпевшего в областное финансовое управление воспринято положительно, а председатель станичного исполкома получил дисциплинарное взыскание². И подобные нарушения не были единичными.

Первые признаки нарастающего продовольственного кризиса стали отмечаться в зернопроизводящих регионах Юга России ещё в 1926 г. Выполнение плана сбора ЕСНХ в 1925-1926 хозяйственном году составило 73% планового объёма, при том, что недоимки земледельцев превышали эти цифры вдвое³. Партийное руководство страны вынуждено признать, что на «хлебном фронте» допущены не только тактические, но и стратегические ошибки в оценке товарности среднего и бедняцкого хозяйства. Донской окружной комитет ВКП(б) вынужден был признать неудовлетворительное состояние хле-

¹ Крестьянские истории: Российская деревня 20-х годов в письмах и документах / сост. С.С. Крюкова. М., 2001. С. 70.

² ГАКК. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 551. Л. 282.

³ ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 497. Л. 22.

бозаготовительной кампании, что провоцировало его на активное применение непопулярных мер¹.

Требовалось совершенствование налоговой политики. Так, показателями реальной доходности крестьянского хозяйства от полеводства могли служить размеры посева, а не пашни. Обложение пашни повлекло бы ухудшение экономического положения малоимущих хозяйств. Объяснялось это отсутствием достаточного количества сельскохозяйственного инвентаря в бедняцких хозяйствах и последствиями проведенных землеустроительных работ в пользу бедняцких и середняцких хозяйств. Общая сумма доходов казачьих хозяйств от неземледельческой деятельности составляла 16,6% общей суммы облагаемых доходов. Эти доходы формировались из различных видов деятельности: доходы от ремесленной и кустарной деятельности - 4,8%; от сдачи земли в аренду - 1,07%; от найма рабочей силы - 8,8%. В 1926/27 г. планировалось реформировать систему налоговых ставок для зажиточной части казачества и с этой целью было установлено четыре ставки налога (по первой ставке (2-3 к. с 1 р. дохода) - облагались первые 40 р. из расчета на одного едока. Это соотношение носило прогрессивный характер. Так, по четвертой шкале 25 к. с 1 р. изымались при доходе в 80 р. Суммы налогов за 1924/25 г. и 1925/26 г. и 1927/28 г. распределились, соответственно: Кубанский округ - 8 136 805 и 7 917 997 р.; Армавирский округ - 4 279 611 и 3 998 972 р., Майкопский округ - 925 144 и 720 157 р.; Донской округ - 808 168 и 397 038 р.; Шахтинский округ - 1 550 459 и 731 183 р.; Таганрогский - 845 257 и 871 769 р.²

Рост налогов привел к пропорциональному снижению доходов крестьянских хозяйств. Наиболее доходными и стабильными были хозяйства с личным доходом в 100 р. на члена семьи (едока). Доходность в 30 р. на едока уже демонстрировала снижение благосостояния, особенно в 1927 г. Это в

¹ ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 250 а. Т. 2. Л. 76. Налоговые органы признавали, что эффективность налогового обложения определяет перспективы развития индивидуального казачье-крестьянского хозяйства. См.: Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. Р-478. Оп. 2. Д. 343. Л. 3.

² ЦДНИКК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 53. Л. 39.

свою очередь привело к заметному снижению объемов производства и заготовок. Региональная специфика Кубани и Дона, с их исторически сложившимися условиями землепользования¹, сохранившееся сословное неравноправие создавали дополнительные проблемы в ходе продналоговой кампании.

Курс на высокие темпы индустриализации требовал дополнительных ресурсов, которыми правительство не обладало. В то же время, начало 1927 г. сопряжено с процессом нарастания напряженности в сельском хозяйстве. У крестьян скопилось большое количество бумажных денег, на которые они не могли приобрести промышленные товары, поэтому они придерживали хлебные запасы, не желая их продавать по заниженным ценам. Все это спровоцировало продовольственный кризис. По состоянию на январь 1927 г. было заготовлено 428 млн пуд., а к январю 1928 г. - только 300 млн пуд. продовольствия². Для экономики потеря такого количества продовольствия означала снижение экспорта и темпов индустриализации. Уже летом 1927 г. следствием этого стали усилившиеся репрессии против крестьян, вызвавшие волну встречных протестных выступлений.

В этой ситуации в декабре 1927 г. начал работу XV съезд ВКП(б), на котором данный вопрос рассматривался и остро дискутировался. Съезд отверг предложения о применении насильственных мер в отношении крестьянства, но не успели делегаты вернуться в регионы, как получили директивы о применении насильственных мер в отношении держателей хлеба, что дезориентировало местную власть.

Директива ЦК ВКП(б) от 5 января 1928 г. критиковала низкие темпы хлебозаготовок и требовала принятия мер по выполнению плана хлебозаготовок с применением жестких мер³. Очередная телеграмма ЦК ВКП(б) от 14 января 1928 г. обозначала противостояние, когда политика государственного

¹ ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 169.

² Медведев Р.А. К суду истории: О Сталине и сталинизме. М., 2011. С. 146; См.: История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс / под ред. Комиссии ЦК ВКП(б). М., 1950. С. 273.

³ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: документы и материалы: в 5 т. / под ред. В.П. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виола. М., 1999. Т. 1. С. 13-138.

принуждения в решении продовольственного вопроса становится приоритетной¹. В сфере налогообложения принципиальным новшеством, оказавшим колоссальное влияние на крестьян, стал принятый в январе 1928 г. закон о самообложении, в соответствии с которым сходы сами определяли, сколько платят те или иные двory в плане самообложения.

Хлебный кризис 1927-1928 гг. оказал негативное влияние на состояние экономики. Не оправдали себя меры Наркомфина СССР, который предпринимал попытки использовать методы экономического регулирования хлебного рынка. Репрессивные меры на основе советского законодательства не принесли желаемого результата, лишь частично отсрочили применение более жестких мер воздействия.

На местном уровне стали звучать требования по усилению давления на неплательщиков налога². Эта тенденция получила логическое развитие в южных регионах страны в активизации борьбы за сбор налога. Под репрессии попадали традиционно зажиточные группы крестьянства и казачества, а с учетом задачи выполнения плана хлебозаготовок под «каток» попадали середняки и бедняки вместе с партийным, советским и профсоюзным аппаратом. Крестьяне отказались сдавать хлеб государству, решив придержать его до весны, когда цены на него поднимутся³. Теперь ст. 105 Уголовного кодекса РСФСР активно применяли в отношении ответственных работников, проявивших «мягкость» при сборе продналога. Весьма примечательным моментом в 1928 г. стал налоговый удар, нанесенный по объединявшим зажиточные хозяйства «лжеколхозам», которые обложили повышенными налогами⁴.

На Кубани и Дону партия действовала решительно, с явно выраженной антиказачьей направленностью. На Дону было произведено 3 тыс. описей имущества хлеборобов, а 73 казака оказались привлеченными к уголовной

¹ Трагедия советской деревни. ... Т. 1. С. 147.

² ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 497. Л. 12.

³ Бадмаева Е.Н. Нижнее Поволжье: опыт и итоги реализации государственной политики в социально-экономической сфере (1921-1933 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Астрахань, 2011. С. 26.

⁴ ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 211. Л.352.

ответственности. На Кубани наиболее активные действия прошли в Кубанском округе, где к дисциплинарной ответственности были привлечены 11 партийных и советских работников, кроме того, 7 067 хозяйств оказались на грани конфискации имущества. Аналогичная обстановка сложилась в Черноморском округе, но в меньших масштабах (147 описей имущества). В этот период местные органы власти активно практиковали продажу конфискованного имущества на открытых торгах¹.

В масштабах края эти показатели были существенными. По состоянию на 15 марта 1928 г. в Северо-Кавказском крае правоохрнительными структурами арестовано 2 772 чел., в том числе спекулянтов 400, кулаков 1 303, середняков 297, бедняков 42. По ст. 107 УК РСФСР привлекалось 1 287 чел., в том числе 749 из числа зажиточных казаков. Активизация правоохрнительных органов коснулась и бедняцко-середняцкой среды, в результате которой к ответственности были привлечены 1 319 середняков и 308 бедняков. При этом отметим, что классовый принцип иногда позволял выносить в отношении бедняков условные решения, сводившиеся к штрафу². Такая практика не могла не вызывать негатива в низовых партийных структурах. Ситуация рассматривалась политической элитой не как последствие хлебозаготовительного кризиса, а как итог классового противостояния. Хлебозаготовительная кампания (декабрь 1927 г. - апрель 1928 г.) носившая чрезвычайный характер, по мнению правящей партии, в первую очередь её политической элиты, себя оправдала. Забытый метод времен «военного коммунизма» - насильственное изъятие сельскохозяйственных продуктов возрождался в открытых формах и становился нормой хозяйственной деятельности. Но в апреле 1928 г. государственные закупки зерна сократились в 5 раз по сравнению с предыдущим месяцем, что заставило СНК СССР ввести нормирован-

¹ ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 497. Л. 23.

² Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы: в 5 т. Т. 1 ... С. 40.

ный отпуск муки населению¹.

Угроза формирования в станицах и селах взрывоопасной политической обстановки очевидна. Власть сделала ставку на привлечение на свою сторону бедноты, которой отдавалась часть конфискованного хлеба. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 6-11 апреля 1928 г. принял резолюцию, в которой не отрицал возможности и положительных результатов чрезвычайных мер, но осудил перегибы местных органов власти, сняв таким образом ответственность с руководящего состава центрального аппарата партии.

На апрельском пленуме 1928 г. доклад «Хлебозаготовки текущего года и организация хлебозаготовительной кампании на будущий год» сделал А.И. Микоян, констатировавший нарастание кризиса в кампании хлебозаготовок и проблем снабжения продовольствием города². Из доклада следовало, что сбор зерна по сравнению с прошлым, 1926/27 г. меньше на 120 млн пуд., но он больше, чем в 1925/26 г. на 110 млн пуд. Поскольку правительство не могло обеспечить рост экспорта зерна, высказано мнение, что крестьяне за прошедший период накопили зерновые запасы, которые следовало бы отдать государству. Соответственно, по его мнению: «Экстраординарные меры целиком оправдали себя, поскольку за январь - март мы покрыли дефицит в 128 млн пудов хлеба», что позволило избежать очередного кризиса³. Тем не менее, широкие репрессии против крестьян пленум ЦК осудил.

Иллюзии весны 1928 г., когда были ослаблены жесткие меры воздействия и появилась надежда возрождения экономических методов нэпа, рассеяны телеграммой ЦК ВКП(б) от 25 апреля 1928 г. Директива № 2762 требовала «максимального напряжения в заготовках»⁴. Она определяла содержание продовольственной политики, в основе которой были силовой нажим и чистка аппарата управления. Это спровоцировало новую волну незаконных

¹ Ильиных В.А. Хроника хлебного фронта. Заготовительные кампании конца 1920-х гг. в Сибири. М., 2010. С. 126.

² Как ломали нэп. Стенограмма пленумов ЦК ВКП (б) 1928-1929 гг. Т. 2: Пленум ЦК ВКП(б) 4-12 июля 1928 г. М., 2000 С. 180.

³ Как ломали нэп... Т. 2. С. 194.

⁴ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание... Т. 1. С. 261, 262.

действий государственного аппарата.

Большинство местных руководителей признало эффективность репрессивных мер и стали активно их применять. Например, Кубанский окружной комитет ВКП(б) во главе с секретарём Н.И. Барышевым в мае - июне 1928 г. потребовал от районных структур вести активную работу по аресту «кулаков» исходя из «классовых» принципов. Активное применение ст. 107 УК РСФСР привело к росту числа, осужденных в середняцкой среде с 18,5% до 28,6% только за один весенний месяц,¹ что вызвало ответную реакцию в крестьянско-казачьей среде. В апреле - мае 1928 г. в Северо-Кавказском крае по данным ОГПУ произошло 22 выступления с участием 4 тыс. чел.² Крестьяне стали активно использовать пассивные формы сопротивления, в том числе саботируя покупку государственных займов³. Весной 1928 г. сокращались посевные площади, многие зажиточные хлеборобы продавали имущество (само раскулачивание), а середняки не расширяли свое производство, так как боялись попасть в категорию зажиточных хозяйств. Признавалось, что у середняцких и зажиточных слоев станицы и села отсутствует стимул по расширению посевных площадей (из докладной записки о ходе посевной кампании в Кубанском округе) из-за постоянного роста налогового бремени. Хлеборобы активно отказывались от земли (в ст. Ладожской, Славянской, Прохладной и др.). Бедняцкие слои не брали семенную ссуду из-за боязни невозможности её вернуть. В Донском округе активно применялись административные меры воздействия на селян в период посева озимой пшеницы. Нарастание экономического и социального кризиса в казачьих регионах Юга во многом было сопряжено с ростом недовольства, проводимой налоговой политикой. Чтобы уйти от роста налогов, началось массовое дробление хозяйств. По Донскому округу из 7% зажиточных хозяйств осталось (осень 1928 г.) 2%, по

¹ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 12. Л. 14.

² Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание... Т. 1. С. 319-355. В 1929 г. в СССР было зарегистрировано 8278 террористических актов. Это при том, что в 1926 г. - всего 711. См.: Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Документы и материалы / под ред. А.Береловича, В. Данилова. М., 2000. Т. 2. С. 1017-1018.

³ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание... Т. 1. С. 277-285.

Кубанскому округу из 15% (достаточно завышенные данные) осталось 1,5%, по Армавирскому округу из 5% осталось 1,2%. По мнению партийного руководства Дона, до 60 тыс. казачьих и крестьянских индивидуальных хозяйств (из числа «крепких») выступали против повышения производительности хозяйств¹.

К осени 1928 г. это спровоцировало очередную угрозу срыва хлебозаготовительной кампании и витка чрезвычайных мер. Политическая ситуация создала явную угрозу стабильности. Частично скорректировав курс на июльском (1928 г.) пленуме ЦК ВКП(б), Политбюро и СНК СССР издают директиву № 138 от 29 ноября 1928 г. «О мероприятиях по поднятию темпа хлебозаготовок», закрепившую административно-принудительные методы хлебозаготовок, окончательно возобладавших над экономическими².

Вместе с политикой ЦК видоизменялось содержание региональной политики. Северо-Кавказский крайком ВКП(б) 10 июня 1928 г. разослал партийным органам края письмо, в котором предлагал произвести кадровые перестановки и переместить наиболее одиозных в глазах крестьян работников³. Но, скорее, это следует рассматривать не как особое отношение к казачеству, а как свидетельство одного из тактических шагов ВКП(б).

Беззаконие со стороны органов власти, особенно сельских активистов, вызвало не только возмущение, но и протест жителей Дона. Казаки расценивали «чрезвычайные хлебозаготовки», как возвращение к политике «раскалывания»⁴. В конце августа 1928 г. действия представителей власти в ходе хлебозаготовок породили панику на Дону. Хлеборобы приостановили посев озимых из опасения, что нечем будет рассчитаться⁵. Налог таков, что утрачивался «хозяйственный расчет к расширению зернового хозяйства»⁶. И на не-

¹ РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 296. Л. 146 об-149.

² Там же. Л. 319-355, 464-466.

³ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 760. Л. 556.

⁴ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 945. Л. 24.

⁵ Цит. по: Донцы в 1920-х годах: очерки истории / отв. ред. В.А. Бондарев. Ростов н/Д, 2010. С. 132.

⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 338. Л. 8. За два года кулацкие посеы в среднем по стране уменьшились на 15%. ... за исключением Северного Кавказа, где падение составило 26%.

долгое время эти настроения были учтены. Однако вскоре власти вернулись к силовой политике.

В конечном счете налог в 1928 г. был фактически обращен в разверстку. На Кубани после предъявления хлеборобам жестких указаний о сдаче определенного объема хлеба особые «комиссии» начинали выявлять «остатки» хлеба, после чего следовала «разверстка». А если и после этого «комиссии» находили даже 2030 пудов, оставленных для потребления и сева, на хозяйство налагались штрафы, вплоть до десятикратных. Невыполнение их оборачивалось тюрьмой. В этой связи современник писал: «Дети плачут, предчувствуя голод, и лепечут: почему это наш хлеб отнимают»¹.

Заготовительная кампания лета 1928 г. характеризовалась противостоянием двух направлений. Одни, желая на законных условиях производить закупку хлеба, причем повысив цены на зерно на 1020 к., и другие, скрыто продолжая проводить меры насильственного изъятия продуктов у крестьян. Приняты меры и на законодательном уровне: 2 августа Президиум ЦИК СССР принял Постановление об освобождении осужденных по ст. 17 и об отказе применения чрезвычайных мер в ходе хлебозаготовок. Июль - август 1928 г. ознаменовались затишьем в политическом противостоянии в выработке стратегии хлебозаготовок и внутренней политики в отношении крестьянства. Положение дел на хлебном рынке по состоянию на октябрь было напряженным. Произошло сокращение предложений по хлебу, возникли трудности по снабжению населения продовольствием. В этих условиях, стремясь выполнить план хлебозаготовок, некоторые руководители вновь стали ратовать за возвращение к чрезвычайным мерам².

Лишь некоторое время эти призывы формально находились на периферии партийной политики, исходившей из необоснованности предсказаний,

Цит. по: Прудникова Е.А. Битва за хлеб. От разверстки до коллективизации. М., 2016. С. 386.

¹ Рвачева О.В. Политика партийно-советских органов и социально-политические настроения донского казачества в период социалистической модернизации 1920-1940 гг. Волгоград, 2017. С. 93, 94.

² ГАКК. Ф. Р-383. Оп. 1. Д. 59. Л. 150.

что крестьяне хлеба не дадут без применение чрезвычайных мер и что решения июльского пленума ЦК бьют мимо цели и т.п. Успешная четвертая «пятдневка» кампании 1928/29 г. дала 20 млн пуд. - «лучший ответ всем пессимистам и злорадствующим врагам». Причины трудностей хлебозаготовок виделись «не в каких-либо глубоких политико-экономических явлениях, а в тех или иных временных диспропорциях между хлебозаготовками и промснабжением» и в «извращениях» в прошлой кампании, «отчасти в начале нынешней»¹. Впрочем, и требования «осуществить твердую классовую линию в отношении капиталистических элементов деревни»² с повестки дня не снимались. И новый поворот не заставил себя ждать.

Социально-экономическая ситуация осенью 1928 г. в результате принимаемых чрезвычайных мер достигла критической точки и грозила окончательным разрывом экономических связей между городом и деревней, нарастанием товарного голода. Это ставило под угрозу основные экономические программы партии в вопросах индустриализации и коллективизации, повышения обороноспособности страны. Особую опасность вызывали непропорциональные темпы развития сельского хозяйства. При общем уменьшении валового сбора зерновых продолжала расти товарная часть зернового производства.

Основная цель хлебозаготовительной политики состояла в мобилизации максимально возможных объемов хлеба, а базовым инструментом ее реализации оставались хлебозаготовки. В 1927/28 г. и 1928/29 г. и в предшествующий период основным способом сбора хлеба заготовительными организациями являлись так называемые рассевые закупки. С 1928/29 г. стали применяться поставки в рамках выполнения договоров контрактации. В 1929/30 г. сбор хлеба по контрактационным договорам по своим объемам превзошел размеры «рассевых» закупок. Существовал гарнцевый сбор как форма нату-

¹ О хлебозаготовках // Правда. 1928. 23 сент.

² Сельхозналог и наша классовая линия в деревне // Правда. 1928. 25 сент.

ральной оплаты за помол зерна, который в последующем сдавался по государственным закупочным ценам.

Ноябрьский пленум ЦК ВКП(б) окончательно санкционировал использование чрезвычайных мер в ходе сбора хлеба. Он дал вождям ВКП(б) иско-мое: при всех неблагоприятных условиях, сложившихся в 1929 г. (неурожай в зерновых условиях: валовой сбор в 1928 г. - 73,1 млн т., 1929 г. - 71,7 млн т., международная финансовая изоляция), собран хлебный налог и создан резерв в размере 100 млн пуд.¹

Хлебозаготовительная кампания 1929/30 г. прошла с более широким применением чрезвычайных мер. Специальные уполномоченные изымали у крестьян не только излишки, но и семенное зерно, производственный инвентарь и личное имущество. В 1929 г. получили широкое распространение и относительно новые формы борьбы – «общественный бойкот» тем, кто не сдавал хлеб «им ничего не продавалось в кооперации, их исключали из членов потребительского общества и т.п.», «за невыполнение решений общих собраний о сдаче хлеба в срок накладывался штраф»². А в июне 1929 г. Северо-Кавказский крайком ВКП(б) рекомендовал крестьянским сходам и собраниям лишать злостных «кулаков» земельного надела и выселять из сел за сопротивление хлебозаготовкам. В результате крестьяне сократили посевные площади и производство товарного зерна, а иногда открыто выступали против местных органов власти. Это вызвало нехватку хлеба и введение продовольственных карточек. Партийные органы напряженно следили за ходом хлебозаготовок, мобилизуя все силы местных организаций. Особое внимание уделялось коммунистам, которые выступали против крайностей «организованного давления на кулака». В частности, газета «Правда», требуя не допускать «случаев срыва хлебозаготовок по вине работников советского аппарата

¹ Кондрашин В.В. Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и её результаты (1929-1933 гг.). М., 2014. С. 25-27, 43,44.

² Иванов В.И., Чернопицкий П.Г. Социалистическое строительство и классовая борьба на Дону (1920-1937 гг.). Исторический очерк. Ростов н/Д, 1971. С. 151.

и руководящих коммунистов», отмечала в числе таких нерадивых лиц и местных работников (секретарь ячейки из Армавирского округа)¹.

«Борьба за хлеб» стала определяющим фактором политики власти в отношении крестьянства в 1920-х гг. Хлебозаготовительные кампании 1927/28, 1928/29 и 1929/30 гг. обнаружили динамику усиления воздействия на крестьянство, оттачивали формы административного нажима, перерастая в раскулачивание и коллективизацию. В период с 1927 по 1929 г. в ходе «борьбы за хлеб» апробирована система методов воздействия на крестьян, примененная затем в годы сплошной коллективизации². Крестьяне в обращениях в ЦК партии подтверждали факты их преследований за спекуляцию, если они продавали на местных рынках излишки продовольствия³.

Итак, с отходом от чрезвычайной продовольственной политики эпохи продразверстки власть не отказалась от жесткого регулирования продовольственного рынка и военных методов взимания налога. Обеспечение продуктами питания населения, в первую очередь рабочих, армии являлось важнейшей политической задачей, поэтому до 1924 г. существовала форма продовольственного налога, обязывавшая крестьян сдавать в обязательном порядке часть продукции по фиксированной цене. Попытки смягчения политики не возымели должного влияния, так как они носили половинчатый характер и не способствовали формированию свободного рынка обмена (торговли) продовольственными товарами. В итоге с каждым годом рос процент централизованных плановых заготовок, с одной стороны, и налогового давления на зажиточные слои деревни—с другой, что замедляло темпы восстановления аг-

¹ Против правого оппортунизма на практике // Правда. 1929. 8 июня.

² Гончарова И.В. «Борьба за хлеб» как главное содержание политики партии в отношении крестьянства в 1927-1929 гг. (по материалам Центрального Черноземья) // Ученые записки Орловского гос. ун-та. Серия: Гуманитарные и Социальные науки. 2010. № 1. С. 37; Шолохов М.А. в письме Е.Г. Левицкой в июле 1929 г. писал следующее: «Жмут кулака, а середняк раздавлен. Народ звереет, настроение подавленное, на будущий год посевной клин катастрофически уменьшится». На территории Хоперского округа появилась банда, возвращается 1921 г. См.: Документы свидетельствуют: из истории декрестии накануне и в ходе коллективизации, 1927-1929 гг. / под ред. В.П. Данилова, Н.А. Ивницкого. М., 1989. С. 233.

³ РГАЭ. Ф. Р-396. Оп. 7. Д. 17. Л. 189.

рарного сектора экономики, скачки цен и перманентный кризис в снабжении населения продовольствием. Требования большевиков о повышении производительности труда в сельском хозяйстве, её продуктивности сталкивались с низкой технической оснащённостью, агрономической безграмотностью хлеборобов, что в конечном итоге вело к стагнации индивидуальных казачье-крестьянских хозяйств. Классовая политика в реализации продовольственной политики, проходившая в форме постоянных реквизиций, не могла способствовать формированию социального диалога между хлеборобами и властью. Скрытое экономическое и политическое подавление хозяйственной активности зажиточной части сельского населения, путем повышения налогов, при одновременном предоставлении льгот беднейшей части казаков и крестьян, создавали условия, при котором роль государства в развитии сельского хозяйства становилась доминирующей, замещая кулака и зажиточных хозяев.

2.2. Земельные отношения в рамках аграрных реформ и «мягкого расказачивания»

Землеустроительные работы традиционно являются фундаментальной составляющей политики регулирования земельных отношений. Опыт развития России подтверждает, что в ходе модернизационных процессов и связанных с ними изменений в отношениях собственности они неизбежно претерпевают глубокие изменения. Исключительно важное влияние на эволюцию России оказало землеустройство столыпинской эпохи, ориентированное на создание крупных и жизнеспособных крестьянских хозяйств. Но завоевавшие власть и получившие возможность реализовать собственную программу землеустройства большевики видели перспективы в создании аграрного строя, основанного на идеях равенства, социальной справедливости, защиты от эксплуатации «трудового крестьянства». Очевидно, что решения, принимаемые на базе идеологических воззрений формировали конфликты по земельным

вопросам¹. На этом фоне новое звучание получала, в основе своей народническая, критика столыпинского курса: «Землеустройство помогает только сильным, а голытьбу губит»².

Основой большевистской аграрной политики в первую очередь стал курс на ликвидацию помещичьего и церковного землевладения и передачу земли непосредственному производителю-крестьянину. Но это лишь первый шаг. Поскольку мелкое крестьянское хозяйство неизбежно вновь воспроизводит отношения эксплуатации, реальная перспектива виделась в обобществлении земель и создании крупных коллективных хозяйств на новой технической основе. Именно эта программа и стала воплощаться в жизнь с первых дней утверждения большевиков на Кубани и Дону.

Однако при реализации курса на социализацию земли и постепенный переход к социалистическому землеустройству на основе коммун и советских хозяйств пришлось учитывать специфику традиционного регионального землепользования, основной чертой которого являлось доминирующее значение сословного общинного казачьего землевладения при относительно высокой обеспеченности землей основной массы казачества. И процесс возрождения сельского хозяйства региона, по утверждению А.В. Баранова, во многом предопределен сложным порядком землепользования и сложными отношениями между коренными жителями и переселенцами³.

Обращаясь к данным статистики, отметим, что они неоднозначны и имеют расхождения. Так, при оценке земельной ситуации в регионе в 1917-1918 гг. мы видим уже несколько иные цифры. В 7 отделах Кубанского края фиксировалось 8 550 528 дес. обрабатываемой земли. Основным собственником земли являлось Кубанское казачье войско (в 1914 г. - 1 млн 367 тыс. чел., или 45,8%)⁴. Его станичные (юртовые) наделы составляли 562 1026

¹ Иванов В.В. Советское государство и крестьянство в 1920-1927 гг.: опыт взаимовлияния (по материалам Приангарья): дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2017. С. 4.

² Ленин В.И. Землеустройство и деревенская беднота // Полн. собр. соч. Т. 24. С. 5.

³ Баранов А.В. Экономическое и социальное развитие Юга России в условиях новой экономической политики 1920-х гг. Краснодар, 2019. С. 138.

⁴ История кубанского казачества / отв. ред. В.Н. Ратушняк. Краснодар, 2013. С. 280.

дес. (в том числе удобной земли - 5 166 459 дес.), при «войсковом се» - 557 259 дес. Особую категорию образовали «офицерские участки» - 486 516 дес. Итого в распоряжении войска имелось почти 6 млн 665 тыс. дес. (в источнике - 7 200 694 дес.). Далее по значению шли 1 022 407 дес. «частно-владельческих» земель - почти 1/7 части земли края, «к тому же наиболее ценной». В порядке убывания отметим категории земель горских обществ (600 855 дес.); казенных (445 618 дес.); крестьянских (190 037 дес.); монастырских, церковных и причтовых (63 946 дес.); городских (38 509 дес.); наделы немецких колонистов (10 809 дес.). В целом можно согласиться с оценкой М. Черноморского в отношении того, что в крае в 1917-1918 гг. «особенного земельного простора не наблюдается»¹. По ценности земли Черноморской губернии качественно отличались от остальной части Кубани, где при общей площади 586 638 дес., под зерновыми находились лишь 12 806 дес.

На Дону из 15 млн дес. земли Донское казачье войско владело 11,6 млн (77,3%), при том, что казачество (до 1,5 млн чел.) составляло 47% сельского населения. Земельный фонд войска включал станичные наделы - 9,6 млн и запас более 2 млн десятин. Как и во всех казачьих областях, станичные земли распределялись на пай, в 1916 г. насчитывалось 525 404 пая. Помещичьи хозяйства (4 370) владели 1 млн десятин земли. На долю 911 тыс. «коренных крестьян» приходилось 565,1 тыс. дес. Свыше 20% крестьянских хозяйств были безземельными, 40% - малоземельными (до 5 дес. на двор). Среди иногородних, которых в 1917 г. в области проживало 721 тыс. чел. (встречается, и цифра 1,2 млн чел.), не имели посевов 49,6%, рабочего скота - 56,4%. В среднем на мужскую душу приходилось до 0,06 дес. земли².

¹ Черноморский М. Земельный вопрос в Кубанском крае. Екатеринодар, 1918. С. 2-4.

² Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: в 2 ч. М., 2011. Ч. 2. С. 283. Войсковому правительству и казакам принадлежало 80,2% всей земельной площади Дона, при том, что удельный вес казачества среди сельского населения не превышал 44%. Крестьянство составляло 56% сельского населения, владело 10% земли. См.: Воскобойников Г.Л., Прилепский Д.К. Казачество и социализм: Исторические очерки. Ростов н/Д, 1986. С. 7.

Основные казачьи регионы Юга России - Кубань и Дон отличались сходством условий землепользования. В них сохранялись земельное неравенство между казаками и остальной частью населения: крестьян - «коренных», иногородних и горцев: на Дону казаки владели 80,2%, а на Кубани - 78% всей земли¹. Ввиду достаточно большой плотности населения и размеров станиц часто более крупных, чем уездные российские города (многодворность), существенное значение имело дальнотемелье (до 10-15 верст), особенно на Кубани². При господстве общинного землепользования, с характерными для него «переделами» и отсутствием принудительного севооборота, серьезной проблемой являлась многополосица. Стоит отметить зависимость региона от водоснабжения (засушливых земель - около 65%; с избыточной влажностью - 10%). Средний земельный надел на Дону составлял 9,8 дес., а на Кубани - 7,7 дес. удобной земли³.

Существенным было имущественное неравенство в казачьей среде (см. таблица 1 в приложении). В Донской области в 1917 г. до 25,4% казачьих хозяйств не имели сельскохозяйственного инвентаря, а 18% относились к категории беспосевных, 18,6% не имели тягловой силы. На Кубани эти показатели существенно не отличались: до 16,5% беспосевных и до 30% хозяйств не имели рабочего скота⁴. Следует отметить разницу в качестве земли в Донской и Кубанской областях. Качество почв влияло на размер наделов, специализацию, урожайность, уровень товарности хозяйств. На Дону земельные наделы казаков, расположенные на севере и на юго-западе, были меньше чем

¹ Аграрная политика Коммунистической партии на Дону и Северном Кавказе (1920-1937) / под ред. С.М. Смагиной. Ростов н/Д, 1985. С. 21.

² РГАЭ. Ф. Р-478. Оп. 2. Д. 221. Л. 71 об.

³ Черноморский М. Земельный вопрос в Кубанском крае. Екатеринодар, 1918. С. 3. Средняк Тверской губернии владел одной-двумя лошадьми, полвремени работал на себя, а полвремени на помещика. А бедняк - это «голытьба, что ежедневно заходила в усадьбу за работой..., не обрабатывавшая даже собственного надела, безлошадный». См.: Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю. Новосибирск, 1959. С. 29; См.: РГАЭ. Ф. Р-478. Оп. 2. Д. 118. Л. 3, 4. По данным земельной комиссии Всероссийского казачьего съезда, проходившего в Петрограде в июне 1917 г., на одну душу в Донском войске приходилось 6,7, а в Кубанском - 4,4 дес. земли.

⁴ ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 169. Л. 55.

на юге - в Черкасском и Ростовском округах¹. На Кубани значительные проблемы с обеспеченностью землей испытывали закубанские станицы, где худшие по качеству земли - казачьи пай почти вдвое меньше, чем в степной части края².

В 1917-1920 гг. ключевые вопросы политики для станичников неизбежно сводились к земле, что присуще как казакам, так и крестьянам. Политические идеи большевиков о построении социализма никак не соответствовали природе индивидуального крестьянско-казачьего хозяйства и не рассматривались населением как средство решения проблемы обеспеченности землей. Довольно мало крестьянскую массу волновали и правовые аспекты владения (собственность или пользование). Важно лишь то, чтобы получить (крестьянство) либо же сохранить (казачество) землю в реальном пользовании.

Поскольку для большевиков приоритетной задачей изначально стало создание в регионе своей социальной базы, в повестку дня поставлен земельный передел. В основе землеустроительных работ виделись такие принципы, как отвод участков всем имеющим право на владение землей; отчуждение «лишних» земельных угодий в случае превышения установленных норм, устранение земельной раздробленности отдельных хозяйств посредством их объединения; передел земли для переселения на хутора и поселки и т.д.³ С самого начала землеустройство не могло не учитывать местной специфики, диктовавшей отказ от чрезмерно радикальных шагов. Во-первых, нежелательно обострение крестьянско-казачьей конфликтности, неизбежной в случае передела юртовых земель. Во-вторых, стремление новой власти к стабильности объяснялось желанием обеспечить эффективные хлебозаготовки. В феврале 1920 г. I Всероссийский съезд трудового казачества высказался за

¹ ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 21. Л. 71.

² История кубанского казачества / отв. ред. В.Н. Ратушняк. Краснодар, 2013. С. 170.

³ ГАКК. Ф. 102. Оп. 1. Д. 199. Л. 2. «Общинное землепользование, унаследованное от до-революционного периода, с регулярными переделами... порождало многополосицу, чересполосицу, дальнотемелье, тем самым тормозило рост производительных сил». См.: Климин И.И. Российское крестьянство в годы новой экономической политики (1921-1927). СПб., 2007. Часть 1. С. 22.

то, что «трудовые» хозяйства казаков и крестьян не подлежат никаким урезкам. Это несколько сдержало активность местных функционеров, тяготевших к решению земельного вопроса на основе уравнительности. Поэтому решения, принятые региональными структурами весной 1920 г., оказались компромиссными.

Так, в марте 1920 г. Декларация по земельным отношениям Донского совещания земотделов, объявив о временном характере землепользования в области, на время отложила перераспределение земель. Но конференции РКП(б) Ростовского, Таганрогского, Черкасского и Донецкого округов (11-12 марта 1920 г.), одоблив этот документ и признав невозможность немедленного передела, поскольку это может помешать проведению посевной кампании¹, декларировала: «Вопрос землеустройства не только хозяйственный, но и политический. Наша политика должна быть направлена на уничтожение сословной розни и уравнение казачества и крестьянства»². С учетом этого решением от 16 апреля 1920 г. Донской ревком сосредоточил внимание на национализации частновладельческих, церковных, казенных офицерских и т.п. земель «нетрудового» характера.

Аналогичные решения были приняты и в Кубано-Черноморской области, где, в связи с наличием более пестрого этнического состава, большего количества осевших красноармейцев, большего дефицита земли и др., земельный вопрос стоял ещё более остро, а рост конфликтности на этой почве грозил настоящим взрывом. В мае 1920 г. прошел I Кубано-Черноморский съезд казачества, крестьян, горцев и рабочих, который подтвердил поддержку решениям I Всероссийского съезда трудового казачества по земельным вопросам. Было принято решение национализировать «нетрудовые» земли (частные и пр.), но не трогать паевые наделы и тем самым попытаться обеспечить политическую стабильность в регионе.

¹ Чернопицкий П. Г. Деревня Северокавказского края в 1920-1929 гг. Ростов н/Д, 1987. С. 19, 20.

² Очерки истории партийных организации Дона. Ч. I (1898-1920). Ростов н/Д, 1972. С. 510, 511.

Отмеченные решения следовали политике центральной власти, в частности, декрету СНК РСФСР «О строительстве Советской власти в казачьих областях» от 25 марта 1920 г.¹ Исключительно важное значение для региона имел Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 27 мая 1920 г. «Об увеличении размера землепользования в трудовых хозяйствах», оставивший хозяйствам всю фактически имевшуюся у них землю, обрабатывавшуюся без применения наемной рабочей силы, даже если это превышало установленную в регионе норму землепользования². Эти меры имели особое значение для казачества Кубани и Дона, где особенностью землепользования являлась наделная форма.

Летом 1920 г. общие принципы аграрной политики определились вполне. II Донской областной съезд Советов (17-20 июня 1920 г.) утвердил «Временную инструкцию распределения земель сельскохозяйственного значения на 1920-1921 г».³ На основании этого решения юртовые земли остались в пользовании собственников, а бывшие помещичьи земли были переданы местным земельным отделам. Свободные площади переходили в пользование коллективным хозяйствам. Донской областной съезд земотделов дал старт учету земельных наделов с целью выработки норм трудового надела. Однако проблемы, порожденные десантом Врангеля, не позволили реализовать намеченные планы по округам области⁴.

На весь 1920 г. затянулась и аналогичная работа на Кубани, где областной земельный съезд в июне принял довольно двусмысленную резолюцию об временном землеустройстве на «уравнительных началах», попытавшись закрепить четкие «трудовые нормы» наделения пахотной землей для степной части области, а также очередность наделения⁵.

¹ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. М., 1943. С. 175, 176.

² Декрет от 27 мая 1920 года «Об увеличении размера землепользования в трудовых хозяйствах» ВЦИК и СНК. URL // <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 27.03.2020).

³ Данное решение подтвердило ранее закрепленное положение в «Декларации по земельным отношениям на Дону».

⁴ Перехов Я.А. Власть и казачество: поиск согласия (1920-1926 гг.) Ростов н/Д, 1997. С. 43.

⁵ ГАКК. Ф. Р-990. Оп. 2. Д. 63. Л. 1012.

На наш взгляд, отмеченные июньские решения на Кубани и Дону, ориентированные на наделение земель в первую очередь иногородних, несли явную печать радикализма, усилившего земельный хаос, в том числе практику самозахватов не только частных, но и юртовых земель. Примером может служить выделение 2 185 га хут. Дербентскому, возникшему в результате самозахвата демобилизованными красноармейцами земель ст-цы Медведовской¹. Такого рода события показали, что нормы декрета от 27 мая 1920 г. на местах нередко игнорировались, что обостряло ситуацию. Резкая реакция казачков на уравнильное распределение земли привела к тому, что Кубано-Черноморский облревком 30 июля 1920 г. еще раз признал требование закона: «...земледельческие хозяйства трудового казачества и крестьянства без различия формы землепользования (общинное, хуторское и т.п.) остаются без изменения»². Тем не менее такие конфликты продолжали иметь место, что стало главной причиной принятия 18 ноября 1920 г. декрета ВЦИК и СНК «О землепользовании и землеустройстве в бывших казачьих областях», подводящего некую черту под этапом стихийного стремления коммунистов Кубани и Дона к уравнильности. Нормы закона закрепили сохранение сверхнормативных наделов хозяйств, не применявших наемный труд, а также наделение местных безземельных и малоземельных из земель бывшего нетрудового пользования. Причем «местным» населением закон считал лишь лиц, приписанных к обществам до 19 февраля 1918 г.³ Такое закрепление сроков оседлости свидетельствовало об остроте сословных противоречий, что предопределило то, что у основной части сельского общества наделы остались неизменными.

Подтверждая принцип равных прав селян на землю, декрет гарантировал трудовому казачеству неприкосновенность юртовых земель, сдерживая все еще сильный «классовый» напор местных функционеров. Решения местных

¹ Федина И.М. Хутора Кубани: история становления и развития (1794-1930 гг.). Краснодар, 2016. С. 90, 91.

² Цит. по: Чернопицкий П.Г. Деревня Северокавказского края в 1920-1929 гг. Ростов н/Д, 1987. С. 21.

³ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. М., 1943. С. 696-697.

органов зачастую шли вразрез с декретом. Пленум Кубано-Черноморского областного комитета РКП (б) 28 ноября 1920 г. в резолюции «О земельной политике», закрепляя классовый подход к вопросам землепользования, предусмотрел право наделения малоземельных и безземельных крестьян и казаков за счет зажиточной части казачества¹.

В 1920-1922 гг. на Дону в пользовании станиц осталось 98,7% прежних объемов земли², а Кубано-Черноморской области - 97,9%³. Лица, не приписанные к обществам, но постоянно проживавшие в них, получали наделы во вторую очередь (в третью - те, которые не занимались до этого времени земледельческим трудом)⁴. При таком распределении земельных наделов преимущества получили середняцкие слои и частично зажиточная часть станицы, но не кулачество. Таким образом, радикальная перестройка земельных отношений, затрагивавшая интересы казачества, в 1920-1922 гг. ни на Кубани, ни на Дону не проводилась. Но это отложило конфликт, а не упразднило его.

Работа местных ревкомов и земельных отделов Советов в течение 1920 - начала 1921 г. позволила определить примерные нормы наделов в округах и отделах. Она строилась на основе «Положения о земельных комитетах и инструкции земельным комитетам. О земельных комитетах и урегулировании ими сельскохозяйственных отношений» от 4 декабря 1917 г., требовавшего сбора информации о состоянии земельных отношений⁵. Учет трудового земледельческого населения производился согласно ст. 27-35 «Инструкции по применению Положения о социалистическом землеустройстве» НКЗема от 11 марта 1919 г., с целью установить состав населения, имеющи-

¹ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 172. На IX съезде Советов РСФСР в постановлении о мерах по восстановлению крестьянского сельского хозяйства подтверждалось решение II съезда Советов о праве свободного избрания каждым земельным обществом формы землепользования, а именно: товарищескую, общинную, отрубную, хуторскую или смешанную. См.: Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1922 г. М., 1955. С. 48.

² Донской статистический ежегодник. 1923 г. Ростов н/Д, 1923. С. 32.

³ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 49. Л. 2.

⁴ ГАКК. Ф. Р-990. Оп. 2. Д. 63. Л. 216.

⁵ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг. М., 1942. С. 93-103.

еся у них права на земельное обеспечение, степень прав на это обеспечение. Учет населения производился земельными отделами по домохозяевам (дворам). Право владения земельными угодьями должно было иметь документальное подтверждение. Все показания фиксировались в посемейных списках¹.

В начале 1921 г. «трудовые» нормы для округов и отделов были установлены. Так, в феврале 1921 г. пленум Донисполкома определил нормы: по Донецкому округу - от 2,5 до 3 дес. земли, Черкасскому - до 3,5 дес., 1-му Донскому - от 4 до 6 дес., 2-му Донскому - от 4 до 5,5 дес., Усть-Медведицкому - от 5 до 7 дес., Хоперскому - от 4 до 5 дес., Сальскому - от 4 до 5,5 дес. Такое перераспределение привело к потере части наделов казачеством. В Кубано-Черноморской области из-за перенаселения, связанного с потоком мигрантов из Украины и губерний Центральной России, проблемы перераспределения земли были еще более сложными. В частности, наличие большего количества демобилизованных красноармейцев породило желание противопоставить их казачеству и сформировать на их основе социальную базу Советской власти.

В 1920 - первой половине 1921 г. за счет частновладельческих и иных «нетрудовых» земель, а также арендных и покупных земель кулачества, земель эмигрантов удалось провести землеустроительные работы, снявшие проблему безземелья. Огромные массивы земель «к весне 1921 г. были переданы крестьянам или заняты под совхозы»². При сохранении «трудового надела казака» на Дону в трудовое пользование перешли 1 546 326, а в Кубано-Черноморской - 249.742 дес. войсковых земель³. Однако внутри станиц перераспределения земель не произошло. Таким образом, старые формы трудового хозяйствования оказались почти не затронутыми.

¹ Инструкция по применению Положения о социалистическом землеустройстве // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. М., 1943. С. 569-589.

² Великий Октябрь и первые социально-экономические преобразования на Кубани. Краснодар, 1974. С. 23.

³ Перехов Я.А. Указ. соч. С. 29.

Такой характер землеустройства в значительной степени связан с относительно большими массивами пустовавших земель. В итоге Гражданской войны Кубань, и особенно Дон, обезлюдели. Не было ни достаточного количества рабочих рук, ни семян, ни инвентаря. Все это снимало остроту земельного вопроса и позволяло до времени избегать внутristаничного передела. Но переход к нэпу и постепенное оживление экономики потребовали большей определенности, что отчасти решено принятием «Закона о трудовом землепользовании» от 22 мая 1922 г., ввиду крайне тяжелого состояния беднейших крестьянских хозяйств, разрешившего аренду земли.

Основное содержание землеустроительных работ определяли: устранение сословного неравенства, наделение землей безземельного населения, в том числе иногороднего, арендовавшего земельные участки или работавшего в качестве батраков до издания закона о трудовом землепользовании 22 мая 1922 г., наделение землей населения, переселившегося в регион после 22 мая 1922 г., дробление землепользования многодворной общины на отдельные земельные общества оптимальных размеров в целях смягчения и ликвидации дальнотелья, формирование единоличных хуторов и отрубов, ликвидация однополюя и введение общественных многопольных севооборотов. Особая ставка делалась на регулирование аренды, помощь беднейшей части казачества и крестьянства и предоставление ей преимуществ при получении земли (ближе к поселению и лучшего качества), организацию коллективных форм землепользования, отвод земельных участков для кооперирующихся крестьянских хозяйств¹.

Под влиянием декрета о землепользовании и предоставлении права свободного выбора форм землепользования с 1922 г. отмечался рост стремления к выходу на хутора, отрубы, выселки, создававшие более благоприятные условия для отдельных хозяйств, не скованных жесткими поселенческими

¹ ГАКК. Ф. 890. Оп. 1. Д. 75 а. Л. 86.

пределами¹. Также наметилась тенденция к распаду коллективных хозяйств, нередко состоявших из случайных людей². Данное положение сохранилось до принятия Земельного кодекса РСФСР 1922 г.

Итак, при переходе к нэпу вопросы землепользования и землеустройства стали корректироваться, но на территории Кубани и Дона, как и ранее, они в основном определялись старыми казачьими паевыми наделами. Землеустроительные работы проводились в это время по инициативе сельского населения и за счет тех средств, которые оно вносило в местный бюджет. У бедноты средств на это, как правило, не было, а зажиточные в переделе земли по новым трудовым нормам не заинтересованы по определению. Впрочем, сложившаяся ситуация в основном соответствовала крестьянским представлениям о справедливых формах пользования землей. Они полагали, что имеющаяся в их распоряжении земля представляет собой неотчуждаемое достояние³.

Местные партийные работники понимали, что переход к перераспределению юртовых земель породит серьезные проблемы, прежде всего помешает проведению посевных кампаний. Поэтому активные землеустроительные работы в 1920-1922 гг. на Юге России не проводились⁴, хотя советские органы и требовали сохранения классовых принципов при проведении работ по перераспределению земли⁵ с тем, чтобы земли казаков - «помещиков» без всякой платы перешли к казакам-«труженикам»⁶, коренным крестьянам и иногородним. Но уже для 1920-1922 гг. нельзя недооценивать остроты вопроса. С одной стороны, безземельное и малоземельное население в станицах все более претендовало на получение собственных участков, нередко аргу-

¹ Скорик А.П., Федина И.М. Генезис казачьего хутора и генерации хуторян на Кубани с конца XVIII и до конца 1920-х годов // *History and Historians in the Context of the Time*. Bratislava, 2013. № 1. Р. 7.

² ГАКК. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 1996. Л. 60 об.

³ ГАКК. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 1932. Л. 12.

⁴ ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 52. Л. 43. В 1920-1923 гг. посевная кампания проходила под прямым нажимом властей, по централизованным планам и под руководством создававшихся властями «посевкомов».

⁵ ГАКК. Ф. 371. Оп. 1. Д. 8. Л. 7.

⁶ Попова Н.А. Продовольственная политика большевиков в первые годы советской власти на Дону // *Власть*. 2012. № 10. С. 168.

ментировало это заслугами в борьбе за власть Советов. С другой стороны, опиравшиеся на поддержку властей иногородние (особенно из переселенцев 1917-1922 гг.), получая земли, вызывали явное раздражение казаков. В этой связи отмечался даже неконтролируемый процесс дезертирства из дислоцированных на территории области частей Красной армии вчерашних хлеборобов, озабоченных земельным вопросом. Местные органы власти не могли воздействовать на дезертиров, хотя знали, что многие из них после отпуска обязаны вернуться в воинские части¹.

В этой ситуации центральным звеном аграрной политики явилось принятие Земельного кодекса РСФСР², с 1 декабря 1922 г. заменившего все предшествующее земельное законодательство. Кодекс и изданные в последующем правовые акты советской власти должны были обеспечить защиту крестьянина (хлебороба) и создать условия для стабильного развития. Однако он был нацелен на то, чтобы не допустить возрождения «сильного» хозяина. Поэтому, с одной стороны, Кодекс предоставил крестьянину право выбора форм и порядка землепользования, ограничил переделы земель и применение наемного труда, с другой - ввел ограничения по отрубным (хуторским) хозяйствам, запретил аренду земли, которую арендатор не мог обработать силами своей семьи (хозяйства), установил, что наделы, усадьба и имущество принадлежат не домохозяину, а всем его членам, независимо от пола и возраста и пр. В нем отразились все фундаментальные противоречия переходной эпохи, но главное - отрицание частной собственности на землю и запрещение сделок по земле. Нарушение этих требований влекло уголовную ответственность. С изданием Земельного кодекса открылась возможность упорядочить землепользование. Основные его положения поддержал Всероссийский земельный съезд (декабрь 1922 г.), подтвердивший незыблемость национали-

¹ ГАКК. Ф. Р-581. Оп. 2. Д. 205. Л. 8.

² Собрание кодексов РСФСР. 4-е изд. М., 1928.

зации, свободный выбор формы землепользования, усиление сельскохозяйственной кооперации, ограничения аренды земли и найма рабочей силы¹.

Для Кубани и Дона Земельный кодекс ознаменовал начало перехода к глубокой реорганизации земельных отношений на основе уравнительности. Землеустройство на новой правовой основе ограничило возможности использования неконтролируемых объемов земли. Их самовольный захват становился невозможным. Наделение малоземельных крестьян и казаков особенно переселенцев-иностранцев землей, неизбежно означало ее существенное перераспределение, хотя не вело к ее более эффективному использованию. Курс на уравнительное распределение земли наконец стал реальностью. То, что речь шла о важной политической задаче правящей партии, подтвердила Юго-Восточная краевая конференция РКП(б), акцентировавшая внимание на классовом характере землеустройства на основе оптимизации частного сектора путем преодоления сословных различий, ликвидации дальнеземелья и многополосицы, а также более планомерного и эффективного использования государственного земельного фонда и поощрения коллективных форм земледелия².

С учетом нехватки специалистов-землемеров³, в целях предотвращения обострения земельных отношений и более полного вовлечения в земельный хозяйственный оборот в 1923 г. основные усилия сосредоточились на работах по размежеванию земельных обществ. Особое внимание уделялось тем волостям и районам, где земельные споры грозили осложнениями. Переделы всей, в том числе юртовой, земли в 1923 г. прошли в ряде станичных обществ Краснодарского, Славянского, Майкопского отделов Кубано-Черноморской области⁴.

¹ Сидоров В.А. Классовая борьба в доколхозной деревне (1921-1929 гг.). М., 1978. С. 53.

² Юго-Восточная краевая конференция РКП(б) (25-27 марта 1923 г.). Ростов н/Д, 1923. С. 136.

³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Р-347. Оп. 6. Д. 95. Л. 31.

⁴ Аграрная политика Коммунистической партии на Дону и Северном Кавказе (1920-1937) / под ред. С.М. Смагиной. Ростов н/Д, 1985. С. 33.

Наряду с этим все большую активность в вопросах землеустройства демонстрировала беднейшая часть станичников. Демобилизованные красноармейцы, иногородние настойчиво добивались проведения землеустроительных работ, не допуская их переноса на 1924 г. Вне всякого сомнения, в 1923 г. проблемы землеустройства заняли на местах главное место. В частности, обзоры крестьянских писем в газеты показывали, что землеустроительные работы по своей значимости стали абсолютным приоритетом¹. Те юртовые земли, которые в условиях глубокого кризиса 1921-1922 гг. на местах без особого сопротивления передавались во временное пользование всем нуждавшимся (иногородним, бедноте), в обстановке наметившегося экономического подъема, несмотря на протесты прежних владельцев, им уже не возвращались². Показательно то, что большая часть вновь обратившихся с просьбами о землеустройстве относилась к категории без инвентарных крестьян, не способных самостоятельно обрабатывать выделявшиеся земли.

Итак, 1923 г. дал старт значительной активизации землеустройства. В Кубано-Черноморской области, где с учетом сложившихся объективных обстоятельств, 1 300 000 чел. владели 71% всех земель, а 1 700 000 лишь 2,25%, эта работа должна была охватить 2 131 241 дес. земли. Землеустроительные работы проходили в два этапа: летний с 1 мая по 31 октября и зимний с 1 ноября по 30 апреля³. Они преследовали несколько целей: определение и оформление земельных прав, наделение малоземельных и безземельных земель, изыскание и обследование наделов с целью их дальнейшего освоения, установление площади земельных угодий, принадлежащих государству, регистрация земельных участков в госреестре, решение проблемы дальнотелья, привлечение хлеборобов к коллективным формам хозяйствования. В области также сформирован переселенческий фонд в размере 300 тыс. дес., предназначенный для беженцев-переселенцев. Внутреннее переселение по-

¹ Турский В. Места, их жизнь и строительство // Красное знамя. Краснодар, 1923. 24 октября. № 238.

² РГАЭ. Ф. 478. Оп. 46. Д. 166. Л. 15.

³ ГАКК. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 1843. Л. 17; МКУ города Сочи «Сочинский городской архив». Ф. Р-25. Оп. 2. Д. 7. Л. 39.

требовало формирования земельных фондов в Кавказском (50 тыс. дес.) и Лабинском (8 331 дес.) отделах. Заявления для участия во внутреннем расселении были поданы от жителей Майкопского, Лабинского, Краснодарского, Славянского отделов. Разрешение получили 419 семей (2 083 чел.), отказано было 520 семьям (2 811 чел.). Основная масса внутренних переселенцев была направлена в Кавказский и Лабинский отделы, причем в основном это были малоимущие крестьяне.

Темпы землеустроительных работ в Кубано-Черноморской области, а в последующем в Кубанском округе были высокими. До октября 1923 г. по области землеустроительные мероприятия провели на площади 596 тыс. дес. земли, причем курс на уравнительность уже в 1923 г. привел к тому, что средний душевой надел составлял по области 3,25 дес. у казаков и 1,19 - у крестьян¹. Тогда же вновь обнаружилась старая проблема - недостаток удобной земли. На Кубано-Черноморье в 1917 г. в среднем на душу приходилось 2,64 дес., а в 1923 г. - 2,87 дес. В Донской области соответственно 2,6-4,6 и 4,2 дес.² Это не способствовало восстановлению хозяйственной активности индивидуальных казачье-крестьянских хозяйств.

В отличие от интенсивного межселенного размежевания, внутристаничное перераспределение юртового фонда лишь набирало темпы³. Правительство по-прежнему продолжало политику финансовой экономии, перекладывая затраты по землеустроительным работам на крестьян. По республике установлена тарифная сетка по оплате от 50 довоенных копеек с каждой десятины до 2 р. 50 к. за единоличное землеустройство (отруба и хутора). На данном этапе в регионе явно не хватало специалистов для проведения землеустроительных работ и это стало положительным фактором, так приостановился процесс дробления крестьянско-казачьих хозяйств.

¹ История кубанского казачества / отв. ред. В.Н. Ратушняк. Краснодар, 2013. С. 281, 282.

² Аграрная политика Коммунистической партии на Дону и Северном Кавказе (1920-1937) ... С.34.

³ ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 6. Д. 95. Л. 31.

В 1923-1924 гг. землеустройство проводилось главным образом с целью выявления превышения трудовой нормы и выделения коллективных хозяйств. Так в Таганрогском округе основная работа была проведена по межселенному, внутриселенному землеустройству, отвод земли единоличникам составлял 0,4% от общего объема проведенных работ¹. Главный принцип в обязательном порядке соблюдался: беднота, бывшие батраки, мелкие арендаторы наделялись землей в первую очередь и в наиболее удобных местах². Это было особенно важно, так как население Дона и Кубани в основном жило в больших станицах, и проблема дальнотемелья оставалась актуальной весь период 1920-х гг. - свыше 30% владений находились на расстоянии 10 верст от станицы³.

В отличие от 1920 - начала 1922 гг., когда землеустроительные работы чаще всего проходили неорганизованно, в большей части стихийно, а также от мая - декабря 1922 г., когда в них впервые стали заметны принципы уравнительности и плановые начала, 1923 г. ознаменован настоящим землеустроительным бумом. В 1922-1923 гг. в Кубано-Черноморской области прошли землеустроительные работы на 654 936 дес. земли, и это серьезный результат, так как за предшествующие два года удалось провести такие работы лишь на 114 325 дес. земли. Принципиально важно, что они ориентированы в основном на разбивку пашни, а не на перераспределение. Земельные работы в 1923 г. проводились в следующих направлениях: раздел земель, состоящих в пользовании обществ, разверстание на хуторах, отрубы, отводы земли совхозам, товариществам, устранение чересполосицы, дальнотемелья. В итоге мероприятий образовано 263 земельных общества, 54 хутора, 91 отруб, 9 совхозов. Этот курс окончательно закреплен в 1924 г. К концу года землеустроительные работы проведены для 42,3% бедняцких хозяйств, 41,9% се-

¹ Таганрогский филиал Государственного архива Ростовской области (ТФ ГАРО). Ф. Р. 98. Оп. 1. Д. 26. Л. 54.

² ГАКК. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 1984. Л. 34; МКУ города Сочи «Сочинский городской архив» Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 106. Л. 42.

³ ГАКК. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 1930. Л. 26.

редняков и 15,8% зажиточных. По площади земли, находившееся у бедняков, составили 51,1%, у середняков - 40,3%, у зажиточных - 8,6%. В трудовое пользование перешло 249 572 дес. бывших войсковых земель Кубано-Черноморской области¹.

В условиях бедности основной части вновь оформлявшихся хозяйств землеустроительные работы стимулировали, с одной стороны, развитие арендных отношений, а с другой - коллективизацию. Распределение земли среди «приоритетных» для большевиков категорий земледельцев, без их кооперирования, формировало фонд арендной земли, не способствуя разрешению земельного вопроса, и одновременно повышало уровень экономической зависимости бедноты от зажиточной части. И все же в ходе начавшегося уравнительного передела земли сельская община вновь ожила и быстро поглотила свободные сельскохозяйственные площади. В сравнении с 1920-1922 гг., когда межселенное и внутрисканское землеустройство выступало в пропорции 91,1% к 3,4%, в 1924 г. оно уже имело вид 60,2 и 31,1% соответственно. Принципиально важным было то, что «главные работы по землеустройству велись на землях трудового пользования»². Это предопределило неизбежный рост конфликтности, повлияло на формирование в деревне своеобразного «двоевластия» Совета и станичного схода. Именно уравнительность стала основным раздражителем для массы хлеборобов донских и кубанских станиц.

Поскольку реальными хозяевами в земельных делах станиц до середины 1920-х гг. чаще всего оставались общие сходы, на некоторое время это блокировало землеустройство на новых принципах. Как правило, невзирая на нормы закона, сходы соглашались на наделение землей лишь тех лиц, которые жили в станице с довоенной эпохи либо прибыли в нее до закона о социализации 1918 г. Большое сопротивление встречало наделение землей лиц,

¹ Перехов Я.А. Власть и казачество: поиск согласия (1920-1926 гг.) Ростов н/Д, 1997. С. 56.

² Чернопицкий П.Г. Деревня Северокавказского края в 1920-1929 гг. Ростов н/Д, 1987. С. 39.

которые не могли или не собирались работать на ней, а получали надел исключительно с целью его последующей сдачи в аренду. Сходы сопротивлялись наделу землей иногородних, приехавших на заработки и не имевших семей. С учетом трудностей положительные результаты в землеустроительных работах достигнуты на территориях с преобладанием иногороднего населения или же там, где достаточное количество земли¹.

С началом землеустроительной кампании напряженность во взаимоотношениях между казаками и иногородними неуклонно нарастала². Недовольство вызывали как насаждаемые формы коллективной обработки земли, отождествлявшиеся с крупными частновладельческими формами землепользования, так и передача земли «пришлым». В Армавирском, Майкопском, Краснодарском отделах казаки на сходах станиц открыто обсуждали возможность выселения иногородних. Недовольство казаки выражали в активных формах протеста, в том числе убийствах активистов, потравах посевов, самовольных покосах, сокрытии посевов, отказах сдавать фиксированный налог, выполнять повинности. Появились прокламации с воззваниями не обрабатывать земли и не оказывать иногородним помощь при уборке урожая. По ст-це Платнировской пошли слухи о том, что иногородние во главе с местным комитетом РКСМ и РКП(б) решили «устроить Варфоломеевскую ночь» и «истребить казаков». Казаки сформировали отряд самообороны. Проведенное расследование вскрыло провокацию со стороны местных зажиточных казаков, которые желали спровоцировать столкновения с иногородними³.

Благодаря Земельному кодексу в условиях начавшегося с 1923 г. хозяйственного подъема земля вновь превратилась в главное мерило благополучия

¹ История Кубани с древнейших времен до конца XX века. ... Краснодар, 2011. Ч. 2. С. 81, 82.

² ГАКК. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 10. Л. 2; МКУ города Сочи «Сочинский городской архив». Ф. 223. Оп. 1. Д. 147. 2, 9; ТФ ГАРО. Ф. Р 98. Оп. 1. Д. 36. Л. 76, 106.

³ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 25. Л. 7.

селян. При этом следует отметить, что в Юго-Восточном крае в 1922-1924 гг. произошло резкое увеличение числа хозяйств (на 16%)¹.

Важной вехой в корректировке политики в сфере землеустройства стал XIII съезд РКП(б), в интересах восстановления хозяйства потребовавший форсирования землеустроительных работ. Поскольку их стоимость была достаточно высокой (до 7 р. за дес.), а зажиточная часть селян являлась активным противником наделения иногородних землей, лишь прямое участие в финансировании государства могло изменить ситуацию к лучшему. Эту проблему отчасти решил декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 22 сентября 1924 г. «Положение о кредите на производство землеустроительных работ»², способствовавший более интенсивному землеустройству.

Так, в Кубано-Черноморской области в 1924 г. работа продолжена на 2 131 241 дес., а фактические землеустроительные работы провели на 900 тыс. дес. земли³. В результате 30% сельского населения с соответствующим наделом земли вышли из состава станиц в товарищества, хутора. В 1924/25 хозяйственном году дополнительно должны были пройти работы по определению статуса 600 тыс. дес.⁴. Землеустроительные работы первой половины 1920-х гг. завершились сокращением беспосевных и кулацких хозяйств за счет расширения средних групп.

В Донской области на осень 1924 г. землеустроительные работы проведены на 27% земельных угодий, что значительно меньше по сравнению с данными по Кубани. Работа проходила в благоприятных условиях, связанных с подъемом сельского хозяйства и атмосферой влияния Союзного съезда Советов. Причем если в 1923-1924 гг. основной проблемой было дальнеземелье, то в 1924-1925 гг. - организация многопольного севооборота. За год в много-

¹ Аграрная политика Коммунистической партии на Дону и Северном Кавказе (1920-1937). ... С. 34.

² СУ РСФСР. 1924. № 80.

³ В документах существуют разночтения по объему проведенных работ как следствие несовершенства статистической службы, в отчетах есть данные от 800 тыс. дес. до 1 321 000 дес. Перехов Я.А. Власть и казачество: поиск согласия (1920-1926 гг.). Ростов н/Д, 1997. С. 55.

⁴ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 97. Л. 1214.

польный севооборот было вовлечено 950 000 дес. земли. Проблемы многодворной общины разрешались путем выделения части селений, групп домохозяев (на площади 333 450 дес.). За два года (1924-1926 гг.) проведена работа по разрушению общины на площади 1 392 938 дес., что составляло 6,6% от площади трудопользования¹.

Новым моментом в хозяйственной жизни было дробление на «группы». Суть дробления заключалась в предварительной разбивке населения по классовому принципу на группы, которые получали причитавшиеся им паи в одном месте. Зачастую эти группы приобретали сельскохозяйственные машины и инвентарь, вели совместную обработку земли с перспективой организации населенных пунктов.

Мощный толчок землеустроительным работам дал апрельский Пленум ЦК РКП(б) 1925 г., санкционировавший проведение землеустройства «бедняцких хозяйств» за счет государственного бюджета. Для региона его решения тем более важны, что Пленум специально рассмотрел практику землеустройства казачества. Констатируя замедленное восстановление экономического потенциала хлебопроизводящих регионов Юга России, он признал, что только полное проведение землеустройства в казачьих районах с соответствующим обеспечением интересов иногородних и бедноты² позволит решить проблему.

О решимости максимально ускорить землеустройство говорило и то, что 29 марта 1925 г. принято постановление Политбюро ЦК РКП(б) «О лишении бывших помещиков права на землепользование и проживание в принадлежавших им до Октябрьской революции хозяйствах». До принятия до этого

¹ ЦДНИКК. Ф 5. Оп. 1. Д. 52. Л. 56 а, б. На 1 октября 1924 г. землеустройство было проведено на площади 6 469 352 дес. (25%) Северо-Кавказского края. См.: ГАРО. Ф. 1485. Оп. 1. Д. 169 (св. 19). Л. 55, 340; Таганрогский филиал государственного архива Ростовской области (ТФ ГАРО). Ф. Р. 98. Оп. 1. Д. 33. Л. 49.

² Чернопицкий П.Г. Указ. соч. С. 40. Как свидетельствуют документы на местном уровне многие ответственные советские работники предлагали не давать землю иногородним, а выселять их за пределы региона. См.: Архивный отдел администрации МО г. Армавир Краснодарского края (АОА МО г. Армавир). Ф. Р-87. Оп. 1 Д. 68. Л. 1-2. Признавалось сохранение устойчивых сословных противоречий в станицах. См.: АОА МО г. Армавир. Ф. Р-247. Оп. 1. Д. 23. Л. 43.

постановления Политбюро в 1924 г. четыре раза рассматривало вопрос о выселении бывших помещиков из их имений. Решение этих задач возложено на Особые комиссии при губернских органах Наркомзема¹. Таким образом, завершался процесс концентрации земельных ресурсов в руках государства².

Соблюдение норм Земельного кодекса о трудовом землепользовании означало выбор курса на перераспределение земли и ликвидацию сословных «пережитков». Одновременно необходимо было найти основу для формирования социального согласия в крестьянско-казачьей среде и обеспечить тем самым рост товарности хозяйства и сбор продовольствия. Поиск союзника и компромиссные решения в рамках нэпа не позволили правящей партии решить продовольственную проблему, когда середняк постоянно «шарахался». Хотя государство начало субсидировать землеустроительные мероприятия в интересах бедноты, местные сообщества стремились перехватить инициативу. Ряд земельных обществ (ст-цы Дядьковская, Челбасская, Прочноокопская) под видом временного распределения земли проводили землеустроительные работы вопреки принципам, изложенным в Земельном кодексе, в том числе с сокрытием излишков земли в интересах кулацких хозяйств. Вся ответственность за организацию работ возлагалась на местные органы³.

В свете нового курса ВКП(б) землеустроительные работы в 1925-1927 гг. получили мощный импульс. Бюро Донского окружкома РКП(б) признавало, что необходимо наделять землей всех, кто желает заниматься земледельческим трудом и проводить ускоренные землеустроительные работы на внутриселенное разверстание⁴. С учетом требований о льготном наделении землей бедноты (вблизи станиц) это означало, что переселенцы и иногородние получали прямые преимущества в перераспределении земли.

¹ Козлов В.П. Операция «Переселение», «Выселение», «Изъятие» в тульской деревне 20-30-х годов XX в. // Мир глазами историка: памяти академика Юрия Александровича Полякова / отв. ред. В.А. Тишков, Ю.А. Петров. М., 2014. С. 255.

² Стасюкевич С.М. Земельная политика советской власти и землеустройство на Дальнем Востоке в 1920-х гг. // Ойкумена. Владивосток, 2017. № 1. С. 101.

³ ГАКК. Ф. Р-587. Оп. 1. Д. 8. Л. 36.

⁴ ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 5. Д. 52. Л. 46 а48.

В Северо-Кавказском крае численность сельского населения в 1925 г. достигла 6 180,6 тыс. чел. (1206,7 тыс. хозяйств), край оставался аграрным - численность городского населения составляла 1 400 тыс. чел.¹ Процесс землеустроительных работ подвергался постоянной ревизии. На Кубани из 3 389 млн. дес. земли в трудовом пользовании находилось 2 885 000 дес. К началу 1925 г. на основании декрета о землях в бывших казачьих областях землеустроительные работы должны были быть закончены на Кубани на 600 тыс. дес., или 17%, а в 1926 г. этот показатель планировалось довести до 66%. Но проблемы с финансированием, отсутствием специального оборудования не позволили выполнить намеченные планы. Стоимость 1 дес. землеустроительных работ в 1926 г. составляла 50 к., что означало необходимость изыскания дополнительного финансирования в размере 300 тыс. р. Столько же средств потребовали дополнительные операционные затраты. Правительство могло предоставить кредит лишь в размере 55 тыс. р., а требовалось только для беднейшей части крестьянства 105 тыс. р. Банки отказывали в кредите бедняцким хозяйствам, что отрицательно сказалось на всем комплексе землеустроительных мероприятий в округе².

За 1925-1926 гг. форсированное землеустройство в регионе выявило ряд проблем. Кубань отличалась наличием крупных населенных пунктов, и это создавало проблемы при распределении земельных угодий и способствовало формированию дальнеземелья. Решение проблемы виделось в расселении многодворовых кубанских станиц. Средняя норма надела по округу в расчете на едока составляла 2,52 дес., или в среднем на один двор приходилось 12,6 дес. При существовавшем трехполье крестьянское хозяйство должно иметь возможность засеять до 8,4 дес., а на деле с 1920 г. по 1925 г. в среднем сеяли до 4 дес. Таким образом, малопосевные хозяйства, относящиеся к данной категории, не имели возможности в полном объеме восстановить сельскохозяйственное производство округа. Высокий уровень свободных земель, не

¹ Отчёт Северо-Кавказского краевого земельного управления за 1924-25 операц. год. Ростов н/Д., 1926. С. 41.

² ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 97. Л. 12.

используемых в производстве, способствовал развитию аренды земли. Основными арендодателями являлась беднота, преимущественно безлошадная (30% всех крестьянских дворов края)¹.

В рамках ускоренного землеустройства предполагалось перераспределять земельные участки в первую очередь с учетом интересов бедняков, т. е. передать им земли, находящиеся рядом с населенными пунктами, при том, что в округе имелись свободные земельные участки, которые не обрабатывались и не сдавались в аренду. В итоге землеустроительные работы привели к обострению социальных отношений на Кубани. Особенно это проявилось в густонаселенных станицах.

Интенсивные землеустроительные работы велись и на Дону. По данным Донземлеуправления, на 1 октября 1925 г. межселенное землеустройство проведено на территории 829 918 дес., что составляло 40% по отношению к общей площади 2 071 278 дес. Широкое развитие в регионе приобрели работы по разбивке широких полос при хозяйственных переделах. Внутриселенным землеустройством охвачено до 35% площадей, причем землеустройство проведено на территории 124 082 дес., что составляло 11,8% от общей площади. Существенное положение занимали хуторские выселки (13%). Цель работ виделась в том, чтобы снять антагонизм между казачеством и иногородними, национальными меньшинствами и русским населением, найти пути к уравнению земельных прав трудящихся внутри общины и поддержать малоимущие хозяйства путем организации товариществ².

Землеустройство индивидуальных хозяйств позволило в это время обеспечить новое качество использования угодий. Так, в 1924-1925 гг. в Шахтинском округе землеустроено 79% бедняцких хозяйств и 21 % середняцких, в Сальском соответственно - 65% и 30%, в Донском - 29% и 58%. Количество землеустроенных зажиточных хозяйств по округам колебалось от 5 до 13%³.

¹ ЦДНИКК. Ф. 13. Оп. 1. Д. 62 св. 5. Л. 7-10.

² ГАРО. Ф. 1485. Д. 169. Оп. 1. Л. 340 об.

³ История Дона от Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней. Ростов н/Д, 1967. С. 96; ТФ ГАРО. Ф. Р-98. Оп. 1. Д. 44, 83.

Таким образом, в 1924-1925 гг. землеустройство на Дону приняло значительные масштабы. Иногороднее население значительно увеличило свой земельный фонд, доведя его до 900 тыс дес., а коренные крестьяне - до 1023 дес¹. Это означало двойной рост земельного фонда неказачьего сословия. На Кубани прирост земельного фонда данной категории населения составил около 645 дес. земли, т.е. за период с 1920 г. по 1925 г. удельный вес посевов крестьян вырос с 17,5% до 30,6%².

Землеустроительные работы провоцировали конфликты в станичном обществе³. В частности, в 1924-1926 гг. на страницах партийной и советской печати приводились многочисленные факты, когда земельные сходы пытались решать вопросы, не входившие в их компетенцию: возвращение бывшим владельцам национализированного имущества, наделение или лишение иногородних земель. При решении вопросов землеустройства спор все чаще переходил в плоскость: «кто старше - сход или Совет»⁴.

По мнению властей, развитие аграрного сектора экономики тормозили сосредоточение $\frac{3}{4}$ хозяйств в крупных населенных пунктах, дальнеземелье и чересполосица. Запутанность земельных отношений, их неопределенность, рост землепользования беднейших крестьян, в том числе и переселение, осложнили сословные отношения. Упор в этих условиях был сделан на внутриселенном развертывании.

Усиливалось значение кабальных сделок кулака и бедняка. С целью сокрытия объемов посевных площадей осуществлялись манипуляции с землей. Зажиточные записывали часть земли на бедняков с условием засеять часть для себя, а другую - для бедняка, что позволяло уходить от высоких ставок

¹ Молот. 1925. 8 янв.

² Черный В.Ф. Политика партии на Кубани... С. 172.

³ Федина И.М. Отношение земледельцев кубанских станиц к аграрным преобразованиям советской власти в 1920-е гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2018. Т. 17, № 4. С. 796.

⁴ Отчет о деятельности Северо-Кавказского крайисполкома с 1 октября 1924 года по 1 октября 1925 года. Ростов н/Д, 1925. С. 46, 55.

налогообложения. Но продолжалась скрытая практика покупки земли «как оптом, так и в розницу»¹.

В середине 1920-х гг. «нетрудовое» землевладение в регионе в основном было ликвидировано, наступил «конец так называемой «земельной тесноте». В течение 5 лет землеустроительных работ на Дону было передано иногородним и бедноте 3 920 тыс. дес. земли². Развивались арендные отношения. Основным арендодателем земли была беднота (75%), а арендаторами - в основном середняки (70%)³. Но показатели производства аграрной продукции, так и не достигшие довоенного уровня, демонстрировали, что этим количеством хозяйств при существующих показателях технической оснащенности, эффективности, стабильности и экономической значимости проблему продовольственной безопасности страны решить невозможно⁴.

Так, на Кубани беднейшие слои составили 42,3 % наделяемых и получили 51,1% перераспределённых площадей; середняки соответственно - 41,9 и 40,3%, а зажиточные только - 15,8 и 8,6%, основным товарным производителем хлеба являлись крепкие хозяйства, имевшие собственный инвентарь и арендовавшие землю. К октябрю 1927 г. преобладающей формой землепользования в регионе являлась общинная, распространявшаяся на 97,1% земель. Только 0,9% земли принадлежали хуторским и отрубным хозяйствам и 2% - объединениям⁵. Руководство Кубанского округа считало, что в 1926 г. землеустроительные работы в основном успешно завершены. Но перераспределение земли не принесло успокоения и не разрешило социальных и экономических противоречий станицы. Опора советской власти - бедняк, по-прежнему упорно и целенаправленно продолжал сдавать свои земельные

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 2. Л. 13. Эта проблема остро стояла на Кубани в причерноморских районах, где ощущался острый дефицит земли.

² Молот. 1925. 8 янв.

³ Протоколы № 55-58 заседания Донкома ВКП(б) и материалы к ним // ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 52. Л. 190. См. Ф. 5. Оп. 1. Д. 54. Л. 73.

⁴ ГАКК. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 534. Л. 40.

⁵ История кубанского казачества / В.Н. Ратушняк. Краснодар, 2013. С. 282.

участки в аренду зажиточной части станицы (в Кубанском округе 11% бедняков сдавали землю в аренду полностью, а 40% частично)¹.

Землеустройство в это время вело к тому, что выделенные бедноте и в значительной части немедленно сдававшиеся в аренду наделы служили для нее источником получения дополнительного дохода, в ряде случаев позволявшего наиболее старательным из них через некоторое время создать собственные хозяйства, хотя в основном относительно небольшие, с низкой товарностью. Это стимулировало беднейшие слои к форсированию работ по землеустройству. Тем более, что теперь их проведение для бедноты осуществляло за свой счет государство. Как следствие, проводившиеся в 1926 г. обследования кубанских и донских земельных сообществ выявили существенный рост заинтересованности беднейших хлеборобов в проведении землеустройства².

Появлявшиеся хозяйства не имели серьезного хозяйственного значения, как и общественного. Интересны результаты летних инспекций инструкторами ЦК ВКП(б) Кубанского округа в 1927 г., показавшие, что на станичных сходах вопросы решались немногочисленными группами (8,2%) наиболее активных крестьян и казаков из числа крепких середняков и зажиточных, что воспринималось как демонстрация активности «зажиточно-кулацких элементов»³.

Даже в наиболее передовом в сфере землеустройства на Юге России Кубанском округе землеустроительные работы шли довольно трудно, а их последствия неоднозначны, причем не только в связи с созданием хозяйств с крайне низкой эффективностью. Из-за разногласий в содержании землеустроительных работ не в полном объеме реализована переселенческая политика большевиков⁴. В целом, процесс перераспределения угодий шел мед-

¹ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 250. Л. 2.

² ЦДНИКК. Ф. 7. Оп. 1. Д. 613. Л. 74; ТФ ГАРО. Ф-98. Оп. 1. Д. 6. Л. 5, 12.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 74. Л. 90; ТФ ГАРО. Ф. Р 102. Д. 15. Л. 24.

⁴ ГАКК. Ф. Р-371. Оп. 1. Д. 18. Л. 9.

ленно. Пользуясь влиянием, зажиточная часть станиц, прежде всего казачество, нередко проводила землеустройство в своих интересах.

Земельный фонд Кубани и фонд перераспределения отчасти удалось увеличить за счет осушения приазовских плавен в размере 160-180 тыс. дес.¹ В заметно более трудном состоянии вопросы землеустроительных работ находились в Адыгейской (Черкесской) автономной области. Государственное кредитование землеустройства здесь было незначительным. Для организации и проведения землеустроительных работ в год на одно крестьянское хозяйство выделялось не более 100 р. при необходимости 300 р. В области росло количество малоземельных хозяйств. Общественно-политическая обстановка усугублялась ростом противоречий из-за земельного вопроса между адыгами и русскоязычным населением. Следует отметить и такой фактор, как распределение сельскохозяйственных машин между сельскохозяйственными товариществами, которое вызывало острую критику со стороны партийных функционеров². Большинство тракторов, поставлявшихся в область через кооперативную сеть, оказывались в зажиточных хозяйствах. Весь земельный фонд области составлял 276 537 дес. земли. В результате проведенных землеустроительных работ количество безземельных хозяйств сократилось с 4% до 1,9%, а середняцких хозяйств увеличилось с 31% до 39,2%. Но в вопросах землепользования между черкесскими и казачье-крестьянскими хозяйствами существовали противоречия. В среднем на едока в черкесских аулах приходилось до 2,74 дес., а в казачье-крестьянских хозяйствах до 1,6 дес. Но в казачье-крестьянских хозяйствах доминировали середняцкие хозяйства (62%) в отличие от черкесских (12%)³.

В середине 1920-х гг. земельный вопрос был доминирующим в разрешении социально-экономических проблем станиц Кубани и Дона. В ходе земле-

¹ ГАКК. Ф. Р-686. Оп. 1. Д. 20. Л. 42.

² НАРА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 178. Л. 2-5.

³ НАРА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 178. Л. 122. По итогам совещания в Президиума ВЦИК 20 октября 1926 г. с участием представителей автономных образований принято решение не производить переселение в эти территории до окончания сплошного землеустройства. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 134. Л. 165.

устроительных работ возникало огромное количество спорных вопросов, связанных с порядком распределения земли и ее оформления. В середине 1920-х гг. в станице разгорелась классовая борьба. Иногородние и бывшие красноармейцы все чаще высказывали недовольство присутствием в земельных комиссиях и Советах казаков и бывших реэмигрантов, участников белой армии¹. Нередко недовольство было связано с неумелыми или сомнительными действиями землеустроителей и агрономов².

Власти не могли не реагировать на заявления и обращения безземельных или малоземельных станичников, особенно красноармейцев, служивших в частях РККА. А таких фактов немало. К примеру, красноармеец Д.С. Лукьяненко, призванный с Кубани и проходивший службу в 5-м эскадроне 38-го Бузулукско-Бугурусланского кавполка 7-й Самарской кавдивизии обратился к Председателю ВЦИК М.И. Калинину с просьбой дать разъяснения по вопросам распределения земли, так как его молодая жена не смогла получить надел, в то время как он выполняет долг перед Родиной³. Для большевиков важно было не просто откликнуться на запросы беднейшего населения, но и использовать их для укрепления своей социальной базы на селе.

В 1927 г. задача перераспределения земли была решена. В 1927 г. на региональных партийных форумах отмечалось, что землеустроительные работы изменили соотношение сил в станице, что на смену все более ослабевавшему сословному противостоянию пришло главным образом классовое. Сельское население по-прежнему требовало расширения организационной помощи в совершенствовании форм землепользования и хозяйствования. Для большинства земледельцев оставался неразрешенным вопрос дальноземелья.

¹ Земельные болячки // Советский пахарь. 1926. 8 мая. № 270; Им землеустройство не нужно // Советский пахарь. 1926. 29 мая. № 279; Зажиточные тормозят землеустройство // Советский пахарь. 1926. 3 июня. № 281; Бедноте объединяться надо // Советский пахарь. 1926. 10 июля. № 296; Свои люди, кусаются // Советский пахарь. 1926. 19 июля. № 304; А у нас бедноту за нос водят // Советский пахарь. 1926. 11 нояб. № 348; Из-за чего волокита // Крестьянская газета. 1926. 20 июня. № 26; Как это случилось // Крестьянская газета. 1926. 29 июня. № 29.

² ГАКК. Ф. Р-371. Оп. 1. Д. 19. Л. 6.

³ ГАКК. Ф. Р-371. Оп. 1. Д. 59. Л. 224.

Массу вопросов вызывала тема регулирования неизбежно актуализированных изменениями 1920-х гг. арендных отношений. И при этом, выполняя норму подушевого надела из расчета 7 дес., имея 40% хозяйств без тягловой силы и инвентаря, аграрный сектор региона не мог рассчитывать даже на относительную успешность экстенсивного развития¹.

В ходе землеустроительных работ наиболее важным было наделение землей иногородних, которые должны были стать опорой советской системы в кубанской и донской станице, но принципиально решить задачу не удавалось. В наиболее передовом Кубанском округе на 1 октября 1927 г. при средней норме наделения на душу сельскохозяйственного населения из расчета 2,3 дес., землеустроительными работами было охвачено 441 980 чел. Это в основном коренные жители, а также те, кто прибыл на территорию области до принятия Земельного кодекса РСФСР. К этому периоду из числа иногородних хозяйств земли получили (перераспределили) 7 699 хозяйств, оставалось наделить еще 8 433. Одновременно шел рост числа прибывавших из-за пределов округа (в 1927 г. прибыло 28 582 новосёла)². В округе были достигнуты хорошие результаты в разрешении дальнотемелья - 78,8% бедняцких хозяйств улучшили положение и получили наделы рядом с местом проживания. За период с 1926 г. по 1928 г. землеустроительными мероприятиями охвачено от 175 до 240 тыс. крестьянских хозяйств. В ходе мероприятий малоземельные крестьяне сосредоточили до 28% всех посевных площадей и обрабатывали до 1/3 земельных угодий³. Это намного облегчило хозяйственную деятельность хлеборобов, однако сохранялись многие нерешенные проблемы.

К концу 1927 г. площадь землеустроительных работ в Северо-Кавказском крае достигала 49% всех земель. Как обоснованно считал П.Г. Чернопицкий, «к 1927 г. была в основном разрешена главная политическая задача - осуществление фактического права на землю, провозглашенного Ок-

¹ ГАКК. Ф. Р-371. Оп. 1. Д. 79. Л. 2, 31, 32.

² ГАРО. Ф. Р-1390. Оп. 5. Д. 567.

³ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 420. Л. 6, 7.

тябрьской революцией и Советской властью для сотен тысяч безземельных, особенно иногородних, и малоземельных», что обусловило появление «нового слоя мелких товаропроизводителей». В повестку дня поставлена задача осуществления «сплошного землеустройства», призванного окончательно разрешить проблемы наделения землей безземельных и создания, путем преодоления многополосицы и дальнотемелья, оптимальных условий для развития аграрного сектора. На ее решение власти отводили порядка 5 лет¹.

Однако то, к чему вело осуществление программы, красноречиво показали уже первые результаты землеустройства. Получив землю и вначале живя только ее сдачей в аренду, подкопив денег, лишь около 1/3 бедноты приобретали инвентарь и начинали обрабатывать наделы самостоятельно, в ряде случаев заводя неплохое хозяйство. Исследования станицы, проведенные в 1927 г. краевыми инстанциями, позволили установить, что в результате землеустройства 33% бедняцких хозяйств улучшили положение (20% вышли в середняки), 54% остались в прежнем состоянии, а 13% стали жить еще более бедно. В группе середняков улучшили положение 23,7% (13% стали кулаками). Остались в прежнем состоянии 65%, а ухудшили его 11,7% хозяйств. Положение «зажиточных» хозяйств улучшилось лишь у 11,7%. В прежнем состоянии остались 65,3%, а 23% перешли в разряд середняков и даже бедняков (11,7% и 4,3% соответственно)².

Таким образом, землеустройство закрепляло существующее социальное расслоение в станице, при усилении тенденции «осереднячивания» и сохранении важного значения наиболее зажиточной части. В данной ситуации необходимо взять «перерыв» для оценки изменений и определиться с новыми формами хозяйствования.

¹ Чернопицкий П.Г. Деревня Северокавказского края в 1920-1929 гг. Ростов н/Д, 1987. С. 41, 42.

² Чернопицкий П.Г. Деревня Северокавказского края в 1920-1929 гг. Ростов н/Д, 1987. С. 41, 42.

В этой связи земельная политика выступала решающим фактором решения социально-экономических проблем на Юге страны¹. В 1920-1927 гг. землеустроительные работы направлены не только на создание коллективных форм хозяйств, а преследовали цель снятия проблемы - наделения хлеборобов землей и получения продовольствия для горожан. Одновременно советское правительство проводило политику постепенного хозяйственного вытеснения капиталистических элементов путем ограничения кулацкого землепользования и изъятия земельных излишков кулаков, регулируя арендные отношения, ограничивая и регламентируя наем сельскохозяйственных рабочих².

Противоречия, основанные на земельных отношениях, с неизбежностью воспроизводились в течение нэпа, провоцируя социальные противоречия в станицах Кубани и Дона. Работы по переделу земли не имели плановости и не могли разрешить извечных проблем казачьих станиц. Региональные особенности земельных отношений казачьего региона, формировавшиеся под воздействием советского законодательства, провоцировали в годы нэпа многочисленные конфликты³.

К 1927 г. стало понятно, что политика большевиков в вопросах землеустройства не решала принципиально важных экономических проблем. Несмотря на землеустройство, многодворность в русских округах Северо-Кавказского края (а это именно Кубань и Дон) составляла 78,8% всей площади, дальнотемелье - 79,6%, хозяйственная неустроенность - 83,5%. Хотя количество хозяйств, охваченных коллективными формами земледелия, заметно увеличилось и составляло до 8,2% их общего числа (1,67% земельной площади края), основой экономики оставалось общинное землевладение, охватывавшее 82,2% земельных обществ (97,13% земли), хуторской - 6,9%

¹ ГАКК. Ф. Р-371. Оп. 1. Д. 15. Л. 111.

² От капитализма к социализму. Основные проблемы истории переходного периода в СССР 1917-1937 гг. Т. 2: Развернутое строительство социализма в СССР 1929-1937 гг. / под ред. Ю.А. Полякова. М., 1981. С. 131.

³ Федина И.М. Регулирование земельных отношений на Кубани в 1920-е годы // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 2-1. С. 42.

(0,2%) и участковой - 2,7% (1%). Для повышения эффективности «трудовых» крестьянских хозяйств старая модель землеустройства могла предложить лишь курс на «дробление многодворной общины» и выделение хозяйств на «выселки» в целях борьбы с главными врагами - многодворностью и дальнотемельем¹.

Землеустройство на классовой основе, проведенное на Кубани и Дону, привело к тому, что зажиточные хозяйства были ослаблены, но среднеступенчатая обеспеченность землей превысила дореволюционный уровень. Казачество как бывшее «привилегированное» сословие утратило значительную часть прежней наделной земли, находившейся в пользовании. Беднейшие и средние хозяйства получили либо существенно «прирезали» земли (на Кубани - около 50% хозяйств). Курс на социализацию, уравнительность, поддержку беднейших хозяйств восторжествовал. Но на фоне этих успехов особенно вызывающим являлся тот факт, что довоенных показателей аграрного производства на Дону и Кубани в 1927 г. так и не удалось достичь. Именно это обусловило радикальный пересмотр политики землеустройства в 1927-1928 гг.

Авторитетные советские исследователи отмечали, что осуществление задач аграрной революции в казачьих регионах Юга России прошло два основных этапа. Для первого (1920-1921 гг.) характерно то, что, наряду с осуществлением национализации земли, конфискации всех нетрудовых земель и наделением землей беднейшей части сельского населения, фактически земельные наделы среднего казачества, обрабатываемые без применения наемного труда, оставались нетронутыми. На втором этапе 1922-1928 гг. произошло законное перераспределение земли на основе Земельного кодекса РСФСР². С этим вряд ли можно согласиться. Как показано, реальное перераспределение земель за счет казачьих наделов началось в регионе лишь в

¹ Чернопицкий П.Г. Деревня Северокавказского края в 1920-1929 гг... С. 43, 44.

² Перехов Я.А. Об аграрных преобразованиях на Дону и Кубани в первые годы социалистического строительства (1921-1925 гг.) // Проблемы аграрной истории советского общества: материалы науч. конф. 9-12 июня 1969 г. М., 1971. С. 48.

1923 г., причем до середины 1920-х гг. шло весьма медленно. И лишь форсированное землеустройство на основе расширения государственной поддержки с конца 1924 г. привело к реальному торжеству принципа уравнительности. В то же время последующая корректировка курса в 1927-1928 гг. существенно опережала законодательство в сфере землеустройства, которое не успевало за стремительными изменениями реальной политики.

Уже в первой половине 1928 г. землеустройство и в стране, и в регионе приобрело совершенно новые акценты. Переход к форсированию коллективизации потребовал срочного обновления политики в сфере землеустроительных работ¹. В инструкции 1928 г. основными формами землеустройства по-прежнему выступали межселевное и внутриселевное. Однако последнее дробилось на землеустройство: а) коллективных хозяйств; б) групповое; в) внутривоспользовательное; г) обособленных хозяйств. Особое внимание привлекали групповое и внутривоспользовательное землеустройство².

Кризисы хлебозаготовок 1927-1928 гг. и 1928-1929 гг., вскрывшие проблемы несовершенства регулирования трудовых единоличных хозяйств, неизбежно актуализировали вопросы кооперирования, получившего вид «коллективизации» (XV съезд ВКП(б)) и, наконец, массовой коллективизации. К концу 1927 г. новые реалии стали очевидными, отразившись на ходе землеустроительных работ.

Конечно, и в 1928 г. кое-где по-прежнему все еще жили старым багажом. В Мостовском районе Майкопского округа одной из основных проблем считали «отсутствие земельного уравнения казаков и иногородних», предлагали ускорить такого рода работы. Но Северо-Кавказский крайком на этот запрос ответил, что землеустройство в районе может быть проведено только в следующем 1929 г. Крайком уже явно не форсировал землеустройство на

¹ Вестник землеустройства и переселения. 1928. № 4.

² Инструкция по производству землеустроительных работ: справочник землеустроителя. М., 1928. С. 80; РГАЭ. Ф. Р-396. Оп. 5. Д. 72. Л. 121. Поиск форм землепользования для советского крестьянства был тяжелым и противоречивым, о чем свидетельствовали их письма.

прежней основе. Явно присутствовало понимание того, что такие работы в текущей политической обстановке бесперспективны¹.

Мероприятия 1928-1929 гг., прежде всего коллективизация и раскулачивание, полностью дезавуировали прежний курс, состоявший в развитии крестьянского социума на уравнительной основе землеустройства единоличных хозяйств. Зачем было тратить огромные ресурсы на землеустроительные работы, особенно в 1925-1927 гг., если их результаты утратили актуальность задолго (как минимум 5 лет) до выполнения заявленной в этой связи программы? Ответ очевиден. Это стало возможным только потому, что в 1925-1927 гг. еще не был принципиально определен курс развития страны.

На законодательном уровне новые ориентиры аграрной политики, в том числе в сфере землеустройства, связанные с социалистической реконструкцией земельных отношений, закрепил Закон СССР «Общие начала землепользования и землеустройства» от 15 декабря 1928 г.² На его основе, а чаще всего и вне всякого правового поля, в 1928-1929 гг. и развернулась массовая, а затем и «сплошная» коллективизация.

В связи с огромными масштабами землеустроительных работ, связанных с этим радикальным поворотом, в принципе совершенно неподъемных для наличного кадра специалистов-землеустроителей, на практике с неизбежностью восторжествовала упрощенная форма землеустройства в виде «землеуказания» (без дополнительных геодезических съемок и обследований), предназначенная в первую очередь «для быстрого оформления землепользования вновь возникающих колхозов и совхозов»³.

В землеустройстве Кубани и Дона произошли принципиальные изменения. Так, в дореволюционное время на Дону земли подразделялись на казацкие земли трудопользования (67%), крестьянские (15%), частновладельческие (10%), войсковые и городские (7%). А к 1929 г. это соотношение выгля-

¹ Чернопицкий П.Г. Указ. соч. С. 47.

² СЗ СССР. 1928. № 69. Ст. 642.

³ Зырянов Н.Е., Афанасьев В.И. Землеуказания. М.; Л., 1931. С. 25; ТФ ГАРО. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 21. Л. 4.

дело следующим образом: земли трудового пользования - 42,4%, крестьянские - 42,6%, государственные и городские - 11,2%. Одновременно произошло увеличение земельных наделов иногородних на 67% при сокращении казачьих владений на 37%. По итогам землеустроительных работ в конце 1920-х гг. 22,8% крестьянских хозяйств владели земельными наделами более 10 дес. Увеличение количества середняцких хозяйств по посевным площадям привело к уменьшению числа зажиточных хозяйств с 11% до 8%, а кулаков - до 2,7%¹. В конце 1929 г. и эти вновь созданные хозяйства бывших крестьян и иногородних, и старые, уже серьезно ослабленные, хозяйства казаков оказались под ударом сплошной коллективизации.

Подводя итоги, следует признать, что после окончания Гражданской войны в основу земельных реформ в регионе положен принцип уравнительного распределения земли по «едокам». Но в ходе землеустроительных работ угрозы резкой дестабилизации ситуации и срыва хлебозаготовок заставили большевиков избрать в 1920-1922 гг. относительно «щадящий» вариант уравнительности, чтобы снять земельный голод малоземельного и безземельного крестьянства за счет национализированных частновладельческих, казенных, церковных и других земель «нетрудового пользования». Земельные отношения на Кубани и Дону во многом определяли степень взаимопонимания между большевиками и казачеством. Земельная политика первой половины 1920-х гг. привела к дроблению крестьянско-казачьих хозяйств, снижению их товарности и повышению натурализации. Следовательно, масштабное перераспределение земли не сопровождалось повышением эффективности индивидуального крестьянско-казачьего хозяйства. Государство не могло оказать существенного влияния на губительный процесс дробления в сельском хозяйстве.

Попытки оказать определяющее влияние на решение земельного вопроса в станицах Кубани и Дона для большевиков не увенчались успехом. Политика

¹ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 202. Л. 124. МКУ города Сочи «Сочинский городской архив». Ф. 223. Оп. 1. 36. Л. 6.

уравнительного землепользования вылилась в передел земли с элементами конфискации при превышении лимитированных наделов. Казачье сообщество Юга России было вынуждено уступить большевикам и отказаться от прежних условий землепользования. Поскольку вновь созданная экономическая модель, основанная на последовательной уравнительности, с одной стороны, с неизбежностью воспроизводила прежние «мелкобуржуазные» формы, а с другой - отличалась низкими эффективностью и товарностью, гигантская землеустроительные работы 1920-1927 гг., направленные на создание единоличных «трудовых» хозяйств, в итоге, оказались бесполезной и были дезавуированы переходом к предельно упрощенному землеустройству эпохи социалистической модернизации. Именно на этой основе большевики сумели добиться настоящего последовательной и полной уравнительности.

Государственная поддержка коллективных форм землепользования предопределила судьбу единоличных хозяйств, чей экономический потенциал не удовлетворял требованиям государства по экономическому росту. При этом большевики весь период нэпа вынуждены были искать компромиссные формы в решении земельного и продовольственного вопроса, так как они были одним из главных в революции 1917 г., да и всей истории крестьянства. Однако государственный протекционизм в отношении беднейшей части крестьян и казаков, иногородних в разрешении земельного и продовольственного вопроса подрывал экономические основы не только зажиточных, но и середняцких и бедняцких хозяйств. От решения этих проблем зависела стабильность в обществе и упрочение властных функций большевиков, не забывая о том, что в самой партии шла борьба политических элит за лидерство в партии.

2.3. Индивидуальные казачье-крестьянские хозяйства Кубани и Дона: восстановление и перспективы развития в 1920-х гг.

Дон и Кубань представляли собой важнейшие аграрные регионы пореформенной России, в последней четверти XIX в. получившие мощный им-

пульс развития благодаря масштабному железнодорожному строительству и выходу на мировые рынки. В XX в. вместо традиционного животноводства основное значение получило зерновое хозяйство. Роль важнейшей житницы страны и крупного хлебного экспортера сделала регион лидером зернового товарного производства, обладавшим лучшей в Российской империи технической оснащённостью и качеством земли. Именно на его примере В.И. Ленин доказывал неизбежность победы капитализма в России¹.

Впрочем, несмотря на очевидные достижения, прежде всего лидерство в империи по производству зерна на душу населения, отмечалось немало проблем, в основе обусловленных сохранением фактически «феодалного порядка землепользования и землевладения на Дону и Кубани»². Следует согласиться с авторами, которые отмечают, что община являлась преградой на пути развития хозяйственной инициативы казаков³.

Мировая война, затем эпоха революционных потрясений и Гражданской войны крайне негативно сказались на экономике региона. Особенно разрушительные последствия отмечались на Дону. Если в 1910 г. в Донской области под посевами 5,96 млн дес., то в 1920 г. посевные площади составили около 1,84 млн дес.⁴. По другим данным, положение и того хуже. Посевы на Дону в 1920 г. сократились в сравнении с 1915 г. с 5,426 до 1,2 млн дес. Инвентарь еще в 1916 г. на 60% пришел в негодность. В результате войны на селе более чем вдвое сократилось количество рабочих рук. Резкое падение в 1916-1920 гг. демонстрировало животноводство (лошадей и овец – на 2/3, крупного рогатого скота – на 3/4)⁵. То, что сельское хозяйство Дона находилось в состоянии «последовательного ежегодного падения», показывает прежде всего снижение посевов хлебов, составлявшее в 1916 г. - 2 284 745

¹ Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. М., 1977. Т. 3. С. 1-609.

² Козлов А.И. Возрождение казачества: история и современность (эволюция, политика, теория). Ростов н/Д, 1995. С. 128.

³ Перехов Я.А. Власть и казачество: поиск согласия (1920-1926 гг.). Ростов н/Д, 1997.

⁴ ГАРО. Ф. Р-1775. Оп. 1. Д. 192. Л. 19.

⁵ Иванов В.И., Чернопицкий П.Г. Социалистическое строительство и классовая борьба на Дону (1920-1937 гг.). Исторический очерк. Ростов н/Д, 1971. С. 27.

дес.; в 1917 г. - 2 173 245 дес.; в 1920 г. - 1 108 085 дес.; в 1921 г. - 988 065 дес¹.

На Кубани посевные площади сократились к 1920 г. вдвое, а жай - почти в 5 раз². Регион, в довоенный период, производивший до 200 млн пуд. хлеба (потребление - около 100 млн), обеспечивавший 1/6 всего хлебного экспорта России, дававший чистого дохода на 11 866 млн золотом (100 р. на 1 чел.), что вдвое больше, чем по стране, теперь смог собрать только 48 млн³. Тяжелая ситуация отмечалась в животноводстве. Из 720 тыс. голов лошадей, имевшихся в 1917 г., в 1921 г. в Кубано-Черноморской области оставалось только 420 тыс. На каждое хозяйство в 1917 г. приходилось 1,7 лошадей, а в 1921 г. - всего 0,9⁴.

Главным для пришедших в регион большевиков являлось полное изъятие хлеба, что сделано в ходе разверстки 1920 г. Далее в повестку дня ставился вопрос о том, как произвести новые объемы продукции. Для уповавшей на методы революционного насилия партии выход из кризиса в 1920 г. виделся главным образом на путях милитаризации и централизованного регулирования. Поэтому мероприятия Советской власти свелись к трудовой «мобилизации» сельского населения на полевые работы. Малоимущие слои трудового крестьянства, экономически не способные осуществлять эффективное хозяйствование, предполагалось объединять в товарищества, которые при государственной поддержке должны были дать остро необходимую стране сельскохозяйственную продукцию⁵. В большевистской модели организации аграрного производства роль государства многократно возрастала.

¹ Отчет Донского областного экономического совещания в Совет Труда и Оборона с 1 октября 1921 г. по 1 апреля 1922 г. Ростов н/Д, 1922. С. 27.

² Ратушняк В.Н. Экономическое освоение Кубани. Краснодар, 1993. С. 306.

³ Бюллетень Пятого (Второго) Кубано-Черноморского областного съезда Советов. Краснодар, 1921. 4 декабря. № 3. С. 6, 7. Отличительной чертой состояния сельского хозяйства Кубани довоенного периода было: высокий уровень технической оснащенности, качество земли, благоприятные природные условия. Область насчитывала хозяйства (431 491) трудового типа со средней площадью посева 6,6 дес. См.: РГАЭ. Ф. Р-478. Оп. 2. Д. 251. Л. 21.

⁴ ГАКК. Ф. Р-990. Оп. 2. Д. 167. Л. 133.

⁵ ГАКК. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 965. Л. 1.

Но она явно не соответствовала его реальным возможностям, прежде всего ресурсному обеспечению аграрной политики¹.

Исключительно важное значение придавалось пропаганде новых форм, которые, как мыслилось, меняли фундаментальные основы жизни деревни. На партийной конференции Ростовского, Таганрогского, Черкасского и Донецкого округов (11-12 марта 1920 г.) была поставлена задача объединения батраков в формируемом «союзе работников земли»². В принципе, курс на создание «очагов социалистического земледелия», развитие кооперации, вовлечение в нее «трудового» крестьянства и казачества в это время довольно успешен. В пользу добровольного кооперирования³ прежде всего говорило то, что в условиях острого продовольственного кризиса эти поддержанные государством объединения, получая земли, по возможности инвентарь, финансирование, обеспечивали своим членам определенную стабильность. Активное создание коммун, артелей во многом подпитывалось и энтузиазмом масс. Хотя даже В.И. Ленин, акцентируя внимание на деловой стороне, признавался: «Без этого и без делового практического, хозяйственного успеха я коммуна верю плохо и немного даже коммун боюсь»⁴. Поэтому для руководства страны для более гарантированного получения зерна заметно привлекательнее было создание на базе бывших помещичьих имений совхозов⁵. В 1920 г. на Дону учтено 199 помещичьих имений, на части которых оформилось 78 совхозов (204 648 дес.). 3 марта 1921 г. СНК выделил им один миллиард рублей⁶, что значительно превышало «помощь» и коллективным хозяйствам, и «беднейшему» крестьянству.

В связи с относительным многоземельем, несмотря на крайне негативное отношение основной массы населения, в начале появления колхозов и

¹ ГАКК. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 1998. Л. 1, 1об.

² Очерки истории партийных организации Дона. Ч. I (1898-1920). Ростов н/Д, 1972. С. 511.

³ ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 8. Л. 187-196.

⁴ Ленин В.И. Рабочим, мастеровым, служащим и комячейке станции Пролетарская Владикавказской железной дороги // Полн. собр. соч. М. 1977. Т. 52. С. 51.

⁵ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. 1870-1924: в 12 т. М., 1978. Т. 9. С. 255.

⁶ Иванов В.И., Чернопицкий П.Г. Указ. соч. С. 34.

коммун проблем не создавало. Хотя исследователи до сих пор не замечают, что «бандитизм» был особенно силен именно там, где активно создавались «очаги социалистических форм хозяйств». Впрочем, в условиях выхода из войны определяющим фактором в восстановительном процессе аграрного сектора зачастую являлась даже не земля, которую относительно легко получили за счет частных, казенных, церковных массивов, а наличие необходимого количества посевного материала, рабочих рук, инвентаря и тягловой силы¹. И по всем этим пунктам в регионе отмечался острый дефицит ресурсов.

Своего апогея военно-коммунистическая политика регулирования сельского хозяйства достигла в конце 1920-1921 гг., причем весенняя посевная 1921 г. окончательно приобрела «милитаризованный характер». За ее проведение отвечали посевные комитеты (посевкомы), выступавшие как «боевые органы на с/х [сельскохозяйственном] фронте»².

Несмотря на декларативный переход к нэпу, чрезвычайные методы работы по-прежнему воспринимались местным руководством как норма³. На практике в сфере реального управления возрождением села царила неразбериха. Изыскивая семена на местах, власти нередко просто обирали одни населенные пункты в пользу других, устанавливая шефство над «отстающими» станицами⁴. Проводимая большевиками продовольственная политика оказала крайне негативное влияние на развитие сельского хозяйства Кубано-Черноморской и Донской областей. Это в полной мере подтвердили результаты весеннего выборочного обследования 1921 г. на Дону, показавшие катастрофические масштабы падения аграрного производства. Так, если в 1917 г. посевы пшеницы здесь составляли 836 160 дес., то в 1920 г. - 632 241 дес., а в

¹ Дмитренко В.П. НЭП и построение социализма. М., 1981. С. 22.

² Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Донцы в 1920-х годах: очерки истории. Ростов н/Д, 2010. С. 57, 58. См.: РГАЭ. Ф. Ф. Р-478. Оп. 2. Д. 482. Л. 15.

³ Донская история в вопросах и ответах. Ростов н/Д, 1997. Т. I. С. 236, 237. См.: ГАКК. Ф. Р-581. Оп. 1. Д. 179. Л. 32. А поскольку крестьяне из-за отсутствия семян не могли в полном объеме засеять земельные участки, участились случаи добровольного возврата земельных наделов. На Кубани в этой связи были установлены предельные сроки возврата земельных участков - до 1 апреля, а в последующем, о полном запрете добровольного отказа от земельных наделов. См.: ГАКК. Ф. Р-581. Оп. 1. Д. 71. Л. 33.

⁴ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 205 а. Л. 5 об.

1921 г. 513 711 дес. Посевы традиционно «экспортного» ячменя упали с 836 160 дес. в 1917 г. - до 632 241 дес. в 1920 г. и 140 741 дес. - в 1921 г. Таким образом, только за 1920-1921 гг. падение посевов пшеницы составило 36%, ячменя - 37%, овса - 46%. «Экспортный хлеб» - ячмень стали сеять меньше в сравнении с 1917 г. в 4 раза. Это ожидаемо, учитывая, что поголовье лошадей с 1917 г. (496 312) сократилось в 1920 г. - до 193 510, в 1921 г. - до 188 773 голов, а количество плугов за тот же период - с 197 218 (1917 г.) до 140 740 (1920 г.) и 99 114 (1921 г.). За 1920-1921 гг. резко - с 648 до 18 919 выросло количество сох. Невиданное явление, но в области появились «рабочие коровы». Иными словами, произошла примитивизация аграрного труда, а крестьяне вернулись к натуральному хозяйству, перейдя на «самоснабжение». Нехватка тягла задержала весенние посевные работы, заставила сеять более поздними культурами¹.

Крестьянское общество Дону пришло к катастрофе. С середины 1921 г. области пришлось оказывать реальную помощь, как голодающему региону. К концу года голодало уже 25% крестьянского населения. К середине 1922 г. голод охватил почти половину Донской области. Число голодающих по официальным данным достигло 638 тыс. чел., что окончательно добило животноводство, потерявшее 50% рабочего и 80% продуктивного скота². Значительным, хотя и поначалу и не породившим такие последствия как на Дону, оказалось падение в Кубано-Черноморской области, где в 1920-1921 гг. сорван посев и яровых, и озимых. Даже осенью 1921 г. засеяли 562 869 вместо 1,2 млн дес., т. е. 47% от плана посева³. В контексте хозяйственной катастрофы примечательно то, что власти проявляли в это время особую активность в утверждении и развитии социалистических форм производства и потребле-

¹ Отчет Донского областного экономического совещания в СТО п 1-е октября 1921 г. Ростов н/Д, 1921. С. 14 (вклейка), 15.

² Иванов В.И., Чернопицкий П.Г. Социалистическое строительство и классовая борьба на Дону (1920-1937 гг.). Исторический очерк. Ростов н/Д, 1971. С. 42, 43. Голод 1921-1922 гг. оказался сильнее чем голод 1891 г. и 1911 г. Донская область была признана как особо пострадавшая от голода. См.: РГАЭ. Ф. Ф. Р-478. Оп. 2. Д. 255. Л. 65, 93.

³ Бюллетень Второго Кубанско-Черноморского областного съезда Советов. 1921. 11 декабря. № 1. С. 3.

ния. Так, на основании декрета СНК от 14 мая 1921 г. активно создавались комитеты крестьянской общественной взаимопомощи (ККОВы). В Донской области до конца 1921 г. создано до 500 ККОВов, в течение 1,5 лет оказавших помощь 3 400 семьям крестьян, содержавших 11 детдомов и 7 учреждений для инвалидов¹. Учитывая, что каждый ККОВ в среднем не помог и 7 хозяйствам, по существу это были органы «самопомощи» их руководящему составу. Эти цифры еще красноречивее, если учесть, что до 1 апреля 1922 г. на Дону действовало более 1 тыс. ККОВов (по округам: Сальский - 134 комитета, 1-й Донской - 225, Морозовский - 197, Черкасский - 115, Донецкий - 212, Ростовский - 142)². Все они проводили обложения и самообложения, собирали пожертвования.

В числе актуальных форм следует особо выделить начало возрождения с весны 1921 г. кооперации, главная задача которой состояла в организации товарообмена с крестьянством. В апреле Донпродком дал приказ Днобсоюзу отправить в 1-й Донской, Черкасский и Ростовский округа мануфактуру, железоскобяные и прочие товары на 535 тыс. р. золотом с заданием заготовить в 1-м Донском округе 593 327 пуд., в Черкасском - 71 018 пуд., Ростовском – 425 941 пуд. зерна. Товары направлялись для обмена туда, где в основном закончена разверстка. Реальная активизация работы отмечена лишь с июля, а в октябре продком уже начал подготовку обменного фонда к продовольственной кампании 1921-1922 г. на сумму 650 тыс. золотых руб. Но «серьезно говорить о результатах товарообмена в положительном смысле» не представлялось возможным³. Если крестьянин свои излишки реализовал через систему кооперативной торговли, то он мог рассчитывать на получение мануфактуры и поддержку государства. Лозунг «Продналог есть основа государственного хозяйства, а товарообмен через кооперацию - основа кре-

¹ Иванов В.И., Чернопицкий П.Г. Социалистическое строительство и классовая борьба на Дону (1920-1937 гг.). Исторический очерк. Ростов н/Д, 1971. С. 45.

² Отчет Донского областного экономического совещания в Совет Труда и Оборона с 1 октября 1921 г. по 1-е апреля 1922 г. Ростов н/Д, 1922. С. 112, 113.

³ Отчет Донского областного экономического совещания в Совет Труда и Оборона с 1 октября 1921 г. по 1-е апреля 1922 г. Ростов н/Д, 1922. С. 5-7, 9.

стьянского хозяйства» стал новым принципом аграрной политики большевиков¹. Поэтому уже весной 1921 г. поставлен вопрос о скорейшем «усилении» сельскохозяйственной кооперации «путем выделения для руководства надежных, энергичных и испытанных работников»².

В числе актуальных для власти новых форм отметим также рост числа колхозов. К маю 1921 г. на Дону их числилось 607 (объединяли 85% хлеборобов, русских - 99%, старожилов - 85%, беспартийных 99%, крестьян - 70%, казаков - 30%, безземельных - 95%, 5% с наделом). На этом фоне в 1920 - начале 1921 гг. площадь совхозов выросла значительно - на 50% (рабочего скота - на 125%, инвентаря на 75%)³. На Кубани в это время созданы совхозы в Ейском отделе - 3, Лабинском - 9, Майкопском - 8, Кавказском - 8, Баталпашинском - 3, Таманском - 6). Однако к концу 1921 г. ситуация изменилась. После снятия совхозов с госснабжения к концу 1921 г. их осталось всего 14 (в том числе 12 - «вполне жизненных»)⁴.

Заметим, что действия большевиков были достаточно противоречивыми и в отношении коллективных хозяйств. С одной стороны, власти пытались предотвратить их создание зажиточными, «разбавляя» переселенцами и беднотой, а с другой - избежать прямого конфликта в процессе формирования новых земельных отношений⁵. Что особенно важно, они оказывали коллективным хозяйствам доступную помощь, а также всемерно популяризировали их, проводя съезды сельскохозяйственных коллективов⁶. Впрочем, в условиях перехода к нэпу, с установкой на хозрасчет отношение к коллективным хозяйствам уже не было однозначным.

¹ Советский Юг. 1921. 21 июля. № 160.

² Красное Черноморье. 1921. 12 апреля. В 1922-1924 гг. создана государственная система кредитования деревни, в которой кооперативному компоненту отводилась роль технического исполнителя государственных команд.

³ Отчет Донского областного экономического совещания в СТО на 1-е октября 1921 г. Ростов н/Д, 1921. С. 17.

⁴ Там же. С. 32.

⁵ ГАКК. Ф. Р-990. Оп. 2. Д. 69. Л. 9.

⁶ Донская беднота. 1921. 1 июля.

Катастрофические последствия эпохи войн, приведшие к сокращению почти вдвое посевных площадей на Юге, не могли быть преодолены в короткий промежуток времени. Однако в этих условиях политика государства оказалась такой, что прямо препятствовала процессам самовосстановления села. В 1922 г. ситуация продолжала ухудшаться. Весной 1922 г. в Кубано-Черноморской области «в ряде селений крестьяне погибали от голода, но не трогали семенной материал». Для проведения сева обком РКП(б) принял решение о «прикреплении» неурожайных станиц к урожайным для семенной помощи. В итоге при пониженном «плане» 908 тыс. дес. с трудом засеяли 944,5 тыс.¹ Дальнейшее сокращение посевов в 1922 г. наблюдалось и на Дону (22%)². Хозяйство региона «превратилось из многопосевного и многоскотного в малопосевное и малоскотное»³.

Однако, несмотря на все усилия, экономическое состояние Дона и Кубани ухудшалось. Государственный аппарат по существу не владел ситуацией.

Весной 1922 г. было проведено обследование земельных угодий Приморско-Ахтарской волости, площадь которых по результатам межевания 1911-1912 гг. составляла 102 225 дес. Сводная ведомость свидетельствовала о наличии существенных разночтений в оценке состояния посевов⁴. Летом 1922 г. обследовали 760 хозяйств Тимашевского отдела на предмет состояния посевов. По результатам обследований составлены акты, где было отмечено, что озимая пшеница не взошла на площади 870 дес. земли⁵. Аналогичная ситуация сложилась в Краснодарском, Майкопском и других отделах области. Кстати, в Приморско-Ахтарской волости по итогам года не удалось точно определить и размеры урожая. Средняя урожайность за 1922 г. при 29 906 дес. посевной площади составляла: рожь озимая - 35 пуд, пшеница - 35 пуд., ячмень - 45 пуд. с 1 дес. земли. Средняя цена пуда пшеницы на местном

¹ Чернопицкий П.Г. Деревня Северо-Кавказского края ... С. 55, 56.

² Иванов В.И., Чернопицкий П.Г. Социалистическое строительство и классовая борьба на Дону (1920-1937 гг.). Исторический очерк. Ростов н/Д, 1971. С. 43.

³ Чернопицкий П.Г. Деревня Северо-Кавказского края ... С. 57.

⁴ ГАКК. Ф. Р-581. Оп. 1. Д. 75. Л. 10.

⁵ ГАКК. Ф. Р-581. Оп. 1. Д. 72. Л. 48.

рынке составляла 5 р., ячменя 3 р., ржи 4 р. 50 к.¹ По итогам года волость потеряла 30% урожая из-за неблагоприятных погодных условий на площади 1 989 дес. земли. Урожайность на части площадей была минимальной - от 10 до 20 пудов зерновых, что сказалось на результатах сбора продналога и количестве зерна и продуктов питания на местном рынке. Еще весной 1922 г. по области стали изымать племенных животных и у индивидуальных, и у коллективных хозяйств за невыполнение продналога, что привело к гибели племенного фонда. Ввиду неконтролируемого убоя племенного домашнего скота, с целью сохранения племенного фонда, часть его попросту конфисковали и передали опытным сельскохозяйственным станциям².

Первые признаки оздоровления ситуации в регионе проявились лишь осенью 1922 г., когда существенно выросла запашка озимого клина. Так, на Дону посевы озимых составили 288 214 дес. (134,9% плановых заданий), в Кубано-Черноморской области - 828 416 дес. (123,2% плана)³. Улучшение дел отмечалось рассмотревшей вопросы работы в деревне VII Донской облпартконференцией в октябре 1922 г., указавшей на хороший урожай 1922 г. и улучшение настроений крестьянства, что уже к октябрю дало перевыполнение заданий по продналогу⁴.

Остроту проблем в аграрной сфере просто невозможно переоценить. Так, в Хоперском округе в большинстве хуторов насчитывалось по 15 лошадей и по 1-2 паре валов. В Ростовском округе в 1921 г. было учтено 74 тыс. лошадей, а в 1922 г. только 27 тыс.; количество рабочих волов сократилось с 23 до 11 тыс. (на 50%), в Морозовском округе количество лошадей сократилось с 18 до 7 тыс.; рабочих волов - с 43 до 24 тыс. (на 50%). В округе на 1 лошадь приходилось до 3 дес. пахотных земель⁵. В этих условиях увеличить

¹ ГАКК. Ф. Р-581. Оп. 1. Д. 139. Л. 34.

² ГАКК. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 2018. Л. 6, 10.

³ Перехов Я.А. Власть и казачество: поиск согласия (1920-1926 гг.). Ростов н/Д, 1997. С. 51, 52.

⁴ Очерки истории партийных организаций Дона (1921-1971). Ростов н/Д, 1973. Ч. 2. С. 46, 47.

⁵ ГАРО. Ф. Р-97. Д. 21. Оп. 1. Л. 71.

площадь пахотных земель было практически невозможно. Средствами для приобретения новой тягловой силы хлеботорговцы не обладали, поэтому вся надежда была на государственную помощь.

Аграрный социум региона находился в 1922-1923 гг. в состоянии глубокого кризиса. Результатом «голодных» зим 1921 г. и 1922 г. стало «значительное количество кабальных сделок». На волне восстановления в 1922-1923 гг. власти провели большую работу по их аннулированию. В Славянском отделе исполкоме выявлена 571 и расторгнуто 350 таких сделок (остальные переданы в нарсуд)¹. Зачастую непродуманные, неумелые действия органов власти провоцировали нарастание социальных и сословных противоречий в станицах. Основной проблемой оставался фактор влияния кулака на бедняцкие и середняцкие слои, в том числе на батраков.

По мере изжития военно-коммунистического наследия и утверждения нэпа в 1923 г. в регионе началось восстановление сельского хозяйства, наметилась позитивная динамика роста посевов. Посевы выросли как на Дону (в 1920 г. - 51% к уровню 1917 г., в 1922 г. - 36,3%, в 1923 г. 55,2%;), так и на Кубани, где к уровню 1916 г. они достигли 75,4% (65,4% и 62,7% - в 1920 г. и 1922 г.). Удалось превзойти уровень 1920 г. Улучшились в 1923 г. и показатели обеспеченности крестьян крупным рогатым скотом. На Дону, в сравнении с 1917 г., его поголовье в 1923 г. выросло до 61,2% (в 1920 г. - 43,6%, в 1922 г. - 64,3%). Хорошие темпы восстановления (75,5%) отмечались и на Кубани (44,9% и 61,2%, соответственно). Удалось переломить тенденцию сокращения поголовья лошадей в регионе². На наш взгляд, это и стало основным признаком начала восстановительного периода на Кубани и Дону. Кста-

¹ Отчет Славянского отдельного исполнительного комитета Советов РКККД за 1922-23 год. Славянская, 1923. С. 6.

² Перехов Я.А. Власть и казачество: поиск согласия (1920-1926 гг.). Ростов н/Д, 1997. С. 51, 52. Восстановительный эффект первой половины 1920-х гг. никак не сказался на росте благосостояния крестьянской массы из-за наличия диспропорций в экономике переходного периода. Так, в 1913 г. российский крестьянин мог за один пуд ржи приобрести 5,7 аршина ситца, а в 1923 г. только 1,5 аршина. В среднем покупательская способность ржи за десятилетие упала до 25-40%. См.: Лельчук В.С. Индустриализация СССР: история, опыт, проблемы. М., 1984. С. 46.

ти, в советской историографии «восстановительным» считался порой именно период с 1923 г.: «За 3 года восстановительного периода (1923-1925) общая посевная площадь на Дону под зерновыми культурами выросла более чем в 3 раза»¹.

Но хотя с 1923 г. в регионе наблюдалась тенденция роста посевных площадей (на Дону - 26%), они еще далеки от уровня 1917 г. Сельское хозяйство Юга России имело проблемы: медленное восстановление тяглового поголовья и всего животноводства, отсутствие семенного фонда, сельскохозяйственного инвентаря, мешавшие нормальному проведению полевых работ частые переделы земли в осенне-весенний период. Если обязательный план посева на Дону составлял 3 105 787 дес. земли: Ростовский округ - 427 128 дес.; Черкасский - 267 275 дес.; Сальский - 524 дес.; 1-й Донской - 333 553 дес.; 2-й Донской - 472 477 дес.; Донецкий - 532 876 дес.; Верхне-Донецкий - 351 606 дес.; Усть-Медведицкий - 336 120 дес.; Хоперский - 221 327 дес.², то обеспеченность округов семенным фондом была разной - от 50% до 80% от потребности. В целом в наличии было 1 445 600 пуд. семян вместо необходимых 6 000 775 пуд.³

В ходе весенней посевной кампании 1923 г. решались три основные задачи: предотвращение катастрофического падения посевных площадей, как было в 1922 г., обеспечение посевным материалом нуждающихся хлеборобов, организация государственного контроля. В ходе распределения посевного материала большая часть семенного фонда (75%) распределялась через систему кооперации. Но она со своей задачей явно не справилась. Деятельность Кубанской сельскохозяйственной кооперации оценена как «преступно-хищническая», так как Кубсоюз требовал за 1 пуд. выданных семян возврата 5 пуд. без учета дополнительных сборов, которые она самостоятельно и

¹ Иванов В.И., Чернопицкий П.Г. Социалистическое строительство и классовая борьба на Дону (1920-1937 гг.). Исторический очерк. Ростов н/Д, 1971. С. 49.

² ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 10. Л. 21.

³ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 11. Л. 8.

установила¹. Такая позиция кооператоров привела к сосредоточению семенного фонда у кулаков-казаков и поставила большую часть хлеборобов в зависимость от них. Весенняя посевная кампания во многом оказалась провальной, потому как распределение семенного фонда оказалось под контролем той части казачества, которая имела семена для посева, что провоцировало спекуляцию в зерновом секторе.

Власти в первую очередь планировали в посевной кампании распределение фондов по отделам, где наиболее проявились кризисные явления. Во вторую очередь предполагалось обеспечить семенами коллективные хозяйства. Распределение свидетельствовало о том, что из 1,5 млн пуд. отделы получили 503 848 пуд. Посевная кампания, по мнению контролирующих органов, проведена преступно, в угоду кулачества². Не лучше кооперация справилась и с задачами заготовительной работы. В ходе заготовительной кампании возник дефицит денег, в том числе золотого червонца³. По существу, выступая инструментом государственного регулирования аграрной сферы, кооперация оказалась иждивенческой организацией, отягощенной всеми признаками разложения. Низкое качество ее работы вносило сумбур в товарообмен с селом. В итоге, несмотря на «помощь» государства, в том числе на ежегодное увеличение семенных ссуд⁴, ситуация менялась к лучшему крайне медленно, с явными провалами.

В 1923 г. наметились только первые робкие положительные тенденции в развитии сельского хозяйства. Инерция «военного коммунизма» оказалась слишком велика и продолжала сказываться. И только начатые реформы в рамках политики «Лицом к деревне» (1924-1925 гг.) позволили добиться первых положительных результатов. В регионе этот курс реализован в рамках политики «Лицом к казачеству»⁵. Достигнутые в 1923 г. результаты носили

¹ Там же. Л. 95.

² ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 35. Л. 44.

³ ГАКК. Ф. Р-990. Оп. 2. Д. 399. Л. 37, 55.

⁴ ГАКК. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 554. Л. 1.

⁵ ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 141. Л. 61. Общая посевная площадь под зерновыми культурами на Дону в 1923-1925 гг. возросла в 3 раза, урожайность по сравнению с 1920 г. увели-

ограниченный характер. Восстановительный процесс коснулся в основном крупного рогатого скота, а поголовье лошадей увеличивалось медленно¹. Медленно шел и процесс восстановления посевных площадей: в 1923 г. на Дону удалось освоить 50% довоенных посевных площадей, а поголовье скота достигло 40% довоенной численности. Донская область, как и Кубанский край, отличались неравномерностью восстановительного процесса². В итоге, сельскохозяйственное производство к 1923 г. на Кубани было восстановлено лишь на 70%. На одну душу населения производилось 33 пуд. зерна, что в 2,5 раза меньше в сравнении с 1913 г.³ Хлеборобы жаловались на несоответствие цен на промышленные товары (завышенные) и продукцию сельского хозяйства⁴. Снижалась покупательская способность сельского населения. Политика центральных органов, направленная на установление единого торгового фронта, с отсутствием конкуренции, тенденциями повышения розничных и оптовых цен, неправильной политикой хлебозаготовок, желанием купить зерно по заниженной цене способствовала развитию кризисных явлений. С задачей организации контроля, сокращения накладных расходов и кооперирования населения властные структуры не справлялись⁵. Ситуация признавалась чрезвычайной⁶. Мероприятия хозяйственных органов по увеличению количества промышленных товаров, реализуемых через кооперативную сеть,

чилась в 5 раз. Восстановление сельского хозяйства проходило на традиционной технической и технологической основе, только в 1923 г. на Дону получен первый трактор. См.: Кислицын С.А., Кислицына И.Г. История Ростовской области (от Земли Войска Донского до наших дней). Ростов н/Д, 2007. С. 161.

¹ ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 92. Л. 4.

² Имелись районы, где было восстановлено лишь до 25% посевных довоенных площадей. На Кубани общая площадь пашни в 1923 г. сократилась с 3 222 тыс. до 2 949 тыс. дес. Но при уменьшении общей площади пашни увеличились площади под зерновые культуры. Озимые зерновые составили 912 тыс. дес. (в 1924 г. - 1957 тыс. дес.). Яровые зерновые культуры в 1923 г. посеяли на площади 1 256 тыс. дес. (в 1924 г. - на площади 2 286 тыс. дес.). Общая площадь посевов за год увеличилась с 2 169 тыс. дес. до 2 286 тыс. дес. (на 5%). Крестьяне перестали забивать скот на собственные нужды, что способствовало росту поголовья крупного рогатого скота с 416 до 469 тыс. голов, лошадей - на 8%. См.: ГАКК. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 544. Л. 22.

³ Апостолов Л.Я. Кубано-Черноморский край. Краткий очерк его современного состояния с приложением карты. Краснодар, 1924. С. 20.

⁴ ГАКК. Ф. Р-990. Оп. 2. Д. 401. Л. 4, 18.

⁵ ЦДНИКК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 809. Л. 3.

⁶ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 5. Л. 10.

не принесли результатов. Предоставление неоправданных льгот в распределении промышленных товаров, государственной помощи членам сельскохозяйственной кооперации, где доминирующее положение занимали зажиточные крестьяне, лишь обострило ситуацию в станицах¹.

Таким образом, восстановительные процессы в регионе протекали медленно. На Кубани валовой сбор зерновых культур в 1923 г. составил 59 млн пуд., т. е. 52% от довоенного годового сбора, но в 1924 г. валовой сбор сократился на 2 млн пуд. Медленно восстанавливался и рабочий скот, поголовье которого в сравнении с 1916 г. сократилось на 30%. В результате на одну голову рабочего скота приходилось 4,3 дес. земли вместо 3 дес., что превышало норму обработки земли на 30%². Поголовье лошадей за 1922-1924 гг. увеличилось с 836 тыс. до 1 090 тыс. голов, рост составил 25%. Поголовье крупнорогатого скота за указанный период увеличилось на 25%, овец на 50%, свиней в 6 раз³. Увеличение поголовья домашнего скота в первую очередь связано с ростом молодняка.

Успехи восстановительных работ отмечались и на Дону, где с низшей точки посевных площадей в 1922 г. (41% от 1917 г.) в 1923 г. начался их рост. Но сдерживающим фактором развития в области стала катастрофическая нехватка тягла. К тому же «культурным улучшениям» мешали частые переделы земли при общинном пользовании. Тем не менее благосостояние крестьян росло. Показателем этого стало восстановление свиноводства, почти исчезнувшего в 1922 г. (2,5% к 1917 г.), но за последующие 2 года поднявшегося вновь до 47%⁴. После районирования 1924 г. наиболее динамично в Донском округе развивались кубанские Каневской, Староминской, Кушевский районы. Рост пашни в 1924 г. по сравнению с 1917 г. в них составил 163%. Но ситуация с рабочим скотом и здесь оставалась критической. Посевная площадь на Дону выросла на 17%, а тягловая сила отставала на 33%. В 1917 г. на одну

¹ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.

² ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 57. Л. 15.

³ ГАКК. Ф. Р-157. Оп. 1. Д. 67. Л. 54.

⁴ Отчет Донского окружного исполнительного комитета Первому окружному съезду Советов за 1923-1924 гг. Ростов н/Д, 1925. С. 14.

голову рабочего скота приходилось 3,39 дес. земли, в 1924 г. - 3,97 дес., в 1925 г. - 5,98 дес.¹ В Ейском районе до 30% хозяйств не имели рабочего скота; в Староминском - до 35,6%; в Куцевском - 32,5%; вском - 38,5%; Аксайском - 40,5%; Азовском - 14; Батайском - 45,7%; Новочеркасском - 34,8%. Так, число хозяйств, не имевших рабочего скота за период с 1917 г. по 1925 г., в Багаевском районе выросло с 10% до 52%. Для удовлетворения потребностей округа в тягловой силе необходимо было довести поголовье лошадей до 11 170, что невозможно было выполнить². В северных районах области находилось наибольшее количество бедняцких хозяйств. В целом, бедняцкие хозяйства (29 812) составляли 24% к общему количеству хозяйств округа, которые распределялись следующим образом: беспосевных и с посевом до 0,5 дес. на 1 едока - 14 443 хозяйства и с посевом от 0,5 до 1 дес. на едока - 15 369 хозяйств. Донской округ подразделялся на три категории: слабый, сильный и средний по уровню развития сельского хозяйства. В этих условиях ставилась первоочередная задача восстановления хозяйств хотя бы до уровня удовлетворения собственных нужд. В отношении развитых районов мероприятия направлены на поддержку рыночных отношений, повышение товарности хозяйств и создание условий для развития интенсивного сельского хозяйства. Средний уровень развития сельского хозяйства демонстрировали Азовский, Аксайский, Батайский, Мечетинский районы, в которых до 54% площадей были засеяны и средний земельный надел составлял от 2,9 до 3,8 дес. Обеспеченность сельскохозяйственным инвентарем достигала здесь 67%, а землеустроительные работы были проведены на 77%. Слабые районы - Семикаракорский, Багаевский, Новочеркасский могли посеять только до 23% пашни и испытывали острый дефицит сельскохозяйственного инвентаря, имели высокий уровень безлошадных хозяйств (60%) при значительной обеспеченности землей (до 5 дес. на едока - 67% хозяйств). Неблагоприятные климатические и экономические условия, изношенность

¹ ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 52. Л. 42-46.

² ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 52. Л. 43.

инвентаря, незаконченность землеустроительных работ обуславливали снижение темпов восстановления сельского хозяйства.

Таким образом, сельское хозяйство региона, являвшееся основной отраслью его экономики, восстанавливалось медленными темпами. Отсутствие государственной поддержки и жесткое государственное регулирование по сбору продовольственного налога (ЕСХН) не позволяли ему восстановиться в полном объеме. Если в Центральной России сельское хозяйство к 1924 г. восстановлено на 70-80% к довоенному уровню, то на Юге этот показатель составлял лишь на 49%. Большая часть произведенной продукции направлялась на удовлетворение собственных нужд, если и был рост рыночного оборота сельскохозяйственной продукции, то только за счет снижения потребления самих земледельцев. Демонстрировать постоянный рост и стабильность могли зажиточные хозяйства, обладавшие финансовым потенциалом¹. За ростом сельского хозяйства в 1922-1924 гг. последовал спад посевных площадей, снижение поголовья домашнего скота в 1925 г. Все эти проблемы легли бременем на середняцкие хозяйства.

Крайне замедляла темпы восстановления дороговизна инвентаря и машин, которые наконец-то пошли в деревню с 1923 г. Но в связи с медленным процессом восстановления хозяйств по причине падения цен на сельхозпродукцию в конце 1923 г. крестьяне не смогли воспользоваться этим. И лишь после того, как в 1924-1925 гг. цены были снижены, в 1925-1926 гг. удалось продать инвентаря и машин в крае на 16 024 млн р., а в 1926-1927 гг. - на 15 593 млн р. Однако и после этого насыщенность техникой оставалась зна-

¹ Что касается крепких хозяйств, то в 1924-1925 гг. на страницах печати и в партийно-хозяйственных структурах шла дискуссия по определению признаков кулацких хозяйств. С одной стороны, партия призывала к развитию «культурных хозяйств», а с другой - по признакам они попадали под определение кулацких хозяйств. Не было единства и в партийном руководстве по выявлению характерных черт кулацких хозяйств. На октябрьском 1924 г. Пленуме ЦК нарком земледелия А.П. Смирнов говорил об отсутствии ясности в понимании «кулачества». Данная категория сельского населения могла представлять опасность при возможном вложении капитала в расширение землепользования, но это запрещалось законодательством. См.: Солопов А. Кого считали кулаком в 1924-1925 годах // Трудные вопросы истории: поиски. Размышления. Новый взгляд на события и факты. М., 1991. С. 91.

чительно ниже довоенной. Если в эпоху имперской России на 1 га посева приходилось около 16,1 р. инвентаря, то даже в 1926-1927 гг. этот показатель составлял только 10,95 р./га. Особенно заметным был дефицит борон, молотилок, веялок¹.

Восстановительный процесс в сельском хозяйстве из расчета обеспеченности продовольствием на душу населения далеко отставал от показателей первого десятилетия XX в.: в 1914 г. на душу приходилось 93,5 пуд. зерна, в 1920 г. - 31,6, 1921 г. - 22,6, 1922 г. - 48,3, 1923 г. - 44,2 пудов².

Неустойчивость состояния крестьянских хозяйств подтвердил недород 1924 г., едва не дезавуировавший достижения предшествующего периода. В связи с тем, что под угрозой оказались хлебозаготовки, в Донском округе, в отличие от 1923-1924 гг., запрещены частные ссыпки, которые смогли вести работу лишь в отдаленных местностях. В итоге государственная сеть не смогла в 1924 г. «охватить все намеченное по плану зерно»³.

Главное, что государство уже располагало серьезными ресурсами для преодоления кризиса. В Сальском округе кризис снят переброской «громдного количества посевного материала», выдачей льготных кредитов, «открытием общественно-мелиоративных работ, давших заработок тысячам мало-мощных хозяйств», отпуском «крупных средств на детское питание». В округе существенно сократились беспосевные и малопосевные хозяйства, хозяйство становилось все более товарным. Впрочем, даже уровень очень благоприятного 1925 г. весьма далек от 1917 г. Посевы по округу составили только

¹ Чернопицкий П.Г. Деревня Северо-Кавказского края ... С. 59, 60. Народный комиссариат земледелия РСФСР на своих заседаниях неоднократно рассматривал вопрос о деятельности промышленности по снабжению хлеборобов (крестьян) сельскохозяйственными орудиями труда. См.: РГАЭ. Ф. Р-478. Оп. 2. Д. 341. Л. 16.

² Буцко Б. Сельское хозяйство Кубано-Черноморской области в 1922-1923 гг. Краснодар, 1923. С. 334.

³ Отчет Донского окружного исполкома за 1924-25 г. Ростов н/Д, 1926. С. 39, 40. Валовый сбор зерна по Северо-Кавказскому краю в 1924-1925 гг. составил 324 млн пуд. это было меньше чем в 1913 г. на 148 млн пуд. По мнению регионального руководства, низкие темпы восстановления сельскохозяйственных округов Кубани и Дона были связаны с тем, что они поддерживают отстающие национальные округа Северо-Кавказского края. См.: РГАЭ. Ф. Р-478. Оп. 3. Д. 3247. Л. 29, 56.

129 492 (от 161 739 дес. в 1917 г.). Лошадей здесь имелось только 41 288 вместо 168 535 голов¹.

Вновь встал вопрос о формировании новых социалистических форм. С первых дней установления контроля над регионом большевики активно продвигали создание коллективных хозяйств. Временем настоящей учредительной «горячки» стал период 1920-1922 гг. В Кубано-Черноморской области в 1921 г. насчитывалось 155 коммун (суммарное землепользование 48 596 дес.) и 276 артелей (56 342 дес.). Некоторое время развивались и совхозы (до 100; 129 234 дес.), но вследствие нэпа осталось лишь 23 более мощных (61 тыс. дес.). Остальное сдано в аренду (кооперации, частным лицам; Совпрофу - 35%)². На 1 января 1922 г. в области насчитывалось 584 сельхозкооператива. Еще интенсивнее новые формы учреждались на Дону, где к началу 1921 г. имелось 697, к середине 1922 г. - 810, а к 1 января 1923 г. - 862 коллективных хозяйства. В их числе как интегральные, так и специализированные (ТОЗы, мелиоративные, садовые). Но в дальнейшем здесь (как и на Кубани) наметилось сокращение (к 1 апреля 1924 г. - 504), в течение года составившее 41%. И лишь в 1925 г. вновь отмечен подъем - 1 513 колхозов³.

В основе процессов лежало то, что в условиях нэпа у части колхозников появилось стремление перейти к индивидуальному хозяйству, и некоторые колхозы распались. Вместо коммун и сельхозартелей популярность набрали другие формы, прежде всего товарищества по общественной обработке земли (ТОЗы). К 1 октября 1922 г. на Дону имелось 493 ТОЗа, остальные из 810-иных форм⁴. По мере развития в кооперации все чаще акцент делался на том,

¹ Отчет Сальского окружного исполнит. Комитета 2-го созыва о работе за период: январь 1925 г. - март 1926 г. 3-му окружному съезду Советов. Сальск, 1926. С. 3, 4. В Армавирском отделе в 1925 г. было засеяно всего 64,53% земельных площадей. Площадь посевов, демонстрируя рост не достигла показателей 1916 г. В 1916 г. под посевы было занято 829 101 дес., в 1924 г. - 664 798 дес., а в 1925 г. - 774 396 дес. См.: ГАРФ. Р-374. Оп. 6. Д. 12. Л. 3, 4.

² Бюллетень Пятого (Второго) Кубано-Черноморского областного съезда Советов. 1921. 4 декабря. № 3. С. 8.

³ Иванов В.И., Чернопицкий П.Г. Социалистическое строительство и классовая борьба на Дону (1920-1937 гг.). Исторический очерк. Ростов н/Д, 1971. С. 52.

⁴ Очерки истории партийных организаций Дона (1921-1971). Ростов н/Д, 1973. Ч. 2. С. 38.

чтобы «добиться такой постановки дела, при которой выгоды кооператива для его участников делались бы ощутительными»¹. Современники поднимали вопросы о недостатках в работе кооперации, причины их следовало искать не в отдельных личностях, а в «отсталости, в безразличии объединяемых кооперативами пайщиков к судьбе своего кооператива»². И директивы ЦК РКП(б) прямо запрещали вступление в потребкооперацию лиц, лишенных избирательных прав³. То есть кооперация являлась объединением только лояльных элементов с «правильным» социальным происхождением.

Внимание к развитию кооперации дали XIII съезд РКП(б) и начатая по его указаниям «переброска» в кооперацию 3 тыс. работников. На местах создавались специальные комиссии по выдвижению на кооперативную работу. Бюро Донецкого окружкома РКП(б) 28 января 1924 г. приняло решение провести «возможно большее количество членов партии в сельскохозяйственную кооперацию на руководящие посты»⁴. Особенностью новых производственных кооперативов, организуемых на селе, к этому времени стало то, что они создавались не на бывшей помещичьей или войсковой земле, как первые колхозы, а на надельной. Поэтому новые объединения отличались большей устойчивостью, хотя на них вначале негативно сказалось районирование 1924 г. К осени 1924 г. внимание к вопросам кооперирования усилилось, а движение пошло «вширь». Так, в Донском округе на 1 октября 1924 г. было 56 кредитных сельскохозяйственных товариществ (11,2 тыс. хозяйств), 187

¹ Сельскохозяйственная кооперация. Краснодар, 1923. 15 окт. № 8. С. 308. См.: Донской кооператор. Ростов н/Д, 1922. № 1(15). 1 января. С. 2, 3. «Кооперация рассматривалась в качестве тактического средства, которым необходимо было овладеть для решения более важных стратегических государственных задач, главной из которых являлось обобществление производства». См.: Лубков А.В. Солидарная экономика. Кооперативная модернизация России (1907-1914 гг.). М., 2019. С. 12; Ленин В.И. О кооперации // Полн. собр. соч. М., 1977. Т. 45. С. 370-371.

² Участие в потребиловке // Трудовой Дон. Ростов н/Д, 1922. 2 июля.

³ Красное Черноморье. Новороссийск, 1924. 27 апр.

⁴ ЦДНИРО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 44. Л. 8 б.

трудовых земледельческих товариществ (2057 хозяйств) - 15% хозяйств округа¹.

На этом этапе существенно усилился общественный запрос на государственную поддержку кооперативных форм. На II Таганрогском окружном сельском совещании (3-6 апреля 1925 г.) отмечалось: «Тяга среди населения в артели большая, но артелям нет поддержки»². Как следствие, в условиях курса «Лицом к деревне» власти обратили на это направление в работе особое внимание. Делая на нем акцент, А.И. Микоян на майской (1924 г.) краевой партконференции отметил, что на фоне восстановления аграрного сектора, расслоения деревни, укрепления кулаков и роста батраков исключительное значение приобретает кооперация, которая должна «стать фактором, приближающим нас к социализму»³.

Уже в 1924-1925 гг. новый курс принес серьезные результаты. В Донском округе за год кооперирование дало 47% роста (ТОЗы - 40%, снабженческо-сбытовые и переработка - 109%), что позволило активизировать селекционную работу, семеноводство и пр.⁴ В Сальском округе на 1 октября 1924 г. имелось всего 37 кооперативов, а через год - уже 244. Вместе с 62 перерегистрированными старыми кооперативами это дало 295 единиц по округу. Наиболее популярными здесь были торгово-закупочные (113), коневодческие (30), мелиоративные (24), животноводческие кооперативы (22) и с/х товарищества (21)⁵. Отмеченный рост стал прямым результатом новой политики РКП(б) в деревне и благоприятных погодных условий 1924-1925 гг.

¹ Отчет Донского окружного исполнительного комитета Первому окружному съезду Советов ... С. 13.

² Стенографический отчет II-го Таганрогского окружного сельского совещания (3/IV – 6/IV 25 г.). Таганрог, 1925. С.18.

³ Вторая Юго-Восточная краевая конференция РКП(б). Ростов н/Д, 1924. С. 9; РГАСПИ. Ф. 65. Оп. 1. Д. 2. Л. 11, 12.

⁴ Отчет Донского окружного исполкома за 1924-25 г. Ростов н/Д, 1926. С. 16.

⁵ Отчет Сальского окружного исполнит. Комитета 2-го созыва о работе за период: январь 1925 г. - март 1926 г. 3-му окружному съезду Советов. Сальск, 1926. С. 10, 11. В Армавирском отделе за период с 1924 г. по 1926 г. был отмечен рост коллективных хозяйств с 48 до 153. Однако следует отметить, что в них было занято незначительное число хлеборобов – 3 975 чел., в основном (46,3%) - беднейшие слои станицы. См.: ГАРФ. Р-374. Оп. 6. Д. 12. 10, 31.

По урожайности 1925 г. оказался рекордным во всем десятилетии. И даже заметно менее благоприятные в этом отношении 1925/26 г. и 1926/27 гг. уже не изменили уверенного поступательного развития аграрного сектора экономики региона. Неуклонно росли в середине 1920-х гг. и размеры посевов. На Кубани по отношению к 1913 г. наблюдались следующие показатели (табл. № 3 в приложении). Следует обратить внимание на проблемы с урожайностью базовых культур (табл. № 4 в приложении). Вместе с тем, посевная площадь на Кубани восстанавливалась неравномерно. К 1925 г. в ряде районов посевные площади достигли 131%, а в северных районах - только 41% от 1913 г. Кубань по-прежнему отличалась высоким уровнем концентрации населения в крупных селениях¹.

Таким образом, восстановления сельского хозяйства в середине 1920-х гг. не произошло. Новой чертой в 1924-1925 гг. стало то, что все больше внимания государство уделяло частным хозяйствам, в том числе зажиточным. Это в значительной степени стимулировало рост посевов. Дополнительный импульс развитию придал возврат в станицы в 1924-1925 гг. значительного числа (до 40 тыс.) амнистированных казаков. В основе роста лежало улучшение технической оснащенности хозяйств. В частности, количество плугов в Северо-Кавказском крае в 1923 г. составляло 44,7% от уровня 1914 г., а в 1927 г. - до 63,3% (борон 20,7% и 35,8%, сеялок - 56,8% и 84,8%, жаток - 42,7% и 83,4% соответственно)².

* До Первой мировой войны урожайность озимой пшеницы на Северном Кавказе составляла 61,9 пуд. с дес., а яровой - 48,7, то в 1925 г. удалось выйти на уровень 59,1 и 62,1 пуд., соответственно (в 1924 г. - 50,4 и 26,4 пуд., хотя кукуруза и подсолнечник были лучше по урожайности в 1924 г.). См.: Северо-Кавказский край. Цифры и диаграммы. Ростов н/Д, 1926. С. 19.

¹ Щетнёв В.Е. Население северокавказской деревни в начале социалистической реконструкции // Октябрьская революция и изменения в облике сельского населения Дона и Северного Кавказа (1917-1929 гг.): сб. науч. тр. Краснодар, 1984. С. 96.

² Чернопицкий П.Г. Деревня Северокавказского края в 1920-1929 гг. Ростов н/Д, 1987. С. 60. Только во второй половине 1920-х гг. определяются тенденции по производству тракторов. В 1926-1927 гг. произведено 660 тракторов, в 1928-1929 гг. около 3 200 и дополнительно ввезено (импортировано) более 9 тыс. тракторов. См.: От капитализма к социализму. Основные проблемы истории переходного периода в СССР 1917-1937 гг. В 2 т. / под общ. ред. А.Н. Полякова. М., 1981. Т. 2. С. 123.

В сравнении с довоенным периодом на Кубани снизилась роль зерновых (76% вместо 88%) и, напротив, возросло значение пропашных культур (кукуруза, подсолнечник, клещевина, табак, бахча), составлявших в запашке 21% вместо 7%. Примечательным являлся также рост посевов озимой пшеницы в сравнении с яровой и ячменем. Под влиянием курса «Лицом к деревне» особенно быстро росли многопосевные хозяйства (более 16 дес.). Устойчивый рост показала, и группа среднепосевных хозяйств (10-16 дес.). А вот средне- и малопосевные (2-10 дес.) за эти годы значительно сократились. Беспосевные хозяйства, обнаружившие резкое снижение в 1924-1925 г., в связи с новой волной землеустройства 1925-1927 гг., вновь обнаружили некоторый рост¹. Аналогичные процессы происходили и в Донском округе, где в 1924-1925 гг. отмечался рост по всем показателям прежде всего посевных площадей (см. табл. № 5 в приложении).

В 1925 г. посевные площади на Дону выросли лишь на 17% относительно показателей 1917 г. из-за проблем с поголовьем тягловой живой силы. За период с 1917 г. по 1925 г. нагрузка на одну лошадиную силу выросла практически в два раза². В Донском округе 51 668 крестьянско-казачьих хозяйств не имели лошадей, а из числа 113 058 посевных хозяйств 41% не имели рабочего скота и лошадей. К середине 1920-х гг. тягловая сила индивидуальных хозяйств Дона была восстановлена лишь на 67,6%³. Тенденция осереднячивания крестьянско-казачьих хозяйств окончательно охватила сельское хозяйство и достигла 61% от общего их числа, с одновременным уменьшением количества бедняцких хозяйств. Дальнейшим ростом посевных площадей и поголовья домашнего скота отмечен и 1926 г. Процесс восстановления посевных площадей проходил в течение 5 лет: в 1922 г. под посевы занято 448 тыс. дес. земли, что составляло 56% уровня 1917 г. (783 тыс. дес.); в 1923 г. - 731 тыс. дес. (93%); в 1924 г. - 764 тыс. дес. (98%); в 1925 г. - 897 тыс. дес.

¹ Материалы к докладу о работе Кубанского окружного исполнительного комитета за 1924-25 ... С. 27, 28; ГАКК. Ф. Р-990. Оп. 2. Д. 67. Л. 23.

² Протоколы № 13-27 заседания бюро Донкома ВКП(б) и материалы к ним // ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Л. 52-190.

³ ЦДНИРО. Ф. 5. Д. 52. Оп. 1. Л. 43.

(115%). Если сравнивать излишки хлеба в 1926 г. с предшествующим периодом, то получалось, что в 1924 г. товарного хлеба было 8 576 439 пуд., а в 1926 г. - 45 323 009 пуд. Если сравнивать показатели животноводства, то относительный рост достигнут, но показатель 1917 г. в 245 505 голов не восстановлен. В 1925 г. в Донском округе насчитывалось 154 129 голов лошадей и молодняка, что составляло 62,5% уровня 1917 г. поголовье домашнего скота восстановлено к 1925 г. Если в 1917 г. в области учтено 356 696 домашнего скота, то к 1925 г. - 401 509. Наиболее проблематичным оставался рабочий тягловый скот. В Донском округе в 1917 г. насчитывалось 238 488 голов рабочего скота; в 1924 г. 128 059 (54%); в 1925 г. - 157 599 (66%)¹. Это был один из главных факторов, тормозивших восстановительный процесс в сельском хозяйстве и вызвавших его стагнацию.

Однако улучшение положения крестьянских хозяйств было очевидным. В постановлении по докладу о работе Донисполкома VIII окружной съезд Советов особо отметил, что «за истекший период достигнут реальный и весьма серьезный рост благосостояния крестьянских и казачьих хозяйств», произошел рост посевов, обеспеченности скотом, оказания помощи бедноте (тракторы и пр.)².

Восстановление сельского хозяйства в Адыгейской автономной области проходило более медленными темпами, чем на Дону и Кубани. Площадь посевных здесь существенно уступала ведущим регионам Северо-Кавказского края. В осеннюю посевную кампанию предполагалось посеять до 46 943 дес., но отсутствие семенного материала, низкие агротехнические возможности черкесских хозяйств позволили засеять только 40 500 дес.³ К 1924 г. в ААО в основном восстановлены общие посевные площади к довоенному уровню. И в этих условиях областное руководство было вынуждено признать, что сельскому хозяйству без государственной поддержки (финансирования)

¹ Протоколы № 13-27 заседания бюро Донкома ВКП(б) и материалы к ним // ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Л. 52-190.

² Протокол заседания VIII Донского окружного съезда Советов (18-25 мая 1926 года). Ростов н/Д, 1926. С. 8.

³ НАРА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 179. Л. 13.

«грозит полное разорение»¹. Неразрешенный земельный вопрос требовал принятия радикальных мер (таковы требования руководителей области) вплоть до принудительного «переселения малоземельных и безземельных русскоязычных жителей». Для этих целей в Кубанском округе зарезервировано 12 тыс. дес. земли². Резкий рост посевных площадей произошел в 1925 г. (80 773 дес.). Этот рост во многом связан с увеличением числа тракторов в области (с 21 до 51). В 1925-1926 гг. общее количество тракторов по области достигло 75 с учетом 30, которые находились в ведении ККОВ³. В 1926 г. посевные площади в Адыгейской автономной области превысили показатели 1916 г. (79 334 дес.) и составили 88 561 дес.

В целом, в середине 1920-х гг. наблюдался рост товарности середняцких хозяйств, помимо крепких казачьих хозяйств. Одновременно намечается рост коллективных и советских хозяйств.

Однако после пикового по своему значению 1924-1925 гг., уже в 1925-1926 гг., вначале на политическом уровне обнаружила себя тенденция возврата к курсу на приоритетное обеспечение бедняцких хозяйств. В резолюции по докладу «О состоянии сельского хозяйства и перспективах развития сельского хозяйства Донокруга» окружной съезд Советов, наряду с ускорением внутриселенного землеустройства, санкционировал «образование специального бедняцкого фонда для кредитования бедноты, преимущественно с.-х. объединения, с.-х. кооперации, в виде денежного и натурального долгосрочного кредита»⁴. Для «обобществления и коллективизации сельского хозяйства» съезд рекомендовал проводить все мероприятия так, «чтобы всячески облегчить и способствовать развитию кооперации на селе, особенно универсально-сельскохозяйственной и всех видов специальной кооперации (машинные, коневодческие, семеноводческие, товарищества и проч.)». Для этого следовало активно использовать кредит (взять под наблюдение Сев-

¹ НАРА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 36. Л. 19.

² НАРА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 206. Л. 16.

³ НАРА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 179. Л. 86.

⁴ Протокол заседания VIII Донского окружного съезда Советов (18-25 мая 1926 года). Ростов н/Д, 1926. С. 18.

кавсельбанк)¹. Полагаем, это было реакцией на решения октябрьского пленума ЦК партии 1925 г., потребовавшего взять курс на массовое кооперирование беднейшего населения, для чего стали создаваться специальные денежные фонды². На этой «кооперативной волне» уже в 1926 г. дано начало масштабной кампании «чистки» кооперации. Сальский исполком весной констатировал: «В настоящее время ведется напряженная работа по выявлению и ликвидации всех, так называемых, «лже-кооперативов»»³. Таким образом, мероприятия, связанные с развитием кооперативного движения, кредитной политики, землеустройством, носили противоречивый характер, принимая формы очередной кампании, но в конечном итоге сводились к обеспечению продовольственной безопасности.

На этом фоне объединявшие бедняцкие хозяйства кооперативы получали кредиты, приобретали по льготным ценам инвентарь, трактора, росло их значение в системе местного самоуправления⁴. Но экономическая несостоятельность большинства таких объединений приводила к банкротству с последующей распродажей имущества и техники. Это объяснялось устойчивостью индивидуального характера крестьянско-казачьих хозяйств, предпочитавших производственные кооперативы с низким уровнем обобществления, что характерно для Дона и в целом Юга России⁵. Так, товарищество по совместной обработке земли «Им. Шевченко» Медведовского района в период летних работ вынуждено было продать трактор за 900 р. и погасить ссуду.

¹ Протокол заседания VIII Донского окружного съезда Советов (18-25 мая 1926 года). С. 12.

² Советский Юг. 1927. 23 марта.

³ Отчет Сальского окружного исполнит. Комитета 2-го созыва о работе за период: январь 1925 г. - март 1926 г. 3-му окружному съезду Советов. Сальск, 1926. С. 11. Особую озабоченность у партийного руководства страны и региона вызывал рост влияния зажиточных слоев деревни, которые приобретают трактора, создают товарищества. См.: ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 6. Д. 149. Л. 3

⁴ Панарин А.А. Участие кооперации в развитии системы местного самоуправления на Северном Кавказе в середине 1920-х гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7, № 1. С. 90; Панарин А.А. Эволюция кооперации на Дону и Северном Кавказе в 1921-1929 гг. 2-е изд., испр. и доп. Армавир, 2017.

⁵ Панарин А.А. Социально-экономическая трансформация отечественной кооперации в 1921-1929 гг. (на материалах Дона и Северного Кавказа): автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Ставрополь, 2004. С. 34.

Покупателем выступил зажиточный казак. И это становилось традиционным. Комментарии зажиточных понятны: «Вам Соввласть весной помогает, даёт кредит, а осенью не только данное, но и ваше продает»¹. Восстановление аграрной экономики региона продолжалось по-прежнему сложно, хотя общая тенденция роста сохранялась².

В связи с уменьшением общего сбора хлебов на Кубани размеры товарных излишков снизились в 1926 г. до 6 457 77,2 т против 893 399,6 т в 1925 г. (на 27,7%). В 1926/27 г. основной сектор экономики Кубанского округа - аграрный не достиг отправных показателей 1913 г.: посевные площади восстановлены на 81%, количественные показатели крупного рогатого скота - на 69% (с учетом молодняка), валовая продукция - на 94%, по товарной части продукции - на 85%³.

На Дону также отмечался рост сельского хозяйства в 1926-1927 гг. на экстенсивной основе за счет расширения запашки. Крайне острой проблемой оставалась нехватка рабочего скота. Обращая на это внимание, январский

¹ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 218. Л. 46.

² В 1926/27 гг. увеличилась посевная площадь зерновых культур, на которых базировалась вся экономика региона, в первую очередь перерабатывающие отрасли. Посевные площади выросли на 3,1% за счет увеличения площади посева ячменя и пшеницы, но при одновременном сокращении площадей под кукурузу и подсолнечник из-за снижения закупочных цен на эти культуры с весны 1926 г. Данное состояние с техническими культурами заставило пойти на повышение закупочных цен (с 1 р. до 1 р. 15 к. за 1 пуд) и заключение договоров контрактации, что привело к росту посевных площадей технических культур с 115,2 тыс. дес. до 175,9 тыс. дес. Одновременно произошел рост посевов под озимую пшеницу и кукурузу при сокращении площадей посева ячменя и яровой пшеницы. Вся посевная площадь с 1926 г. по 1927 г. увеличилась с 1 540 тыс. дес. до 1 596 тыс. дес. (в 1913 г. площадь посевов составляла 1 789 тыс. дес.). Общий сбор крожай хлебов в 1926 г. вследствие снижения урожайности составил 1 426 851,1 т или на 16,3% ниже сборов в 1925 г. (1 703 942,5 т). В связи с уменьшением общего сбора хлебов размеры товарных излишков снизились в 1926 г. до 6 457 77,2 т против 893 399,6 т в 1925 г. (на 27,7%). Таким образом, сырьевая база мукомольно-маслобойной промышленности Кубокруга оказалась подорвана. См.: Обзор конъюнктуры народного хозяйства Кубанского округа в 1926/27 году. Краснодар, 1928. С. 6-10.

³ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 250. Л. 2.

И.В. Сталин в заключительном слове на XVI съезде ВКП(б) привел данные о темпах восстановления сельского хозяйства: 1926/27 гг. валовая продукция в довоенных рублях составила 12 370 млн руб., т.е. 106,6%, в 1927/28 гг. - 107,2%, в 1928/29 гг. - 109,1%; посевные площади соответственно: в 1926/27 гг. - 96,9%, в 1927/28 гг. - 94,7%, в 1928/29 гг. - 98,2%. См.: Сталин И.В. Политический отчет Центрального комитета XVI съезде ВКП(б) (Доклад и заключительное слово 27 июня - 2 июля 1930 г.) // Вопросы ленинизма. 9-е изд., доп. М., 1933. С. 503, 510.

пленум 1926 г. Донокрисполкома указывал на рост количества кулацких хозяйств и эксплуатацию ими бедноты¹. В Донском округе в 1913 г. площадь посевов составляла 1,225 млн дес., а в 1926 г. - 1,007 млн (82,2%)². В 1927 г. на Дону посевная площадь составляла лишь 85% к уровню 1913 г. поголовье лошадей не достигло и половины (48,6%). В Таганрогском округе безлошадных хозяйств в 1926 г. насчитывалось 31%, в 1927 г. - 26%. В Донском округе и в 1928 г. 32,7% хозяйств не имели рабочего скота, только 14,9% хозяйств обрабатывали землю своим скотом. Остальные либо нанимали, либо прибегали к «супряге», объединению с владельцами тягла на основе отработки выделенных лошадей своим трудом. Аналогично дела обстояли и в других округах³.

1925-1926 и 1926-1927 гг. стали временем неопределенности ориентиров, позволявших крестьянско-казачьим хозяйствам развиваться относительно спокойно. Но не беспроблемно. Сельское хозяйство Юга России в середине 1920-х гг. приобретало явно выраженные черты натурально-потребительского свойства⁴. Ситуацию усугубляла проводимая политика ограничения кулачества, которая стала причиной снижения товарности крестьянских хозяйств. Уже в начале 1926 г. стала очевидна тревога за «крепкого» хозяина. Признавая, что индустриализация должна подкрепляться общим развитием производительных сил, аналитики гадали: «Вопрос в том, будет ли деревня, опасаясь зачисления в кулаки, припрятывать кубышки поглуб-

¹ ГАРО. Ф. 1485. Оп. 1. Д. 203. Л. 1.

² Цит. по: Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Донцы в 1920-х годах: очерки истории. Ростов н/Д, 2010. С. 234.

³ Народное хозяйство Ростовской области за 20 лет / под рук. А.И. Гозулова. Ростов н/Д, 1940. С. 147, 148.

⁴ Мау В.А. Государство и экономика: опыт экономических реформ. М., 2017. С. 25. «Из 24 млн крестьянских хозяйств к 1927 году лишь около 6% хозяйств имели 3-4 и более лошадей, 3% богатых хозяйств владели 15-20% общей массы средств производства и 30-31% сельскохозяйственных машин. 28,3% крестьянских хозяйств в РСФСР не имели рабочего скота, 31,6% - пахотного инвентаря». См.: Суворова Л.Н. Нэповская многоукладная экономика: между государством и рынком. М., 2013. С. 193; Вдовин А.И. СССР. История великой державы (1922-1991 гг.). М., 2019. С. 82-84.

же...»¹. Существовал и другой аспект. По сравнению с довоенным уровнем, стала сокращаться доля продукции, направляемой крестьянами на внутренний рынок. В 1926/27 г. крестьянские хозяйства РСФСР потребляли до 85% производимой продукции, что означало возврат к натуральному хозяйству.

На совещании секретаря ЦК ВКП(б) В.М. Молотова 9 сентября 1927 г. с участием представителей редакций газет «Беднота», «Крестьянская газета», «Московская деревня» по обсуждению тезисов доклада к XV партийному съезду о положении крестьянства и о сельском хозяйстве прозвучали откровенные предложения по свертыванию нэпа (Грандов, газета «Беднота»). По мнению участников совещания, рост имущественного неравенства, неопределённые границы бухаринского лозунга «обогащайтесь» формировали кризисную ситуацию в деревне².

Предпринимались меры по снижению налогов - с 312,9 млн р. в 1926 г. до 244,8 млн р. в 1927 г. и стимулированию накоплений сельского хозяйства. Но при большом числе «льготников» такое снижение легло основным бременем на зажиточную часть деревни, которая была вынуждена компенсировать льготы, предоставленные середняку в размере до 60 млн р. Сохранению стабильности в период откровенной протекционистской политики способствовали лишь стабильные урожаи зерновых в 1926 г. и 1927 г., в результате чего зажиточная часть крестьянства получила свою выгоду, увеличив продуктивные излишки. Но это провоцировало рост товарного потребления сельского населения, поскольку промышленность не успевала за ростом потребительских возможностей крестьянства. Эти проблемы не были разрешены и посредством снижения розничных и оптовых цен на промышленные товары. Частная торговая сеть успешно конкурировала с государственным сектором, умело используя факт снижения цен для получения дополнительной прибыли. Снижение цен в этом случае не оказало существенного влияния на улучшение экономического положения крестьянских хозяйств. Это привело к

¹ Лежнев И. НЭП - национальная экономическая политика // Новая Россия. Общественно-политический и литературно-художественный журнал. 1926. Февраль. № 2. С. 23.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 204. Л. 9, 40.

снижению прибыли промышленных предприятий, снижению заработной платы и недовольству со стороны рабочих - политического союзника большевиков.

Рассматривая роль кооперации, нужно отметить, что она к этому времени оказалась в значительной степени «огосударственной», ориентирующейся на то, чтобы избавиться от «чуждых элементов», в числе которых оказались «торгаши»¹. Но курс на «культурные кооперативные силы», которые не могут быть «торгашами», оказался иллюзией. В середине 1920-х гг. сельскохозяйственная кооперация все более становилась кулацкой. Как показали обследования 1927 г. в Сальском округе, почти все кредиты отданы более мощным, крепким хозяйствам. В правлениях заседали зажиточные². Аналогичная картина наблюдалась и в других округах Кубани и Дона. Возрастающие товарно-денежные отношения на Кубани и Дону, рост скрытой формы аренды земли противоречили большевистским принципам коллективной организации крестьянского труда. Но расширение прав аренды земли и найма рабочей силы способствовало росту посевных площадей и товарности. Арендодателем земли были бедняцкие хозяйства (75%), а арендаторами - середняцкие (70%)³. Особо следует отметить рынок наемного труда в аграрном секторе, который с трудом регулировался и был серьезным источником противостояния на селе. В середине 1920-х гг. отсутствовал системный учет рабочей силы и результатов арендных отношений в сельском хозяйстве, вследствие чего сохранялись острые социальные проблемы.

В Донском округе (1926 г.) было зарегистрировано 29 778 (26%) бедняцких хозяйств. Они распределялись по районам следующим образом: Ейский район - 2 840 хозяйств, что составляло 14,5% от общего количества крестьянских хозяйств; Староминской - 2 421 (21,1%); Кушевский - 3 157 (21,1%);

¹ Кубанский кооператор. Краснодар, 1923. № 3. 15 февр. С. 17.

² ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 580. Л. 25. По мнению Лященко П.И., в условиях нэпа и роста классового расслоения российской деревни отмечалась слабая кооперированность бедноты и «непропорционально высокая кооперированность зажиточной верхушки деревни». См.: Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. М., 1956. Т. III. С. 335.

³ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 17. Л. 30, 31.

Мечетинский - 2 806 (22,4%); Батайский - 4 823 (28%); Аксайский - 3 849 (34%); Азовский - 2 996 (30%); Новочеркасский - 1 942 (27%); Багаевский - 2 907 (39%); Семикаракорский - 2 037 (30%)¹. Неравномерность урожайности, в результате которой с 1 дес. земли получали от 10 до 160 пуд.² свидетельствовала о рискованной форме земледелия. Ейский, Кущевский, Староминской районы, вошедшие в Донской округ, отличались более развитым сельским хозяйством и производительностью³.

Политика покровительства бедноте при экономическом давлении на середняка и зажиточных хозяев, обнаружившаяся уже в 1926 г., отрицательно сказалась на общем уровне развития сельского хозяйства, росте валовой и товарной продукции⁴. Но она приобретала все большее значение. Решительный перелом произошел в 1927 г. Как следовало из доклада секретаря Донкома Живова «Об очередных задачах парторботы в деревне» на окружном сельском партийном совещании, его содержание определялось обеспечением нового «качества развития»: «Раньше мы считали, что чем больше запахано десятин земли, тем лучше. Теперь мы ставим вопрос о коренной переделке сельского хозяйства»⁵. В этой связи вопрос ставился «об усилении планового руководства сельским хозяйством со стороны партийных и советских организаций», прямом противодействии «стихийному росту товарности», которое «неизбежно будет выделять и усиливать капиталистические элементы в нем, если с нашей стороны не будет принято соответствующих мер», а также о «землеустройстве под углом содействия развитию кооперативных начал», проведению финансово-кредитной политики в интересах бедняков и кооперации и т.д.⁶ Основное внимание докладчик заострил на социалистических формах хозяйствования и развитии творческой активности крестьянства.

¹ ЦДНИРО. Ф. 5. Оп.1. Д. 52. Л. 46 а.

² ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 152. Л. 51.

³ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 205а. Л. 7.

⁴ Смородина Е.В. Сельское хозяйство Кубани в условиях НЭПа (1921-1927 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1994. С. 25.

⁵ Материалы Донского окружного сельского партийного совещания (10-14 мая 1927 года). Ростов н/Д, 1927. С. 3, 4; ТФ ГАРО. Ф Р-98. Оп. 1. Д. 29. Л. 1-10.

⁶ Материалы Донского окружного сельского партийного совещания ... С. 4-7.

Причем акцент делался на имевших место проблемах, в частности, на том, что в кооперации, но «Пути преодоления этих кризисных явлений обозначены предельно расплывчато - оживить, усилить, умело использовать, «уделить гораздо больше внимания»¹.

Как следствие, со второй половины 1927 г. и особенно с рубежа 1927-1928 гг. в регионе отмечался «быстрый рост машинных товариществ в связи с планом реконструкции сельского хозяйства» на основе «инвентаризации» (насыщения инвентарем). В Кубанском округе удельный вес обобщественного сектора в основных капиталах сельского хозяйства вырос с 6% в 1925/26 г. лишь до 6,3% в 1926/27 г. Но к концу 1927 г. началась настоящая лихорадка. Если в октябре в округе учредили 12 товариществ, в ноябре - 11, то в декабре - 52, в январе 1928 г. - 87, в феврале - 188, в марте - 321 коллектив. По оценке современника: «Колхозное строительство последнего времени своим бурным ростом напоминает первые годы строительства Соввласти на Кубани (1920-1922 гг.)»². В этой ситуации единственный выход власти видели в развитии «социалистических форм» на селе, и предложение И.В. Сталина о развернутом строительстве колхозов и совхозов, прозвучавшее в январе 1928 г., стало логическим решением продовольственной проблемы. Из доклада А.И. Микояна на апрельском 1928 г. пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) следовало, что индивидуальные крестьянские хозяйства останутся основной базой аграрного производства страны на ряд лет, но в перспективе «наша задача кооперировать их, содействовать их развитию...»³. В целом выход состоял в очередном признании необходимости перехода крестьянских хозяйств к общественным хозяйствам, снабженным машинами, производящим необходимое количество хлеба⁴. Прямым следствием этого стал значительный рост

¹ Там же. С. 9-13.

² Материалы к докладу о работе Кубанского окружного исполнительного комитета за 1924-25, 1925-26, 1926-27 и первую половину 1927-1928 гг. Краснодар, 1928. С. 31.

³ Как ломали нэп. Стенограмма пленумов ЦК ВКП(б) 1928-1929 гг. Т. 2. Пленум ЦК ВКП(б) 4-12 июля 1928 г. / ред. кол. тома В.П. Данилов, О.В. Хлевнюк (отв. ред.), Н.В. Муравьева, Н.А. Сидоров. С. 197-199.

⁴ Сталин И.В. На хлебном фронте. Из беседы со студентами Института Красной профессуры, Комакадемии и Свердловского университета 28 мая 1928 г. // Вопросы ленинизма.

коллективных хозяйств. Если в 1927 г. на Дону их насчитывалось 1085, то в 1928 г. - 2114¹. На 1 октября 1927 г. они объединяли на Дону 3,5% хозяйств, а к концу 1928 г. - уже 8,7% (рост более чем в 2 раза). Но рост не повлек за собой адекватной эффективности хозяйств. Напротив, впервые за долгое время весной 1928 г. стала реальностью угроза срыва посевной, проводившейся в условиях усиления «нажима» на кулака и «помощи» бедноте. В Донском округе такая помощь составила 2,5 млн р. (в том числе семенного зерна 600 тыс. пуд.). В Донецком округе бедноте направили на эти цели более 500 тыс. р. Распределение помощи осуществлялось через сельсоветы и ККОВы. Во всех станицах созданы особые посевные «тройки». В итоге посевные площади в регионе вновь выросли (особенно в Донецком округе - на 12,3%)².

В свете изменений важным представлялось усиление давления на кулачество, так как, по утверждению М.И. Калинина, ослабление кулачества шло одновременно с ростом государственной поддержки крестьянских низов³. В речи И.В. Сталина в июле 1928 г., опубликованной только несколько лет спустя, уже прямо подчеркивалось, что политика нэпа зашла в тупик. Крестьянство не сдерживало эмоций, критикуя несоответствие заявленных целей в партийных решениях реалий жизни⁴. Был взят курс на социалистическую реконструкцию аграрной сферы.

М., 1933. С. 319; Сталин И.В. Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы. 9 февраля 1946 г. // В.И. Ленин, И.В. Сталин. О социалистическом государстве и советской демократии. 2-е изд., доп. М., 1947. С. 651. Следует обратить внимание на совещание, которое прошло в декабре 1928 г. в Аграрном институте, где прозвучал доклад Н.Н. Суханова «Об экономических предпосылках к подъему сельского хозяйства». Причина низкой производительности индивидуального крестьянского хозяйства, по мнению докладчика, заключалась в том, что крестьянство утратило стимулы к расширению зернового производства, с чем государство не могло мириться. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 338. Л. 8.

¹ История Дона от Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней. Ростов н/Д, 1967. С. 125.

² Иванов В.И., Чернопицкий П.Г. Указ. соч. С. 138, 139.

³ Правда. 1928. 20 апр.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 28. Л. 101. Следует вспомнить слова Л.Д. Троцкого о том, что в случае неудовлетворения все возрастающих потребностей «мужик рассердится». Цит. по: Жуков Ю.Н. Сталин. Шаг вправо. М., 2017. С. 29.

Среди инноваций этого времени отметим постановление июльского пленума ЦК 1928 г. о создании зерновых совхозов и машинно-тракторных колонн. Причем в этом плане регион работал даже с опережением. Ещё 6 июня 1928 г. бюро крайкома ВКП(б) приняло постановление об организации крупных зерновых совхозов (в том числе «Гиганта» - 127 тыс. га). Помимо этого, в августе 1928 г. I Северо-Кавказский краевой съезд хлеборобов, обсуждая вопросы поднятия урожайности, вновь заострил внимание на вопросах коллективизации. В ноябре 1928 г. Пленум ЦК единогласно осудил «правый уклон». В этом же месяце принято решение о форсировании коллективизации и разгроме кулака. На этой волне обнаружилась тяга к реинкарнации коммун. Так, в феврале 1929 г. после слияния 6 колхозов в коммуну «Заветы Ильича» Сальского округа здесь организована тракторная колонна. В условиях, когда сами крестьяне новации встречали весьма настороженно, вновь, как и в начале 1920-х гг., особую актуальность приобрел вопрос о «переброске» в деревню городских активистов. Причем теперь они уже не уклонялись всеми силами от данной акции, а зачастую сами стремились попасть в число новых сельских «вождей». В ноябре 1929 г. в рамках переброски 25-тысячников, при разверстке в 400 мест, о желании выехать на село заявили более 1,5 тыс. ростовчан¹.

Помимо репрессивных мер, направленных на зажиточную часть деревни, в целях обеспечения форсированного роста социалистического сектора, с 1927 г. осуществлялся также «значительный рост капитальных вложений». В Донском округе на развитие сельского хозяйства выделено в 1927/28 г. 5 703,6 тыс. р.; в 1928/29 г. - 6 360,0 тыс. р.; в 1929/30 г. - 6 440,2 тыс. р. Это составило 12% общих капитальных вложений (4-е место после промышленности - 27,4%, коммунхоза и жилищного строительства, транспорта), причем меньший прирост финансирования в 1929/30 г. объяснялся «полным выпадением

¹ Дон. 1920-1970: Факты, события, свершения. Ростов н/Д, 1970. С. 27-30.

нием индивидуального крестьянского строительства, составлявшего в прошлом году 4 970 тыс. р.»¹.

Главной статьей программ финансирования в 1928/29 г. было «обеспечение средств сельскохозяйственного производств» (3 629,5 тыс.). «На полеводство» выделялось 1,2 млн, на пополнение основных и специальных капиталов—539,4 тыс., на расселение и мелиорацию - 470,2 тыс. и др. Если в 1928/29 г. выдача кредитов колхозам составляла только 70,3% (бедноте—18,2%, середнякам - 11,17%, зажиточным - 0,33%), то в 1929/30 г. кредитовались уже только колхозы. Льготы по сельхозналогу предоставлялись либо колхозам, либо «хозяйствам, проводящим целым обществом». Единоличники, ещё в 1928/29 г. в незначительном числе получавшие их за проведение «агроминимума», за многопольные севообороты и пр., в следующем году этих льгот были лишены². Как следствие, как и по всему Дону и Кубани, в Донском округе наблюдался значительный рост удельного веса колхозов - с 12,1% в 1927/28 г. до 16,6% в 1928/29 г. (при плане 15%). С 0,8% в 1927/28 г. до 1,1% в 1928/29 г. вырос и потенциал совхозов. На этом фоне удельный вес единоличных хозяйств в 1927/28 г. составил 87,1%, в 1928/29 гг. - 82,3%, в 1929/30 гг. - 18,4%.³ Вторая половина 1929 г. отмечена массовым вступлением хлеборобов в колхозы. Так, в колхозах Дона на 1 ноября 1929 г. находилось уже 33,8% хозяйств⁴. 27 ноября 1929 г. бюро Северо-Кавказского крайкома приняло решение о проведении сплошной коллективизации. Курс на сплошную коллективизацию начал реализовываться в регионе еще до завершения восстановления сельского хозяйства.

¹ Материалы к отчетному докладу Донского окружного комитета РКП(б) на XVI Донской окружной партийной конференции. Таганрог, 1930. С. 19. Наступление на кулака уже в 1928 г. обернулось резким сокращением аренды земли и найма рабочей силы. Из-за желания зажиточных хлеборобов избежать зачисления в «кулаки» в сельской местности обострилась проблема избыточности рабочих рук и материального благосостояния беднейших слоев и батрачества. Одновременно была усилена борьба с «лжеколхозами», объединяющими зажиточные хозяйства. В Таганрогском округе в конце 1928 г. выявлены и лишены льгот 20 «лжеколхозов». См.: Иванов В.И., Чернопицкий П.Г. Указ. соч. С. 139.

² Материалы к отчетному докладу Донского окружного комитета РКП(б) на XVI Донской окружной партийной конференции. Таганрог, 1930. С. 30, 31.

³ Там же. С. 27.

⁴ Молот. 1929. 6 дек.

Следует признать, что военно-коммунистические подходы, доминировавшие в аграрной политике РКП(б) в 1920-1921 гг., породили неразбериху и привели к непроизводительному использованию и без того крайне скудных средств. 1920-1922 гг. прошли в регионе под знаком борьбы с голодом, а восстановительные процессы начались лишь с 1923 г. Однако нэп как ограниченный рыночный механизм не решил главной задачи восстановления разрушенного хозяйства, повышения товарности, производительности труда, развития торговых отношений с городом. Основная середняцкая масса не решила продовольственной проблемы страны, сосредоточившись на решении собственных хозяйственных вопросов, увеличив внутривоспроизводственное потребление. Политические ограничения по отношению к экономически активной массе хлеборобов не позволяли использовать потенциал нэпа, провоцируя середняка и зажиточных хлеборобов на свертывание активной производственной деятельности. Зажиточная часть крестьянско-казачьих хозяйств, демонстрируя товарный рост, за счет многопрофильности своих хозяйств, активно используя наемную рабочую силу, не могла обеспечить местный и всероссийский рынок необходимым количеством товаров из-за своей малочисленности. В советской деревне формировался двойной конфликт, с одной стороны, между имущественными и сословными группами крестьянства, а с другой между властью и основной казачье-крестьянской массой. Большевики не скрывали тревоги из-за роста частнособственнических тенденций в аграрном секторе, что принципиально противоречило содержанию их политики, рассчитывавшей на рост коллективных форм хозяйствования.

3. ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЫ СТАНИЦ КУБАНИ И ДОНА В 1920-е гг.

3.1. Основные социально-стратификационные процессы на Кубани и Дону в 1920-е гг.

Обращаясь к анализу социальной структуры населения Кубани и Дона, исследователь неизбежно сталкивается с тем, что актуальные для раннебуржуазного общества процессы разложения сословного строя и классовообразования¹ здесь в значительной степени были скорректированы местными условиями, прежде всего особенностями сословной и этносоциальной структуры областей, где концентрировалась основная масса российского казачества². Наличие в регионе двух крупнейших казачьих войск России и массы не войскового населения при нараставшем притоке различных по своей этносоциальной принадлежности переселенцев, так называемых «иногородних», существенно усложняло картину трансформации социума, характер социальных, социально-экономических и социокультурных процессов.

Уже в условиях имперской России обладавшие серьезными земельными преимуществами самоуправляющиеся казачьи общины, рассматриваемые сегодня рядом исследователей как специфические субэтносы - донское и кубанское казачество, подвергаясь нарастающему давлению со стороны непривилегированного крестьянства, сталкиваясь со все более очевидными проблемами - снижением земельной обеспеченности, эрозией традиционного уклада жизни и др., были вынуждены корректировать свое отношение к внешнему социальному окружению, в котором всё более явно различались местные «коренные» иногородние и вновь прибывшие жители. Одновремен-

¹ Рубакин Н.А. Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы: опыт статистической характеристики сословно-классового состава населения русского государства: Сто лет спустя. М., 2009.

² Волвенко А.А. Донское казачество позднеимперской эпохи. Земля. Служба. Власть: 2-я половина XIX - начало XX в. М., 2018.

но все более стремительно нарастали процессы социально-имущественной и социально-профессиональной дифференциации, расслоения прежде относительно однородной казачьей общинной массы¹.

В данном контексте, отдавая должное исследователям, которые исходят из восприятия казачества Кубани и Дона как субэтносов, и соглашаясь с рядом аргументов в пользу того, что «точка зрения о сословном статусе кубанского казачества не выдерживает аргументированной критики» как игнорирующая «культурно-бытовые (этнографические, этнические) признаки» и даже с тем, что определявшие статус казачества как «сословия» официальные документы XIX - начала XX в. на деле регулировали жизнь «квазисословия» (П.Н. Лукичѳв, А.П. Скорик)², тем не менее полагаем принципиально важным отметить, что и становление казачьих субэтносов должно рассматриваться как тенденция, причем в силу объективных процессов революционной эпохи XX в. не получившая возможного этнообразующего завершения. В этой связи мы считаем по-прежнему актуальными и заслуживающими безусловного внимания трактовки тех исследователей, которые, не умаляя казачьей специфики региона, делали акцент не столько на этносоциальном, сколько на социально-классовом подходе к пониманию процессов эволюции кубанского и донского социумов в 1920-е гг.³

Казачи традиционно составляли значительную часть населения Юга России. Всероссийская перепись в 1926 г. в Северо-Кавказском крае зарегистрировала 8 363 491 чел. постоянных жителей, в том числе - 6 708 367 сельских жителей. Казачье население численно составляло 2 301 945 чел., из которых 2 148 299 проживало в станицах и хуторах⁴. В том числе, на Дону и Кубани к середине 1920-х гг. проживало 5 643,3 тыс. взрослого населения¹.

¹ История кубанского казачества / под ред. В.Н. Ратушняка. Краснодар, 2013.

² Бондарь Н.И. Древо жизни: очерки традиционной народной культуры. Этнография, антропология, семиотика. Краснодар, 2019. С. 38-39.

³ Щетнев В.Е. Классовая борьба в кубанской станице (1920-1927 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1967; Перехов Я.А. Власть и казачество. Поиск согласия (1920-1926 гг.). Ростов н/Д, 1997; Ратушняк В.Н., Ратушняк О.В. История казачества России. М., 2019.

⁴ Казачество Северо-Кавказского края. Итоги переписи населения 1926 г. / ред. Н.И. Воробьѳв; предисл. А.И. Гозулова. Ростов н/Д, 1928. С. 3.

По итогам Всесоюзной переписи населения (декабрь 1926 г.) на территории Северо-Кавказского (с 1934 г. - Азово-Черноморский) и Нижне-Волжского края проживало 1 325,2 донских казаков, составлявших 41,0% населения региона². На Кубани (Кубанский, Армавирский, Майкопский, Черноморский округа) к казачеству относили до 42,3% населения. Расселение было неравномерным: в Кубанском округе проживало до 50% казачьего населения, а в Черноморском округе они составляли лишь 12,8% населения³. Кубанский округ был наиболее развитым округом на территории, которого в 1925 г. проживало 1 300 тыс. чел.⁴

Конфликт интересов между казачеством и «иногогородним» крестьянством Кубани и Дона исторически проявлялся в особых условиях землепользования, организации местного самоуправления, технической отсталости «иногогородних» хозяйств. Характер этих противоречий стал основой выбора социальной базы большевиков кубанских и донских, где их опорой должны были стать именно малоимущие иногородние слои крестьянства. Советская политика в области землепользования и налогового, продовольственного протекционизма в отношении беднейшей части южно-российского крестьянства способствовала сглаживанию сословных противоречий и мирному (скрытому) процессу «расказачивания». Установление политического контроля над казачеством, которое воспринималось как противник советской власти, ставило задачу растворения его в крестьянской массе, установления экономического контроля над казачьим хозяйством.

* Численность населения по состоянию на 1 января 1914 г. на Кубани составляла 3 050 391 чел., Дону - 3 401 350 чел. До 57% населения двух казачьих регионов были невоинского сословия. См.: РГАЭ. Ф. Р-478. Оп. 2. Д. 118. Л. 36.

¹ Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. М., 2001. С. 38.

² Баранов А.В., Рвачёва О.В. Протестные настроения донского казачества и репрессивная политика власти в конце 1920-х-1930-х годов // Новейшая история России. СПб., 2018. Т. 8. № 3. С. 614. Казаками себя считали 27,5% жителей Северо-Кавказского края.

³ Макаренко М.Ю. Казачество Кубани в годы НЭПа: социально-демографический облик // Культурная жизнь Юга России. Краснодар, 2009. № 3 (32). С. 61.

⁴ ГАКК. Ф. Р-890. Оп. 1. Д. 6. Л. 140.

Специфика социокультурного бытия населения Кубани и Дона, с одной стороны, была связана с тем, что именно здесь наиболее впечатляющие результаты в пореформенный период дало развитие капитализма. Оно привело к формированию в Кубанской и Донской областях наиболее развитого, технически оснащенного и рыночно ориентированного товарного хозяйства. С другой стороны, в регионе, имевшем поистине общероссийское мобилизационное значение¹, в наиболее острой форме проявилось противостояние различных категорий земледельцев, прежде всего основных земельных собственников в лице казаков и иногородних крестьян. Это было обусловлено тем, что земельные привилегии казачества создали из него замкнутую группу, в которую было трудно войти извне. Именно это в первую очередь и обеспечивало данной социальной группе ту устойчивость, которая и сегодня позволяет видеть «набор признаков явно этнического характера»². Однако даже самые активные сторонники казачества как субэтноса признают, что ещё до 1917 г. «социальное и резкое имущественное расслоение значительно поколебало принципы коллективизма и братства в казачьей среде»³, а также констатируют очевидную «раздвоенность социального пространства» кубанской станицы. На наш взгляд, этот вывод в полной мере актуален и для донской станицы.

Полагаем, что имеющие место споры об этносоциальной и социально-классовой природе казачества принципиально не меняют главного - высокой степени социальной самоидентификации казачества при наличии очевидного, ярко выраженного его самосознания, находившего отражение в специфическом социокультурном коде (вплоть до признания казачьей исключительности). В основе данного феномена общность исторической судьбы, в военной службе, хозяйственной, общественной жизни в южнороссийских условиях, отличавшейся весьма высокой степенью общественной самодеятельности.

¹ Соловьев Д.Н. Казачество как мобилизационный ресурс Российского государства: XV - конец XX века: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2011.

² Бондарь Н.И. Указ. соч. С. 39.

³ Там же. С. 67, 127.

Казачья станичная (а при разрастании населенных пунктов - и хуторская) община до 1917 г. была элементарной единицей войскового деления, которая сохраняла специфические черты самоуправления, реализации воинских приоритетов, взаимопомощи, половозрастную структуру¹. Но наиболее ярко особый статус казачества проявлялся в сфере его хозяйственной жизни. Казачье хозяйство традиционно занимало в регионе доминирующее положение в аграрной экономике². Из общих земельных угодий, имевшихся в Кубанской области (8 834 324 дес.), в пользовании казачества находилось свыше 6 млн дес., а сельским обществам принадлежало 500 тыс. дес. Паевой надел на каждого казака составлял в среднем 5-6 дес. Иногородние в этих условиях вынуждены были арендовать землю у зажиточных казаков, что способствовало нарастанию их экономической зависимости от зажиточной части казачества. Вместе с тем нужно отметить общую зажиточность региона³.

На Дону, где к 1917 г. из более чем 4 млн чел. населения казаки составляли 1 508 тыс. (37%), около 30% из 217 520 казачьих хозяйств относились к числу бедняцких, почти половина - середняцких и 20-23% - кулацких. В отличие от казачьих, крестьянские хозяйства примерно наполовину были бедняцкими. Удельный вес середняцких хозяйств у них доходил до 40%, и толь-

¹ Власкина Т.Ю. Домашний мир на сломе эпох. Очерки традиционной культуры донских казаков (конец XIX - середина XX вв.). Ростов н/Д, 2011. С. 21.

² Например, на Кубани средний доход казачьего хозяйства в 1914 г. составлял 1 182 р. 30 к., а общий расход - 515 р. 60 к. На одном казачьем подворье находилось до 10,7 голов крупного рогатого скота и 11,7 мелкого, соответственно, у иногороднего - 3,6 крупного и 3,7 голов мелкого рогатого скота. Кроме того, 2 933 иногородних хозяйства вели сельскохозяйственную деятельность на собственных землях, а 56 437 чел. - на арендованных землях. См.: Козлов А.И. На историческом переломе. Ростов н/Д, 1977. С. 27.

³ Так, на 100 чел. населения на Кубани в то время приходилось 35 лошадей, 53 единицы рогатого скота, 73 овцы, 20 свиней, итого 181 голова. При этом в Европейской части России соответственно было: лошадей - 21, крупного рогатого скота - 31, овец - 37, свиней - 10, итого - 99 голов, т.е. на Кубани поголовье скота на сто душ населения превосходило поголовье в Европейской России почти в два раза. По оснащенности хозяйств сельскохозяйственными машинами Кубань того времени занимала первое место в России. По данным Орановского, в 1910 г. сеялок на Кубани было 37 тыс., косилок - 74 тыс., молотилок - 3 700, тогда как во всех российских центральных земледельческих губерниях и в средневожских губерниях вместе взятых сеялок насчитывалось 35 400, косилок - 48 700, молотилок - 2 700. Ежегодный вывоз зерновых продуктов за пределы края в среднем за пятилетие 1911-1915 гг. достигал 100 млн пуд. См.: Скобцов В.Ю., Скобцов Д.Е. Три года революции и гражданской войны. М., 2016. С. 21-22.

ко 10,5% хозяйств являлись кулацкими¹. В общей массе хозяйств казаков безземельных было всего 0,7%, при том, что из 158 814 хозяйств «коренных» крестьян их удельный вес достигал 23,7%, «а 5 5894 хозяйства иногородних крестьян фактически не имели земли» (96,4%)².

Хотя на Кубани казачьим станицам и войску, по данным Я.А. Перехова, принадлежало 78% всей земли, а на Дону - 80,2% (соответственно, средний земельный надел казака, по некоторым данным, составлял на Дону 9,84 дес. удобной земли, а кубанского - 7,7 дес.), процессы социального расслоения в казачьей среде уже явственно заявили о себе. Сельскохозяйственная перепись 1917 г. показала, что на Дону 18,1% казачьих хозяйств являлись «беспосевными», 18,6% - не имели рабочего скота, 25,4% - сельскохозяйственного инвентаря. На Кубани, где беспосевные казачьи хозяйства составляли 16,5%, а не имевшие рабочего скота - 24%, положение в данной сфере было аналогичным. На этом фоне несравненно более сложным являлось положение иногородних крестьян, испытывавших значительные хозяйственные затруднения. В этих условиях 47,7% всей пахотной земли в Донской области и 27% - на Кубани засеивалось безземельными и малоземельными крестьянами-арендаторами. При этом на Дону крестьянская аренда состояла из 24% общественных земель, 8% войсковых, 1% частновладельческих. Свыше 65% арендованных крестьянами земель приходилось на отдельные казачьи хозяйства³.

Дополнительно характеризуя хозяйственное развитие казаков, заметим, что до революции средняя норма распределения земли на Кубани по числу членов семьи была следующей: потомственные казаки 118 500 чел. (11%, норма 6 дес.), многопайные - 51 391 чел. (14%, норма 4 дес.), однопайные - 281 156 чел. (26%, норма 1,5 дес.), безземельные 529 273 чел. (49%, норма 0,1

¹ Иванов В.И., Чернопицкий П.Г. Социалистическое строительство и классовая борьба на Дону (1920-1937 гг.). Исторический очерк. Ростов н/Д, 1971. С. 8; Чернопицкий П.Г. Деревня Северокавказского края в 1920-1929 гг. Ростов н/Д, 1987. С. 15.

² Там же. С. 32.

³ Аграрная политика Коммунистической партии на Дону и Северном Кавказе (1920-1937) / под ред. С.М. Смагиной. Ростов н/Д, 1985.

дес.)¹. Беспосевных казачьих хозяйств насчитывалось 38 801, а среди иногородних их численность достигала 96 632 единицы. Причем иногородняя часть населения не только была лишена права владения землей, но также действовал целый ряд ограничений по участию в общественной жизни, и только 21% иногороднего населения были уравнены в гражданских правах с казачьим населением. Вместе с тем следует обратить особое внимание и на другое обстоятельство: «В 1917 г. половина казачьих хозяйств были однопайными. От трех до шести паев было у пятой части хозяйств. Если одно- и двухпайные хозяйства можно считать крепкими середнячками, то остальные (21 %) являлись крупными зажиточными хозяйствами предпринимательского типа»².

Привилегированное положение казачества в регионе являлось очевидным. В среднем на одно казачье хозяйство приходилось по 2,89 сельскохозяйственных машин и орудий, у коренных русских крестьян - 2,37, у иногородних - 1,87, у горцев - 0,94³. Это порождало противоречия, которые порой искусственно подогревались интеллигенцией, что в последующем использовала советская власть как аргумент для ограничения прав казачества на Юге России.

Именно земельные привилегии являлись основой казачьей общности, причем формировали особый тип социальных отношений не только в общине, но и в семье. Эти тесные социальные связи находили затем воплощение и в производственной сфере. В частности, в станицах широкое распространение получило «супряжество», когда во время сельскохозяйственных работ несколько хозяйств объединяли свои производственные ресурсы: «Супряжество в полном смысле помогло тогда выжить многим казачьим семьям»⁴.

¹ ЦДНИКК. Ф. 13. Оп. 1. Д. 9. Л. 12.

² История Кубани с древнейших времен до конца XX века: в 2 ч. / А.В. Баранов, А.Н. Еремеева, А.В. Жинкин и др. Ч. 2: С 1917 года до конца XX века. Краснодар, 2011. С. 80.

³ История кубанского казачества / отв. ред. В.Н. Ратушняк. Краснодар, 2013. С. 205.

⁴ Маслов А.В. Кубань в старину / науч. ред. Б.А. Трехбратов. Краснодар, 2009. С. 8-9.

Первая мировая война, последующая полоса революционных потрясений, связанное с этим нарастание материальных проблем, прямая убыль населения существенно нивелировали имущественные (в какой-то степени и сословные) различия, что, в частности, сказалось в более частых земельных переделах. Однако в принципе казаки в это время были абсолютно удовлетворены своим социальным статусом.

На фоне значительной убыли (к 1920 г. население Дона сократилось более чем вдвое) единственным «объединяющим» моментом стало общее обеднение региона - до 55% хозяйств здесь перешли в состав бедняцких, около 40% остались середняцкими и не более 5% сохранили статус зажиточно-кулацких¹. Особое значение для региона имело также то, что в ходе Гражданской войны основная масса казачества оказалась на стороне белых, а потому весной 1920 г., с окончательной победой красных, несмотря на формальную отмену директивы о «расказачивании» и попытки смягчить вражду казачества к новой власти, казаки неизбежно оказались под ударом реваншистски настроенных групп в лагере победителей. Это обусловило хроническую застойность социально-политической ситуации в Кубано-Черноморской и Донской областях, характеризовавшейся нежеланием казачества менять привычные устои жизни, с одной стороны, и ростом негативного отношения к казачеству и попытки его «расказачивания» - с другой.

Так, I съезд рабочих, трудовых казаков, крестьян и горцев Кубано-Черноморья в мае 1920 г. поддержал постановления I Всероссийского съезда трудового казачества, одоблив курс на наделение земель и инвентарем в первую очередь малоземельного казачества, иногороднего крестьянства и сельхозрабочих из «коренного» населения области. Но на деле в 1920 г. очевидным стало несогласие казаков (в том числе, середняков и даже бедняков) на «поравнение земли»². Таким образом, радикального перераспределения земли и существенного изменения в этой связи социальной структуры насе-

¹ Иванов В.И., Чернопицкий П.Г. Указ. соч. С. 89.

² Великий Октябрь и первые социально-экономические преобразования на Кубани // Ленинским курсом. Краснодар, 1974. С. 23.

ления в регионе не произошло. Для начала 1920-х гг. исследователи совершенно справедливо констатируют, что время: «еще не ликвидировало неравенства в обеспеченности землей трудовых хозяйств казаков и крестьян»¹. Современники, которые отмечали такое положение дел, расценивали это как политику «уступок» казачеству². В данном контексте следует, однако, учитывать, что сословная ситуация претерпела изменения*.

Результатом начавшегося перераспределения земель в начале 1920-х гг., на наш взгляд, стала казачья консолидация как реакция казачьего сословия на переход к процессам расказачивания и земельного передела. Ситуацию ещё более осложнило то, что Гражданская война расколола общество, в том числе на общинном / станичном и семейном уровнях, на «белых» и «красных». Особенность состава населения, исторические особенности формирования региона стимулировали конфликт и после завершения основной фазы Гражданской войны, выведя его на качественно новый уровень в условиях «малой» войны» 1920-1923 гг., когда к прежнему сословному и имущественному расслоению добавилось острое политическое размежевание. Причем последнее чаще всего имело для современников значительно более важное значение. По мнению А.А. Семёнова и С.А. Щербинина, «соединение непримиримых противников новой власти с представителями широких слоев северокавказского социума, их совместные действия представляли существенную угрозу проводимым в регионе социалистическим преобразованиям и самому существованию советской власти»³. Следствием этого стала новая актуализация противостояния социально-имущественных группировок. Как отмечал

¹ Чернопицкий П.Г. Деревня Северокавказского края в 1920-1929 гг. Ростов н/Д, 1987. С. 23.

* Прежде всего, немаловажным фактором в ее корректировке стал порядок определения статуса постоянного жителя области, при котором, согласно закону о социализации земли, к местному земледельческому населению причислялись лица, приписанные к обществу или волости по месту постоянного проживания до 19 февраля 1918 г. (т.е. до опубликования закона), лично занимающиеся земледельческим трудом или нанимающиеся на сельскохозяйственные работы. Этим лицам предоставлялось первоочередное право на получение земельного участка.

² Лихницкий Н.Т. Классовая борьба и кулачество на Кубани. Ростов н/Д, 1931. С. 69.

³ Семёнов А.А., Щербинин С.А. Власть и население Северного Кавказа в период гражданской войны и НЭПа (1917-1925). Славянск-на-Кубани, 2008. С. 86.

современник, характеризовавший «состояние Кубани 1920-1921 гг.»: «Здесь мы видим бешеную борьбу кулачества с Советской властью, одним из лозунгов которой было «против расказачиванья» Казачество крепко спаялось с Советской властью, предоставившей ему возможность спокойно заняться мирным трудом, превратиться из вечного казака и фактически крепостного в демобилизованного солдата»¹.

Несмотря на явную лубочность картины, отмеченная автором тенденция к определенному снижению значения сословного фактора и соответственно межсословного противостояния, а также к его более органичному переплетению с классово-имущественным противостоянием, на наш взгляд, все же имела место. И диктовалось она в первую очередь условиями резкого обострения социально-политической конфликтности, в силу которой и власти, и в немалой степени население, меньше внимания обращали на моменты консолидации на основе сословной однородности. Подчеркнем, сословный фактор зачастую отбрасывался и большевиками, и их противниками².

Таким образом, протестное движение нередко объединяло самые различные социальные слои. Полагаем, что это лишь усилило масштабность и ожесточение внутри гражданского противостояния. Как отмечалось, особенно масштабным оно было на Дону. Однако огромные потери понесла и Кубань. Так, в ст. Ново-Минской численность населения сократилась с 19 тыс. в 1918 г. до 13 тыс. в 1920 г. Кардинально изменился и социальный состав, где 50% относились к категории бедняцких хозяйств³.

И всё же, несмотря на значительную численную убыль казачества, революция мало изменила социальную структуру, особенно в чисто количественных показателях соотношения казаков и иногородних. Как показал В.Н. Ратушняк, если в канун Первой мировой войны численность кубанского казачества составляла 1,367 млн чел. (45,8% жителей области), то, по Всесоюзной

¹ Клейнер И. Очередные задачи волостных исполнительных комитетов на Кубани. Краснодар, 1922. С. 6.

² ЦДНИКК. Ф.1774-р. Оп. 2. Д. 529. Л. 5.

³ РГАСПИ. Ф. 64. Оп. 1. Д. 96. Л. 147.

переписи 17 декабря 1926 г., в пределах бывшей Кубанской области казаки составляли 1,419 из 3,376 млн чел. (42,05% населения). Таким образом, несмотря на потери в 1918-1922 гг. от репрессий и голода от 100 до 250 тыс. чел., эмиграцию порядка 20 тыс. казаков (до 1/2 вернулись на Родину), «за 1923-1926 гг. восстановилась довоенная численность казачества»¹. Иными словами, формально казачество почти полностью сохранило свои количественные показатели при снижении удельного веса в сельской местности.

Тем не менее нельзя не признать и того, что значительная часть станичников (в среднем, около половины) понесла серьезные материальные потери, перейдя в разряд бедноты. Одновременно неуклонно эволюционировал и социальный статус казаков и иногородних. Сословные преимущества казачества все более становились достоянием прошлого. На наш взгляд, в силу утраты казачеством всех базовых социально-политических и социально-экономических характеристик эта социальная нивелировка станичников была объективной и неизбежной. Объективное снижение социального статуса сословия-воина, немедленно сказалось и на его привилегиях в сфере самоуправления: «Полная автономия и равенство станиц уничтожены. Взамен этого появилась центральная, волостная станица»². В силу этого и значение станичного схода, и прежний социальный статус казачества как свободного населения, самостоятельно решающего свои внутриобщинные проблемы, оказались радикально подорванными.

Особенно серьезное влияние на эволюцию казачества оказали радикальные изменения в сфере земельных отношений. Исчезли войсковые земли³. Несмотря на сопротивление казачьих общин, они неуклонно утрачивали контроль над землями юртовыми. Формируя себе социально-политическую опору в станице, новая власть настойчиво поддерживала стремление иногородних к уравнительному перераспределению земель, хотя, полагаем, совершен-

¹ История кубанского казачества / отв. ред. В.Н. Ратушняк. Краснодар, 2013. С. 280-281.

² Клейнер И. Очередные задачи волостных исполнительных комитетов на Кубани. Краснодар, 1922. С. 6.

³ РГАЭ. Ф. Р-478. Оп. 2. Д. 118. Л. 3, 4. На Дону войсковых земель было 12 076 924 дес., на Кубани соответственно - 6 781 024 дес.

но правы те исследователи, которые обратили внимание на то, что казаки активно выступали против тех, которые приехали на Кубань на заработки, без семьи, оставаясь членами «своего» земельного общества¹. Абсолютно аналогичная ситуация в данном плане складывалась и на Дону. Тем не менее власть к середине 1920-х гг. в основном добилась наделения землей основной массы безземельного и малоземельного населения, соответственно обеспечив и земельное, и известное социальное выравнивание казаков и иногородних.

Более того, как показывают источники, уже в начале 1920-х гг. казачество совершенно исчезло в статистике как особая специфическая этносоциальная и хозяйственно-производственная группа. Подворная перепись 1923 г. в Кубано-Черноморской области не указывала казаков. В общем населении в 2 236 987 чел. выделялся нераздельный слой крестьян - 2 132 831². В этническом смысле казаки включались в состав русского населения. На Кубани в 1923 г. статистики насчитывали 3 156 537 чел. (1 579 717 и 2 936 254), 92% которых по национальности считались русскими (в Кубанской области - 98%; в Черноморском округе - 67%), в среде которых различались примерно равные по удельному весу группы великороссов и украинцев³.

Место прежде традиционного членения «казачество / иногородние» уже в начале 1920-х гг. почти одновременно заняла официальная имущественная стратификация - «бедняк - середняк - кулак». В известной степени социальный статус хлебороба определялся также с учетом его способности вести самостоятельное хозяйство. В этой связи в социальной картине станицы, которую рисовали большевики, всё более важное место занимала фигура представителя сельского пролетариата - батрака - человека, живущего за счет продажи своей рабочей силы. Актуальность разделения по линиям «хозяин - батрак», «кулак - наемный рабочий» неуклонно росла. Тем не менее в

¹ История Кубани с древнейших времен до конца XX века: в 2 ч. / А.В. Баранов, А.Н. Еремеева, А.В. Жинкин и др. Ч. 2: С 1917 года до конца XX века. Краснодар, 2011. С. 81.

² Подворная перепись 1923 г. Кубано-Черноморской области. Вып. 1: Поволостные итоги. Краснодар, 1924. С. 24-25.

³ Апостолов Л.Я. Кубано-Черноморский край. Краткий очерк его современного состояния. Краснодар, 1924. С. 16.

сознании кубанского и донского казачества, вне зависимости от произошедших в российском обществе политических и социально-экономических преобразований по-прежнему сохранялась выраженная субъективная убежденность в его особом статусе.

И всё же по мере стремительного и неуклонного ослабления сословной исключительности казачества всё большее значение в регионе приобретало типичное для буржуазного общества и набиравшее силу уже в предреволюционные годы имущественное расслоение. Особенно важным было то, что и новая власть, оценивая социальную структуру станицы, в своих подходах ставила во главу угла именно имущественные критерии в отмеченном выше структурировании «бедняк - середняк - кулак». В постсоветской историографии несовершенство такого подхода к стратификации населения стало отмечаться многими учеными¹.

Весьма непростое и запутанное сочетание сословной и имущественной составляющих в 1920-е гг. всё в большей степени определяло социальный статус конкретно взятого станичника. Вместе с тем нужно учитывать, что все более важное значение для определения реального положения человека в социуме приобретал своего рода общественно-политический статус (его отношение к новой власти и в этой связи нередко его профессиональный статус, принадлежность к определенной категории советского «актива»)². Указанная составляющая создала в станицах новый, ранее почти совершенно не отмечавшийся социальный разлом, имевший ярко выраженный политический оттенок, который условно может определяться на основе маркера «свои» - «чужие». На наш взгляд, с начала 1920-х гг. эта социально-политическая и социокультурная дихотомия приобрела центральное значение не только для всего исследуемого десятилетия, но и в более широкой исторической перспективе. Кем были эти чужие? - это был весьма обширный, строго не очерченный круг - от «бывших» (офицеров, станичных атаманов,

¹ История кубанского казачества / отв. ред. В.Н. Ратушняк. Краснодар, 2013. С. 282.

² Янсон П.М. Советский актив в борьбе за новую деревню. Л., 1932.

служителей культа и пр.) до новых кулаков, спекулянтов, торговцев, самогонщиков, хулиганов¹. Определяя круг тех, кто входил в число «своих», пресса выделяла коммунистов, демобилизованных красноармейцев, бедноту, батраков и пр. Такого рода упрощенная социально-политическая дифференциация населения основывалась на противопоставлении «старого режима» и нового строя. Вместе с тем, она имела и более широкий подтекст, связанный не столько с приверженностью коммунистической идеологии, сколько с видимой лояльностью режиму, партии и государству, их текущей политике. Это в полной мере проявилось уже на заре нэпа, когда был остро поставлен вопрос о том, что «буржуазное влияние» является основной угрозой, в том числе для РКП(б)². На эту опасность, которую подчеркивали донские коммунисты, указывали и кубанские³.

Несмотря на все призывы коммунистов-ортодоксов, «перерождение» коммунистической массы, прежде всего ее руководящего звена, приобретало все большие масштабы. При этом на фоне быстро набиравшего силу социального расслоения одновременно формировалась «система льгот и привилегий» как важный формообразующий элемент «социальной структуры советского общества»⁴. По мере того как такого рода процессы набирали силу, власти вынужденно реагировали на них эпизодическими кампаниями, все более ориентируясь на выборочный подход, который нередко и превращал «своих» в «чужих», причем бывших «своих» карали как за их собственные прегрешения, так и, при необходимости, «за связь с чуждыми элементами» (торговцы, кулаки и пр.)⁵, тем более, что в условиях нэпа такие связи фактически стали нормой и прямо формировали слой сельских «верхов».

¹ Сальский пахарь. Великокняженская, 1921. 28 апр.

² Известия Донкома РКП(б). Ростов н/Д, 1921. № 1. 25 февраля. С. 1; Известия Кубанско-Черноморского областного комитета РКП(б). 1921. 17 мая. № 9. С. 10.

³ Гольман М. Назревший вопрос // Известия Кубано-Черноморского областного комитета РКП(б). Краснодар, 1921. 21 января. № 2. С. 3.

⁴ Туфанов Е.В. К вопросу становления системы льгот и привилегий партийно-государственной номенклатуры в 1920-1930-е гг. (на материалах Северного Кавказа // Современная научная мысль. Пятигорск, 2018. № 2. С. 86.

⁵ Столляр Н.А. Черты нового быта в современной деревне. М., 1926.

Ярким примером может служить дело бывшего председателя хуторского Совета Армавирского округа Матушкина, который в условиях курса «Лицом к деревне» попал под кампанию борьбы со злоупотреблениями и взяточничеством. В прошлом он имел революционные заслуги (орден Красного Знамени), занимал различные посты, причем не раз «был под следствием за превышение власти». И всё сходило ему с рук. Но вот теперь Матушкин попал под кампанию¹. Даже политически преданный власти функционер или активист неожиданно мог попасть в разряд «врагов», «чужих».

На этом фоне другими важными, хотя и менее знаковыми проявлениями размежевания по линии «свой» - «чужой» стали получившие немалое значение на фоне острого кризиса общественного сознания и резкого роста удельного веса и значения бюрократии в социальной структуре советского общества, «в формировании нового поколения российской интеллигенции» конфликты «своих» и «чужих» - «местных» и «переброшенных» среди партийно-советских ответственных работников². Другое проявление устойчивой оппозиции «свой - чужой», имевшее более широкую социальную аудиторию восприятия, отмечал И. Клейнер: «Отношение населения к пришлым вообще недоверчивое, а в лучшем случае выжидательное»³.

Обращаясь в этой связи к базовым социальным процессам, изменявшим структуру кубанского и донского сельского социумов, отметим, что переход от политики военного коммунизма к нэпу в станицах Кубани и Дона прошел в режиме оживления экономической жизни, он создал материальную заинтересованность в развитии индивидуальных хозяйств и этим стимулировал усиление «чуждых» слоев деревни и одновременно запустил высококонфликтный, практически неконтролируемый процесс имущественного пе-

¹ Сессия крайсуда в станице. Дело Матушкина и др. // Трудовой путь. Армавир, 1925. 18 окт.

² Турицын И.В. Революционный порыв и традиция как элементы формирования нового управленческого слоя в 1920-е годы (на материалах Юго-Востока России) // Альтернативы большевистской модернизации в годы новой экономической политики. М., 2014. С. 94-104.

³ Клейнер И. Действительность кубанской станицы. Краснодар, 1924. С. 23.

редела в деревне¹. Эти сложные процессы накладывались на типичный для Юга России формат комплексного социального противостояния по линиям казаки - иногородние, богатые - бедные, старики - молодежь, находя завершение в упрощенной дихотомии «свои» - чужие». При этом изменения в сфере сословных противоречий причудливо переплетались с трансформациями имущественно-производственного статуса станичников (наличие земли и имущества, применение наемного труда и др.). Выделяя наиболее значимые тенденции, оказавшие определяющее влияние на сельский социум, в первую очередь следует выделить принципиально важный для эпохи нэпа рост благосостояния в рамках базовой для властей системы социального расслоения, находившей выражение в устойчивом сокращении категории бедных хозяйств при столь же уверенном увеличении численности «средняцких» и в меньшей степени зажиточных, «кулацких». Если в 1920 г. в Донской области бедняцкие хозяйства составляли 55,4% их общего числа, а кулацкие - 5%, то уже в 1923 г. по своей численности средняцкие хозяйства сравнялись с бедняцкими (47%), а кулацкие увеличили удельный вес до 6%².

Рост прослойки середняков (отчасти зажиточных), или «осереднячивание» станицы, определил главную тенденцию трансформации ее социальной структуры. На этом фоне, несмотря на свою актуальность, межсословные противоречия, на наш взгляд, напротив, обнаружили тенденцию постепенного снижения остроты. Это отмечалось на первой Кубанской окружной конференции РКП(б) в июле 1924 г., делегаты которой констатировали, что процесс расказачивания практически произошел, а остатки традиций должны быть изжиты под влиянием новых экономических и общественных отношений. При этом на конференции остро стоял вопрос не сословных противоречий, а нараставшего в станицах социального неравенства³. Политика больше-

¹ Кругов А.И. Крестьянское хозяйство России в конце XIX - первой четверти XX века (на материалах Ставрополя, Кубани, Дона). Ставрополь, 2008. С. 238.

² Из опыта работы парторганизаций Северного Кавказа по руководству хозяйственным и культурным строительством (1918-1965 гг.). Ростов н/Д, 1965. С. 255.

³ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 12. Л. 55.

виков концентрировалась теперь на разрешении социальных, а не сословных противоречий на основе классового подхода

С этими трактовками вряд ли можно безоговорочно согласиться. Во-первых, несмотря на формальный перенос на второй план размежевания по линии «казаки - иногородние», в реальной жизни оно по-прежнему занимало значительное место. Как справедливо отметила И.М. Федина, «сословная рознь была настолько сильна, что казаки говорили открыто: «бей городовиков... выселить иногородних из станиц» и т.д. Во многих станицах при проведении землеустройства составлялось два списка пользующихся правом землепользования - казачий и «мужичий»¹. Во-вторых, хотя с 1920 г. по 1924 г. в социальном расслоении кубанского казачества действительно происходили серьезные изменения, характер их был, на наш взгляд, иным. В 1920 г. беспосевных хозяйств насчитывалось 29,7%, с посевом в 4 дес. - 24,1%, от 4 до 10 дес. - 30,5%, свыше 10 дес. - 15,7%. В 1924 г. - беспосевных хозяйств имелось уже только 15,1%, с посевом 4 дес. - 32,6%, от 4 до 10 дес. - 38,8% и свыше 10 дес. - 13,5%². Сокращение количества беспосевных хозяйств при одновременном сокращении кулацких хозяйств на Кубани за счет расширения средних групп - малопосевных и среднепосевных стало результатом проведённых землеустроительных работ, а также все более гибкой налоговой политики. И эти процессы свидетельствовали не об усилении социального расслоения, а о формировании все более однородного в имущественном плане сельского сообщества.

Национализация земельного фонда как магистральный путь развития после Октября 1917 г., повсеместно способствовала устойчивому сокращению численности крестьянской бедноты, составлявшей 60% крестьянского населения до революции, главным образом в результате осереднячивания. В этой связи удельный вес бедноты в период нэпа в социальной структуре деревни снизился в два раза, составив 35,6% уже в конце 1923 г. - начале 1924

¹ Федина И.М. Хутора Кубани: история становления и развития (1794-1930 гг.). Краснодар, 2016. С. 96.

² ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 12. Л. 156.

г. В свою очередь реализация декрета ВЦИК и СНК РСФСР «О землепользовании и землеустройстве в бывших казачьих областях» от 18 ноября 1920 г. привела в 1923 г. к тому, что, к примеру, крестьяне Дона, ранее практически не имевшие прав на владение землей, получили в свое распоряжение 5,5 млн дес. На Кубани землепользователями в результате отмеченных изменений стало 98% сельского населения¹. Центральной фигурой деревни к середине 1920-х гг. окончательно стал середняк, который сформировал новый социальный слой независимых хозяйств и вырос в три раза. В начале 1924 г. середняцкими в стране считались 61,1% крестьянских хозяйств², пополнявшиеся за счет бедняцких хозяйств³ (на начальном этапе нэпа данная категория населения пополнялась и за счет снижения числа зажиточных хозяйств).

По мере восстановления хозяйства осереднячивание и рост зажиточности в станицах Кубани и Дона стали доминирующими тенденциями. Это соответствовало общероссийским тенденциям, в силу которых осереднячивание в большинстве случаев означало нивелировку, «поравнение по низшему уровню обеспеченности средствами производства и прожиточного уровня»⁴. Говоря о трансформации социальной структуры, нужно отметить, что в условиях нэпа, после полосы едва ли не сплошной дезорганизации казачье-крестьянских хозяйств, ситуация неуклонно улучшалась. В частности, хозяйств, имевших земельный надел в размере до 4 дес. земли, в Донской области было 32%, а в 1924 г. - 40%. Хозяйства, засевавшие от 4 до 10 дес. соста-

¹ Очерки истории Северного Кавказа: XX век / В.П. Ермаков, С.И. Линец, Т.А. Невская и др. М., 2018. С. 140; См.: ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 94. Л. 1-5.

² Тяжесть обложения в СССР: Социальный состав, доходы и налоговые платежи населения Союза ССР в 1924/25, 1925/26 и 1926/27 г. М., 1929. С. 74; Рогалина Н.Л. Указ. соч. С. 141, 143.

³ КПСС в резолюциях... М., 1984. Т. 4. С. 77.

⁴ Кабанов В.В. Аграрная революция в России // Вопросы истории. 1989. № 11. С. 43. См.: История советского крестьянства... М., 1986. Т. 1. С. 288. Типичная семья середняка Центрально-промышленного района включала в среднем 4 едока, 2 работника, имела 4,4 дес. посева, 1 лошадь и корову. Производственные фонды хозяйства стоили 998,5 р., а средства производства - 767,2 р., главное место принадлежало рабочему и продуктивному скоту (35% стоимости), постройкам (32%), сельскохозяйственному инвентарю (21%) и запасам (12%).

вили, соответственно, 15% и 55%. В начале 1920-х годов на один казачий двор приходилось 3,7 дес. посева, а в 1923 г. 6,2 дес¹.

Однако на фоне хозяйственного роста главную политическую проблему большевики увидели в формировании крайних социальных групп в станице. И это при том, что оно было прямым следствием проводимой землеустроительной политики. Классово-имущественные социальные изменения в южнороссийских станицах, в отличие от сословных противоречий, вызывали все большую обеспокоенность местных органов власти, которые явно опасались перехода сельского хозяйства на путь капиталистического развития. Так, на заседаниях бюро Донского окружкома РКП(б) (1924-1926 гг.) постоянно звучала проблема размывания середняка в крайние социальные группы станицы².

Средняцкие слои деревни были активными участниками оборота земли, часто использовали арендные отношения³. Вместе с тем, как верно отмечают А.А. Малашенко и И.В. Малашенко, российская деревня того времени была наполнена сложными и неоднозначными противоречиями: «... тенденции фермерского развития сталкивались с патриархальными устоями, стремление к частной собственности с прочной общинной собственностью, уравнительные принципы землепользования с имущественным расслоением»⁴. В этих условиях основная масса крестьянства заметно повысила основные показатели своего хозяйственного развития⁵. Впрочем, и в этих условиях значительная часть хозяйств относилась к категории бедноты, пополняя ряды батрацкой армии. Подчеркнем, что эта черта станичной жизни сохранялась несмотря на официально декларируемый властями курс на всемерную поддержку беднейшего крестьянства.

¹ ГАРО. Ф. 1485. Оп. 1. Д. 169. Л. 55

² ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 52. Л. 3, 42, 43, 46.

³ ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 54. Л. 73.

⁴ Малашенко А.А, Малашенко И.В. Социальная стратификация крестьянства Брянской губернии в первые годы новой экономической политики // Вестник Брянского госуниверситета. 2016. № 1. С. 47.

⁵ ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 173. Л. 234-238.

Так, уже на заре нэпа декрет СНК от 14 мая 1921 г. «Об улучшении постановки дела социального обеспечения рабочих, крестьян и семей красноармейцев» открыл полосу повсеместного создания в станицах и селах комитетов крестьянской общественной взаимопомощи (ККОВ) как организации помощи деревенской бедноте и ее сплочения в борьбе с кулачеством. К примеру, на Дону уже к концу 1921 г. было создано около 500 ККОВов¹. Основной целью создания крестьянских комитетов общественной взаимопомощи, был перенос основной работы по оказанию социальной поддержки сельскому населению с государства на плечи самих крестьян². Кресткомы должны были обеспечить поддержку незащищенных слоев деревни за счет более обеспеченных и решение острых социальных проблем в следующих формах: оказание материальной и трудовой помощи бедноте, инвалидам и семьям красноармейцев, содействие в трудоустройстве и кооперации, борьба с такими социальными проблемами, как неграмотность, пьянство, преступность и проституция. Таким образом, основным критерием в процессе организации и распределения помощи (в основном в виде пособий и ссуд) являлся классовый подход. Как отмечают В.А. Бондарев и Т.А. Самсоненко, кресткомы «... должны были помогать сельским жителям, происходившим из бедняцких семей и демонстрировавшим безусловную поддержку большевистскому режиму (так сказать, «правильным беднякам»)»³. Поскольку отчетность сельских кресткомов была нерегулярной, основным источником сведений по их работе являются публикации в СМИ Юга России. Например, газета «Донской пахарь» сообщала, что в 1922 г. в слободе Дегтеве Донецкого округа местным комитетом взаимопомощи выдано беднякам около 300 пуд. жита, семссуда и

¹ История Дона от Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней. Ростов н/Д, 1967. С. 94.

² Цит. по: Киселев В. Крестьянская взаимопомощь в РСФСР за 20 лет // Социальное обеспечение. 1937. № 10. С. 57.

³ Бондарев В.А., Самсоненко Т.А. Социальная помощь в колхозах 1930-х годов: на материалах Юга России. Новочеркасск, 2010. С. 26.

вспахана зябрь около 40 дес. и озимых 100 дес., «при комитете оборудована просорушка и мельница, обслуживающая в первую очередь бедняков»¹.

На Юге России в данный период активно использовались такие формы поддержки сельской бедноты, как полное или частичное освобождение от налогов, а также наделение «ближайшей и лучшей землей» при землеустройстве². ККОВы собирали средства путем обязательного самообложения натурой всего населения станицы, получали процентные отчисления с оборотов предприятий, производили обложение зажиточных слоев, получали доходы от арендуемых ими предприятий. Поскольку данные меры вели к дополнительному обременению налогами зажиточных хозяйств, это обостряло социальную конфронтацию в станице. Не в меньшей степени этому способствовало то обстоятельство, что ККОВами осуществлялся жесткий контроль по недопущению кабальных сделок с хлеботоргами, особенно в части семенных ссуд³.

Особую роль кресткомы Кубани и Дона сыграли в ликвидации последствий неурожая на Юге России летом 1924 г. Как отмечает С.С. Съёмщиков, «при распределении ссуды крестьянские комитеты принимали непосредственное участие, выявляя наиболее пострадавшие хозяйства и решая вопросы о выделении им ссуды»⁴.

Нередки были и критические замечания в адрес кресткомов, требования усилить организаторскую работу с ними со стороны советских и партийных работников. Так, Ф.Э. Дзержинский отмечал в 1924 г., что комитеты взаимопомощи пока еще не играют существенной роли в деревне, помощь их чрез-

¹ В защиту бедняков // Донской пахарь. Ростов н/Д, 1922. 27 дек. См.: Зимовниковский комитет крестьянской взаимопомощи // Донской пахарь. 1922. 15 дек.; КОВ работает // Советский пахарь. 1925. 17 мая.

² Очерки истории Северного Кавказа: XX век / В.П. Ермаков, С.И. Линец, Т.А. Невская и др. М., 2018. С. 140.

³ Возврат семссуды и сельско-хоз. кооперация // Донской пахарь. 1922. 19 сент.

⁴ Съёмщиков С.С. Деятельность крестьянских комитетов общественной взаимопомощи на Дону и Кубани в 1921–1932 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Армавир, 2013. С. 81.

вычайно ничтожна, а авторитет их невелик¹. С 1925 г. происходит увеличение доходной части кресткомов, так как «раньше весь приход КОВ'ов (на 90%) составлялся из поступлений от обложений крестьянства и других, случайных, доходов, а теперь 65 % доходов КОВов составляют запашки, доходы от предприятий и только 5,58 % от обложения крестьянства»². Разумеется, прибыль от хозяйственной деятельности всегда была выше, чем от обложения бедного крестьянства и казачества, и развитие данного направления деятельности кресткомов было выбрано стратегически правильно.

С развитием нэпа и восстановлением сельского хозяйства в середине 1920-х гг. у кресткомов стало появляться больше возможностей по применению на сельхозработах тракторов и других сельхозмашин, а также по кооперированию бедноты. В части содействия в трудоустройстве и кооперации особое внимание уделялось привлечению в кооперативное движение инвалидов и красноармеек. ККОВы оказывали помощь в создании производственных артелей, давали возвратные ссуды на уплату паевого взноса, поддерживали их госзаказом, направляли к ним на работу вольнонаемных специалистов в качестве профессиональных экспертов. ККОВы стали сосредотачивать в своих руках предприятия, имевшие важную роль в организации и функционировании коллективных хозяйств: маслобойки, мельницы, кирпичные заводы и др. Так, в Донском округе только за период с октября 1923 г. по май 1924 г. кресткомами для улучшения положения бедноты и конкуренции с кулачеством было «... арендовано 26 предприятий сельскохозяйственного значения, исключительно из бедняцкого элемента организовано 47 артелей с числом 1 764 души»³.

Существенную роль в пополнении материальной базы кресткомов играло имущество, конфискованное органами правопорядка. Это показывает, что

¹ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД, 1918-1939: Док. и материалы: в 4 т. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. Т. 2: 1923-1929. М., 2000. С. 200.

² 1-й Краевой съезд крестьянских обществ взаимопомощи // Советский пахарь. 1925. 24 апр. См.: ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 46. Д. 100. Л. 22.

³ Комитеты взаимопомощи в деревне // Трудовой Дон. 1924. 4 июля.

революционное правосознание при перераспределении имущества в рамках нэпа ничем не отличалось от других периодов первых лет советской власти.

Отмечая усилия властей по организации бедноты с целью оказания ей помощи через ККОВы, следует отметить хронический характер этих процессов для российской деревни, которая была характеризовалась аграрным перенаселением и безработицей, и процессом дробления крестьянских хозяйств в ходе землеустроительных работ. Значительная часть бедноты не могла справиться с обработкой полученной земли из-за отсутствия мертвого и живого инвентаря. В этой связи, по данным НК РКИ СССР, 83,6% бедняцких хозяйств выступали арендодателями и основным источником наемной рабочей силы¹.

На этом фоне особенно настороженным было отношение большевиков к «кулачеству». В условиях снятия большинства ограничений на развитие крупных хозяйств на первый план вышла проблема определения кулацкого слоя, чем занимались центральные и региональные руководители и даже сами крестьяне².

В период нэпа на Юге России наметилась тенденция роста количества зажиточных крестьянских хозяйств. Они владели 1/3 посевных площадей и продолжали эксплуатировать бедняков, используя различные формы экономической зависимости. Имущественная поляризация, по мнению властей, вела к неизбежному росту социальной напряженности в станице. Как следствие, в регионе, как и в стране в целом, началась работа по определению основных признаков хозяйств, относимых к категории кулацких, середняцких и бедняцких. К категории последних, как правило, относили хлебороба, владевшего одной лошадейю или безлошадного и безинвентарного. Средняцкое хозяйство на своем подворье содержало, как правило, 2 лошадей, 1-2 коровы,

¹ Яковлев Я.А. Итоги развития аренды в сельском хозяйстве и задачи нашей экономической политики // Большевик. 1927. № 15-16. С. 49; Рогалина Н.Л. НЭП и крестьянство // НЭП: Приобретения и потери. М., 1994. С. 144.

² Леконцев О.Н. Численность кулачества во второй половине 1920-х годов: теория и практика (на материалах Вятской губернии и Вотской области) // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 6. С. 65.

владело земельными угодьями до 5 дес. при наличии необходимых сельскохозяйственных орудий в виде плуга, сеялки и жнейки. Меньшая часть казачества (22%) обладала 61,2% всего инвентаря¹. Хозяин кулацкого хозяйства, как правило, не работал, имел дополнительный доход, основанный на торговле или ростовщичестве, использовал труд сезонных рабочих и арендовал дополнительный земельный надел. На местах большевики применяли свои принципы в экономической оценке и социальной принадлежности хозяйств. Однако особенностью отнесения хозяйств на Кубани и Дону к той или иной социальной группе в первой половине 1920-х гг. было то, что каждая станица вырабатывала здесь свои критерии оценок. Зажиточные хозяйства отличались от кулацких по принципу организации труда и характеру участия в нем самого собственника хозяйства. Например, в ст-це Ново-Александровской бедняцкие хозяйства в начале 1920-х гг. составляли 52,5%, середняцкие - 25,6%, зажиточные - 14,4%, кулацкие - 2,4% (кустарей было 1,06%, торговцев 0,56% и прочих 3,48%)². И.А. Анфертьев в этой связи отмечает, что «... до лета 1925 г. по вопросу о том, по каким признакам крестьянские хозяйства относятся к той или иной категории по зажиточности, ясности не было»³. Разумеется, для правильного определения происходящих в деревне процессов расслоения и определения отношения власти к различным типам хозяйств предпринимались попытки сформулировать «... критерии крестьянских хозяйств по зажиточности. Например, середняк тот, кто имеет 2 лошади, 2 коровы и 10 дес. пашни, зажиточный – 3 лошади, 4 коровы, 10 дес. пашни, сельхозмашины и т. д.; причисляемые к кулакам - в данном случае, имеет ли наемных рабочих и сколько»⁴.

¹ Муравьева Л. Массовая коллективизация: задачи, методы, практика // Финансы и кредит. 2003. № 10. С. 82.

² ЦДНИКК. Ф. 13. Оп. 1. Д. 62. Л. 2.

³ Анфертьев И.А. Особенности деятельности ЦКК РКП(б)-ВКП(б) в сельской местности в 1920-е гг. // Крестьянство и власть в истории России XX века: сборник науч. ст. участников Международного круглого стола (Журнал «Власть», Институт социологии РАН, Москва, 12 ноября 2010 г.) / под ред. П.П. Марчени, С.Ю. Разина. М., 2011. С. 55.

⁴ Там же. С. 56.

Так, в докладе секретаря Таганрогского окружного комитета ВКП(б) Москатова «Работа сельячеек в связи с задачами партии на селе» на II Таганрогском окружном сельском совещании (3-6 апреля 1925 г.) отмечалось, что в условиях, когда, наделив землей бедноту, «тем не менее, мы не имеем видов на то, что наше бедняцкое хозяйство идет по пути своего укрепления». Отличие кулаков от зажиточных он видел в том, что кулак не тот, у кого много собственности, а кто проводит кабальные сделки, арендует землю, использует наемный труд, закабляет батрака, занимается ростовщичеством¹. При таком подходе кулаков в округе насчитывалось всего порядка 10% хозяйств. Но участники совещания в данном отношении обнаружили полный разноречивый мнений. В ходе анкетирования некоторые из них ответили, что «кулак - это тот, кто не выполняет сельхозналога»². Показательно, что выступавшие в прениях отмечали наличие ряда проблем при землеустройстве, прежде всего связанных с целым рядом случаев, когда оно проводилось «в пользу кулака», что вызывало волнения бедноты - порой «чуть ли не до восстания»³.

В этой связи, говоря о социальной структуре села того времени, важно иметь в виду и то, что станичные и партийные представления о степени зажиточности хозяйства не совпадали, поскольку основывались на разных принципах⁴. Обращение к материалам 1920-х гг. показывает, что в течение нескольких лет общественность спорила, выясняя кто же такой кулак, но это так и осталось невыясненным. К примеру, на IX Черноморской окружной конференции РКП(б), проведенной 30 ноября - 3 декабря 1924 г., в заключительном слове представителя Северо-Кавказского крайкома Патрикеева было отмечено, что «не каждый зажиточный крестьянин - кулак: нужно знать ис-

¹ Стенографический отчет II Таганрогского окружного сельского совещания (3/IV – 6/IV 25 г.). Таганрог, 1925. С. 2.

² Там же. С. 3-4.

³ Стенографический отчет II Таганрогского окружного сельского совещания ... С. 8-9.

⁴ Федотов А.В. Крестьянская община в Тульской деревне периода нэпа (1921-1928 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Тула, 2011. С. 14.

торию каждого крестьянского хозяйства»¹. Особенно негативное воздействие на развитие аграрной сферы экономики региона оказывало то обстоятельство, что «Под понятие кулацкое хозяйство подводятся почти все культурные хозяйства - поскольку они все хозяйства рентабельные»². Таким образом, в этом вопросе открывался простор для всевозможных субъективных оценок и возникали условия для усиления роли центрального партийного аппарата, как главного арбитра.

В конце 1924-1925 гг. на какое-то время зажиточность крестьянства перестала быть криминальным явлением и даже стала активно поощряться властями в качестве одного из главных приоритетов аграрной политики. «Культурный хозяин» начал приобретать довольно привлекательный облик и в массовой крестьянской печати, и на различного рода советских и партийных форумах. Однако в этой ситуации возникновению и росту числа крупных хозяйств мешало их дробление. С другой стороны, усиление категорий зажиточных и кулацких хозяйств неизбежно усиливало объективный запрос на пролетаризацию части сельского населения³.

Временем наиболее конструктивного обсуждения проблемы кулачества следует считать середину 1920-х гг., когда в рамках курса «Лицом к деревне» тотальная критика «кулака» на некоторое время была снята с повестки дня.

В регионе актуализировались и другие проблемы, связанные с социальной стратификацией, в частности, наблюдался существенный количественный рост крестьянских хозяйств. К примеру, на Кубани по сравнению с 1916 г. (194 тыс.), в 1924 г. их общая численность выросла до 234 тыс., а в 1925 г. - до 242 тыс. Это стало следствием проводимой землеустроительной работы и общего укрепления благосостояния крестьянства. Например, если в 1920 г. беспосевные хозяйства составляли 33,7%, то в 1924 г. их число снизилось до 16,1%, малопосевные крестьяне составляли 18,8%, в 1922 г. их процент достиг 30,4%, а в 1924 г. - 31,8%. Последующее уменьшение малопо-

¹ ЦДНИКК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 414. Л. 14.

² Клейнер И. Действительность кубанской станицы. Краснодар, 1924. С. 21.

³ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 94. Л.Л. 1-5.

севных хозяйств объясняется социальными процессами в станице. Уменьшение последних произошло за счет роста среднепосевных хозяйств, которых в 1921 г. было 35,8%, в 1922 г. - 40,7%, в 1924 г. - от 31,95 до 47,2%. Что касается зажиточных крестьян, то они в 1920 г. составляли 15,7%, в 1922 г. - 7,4%, в 1924 г. - 13,5%, причем цифры по данной категории хозяйств разнятся¹.

Таким образом, в рамках рассматриваемого периода шел зримый рост середняцких крестьянских хозяйств за счет уменьшения удельного веса хозяйств, находившихся на двух противоположных полюсах—особенно беднейшем. Впрочем, вплоть до 1926-1927 гг. заметным был и рост зажиточных хозяйств. Существенно влиял на социальную структуру общества того времени и фактор наемного труда, так как зажиточное казачество имело значительные площади посевов, а часть его владела предприятиями по переработке сельскохозяйственной продукции. Если учитывать дополнительные показатели, такие как наличие инвентаря, наемной рабочей силы, домашнего скота и др., то показатели по социальному составу крестьянства края значительно менялись. К примеру, на Кубани в 1920 г. бедняки в общей массе крестьян составляли 26%, а в 1925 г. - 19,4%; середняки в 1920 г. составляли 53,6%, а в 1925 г. - 58,2%, зажиточные (более широкая и расплывчатая категория, чем кулаки) составляли 19,9% в 1920 г., а в 1925 г. - 22,3%². Заметно дифференцировало казачью среду социальное расслоение на Дону (24,6% - бедняки, 51,6% - середняки, 23,8 % - зажиточные)³.

Реализованная на Дону в 1924-1926 гг. политика «лицом к деревне» или «лицом к казачеству» носила явно противоречивый характер. Новая полити-

¹ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 14. Л. 20-25. За 1924-1925 гг. количество крестьянских хозяйств в Армавирском отделе увеличилось с 5 998 до 6 404. См.: ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 6. Д. 183.

² ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 14. Л. 25.

³ Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: в 2 ч. М., 2011. Ч. 2. С. 283.

ка, с одной стороны, привела к ослаблению сословной розни, а с другой - к более яркому выявлению имущественного неравенства в казачьей среде¹.

Следует отметить, что расслоение крестьянских хозяйств способствовало возникновению новых хозяйств, имевших посевные площади, значительно превышавшие неформальные «трудовые» нормы. Только за один год в Кубанском округе возникло 1 575 хозяйств, владевших свыше 25 дес. земли и большим количеством сроковых рабочих. В 1925 г. организовалось 1 812 хозяйств, относящихся к категории кулацких или спекулятивно-ростовщических, как их именовали местные партийные работники. В 1925 г. батрацких и полубатрацких хозяйств в группе беспосевных (18%) было до 4% хозяйств, за год сформировалось 1 585 новых хозяйств данной категории. Это результат развития арендных отношений в сельском хозяйстве и роста экономической зависимости беднейшей части станицы от зажиточных казаков². В результате проведения данной политики средняя норма наделения землей резко изменилась и теперь составляла для казачьих хозяйств (551 498 казаков) из расчета 2,3 дес. на чел., иногородних (529 872 чел.) из расчета тех же 2,3 дес. на чел. Такой земельный передел экономически ослаблял казачество, вел к его упадку и возникновению непривычных для казачьего быта явлений³. Обобщая, можно отметить, что расказачивание 1920-1924 гг. стало первым шагом на пути к осереднячиванию, а в конце 1920-х годов - к коллективизации сельского хозяйства на Юге России.

По мере развития нэпа, уже с 1923-1924 гг. потребовалось внесение корректировок в стратегию и тактику правящей партии, чтобы выстроить новый вектор взаимоотношений с сельским населением. В частности, на передний план вышла проблема перехода к новым формам управления и организации

¹ ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 141. Л. 61 а.

² ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 15. Л. 13. Посевные группы делились на группы беспосевных, малопосевных с посевом до 0,75 дес. на душу или до 4 дес. земли на одно хозяйство. Ниже шли средние - от 0,75 дес. до 2 дес. на душу населения или от 4 до 6 дес. на одно хозяйство. Средние хозяйства владели от 6,1 до 16 дес. земли. Крепкие казаки обрабатывали до 25 дес. полезной площади. Зажиточная часть кубанской станицы владела земельным наделом свыше 25 дес., подвергаясь серьезному политическому и экономическому давлению.

³ ЦДНИКК. Ф. 13. Оп. 1. Д. 9. Л. 12.

общественной жизни, диктуемым уже новыми историческими условиями формирования специфического некапиталистического строя¹.

На этой основе в середине 1920-х гг., на пике нэпа в регионе отмечалась значительная актуализация вопроса о казачестве. Поставив перед собой задачу ускоренного подъема аграрного сектора экономики, правительственные органы понимали, что к «культурным» хозяйствам требуется относиться более благожелательно. Для Кубани и Дона это означало неизбежность корректировки политики в отношении якобы уже «расказаченной» части населения. Поэтому для хозяйственного подъема необходимо качественно изменить обстановку на Юге России, который оставался одним из главных поставщиков хлеба. Следует учитывать и то, что регион был пограничным, и для России он оставался проблемным. Необходимо было добиться как минимум нейтрализации большей части казачества, поскольку к середине 1920-х гг. на Кубани и Дону доверие со стороны казачества советской власти оставляло желать лучшего. В частности, донские власти признавали, что казачество настроено скрыто враждебно и занимает выжидательную позицию².

В разгар политики «Лицом к деревне» в январе 1925 г. в Ростове-на-Дону состоялся пленум Северо-Кавказского крайкома, на котором рассматривались проблемы казачества, а в конце января - начале февраля на I краевом съезде Советов. На съезде выступил председатель СНК СССР А.И. Рыков, объявивший о начале нового периода взаимоотношений казачества и советской власти³. Фактически в регионе новый курс на некоторое время обеспечил проведение политики «Лицом к казачеству».

На пике курса «Лицом к деревне» вдруг оказалось, что в быту и повседневности казачество сделало много «полезного» для Советской власти.

¹ Бакланов В.И. К вопросу о незавершенности капиталистической модернизации в России // Представительная власть - XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2014. № 1 (128). С. 89.

² ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 15. Л. 41а.

³ Перехов Я.А. Административно-территориальная реформа на Северном Кавказе 1920-х гг. и казачий вопрос // Национальные элиты и проблемы социально-политической и экономической стабильности: материалы Всерос. науч. конф., г. Ростов-на-Дону, 9-10 июня 2009 г. Ростов н/Д, 2009. С. 247.

Большое внимание властей в это время привлекли традиции общинного самоуправления и практика разрешения общественных (прежде всего хозяйственных) нужд. Как отмечал секретарь Северо-Кавказского крайкома А.И. Микоян: «много у них общественных своеобразных навыков»¹. Созданная в крае в начале 1925 г. комиссия по изучению положения казачества обратила особое внимание на необходимость работы с казачьей молодежью, которая воспринимает политику иначе, чем старики, довольно активно вступает в комсомольские ячейки и т.д.²

Поскольку социальное и имущественное расслоение крестьянства обостряло существовавшие противоречия в южно-российской станице, по итогам Кубанского окружного совещания землеустроителей в феврале 1925 г. была принята резолюция «О работе в деревне», в которой признавалось, что интересы иногороднего населения не должны рассматриваться как противоречащие интересам казачества. Необходимо рассматривать работу в станице не через призму сословных противоречий, а через призму экономической мощности крестьянских хозяйств³.

В результате отказа от крайностей политики расказачивания и ограничения хозяйственного развития хозяйств хлеборобов, с одной стороны, и форсированного землеустройства - с другой, с 1924 г. и примерно по осень 1926 г. мы наблюдаем явное сглаживание сословных различий. В перевыборах 1926 г. социальное деление станичников выступало уже гораздо отчетливее сословного⁴.

С 1917 г. по 1926 г. значительное изменение претерпело и сельское хозяйство Адыгейской (Черкесской) автономной области. За это время, как и в других местностях региона, количество крестьянских хозяйств увеличилось

¹ Краевое совещание по работе среди казачества... С. 4-5.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 240. Л. 158.

³ ГАКК. Р-371. Оп. 1. Д. 1. Л. 280 об. Этого следовало ожидать, так как игнорировать мнение 2 301 945 казаков было недальновидной политикой. В целом в Северо-Кавказском крае в этот период проживало 8 363 491 чел. (в городе, в том числе 153 646 чел.). См.: Казачество Северо-Кавказского края. Итоги переписи населения 1926 г. Ростов н/Д, 1928. С. 3.

⁴ История кубанского казачества / отв. ред. В.Н. Ратушняк. Краснодар, 2013. С. 289.

(с 16 583 до 21 130), что было значительно для автономии, где уровень развития сельскохозяйственного производства по сравнению с Кубанью и Доном был относительно невысоким. Увеличился слой середняцких хозяйств с 9,3% до 11,1%, в то время как процент кулацких хозяйств уменьшился с 5,7% до 0,7%¹. Показатели расчета обеспеченности сельскохозяйственным инвентарем крестьянских хозяйств подтверждают низкий агротехнический уровень состояния сельского хозяйства ААО. Социальные отношения в Адыгейской (Черкесской) автономной области осложнялись переселенческой политикой, нарастанием межнациональных конфликтов из-за дефицита земли.

В данном контексте нужно подчеркнуть, что специфические особенности и черты крестьянского менталитета связаны прежде всего с материальным бытием, в первую очередь с характером производственной деятельности, особенностями хозяйствования на земле. Иными словами, менталитет крестьянства формировался и эволюционировал на основе хозяйственной деятельности и тех социальных отношений, которые вырастали на их основе, поскольку ментальность крестьянства - это общинная ментальность². Исходя из такого подхода, для казачьего Юга России - региона, где преобладало сельскохозяйственное население, важное значение для понимания специфики развития социальных отношений имело не только традиционное разделение на казаков и иногородних и актуализированное властями деление на «бедняков / батраков - середняков - зажиточных / кулаков», но и восприятие этих градаций самими хлеборобами, далекими от научного теоретизирования. И если в отношении прежде доминировавшего, но начавшего отходить в прошлое деления на казаков и иногородних всё было ясно, то восприятие новых, насаждавшихся властями классово-имущественных страт, особенно в среде более зажиточных хлеборобов, было весьма критичным.

¹ НАРА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 179. Л. 90.

² Данилова Л.В., Данилов В.П. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX - XX вв.). Материалы междунар. конф. Москва, 14-15 июня 1994 г. М., 1996. С. 22.

Современные исследователи подчеркивают, что: «Советская власть в 1920-х годах использовала классовую терминологию, деля селян на "бедноту", "середняков" и "кулаков" и подогревая ненависть к последним. ... Крестьяне и казаки предпочитали делить людей на хозяев, тружеников и лодырей»¹.

В свою очередь полагаем, что «бытовая» трактовка, соотносящая бедноту с советским активом, а середняков - с главными бенефициарами помощи хлеборобам со стороны Советского государства, очень точно отражает те настроения, которые абсолютно доминировали прежде всего в зажиточной среде, представители которой считали себя, с одной стороны, основными станичными тружениками, а с другой - хлеборобами, несправедливо обиженными властями.

Возможность относительно безопасно высказывать подобные взгляды публично появилась лишь в середине 1920-х гг. в разгар политики «Лицом к деревне». Более того, как было показано ранее, в это время «крепкие» хлеборобы предприняли попытку серьезно укрепить свои позиции в различных советских структурах. Рост общественно-политической активности и предпринимательской группы казачества и крестьянства не мог быть не замечен пра-

¹ История Кубани с древнейших времен до конца XX века. В 2 ч. ... С. 70. Выступая на конференции аграрников, И.В. Сталин призывал к ликвидации кулачества «как класса», но при этом не говорил о средствах и методах этой политики. Для большевиков этого периода характерно именно декларативная форма во внутренней политике, которая корректировалась по мере необходимости в процессе её реализации. Это можно отнести и к «сталинской революции» сверху 1927 г., которая привела к разработке специальных документов о классовой борьбе. См.: Мельникова Т.А. Реализация государственной аграрной программы в СССР второй половины 1920-х - начала 1930-х гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. № 1-2 (7) С. 74, 76.

вающей партией, которая отреагировала ужесточением закона о выборах, ростом налогообложения. Летом 1926 г. появляются ощутимые тенденции во внутренней политике, свидетельствующие о постепенном свёртывании нэпа. В данном плане весьма показательным стало радикальное изменение общей тональности публикаций в советской печати, вновь поднявшей знамя борьбы с угнетающим бедноту и батраков кулачеством¹.

Мы имеем дело с общероссийской проблемой, ставшей очевидной для вдумчивых аналитиков уже в начале 1926 г. И. Лежнев еще в феврале писал «о необходимости легализации более высокого жизненного и технического уровня крестьянского хозяйства, о полной ясности в вопросе о кулаке»². Тогда еще сохранялась надежда на продолжение нэпа. Однако развитие событий оказалось иным. Большевики взяли курс на отказ от нэпа и переход к форсированной социалистической модернизации. «Как жаль, что нэп так рано окончился для крестьян»³

В контексте нового курса важное значение вновь приобрела и политика «расказачивания». К концу 1926 г. весьма заметные с конца 1924 г. элементы «заигрывания» с казачеством, «привлечения» его представителей в Советы, исполкомы и пр. безвозвратно ушли в прошлое. Казаки вновь стали негласно, но все с большей определенностью рассматриваться как политически неустойчивый элемент, нежелательный для власти. Эти негативные для казачества перемены вызвали серьезное недовольство в станицах. В том числе данные настроения активно подпитывались извне. К примеру, в Донской округ за 1926 г. и 5 месяцев 1927 г. из-за границы поступило более 173 тыс. писем (в том числе с контрреволюционными вложениями). Безусловно, это дополнительно усиливало критические настроения станичников, их ожидания кра-

¹ См.: Турицын И.В. Власть и пресса в Советской России: проблема взаимоотношений и взаимовлияния в 20-е годы. М., 1998.

² Новая Россия. 1926. № 3 (март). С. 8.

³ Российская и советская деревня первой половины XX века глазами крестьян: взгляд из эмиграции. М., 2009. С. 305.

ха Советской власти¹. Особенно заметными они стали в условиях «военной тревоги» 1927 г. Этот год стал знаковой вехой в переходе к новому восприятию социальных процессов в регионе. Несмотря на то что казачество в основном восстановило свою численность (прежде всего на Кубани), в результате земельных преобразований и притока в регион значительного количества переселенцев (в 1921-1926 гг. в Северо-Кавказском крае - в основном на Кубани и Дону - их приток составил более 700 тыс. чел.), удельный вес казачества снизился. Перепись 1926 г. - последняя учитывавшая бывшую сословную принадлежность казаков зафиксировала в крае 2 302 тыс. казаков (2 129 тыс. из них - жители села) или 27,5% населения. В ряде округов (Кубанском, Армавирском) казаки составляли около половины сельских жителей².

В разрезе основных для официальной статистики имущественных групп, в это время привычно выделялись бедняцкие хозяйства (без инвентаря, с посевом меньше 4 дес., с 1 коровой и 1 лошастью, подрабатывающие наймом в чужих хозяйствах), середняцкие (со средствами производства на 400-600 р., посевами 4-16 дес, 4-6 головами скота, временным наймом работников) и зажиточно-кулацкие (средства производства свыше 1 600 р., наличие сложного, в т.ч. механизированного инвентаря и более 6 голов скота, постоянно нанимавшие более 2 сезонных батраков). Особое значение для последних имел также «предпринимательский характер хозяйства»³.

Согласно «гнездовой» переписи ЦСУ 1927 г., в крае батраки и бедняцкие казачьи хозяйства составляли 10-12%, середняков - от 73% до 75%, зажиточных - от 10% до 12%. При этом структура хозяйств иногородних заметно отличалась в сторону меньшей зажиточности - 39,9% бедняков и батраков, 55,0% середняков, 5,1% зажиточных⁴. На основании отмеченных отличий казачьих и иногородних хозяйств исследователи справедливо отмечают, что

¹ Иванов В.И., Чернопицкий П.Г. Социалистическое строительство и классовая борьба на Дону (1920-1937 гг.). Исторический очерк. Ростов н/Д, 1971. С. 141-142.

² История Кубани с древнейших времен до конца XX века: в 2 ч. / А.В. Баранов, А.Н. Еремеева, А.В. Жинкин и др. Ч. 2: С 1917 года до конца XX века. Краснодар, 2011. С. 68.

³ История кубанского казачества / отв. ред. В.Н. Ратушняк. Краснодар, 2013. С. 282-283.

⁴ Там же.

именно в казачьей среде в наибольшей степени нашла свое отражение тенденция «осереднячивания». Однако она развивалась далеко не линейно¹. В целом по Кубанскому округу во второй половине 1920-х гг. сохранялось значительное количество безлошадных, бескоровных и без инвентарных хозяйств. Общее количество малообеспеченных домашним и тягловым скотом и сельскохозяйственным инвентарем составляло до 60% хозяйств округа². Для оказания государственной помощи данной категории населения вводились дополнительные повинности для той части крестьян, которые обладали достаточным количеством тягловой силы. Малоимущим крестьянам выделялись целевые ссуды для вспашки земельных участков³.

При таком соотношении социальных групп середняк не мог стать опорой в деревне, но большевистская партия по-прежнему исходила из позиции, что середняк оставался центральной фигурой в деревне. Между тем кулаки продолжали проявлять экономическую и политическую активность и способствовали усилению социального противостояния, особенно в вопросе перераспределения земли, где они открыто выступали с лозунгом «Долой иногородних». Сложная социально-политическая обстановка не способствовала поиску гражданского согласия и снижению политической конфронтации на местах в период решения наиболее сложных вопросов переходного периода⁴, а именно земельного и выборной политики.

Подчеркнем, что естественный процесс дробления крестьянских хозяйств был следствием не только землеустроительных работ, но и реализуемой налоговой продовольственной политики (табл. 8 в приложении).

На Кубани и Дону наемный труд вновь стал по-настоящему широко использоваться с 1923 г. Власти воспринимали это довольно спокойно, но ста-

¹ ЦДНИКК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 108. Л. 75.

² ГАКК. Ф. Р-580. Оп. 1. Д. 189. Л. 96.

³ ГАКК. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 1700. Л. 3.

⁴ Скорик А.П. Милютинский казачий юрт: опыт исторической реконструкции. Новочеркасск, 2015. С. 615.

ли активно контролировать работу по заключению трудовых договоров¹. Большевики крайне медленно разворачивали различные формы работы среди батрачества. К примеру, из 2 200 членов профсоюза Всеработземлес батраки в 1922 г. составляли только 7%, т.е. около 100 чел. И именно с 1923 г. на этот вопрос обращено дополнительное внимание. Соответственно, на 1 июля 1924 г. в профсоюзе (7 838 чл.) состоял уже 3 171 батрак².

И всё же, как ни парадоксально, но особенно заметно работа по защите батраков активизировалась лишь с 1925 г. - в условиях общего смягчения аграрной политики и курса «Лицом к деревне». Именно тогда в жизнь батрака прочно вошли обязательное заключение трудовых договоров, введение социального страхования, 8-часовой рабочий день, день отдыха и пр.³ В то же время в связи с началом свертывания в 1926 г. курса «Лицом к деревне», наметилась тенденция резкого сокращения применения наемного рабочего сельскохозяйственного труда. Зажиточные хозяйства все меньше арендовали земли, и все меньше использовали наемный труд. К примеру, на Кубани количество наемных работников в хозяйствах, засевавших свыше 16 дес., сократилось с 1,3 до 1 чел. на хозяйство⁴. На Дону отмечали, что в середине 1920-х гг. в сельской местности было зарегистрировано 72 624 чел., что составляло 30,5% по отношению ко всей массе трудоспособного населения⁵.

В быстро менявшейся политической ситуации теперь в основном именно иногородние в большей мере применяли наемный труд, но в складывающихся условиях, и они ограничили его применение, хотя «кулацкие» хозяйства и в этих условиях продолжали проявлять тенденцию к экономическому росту.

¹ ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 6. Д. 95. Л. 3. На Дону было учтено более 1 500 батраков в возрасте до 18 лет, с которыми по инициативе областной комсомольской организации были заключены трудовые договора. См.: Ленинский комсомол. Очерки по истории ВЛКСМ. М., 1958. С. 216.

² Иванов В.И., Чернопицкий П.Г. Социалистическое строительство и классовая борьба на Дону (1920-1937 гг.). Исторический очерк. Ростов н/Д, 1971. С. 49-50.

³ Там же. С. 140.

⁴ Материалы к докладу о работе Кубанского окружного исполнительного комитета за 1924-25, 1925-26, 1926-27 и первую половину 1927-1928 гг. Краснодар, 1928. С. 29.

⁵ ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 88. Л. 46, 46а.

Новые ориентиры в размежевании различных социальных категорий с 1927 г. стали доминирующими. Именно в 1927 г. активную работу на Юге России развернули союзы сельхозрабочих, ставящие перед собой задачи по обеспечению социальной защиты батраков в период весеннего найма¹. В числе обязательных договорных требований к нанимателям предлагались следующие: «... чтобы харчи выдавались вполне доброкачественные, в необходимом количестве, ... чтобы рабочие спали в пригодных помещениях (не в конюшнях)». В то же время оговаривалось, что повышение требований к нанимателям не ухудшило отношений с середняками и бедняками, не вызвало бы увеличения безработицы в деревне².

Аграрная политика большевиков становилась все более жесткой, последовательно «антикулацкой». В частности, уже в 1926-1927 гг. в жизнь начали воплощаться идеи введения уголовной ответственности за сокрытие арендных отношений, подрывающих основы землеустройства³. С 1927 г. в полной мере проявились совершенно новые тенденции в анти кулацкой пропаганде, которые усматривали «антисоветские» проявления в любых действиях зажиточных хлеборобов⁴.

Как следует из докладной записки секретаря Поповичевского райкома Ракуца (24 января 1927 г.) в Кубанский окружной комитет ВКП(б), кулаки продолжали активно бороться за влияние в Советах. И его предложение по успешному проведению выборной кампании заключалось в скорейшей реализации решений органов ГПУ в части изъятия до выборной кампании некоторых лиц из района⁵.

Содержание выступлений крестьян и казаков свидетельствовало о широкой социальной базе растущего возмущения из-за меняющейся политики большевиков⁶. Именно на этом фоне с 1927 г. власти перешли к де-

¹ О защите батраков // Советский пахарь. 1927. 12 марта.

² Там же.

³ ГАКК. Р-371. Оп.1. Д.1. Л. 280 об. Л. 291.

⁴ Квириг Э. 603 трактора в одном округе // Правда. 1926. 1 июня.

⁵ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 375. Л. 11.

⁶ ЦДНИРО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 180. Л. 73.

кларации тезиса об обострении классовой борьбы, а основной вектор борьбы с политически активными станичниками стала определять политика «вытеснения кулачества». В этой связи IX октябрьский (1927 г.) пленум крайкома ВКП(б) обратил внимание на «усиление партийного руководства» казачьими массами, закрепление строго классового подхода к казачеству, достижение союза иногородней и казачьей бедноты¹. Подводя итоги, краевой форум отметил, что наступил решительный перелом в сторону изоляции кулака².

На данном фоне кулачество переходило к своего рода самоизоляции, избегая использовать наемный труд, что немедленно ударило по беднейшей части деревни - батракам. Проблема безработицы в среде деревенского пролетариата с этого времени становится предельно острой. Большую роль в борьбе с такой безработицей сыграло решение Народного комиссариата труда РСФСР организовать обучение 14 тыс. батраков на курсах трактористов³. Поскольку к весне 1926 г., при активном участии ККОВов, в села поступили 13 500 новых тракторов, это снизило остроту проблемы, в т.ч. в Северо-Кавказском крае.

Как и при распределении материальной помощи, при внедрении новых форм хозяйствования применялся классовый подход, обострявший социальные отношения. В сентябре 1927 г. в ст-це Гурийской Белореченского района Майкопского округа президиум окружкома обнаружил, что мельница, которую эксплуатировало местное общество взаимопомощи, работает с неполной нагрузкой из-за конкуренции с частной мельницей. Решение было принято однозначное «рассмотреть вопрос о консервировании частной мельницы»⁴.

Эти процессы с 1927 г. проходили на фоне ускоренной поляризации общественного мнения и резкого нарастания социальной конфликтности. Определенная часть общества, прежде всего деревенская беднота, особенно

¹ Известия Северо-Кавказского крайкома ВКП(б). Ростов н/Д, 1927. № 19 (29). С. 15.

² Там же. С. 14.

³ Борьба с безработицей в деревне // Трудовое знамя. 1926. 10 янв.

⁴ Съёмщиков С.С. Деятельность крестьянских комитетов общественной взаимопомощи на Дону и Кубани в 1921-1932 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Армавир, 2013. С. 126.

довольно значительная социально-профессиональная и политическая группа советского актива, выступали за максимальное ускорение перехода к социализму, не останавливаясь перед применением в отношении несогласных политики классового насилия, но прямо призывая к подавлению кулачества. В данном контексте исследователи обращают внимание на то, что зримым отражением нарастания конфликтности, к примеру, стали «массовые драки и срыв озимого сева в станицах Кубани»¹.

Как показывают документы, даже в 1927 г. не только крестьяне, но и коммунисты считали деление на середняков - кулаков - бедняков искусственным, а продолжение политики нэпа - единственным возможным путем развития. И всё же с этого времени социальная конфликтность возобладала. Нарастание сословно-классового противостояния вынуждало крестьян уходить в город, тем самым ситуация в экономике страны усугублялась. Усиливалось негативное влияние на идеологическую основу советской власти и социально-психологическое положение пролетариата. Так называемые капиталистические тенденции в казачьих регионах выражались в стремлении зажиточной части селян сохранить свои земельные привилегии, сельскохозяйственный инвентарь, скрытые формы аренды и возможность бесконтрольной эксплуатации свободных земель. Дискуссии в высшем партийном руководстве по вопросам социального расслоения крестьян проходили весь период реформ 1920-х гг., Л.Д. Троцкий оправдывал нажим на основного держателя хлеба - кулака, так как это было в интересах беднейшей части крестьян и промышленности².

Как отмечает Э.А. Мамонтова, «предпринятые властями в годы нэпа меры по экономической поддержке бедняцкой части крестьянства привели к установлению экономического культа бедноты и имели серьезные экономические последствия, терялся стимул к расширению хозяйства. Быть бедняком становилось выгодно. Многие уже и не пытались улучшить ведение своего

¹ История кубанского казачества / отв. ред. В.Н. Ратушняк. Краснодар, 2013. С. 291.

² Троцкий Л.Д. Ответы на вопросы Б. Никитина // Архив Троцкого: Коммунистическая оппозиция в СССР 1923-1927 / ред.-сост. Ю.Г. Фельштинский. М., 1990. Т. 2. С. 58.

хозяйства, чтобы не потерять льготы»¹. Автор констатирует, что зажиточную часть крестьянства власти всячески притесняли, ограничивали в экономических и политических правах, а «постоянные поиски властями кулаков в среде крестьянства при отсутствии четких критериев для их определения усиливали социальную напряженность, порождали кулакоманию»². По выводу Э.А. Мамонтовой, «классовая направленность аграрной политики государства способствовала искажению традиционной трудовой морали крестьянства, росту люмпен-пролетарских настроений»³. Тем не менее, как отмечал В.С. Мерцалов, в советском сельском хозяйстве того времени «... полностью господствовали частная инициатива и право частной собственности», и к 1927 г. сельское хозяйство «... было восстановлено на старой базе, с сохранением принципа частной собственности»⁴.

Однако гораздо большее значение имело то, что к 1927 г. страна подошла с предельно сложной социальной обстановкой: 8,3% крестьянских хозяйств РСФСР по-прежнему не имели рабочего скота, 31,6% - пахотного инвентаря, 18,1% - коров. Богатая часть крестьянства (3%) обладала 15-20% общей массы средств производства, 30-31% сельскохозяйственных машин. Большая часть беднейшего крестьянства вынуждена была сдавать земельные наделы в аренду⁵.

Принципиально важным представляется и то, что типичное крестьянское хозяйство было полунатурально-потребительским, а его товарная стоимость была в три раза ниже, чем зажиточных хозяйств. Происходило это по причине пополнения середняцких слоев за счет беднейшей части крестьянства, не имевшей экономической основы для развития. Советская власть все

¹ Мамонтова Э.А. Социально-экономические аспекты новой экономической политики в деревне Тамбовской губернии: 1921-1929 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2004. С. 20.

² Мамонтова Э.А. Указ. соч. С. 20.

³ Там же.

⁴ Мерцалов В.С. Трагедия российского крестьянства (анализ колхозной системы). Frankfurt a/M., 1948. С. 15.

⁵ Цит. по: Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927-1932 гг. / под ред. В.П. Данилова и Н.А. Ивницкого. М., 1989. С. 11.

эти годы вела борьбу против зажиточного крестьянина, не останавливаясь перед нарушением интересов хозяйства¹. Становилось все более очевидным, что для стабилизации социально-экономической обстановки в станицах Юга России большевикам была необходима коллективизация сельского хозяйства, которая и началась в конце 1920-х гг. с разрушения нэпа, как только ее функция политической передышки была выполнена.

Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП (б) 11-16 апреля 1928 г. констатировал: «Несмотря на то, что кулак и частник, в общем, обладают, куда меньшими силами, чем мы, надо отметить, что в общем процессе роста деревни кулак вырос ещё больше. Он пользуется значительным хозяйственным авторитетом в деревне, будучи относительно слабым в политическом отношении»². Эти настроения в правящей партии подготовили условия для перехода к административным методам коллективизации российского крестьянства. Для региона, где и в конце 1920-х гг. всё еще очень существенную роль играли сословные различия, среди прочего, это означало также усиление политики расказачивания. На это обстоятельство справедливо обращали внимание современники, а вслед за ними и исследователи. Сильная сословная сплоченность и менее заметные социальные противоречия («средняк - казак больше прислушивается к мнению кулака - казака», по словам полномочного представителя ОГПУ по Северо-Кавказскому краю Е.Г. Евдокимова)³ питали неуклонно возрастающие анти казачьи настроения не только в среде партийно-государственных работников, но и в массе советского актива. Немалую лепту в такого рода настроения вносила, и отмечавшаяся объективно более высокая зажиточность казачества в сравнении с «иногородними». В этой связи А.П. Скорик обратил внимание на то, что, если батраки и беднота в 1927 г. в Северо-Кавказском крае составляли в массе крестьян 39,9%, то среди казаков эта группа не превышала 10-12%. И, наоборот, заметно более вы-

¹ Югов А. Индустриализация и проблемы капитала. Народное хозяйство Советской России и его проблемы. Берлин, 1929 // Нэп: Взгляд со стороны: сборник. М., 1991. С. 204.

² ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 22. Л. 54.

³ Скорик А.П. Многоликость казачества Юга России в 1930-е годы: Очерки истории. Ростов н/Д, 2008. С. 32.

сокой в среде казачества была зажиточная группа (соответственно 6,1% и 10-12%). В группе середняков находились 55% хозяйств, а среди казачьих хозяйств – 73-75%¹. Следует отметить, что хозяйства кубанских казаков были более зажиточными, чем донских.

Закономерным итогом нарастания противоречий в исследуемом регионе стали: несоответствие между потребностями модернизации экономики и налоговыми возможностями сельского хозяйства; между намерением повысить товарность индивидуальных хозяйств и императивом сдерживания социального неравенства; между гражданским примирением и уравнительной земельной реформой стала резкая актуализация к концу 1920-х гг. деления крестьян по имущественному принципу - на бедняков, середняков, кулаков. Публично основной акцент властями делался на усиление классовой борьбы с станичными эксплуататорами - кулаками и их пособниками - подкулачниками, при ослаблении «сословной розни между казачеством и иногородними»².

Среди прочего, инструментом «запутывания» этносословной проблематики, равно как и свидетельством некоторой растерянности, непонимания того, какой должна быть политика в отношении казачества стала развернутая в середине 1920-х гг. программа насильственной «украинизации» Кубани и Дона.³ Показательно, что по времени эта кампания совпала с пиком репрессивной активности властей против хлебобобов в кампании раскулачивания. В данном контексте к концу 1920-х гг. борьба с кулачеством и ставка на бедноту приобрели гипертрофированное значение. С 1928 г. в деревне работа с беднотой во многом дезавуировала даже прежде актуальнейшую борьбу за союз с середняком. В среде самой бедноты всё большее внимание уделялось «пролетариям» - батракам. К примеру, объявившая едва ли не общий смотр

¹ Баранов А.В. Социальное и политическое развитие Северного Кавказа в условиях новой экономической политики (1921-1929 гг.). СПб., 1996. С. 275; Скорик А.П. Многоликость казачества Юга России ... С. 48.

² Молот. 1929. 4 янв.

³ Баранов А.В., Васильев И.Ю. Причины провала украинизации на Кубани в годы Гражданской войны и нэпа // Клио. СПб., 2015. № 6. С. 61-67.

батрачества 1-я Донская окружная конференция бедноты (Ростов-на-Дону) 22 января 1928 г. насчитала в округе около 49 тыс. батраков¹. И этот слой, который с 1928 г. стал рассматриваться в качестве авангардной силы надвигающихся преобразований, в полной мере был мобилизован².

Отмеченные процессы радикального изменения подходов к основным группам крестьянства во многом являлись неизбежными. В принципе, это понимание, хотя в несколько скорректированном виде, широко распространено и сегодня. «Архаичным социумом», в котором «был сохранен и архаичный защитный механизм общинного землепользования», называл российское общество Л.В. Милов³. Учитывая эти выводы, вряд ли стоит упрекать большевиков за то, что в конце 1920-х гг. они вознамерились ускорить объективные процессы «вытеснения» крестьянства из «классовой структуры общества» и замены его сельским пролетариатом.

К концу 1920-х гг., когда станица вступила «в полосу развернутой социалистической переделки деревни и окончательной победы крупного обобществленного хозяйства, в полосу усиленного выкорчевывания корней капитализма», «кулаков» били буквально по любому поводу и за любые - явные и мнимые прегрешения. Вина этой социальной группы была и в том, что «кулачье отказывается продавать хлебные излишки государству, сокращает посевы, не выполняет агроминимум, выступает против сельхозналога, самообложения»⁴, и в том, что оно активно пытается «пролезть в колхоз», чтобы избежать раскулачивания, вернуть «голос» на выборах, «использовать льготы, предоставляемые советской властью по обучению детей колхозников»⁵ и т.д. В результате отмеченный момент размежевания на «своих» и «чужих»

¹ Иванов В.И., Чернопицкий П.Г. Социалистическое строительство и классовая борьба на Дону (1920-1937 гг.). Исторический очерк. Ростов н/Д, 1971. С. 131.

² Там же. С. 140.

³ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 564, 571.

⁴ Курейко М. Кулак - враг колхоза. Ростов н/Д, 1930. С. 4-5.

⁵ Там же. С. 12-15.

неожиданно предельно упростился, одновременно закрепив за собой абсолютный приоритет.

Большевики не остановились перед тем, чтобы, с одной стороны, физически ликвидировать те группы крестьян, которые в силу своей самостоятельности (зажиточности) были настроены оппозиционно, а с другой - максимально социально нивелировать село, превратив его жителей в социально однородную массу «колхозного крестьянства». За 1928-1933 гг. была по существу ликвидирована и частная хозяйственная инициатива, и прежние сословные и сословные формы самоуправления. Это позволило в 1930 г. рапортовать, «что бедняцко-средняцкие массы крестьянства круто свернули с капиталистического пути развития на путь социалистический»¹.

Констатируя объективную природу данных изменений, в полной мере соответствовавших идеям победы крупной индустрии и пролетаризации деревни, нужно признать, что на рубеже 1930-х гг. они нанесли колоссальный удар и по крестьянству, и по аграрному сектору экономики. При этом масштабы репрессий в отношении значительной части крестьянства в итоге остановило лишь то, что раскулачивание нанесло также сильнейший удар по Красной армии, бывший младший командный состав которой представляли именно так называемые «кулаки», в силу своей большей развитости (грамотность), являвшиеся, как правило, также «общественными работниками, вождями»² на селе и после окончания службы.

Подводя итоги, следует отметить, что кубанское и донское сельское хозяйство по мере восстановления, благодаря целенаправленной уравнительной политике большевиков, перегруппировалось и обнаружило тенденцию к сокращению беспосевных и беднейших хозяйств и осереднячиванию. Притом, что весь период реформ 1920-х гг. изменения в экономике и структуре крестьянско-казачьего населения были связаны как с процессом восстановления, так и с реконструкцией традиционных аграрных отношений в целом. В этно-

¹ Сборник основных указаний по исполнению плана землеустроительных работ 1929-30 года. Ростов н/Д, 1930. С. 5.

² ЦДНИРО. Ф.7. Оп. 1. Д. 704. Л. 75.

сословном плане результатом такого рода политики стало известное ослабление значения доминантного для дореволюционной эпохи сословного противостояния казаков и иногородних при частичном усилении его паллиатива: местные, коренные жители - переселенцы после 1918 г. Как реакцию на процессы землеустройства 1920-х гг., традиционная сословная конфликтность в конечном счете уступила здесь ведущее место социально-классовым противоречиям. В конечном счете, на новом уровне, это вылилось в переход донского и кубанского социумов к упрощенной социальной дихотомии «своих» и «чужих» - социально однородного колхозного крестьянства и частника. При этом последний - единоличник, кулак, подкулачник - стал восприниматься как прямой враг. Классовая позиция РКП(б)-ВКП(б) ориентировала на поддержку бедняцко-батрацких слоев станицы, которые не могли стать основой модернизационных преобразований в сельском хозяйстве. Зажиточная часть станицы в период нэпа была малочисленной и не имела экономических и политических возможностей для кардинальных изменений сельского хозяйства. Союзником был выбран «компромиссный середняк» во главе с «культурниками».

3.2. Изменения в социокультурном облике станицы и крестьянско-казачьей повседневности Юга России под влиянием политики РКП(б)-ВКП(б)

Характеризуя трансформацию социального строя аграрных областей Кубани и Дона в исследуемый период, следует учитывать, что она была связана не только с переформатированием социальной структуры регионального сообщества на основе нивелировки традиционного сословного деления и формирования более однородной в социально-классовом и социально-экономическом плане среды, но и с масштабной ломкой коренных устоев всех базовых составляющих повседневной жизни населения, со всё более ак-

тивным государственным регулированием сфер образования, здравоохранения, культуры, семейных отношений, быта, духовной жизни.

Несмотря на стремительное утверждение в регионе в позднеимперский период аграрного капитализма¹, а также на потрясения революционной эпохи, к началу 1920-х гг. местный сельский социум представлял собой традиционное аграрное сообщество с недостаточно развитыми социальными институтами и абсолютным доминированием патриархального уклада жизни, течение которой определялось, главным образом, потребностями годового цикла земледельческих работ. Их роль была тем более значительной, что в результате революции утратили актуальность прежде налагавшие на жизнь казачества неизгладимый отпечаток обязанности сословной военной службы.

Несомненные достижения пореформенной эпохи, обусловившие появление новых черт сельской жизни, прежде всего связанных с ростом общего уровня образования, технической и агрокультуры, модернизацией быта и пр.², на наш взгляд, все же не придали местному сообществу принципиально нового качества. Даже в жизненно важной для трудовой жизни земледельца хозяйственной сфере мы видим явное преобладание архаики, к примеру крайнюю неразвитость агрономической и ветеринарной служб (отсюда низкая урожайность, эпизоотии)³. Ситуация в данной сфере стала поистине драматичной в условиях послевоенной хозяйственной разрухи.

Кроме позитивных, уже в начале XX в. в жизни аграрного социума Юга России отмечалось и нарастание негативных перемен, прежде всего связанных с устойчивым развитием всевозможных асоциальных девиаций, преступности, с эрозией традиционных семейных и внутриобщинных норм.

¹ Бондарь И.А. Социально-экономическое обеспечение интеграции Предкавказья в систему аграрного капитализма России: вторая половина XIX - начало XX века: на примере Ставрополья и Кубани: дис. ... д-ра ист. наук. Владикавказ, 2012.

² Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма / отв. ред. А.М. Анфимов. Ростов н/Д, 1990.

³ Дубровский С.М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М., 1975.

Трагическая эпоха 1914-1922 гг. максимально усилила отмеченные кризисные черты социума, добавив к ним немало новых. Местные сообщества оказались ослабленными и численно, и в плане состояния здоровья их членов. Широкое распространение получили хронические и инфекционные заболевания. Образовались серьезные демографические перекосы, прежде всего связанные с утратой массы мужчин и существенным ростом удельного веса женского населения. Внутри общины место «стариков» как наиболее уважаемых и авторитетных членов в основном заняла прошедшая войну молодежь. Актуализировались проблемы, порожденные растущим притоком переселенцев. Важно и то, что усилились конфронтационные начала, разломы и по политическим, и по сословным, и по возрастным линиям. В обществе утвердился культ насилия, обесценилась человеческая жизнь, девальвировались многие традиционные нравственные ценности¹.

Победа большевиков в Гражданской войне, в основном разрешившая вопрос о власти, открыла перед ними возможности реализации масштабной программы переустройства традиционного общества. И взялись они за это настолько рьяно, что уже в 1920 г. примененные практики вызвали социальный взрыв. Именно поэтому в экономической политике с конца 1921 г. большевики были вынуждены дать крестьянским хозяйствам известную свободу. Вместе с тем в сфере идеологии любые компромиссы ими воспринимались крайне болезненно. Поэтому курс на модернизацию «отсталой» станицы сохранил свое значение². Нужно признать, что впервые в истории России базовые основы социокультурного бытия крестьянства стали объектом столь сильного воздействия государства. Наиболее системная и целенаправленная активность отличала действия новых властей в сфере образования и культуры. В несколько меньшей степени новые реалии сказывались на повседневной, семейной жизни, сфере быта. И особенно это касалось именно

¹ Почтенко О.В. Правовая культура сельского населения Дона и Кубани в годы гражданской войны (1917-1920): дис. ... канд. ист. наук. М., 2008; Багдасарян С.Д. Сельская повседневность на Юге России в эпоху нэпа: устойчивость традиций и противоречия преобразований: дис. ... д-ра ист. наук. Новочеркасск, 2017.

² Ярославский Е. РКП, коммунизм и крестьянство. М.; Л., 1925.

сельской местности, которая поначалу находилась на периферии большевистских инноваций, что в немалой степени объяснялось, с одной стороны, ограниченностью здесь коммунистических сил и ресурсов, а с другой - отношением к крестьянству как к самому отсталому в культурном плане обществу слою¹. Восприятие новой властью крестьянства как глубоко отсталого класса было столь значительным, что, в принципе, эта традиция сохраняется даже в новейшей литературе².

Нужно учитывать, что и сама РКП(б) имела в данном плане проблемы. Так, к началу 1922 г. 4,7% членов правящей партии оставались элементарно безграмотными. Сложность стоявших перед большевиками задач обусловлена необходимостью сочетать повышение политического уровня коммунистов с одновременной ликвидацией их технической неграмотности³. Логика активности большевиков в социокультурной сфере стала очевидной уже в 1920 г. Несмотря на критическую политическую и экономическую ситуацию, в первую очередь новая власть обратила внимание именно на решение задач коммунистической пропаганды и «политического просвещения».

Одним из важнейших направлений работы в сельской местности уже в 1920 г. стало создание сети «изб-читален», к концу года открытых во всех станицах Донецкого округа. Наряду с этим в округе «для подготовки работников из деревенской молодежи начала работать школа на 200 человек»⁴. На Дону уже 6 июня 1920 г. прошло 1-е делегатское собрание женщин-работниц Ростова и Нахичевани-на-Дону, обсуждавшее вопросы участия женщин в советском строительстве и восстановлении хозяйства. Месяц спустя – 6 июля был проведен I съезд комсомола Дона. После спада, понятного на фоне ак-

¹ Ильин Ю.А. Советская власть и крестьянство, октябрь 1917 г. - начало 1921 г.: дис. ... д-ра ист. наук. Иваново, 1999.

² Зайнетдинов Ш.Р. Изменение социальной структуры российского общества (По материалам переписей населения 1897-1939): дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2000. С. 480.

³ Очерки истории идеологической деятельности КПСС. Октябрь 1917-1937 гг. М., 1985. С. 154. В 1928 г. Кубанская окружная парторганизация при наличии 611 партшкол с охватом 2 951 члена партии признавала малоэффективность этой системы. См.: ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 12. Л. 8.

⁴ Очерки истории партийных организации Дона. Ч. 1 (1898-1920). Изд. 2-е, доп. Ростов н/Д, 1972. С. 513.

тивных сельскохозяйственных работ, с осени в данной сфере наметилось новое оживление. 11 сентября состоялся I Донской областной съезд работников народного образования, а 26 сентября - I съезд работников медицинских учреждений области. 5 февраля 1921 г. прошло I Донское областное совещание женотделов, нацелившее на более широкое привлечение женщин - крестьянок и казачек к работе в Советах, комитетах содействия, совхозах и сельских коммунах¹.

Эта хронология весьма красноречиво отражает приоритеты новой власти в работе с отдельными социальными группами. На первом месте здесь вначале оказалась работа среди женщин как решающей социобразующей силе повседневности в условиях перехода к мирному строительству. Затем внимание было переключено на активизацию наиболее восприимчивой ко всему новому молодежи. И лишь после этого власть все же приступила к мобилизации общественности для возрождения базовых институтов социальной сферы образования и здравоохранения. Подчеркнем, что данные подходы являлись актуальными и для Кубано-Черноморской области².

Разумеется, поскольку в общем контексте приоритетов власти ведущее место занимали именно вопросы политической агитации и пропаганды, именно в данной сфере с самого начала произошли наиболее ощутимые для сельского социума изменения. Особенности общения власти и социума, мобилизации последнего на решение актуальных текущих задач состояли в непрерывной политической обработке, непосредственное участие в которой принимали абсолютно все коммунисты, включая высших руководителей РКП(б) и Советского государства³. В частности, активно применялась практика отправки в село агитпоездов и агитбригад. Например, в 1920-1921 гг. на Северном Кавказе активно проводили лекции и концерты коллективы агит-

¹ Дон. 1920-1970. Факты. События. Свершения. Ростов н/Д, 1970. С. 1217.

² Волошко Т.П. Памятный двадцатый год: Борьба большевистских комитетов за советизацию Кубано-Черноморской области в 1920 г. Краснодар, 1964. См.: ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 5. Л. 1; Д. 7. Л. 5.

³ Турицын И.В. Кадровая политика РКП(б) и периодическая печать (1921-1925 гг.) Армавир, 1998. С. 34.

поездов «Красный казак» и «Октябрьская революция», прибывшие сюда по заданию ВЦИК и работавшие при активной поддержке М.И. Калинина¹.

В начале 1920-х гг. важным элементом жизни кубанской и донской станиц стали митинги, которые систематически собирались не только в праздничные или воскресные, но нередко и в будние дни, на которых обсуждались разные вопросы международной и внутренней жизни². Со временем эта работа, в основном сосредоточенная в ведении местных «политпросветов», лишь усиливалась. К примеру, в 1922-1923 гг. политпросвет Славянского отдела Кубано-Черноморья провел 96 беспартийных конференций, 120 собраний профсоюзов, 96 делегатских собраний. Но более всего - порядка 600 было проведено общих собраний граждан³.

Но при этом даже сами члены РКП(б) в своей массе плохо понимали, в чем состоит суть политики их партии, и тем более суть марксизма⁴. Много рассуждая об отсталости крестьянства и казачества, особенно в политическом плане, признавали «политнеграмотность» самих коммунистов. Завагитпропом Краснодарского горкома РКП(б) Казаков имел мужество сказать: «Бросьте, товарищи, громкие слова! Ведь надо сознаться, что мы сами не знаем, что надо делать»⁵. Неудивительно, что и спустя еще год представители местного партийного руководства сходились во мнении, что и в станичных ячейках, и в Советах, и в хозорганах личный состав - «духовно убогие, политически безграмотные люди»⁶.

В сельскую местность нужно было направить не только агитаторов, но и инструкторов, руководителей различных ведомств. В этой связи с первых

¹ Кубанские станицы: этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани / под ред. К.В. Чистова. М., 1967. С. 258.

² Кубанские станицы ... С. 257.

³ Отчет Славянского отдельского исполнительного комитета Советов РКККД за 1922-23 год. Славянская, 1923. С. 23; ЦДНИКК. Ф. 160. Оп. 2. Д. 19. Л. 14. В докладной записке секретаря Тимашевского отделкома РКП(б) отмечается, что майские праздники провели по единому плану, невзирая на тяжелое экономическое и военно-политическое положение.

⁴ ЦДНИКК. Ф. 2815. Оп. 1. Д. 195. Л. 1-3.

⁵ Красильников В. Кто доктринер? (К дискуссии о «средняке») // Красное знамя. Краснодар, 1922. 30 июля.

⁶ Н.Ц. О необходимой мере // Красное знамя. Краснодар, 1923. 6 мая.

дней можно наблюдать постоянные призывы «Коммунисты в деревню!»¹. С другой стороны, редкий актив на местах взывал к «советской власти прислать надежного человека, который раскрыл бы грязные дела этих господ»², окончательно утверждая мысль о том, что местные жители являются в основном ненадежными, непригодными для строительства новой жизни.

Однако на деле с приходом в станицы «чужаков» коммунистов уже в 1920-1921 гг. невиданный размах приобрели злоупотребления власти. Поначалу население пыталось апеллировать к власти, используя политические оценки, мол, это вам не при «старом режиме»³. Поиск форм преодоления проблем, гармонизации отношений власти и общественности большевики, конечно, вели (один из вариантов - создание групп содействия Рабкрину⁴), однако сколько-нибудь существенных успехов добиться не удалось. Тем не менее внушалось, что только коммунисты спасут ситуацию, а печать формировала искусственную реальность, что население видит в них лучших работников, способных наладить работу⁵.

Крестьянам, тем более казакам, новая власть явно не доверяла. Они являлись преимущественно объектом целенаправленного «перевоспитания». Как следствие, отличительной особенностью жизни сельского социума становятся невиданные массовые злоупотребления власти на местах⁶. В этой связи формируется новый психологический климат с характерными чертами крайней настороженности и скрытого неприятия власти, подавленности населения⁷. А ведь до революции станичникам были в немалой степени при-

¹ Красное знамя. Краснодар, 1921. 30 августа.

² Работа кулаков в Порт-Катоне // Серп и молот. Азов, 1921. 24 июня.

³ Думы бедняка. Миллерово, 1921. 23 марта.

⁴ Верхне-Донская правда. Вешенская, 1921. 15 июня.

⁵ Съезд секретарей комячеек станиц Славянского отдела // Знамя труда. Славянская, 1922. 3 марта.

⁶ В резолюции и постановлении IX Всероссийского съезда Советов о хозяйственной работе отмечалась необходимость активизации судебных преследований бюрократизма и злоупотреблений в хозяйственных и государственных учреждениях. См.: Собрание узаконений и распоряжений за февраль 1922 г. М., 1955. № 4. С. 46.

⁷ «Ты же видишь, что у нас теперь творится. В городе на базар приедешь - там шпана готова тебя проглотить вместе с арбой. А эти кресткомы, месткомы, советы, союзы, комбе-

сущи черты «самости», автономности, особого достоинства, позволявшего порой окоротить не только своих местных, но даже и войсковых атаманов.

По существу, станица столкнулась с характерной для наступившей эпохи крайней нивелировкой личности, ее фактическим отрицанием. Даже партийные руководители порой признавали, что с эпохи «военного коммунизма» привыкли обезличивать членов партии и смотрели на них, как на определенные номера партийных билетов. Показательно, что робкий призыв «более внимательно относиться к людям, к их личным качествам»¹ возмутил Краснодарскую парторганизацию, поскольку многие увидели в нем покушение на партийную дисциплину, на «руководящую линию» партии. Соответственно автору рекомендовали «быть легче на повороте»².

Отмечая характерную черту обезличенности, нужно признать, что, если даже для коммунистов она была нормой, то уж тем более эта модель отрицания личности переносилась на казака, крестьянина, которые обязаны были строго и неукоснительно выполнять всё, что им приказано во имя светлого будущего. В итоге, внутренне не признавая власть, не имевшую в станице морального авторитета, сельский социум был вынужден бездумно подчиняться и при этом в сознании станичников «преклонение перед персонифицированной властью парадоксальным образом сочеталось с антипатией к «верхам»³. Даже сельские коммунисты сплошь и рядом проявляли апатию, демонстрируя на собраниях «молчание, безмолвное голосование резолюции»⁴.

Одним из важнейших веяний нового времени стало такое стратегическое направление, как раскрепощение женщин, повышение их культурного уровня и борьба за гендерное равноправие. Еще в 1920 г. председатель ВЦИК

ды... Не разберешь, что главнее». См.: Коробков Д.И. Воспоминания донского казака. СПб., 2002. С. 153.

¹ Торская Н. Путь Партии в 1922 году // Красное знамя. Краснодар, 1922. 1 января.

² Иванов К. Путь Партии в 1922 году // Красное знамя. Краснодар, 1922. 18 января.

³ Лутцев М.В., Федорова А.А. Война как фактор социального бытия России // Современная научная мысль. Пятигорск, 2020. № 1. С. 10.

⁴ Пролетарий Дона. Константиновская, 1921. 3 ноября.

М.И. Калинин отмечал, что рассказывание состоит и в том, «... чтобы казачья женщина поднялась на более высокий уровень культурного развития»¹. Соответственно с женской аудиторией на Кубани и Дону пропагандисты работали весьма активно и настойчиво. Значительные усилия предпринимали власти и в направлении формализации роста политического статуса женщин, в частности, призывая выбирать казачек в Советы². Работа с женщинами, предполагавшая формирование целого слоя советского «женского актива», существенно усилилась после стабилизации политического положения в регионе. В частности, заметно активизировалась с 1922 г. деятельность женотдела Донского областного комитета РКП(б), не только проводившего разного рода массовые мероприятия, но и с 10 октября начавшего выпускать «листок» женотдела в газете «Трудовой Дон»³. В это время женотделы не только «социализируют быт трудящихся женщин», но и активно участвуют в организации различных социальных программ, создают школьные инспекции, помогают семьям красноармейцев и их вдовам⁴.

Последовательно ломая патриархальные устои сельской жизни, правящая партия стремилась создать в станицах широкий женский актив под лозунгами борьбы за равные права женщин. Однако в силу устойчивости консервативных семейных традиций эта задача оказалась весьма трудной для решения. Лишь к середине 1920-х гг. в данной сфере стали отмечаться первые сколько-нибудь заметные перемены. Типичным событием, подтверждающим наш вывод, может служить выступление секретаря партийной ячейки с Горькая Балка Белоглинского района Сальского округа Шлюшкина. Лишь к концу 1924 г. собрав в селе первое женское собрание, он отметил, что «те-

¹ Кислицын С.А., Кириченко А.С. Указ и шашка. Политическая власть и донские казаки в XX веке / под ред. Е.И. Дулимова. Ростов н/Д, 2007. С. 269.

² Выбирайте казачек и крестьянок // Сальский пахарь. Великокняжеская, 1921. 28 апр.; Верхне-Донская правда. Вешенская, 1921. 22 октября.

³ Очерки истории партийных организаций Дона (1921-1971). Ростов н/Д, 1973. Ч. 2. С. 28-29.

⁴ Минеева Е.К., Семенова И.Ю. Роль Женотдела ЦК РКП(б) по укреплению семьи в советском государстве (исторические уроки 1919-1930 гг.) // Современная научная мысль. 2020. № 1. С. 53; См.: ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 46. Д. 95. Л. 19.

перь женщина имеет такие же права, как и мужчина. Пользоваться своими правами женщина сможет лишь при условии, если она будет грамотной»¹.

На этом фоне гораздо более серьезное влияние на крестьянские и казачьи массы оказали другие каналы партийного и советского влияния. Прежде всего ведущее значение получили комитеты крестьянской общественной взаимопомощи (ККОВ) и различные виды кооперации, призванные разрушать замкнутость сельской жизни, усиливать социальную солидарность и хозяйственную активность наиболее близких большевикам слоев деревни². Но и в этой работе станичные сообщества и большевики не понимали друг друга. Выяснилось, что «личный состав кооперативных работников не дает гарантий сохранения классовой сущности советской кооперации», что там находятся «люди не нашего трудового лагеря, а тени минувшего»³. Вторгаясь в сферу кооперации, власти обнаружили, что населению важен коммерческий результат ее работы, а партийцев больше волновала «классовая сущность», обеспечению которой и могли помешать «тени минувшего», однозначно выступавшие за «непосредственную пользу членов, а не интересов общества в будущем»⁴. Как следствие, с «теньями» обходились жестко, противопоставляя кооперацию и спекуляцию, проводя чистки, подчиняя кооперацию своему «руководству»⁵.

Но понимание необходимости сближения с населением на основе учета его ценностей, в том числе ценности труда (особенно характерной для Кубани и Дона), у большевиков было. В этой связи XI съезд РКП(б) (27 марта - 2 апреля 1922 г.) требовал с «головой окунуться» в хозяйственную деятельность и ставил перед членами партии стать «квалифицированными хозяйственными работниками»⁶. Данный поворот имел особенно важное значение

¹ В обиду себя не дадим // Советский пахарь. 1924. 31 дек.

² ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 46. Д. 93. Л. 20. Донком РКП(б) требовал от первичных структур установления партийного контроля за деятельностью крестьянских комитетов взаимопомощи.

³ Тольский Е. На кооперативных позициях // Красное знамя. 1922. 9 нояб.

⁴ У живого дела // Кубанский кооператор. 1923. № 1. 15 янв.

⁵ Кооперация и спекуляция // Донская правда. Н.-Чирская, 1921. 14 июня.

⁶ Протоколы XI съезда РКП(б). М., 1936. С. 679-680; Итоги съезда // Беднота. 1922. 7 апр.

для станицы, поскольку там ценились именно деловые качества, умение работать. И эта специфика нравственной шкалы крестьянства и казачества красной нитью проходит через весь период нэпа¹.

В агитационно-пропагандистской работе большое внимание властями уделялось не только учету специфики различных социальных групп, но и совершенствованию различных форм работы. Коммунисты, несомненно, проявляли творческий подход, демонстрируя изобретательность. Широкую популярность в это время получили театрализованные представления. Проводившиеся в основном молодежью, комсомольские спектакли имели выраженную политическую направленность и нередко - благотворительные цели. Очень часто на местах театральные представления проводились на постоянной основе. Так, в ст-це Ольгинской Черкасского округа Донской области демобилизованный красноармеец и секретарь местной ячейки Коммунистического союза молодежи Покотилев решил организовать театр. Для этого «силами ячейки оборудовали театр, где ставились спектакли-концерты как в летнее, так и в зимнее время². В ст-це Федосеевской Верхне-Донского округа открыт клуб, где заведующий Исаев организовал драматическую труппу, которая ставила спектакли еженедельно, открыл библиотеку-читальню³. 17 сентября 1922 г. в ст-це Мигулинская Верхне-Донского округа открыт клуб имени «Трудовых казаков и крестьян мигулинцев», оборудованы здание для театра, сцена и зрительный зал, организованы драматическая секция и хор⁴. В донской ст-це Ильинской молодежь оборудовала под клуб здание магазина купца Данильченко⁵. С 1923 г. поддержка культурничества дала новый импульс развитию крестьянской активности. 12 июля 1923 г. в Тацинской волости Морозовского округа открылся клуб «Хлебороб», отремонтированный

¹ Береговое. Суд над коммунистом // Красное знамя. Краснодар, 1921. 4 марта.

² Успевают // Донской пахарь. 1922. 20 дек.

³ Открыт клуб // Донской пахарь. 1922. 27 дек.

⁴ Луч знания // Донской пахарь. 1923. 31 янв.

⁵ Дронов В.А. Дубовский район в годы НЭПа и коллективизации. С. Дубовское, Ростовская область, 2016. С. 27.

местным жителем Осадчим без вознаграждения. В клубе созданы художественный, хоровой и драматический кружки¹.

Мероприятия были направлены на стимулирование эмоционального освоения хлеборобами новой советской действительности. С этой целью активно применялся обширный арсенал возможностей массового искусства. В начале 1920-х гг. в регионе в этих целях использовалась монументальная пропаганда. К примеру, в ст-це Славянской был открыт памятник «Героям Красной Таманской Армии», в связи с чем в центре станицы у исполкома была существенно расширена станичная площадь². Такие памятники довольно часто ставились на селе уже в начале 1920-х гг., хотя население реагировало на эти шаги далеко не однозначно. К примеру, в ст-це Кагальницкой Донской области в 1921 г. «хулиганы» разрушили памятник героям революции³.

Чрезвычайно важный вектор радикального изменения быта сельской местности Кубани и Дона связан с утверждением новых советских ритуалов и праздников, формировавших новое социокультурное пространство. Советская власть уделяла исключительно большое внимание коллективному проведению революционных праздников, прежде всего дней Октябрьской революции (7 ноября), Красной армии (23 февраля), Международной солидарности трудящихся (1 мая), Международного женского дня (8 марта). Однако на данном поле коммунисты, неизбежно вторгаясь в систему традиционных религиозных православных праздников, сразу столкнулись с Русской православной церковью. Как показывают документы, власть действовала в таких случаях довольно бесцеремонно, причем священники нередко становились объектом прямого подавления. Впрочем, такие крайние формы нередко ограничивались ввиду непринятия данных практик со стороны населения, несмотря на девальвацию религиозных ценностей, в основном относившегося к

¹ Открытие клуба // Донской пахарь. 1923. 28 июля.

² Отчет Славянского отдельского исполнительного комитета Советов РКККД за 1922-23 год. Славянская, 1923. С. 12.

³ По округу // Серп и молот. Азов, 1921. 29 июня.

религии и церкви с большим уважением¹. В этом плане показательны далеко не единичные случаи защиты священников местными жителями от необоснованных преследований Советской власти. Так, в августе 1920 г. донские прихожане написали коллективное письмо в защиту священника Покровской церкви ст-це Елизаветинской П. Сальского, которого арестовали по обвинениям в неправильной трактовке декрета об отделении церкви от государства и «защите белогвардейцев». В итоге после вмешательства станичников уголовное дело против священника было прекращено². Тем не менее новая власть довольно неприязненно относилась и к церкви, и к церковным праздникам.

По мере утверждения нэпа в станицах устанавливался своего рода «нейтралитет» местных властей по отношению к проявлениям религиозности. От жестких мер в отношении религии они в основном воздерживались. Особенно заметным такое положение дел было в быту, где даже коммунисты относились к религии вполне терпимо. К примеру, в одной из дискуссионных статей, поднимавших данную проблему, автор признавал, что все еще есть коммунисты, у которых дома «иконы висят, и старики родители молятся богу, а перевоспитает их только могила»³.

Несмотря на относительную осторожность в осуществлении антирелигиозных практик, отношение к религии было однозначно негативным. Причем для самих коммунистов участие в религиозных обрядах было чревато серьезными неприятностями. Уже в начале 1920-х гг. за это они подвергались жестким карам – исключению из партии, лишению должностей. В ходе начавшихся в это время «чисток» многие выбыли из партии именно за религиозность⁴. Постепенно нажим на церковь усиливался. Параллельно с ним

¹ Полишук И.С. Духовенство и крестьянство в общественной жизни России: конец XIX - 30-е годы XX века (опыт ист.-сравн. анализа). Тверь, 2004. 386 с.

² Шадрин А.В. Преследования донского духовенства в 1920-х гг. как составляющая латентного рассказывания // Казачество в конце XIX – начале XXI в.: рассказывание и социокультурные трансформации: материалы Всерос. науч. конф., г. Ростов-на-Дону, 27-28 июня 2019 г. Ростов н/Д, 2019. С. 150.

³ Рыков А. О семье коммуниста // Красный пахарь. Майкоп, 1923. 9 февр.

⁴ Исключения из партии // Красное знамя. Краснодар, 1921. 4 янв.

власти начали всё более активно формировать собственную систему ритуалов и праздников, призванных заменить церковные. Помимо общегосударственных революционных торжеств со временем стали возникать «комсомольские пасхи», «октябрины» вместо крестин. Крайними проявлениями антирелигиозной активности выступали прямое подавление религии и церкви, репрессивные и хулиганские действия в отношении священников, церковных ритуалов, зданий, причем эти форматы в рамках рассматриваемого периода неуклонно актуализировались. На Юге России антирелигиозная пропаганда велась достаточно активно, прежде всего силами комсомольцев и пионеров. Борьба с религиозностью велась с переменным успехом и временными отступлениями, с одной стороны, и со все более явными «перехлестами» с другой. Впрочем, в ряде случаев, особенно в рамках курса «Лицом к деревне», местные власти и активисты откровенно хулиганских проявлений богохульства. К примеру, когда в с. Верхне-Вознесенском ночью перед праздником Крещения неизвестными был разрушен сделанный верующими крест из льда на месте, где должно было проходить освящение воды, а население возложило вину на местных коммунистов, последние объявили это провокацией, призванной подорвать авторитет партии¹.

В середине 1920-х гг., наряду с организацией празднования основных советских праздников и активной антирелигиозной работой, признано более перспективным постоянное увеличение количества новых гражданских праздников (в том числе, связанных с местными событиями). Например, именно тогда на Кубани появился ежегодный «День урожая», который проводится и в наши дни. Стали появляться и станичные праздники.

Осмысливая влияние коммунистического воспитания на институт семьи, отметим, что оно было крайне ограниченным. И это имело позитивное значение, поскольку большевистские инновации в данной сфере были особенно сомнительными и даже опасными. На фоне серьезных кризисных явлений,

¹ Стенографический отчет II-го Таганрогского окружного сельского совещания (3/IV - 6/IV 25 г.). Таганрог, 1925. С. 15.

связанных с общим упадком общественной нравственности, когда прежние устои на селе были основательно испорчены, любые попытки серьезной идейной агрессии в данной сфере были не просто бесплодными. Они являлись опасными для власти, что показывает крайне нервная реакция станичников на распространяемые слухи об обобществлении жен, детей.

Как показывают материалы общественных дискуссий, даже в среде коммунистов темы морали, семьи вызвали в основном скептические отклики. В партийной прессе статьи о коммунистической нравственности, об отношениях полов, отношении к женщине, как правило, появлялись в дискуссионном порядке. Призывы «поставить на очередь дня вопрос о воспитании и укреплении в нас коммунистической нравственности» - фактически были обращены в пустоту¹.

Сохранение базовых традиционных институтов, прежде всего семьи, имело исключительно важное значение для развития региона. Как точно подметил В.Н. Ратушняк, «положительная демографическая динамика стала возможной благодаря традиционному типу воспроизводства населения, присущему патриархальным семьям. Дети, родившиеся в 1922-1926 гг., составили 14,4% кубанских казаков. В целом же дети младше 15 лет насчитывали 39,7% казачьего населения, а молодёжь в возрасте 15-24 лет - 23,8%»².

Активизация большевиков в социокультурной сфере, очевидная уже в условиях затухания малой Гражданской войны, получила новый импульс с 1923 г., имевшим переломное значение. Важную роль в нём играла печать. В деле использования газет как инструмента агитации и пропаганды в сельской местности власти проявили исключительную последовательность и настойчивость. Уже в 1922 г. они взяли курс на форсированное развитие специализированной сети изданий, рассчитанных на сельскую аудиторию³. Несмотря на то что в понимании властей «газета должна быть смертельным

¹ Сара. О коммунистической морали // Красное знамя. Краснодар, 1921. 10 авг. № 391.

² История кубанского казачества / ред. В.Н. Ратушняк. Краснодар, 2013. С. 280-281.

³ Трудовой путь. Армавир, 1923. 4 мая. № 51; 14 июня.

оружием, направленным в нашего врага - в буржуазный мир»¹, к безусловно положительным результатам политики большевиков следует отнести внедрение практики чтения книг и газет и как способа политического воздействия на сельскую массу, и как инструмента борьбы с неграмотностью, и как одну из форм сельского досуга, которая самым существенным образом способствовала формированию нового советского человека.

В контексте начавшейся кампании «культурничества» уже к осени 1923 г. стало ясно, что она с неизбежностью возвращала и правящую партию, и общество к теме «верхов» и «низов»². Наиболее характерной приметой времени в российской деревне в целом, в кубанской и донской станице - в частности явился старт массового селькоровского движения, получившего общественное значение в силу превращения газет в инструмент критики местной власти. На волне отмеченной активности газеты вскрыли тяжелую картину подавленности, забитости населения на местах, в «глухих углах», начали разоблачение фактов злоупотреблений, самоуправства и преступлений. Газеты начали важную работу, призванную изменить порочную практику, подобную ситуации в Барсуковской волости Лабинского отдела Кубано-Черноморья, где крестьяне обреченно констатировали: «Разве можно на начальство жаловаться. Все равно в бараний рог согнёт»³.

Своего пика благотворное влияние периодики на жизнь крестьянства достигло в 1924-1926 гг., в условиях курса «Лицом к деревне!», в рамках которого газеты, действительно много сделали для повышения культуры села (в том числе политической), в преодолении безответственного всевластия местной бюрократии, в исправлении дефектов, в силу которых: «Некоторые граждане, попав на ответственную работу в сельсовет или волостной Совет,

¹ Красный пахарь. Майкоп, 1923. 5 мая.

² Зиновьев Г.Е. Новые задачи партии // Правда. 1923. 7 нояб.

³ Проезжий рабкор // Красное знамя. 1923. 14 нояб. №254; 11 нояб.; Газета – друг хлебороба // Красный пахарь. Майкоп, 1924. 16 дек.

кооператив и пр., действительно как-то сразу начинают чувствовать себя чем-то вроде атамана или старшины нехорошего старого времени»¹.

Крестьяне плохо воспринимали газетный язык, причем с особенно большим «трудом понимали слова, отражавшие новые социальные реалии»². К тому же газет в деревне было очень мало, например, в Кубано-Черноморской области самая распространенная газета - местное «Красное знамя» к маю 1923 г. оставалось в основном в самом Краснодаре (из 11 тыс. экземпляров – 6 312), а все центральные и краевые газеты распространялись в области в количестве 3,48 тыс.³

К 1923 г. нерадивость местных руководителей в деле развития социально-культурной сферы довольно остро критиковалась и властями, и прессой, и самими жителями станиц. Так, на хут. Тарасово-Меловский Донецкого округа, «несмотря на то, что газеты получают сельсоветом в достаточном количестве» станичники их не читают⁴. Как следствие, ввиду отсутствия на хуторе избы-читальни, комсомола и театра (а это уже стало стандартом культурной революции на Юге России в 1920-1923 гг.), единственной программой отдыха на хуторе стала пьянка⁵.

Доминанта Агитпропа в социокультурном обновлении станицы красной нитью проходит через все десятилетие, накладывая неизгладимый отпечаток - все более серьезный - на различные сферы жизни. Но было бы ошибкой не видеть, что в числе приоритетов присутствовал не только узко «политический» аспект. Как отмечал Л.Д. Троцкий, призвавший соратников больше внимания уделять не только базовым революционным задачам, то и «мелочам»: «Человек, который походя плюет на лестнице или на пол в те, - неряха и распустеха. От него нельзя ждать возрождения хозяйства»⁶.

¹ Белоусов В. Задачи селькоров в деревне // Красный пахарь. Майкоп, 1924. 14 дек.

² Ченская Т.В. Язык крестьян начала 20-х годов XX века: на основе анализа анкетных листов Я. Шафира // Современная научная мысль. Пятигорск, 2019. № 4. С. 77.

³ Красное знамя. Краснодар, 1923. 13 мая.

⁴ Пименов А. Дайте света! // Донской пахарь. 1923. 12 августа.

⁵ Там же.

⁶ Троцкий Л. Внимание к мелочам // Правда. 1921. 1 окт.

Определяющими факторами в социальной политике большевиков в 1920-х гг. при значимости агитационной и пропагандистской работы были успехи в области образования и здравоохранения. Еще в начале 1920 г., совершая поездку по Дону, председатель ВЦИК М.И. Калинин, выступая перед казаками ст-цы Урюпинской Хоперского округа, обратил особое внимание на важность школьной и просветительской работы в станице, так как именно «темнота» помогала прежде атаманам «обманывать казачество и настраивать его против Рабоче-крестьянской революции»¹. Несмотря на крайне сложную политическую и экономическую ситуацию, уже в 1920-1921 гг. власти пытались принимать меры к тому, чтобы школы, где учителя по 4-5 месяцев сидели без жалования и пайка, не закрылись. На Кубани в 1921 г. введен дополнительный «помольный сбор на нужды школ, медико-санитарные и на крайне необходимые нужды местной станичной жизни». Наряду с этим в конце 1921 г. власти ввели единовременный налог на нужды образования (в основном для городов)².

Особенно уговаривать станичников, убеждая их в пользе школьного образования, не приходилось. Значительная часть сообщества прекрасно понимала его значение, оказывая помощь школе даже в самые тяжелые времена. Однако лишь включение в эту работу властей позволяло добиться ощутимых успехов. В духе времени нередко проблемы возрождения школьного образования, развития школ решались в ходе единовременных кампаний, нередко проходивших в формате «двухнедельников просвещения». Такой двухнедельник успешно прошел в декабре 1922 г. в Сулиновской волости на Дону, где насчитывалось 27 школ общим числом 2 300 учащихся детей и учительским персоналом в количестве 69 чел. Сообщалось, что «все договоры между

¹ Кислицын С.А., Кириченко А.С. Указ и шашка. Политическая власть и донские казаки в XX веке. Ростов н/Д, 2007. С. 269. См.: ЦДНИКК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 327. Л. 1 об.

² Бюллетень Пятого (Второго) Кубано-Черноморского областного съезда Советов. 1921. 13 декабря. № 2; Открылся 11 декабря. С. 11.

* Традиционно на Кубани и Дону сельские общины активно развивали школьное образование. По состоянию на 1 января 1915 г. на Кубани в сельской местности обучалось 188 800 чел., на Дону - 198 858 чел. См.: РГАЭ. Ф. Р-428. Оп. 2. Д. 118. Л. 18.

учительским персоналом и хуторскими обществами заключены. На каждого школьного работника приходится в среднем по 9 пуд. ржи в месяц; квартира, отопление и освещение»¹. Но отмечались серьезные трудности с обеспечением школ. Согласно этой же информации, в школах волости «учебников не достает 40 проц. Не достает также тетрадей, карандашей, ручек и т.д. В кооперативах нет учебников и других школьных принадлежностей. А купить на рынке - нет средств»². Всё это существенно затрудняло возрождение школы.

Высокая активность и должный интерес, проявленные в школьном деле станичными и волостными исполкомами, «принявшими и поддерживавшими подъем школьно-просвещенческого дела и способствовавшими установлению 100% школьной сети и ее приближения к довоенной», отмечался в Славянском отделе Кубано-Черноморской области. Если до войны здесь насчитывалась 301 школа и 29 550 учащихся, то уже в 1922-1923 гг. в отделе функционировали 168 школ 1-й и 19 - 2-й ступени, которые посещали 19 938 учащихся. Наряду с этим в отделе имелся находившийся на местном финансировании 21 детдом, в которых жили и получали образование 1 114 детей. По всему отделу из-за нехватки средств школа не функционировала только в ст-це Петровской. Во всех других населенных пунктах при поддержке населения местные Советы покупали учебники, заготовливали топливо, проводили ремонт. Наряду с этим, благодаря «ударной кампании» удалось добиться успехов и в борьбе с детской беспризорностью (были выявлены и направлены в детдома 36 подростков)³.

Заметный перелом в работе по восстановлению и развитию школьного образования к 1923 г. произошел и в Донской области, где настойчиво воссоздавалась довоенная сеть школ. 31 января 1923 г. открылась школа на хут.

¹ Барменков Г. Школы работают // Донской пахарь. 1922. 20 дек.

² Там же.

³ Отчет Славянского отдельского исполнительного комитета Советов РКККД за 1922-23 год. Славянская, 1923. С. 21-22. См.: ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 6. Д. 95. Л. 20. Донсабес в своей работе особое внимание уделял вопросам детской беспризорности и социальной защиты инвалидов. См.: ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 6. Д. 233. Л. 6, 12; ЦДНИКК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 820. Л. 42; МКУ города Сочи «Сочинский городской архив». Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 69. Л. 1-3.

Нижне-Маркин Морозовского округа, в которой начали обучение 35 детей. Всё было сделано силами самих граждан: «оборудовано помещение для школы, приобретена школьная мебель, затребован учитель из окружного отдела народного образования»¹. Малограмотные крестьяне и казаки делали все, чтобы у их детей была другая судьба. Даже в столь тяжелых условиях общественность пыталась сделать максимум возможного для того, чтобы посещение школы стало для детей праздником. Так, 5 февраля 1923 г. в ст-це Чернышевской Морозовского округа был проведен годовой праздник местной школы: «Были сделаны доклады заведующего школой, указавшего на значение школьного праздника и отметившего все стороны школьной жизни. После его доклада детскими силами был поставлен спектакль»². Но следует отметить обеспокоенность партийного руководства региона тем, что наметилась тенденция снижения активности по ликвидации безграмотности³.

Отметим, что в связи с ростом общественной активности, к середине 1920-х гг. в образовании и просвещении были достигнуты довольно заметные успехи. Работы власти по восстановлению и укреплению школьной сети встречала понимание и одобрение у широких кругов сельского населения. В 1924 г. в состав Кубанского окружного отдела народного образования входило 187 различного вида учреждений, но большая их часть располагалась в г. Краснодаре. Общая сумма их бюджетного финансирования составляла 3 212 245 р.⁴ Признавалась значимость педагогической работы в сфере общественно-культурной работы, особенно среди казачества и крестьян⁵. На Юге России активно выполняли требования инструкции, утвержденной президиумом ВЦИК 26 февраля 1923 г., согласно которой школа должна получить от 2 до 5 дес. в зависимости от числа школьных работников и других местных условий, а детский дом - из расчета 1/10 дес. на каждого воспитанника с повышением нормы, если это позволяют местные условия. Отмечалось, что

¹ Оборудовали школу // Донской пахарь. 1923. 28 февр.

² Школьный праздник // Донской пахарь. 1923. 28 февр.

³ ЦДНИКК. Ф. 2815. Оп. 1. Д. 319. Л. 47.

⁴ ГАКК. Р-226. Оп. 2. Д. 39. Л. 146.

⁵ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

наделение земель оказывает не только определенную материальную поддержку школам, но имеет и воспитательное значение для детей.

Основные каналы работы по финансированию сферы образования и просвещения в это время определились в полной мере. Так, по данным Донского округа за 1923-1924 гг., в рамках финансирования системы народного образования, в деревне 90% всех средств выделялось соцвосу, 6,3% - политпросвету и 3,7% - профобру. Тем самым в первую очередь решалась задача развития массового школьного образования. Все же, в 1923/24 г. школьная сеть в Донском округе охватила в среднем только 39-40% детей, а в 1924/25 г. - 55%¹. Низким оставался уровень посещаемости учебных занятий².

Середина 1920-х гг. обозначила важный переломный момент, связанный с заметным усилением роли государства в поддержке процессов его восстановления и развития. Несмотря на крайне непростое положение в сфере финансирования, сеть школ неуклонно восстанавливалась, увеличивалось количество культурно-просветительских учреждений. К примеру, в Донском округе расходы на народное образование на душу населения выросли с 2,86 р. в 1923/24 г. до 5 р. в 1925/26 г. Если в 1923/24 г. хозяйственные нужды школ удовлетворялись в основном за счет самообложения родителей, то в 1925/26 г. финансирование осуществлялось в основном из местного бюджета. Более того, местными властями был создан особый школьно-строительный фонд, которому удалось собрать 75 тыс. р. Сеть школ уверенно росла, причем не только для детей. Приметой времени стал в первую очередь рост сети школ по ликвидации неграмотности. Если в 1923/24 гг. в округе насчитывалось 348 ликпунктов (8 839 неграмотных), то в 1924/25 гг. уже 575 (19 105). Отмечался также значительный - со 126 до 164 рост числа изб-читален (средняя посещаемость избы-читальни казаками составляла в среднем 30 чел. в

¹ Отчет Донского окружного исполнительного комитета Первому окружному съезду Советов за 1923-1924 г. Ростов н/Д, 1925. С. 6.

² ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

день¹). Если в 1923/24 г. школами различных типов обслуживалось 90 834 чел., то в 1924/25 г. – 119 241, а план на 1925/26 г. составлял 13 768².

Проблем с финансированием и материальным обеспечением школ было немало, не хватало инвентаря, учебных принадлежностей, остро стоял вопрос и со школьными помещениями. На содержание 583 школ и обучение 80 951 ученика Донского округа на 1924/1925 бюджетный год было выделено 4 037 389 р. Это позволяло охватить образовательным процессом лишь до 40% детей школьного возраста³.

Не все местные администрации понимали роль школы в деле социально-го реформирования. Такие явления наблюдались до конца 1920-х гг., например, «остались без школы крестьяне хут. Перво-Спасского. Гиагинский сельсовет, Майкопского окр. отказал им отдать старую казачью казарму и лесу не дал. А детишки ходят неграмотными»⁴. Также не утвердили сметы на строительство школ местные власти ст-цы Усть-Быстринской Шахтинского округа и с. Покровского Таганрогского округа, хотя деньги на строительство были собраны самими крестьянами по самообложению⁵.

Тем не менее масштабы работы в сфере образования неуклонно ширились. Значительные успехи в середине - второй половине 1920-х гг. достигнуты в сфере образования взрослых. Например, в Славянском отделе на Кубани в 1924 г. было открыто пять активно работавших сельских школ для взрослых. Так, школа ст-цы Васюринской подготовила два выпуска учащихся, часть из которых направлена на преподавательскую работу, и приняла участие в ликвидации массовой неграмотности. Школа, созданная в коммуне «Красноармеец» в ст-це Ново-Платнировской, провозгласила целью: «Ни одного члена коммуны неграмотного»⁶. Растущая тяга крестьян к учебе стала

¹ Отчет Донского окружного исполкома за 1924-25 г. Ростов н/Д, 1926. С. 58.

² Там же. С. 6.

³ ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 250 Т. 1. Л. 57. Число взрослых безграмотных на Дону достигало 120 тыс. чел. Там же. С. 79.

⁴ На что жалуются крестьяне // Советский пахарь. 1925. 24 апр.

⁵ Мы желаем учить детей // Советский пахарь. 1928. 13 сент.

⁶ Кубанские станицы: Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани. М., 1967. С. 266.

характерным признаком времени. Так, на конференции союза Всеработземлес в Дондуковском районе Майкопского округа в 1924 г. отмечалась «... тяга батраков к учебе. Из 600 батраков - членов союза по Дондуковскому району лишь 40 неграмотны, 123 человека индивидуально выписывают газеты. Из ликпункта батрак тянется в школу-передвижку, на профсоюзные и тракторные курсы»¹.

В Донском округе на 1 июня 1925 г. действовало 536 школ по ликвидации безграмотности, из которых 52 вновь открыты. Всего по округу функционировало 1 716 образовательных учреждений, из них 889 вновь открытых. Но так как окружной бюджет мог финансировать лишь 7,7% школ, то местные общества брали на себя расходы по содержанию оставшихся 92,3% учреждений. Следует отметить состав учащихся: из 18 923 чел., обучающихся в пунктах ликвидации безграмотности, крестьян было 2 634 чел. (13,9%)². Во второй половине 1920-х гг. наметилась тенденция роста числа учащихся, постоянно посещающих учебные занятия, охват детей с 1925 г. по 1927 г. возрос с 44,9% до 51,8%³.

Борьба с неграмотностью среди взрослых активно велась через систему изб-читален, широко распространенных на Юге России с начала 1920-х гг.⁴ Типичный пример такой структуры, ведущей комплексную культурную работу среди селян, представляла собой изба-читальня с. Семибалки Азовского района Донского округа в 1927 г.: «Прошлой зимой занятия в читальне проводились ежедневно, с 9 час. утра до 1 ч. дня и от 6 ч. до 10 ч. вечера. Посещаемость была хорошая. Имеются кружки: ленинский, кооперативный, сельскохозяйственный и женский. В кружках проводились читки газет, беседы врача, учителя и агронома. Библиотека работала бесперебойно. Книг в ней

¹ Шенец С. Батрак говорит // Молот. 1926. 10 авг.

² ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 250 а. Т. 2. Л. 193-194.

³ ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 572. Л. 28.

⁴ На Дону в 1924 г. насчитывалось 131 изб-читален. ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 250 а. Т. 2. Л. 200 об.

имеется 2 тысячи штук. Сельскохозяйственный кружок работает с ноября месяца. Кружком руководит агроном»¹.

Впрочем, мы далеки от идеализации сорстояния школ. Очень много делалось современниками для развития социальной сферы формально, для отчета. Так, в Таганрогском округе в середине 1920-х гг., наряду с Домом крестьянина и хатами-читальнями, действовали различные кружки (сельскохозяйственный, естественно-научный и пр.)², был организован отряд пионеров. Вместе с тем, как следовало из доклада местного комитета ВКП(б) об агитационно-пропагандистской работе, в округе только 10 сельских и 5 районных изб-читален вели «кое-какую работу», остальные работали «от случая к случаю». Организаторы этой работы - «избачи» не были подготовлены и обучены, материально не обеспечивались³. К сожалению, всё чаще под избыточные читальни отводили бывшие церковные помещения, что вызывало остро негативную реакцию сельских жителей.

Среди наиболее серьезных проблем первой половины 1920-х гг. следует выделить крайне тяжелое положение детских домов, финансовую нагрузку по содержанию которых вынуждены были брать на себя сельские общества. Немалую помощь им оказывали крестьянские комитеты - ККОВы, уже к концу 1921 г. взявшие на содержание 11 детских домов⁴. Несмотря на предпринятые усилия, ситуация оставалась предельно сложной. В Ольховом Рогу Терновской волости крестком обнаружил, что в местном детдоме, где 40 круглых сирот, положение «... было самое отчаянное». Собран волостной съезд комитетов взаимопомощи, который постановил: 26 детей из детдома распределить среди зажиточных бездетных граждан волости, а остальных оставить в детдоме на обеспечении комитета взаимопомощи⁵. Похожий случай имел место в Краснокутской волости Морозовского округа, где в детском

¹ Лечкин М. Семибалковская изба-читальня // Советский пахарь. 1927. 30 апр.

² Стенографический отчет II-го Таганрогского окружного сельского совещания (3/IV - 6/IV 25 г.). Таганрог, 1925. С. 17.

³ Там же. С. 30.

⁴ Очерки истории партийных организаций Дона (1921-1971). Ростов н/Д, 1973. Ч. 2. С. 29.

⁵ Спасли детей // Донской пахарь. 1923. 3 янв.

доме было 28 детей¹. Справедливости ради нужно отметить примеры правильного пролетарского воспитания в детдомах². Внимание к проблеме детдомов было постоянным. К примеру, в слободе Сариново Большинского сельсовета Донецкого округа детдом был устроен прямо в доме председателя комитета взаимопомощи, но положение оставалось тяжелым³.

Несмотря на проблемы, система образования, в том числе школьная сеть, в регионе уверенно восстанавливалась, а задачи всестороннего просвещения школьников с учетом местной и возрастной специфики ставились, не только перед школьными коллективами, но и перед сельскими комсомольскими организациями. Рекомендовалось организовывать «... полезный отдых: игры, отдых, вольные движения»⁴, кружки физкультуры»⁵.

Магистральный советский путь: «ликпункт - школа-передвижка - профессиональные курсы» стал дорогой к знаниям для многих селян Юга России сто лет назад. Борьба с неграмотностью в сельских районах Кубани и Дона шла в рамках общегосударственных программ ликвидации безграмотности через развитие школ и сети изб-читален. Особенностью ликбеза на Юге России было то, что особое внимание уделялось сельскохозяйственному образованию. Общим правилом пропаганды было акцентирование внимания на том, что советская власть «...приняла ряд конкретных мероприятий по улучшению быта крестьян в смысле укрепления мощности их хозяйств», и «... советская власть приступила к насаждению с.-х. знаний в деревне»⁶. Хотя в процитированной публикации использовался жесткий термин «насаждение сельхоззнаний», на самом деле крестьянские массы стремились к переустройству хозяйства и повышению сельскохозяйственной культуры. Именно на этой основе стали активно продвигаться идеи создания центров просвещения сельского населения. Авторы того времени отмечали, что упадок сельского

¹ Дети обеспечены // Донской пахарь. 1923. 25 марта.

² Пролетарское воспитание // Донской пахарь. 1923. 9 авг.

³ Детдом // Донской пахарь. 1923. 21 июля.

⁴ Там же.

⁵ Физкультура в деревне // Советский пахарь. 1926. 10 авг.

⁶ Крестьянство и с.-х. знания // Донской пахарь. 1922. 20 сент.

хозяйства является следствием не только войны и революции, но и низкого уровня агрономических знаний в России¹. Такое простое и понятное целеполагание в сфере сельскохозяйственного образования вызывало большую поддержку в среде станичников независимо от их политических взглядов. Разумеется, в прошлом не все плохо, но, как отмечает И.Е. Кознова, «социальные ожидания крестьянства способствовали тому, что определенная часть деревни, прежде всего молодежь, активисты и беднота, создавала “новое прошлое” совместно с властью»².

Агрономическая помощь крестьянству включала различные направления. Казачье-крестьянские хозяйства Кубани традиционно возделывали сорта пшеницы, выведенные на опытных станциях Поволжья и Украины, но с 1920 г. началась селекционная работа с озимой пшеницей на Кубанской сельскохозяйственной опытной станции «Круглик»³. Это потребовало обучения крестьян правилам выращивания, уборки урожая, хранения новых сортов кубанской пшеницы. Важное значение имело постановление Кубано-Черноморского облисполкома о создании Кубанского сельскохозяйственного института и принятии его на местный бюджет. Принявший это решение 7-й Кубано-Черноморский областной съезд Советов (6-13 января 1924 г.) настаивал на включении института в государственную сеть вузов и утвердил создание Единой Опытной сельскохозяйственной станции в Краснодаре⁴.

Резолюция по докладу Донского областного земельного управления о мерах поднятия сельского хозяйства нацелила на мероприятия «по агрокультурному обслуживанию крестьянства путем согласования работы с земельными органами и агрономической организацией на местах» и сельскохозяйственной кооперацией. Съезд указал, что агропомощь «является главным ры-

¹ Лапшин Н. Без знаний нет хлеба // Донской пахарь. 1922. 19 сент.

² Кознова И.Е. Сталинская эпоха в памяти крестьянства России. М., 2016. С. 121.

³ Белозерцев А.Г. Земля и хлеб России: историко-экономический очерк (1900-2005 гг.). М., 2005. С. 199; МКУ города Сочи «Сочинский городской архив». Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 84. Л. 59-60.

⁴ Резолюции 7-го Кубано-Черноморского областного съезда Советов (6-13 января 1924 г.). Краснодар, 1924. С. 5.

чагом в деле насущно необходимой интенсификации» земледелия путем преодоления частых неурожаев и недородов. Характеризуя эффективность различных форм агропропаганды - через семенные хозяйства, кооперацию, выставки, съезд зафиксировал особенно большой успех однодневных сельскохозяйственных выставок, которые после первых относительно неудачных опытов неожиданно вызвали всплеск интереса у селян («успех их у населения был значительный»). В области было проведено 35 районных однодневных сельскохозяйственных выставок. Колоссальный успех, заставивший задуматься над перспективой развития данной формы агропропаганды¹.

В середине 1920-х гг. предпринимались значительные усилия по развитию агрообразования и активизации агропропаганды в целях распространения знаний в массах и повышению квалификации работников непосредственно в станицах. В Донском округе в ноябре 1924 г. организовано окружное бюро агропропаганды. Открылись и курсы для агрономов и землеустроителей. Помимо этого, в 27 пунктах открыты краткосрочные сельскохозяйственные курсы с привлечением 78 специалистов для преподавания и до 1 330 слушателей. На курсах бесплатно розданы 30 экземпляров специальной литературы, плакаты, листовки, брошюры². Благодаря значительным усилиям по распространению агрономических знаний и подготовке кадров специалистов в Донском округе за 1924-1925 гг. удалось увеличить аппарат низового персонала в аграрной сфере (агрономического - с 29 до 42, ветеринарного с 24 до 30 чел.), одновременно сократив численность управленческого звена. Благодаря этому работник-землеустроитель стал обслуживать 159 вместо 500 кв. верст (5 593 населения вместо 10,3 тыс.). В то же время радиус ветеринарного участка уменьшился с 17 до 5 верст. Инженер-мелиоратор стал обслуживать 6 639 кв. верст вместо 11 569³.

¹ Отчет Донского окружного исполнительного комитета Первому окружному съезду Советов за 1923-1924 г. Ростов н/Д, 1925. С. 16.

² Отчет Донского окружного исполкома за 1924-25 г. Ростов н/Д, 1926. С. 15-16. См.: МКУ города Сочи «Сочинский городской архив». Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 84. Л. 61.

³ Отчет Донского окружного исполкома за 1924-25 г. Ростов н/Д, 1926. С. 4.

Значительные успехи в сфере агропропаганды способствовали изменению производственной культуры казаков и крестьян, социально-производственного облика станицы и села. Так в Сальском округе еще в 1924 г. важное для оборота земель травосеяние не применялось вовсе, а в 1925 г. появилась первая практика. В это же время в округе впервые наконец началась систематическая борьба с сельхозвредителями¹. Связано это было с объективной потребностью власти в обеспечении роста аграрного сектора, предотвращении негативных последствий стихийных бедствий, наносивших удар не только по крестьянским хозяйствам, но и по социальной сфере.

Однако учитывая неуклонно возрастающую популярность агропропаганды, распространения в казачьей и крестьянской среде полезной информации, способствующей росту числа «культурных» хозяйств, особо отметим принципиальную позицию - даже на пике курса «Лицом к деревне» власти уже видели перспективу развития аграрного сектора экономики не на частной, а на коллективной основе. К примеру, докладчик на II Таганрогском окружном сельском совещании в апреле 1925 г. говорил: «мы намечаем пути к социалистическому устройству нашего земельного устройства», стремимся шире применять научные подходы, механизацию, «чем приближаем хозяйство и к коллективизации (объединению)»². Хотя вопросы агропропаганды не просто сохраняли, но и усиливали свое значение, во второй половине 1920-х гг. на передний план вновь все более отчетливо выходили проблемы социально-классового противостояния.

В регионе систематически проводились сельские партийные, советские, производственные совещания, на которых рассматривались вопросы «культурности хозяйствования», «использования сельхозмашин». Но для участников таких мероприятий (в том числе представителей казаков и крестьян) общепризнанным было понимание того, что много еще «азиатчины допускается

¹ Отчет Сальского окружного исполнит. Комитета 2-го созыва о работе за период: январь 1925 г. - март 1926 г. 3-му окружному съезду Советов. Сальск, 1926. С. 5, 9.

² Стенографический отчет II Таганрогского окружного сельского совещания (3/IV - 6/IV 25 г.). Таганрог, 1925. С. 2.

в способах нашего хозяйствования»¹. Для того чтобы сделать агрономические знания доступными каждому хлеборобу, 20 февраля 1929 г. Северо-Кавказский краевой исполнительный комитет принял специальное решение об организации добровольного общества по борьбе с агрономической неграмотностью. Перед обществом поставлены задачи: «...организовать сельхозкружки, налаживать распространение агрономической литературы, готовиться к сельхозвыставкам, конкурсам, экскурсиям, улучшать работу агропунктов, закладывать опытно-показательные поля, участки и делянки, принимать все меры, способствующие агрономическому просвещению деревни»².

Вместе с тем центр внимания власти с 1927 г. окончательно смещается исключительно на приоритетное развитие коллективных форм хозяйствования и соответственно на «советскую общественность в деревне» - профсоюзы, комсомол, женотделы, кооперацию, батрачество и т.д.³ На данной основе в регионе развернулась стремительная, порой карикатурная политизация всей социальной жизни, растущее значение в которой вновь стали занимать вопросы социального происхождения.

Впрочем, по мере того как все более значительное внимание в регионе стало уделяться проблемам развития форм кооперации, удалось добиться действительно позитивных результатов в развитии интересных социально-экономических инициатив, в том числе в сфере кооперации инвалидов. В 1928 г. на Северном Кавказе насчитывалось 156 сельских артелей инвалидов, что составляло 42% их общего числа по краю⁴. Указывалось, что «основной формой трудоустройства инвалидов в деревне должна служить коллективизация если не самого сельского хозяйства, то отдельных её видов, подсобных сельскому хозяйству промыслов», к которым были отнесены огородничество,

¹ Материалы Донского окружного сельского партийного совещания (10-14 мая 1927 года). Ростов н/Д, 1927. С. 9.

² Новое добровольное общество // Советский пахарь. 1929. 28 февр.

³ Там же. С. 1718.

⁴ К организации Северо-Кавказского краевого союза кооперативных объединений инвалидов // Вопросы социального обеспечения. 1929. № 10. С. 11.

птицеводство, пчеловодство, добыча и обработка полезных ископаемых (торфа, извести, гончарной глины), плетение корзин, выделка овчин и кож, гончарное дело, выделка кирпича, смолокурение, оборудование мельниц, крупорушек и маслобоек, заготовка лекарственных трав и др.¹ Тем не менее, общее изменение социальной политики в деревне привело к тому, что дезавуированы заигрывания с казачеством, с «культурным» хозяином (и даже в значительной степени с середняком), характерные для 1925-1926 гг.

Для развития крестьянской инициативы уже с 1922 г. на Дону и Кубани звучали голоса о необходимости создания в крупных городах профильных Домов крестьянина для организации более эффективного взаимодействия города и деревни по повышению уровня культурного уровня сельского населения². «Дома крестьянина» вскоре появились во многих городах Юга России. Так, в 1925 г. заработал Аксайский «Дом крестьянина» со своим клубом, в котором «... очень часто для приезжих на ночлег крестьян устраиваются лекции по сельскому хозяйству и показываются кинокартины», а также «организован уголок Воздушного флота»³. Селяне, побывавшие в таких «Домах крестьянина», начинали копировать городские примеры и создавать в сельских поселениях клубы и театры.

Существенное оживление «культурничества» связано с провозглашением в 1924 г. политического курса «Лицом к деревне». С 1924 г. на селе повсеместно начинается кампания за создание красных уголков на производстве, «на мельницах и крупных маслобойках, где в зимнее время среди крестьян могла бы проводиться культурная работа»⁴. Инициатива широко поддержана, и система красных уголков на предприятиях сохранялась вплоть до конца 1980-х гг. 7 декабря 1924 г. в Донском Доме крестьянина проведен интересный эксперимент по совместному обсуждению с крестьянами спектакля на сельскую тематику. После просмотра спектакля по пьесе «Смерть засухе»

¹ Васильев П. Шире развернуть кооперирование и трудоустройство инвалидов деревни // Вопросы социального обеспечения. 1929. № 23. С. 10.

² Лабинский Н. Дом крестьянина // Донской пахарь. 1922. 7 сент.

³ По сельским клубам // Советский пахарь. 1925. 16 мая.

⁴ Мельницы должны быть красными уголками крестьян // Советский пахарь. 1924. 31 дек.

Дмитриевича более 350 зрителей-крестьян приняли активное участие в ее обсуждении, «... пьеса критиковалась со всех сторон, и со стороны исполнения, и со стороны постановки, и со стороны замысла»¹.

В сфере культуры начали утверждаться новые формы искусства. Мнение В.И. Ленина о том, что «из всех искусств для нас важнейшим является кино», нашло практическое подтверждение в ходе большевистской культурной революции на Дону и Кубани².

Новый курс обусловил неизбежный рост внимания к «деревенской интеллигенции», призванной помочь в культурном обновлении сельской жизни. Целый ряд признанных большевистских функционеров в центральной партийной печати, а вслед за ними и региональные работники, отмечали, что на местах, в том числе в Советах, нужны люди с хорошим хозяйственным кругозором. И поскольку рядовой крестьянин может и не обладать им, требовалось обратить внимание на «деревенскую интеллигенцию»³. Это было тем более важно, что деревня поглощала всё больше ресурсов из города. На Кубани и Дону работников в станицу «перебрасывали» постоянно. С разной степенью интенсивности эти практики сохраняли актуальность в течение всего периода.

Таким образом, слом старого в сельском хозяйстве принимал тотальный характер. Новое крестьянство приходилось создавать буквально с букваря, с основ мер счета и веса.

Большие усилия власти и общественности в рассматриваемый период пришлось приложить и для развития системы здравоохранения, находившейся в начале 1920-х гг. в крайне непростой ситуации. Актуальность проблематики объяснялась крайне тревожной ситуацией в сфере социальной гигиены и общественного здоровья. Характерной приметой времени стала массовая заболеваемость вследствие инфекций, эпидемий. Во многом из-за притока

¹ Попытка совместной оценки крестьянами пьесы «Смерть засухе» // Советский пахарь. 1925. 11 янв.

² Болтянский Г.М. Ленин и кино. М.; Л., 1925. С. 19.

³ Красное Черноморье. Новороссийск, 1924. 16 сент.

беженцев в 1921 г. на Кубани возникла эпидемия холеры. В августе 1921 г. было зафиксировано уже 3 060 случаев (Тихорецкая, Кавказская, Армавир и др.¹). На Дону осенью 1921 г. серьезную угрозу представляла эпидемия сыпного и возвратного тифа. И хотя на селе, в отличие от крупных транспортных узлов, ситуация была несколько легче, а положение дел в сфере здравоохранения признавалось удовлетворительным, власти признавали, что радиус врачебного участка составлял в среднем 30 верст, в силу чего «сельское население амбулаторной помощью обеспечено слабо». Особенно плохо обстояло дело с продовольственным обеспечением медицинских работников². В этой ситуации центральное значение для региона приобрели два взаимосвязанных аспекта - формирование сети медицинских учреждений и насыщение станицы кадрами медицинских работников.

С целью приближения сельской лечебной сети к уровню городской в начале 1920-х гг. власти предпринимали постоянные, но малорезультативные усилия. Острота проблемы объяснялась тем, что в сельской местности в это время жило не просто большинство жителей региона, а постоянно увеличивавшееся большинство, так как многие жители городов были вынуждены переезжать в станицы, чтобы спастись от голода. Поэтому задачи по ремонту сельских больниц, укомплектованию их квалифицированными врачами, организации медицинского снабжения, ликвидации платности медицинских услуг были приоритетными задачами исполкомов Кубани и Дона. В связи с ограниченностью бюджетных средств, как и в школьном деле, часто использовался механизм самообложения сельского населения.

Несмотря на все усилия власти и общества, не только в 1920–1921 гг., но и в 1922–1923 гг. многие врачебные участки ввиду материальной необеспеченности персонала оставались без должного финансирования и без квалифицированных работников. В Славянском отделе Кубано-Черноморской об-

¹ Бюллетень Пятого (Второго) Кубано-Черноморского областного съезда Советов. 1921. 13 декабря. № 2. С. 11.

² Отчет Донского областного экономического совещания в Совет Труда и Оборона с 1 октября 1921 г. по 1 апреля 1922 г. Ростов н/Д, 1922. С. 114.

ласти из-за низких зарплат в 1922–1923 гг. оставили работу 10 врачей, 27 лекпомов, 3 фельдшера, 2 акушерки, 3 фармацевта, 5 сестер милосердия. Тем не менее сеть лечебных учреждений в отделе воссоздана до 100%. Здесь были учреждены 5 медицинских районов с опорными районными и городскими больницами. При этом главной задачей, поставленной перед работниками здравоохранения, стало оперативное налаживание санитарного дела¹.

К началу эпохи «культурничества» ситуация в данной сфере изменилась несущественно. Общий уровень медицинского обслуживания в это время был крайне низким. Типичную картину в данном плане дает ситуация, характеризующая положение медпункта в пос. Платовском Пролетарской волости Сальского округа: «Окрздравотдел распоряжения дает и сводки требует от фельдшера этого пункта, а когда последний обращается за удовлетворением его содержания, которого он не получает уже 13 месяцев, или за медикаментами, то первого здравотдел, совершенно не дает, а второго дает самую малую долю, оправдываясь тем, что медпункт должен состоять на общественном содержании этого района, направляет его в волостн. исполнит. комитет»² Неудивительно, что направить врача в сельскую местность в то время было довольно проблематично. Например, в новостях по Майкопскому округу сообщалось, что «в станице Тульской нет ни одного врача, а между тем, по смете на 1924-25 г. врач в станице должен быть. Говорят, врач уже назначен, да все еще гуляет по Майкопу»³.

Довольно сложная ситуация в сфере здравоохранения отмечалась и в Донском округе, где особо выделяли «острый недостаток гинекологических и родильных коек», который в первую очередь объяснялся «всё нарастающим числом абортов». Наряду с этим «настоящий», весьма острый «кризис испытывает госпитализация душевно больных, вследствие переполнения психиатрических лечебных заведений», отмечались частые отказы в приеме больных

¹ Отчет Славянского отдельского исполнительного комитета Советов РКККД за 1922-23 год. Славянская, 1923. С. 25; МКУ города Сочи «Сочинский городской архив». Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 102. Л. 3-4.

² Медпункт в воздухе // Донской пахарь. 1923. 2 авг.

³ Живем без врача // Красный пахарь. 1925. 1 янв.

с нервными болезнями, туберкулезом.¹ Лишь благодаря наращиванию расходов на здравоохранение (в 1923/24 г. на 1 чел. выделялось 24 к., а в 1924/25 г. – 83 к.), число врачебных участков в округе удалось увеличить с 48 до 57².

Несомненные успехи в развитии системы здравоохранения отмечались и в Сальском округе, где в 1925–1926 гг. устойчиво росла обращаемость населения за медицинской помощью, эффективнее стали работать аптеки, в силу чего: «Удовлетворение населения лекарственной помощью достигло по округу до 70%». Тем не менее проблем оставалось немало. Традиционно острая проблемная ситуация в округе отмечалась в связи со вспышками малярии, бубонной чумы, с «социальными заболеваниями» туберкулезом, сифилисом. Несмотря на проведение большой работы санитарно-профилактического характера, в связи с недостатком подготовленных санитарных врачей, на фоне их низких зарплат, ситуация в округе оставалась сложной. К примеру, число «заразных заболеваний» в 1924–1925 гг. достигало 76 049 случаев (206 чел. на 1 000 населения). Наибольшее зло для округа представляла в это время малярия 45 533 случаев (62,5%). Далее шли венерические заболевания, В частности, окружной венерологический диспансер ежедневно принимал в среднем 80 чел. Помимо этого специалистами выделялись грипп, желудочно-кишечные заболевания, туберкулез, тифы и пр.³

Огромные трудности в продвижении принципов личной гигиены создавал традиционный общинный способ жизни крестьян большими семьями, что вызывало быстрое и широкое распространение инфекционных и венерических заболеваний. Как писал в 1925 г. врач В. Житомирский, «весь деревенский семейный уклад построен таким образом, что случайное заражение сифилисом становится не только возможным, но прямо обязательным, если хотя бы один член семьи или даже какой-нибудь гость болен им»⁴. Таким обра-

¹ Отчет Донского окружного исполнительного комитета Первому окружному съезду Советов за 1923-1924 г. Ростов н/Д, 1925. С. 9-10.

² Отчет Донского окружного исполкома за 1924-25 г. Ростов н/Д, 1926. С. 7.

³ Отчет Сальского окружного исполнит. Комитета 2-го созыва о работе за период: январь 1925 г. - март 1926 г. 3-му окружному съезду Советов. Сальск, 1926. С.77-79.

⁴ Житомирский В. Жертва темноты // Советский пахарь. 1925. 24 апр.

зом большая семья в деревне находилась в зоне повышенного риска как по социально-политическим, так и по гигиеническим причинам.

Следует отметить рост числа учреждений здравоохранения на Кубани и Дону во второй половине 1920-х гг. В Донском округе с 1925 г. по 1927 г. число больниц увеличилось с 15 до 17; коек - с 297 до 408; фельдшерских пунктов с 30 до 43. Фельдшерские пункты посетили 153 800 больных, а через врачебно-амбулаторные участки - 71 213 пациентов, стационарную помощь получили 13 987 больных. В округе работали 1 диспансер, 1 амбулатория и 5 консультаций по охране материнства и младенчества¹.

Одним из ярких проектов того времени стало развитие курортного отдыха и курортного лечения сельских тружеников. Курорт как символ прежнего аристократичного отдыха в досоветский период становится элементом повседневности советского крестьянства, которое стало одним из важных признаков улучшения жизни рядовых граждан, формой поддержки больных, инвалидов и семей с детьми, поскольку государство взяло на себя все затраты, связанные с их оздоровлением. Основную нагрузку по курортному обслуживанию станичников региона приняли на себя Ейский курорт и Новочеркасский туберкулезный санаторий. Отдых крестьян и казаков на курорте как стратегический пиар-проект широко освещался и пропагандировался, при этом традиционно подчеркивалась организующая роль ККОВов. Так, в апреле 1924 г. сообщалось, что «из Армавирского окр. в нынешнем году будет послано 100 крестьян для лечения на курорты, для чего уже отпущены средства. Посылка будет производиться через КОВы»².

Очередной инновацией для своего времени, оказавшей позитивное влияние на общественное здоровье, стало развитие физической культуры, с це-

¹ ГАРО. Р.1485. Оп. 1. Д. 572. Л. 33. Жители села Отраднo-Ольгинское Армавирского округа в своем письме в редакцию газеты «Крестьянская газета» следующим образом оценивали достижения в медицинском обслуживании населения: «До 1917 года у нас была только маленькая частная аптечка. Сейчас у нас в селе имеется больница на 10 коек с врачами, 4 фельдшерами и акушеркой. Ежедневно пропускают через амбулаторию до 100 больных». См.: Крестьяне о Советской власти // составилъ Я. Селих, И. Гриневский. М.; Л. 1929. С. 94.

² Крестьяне - на курорты // Советский пахарь. 1925. 24 апр.

лью популяризации которой в сентябре 1924 г. создан специальный окружной совет. В результате, если прежде физкультура считалась в основном баблством комсомола, то вскоре в округе (правда, в основном в Ростове) действовали до 30 физкульткружков¹.

Характеризуя большую работу в сфере развития системы здравоохранения и борьбы за общественное здоровье, следует особо отметить, что ей немало препятствовало наличие в сельской местности асоциальных девиаций—пьянства, проституции. Абсолютное «лидерство» в этом списке принадлежало пьянству. Не случайно по числу публикаций в южнороссийских газетах того времени тема борьбы с пьянством и самогонварением, которое справедливо считалось «упорным бичом крестьянского населения»², являлась наиболее популярной. Безусловно, это создало благоприятную среду для развития девиации, в том числе для массовости самых тяжелых форм алкоголизма. Об остроте проблемы свидетельствуют сухие строки сообщений с мест: «в Дегтевской волости Донецкого округа есть хутор Павловка, где население поголовно гонит самогон, не исключая даже бедняков, которые из последнего зерна добывают это зелье. Посылалась туда милиция, но и она ничего не могла сделать, пробыла там дней пять и возвратилась обратно с опухшими лицами»³. Нередко обвинения в пьянстве, а также в сплошь и рядом связанных с ним бесчинствах, самоуправстве и злоупотреблении властью предъявлялись и представителям местных администраций, которые систематически изобличались в дружбе с коварным зельем. В такой ситуации сельские власти и общественники вынуждены регулярно организовывать рейды с целью уничтожения самогонных аппаратов и готовой продукции. Так, в ходе одного из таких рейдов уничтожено 125 самогонных аппаратов и вылито на землю 100 ведер самогона⁴. Проблема пьянства и связанных с ним

¹ Там же. С. 50-51.

² Отчет Славянского отдельского исполнительного комитета Советов РКККД за 1922-23 год. Славянская, 1923. С. 6.

³ Самогонный хутор // Донской пахарь. 1922. 20 дек.

⁴ Самогонное царство // Донской пахарь. 1922. 24 дек. См.: МКУ города Сочи «Сочинский городской архив». Ф. Р-25. Оп. 2. Д. 38. Л. 31-32.

злоупотреблений оставалась в регионе одной из наиболее острых на протяжении всего рассматриваемого периода, неизменно вызывая недовольство населения. Именно с пьянством, с недостатками в культурно-воспитательной работе сельские жители справедливо связывали получившие значительное развитие хулиганство и уличную преступность. В 1920-е гг. широкое распространение получил и такой вид девиаций, как проституция. Так, в Николаевской волости 1-го Донского округа «... проституция развилась до невероятных размеров. ... у жителей наблюдается большое количество венерических больных обоего пола»¹.

Опасным продолжением асоциальных девиаций традиционно выступает преступность, которая в полной мере проявила себя в доколхозной деревне на Кубани и Дону в 1920-е гг. Голод и нищета толкали людей на противоправные действия, поэтому «кражи, грабежи, разбой, наркомания, проституция и беспризорность - типичные черты северокавказской повседневности начала 1920-х годов»². В борьбе с преступностью местные органы правопорядка вынуждены были создавать агентурную сеть как в партийно-хозяйственных органах, так и в потенциально опасной преступной среде³.

Типичным преступлением 1920-х гг., помимо злостного хулиганства, стали имущественные преступления, в первую очередь кражи, а также взятки, особенно натуральным продуктом, растраты. Так, помощник волостного налогового инспектора Тюриков из ст-цы Маньково-Березовской Милютинской волости Морозовского округа заявил членам коммуны им. К. Маркса, у которых маслобойня работала, не имея на то соответствующих документов: «если дадите мне 10 пуд. постного масла, то маслобойка ваша будет рабо-

¹ Проституция // Донской пахарь. 1923. 27 июля.

² Очерки истории Северного Кавказа: XX век / В.П. Ермаков, С.И. Линец, Т.А. Невская и др. М., 2018. С. 137. См.: МКУ города Сочи «Сочинский городской архив». Ф. Р-25. Оп. 2. Д. 18. Л. 23; Ф. Р-25. Оп. 2. Д. 41. Л. 30.

* Правоохранительные органы Северо-Кавказского края в 1920-х гг. в своих отчетах акцентировали внимание на рост «деревенского бандитизма», квалифицированных краж, растраты. См.: ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 83. Д. 16. Л. 19.

³ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 66. Д. 142. Л. 169. По Северо-Кавказскому краю в 1925 г. действовало 3 714 осведомителей, из которых 70% работали в партийно-хозяйственных органах.

тать, а если не дадите, то я ее закрою»¹. Члены коммуны дали масла, но дело дошло до нарсуда 3-го района, который приговорил Тюрикова к двум годам лишения свободы за взяточничество.

В свете существенной актуализации в 1920-е гг. асоциальных девиаций и преступности нуждаются в корректировке оценки и взгляды, которые получили широкое распространение и утвердились в качестве определяющих в официальной среде, по-своему интерпретировавшей эти негативные социальные явления, в значительной степени, связывавшей их с «отсталостью» крестьянской России². Этот вывод можно признать справедливым в основном именно для деклассированных слоев крестьянства, ушедших в город и быстро утрачивавших нормы деревенской нравственности. Что касается сельской местности, то кризис общественной нравственности, в том числе асоциальные девиации, на наш взгляд, в первую очередь связаны именно с демонтажем прежних сельских институтов, в том числе сословных. На Кубани и Дону ситуацию существенно осложнили процессы расказачивания. Следует признать: «Казачья община играла исключительно большую роль в сохранении и воспроизводстве обрядовых и бытовых норм поведения, а также других культурных элементов, воспринимаемых как отличительные знаки местного коренного происхождения. Отмена войскового статуса населения и территории Дона в 1919-1920 гг. положила начало разрушению местного самоуправления, войскового воспитания...»³. Всё это существенно дезорганизовало станичную жизнь, резко ухудшило положение дел в сфере правопорядка и общественной нравственности.

¹ Маслица захотел // Донской пахарь. 1923. 14 июля.

² Троцкий Л. Чтобы перестроить быт, надо познать его // Проблемы культуры. Культура переходного периода. М., 1927. Л.Д. Троцкий, вспоминая о «растеряевщине» Г. Успенского («Нравы Растеряевой улицы»), видел проблему в том, что пролетариат представляли недавние «мещане или крестьяне». Тем самым, определяя «перспективу для осколков прошлого и зародышей будущего, он косвенно проводил мысль о своего рода несовершенстве, отсталости и даже своего рода «вине» крестьянства как уходящего класса.

³ Власкина Т.Ю. Домашний мир на сломе эпох. Очерки традиционной культуры донских казаков (конец XIX - середина XX вв.). Ростов н/Д, 2011. С. 21.

Вместе с тем в массе сельского населения, несмотря на значительный рост опасности социальных угроз, в основе сохранялась здоровая народная нравственность, которая помогала избежать крайностей усилившихся асоциальных проявлений. Показательно, что власти, борясь за укрепление позиций в деревне, все чаще вынуждены были обращаться к теме морали. На одном из представительных местных партийно-советских форумов отмечалось: «Работник на селе должен высоко держать свой авторитет и знать психологию крестьянства»¹.

В этой связи позитивные процессы в середине 1920-х гг. в немалой степени связаны с преодолением крайностей рассказывания, благодаря чему отмечался ряд полезных социальных инноваций. К примеру, важным шагом навстречу казакам в это время стало создание комиссий содействия территориальной военной работе стансоветов с участием «стариков». По желанию жителей разрешалось носить войсковую форму и холодное оружие. В рамках нового курса планировались мероприятия по возрождению наименований «станция» и «хутор», возрождению традиционных общинных станичных повинностей, изучению истории и культуры казаков, возрождению военно-патриотических традиций. Значительный подъем в казачьей среде, даже среди служивших в белых армиях, вызвало воссоздание казачьих кавалерийских частей, где нередко «поощрялись дореволюционные воинские чины, песни, традиционная форма»². Новый курс существенно менял общую обстановку в станице, усиливая социальную стабильность. Он обеспечивался авторитетом высшего руководства региона и страны в целом. К примеру, на апрельском пленуме ЦК РКП(б) в апреле 1925 г., в связи с обсуждением вопроса о работе в деревне, А.И. Микоян от имени Северо-Кавказского крайкома РКП(б) предложил «учесть интересы казаков в названии Советов, использовать военные традиции казаков, влив в них советское содержание - укомплектовать ряд кавалерийских формирований казаками, превратить их в каналы влияния

¹ Стенографический отчет II-го Таганрогского окружного сельского совещания (3/IV-6/IV 25 г.). Таганрог, 1925. С. 20.

² История кубанского казачества / ред. В.Н. Ратушняк. Краснодар, 2013.

Советской власти на казаков». В итоге пленум принял предложения А.И. Микояна не применять насильственных мер по борьбе с остатками казачьих традиций и быта¹.

На Дону местные партийные организации и их руководящие структуры, по новым оценкам, чрезвычайно быстрыми темпами пополнялись лицами непролетарского происхождения, что сказывалось на качественном составе организации. Критически переоценивались и рубежи, достигнутые на многих ведущих направлениях агитработы и коммунистического воспитания, в том числе в сфере адресной пропаганды и агитации среди различных категорий населения. К примеру, критике подверглась организация работы с женщинами, которые считались серьезным потенциалом местных большевистских организаций, особенно практика их вовлечения в общественную работу. Так, отмечалось, что большинство местных партийных ячеек отрицательно высказывались относительно вступления молодых девушек в партию². Местным организациям следовало повышать статус женщин на селе путем привлечения их к решению основных местных проблем. Активизации такой работы, ее популяризации с 1926-1927 гг. придавалось большое значение³.

Все более активно продвигалась и развивалась в общественном сознании, и тема экономической независимости женщин как основы для ее равных прав в семье и обществе. Например, крестьянки ст-цы Мальчевской Донского округа в начале 1926 г. «... открыли швейную мастерскую, а весной думают организовать земледельческую артель. При таком положении крестьянка становится независимой и может бодро смотреть на жизнь». Более того, появилось мнение, что «в свои руки крестьянка должна взять и комитет общества взаимопомощи», что можно рассматривать как одну из первых формализованных заявок на участие южнороссийских крестьянок в формировании

¹ Очерки истории партийных организаций Дона (1921-1971). Ростов н/Д, 1973. Ч. 2. С. 63. Признавалось, что решение социальных вопросов, их обсуждение на собраниях повышает общественную активность селян. См.: ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 140. Д. 229. Л. 102.

² ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 88. Л. 16 «ф».

³ Крестьянкам помогают // Сальский пахарь. 1926. 26 авг.

экономической политики на селе¹. Для активизации работы с женщинами проводились публичные мероприятия, создавались специальные пункты – «хатки-делегатки», где местные партийные и советские активисты проводили индивидуальные и коллективные беседы, читки газет и журналов. Для пропаганды нового положения женщины активно использовались возможности массовой культуры, жанр частушки, в ряде случаев точно характеризовавшей как новые социальные ориентиры, так и реальное положение дел на местах. В 1928 г. в Ростове-на-Дону начал выходить двухнедельный журнал для женской аудитории села, который называли «Хлеборобка»². Помимо информации о мероприятиях советской власти, культурном хозяйствовании на селе, рассказов о тяжелой жизни трудящихся женщин за границей, художественных произведений (стихи, рассказы), журнал публиковал познавательные материалы о воспитании детей, здоровье, праве.

Особую роль в изменении положения женщин на Юге России оказала именно такого рода аполитичная составляющая, внедрение новых фасонов одежды³. С учетом местных обычаев началось и «строительство «домов черкешенок», где девушки могли заниматься не только шитьем и вязанием, но и обучаться грамоте»⁴. При внедрении культурных и общественных новаций власть часто была вынуждена учитывать менталитет горских народов, живущих на Северном Кавказе. Например, при проведении выборной компании 1928 г. в Сочинском и Шапсугском районах Черноморского округа организованы специальные женские участки для широкого привлечения к выборам черкешенок⁵.

¹ Годунов К. Больше мест крестьянкам и казачкам в совете и ККОВ'е // Советский пахарь. 1926. 1 янв. См.: ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 46. Д. 101. Л. 6,7.

² Что читать хлеборобке? // Советский пахарь. 1928. 7 февр.

³ Абрегова Ж.О. Повседневная жизнь сельского населения Кубани: конец XIX - первая треть XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Майкоп, 2004. С. 129.

⁴ Там же. С. 127-128.

⁵ Выделяются женские участки // Советский пахарь. 1928. 3 нояб.

Современники признавали, что «равноправие женщины в станичный быт проходит туго и медленно»¹. Вот типичный пример места женщины в семье: «В станице Весёлой Павловского района гр. Костюк Филипп Афанасьевич издевается над своей женой, ... избивает свою жену самым зверским образом»². Еще более трудно проходило вовлечение женщин в сферу общественной жизни, особенно в общественную работу. На такой «подвиг» их трудно уговорить даже самым красноречивым агитаторам, имевшим определенные планы, показатели, контрольные цифры. К сожалению, нередкими были примеры того, как избрание женщины в Совет, кооперацию, ККОВ и т.д. заканчивалось немедленным избиением мужем. Пострадавшая женщина нередко отказывалась участвовать в работе соответствующего органа³.

Во второй половине 1920-х гг. постепенно вырабатывалась практика все более формализованного выделения актива и декларативного выдвижения представителей крестьянства и казачества (в том числе женщин) для участия в общественных форумах, органах власти в соответствии с заранее установленными показателями⁴. Хотя с 1927 г. в большей степени старались избежать популярных в 1925-1926 гг. практик выдвижения этого актива «по большой бороде», «преклонному возрасту», «красному сарафану»⁵.

Нельзя не признать, что конец 1920-х гг. в регионе ознаменован существенными достижениями в сфере культурного строительства. В частности, в 1929 г. на Юге России начался практический переход ко всеобщему обучению детей в возрасте от 8 до 11 лет. От местных властей требовали радикально изменить сложившуюся недопустимую ситуацию, когда на Северном Кавказе «школой охвачено только 60 процентов детей, а остальные 40 про-

¹ Годунов К. Больше мест крестьянкам и казачкам в совете и ККОВ'е // Советский пахарь. 1926. 1 янв.

² Защитите женщин // Советский пахарь. 1925. 17 мая.

³ Стенографический отчет II Таганрогского окружного сельского совещания (3/IV-6/IV 25 г.). Таганрог, 1925. С. 14.

⁴ Полуян Я. Кто управляет страной (К вопросу о составе съездов советов и исполкомов) // Известия. 1927. 26 нояб.

⁵ Клинецвич. Перевыборы Советов // Известия. 1927. 12 февр.

центров или около 250 тысяч детей остаются без всякой учебы»¹. Соответственно принято решение расширить финансирование сферы образования, обеспечить оказание материальной помощи беднейшим учащимся с привлечением средств кресткомов, кооперации, земобществ, самообложения и пр.

Совместная работа партийно-хозяйственных органов и сельской общестственности ознаменовалась хорошими результатами в улучшении «санитарии и гигиены, как в жилищах, так в селах и станицах; проведении работ по озеленению; обеспечении устойчивого водоснабжения; организации электрификации сельских поселений; выполнении ремонта и ведении строительства дорог и мостов»². В еще большей степени активность властей в конце 1920-х гг. проявлялась в сфере коммунистического воспитания, агитационной работы. Она обретала довольно агрессивный характер, что привело к оформлению тенденции общего снижения политической культуры³. Тон задавали центральные органы правящей партии и ее печать⁴. Безусловно, эта практика копировалась на местах. Вместе с тем нужно отметить и усиление массовости агитации и пропаганды. Так, в 1929 г. в сельские местности Дона выехали 40 бригад, сформированные краевым советом профессиональных союзов из 120 рабочих ростовских предприятий. Выступления агитбригад пользовались таким успехом, что одну из станиц (Песковацко-Лопатинскую) даже переименовали в станицу имени Ростовского пролетариата⁵.

В число наиболее актуальных направлений работы вновь вошла агрессивная антирелигиозная пропаганда. Летом 1929 г. на волне коллективизации и раскулачивания власть чувствовала себя уже достаточно уверенно, и в июне на Дону состоялся первый краевой съезд безбожников, который обобщил опыт закрытия церквей и открытия в них клубов и изб-читален⁶. Пар-

¹ Мурзин С. Добьемся всеобщего обучения // Советский пахарь. 1929. 17 сент.

² Багдасарян С.Д. Сельская повседневность на Юге России в эпоху нэпа: устойчивость традиций и противоречия преобразований: дис. ... д-ра ист. наук. Новочеркасск, 2017. С. 327.

³ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 21. Л. 7

⁴ Правда. 1927. 2 нояб. Дискуссионный листок № 2.

⁵ Что делают агитбригады в станицах // Советский пахарь. 1929. 21 нояб.

⁶ Первый краевой безбожный // Советский пахарь. 1929. 11 июня.

тийное руководство всё же призывало не допускать перегибов, давало прямые указания «не трогать казака и его обычаев», «умело подойти к нему, вовлечь его в общественную работу», «и тогда еще сильнее будет влияние Ком. Партии и Сов. Власти на казачью станицу»¹. Отчасти соглашаясь с приведенным выводом, нельзя не признать и того, что в результате начавшегося раскулачивания в регионе нанесен сильнейший удар «по образованным слоям бывшим атаманам, членам станичных правлений, учителям и агрономам»².

Особенно трагичные последствия имело то, что на данном фоне утратила актуальность недавно еще одна из центральных, и безусловно важная для станицы работа по укреплению «начал революционной законности. Вместо этого на волне кампаний самокритики и всевозможных «чисток» на передний план вышли «классовая бдительность» и беспощадная борьба с кулачеством и отказ от любого компромисса³. Это не могло не сказаться на развитии социокультурной сферы станицы негативным образом, закрепив явно выраженную антиправовую традицию, неуважение к нормам законности со стороны как власти, так и общества и в конечном счете заменив закон «генеральной линией» правящей партии, породив бесправие и всеобщий страх перед утратившим «непонятное милосердие» государством.

В условиях нэпа политическая культура крестьянства нашла свое выражение в расширении его общественного кругозора, проявления интереса к общественной деятельности⁴ и как следствие повышение общекультурного уровня, но при этом сохранялась напряженность во взаимоотношениях с властью. Следует отметить, что, несмотря на зажиточность кубанской и донской станицы, общий уровень культуры населения в дореволюционный период был недостаточно высок, а социальная сфера отличалась недостаточной развитостью. Что касается условий жизни местного социума, то они были весь-

¹ Об отношении к казачеству // Советский пахарь. 1925. 20 мая.

² История кубанского казачества / В. Н. Ратушняк. Краснодар: Традиция, 2013. С. 292.

³ Колхозы и печать // Беднота. 1929. 28 нояб.

⁴ Кознова И.Е. Сталинская эпоха в памяти крестьянства России. М., 2016. С. 71.

ма непростыми - обычным явлением были отсутствие элементарного благоустройства, мощеных дорог, освещения, недостаток питьевой воды. Революционная эпоха привела к полной деградации социокультурной сферы, последствия которой во многом так и не удалось преодолеть в течение 1920-х гг. В первую очередь данный вывод относится в сфере общественной нравственности. Переход в конце 1920-х гг. к форсированной социалистической модернизации на основе коллективизации и раскулачивания с неизбежностью привел и к радикальному изменению социокультурного облика села, последствия которого оказались предельно противоречивыми и неоднозначными, требующими специального осмысления.

4. ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПАРТИЙНО-СОВЕТСКИХ ОРГАНОВ В СЕЛЬСКИХ РАЙОНАХ КУБАНИ И ДОНА В 1920-е гг.

4.1. Организационно-кадровый потенциал местных структур РКП(б)-ВКП(б) и их роль в трансформации казачье-крестьянского социума

Восстановление контроля над областями Дона и Кубано-Черноморья поставило перед большевиками крайне непростые задачи в сфере создания системы управления. В предельно сложной политической ситуации основой новой власти в регионе, помимо частей Красной армии и репрессивно-карательных структур, с объективной неизбежностью становились кадры РКП(б). Констатируя очевидный факт неопытности «масс», лидер партии В.И. Ленин объявил: «Мы, партия большевиков Россию убедили. Мы Россию отвоевали ... Мы должны теперь Россией управлять»¹. Реализация данного лозунга в условиях Кубани и Дона объективно корректировалась двумя основными факторами. Во-первых, политическая обстановка в регионе усиливала значение прямого «ручного» управления из центра, что проявилось в крайне высоком значении над региональных структур (армия, ВЧК, продотряды). Во-вторых, в начале 1920-х гг. местные парторганизации были еще

¹ Ленин В.И. Очередные задачи Советской власти // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М. 1977. Т. 36. С. 172.

* Ситуация дополнительно осложнялась общим кризисом, который в 1920 г. переживала правящая большевистская партия. Период «военного коммунизма» стал испытанием для партии, продемонстрировав наличие организационных проблем и отсутствие партийного единства. К весне 1920 г. качественный состав партии характеризовался данными: рабочие составляли 11%, а служащие до 53%. См.: Известия ЦК РКП(б). 1920. № 24. С. 5; № 25. С. 55; № 27. С. 1-4.

Вступившие в партию большевиков в большинстве своем не имели «достаточной идейно-теоретической закалки». См.: Очерки истории идеологической деятельности КПСС. Октябрь 1917-1937 гг. / Морозов Л.Ф. и др. М., 1985. С. 153. За 1917-1921 гг., по данным Всероссийской переписи членов партии, удельный вес рабочих в РКП(б) сократился с 60,2% до 37,3%, но увеличилось представительство крестьян с 7,6% до 32,1%. В партийном составе устойчиво сохранялась весомая прослойка служащих (30,6%). См.: Всероссийская перепись членов РКП(б) 1922 года. М., 1923. Вып. 4. С. 37, 45-46, 26.

крайне немногочисленными и с трудом могли обеспечить кадрами аппараты управления даже на областном и окружном (отдельском) уровнях.

Теоретическое обоснование партийных реформ нашло обоснование в работе В.И. Ленина «Детская болезнь "левизны" в коммунизме», где проведена замена базового положения о диктатуре пролетариата тезисом о «диктатуре партии» от лица класса. А так как вся партия править не способна, то он использовал термин «олигархия», что означало о власти определенных групп из числа авторитетных и влиятельных, опытных» политиков¹. Позднее Ленин доказывал, что «пролетарская политика партии определяется не её составом, а громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией»². Ленин считал, что рабочий класс еще не был готов руководить государством³. Следующий шаг сделан на X съезде РКП(б), проходившем в условиях нараставшего военно-политического кризиса, на котором принята резолюция «О единстве партии» с запретом на «фракционную» деятельность и установлением жесткой внутривнутрипартийной дисциплины⁴. XII Всероссийская конференция РКП(б) (август 1922 г.) внесла изменения в Устав партии, устанавливалась обязательность дореволюционного партийного стажа и утверждение вышестоящим органом

* В годы Гражданской войны партия стала трансформироваться в централизованную иерархическую структуру. Экономический и социально-политический кризис 1920 г. вызвал острую внутривнутрипартийную дискуссию по вопросу о путях партийного строительства, породив угрозу раскола партии. Поскольку это создавало угрозу утраты власти, большевики вынуждены были внести существенные изменения в организационно-кадровую работу. Всероссийское совещание представителей губернских комитетов РКП(б) в октябре 1920 г. приняло резолюцию о едином построении партийного аппарата. См. Известия ЦК РКП(б). 1920. № 24. С. 5; № 25. С. 55; № 27. С. 14.

¹ Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1977. Т. 41. С. 24, 102, 103.

² Ленин В.И. Об условиях приема новых членов в партию // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1977. Т. 45. С. 20.

³ Ленин В.И. II Всероссийский съезд горнорабочих 25 января - 2 февраля 1921 г. Доклад о роли и задачах профессиональных союзов на заседании коммунистической фракции съезда 23 января // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1977. Т. 42. С. 253. Ленин сказал: «Разве знает каждый рабочий, как управлять государством? Практические люди знают, что это сказки... Мы даже неграмотность не ликвидировали».

⁴ Десятый съезд РКП(б). Стеногр. отчет. М., 1968. С. 632-634, 541-542. Начался процесс перехода власти от ЦК РКП(б) к Политическому и Организационному бюро ЦК, Секретариату ЦК и Генеральному секретарю ЦК (1922 г.).

избрания секретарей губернских комитетов¹. Одновременно принято решение об установлении контроля Оргбюро и Секретариата ЦК над местными кадрами. Позднее И.В. Сталин в докладе на XII съезде партии (1923 г.) обосновал данное решение: «После того, как дана правильная политическая линия, необходимо подобрать работников так, чтобы на постах стояли люди, умеющие осуществлять директивы, могущие принять директивы, как свои родные, и имеющие проводить их в жизнь»².

Итак, в рамках выхода из активной фазы Гражданской войны, на этапе перехода к миру и «малой» войны РКП(б) стремительно превращалась в монополю правящую партию. С местными особенностями этот процесс проходил на Кубани и Дону. В частности, активно действовал созданный в сентябре 1919 г. на базе Донбюро Донком РКП(б)³. Однако созданные при армейских штабах структуры сами испытывали острый кадровый голод и первым делом начинали «искать работников». 11 января 1920 г. Донисполком направил В.И. Ленину телеграмму с просьбой направить работников из прилегающих к Дону регионов «для укрепления советского и военного аппарата»⁴. В итоге в январе на Дон прибыли 127 работников. В январе - феврале ЦК прислал еще 53 коммуниста⁵. Несмотря на трудности, к 1920 г. большевикам удалось создать парткомы в северных округах Дона: «Октябрь - декабрь. В Хоперском, Усть-Медведицком, Верхне-Донском, 2-м Донском и Донецком округах были организованы окружкомы партии и временные исполкомы, в станицах и селах - Советы. В крупных населенных пунктах со-

¹ Всероссийская конференция РКП(б). 4-7 августа 1922 г. М., 1923. С. 88-110.

² Двенадцатый съезд РКП(б) 17-25 апреля 1923 года. Стеногр. отчет. М., 1968. С. 63. «В 1923 г. Сталин в качестве генерального секретаря сосредоточил все материалы в своих руках, и они стали у него лучшим орудием против сотен старых революционеров. Угрозами разоблачения, компрометации или исключения из партии». См.: Троцкий Л.Д. Сталин. М., 2018. С. 479.

³ Очерки истории партийных организации Дона. Ч. I (1898-1920). доп. изд. 2-е. Ростов н/Д, 1972. С. 495-497.

⁴ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. 1870-1924. В 12 т. Т. 8. М., 1976. С. 207.

⁵ Красный Дон. 1920. 20 марта.

здавались коммунистические ячейки»¹. К апрелю 1920 г. парторганизации РКП(б) формально действовали уже на всем пространстве Кубано-Черноморья и Дона. Но во многом они существовали лишь на бумаге. Даже выборы делегатов на IX съезд партии на Дону проведены на партконференции только 4 округов - Ростовского, Таганрогского, Черкасского, Миллеровского (11-12 марта 1920 г.)².

Поскольку на окраинах страны Гражданская война затягивалась, более того, получала новый импульс в лице повстанческого движения, основным проводником политики ЦК РКП (б) стали назначаемые краевые бюро. Отмеченные процессы оказали определяющее влияние на эволюцию большевистской организации и становление партийных комитетов³. На уровне областей сконструированы областные комитеты - Кубано-Черноморский и Донской. Поначалу основной сферой приложения сил наиболее авторитетных большевиков в регионе стали не парткомы, а государственные структуры- революционные комитеты (ревкомы) или исполкомы Советов⁴. То же самое в 1920 г. и 1921-1922 гг. в основном наблюдалось на окружном (отдельском) уровне, где председатели исполкомов, ревкомов были более авторитетными лидерами. Стремясь закрепить влияние на Кубани и Дону, обладая крайне скудными силами, большевики перешли к реализации программы массового вовле-

¹ Летопись борьбы и побед: Хроника революционной борьбы на Дону. 1875-1920 гг. Ростов н/Д, 1984.

² ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3. Л. 20.

³ На заре «советизации» региона 31 марта 1920 г. для руководства организациями Северного Кавказа ЦК образовал бюро из 5 членов (Борьба за Советскую власть на Кубани в 1917-1920 гг.: сб. док. и материалов. Краснодар, 1957. С. 396). Вскоре его состав расширился за счет руководителей подполья Закавказья, а 18 апреля 1920 г. Пленум ЦК преобразовал этот орган в Кавказское бюро ЦК РКП(б) из 12 чел. под председательством Г.К. Орджоникидзе (Краевое совещание коммунистических организаций Дона и Кавказа (27-29 октября 1920 г.). Стеногр. отчет. Ростов н/Д, 1921. С. 26, 6465). С осени 1920 г. высший партийный орган края разделился на две группы в Ростове-на-Дону и Баку. Обе напрямую связывались с ЦК и на деле были самостоятельными. Ростовской группой, возглавлявшей партийные организации русских областей, руководил член ЦК А.Г. Белобородов (Большевистское руководство. Переписка. 1912-1927. М., 1996. С. 169, 364-365.).

⁴ Летопись борьбы и побед: хроника революционной борьбы на Дону. 1875-1920 гг. Ростов н/Д, 1984. С. 241. К примеру, Г.К. Орджоникидзе с января 1920 г. возглавлял созданное на базе Кавказского фронта Бюро по восстановлению Советской власти на Северном Кавказе.

чения в партию пролетариев. В результате к лету в партию на Дону вступили более 4 тыс. чел.¹ На I Донской областной партконференции организация насчитывала 5 199 членов. Быстро росло число коммунистов Кубано-Черноморской области. На 1 июня 1920 г. в области действовало 92 коммунистические ячейки, насчитывавшие в рядах 1 140 членов и 1 870 кандидатов в члены партии². Всего с марта по август 1920 г. кубанская организация выросла в 31 раз - до 4 647 чел.³ (436 ячеек)⁴.

Строгой партийной вертикали в регионе в 1920–1921 гг. не имелось. На Дону существовали полуавтономные структуры, откровенно конкурировавшие Донской областной комитет РКП(б) и городской комитет Ростова, в итоге объединившиеся в состоявший из 7 отделов единый Донком. Так, I Донская областная партийная конференция прошла только 2-5 июня 1920 г. Член ЦК РКП(б) А.И. Рыков на ней признал, что в регионе «власть Советов и нашей партии ... держится в порядке военной оккупации»⁵.

Одним из определяющих факторов политической стабилизации и утверждения власти коммунистов было решение казачьего вопроса. Прежнее «расказачивание»⁶, вплоть до «ликвидации» казачества как группы⁷, к 1920 г. трансформировалось. Теперь казакам Кубани и Дона разъясняли, что власть «не собирается никого расказачивать» и даже обещали «полную автономию»⁸. Однако фактически политика большевиков по-прежнему определя-

¹ Советский Дон. 1920. 3 июня. См.: Пролетарии в партию коммунистов // Коммунист. Ростов н/Д, 1920. 20 февраля.

² История Кубани. XX век: очерки / под ред. В.Е. Щетнёва. Краснодар, 1998. С. 31.

³ Краснодарская краевая организация КПСС в цифрах (1917-1978). Краснодар, 1978. С. 72.

⁴ Бугай Н.Ф., Джимов Б.М. От ревкомов к Советам на Кубани. Майкоп, 1989. С. 114, 115.

⁵ ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4. Л. 106.

⁶ Кислицын С.А. «Расказачивание» – стратегический курс большевистской политической элиты в 20-х гг. // Возрождение казачества: история и современность: материалы к V Всерос. (международ.) науч. конф. Новочеркасск, 1994. С. 98-106; Государство и расказачивание, 1917-1945 гг. / С.А. Кислицын. Ростов н/Д, 1996; Кислицын С. А. Указ и шашка. Политическая власть и донские казаки в первой половине XX века. 2-е изд. испр. и доп. М., 2014.

⁷ Кислицын С.А. Политика Донбюро РКП(б) в отношении казачества в годы гражданской войны // Проблемы истории казачества XVI - XX вв. Ростов н/Д, 1995. С. 153.

⁸ Козлов А.И. Актуальность проблем истории казачества // Проблемы истории казачества XVI - XX вв. Ростов н/Д, 1995. С. 14.

лась установкой на привлечение казаков к сотрудничеству под угрозой уничтожения¹. Показательной в этом плане стала борьба на I Донской партконференции, где организации пришлось выдержать критику группы С.Ф. Васильченко, ввиду отсутствия приверженцев «диктатуры пролетариата» в станицах требовавшей подавления казачества «огнем и мечом», с опорой «на красноармейские и притом коммунистические части»². Наряду с армейскими частями, основу власти на местах составляли именно коммунистические ячейки, главным содержанием деятельности которых в первую очередь стали политический контроль, принуждение, стремление максимально регламентировать жизнь местного социума, что являлось причиной массовых злоупотреблений властью. Неудивительно, что коммунисты уже летом 1920 г. имели предельную непопулярность, а селян по-настоящему пугало слово «коммунист»³. Даже в это время основная масса селян (в том числе казаки), уставшая от войны и её последствий, стремилась избежать прямого конфликта. Это ярко доказала реакция населения на агитацию врангелевских десантов в июле - августе 1920 г. К тому же в станице, деревне, хуторе коммунисты были тогда редкими гостями.

Областные комитеты РКП(б) сразу обнаружили стремление к переносу работы в сельскую местность, но их сил с трудом хватало для влияния на округа. Так, 13 марта 1920 г. Донком провел совещание, где было принято решение создать при окружных партийных комитетах отделы по работе в станице, а партийным ячейкам организовать бедноту, оказывать помощь и вести агитацию за общественную обработку земли и организацию коллективных хозяйств⁴. Власть большевиков на уровне округа (отдела) и заканчивалась, а в станице, хуторе ее в лучшем случае представляли небольшие группы и отдельные коммунисты. В 1920 г. в округах на фоне призывов ор-

¹ Троцкий Л.Д. Казаки, в Советскую колонну стройся! По поводу предстоящего Казачьего съезда // Голос трудового казачества. 1920. 1 февр.

² ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4. Л. 43, 44.

³ ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4. Л. 25.

⁴ Советский Дон. 1920. 20 марта.

ганизовать «хождение в народ, в деревню», приходилось признавать, «что работа в деревне старым Окркомитетом РКП почти не велась»¹.

Поскольку быстрый численный рост партии шел за счет вновь вступающих, чаще всего не обладавших необходимым уровнем общей и политической подготовки, мало помогал решению проблемы комплектования работниками станицы, в регион продолжали массово «перебрасывать» коммунистов. Однако они предпочитали оставаться в областных центрах. Так, в 1920 г. «в распоряжение Кубанского комитета РКП(б) прибыли 202 работника» (в том числе 143 члена, 47 кандидатов РКП(б), 12 членов РКСМ), из которых в отделы выехали только 27. Определенную помощь региону оказал Казачий отдел ВЦИК, приславший на Северный Кавказ в январе-августе 224 чел., в том числе в Кубанскую область - 21 чел.² «Укрепление» - массовая переброска работников шла в регион из разных источников. «Для укрепления окружных и станичных партийных и советских органов Донком послал 275 коммунистов». Ростовский окружком направлял в помощь станичным ячейкам в основном агитаторов³. Естественно, что в этих условиях в большинстве случаев коммунисты и комсомольцы возглавляли городские, отдельские и станичные ревкомы или входили в их состав. Однако острый дефицит коммунистов в сельской местности по-прежнему налицо. В конце 1921 г. в Кубано-Черноморской области в звене отдельских (окружных) Советов работали 1 710 рабочих депутатов и только 949 коммунистов и кандидатов в члены партии (11 071 беспартийных)⁴.

При возникновении любой проблемы ее решение виделось в немедленной мобилизации коммунистов. Так, в июле - августе 1920 г. в целях проти-

¹ В деревню // Красный Дон. Новочеркасск, 1921. 20 февр.

² Бугай Н.Ф., Джимов Б.М. От ревкомов к Советам на Кубани. Майкоп, 1989. С. 83.

Немалую роль в усилении местных парторганизаций в 1920-1921 гг. сыграли армейские структуры. Политотдел РВС Кавказского фронта в первом полугодии 1920 г. направил в распоряжение Кавбюро РКП(б) и областных комитетов 135 чел. (в т.ч. 15 коммунистов, 6 кандидатов в члены партии). Там же. С. 82.

³ Очерки истории партийных организации Дона. Ч. 1 (1898-1920). 2-е изд., доп. Ростов н/Д, 1972. С. 505.

⁴ Бугай Н.Ф., Джимов Б.М. Указ. соч. С. 84, 220.

востояния врангелевскому десанту на Кубани и Дону парторганизации были переведены на военное положение и провели мобилизацию членов РКП(б). На Дону по каждому району была установлена разнарядка 10% от численного состава партийных организаций. Для проведения «красного месяца» продразверстки (10 декабря 1920 - 10 января 1921 гг.), объявленной Донкомом РКП(б) и Донисполкомом, в хутора и станицы направили 119 работников¹. К весенней посевной кампании 1921 г. III Донская партконференция мобилизовала 10% состава - теперь в распоряжение Донпосевкома².

Приведенные материалы показывают милитаризацию жизни местных организаций РКП(б) в 1920-1921 гг. как основное условие контроля над регионом. Трудные условия существования в охваченных повстанчеством областях, на фоне общей смены политики партии, ограничившей с X съезда «фракционную» борьбу, способствовали оформлению местных парторганизаций в иерархичные, военизированные структуры, все более замыкавшие на себе властные функции и притягивавшие к себе наиболее активные карьерные элементы. В итоге к концу первого года Советской власти на Кубани и Дону к началу перехода к нэпу, несмотря на первые попытки ограничить массовый приток в партию, он продолжал набирать силу. Так, Донская парторганизация к весне 1921 г. насчитывала 5 800 чел., причем основную массу ее членов составляли коммунисты, вступившие в партию в 1920 г. Важно отметить и то, что, как в Кубано-Черноморской области, это была крестьянская организация, в которой крестьяне и казаки составляли 44%, служащие - более 30%, а рабочие - порядка 25%. К тому же она поглотила

¹ Летопись борьбы и побед: Хроника революционной борьбы на Дону. 1875-1920 гг. Ростов н/Д, 1984. С. 255.

*Конечно же, в 1920-1921 гг. в партии были еще сильны демократические начала. Этот вывод иллюстрируется тем, что выборы парткомов давали порой весьма неожиданные результаты. К примеру, радикально пересмотрело состав парткома собрание Ростовской организации РКП(б) 7 февраля 1920 г. См.: Коммунист. 1920. 10 февр. Потенциал демократических начал обнаружила, и дискуссия о профсоюзах 1920-1921 гг., в ходе которой смело ставились вопросы «об уничтожении «верхов» и бюрократизма, для чего необходима частая сменяемость ответственных работников, широкая их выборность и поход коммунистов на фабрики и заводы». См.: Красное Черноморье. Новороссийск, 1921. 4 янв.

² Очерки истории партийных организаций Дона (1921-1971). Ростов н/Д, 1973. Ч. 2. С. 18, 33.

немало выходцев из партий меньшевиков и эсеров¹. Это соответствовало общероссийской практике, где к марту 1920 г. рабочие составляли 11%, а служащие 53% от общего числа членов партии². По другим данным, удельный вес рабочих среди членов РКП (б) за 1917-1921 гг. сократился с 60,2 до 37,3%; крестьянства - вырос с 7,6 до 32,1 %; служащих - остался устойчивым (32,2% и 30,6%)³. То есть речь шла об трех относительно равных по удельному весу слоях правящей партии. В свою очередь членов партии можно было разделить на три группы: «рядовые партийцы» - основная масса членов РКП(б); управленцы низового и среднего звена; профессиональные управленцы, политическая элита.

Всё это ярко проявлялось и на региональном уровне, где тенденция быстрого роста численности парторганизаций осталась доминирующей на протяжении всего периода 1920-х гг. В последующем большевики стали активно формировать авторитарную власть новой бюрократии во главе с признанными «вождями», а затем - одним вождем⁴.

К 1921 г. партийная вертикаль в регионе в основном была создана. При острой нехватке кадров основными формами организационно-партийной работы оставались учет, мобилизации и переброски. Но то главное, что удалось в основном обеспечить к моменту перехода к нэпу, видится в закреплении за РКП(б) ведущей роли в системе властных отношений, в том числе на местном уровне - в начавшемся переносе центра тяжести с исполкомов (ревкомов) на комитеты РКП(б)⁵. В условиях кризиса власти, в том числе конкуренции властных структур и стремительной бюрократизации, объединяющим моментом властного хаоса стало только то, что все они в основном комплек-

¹ Очерки истории партийных организаций Дона (1921-1971). Ростов н/Д, 1973. Ч. 2. С. 12, 13.

² Девятый съезд РКП (б). Март - апрель 1920 г. Протоколы. М., 1960. С. 573.

³ Всероссийская перепись членов РКП (б) 1922 года. М., 1923. Вып. 4. С. 37, 45, 46, 26.

⁴ Россия нэповская / рук. авт. кол. С.А. Павлюченков. М., 2002. С. 17; Чупрытников С.А. Региональная партийно-советская элита в 1920-30-х гг.: от девиации к коррупционным преступлениям и последующим репрессиям (на материалах Кубани) // Общество: философия, история, культура. Краснодар, 2019. № 4. С. 45-49.

⁵ Коммунистическая партия и Советская власть // Пролетарий Дона. Константиновская, 1921. 5 дек.

товались из числа коммунистов и должны были следовать директивам ЦК РКП(б), его местных комитетов. Именно 1921 г. стал началом выстраивания строгой партийной вертикали, в первую очередь это относится к постановке на партийный учета¹. К 1922 г. учетно-распределительный отдел ЦК завел карточки на 26 тыс. функционеров и отдельно на 7 тыс. работников губернского масштаба². Новый циркуляр ЦК от 17 февраля 1922 г. предписывал, что ответработники губернского и уездного масштабов должны перемещаться учраспредом ЦК по запросам с мест. Рядовые работники оставались полностью в компетенции губкомов³. Но Л.М. Каганович признавал, что новая форма учета партработников до XII съезда РКП(б) признавалась неполноценной⁴.

Применительно к региону особенно большое значение имело решение Оргбюро ЦК РКП(б) от 21 марта 1921 г. об образовании Юго-Восточного бюро ЦК под руководством А.Г. Белобородова. С октября 1921 г. его поочередно возглавляли М.Н. Лукоянов, В.И. Нанейшвили, Ю.П. Фигатнер, А.И. Микоян, Б.П. Позерн⁵. В течение 1-1,5 лет после этого, несмотря на серию конфликтов из-за кадров с Донским обкомом и Кубано-Черноморским обкомом, заявлявшими о его ненужности⁶, Бюро удалось ощутимо оптимизировать и работу областных комитетов РКП(б), что для 1921-1922 гг. и даже позднее являлось приоритетной задачей.

Кубано-Черноморская и Донская областная организации большевистской партии к началу нэпа имели массу проблем. Как и на Дону, партийные комитеты Кубано-Черноморья подвергались острой критике за низкую эффективность работы, прежде всего за слабую связь с местами и недостаточ-

¹ Циркуляр Секретариата ЦК РКП(б) от 24 мая 1921 года // РГАСПИ. Ф.17. Оп. 84. Д. 147. Л. 122.

² Одиннадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1961. С. 46, 47.

³ РГАСПИ. Ф.17. Оп. 84. Д. 148. Л. 160.

⁴ Каганович Л.М. Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника. М., 1996. С. 311.

⁵ РГАСПИ. Ф. 64. Оп 1. Д. 4. Л. 143, 63.

⁶ Известия Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б). 1921. № 7(12). С. 3-8.

ное руководство ими¹. Основной проблемой партии в деревне являлась продовольственная. План разверстки был выполнен только на 50%, многие руководители признавались, что не имели представления, как эту задачу решить. На местах шел неконтролируемый распад первичных партийных ячеек, а от местных коммунистов все чаще поступали предложения вернуться к политике 1918 г. Тогда же на областной партийной конференции прозвучали смелые слова делегата Смирнова: «Контрреволюция кроется в нас самих, и мы должны подумать о том, чтобы управлять достойно»². В докладе Клейнер вынужден был признать, что даже рабочая масса отрицательно относится к руководителям коммунистам. Признавая нейтралитет казачества по отношению к Советской власти, выступавшие свидетельствовали о быстром нарастании противоречий в кубанской станице. По мнению Смирнова: «На местах идет процесс разложения органов власти. У крестьян отбирают последнее... одновременно забирали и у казака, и у бедняка». Черных заявил: «Переводы, перемещения "с кондачка" вызывают развал, порождают сепаратизм и децентрализацию. В советском строительстве применяются военные методы руководства»³.

Характер партийной политики, нерешенность ключевых проблем партийно-организационного строительства крайне отрицательно сказывались на общественно-политической ситуации. В частности, в регионе не удавалось остановить неконтролируемый процесс выхода из рядов партии. Покидавших ряды партии по собственному желанию в это время делили на две группы: во-первых, малосознательные, поддавшиеся «мелкобуржуазной» стихии, но нередко искренние пролетарии-революционеры, подлежавшие удержанию в составе партии; во-вторых, «мелкобуржуазные элементы», идейно расходящиеся с партией по вопросам нэпа⁴. Все чаще в парторганизациях приходилось слышать: «Мы не за то проливали кровь, чтобы опять очутиться в поло-

¹ ЦДНИКК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 19. Л. 23.

² ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 85. Л. 8.

³ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 85. Л. 8, 9.

⁴ ЦДНИКК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 414. Л. 135.

жении униженного класса, который может эксплуатировать капитал»¹. Такие настроения особенно сильно проявлялись среди членов партии, имевших до-революционный партийный стаж, а также стаж революционной эпохи. Не-простая ситуация, связанная с массовым выходом из рядов партии отдельных членов из-за несогласия с содержанием провозглашенной центром нэпа, сложилась в Донской партийной организации², где местные партийные и советские работники с трудом и весьма замедленно усваивали основы нэпа³.

Местные партийные комитеты и бюро пытались разъяснить членам партии цели и задачи нэпа. В их трактовке «курс текущей экономической политики породил собою многие нежелательные явления. ... идейные шатания... нэп - сознательно выбранный путь к достижению намеченной цели»⁴. Эти выводы подтверждали итоги анкетирования ответственных работников хозяйственных органов Кубано-Черноморской области, которые показали слабое знание ими общей программы и первоочередных задач нэпа⁵.

Несмотря на передачу в апреле 1921 г. 3 округов Донской области в Царицынскую губернию, численность Донской парторганизации с 5,8 тыс. чел. в марте выросла к августу практически вдвое. Крестьяне и казаки составляли в ней 44%, а рабочие только 25%. Возможно, именно этот дисбаланс, но в еще большей степени взрывной характер роста организации, как и проблем чистоты и качества ее состава, потребовали проведения «чистки», в результате которой к началу ноября 1921 г. парторганизация Дона сократилась с 10,2 до 5,6 тыс. членов и кандидатов, т.е. на 41,7%⁶. Хотя IV областная партийная конференция в августе 1921 г. отвергла предложения возглавившего чистку члена бюро Донкома М.П. Жакова, считавшего, что исключены должны быть «все крестьяне, не ставшие на точку зрения пролетариата», а также тех, кто

¹ ЦДНИКК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 620. Л. 128.

² ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 122. Л. 22.

³ ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 67. Л. 53.

⁴ ЦДНИКК. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 12. Л. 6.

⁵ ЦДНИКК. Ф. 7. Оп. 1. Д. 50. Л. 8.

⁶ Сквозь ветры века: очерки истории Ростовской областной организации КПСС (80-е гг. XIX в. - 1987 г.). Ростов н/Д, 1988. С. 180, 181.

предлагал изгнать казаков и «интеллигенцию, которая пришла в партию после всех побед» (С.И. Ушан), и рекомендовала «индивидуальный подход к каждому члену»¹, в ходе чистки в первую очередь исключались казаки. Их среди «вычищенных» на Дону оказалось больше всего - 58%².

Большевистская партийная организация Кубано-Черноморской области осенью 1921 г. сократилась с 21 172 до 14 289 чел. (на 32%). Наибольшее количество исключенных зафиксировано в Баталпашинском и Ейском отделах, т.е. в зоне наиболее активных повстанческих действий. По социальному составу исключенные представлены следующим образом: рабочих - 1 592 чел. (22%), крестьян и казаков - 1 642 чел. (33%), интеллигенции - 202 чел.³. Меньше всего сократились партийные организации Славянского, Новороссийского и Туапсинского отделов, где в составе партии преобладали рабочие.

Хотя главная цель - усиление «рабочей прослойки» чисткой была достигнута (около 1/3 организаций)⁴, партийные лидеры признавали, что даже рабочие поддерживают скорее Советскую власть, чем партию большевиков.

Чистка показала сохранявшуюся враждебность населения политическому режиму и региональным руководителям партии, что исключало возможность пополнения партии за счет коренных крестьян и лояльных казаков. Выстроить систему политического диалога с населением оказалось труднее, чем победить в гражданском противостоянии. Выход из партии по собственному желанию или в результате партийной чистки не мог изменить ход эволюции партии. Это считалось тем более важным, что в партии не только еще не произошло коренного перелома в понимании нового политического курса,

¹ Очерки истории партийных организаций Дона (1921-1971). Ростов н/Д, 1973. Ч. 2. С. 27. На пленуме Донкома 17 сентября 1921 г. М.П. Жаков и секретарь Донкома В. Каменский предложили распустить Верхнедонскую окружную парторганизацию, где «главным образом за связь с бандами и за пассивность в борьбе с бандитизмом». Впрочем, пленум не поддержал столь радикальные меры. Там же. С. 27.

² ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4. Л. 107.

³ ЦДНИКК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 620. Л. 26. На XI съезде РКП(б) следующим образом характеризовали состав исключенных из партии: 24,7% исключены из партии «за карьеризм, шкурничество, пьянство»; 8,7% - за взяточничество, вымогательство, злоупотребления своим положением и властью. См. Протоколы XI съезда РКП(б). М., 1936. С. 731.

⁴ Очерки истории партийных организаций Дона (1921-1971). Ростов н/Д, 1973. Ч. 2. С. 26.

но и сохранялись многие застарелые проблемы - неграмотность, религиозные убеждения, злоупотребления властью, что не могло не сказаться на имидже партии¹. В то же время деятельность партийных ячеек, превращенных в местные фискальные и репрессивные аппараты, дискредитировала партию, подрывая ее авторитет среди беспартийных, которые проявляли недовольство и возмущение поведением большевиков².

Не только крестьяне, но и активные члены партии открыто писали о недостатках, злоупотреблениях в местных партийных организациях (стилистика цитат сохранена): «Люди, севшие у власти, совершенно не считаются с рядовыми работниками»³. Все чаще речь шла уже не только об отдельных коммунистах (к примеру: «Иван Темерязев – секретарь партийной ячейки Калужских нефтяных промыслов – пьяница, дебошир, крадет партийные взносы»). Вопрос ставился принципиально: «партийная организация Кубано-Черноморской области сформирована в большинстве своем из мелкобуржуазных, мещанских элементов, крестьян-собственников, служащих, выходцев из кулацких семей. Необходимо провести тщательную чистку. Коммунисты ведут себя дома безобразно, имеют слуг, на работе превратились в "царьков", дружат со спекулянтами, кулаками»⁴. И подобные примеры можно приводить бесконечно⁵.

Дела по фактам превышения полномочий советскими и партийными работниками (к примеру, во время «ущемления буржуазии»), пользовавшимися «монополией власти», по большей части списывались в архив⁶. В ходе просмотра протоколов Кубано-Черноморской партийно-контрольной комиссии

¹ ЦДНИКК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 413. Л. 35; ЦДНИКК. Ф. 7. Оп. 1. Д. 61. Л. 14.

² ЦДНИКК. Ф. 7. Оп. 1. Д. 66. Л. 70.

³ ЦДНИКК. Ф. 7. Оп. 1. Д. 18. Л. 1.

⁴ ЦДНИКК. Ф. 7. Оп. 1. Д. 129. Л. 185.

⁵ Местные партийные органы открыто признавали несостоятельность и отсутствие влияния властных структур. См.: ЦДНИКК. Ф. 1771. Оп. 1. Д. 135. Л. 1. К примеру, Кавказский отдельский комитет РКП(б) свою работу с января по декабрь 1921 г. характеризовал как неудовлетворительную. Причина - в отсутствии кадров. По его оценке, население настроено контрреволюционно, не поддерживало Советскую власть, призывало к физическому уничтожению большевиков. Ячейки переживали идейный и организационный кризис. См.: ЦДНИКК. Ф. 1771. Оп. 1. Д. 123. Л. 10.

⁶ ЦДНИКК. Ф. 7. Оп. 1. Д. 11. Л. 4.

за 1921 г. не найдено дел об исключении из партии по должностным преступлениям - они появились лишь в 1922 г.¹ Первые шаги по формированию иммунитета членов партии перед законом были сделаны. В этой связи показательным представляется опрос коммунистов Краснодарского отдела (1921 г.), который подтвердил сложное положение в партии в плане ее качественного состава. Например, член РКП(б) К. Бамберг, отвечая на вопрос: «Ваши политические убеждения?» - ответил: «Ничего большевистского»².

Сведения, полученные в результате работы РКИ в 1921-1922 гг., свидетельствовали о неудовлетворительном, а в ряде отделов о критическом положении дел. Сотрудники инспекции сообщали в письменных отчетах (приводим без редактирования): «В Темрюкском отделе полное отсутствие работы и частое перемещение кадров» - аналогичная информация проходила по Кавказскому, Славянскому, Тимашевскому отделам³. Чистка помогла несколько стабилизировать ситуацию. Кубано-Черноморская областная партийная комиссия признавала: «Уменьшилось количество заявлений о склоках, но увеличилось число заявлений, свидетельствующих об уродливых формах и методах работы членов партии», и далее: «Существует три главные проблемы: нравственные преступления, хищения народного достояния, пьянство и дебош, политическая неблагонадежность. Накладывает отпечаток на их поведение и то, что приходится применять полувоенные, административные меры в руководстве»⁴.

На Дону еще в начале 1921 г. «проведен двухнедельник по укреплению рядов партии. ... Для подготовки партийных и советских кадров были созданы совпартшколы (I и II ступени) и областная партийная школа»⁵. В 1921 г. началось создание партшкол по округам (отделам). Новороссийский партком в январе 1921 г. открыл трехмесячную партшколу 1-й ступени, и испытывая нехватку лекторов, постановил: «просить высшие инстанции об откоманди-

¹ ЦДНИКК. Ф. 7. Оп. 1. Д. 45. Л. 13.

² Там же. Л. 139.

³ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 125. Л. 14.

⁴ ЦДНИКК. Ф. 7. Оп. 1. Д. 84. Л. 44; ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 100. Л. 12.

⁵ Очерки истории партийных организаций Дона (1921-1971). Ростов н/Д, 1973. Ч. 2. С. 25.

ровании из армии лучших партийных товарищей для чтения лекций»¹. С 1 сентября 1921 г. в Ейске начала работать 4-месячная школа с целью: «подготовить партийных и советских работников волостного, станичного и районного масштаба»².

По мере усиления внутрипартийного противостояния отчасти возрастала и роль беспартийных. Одной из важнейших задач партии большевиков стало вовлечение «лучших элементов беспартийной массы рабочих»³ в активную советскую и партийную работу. Но для этого требовалось укрепить доверие народных масс к власти, увеличить их представительство в советских и партийных структурах. И, главное, начало утверждаться понимание того, что эти мероприятия должны носить системный характер, что позволяло формировать властную вертикаль, пользующуюся авторитетом у населения.

Однако количественный и качественный состав партийных организаций не соответствовал социально-классовому составу населения региона. Даже в партийной организации Кубано-Черноморья (не говоря уже о Донской области) теперь преобладали рабочие (54%)⁴. Несмотря на меры в сферах агитационно-пропагандистской работы и образования, усилия по подготовке «комсостава» партии и деятельность совпартшкол местные партийные руководители признавали: «Члены партии, вступившие в 1920-1921 гг., по существу являются беспартийными»⁵.

Идейно-политическое противостояние большевиков и зажиточных слоёв хлеборобов, вне зависимости от их социального статуса, в начале 1920-х гг. осталось определяющим. Главную роль сыграло то, что провозглашение нэпа в 1921 г. еще долго не означало отмены практики «военного коммунизма» и

¹ Красное Черноморье. 1921. 19 янв.

² Известия Ейского Отдельского Исполнительного Комитета и Комитета РКП(б). 1921. 10 авг.

³ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 80. Л. 2.

⁴ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 276 а. Л. 1-4. По результатам Всероссийской переписи членов партии в январе - марте 1922 г. партийная организация Кубани насчитывала 12 745 членов, 2 135 кандидатов в члены ВКП(б), из них рабочих - 48%, крестьян - 42%, чих - 10%. См.: ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 204. Л. 31.

⁵ Известия Донского комитета РКП(б). Ростов н/Д, 1922. № 1 (2). Январь. С. 23.

военных методов. Переход к основам нэпа трактовался местными большевиками своеобразно¹. Поэтому в организациях, особенно в среднем и низшем звене, военно-коммунистическая идеология и методы работы и после перехода к нэпу оставались основными, находя проявления даже в областных комитетах², не говоря уже о станицах.

Отсутствие должного политического опыта коммунистов на местах по-прежнему предполагалось компенсировать политико-просветительской работой. Однако реальное состояние местных партийных организаций усугублялось недопониманием целей и задач нэпа, что приводило к падению партийной дисциплины, появлению сомнений в целесообразности реформ и др.³ Как следствие, в первой половине 1922 г. повторилась ситуация начала 1921 г., когда советские и партийные функционеры на местах перестали выходить на работу, а население враждебно относилось к Советской власти. В сельской местности вновь начало набирать силу повстанческое движение. Постоянные трения наблюдались в ключевых звеньях «край – область - округ». Нередкими были и прямые конфликты местных комитетов с Юго-Восточным бюро ЦК. Так, конфликт Юго-Восточного бюро с Донкомом вылился в обращение руководителей Дона в адрес ЦК на XI съезде РКП(б). В результате ЦК согласился с предложением Юго-Восточного бюро «о снятии с Дона т.т. Жакова и Сергиевского» и усилении работниками его состава⁴. Несколько спокойнее обстановка была на Кубано-Черноморье, где обком лишь подвергся критике: «Областной центр мало уделяет времени местным отделам и почти не знаком с работой, положением дел»⁵.

¹ ЦДНИКК. Ф. 557. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.

² ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 122. Л. 22-26; ЦДНИКК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 246. Л. 52; Красное Черноморье. 1921. 30 дек.

³ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 79 а. Л. 3.

⁴ Известия Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б). Ростов н/Д, 1922. № 4 (11). Июль; № 2 (9). 1 июня. С. 18, 19.

⁵ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 154. Л. 15.

В этот период влияние партийных функционеров в сельской местности было незначительным, а в некоторых случаях отсутствовало¹. Лишь под влиянием реальных шагов по пути нэпа, с весны 1922 г. начался процесс медленной стабилизации - вначале на Дону, а со второй половины 1922 г. и на Кубани. Под влиянием новых политических реалий для правящей партии 1922 г. прошел под знаком XI съезда РКП(б), констатировавшего, что «отступление закончено» и потребовавшего больше внимания уделить внутрипартийным проблемам. Теперь, когда главная угроза исходила для РКП(б) со стороны буржуазной культуры и среды, «которая способна засосать стоящего во главе учреждения ответственного коммуниста», а с другой - были установлены новые приоритеты работы - «хозяйственно-организационная вместо административно-принудительной»², повышенное внимание привлекла именно партийная работа. С 1922 г. росло число партийных школ и курсов, в местных газетах появились специальные разделы и стали выходить специализированные номера газет. Особую популярность приобрела актуальная программа выработки «средняка-партийца»³. Таким образом, партия впервые занялась «собой», сосредоточившись на формировании местных аппаратов, которые должны были стать основой системы партийно-государственного управления и сыграть решающую роль в обновлении «отсталой» деревни.

В 1922 г., особенно к концу года, в регионе действительно наступил период определенной стабилизации. Важную роль в этом играли процессы партийной самоорганизации. Однако на станичном и волостном уровне партийные органы оставались крайне слабыми. Если в начале года военнo-коммунистические, мобилизационные практики в данной сфере доминировали, то в течение года ситуация существенно изменилась. Что касается насе-

¹ ГАКК. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 1221. Л. 24; ЦДНИКК. Ф. 557. Оп. 1. Д. 10. Л. 3; ЦДНИКК. Ф. 557. Оп. 1. Д. 35. Л. 15; ЦДНИКК. Ф. 3664. Оп. 1. Д. 3. Л. 1; Красное Черноморье. Новороссийск, 1922. 18 февр.; 1922. 26 апр.

² Красное Черноморье. Новороссийск, 1922. 18 февраля. № 565-40; 26 апр.

³ Некоторые штрихи из жизни Кавказской организации РКП(б) // Красное знамя. Краснодар, 1922. 16 июля.

ления аграрных районов Кубани и Дона, то оно продолжало рассматриваться лишь в качестве объекта прямого «руководящего» воздействия РКП(б). С осени 1922 г. внимание правящей партии впервые сосредоточилось на волостном уровне руководства селом. В октябре 1922 г. VII Донская областная партийная конференция, исходя из решений XII Всероссийской конференции РКП(б), решила «усилить деревенские парторганизации», направив ответственных коммунистов из городов округа, предварительно проведя с ними учёбу. «Осуществление этих мероприятий должно было закрепить и усилить влияние партии в деревне, упрочить позиции Советской власти»¹. На деле это означало окостенение власти и максимальную формализацию местной крестьянской самодеятельности и активности, легальное выражение которой допускалось лишь в формах признательности РКП(б) и радости по поводу факта «партийного руководства». Отмеченные тенденции получили окончательное закрепление в 1923 г., во-первых, в рамках курса на неуклонное усиление руководящей роли партии. Во-вторых, на этом фоне существенно возросло внимание правящей партии к теме руководства крестьянством. Новые партийные директивы внесли существенные корректировки в работу РКП(б) в деревне. Работники Донского окружкома «первый раз с партийной инспекцией были в Константиновском районе» именно в 1923 г.²

Поскольку дефицит кадров «ответственных» партийных работников, призванных преобразовать деревню, по-прежнему ощущался остро, важное значение для РКП(б) сохранили задачи их подготовки, т.е. активизации деятельности совпартшкол. Несмотря на то что Агитпроп ЦК уже в конце 1922 г. требовал не только подготовки «коммунистов-практиков» в совпартшколах, но и сосредоточения «углубленной подготовки... в едином типе школы (Комуниверситетах)»³, в регионе еще предстояло много работы. В Кубано-Черноморской области курсы секретарей волкомов и станячеек (со-

¹ Очерки истории партийных организаций Дона (1921-1971). Ростов н/Д, 1973. Ч. 2. С. 47, 48; ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 293. Л. 39.

² ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 33. Л. 4.

³ РГАСПИ. Ф.17. Оп. 60. Д. 186. Л. 93, 22.

крашенная программа) открылись лишь 15 мая 1923 г. Сразу выяснилась нехватка подготовленных кадров¹. Неудивительно, что, по оценке краевых инстанций, на Дону «уровень развития ответработников» таков, что «большая часть не имеет или почти не имеет общеобразовательного минимума, а в вопросах же марксизма не весьма сильны»².

Это ставило перед местными парторганизациями сложные задачи, а их положение еще не отличалась должной стабильностью состава. В Кубано-Черноморской области в конце 1920 г. в организации состояло 9 782 чел., в мае 1921 г. - 17 116 чел., в сентябре - 20 172 чел. После очередной чистки в 1922 г. осталось 14 289 чел., а весной 1923 г. численность партийной организации составляла 12 тыс. чел. (рабочих - 49%, крестьян - 25%, ших - 14%, прочих - 12%). К концу марта 1923 г. численность партийной организации вновь уменьшилась до 10 269 чел., из них в городских организациях состояло 4 691 чел., а в станичных - 5 578 чел. Коммунисты составляли 0,34% общего количества населения³. Еще сложнее в это время ситуация была на Дону, где местному областному хотя и удалось добиться «правильного размежевания» функций партийных и советских органов, усилив руководство различными аппаратами управления, к марту (1923 г.) в областной парторганизации состояло 3 800 коммунистов⁴.

В течение 1923 г. местные комитеты «укрепляли» Советы, кооперацию, профсоюзы, кредитные организации и торговлю. На этом фоне тема парткомов даже отчасти ушла в тень, в поле зрения остались преимущественно партийные ячейки и усиление кадров их секретарей. Хотя в 1923 г. еще отмечались конфликты парткомов и исполкомов из-за лидерства, в основном они сместились на уровень волостей (станец), свелись к конфликтам секретарей волкомов с председателями волисполкомов (секретарей ячеек и председате-

¹ Красное знамя. 1923. 28 июля. № 166.

² Коммунист. Ростов н/Д, 1923. №11. Май - июнь. С. 42.

³ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 293. Л. 39.

⁴ Очерки истории партийных организаций Дона (1921-1971). Ростов н/Д, 1973. Ч. 2. С. 49, 51.

лей сельсоветов)¹. Причем ведущая роль партии была закреплена даже здесь. В Кубано-Черноморской области сеть сельских ячеек в 1923 г. состояла из 391 единицы (4 759 коммунистов) на 2 845 населенных пунктов (из них более 600 крупных)². То есть даже в значительной части крупных станиц ячеек в это время не было. В конце 1923 г. существовали целые волости, где не было и волостных комитетов РКП(б), что заставляло ставить вопрос об укреплении «наиболее слабых мест»³.

На Дону к концу года в составе волостных исполкомов коммунистов было 84,6%. Членами партии являлись все председатели волисполкомов и многие председатели сельсоветов. Из 4 288 депутатов сельских Советов 896 (20,9%) были коммунистами. Из 1 170 коммунистов, состоявших на учете в деревенских ячейках, 1 127 (90%) были членами Советов⁴.

Лишь в конце 1923 г., прежде всего в связи с внутривнутрипартийной дискуссией, вопросы «укрепления самого партаппарата, в том числе в деревне, вновь стали выходить на передний план. В этой связи, к примеру, Черноморский окружком предложил: «сплотить работоспособные, руководящие аппараты, как районных, так и окружной парторганизаций»⁵.

В начале 1924 г. дополнительный импульс активности придали «ленинский призыв» и курс на «орабочение» партии. Он усилил тему укрепления деревни, куда по директиве ЦК началась переброска 3 тыс. партийцев. Так началась реализация долговременной и масштабной программы планомерного насыщения деревни, всех ее аппаратов городскими кадрами. Но практика вскоре обнаружила серьезные изъяны, прежде всего нежелание городских работников ехать в деревню. Когда во исполнение директивы ЦК в начале 1924 г. Кубано-Черноморский областной комитет РКП(б) решил направить в

¹ ЦДНИКК. Ф. 11. Оп. 1. Д. 207. Л. 20, 21.

² Красное знамя. 1923. 12 авг.

³ Под знаменем РКП(б). Однодневный выпуск Майкопского комитета партии // Приложение к газете. Красный пахарь. Майкоп, 1923. 23 нояб.; ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 301. Л. 22а.

⁴ Очерки истории партийных организаций Дона (1921-1971). Ростов н/Д, 1973. Ч. 2. С. 53.

⁵ Картуков А. Наши ближайшие задачи // Красное Черноморье. 1923. 11 окт.

деревню до 5 марта 75 чел., его планы были сорваны по причине нежелания «перебрасываемых» ехать «в глушь»¹. Начало кампании усиления деревни кадрами партработников прошло формально. Оно почти никак не сказалось на составе секретарей ячеек². Таким образом, городские коммунисты не желали ехать на работу в деревню, а сельские большевики вели упорную борьбу за местные должности. Гораздо более важной проблемой в это время казалась нехватка коммунистов для многочисленных кампаний «укреплений». В этой связи для организаций РКП(б), в том числе и в рассматриваемом регионе, новый курс означал не только повышение удельного веса пролетариев, но и существенное увеличение численности. Партийная организация Кубано-Черноморской области насчитывала в рядах к лету 1924 г. 5 869 чел., из них 3 530 кандидатов в члены партии. За год в партию было принято 800 чел. из них до 90% рабочие. Резервом партии на селе считался слой батраков, которых в округе было около 6 тыс. чел.³

За год с марта 1923 г. до 1 апреля 1924 г. Донская областная организация РКП(б) увеличилась с 4 783 до 7 943 коммунистов. Для преодоления возникшего перекося в мае 1924 г., «чтобы усилить влияние партийных ячеек в деревне», XIII съезд РКП(б) возобновил прием в партию крестьян, вслед за чем ЦК РКП(б) дал указание о приеме в партию 20 тыс. крестьян. Для Донской парторганизации контрольная цифра приема составила 400 чел. (на всем Юго-Востоке России - 2 тыс., 11,8% парторганизации). Выполнить директиву в 1924 г. не удалось, и эта задача решалась в рамках нового курса 1924-1925 гг., когда ЦК не просто снял прежние нормы приема крестьян в партию (2-3 чел. на волость), но и форсировал прием крестьян в партию, что обеспечило значительный рост их удельного веса⁴. Это означало явный пересмотр прежней политики, когда отсутствие диалога и взаимопонимания между крестьянской массой и государством провоцировало исключение крестьян

¹ Николаев В. Боевая задача партии // Красное знамя. 1924. 9 марта. № 56.

² ЦДНИКК. Ф. 11. Оп. 1. Д. 295. Л. 2 г.

³ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 12. Л. 22.

⁴ Очерки истории партийных организаций Дона (1921-1971). Ростов н/Д, 1973. Ч. 2. С. 71-87.

и казаков из партии. Так, до 80% хлеборобов Кубани в 1923-1924 гг. были исключены из партии по сословным признакам¹. Происходило это на фоне падения роста производительных сил в сельском хозяйстве, нарастания товарного кризиса и сокращения объемов товарооборота. Партийные структуры отличались здесь слабой связью с массами, приоритетом административно-командных методов работы, отсутствием должной дисциплины.

Для региона поворот к более тесному взаимодействию с крестьянством совпал с целым рядом знаковых событий. Так, в 1924 г. парторганизация получила право на формально выборный руководящий орган - Юго-Восточный краевой комитет РКП(б), вскоре переименованный в Северо-Кавказский². Такое преобразование способствовало формированию единообразной сети парткомов - органов управления регионом. Летом 1924 г. проведено районирование с упразднением Донской и Кубано-Черноморской областей. Намечавшееся к этому времени укрепление волостей и округов позволило считать, что областное звено является излишним, что и привело к корректировке вертикали: край – округ - волость. В этой связи областные кадры вынуждены были идти в округа.

Уже в преддверии районирования началась реальная «передвижка партийно-советских сил из городов в деревни»³. Ейский отделком в первом квартале направил в станицы 60 чел.⁴ Черноморский окружной комитет РКП(б) «мобилизовал» и направил в деревню 10 чел.⁵ На эту кампанию, в рамках всеобщей проверки непролетарского состава РКП(б) в 1924 г., наложилась установка сверхуисключать всех, даже самых добросовестных, если «их работа не проникнута тем партийным духом, который должен проникать в работу всякого советского работника-коммуниста»⁶. Одновременно с этим

¹ ЦДНИКК. Ф. 7. Оп. 1. Д. 82. Л. 18.

² Серебрякова Т.Е. Деятельность Северо-Кавказского крайкома (1924-1934 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1990.

³ Свежие кадры в деревню // Советский Юг. 1924. 11 апр.

⁴ Советский Юг. 1924. 1 мая.

⁵ Город - деревня // Красное Черноморье. 1924. 28 марта.

⁶ К проверке непролетарского состава РКП // Красное Черноморье. 1924. 2 апр.

к лету 1924 г. стала постепенно меняться позиция РКП(б) в отношении казачества, враждебное отношение уходило в прошлое, признавалась возможность установления с ним союзнических отношений. Об изменении говорил А.И. Микоян в докладе на II Юго-Восточной краевой партийной конференции в мае 1924 г.: «Вопрос о середняке - это отчасти весь вопрос о казачестве, ибо большинство казачества середняки. Нельзя привлечь казаков без того, чтобы не привлечь к себе всех середняков, и, наоборот, привлекая середняка, мы привлекаем казака»¹. Но на практике данный тезис не соответствовал реальному положению дел в советских и партийных структурах, что блокировало мероприятия нового курса до конца 1924 г. Недопустимо нарушение законодательства в отношении крестьянства, так как оно болезненно реагировало на эти факты и было готово к любым протестным действиям. Инициативы по формированию собственных, местных налогов и административных мер воздействия способствовали обострению социального противостояния в южнороссийской станице².

Обследование станичных ячеек Кубанского округа (12 ячеек) показало и то, что вся их работа по существу сводилась к администрированию секретарей, тогда как сами ячейки оставались пассивными. Поэтому типичная ситуация состояла в том, что ячейка пассивна: «мол, что ни скажу, во всем соглашаются», а «все руководство осуществляю я лично, секретарь ячейки, в административном порядке»³.

«Подпадающих под непонятное стремление к наживе и обрастанию» остро критиковали на Сальской окружной партконференция (3 марта 1924 г.)⁴. С середины 1924 г. партийные структуры все более выводились из зоны критики⁵. Лишь к осени 1924 г. в этой странной и противоречивой кар-

¹ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 95. Л. 11.

² Измозик В.С. НЭП через замочную скважину // Родина 2001. № 8. С. 81.

³ Баранов С. К работе в станичной ячейке (по материалам обследования) // Красное знамя. 1924. 24 сент.; Притыка П. Так нельзя работать // Советский Юг. 1924. 20 сент.

⁴ ЦДНИРО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 26. Л. 10.

⁵ Трудовой Дон. 1924. 26 июня. После выступления И.В. Сталина на курсах секретарей укомов 17 июня 1924 г. поворот от обсуждения несовершенства партийного аппарата к анализу проблем работы советских структур закреплен в полной мере.

тине стали заметны новые моменты. В сельских округах ставится задача: «Устранение сельскохозяйственной неграмотности среди ответственных работников». То есть выяснилось, что для коммунистов - руководителей села это было проблемой. Даже после этого, в октябре 1924 г. в рамках доклада Сальского агитпропа, в прениях звучали прежние предложения направить сюда работников, которые бы не имели своих хозяйств, «чтобы они служили нам примером»¹. На основании решений XIII партийного съезда ВКП (б) лишь осенью 1924 г. II Северо-Кавказской краевой партийной конференцией разработаны новые планы по партийному строительству, работе в деревне, учету и распределению и пр.² Местные партийные организации должны были демонстрировать преимущества коллективных форм хозяйствования, проводить разъяснительную работу, вступать в кооперативы и на личном примере доказывать приоритет социальных преобразований, проводимых большевиками. Признавались необоснованными решения об исключении из партии «крестьян от сохи» в период полевых работ под предлогом «потери связи с партией». Любые нарушения законности должны были пресекаться. В этой связи проявились первые ростки противоречий между судебными органами ЧК и местными партийными структурами при рассмотрении персональных дел большевиков. Вводилось понятие двойной ответственности, что означало ответственность партийной организации за членов партии и ответственность члена партии перед своей первичной организацией. Эти меры гарантировали членам партии судебный иммунитет.

В рамках районирования на передний план всё более выходила тема укрепления сельских партийных ячеек и окружных парторганизаций³. В 1924 г. с целью улучшения работы в казачьих регионах при Всесоюзном совещании по работе в деревне при ЦК РКП(б) была создана казачья комиссия. Она должна была подготовить вопрос о положении казачества к пленуму

¹ ЦДНИРО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 34. Л. 3-6.

² ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1 а. Л. 3.

³ Коммунист. Ростов н/Д, 1924. № 3-4. Сентябрь - октябрь. С. 120-135.

ЦК РКП(б)¹. Протоколы бюро Северо-Кавказского крайкома за декабрь 1924 г. отражают требование создания благоприятных условий для беспартийных выдвиженцев из казачества и крестьянства, «которые обеспечивали бы полное применение их практического опыта, инициативы и энергии»².

К концу 1924 г. новые акценты работы в деревне окончательно расставило краевое совещание заведующими организационными отделами. Новые оценки положения коммунистов в деревне сводились к тому, что «в сознании крестьянина коммунист частенько представляется "чужаком" в селе, во-первых, "носителем власти" - во-вторых». В райцентрах крупные ячейки по 30-40 чел. «почти целиком состоят из советских служащих». Районирование только усилило эти процессы, что не отвечало запросам времени: «Когда-то мы "делали ставку" на военного комиссара, на красного директора и т.д.; теперь мы должны «сделать ставку» на хорошего, большевистски-грамотного секретаря сельячейки»³.

Кроме партийных ячеек, следовало укреплять и другие институты власти. Поскольку кадров было мало, а работников города деревня не интересовала, к концу 1924 г. переброска стала сочетаться с выдвижением на «более ответственную» работу. Предел демократии сразу определен вполне ясно. Принятый 16 октября 1924 г. план работы орграспреда крайкома партии на октябрь-ноябрь по вопросам выдвижения ставил задачу: «разработать новую номенклатуру должностей, по которым назначения и смещения происходят только по согласованию или постановлению Крайкома»⁴. Кубанский окружной комитет принял аналогичное решение раньше, 3 октября 1924 г.⁵

С рубежа 1924-1925 гг., проведя весь год под лозунгом «Коммунисты в деревню!», РКП(б) существенно уточнила курс на «укрепление» деревни, с одной стороны, развернув центральную для всего 1925 г. кампанию «добро-

¹ Перехов Я.А. Власть и казачество: поиск согласия. Ростов н/Д, 1997. С. 83.

² ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 25. Л. 54.

³ Задачи оргработы в деревне (к итогам краевого совещания заворгов) // Коммунист. Ростов н/Д, 1924. № 5, 6. Ноябрь - декабрь. С. 20, 23.

⁴ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 21. Л. 37.

⁵ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 17. Л. 62.

вольчества» под лозунгом «Добровольцы в деревню!», а с другой – начав под своим контролем довольно широкое «выдвижение» беспартийных непосредственно на местах. Наряду с этим, особенно в начале 1925 г., сохранила значение и относительно более узкая программа улучшения кадров секретарей партячек, несколько скорректированная в плане большего учета интересов уже имевшегося, действующего контингента. В частности, теперь акцент сделан на том, что слабость станичного звена партии объяснялась крайне непростым материальным положением секретарей, вынужденных совмещать руководство ячейкой с работой в советских структурах. Именно в этих условиях отмечалось, что «ячейки, как целостной организации, как звена общепартийного коллектива, на селе не существует, а есть лишь отдельные члены, выполняющие советскую, партийную или общественную обязанность». Вся работа в ней замкнута на секретаре, причем: «Партийные работники заняты на административно-советских постах и не имеют времени для партработы и для самообразования. Это приводит к тому, что вся ячейка в целом приобретает уклон - от руководства к администрированию»¹. Для сельских ячеек наступали непростые времена (открытые собрания, контроль беспартийных). В контексте нового курса партии, в противовес растущему вмешательству в жизнь партии беспартийных масс (вплоть до избрания на общих беспартийных собраниях секретарей ячеек), как паллиатив демократических форм распространение получили «взаимные обследования» ячеек², которые нравились секретарям значительно больше, чем контакты с беспартийными.

Однако означал ли курс «Лицом к деревне» по-настоящему системный, принципиальный поворот в политике партии в деревне, позволявший надеяться на существенное расширение вовлеченности населения, прежде всего сельского, в систему властных отношений? Ответить на этот вопрос поможет внимательное изучение заявленных властями перемен, с одной стороны, и компенсационных механизмов, гарантирующих безусловный политический

¹ О работе сельячек (к итогам смотра сельячек) // Красное знамя. 1925. 7 февр.

² Красное знамя. 1925. 13 янв.

контроль партии в деревне - с другой. Важно понять и то, как новый курс воспринимался сельскими коммунистами, как он повлиял на отношения местных партийных организаций, функционеров с крестьянско-казачьей массой. На местах отношение партийцев к курсу «Лицом к деревне» оказалось более чем настороженным, а нередко - глубоко отрицательным. Современники часто обращали внимание на растерянность местных низовых функционеров, не понимавших и даже отказывавшихся понимать происходящее. В частности, «находились такие секретари ячеек, которые «новый курс» старательно запрятали даже от ячейки», проводили «секретные совещания» с наиболее доверенными лицами, избегая публичных обсуждений¹.

Даже внешне искренние сторонники нового курса также нередко видели в нем не столько расширение демократических начал на селе, сколько более активное перемещение туда кадров из города². В контексте приведенных данных следует согласиться с исследователями, которые подчеркивают, что, если на уровне краевых и областных структур коммунисты достаточно уверенно высказывались «за» новый курс (во всяком случае, публично), то в округах и ниже преобладал скепсис. В трактовке А.П. Скорика и Р.Г. Тикиджьяна представители низших эшелонов местного руководства на Дону, коммунистический актив, рядовые члены партии придерживались в большинстве своем «этнографически-унитарной позиции», по которой казаки (кулачество) рассматривались как безусловные враги и контрреволюционеры, а потому подлежали ограничению, расказачиванию и раскрестьяниванию. Краевая верхушка, более лояльная ко всем переменам партийного курса, являлась выразителем «социально-дифференцированной позиции», предполагавшей возможность плодотворного взаимодействия власти с казачьей беднотой и середняками³.

¹ ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 224. Л. 14, 15.

² Как выполняется лозунг «Лицом к деревне» (о работе деревенских коммунистов) // Красное Черноморье. 1925. 17 марта. № 62; Жалобная книга // Красное Знамя. 1925. 13 июня.

³ Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Донцы в 1920-х годах: Очерки истории. Ростов н/Д, 2010. С. 11-20.

Рассматривая вопрос о характере отношения к новому курсу коммунистов, в первую очередь деревенских, было бы ошибкой не указать на то, что часть местных работников, особенно в станицах, волостях, округах восприняла его в штыки, заявляя, что курс «Лицом к деревне!» превратил коммунистов в «слуг» мужика¹. Признавалось, что местные партийные кадры не воспринимали проводимый курс и результаты выборов в местные органы власти, демонстрируя «упаднические настроения»².

Магистральный курс на выдвижение коммунистов, а затем во все большей степени и беспартийных, дополнялся очередной «чисткой» партии, идею которой уже 19 февраля 1925 г. выдвинул секретарь Северо-Кавказского крайкома А.И. Микоян. Ее смысл состоял в том, чтобы избавиться в деревне от полностью «разложившихся» коммунистов, оздоровить деревенские организации, наладить отношения с беспартийным крестьянством³. Закрепленная решениями XIV Всесоюзной конференции РКП(б), именно эта программа позволила затем провести проверку деревенских парторганизаций,⁴ повысив эффективность деятельности низового партийного аппарата и усилив влияние партии в деревне. Такие действия были безусловно необходимы в регионе, где значительная часть населения оказалась в скрытой оппозиции власти, где спустя пять лет после изгнания белых большевики продолжали игнорировать это население, опираясь на «пришлый элемент», подавляя казачество и значительную часть крестьянства. В ст-це Каневской, к примеру, из 45 коммунистов ячейки лишь 1 был казаком, а остальные - «переброшенными». Неудивительно, что в выборах здесь в 1924 г. участвовало только 9% избирателей⁵.

Прежние военные, силовые методы командования и воздействия с ростом активности крестьянства, казачества должны были быть заменены на

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2 Д. 917. Л. 51.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 917. Л. 253, 268, 279.

³ Очерки истории партийных организаций Дона (1921-1971). Ростов н/Д, 1973. Ч. 2. С. 87.

⁴ Правда. 1925. 27 июня.

⁵ Результаты обследования (Доклад тов. Чухалкина на расширенном заседании Бюро Округа РКП(б)) // Красное знамя. 1925. 2 авг.

инные - способы убеждения. Как считали понявшие суть нового курса коммунисты, «перед нами задача: организация вокруг партийных ячеек беспартийного актива из передовых крестьянско-казачьих элементов станицы. ... связать их в единый неразрывный блок с середняком, чтобы противостоять влиянию нарождающейся деревенской буржуазии»¹. Крестьяне по-своему отреагировали на изменение политики большевиков².

Вместе с тем даже в разгар кампании «Лицом к деревне» правящая партия всесторонне и детально регулировала развитие общественно-политической самодеятельности как в среде коммунистов, так и в массе сельского населения. Это была аксиома для ЦК РКП(б), что дополнительно закреплялось общим настроением и реальными управленческими возможностями среднего звена партийных руководителей. Документы свидетельствуют, что уже на уровне округа местная партийная власть чувствовала себя абсолютным хозяином положения, решаясь на демарши даже против столичных партийных «инстанций», не говоря уже о местных органах суда, милиции и др.³

Все знаковые события в рамках курса «Лицом к деревне» проходили с неизменным участием ЦКК-РКИ при акценте на необходимость тесной связи его подразделений с партийными организациями. Об этом красноречиво говорят итоги январского 1925 г. совещания секретарей партячеек советских учреждений при ЦК РКП(б), заслушавшего вопрос о роли партийных организаций в улучшении госаппарата, а на региональном уровне - II краевого съезда заведующих и старших инспекторов окружных отделений РКИ 11-13 июня 1925 г., потребовавшего «связать работу ячеек содействия с комячейками»⁴.

¹ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1. Л. 83.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 857. Л. 86. В «Крестьянскую газету» только за один месяц поступало до 1000 писем от крестьян страны.

³ Повышенное внимание к вопросам контроля в более высоких эшелонах власти подтверждается заметным усилением роли ЦКК-РКИ. Слияние органов Рабоче-крестьянской инспекции со структурами партийно-контрольных комиссий было завершено к маю 1924 г., т.е. к началу активизации партийной работы в деревне, с одной стороны, и к моменту образования Северо-Кавказского края и упразднения областей, - с другой.

⁴ Контроль по-ленински. Ростов н/Д, 1965. С. 12, 15, 33.

Уже в конце 1925 г. тональность выступлений местных партработников и подконтрольных органов печати всё более менялась в духе требований последовательного усиления «руководящей» роли РКП(б): «Хлеборобские массы верят партии и не только желают, но и требуют от нее руководства»¹. С учетом общественных настроений в сельской местности такая эволюция была более чем закономерной.

Сельское население Кубани и Дона и в основной своей массе приняло новый курс. Резко выросла его общественно-политическая, гражданская активность. Именно беспартийные элементы, в том числе из среды казачества, зажиточных хлеборобов, принимали самое активное участие в собраниях граждан, выдвигали свои кандидатуры на различного рода выборах (Советов, кооперации, ККОВов и пр.)². Например, в соответствии с курсом «Лицом к деревне» большую роль в кампании перевыборов Советов в первом квартале 1925 г. директивы ЦК РКП(б) отводили предвыборным беспартийным конференциям. Но беспартийные конференции хлеборобов становились местом объединения оппозиционных групп, что вызывало раздражение местных партийных функционеров³.

С первых дней осуществления нового курса выяснилось, что он создает серьезную угрозу прежнему всевластию коммунистов в станице. Так, по итогам Северо-Кавказского краевого совещания работников казачьих округов были даны четкие рекомендации о необходимости комплектования партячеек станиц по возможности казаками, способными осуществлять руководство партии в станицах⁴. Последние нередко оказывались значительно более подготовленными, лучше владевшими знанием директив РКП(б) и работ ее

¹ Красный пахарь. Майкоп, 1925. 13 нояб.

² О мероприятиях по оказанию по мощи станичной бедноте // Красное знамя. 1925. 18 июня.

³ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 117. Л. 7.

⁴ Итоги краевого совещания работников казачьих округов // Красное Знамя. 1925. № 151. (1645).

вождей. Соответственно в публичных схватках на собраниях они часто уверенно побеждали представителей власти¹.

На выборах казаки и крестьяне «проваливали» не только представителей местных ячеек, но даже и довольно известные фигуры, представлявшие более высокий уровень власти (секретарей райкомов, волкомов партии и пр.)². В этой связи Северо-Кавказский крайком вынужден был признавать, что в ряде случаев стихийная самоорганизация на местах оказалась более эффективной, чем действия коммунистического актива³. Не говоря уже о том, что союзники правящей партии рассуждали следующим образом: «У меня жена и дети, и я не могу быть в партии, но я большевик и в нужный момент возьму винтовку и выполню свой долг»⁴.

Коммунисты-ответработники, как правило, имевшие не столько навыки диалога, открытых публичных дискуссий, сколько приказа и военно-коммунистического подавления несанкционированной активности нередко не могли противопоставить низовой активности ничего, кроме апелляции к вышестоящим партийным комитетам. В своих отчетах и сообщениях они главным образом акцентировали внимание на «контрреволюционном» прошлом и очевидной политической нелояльности своих противников⁵. Даже власть Совета воспринималась местными партийцами только как власть входящих в него коммунистов⁶. Неуклонно углублявшийся конфликт между сельскими коммунистами и широкими слоями вновь выдвигавшегося станичного актива был своевременно замечен руководством РКП(б), принявшим уже опробованные меры. Эта тема активно обсуждалась и на регио-

¹ Кубанская станица на выборах в Советы. Краснодар, 1925. С. 18, 19.

² ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 253. Л. 19, 20 об.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 16. Д. 885. Л. 24. Сводка о работе Северо-Кавказской партийной организации с мая 1924 г. по октябрь 1925 г.

⁴ Из партийной жизни // Красное Знамя. 1925. 24 июня.

⁵ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 100. Л. 22, 23.

⁶ Архивный отдел администрации муниципального образования г. Новороссийск (АОА МО г. Новороссийск). АОА г. Новороссийска. Ф. Р-9. Оп. 3. Д. 4. Л. 26; Расширенный пленум Окружкома РКП(б) «О предварительных итогах проверки» // Красное Знамя. 1925. 17 июня; Расширенный пленум Кубано-Черноморского областного исполнительного комитета советов рабоче-крестьянских, казачьих и городских депутатов (16–19 мая 1921 г.): отчет. Краснодар, 1921.

нальном уровне, где признавалось наличие острых проблем в кадровом вопросе¹. В разгар «потепления», с середины 1925 г. и в стране, и в регионе вновь отмечалась существенная актуализация «переброски» партийных работников в деревню. Хотя теперь в кампании «переброски» присутствовал сильный акцент на «добровольчестве»² (заметный еще с 1924 г.), общий ее смысл оставался традиционным. Главная установка партийных комитетов сводилась к тому, чтобы организовать добровольный переход на эту работу подготовленных, инициативных коммунистов³. Правящая партия была обеспокоена не только ростом активности широких масс селян, но и явлениями в среде беспартийных выдвиженцев, которые начинали задумываться о созыве своего «съезда выдвиженцев»⁴. Но реализации программы насыщения деревни коммунистическим активом городских организаций объективно препятствовал очевидный контраст городской и сельской жизни.

Реакцией центральных властей на эти проблемы стал очевидный с 1926 г. перенос акцентов в кампании выдвиженчества с количественных показателей на изучение и устранение «недочетов в использовании выдвиженцев», на проблемы «борьбы с бюрократизмом и улучшения госаппарата»⁵, прежде всего на основе его очистки от дискредитировавших партию элементов. Этот уточненный курс стал для ВКП(б) инструментом, позволявшим контролировать массу партийных чиновников. Существенный рост активности, особенно самодеятельности сельского населения, далеко не всегда вполне лояльного правящей партии, обусловил напряженное внимание к ней. Положение дел на Кубани и Дону как наиболее развитых аграрных регионов страны особенно интересовало руководство ВКП(б)⁶.

¹ АА МО г. Новороссийска. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 128. Л. 25.

² ГАРФ. Ф. Р-391. Оп. 1. Д. 75. Л. 100.

³ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 21. Л. 8, 9.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 133. Л. 137.

⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 32. Д. 31. Л. 5.

⁶ Только в первой половине 1926 г. мы видим: доклад секретаря Кубанского окружного комитета ВКП(б) Баранова и содоклад инструктора ЦК Эр.И. Квиринга в Орграспредотделе и Оргбюро ЦК (дважды), доклад инструктора ЦК ВКП(б) В.Ф. Черного об итогах обследования Кубанского округа в Центральной избирательной комиссии, доклад инструктора

Специфика ситуации состояла в том, что, хотя в 1926 г. еще ставится вопрос о «незрелости» станичных и сельских ячеек¹, он уже не был главным. Ввиду того что ячейки на селе во многих случаях оказались дезорганизованными, нередко не могли оказывать должного влияния на местное население («При обсуждении кандидатур хлебоборобы не давали высказаться за и против и кричали «голосуйте»)², наиболее примечательным в это время стал перенос внимания на повышение авторитета ВКП(б) за счет директивного «разъяснения политики партии»³ и резкой активизации с 1926 г. борьбы с кулачеством под руководством местных коммунистов⁴. Произошла резкая переориентация местных организаций на вопросы использования бедноты в борьбе против кулачества, чего категорично требовал Северо-Кавказский крайком ВКП(б)⁵. Коммунисты должны были рассматривать бедняцко-средняцкий блок уже не как очередную кампанию, а как стабильную политическую платформу⁶. Снятый еще в 1923 г. курс на приоритетное «привлечение» бывших красноармейцев получил свою вторую жизнь. В условиях набиравшей силу кампании одним из важных направлений работы являлось внедрение в сознание работников-коммунистов установки на недопустимость каких-либо сомнительных контактов с кулаками. Акцент делался на многочисленные примеры коррупционных проявлений, что активно пыталась использовать зажиточная часть села⁷. Далеко не только коррумпированные, но и вполне добросовестные партийцы восприняли начавшийся «левый» поворот негативно, прямо оценивая его как губительный. Очень негативно многими был воспринят

торов ЦК в ЦК ВКП(б) и во ВЦИК о результатах обследования округа в июне 1926 г., отчет Кубанского окрисполкома Советов перед ВЦИК. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 72. Л. 164; ЦК ВКП(б) запрашивал протоколы совещаний секретарей сельских ячеек Армавирского и Кубанского округов (январь - февраль 1926 г.). См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 72. Л. 1-45; ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 140. Д. 492. Л. 83.

¹ Приложение к тезисам доклада крайисполкома на III сессии ВЦИК, 1926 г. // ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 104. Д. 112. Л. 118.

² ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 253. Л. 19, 20 об.

³ Известия Северо-Кавказского крайкома ВКП(б). Ростов н/Д, 1926. № 7, 8. С. 11.

⁴ ЦДНИКК. Ф. 2816. Оп. 1. Д. 142. Л. 31.

⁵ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 555. Л. 11.

⁶ Известия Северо-Кавказского крайкома ВКП(б). 1927. № 1 (11). С. 1.

⁷ ГАКК. Ф. Р-1594. Оп. 1. Д. 11. Л. 42.

возврат к практике голосования на выборах по заранее подготовленным спискам. Так, секретарь партячейки ст-цы Старо-Величковской Левченко, обращаясь к секретарю Кубанского окружного комитета С.Ф. Баранову, 11 января 1926 г. писал: «По-моему, вы не ясно себе представляете психологию масс, а ведь в брошюре "Кубанская станица на выборах" вы сами писали, что во время выборов при появлении кого-либо со списками не только уничтожались списки, а даже изгонялся тот, кто выставлял их»¹.

Настороженно был воспринят и новый поворот к ограничению активности казачества. Так, в прениях по докладу крайкома на IV Армавирской окружной конференции ВКП(б) (5-10 декабря 1926 г.) выступавшие предлагали продолжение политики привлечения казачества к социалистическому строительству. Там же коммунисты поставили вопрос о нецелесообразности расширения числа «лишенцев», поскольку это провоцировало часть казаков отказываться от активной хозяйственной деятельности².

Казачья и крестьянская жизнь чрезвычайно ценили свои хозяйства, ставили их благополучие во главу угла всей жизни. Но в научной литературе сохраняется недооценка того, что земледельцы в еще большей степени дорожили своим социальным статусом, гражданскими правами. Во второй половине 1920-х гг. это понятие явно присутствовало в сознании и практике партийного руководства региона. Так, секретарь Майкопского окркомма Кондратьев на IV окружной конференции ВКП(б) 5-11 декабря 1926 г., анализируя очередную инструкцию к перевыборам, отмечал, что её неумелое применение может ударить по середняку и бедняку³. Оформившаяся в 1926 г. политика на «раскол сословного единства среди казачества и противопоставление сравнительно малоимущих слоев казацкой верхушке»⁴ тогда еще не была принята на местах в должной степени. Многие коммунисты еще боялись «ударить» не только по кулаку, но и рикошетом - по середнякам, беднякам. Это стало про-

¹ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 253. Л. 31.

² ЦДНИКК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 57. Л. 8, 17.

³ ЦДНИКК. Ф. 2816. Оп. 1. Д. 137. Л. 43.

⁴ Куштеров Р.М. Аграрная политика Советского государства 1917-1991 гг. (На материалах Северо-Кавказского региона): дис. ... д-ра ист. наук. Ставрополь, 1997. С. 81.

блемой для партийных органов, которые не могли определить грани между трудовым и нетрудовым типом хозяйств в контексте кампании борьбы с кулачеством¹. В итоге обследовавший парторганизацию Кубанского округа инструктор ЦК ВКП(б) Эр.И. Квиринг отмечал широкую популяризацию ими лозунга блока бедноты с середняками, но слабые знания о содержании и методах его проявления².

Для дезорганизованных местных коммунистов корректировка деревенской политики партии вылилась в привычное им усиление административного давления на население, к 1927 г. переросшее в прямые репрессии с использованием милиции, ОГПУ «в части изъятия ... некоторых лиц из района»³. Сомнения, наконец, были рассеяны: на местах повсеместно шла «мобилизация» бедноты, а также «объединенных собраний бедноты с середняками»⁴. С 1927 г. стал реальностью прямой конфликт коммунистов с массой сельского населения. Крестьянская масса воспринимала такую политику с глухо нараставшим недовольством. Изученные документы позволяют утверждать, что ее настроения уже в начале 1927 г. характеризовало широкое неприятие нового поворота политики ВКП(б) в деревне и росло возмущение⁵. В основном отношение населения проявлялось публично на выборах - в безмолвном, без всяких споров «голосовании молча поднятием рук». Но возрожденные «списки» ячеек казаки молча проваливали⁶. Пытаясь приспособиться к новому курсу, станичники прибегали к всевозможным хитростям, стремясь провести в депутаты своих сторонников⁷. В условиях ограничения общественной активности росла апатия станичников, падала избирательная активность населения, что актуализировало практику приписок. Приводимые в исследованиях сведения о фальсифицированных отчетах избиркомов, за-

¹ ЦДНИРО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 164. Л. 68.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 72. Л. 188.

³ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 375. Л. 11.

⁴ ГАКК. Ф. Р-383. Оп. 1. Д. 45. Т. 1. Л. 169 об.

⁵ ЦДНИКК. Ф. 2816. Оп. 1. Д. 254. Л. 2, 3.

⁶ ЦДНИКК. Ф. 2816. Оп. 1. Д. 254. Л. 1.

⁷ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 375. Л. 15.

фиксированных ОГПУ в кампаниях 1926-1927 гг.¹, показательны и в полной мере подтверждаются данными Кубани и Дона. По официальным данным, в 1928 г. впервые за время установления советской власти 60-75% избирателей (почти вдвое больше, чем в 1927 г.) пришли на избирательные собрания и обеспечили, тем самым победу беднейших слоев станицы².

Еще более показательны недостаточно изученные факты открытого протеста населения, в том числе крайних формах повстанчества. В результате борьбы с «кулацкими Советами»³ в 1925-1926 гг. и перехода коммунистов в 1927 г. к прямому нажиму такие факты вновь стали для кубанской и донской станиц реальностью⁴. На данной основе отношения коммунистов с массой сельского населения обернулись политикой уничтожения кулака, о чем говорили уже на пленуме Черноморского окружного комитета совместно с активом Новороссийской организации ВКП(б) 13-14 апреля 1927 г.⁵ Кубанский окружной комитет ВКП(б) в декабре 1927 г. потребовал выявить, подсчитать и изолировать «антисоветский актив»⁶. В целом 1927 г. стал для региона временем окончательного поворота к использованию в деревне репрессивных практик. Еще В.Е. Щетнёв утверждал, что именно в 1927 г. коммунистами были обеспечены «разгром кулака ... и полная победа коммунистов»⁷.

Эти события не могли не сказаться на настроениях крестьян, в том числе, лояльного к власти деревенского актива. Нарастание общественного пессимизма и кризисных явлений в станице требовало адекватного ответа

¹ Савельев С.И. Социально-классовая политика ВКП(б) и общественно-политические процессы в деревне второй половины 20-х - начала 30-х гг. (на материалах Нижнего Поволжья): дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1994. С.77.

² ГАКК. Ф. Р-383. Оп. 1. Д.73. Л. 102; Д. 59. Л. 238.

³ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 347. Л. 264 об.

⁴ На XII Черноморской конференции ВКП(б) (10-13 ноября 1927 г.) секретарь окружкома А.И. Подгорный напомнил: «Вы знаете, какие события в деревне, какова была наша работа в деревне, ... как мы уничтожили намечавшееся белогвардейское восстание, а полковника Капустина - главу заговора, захватили и по постановлению Особого Совещания ГПУ расстреляли» См.: ЦДНИКК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 767. Л. 44.

⁵ ЦДНИКК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 896-а. Л. 9.

⁶ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 344. Л. 5.

⁷ Щетнёв В.Е. Классовая борьба в кубанской станице (1920-1927 годы): дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1967. С. 239, 240.

ВКП(б). В этих условиях важнейшую компенсаторную роль приобрела практика существенного расширения приема в ВКП(б), в том числе, представителей крестьянства, в первую очередь деревенского актива. Уже к началу 1926 г. увеличившие свою численность партийные организации Дона насчитывали 24 017 коммунистов: в том числе Донецкий округ - 872, Донской - 13 152, Сальский – 1 664, Таганрогский - 2 724, Шахтинский - 605 коммунистов. Сельские партийные организации пяти донских округов были сравнительно немногочисленными и насчитывали 5 224 коммуниста, причем число кандидатов превышало число членов партии (2 771 и 2 453 соответственно). В то же время, в сельскохозяйственных округах удельный вес крестьян и казаков был преобладающим. Так, в Сальском округе крестьяне в ячейках составляли 60,8% (рабочие - 25,9%), а в Донецком - 49,9% (рабочие - 36,9%)¹. Поначалу сельские ячейки росли на Дону откровенно слабо. И только в первом полугодии 1927 г. здесь произошли ощутимые подвижки. Численность деревенских коммунистов выросла до 5 517 чел. В дальнейшем, особенно за счет персонального «прикрепления» коммунистов к отдельным активистам-батракам, беднякам (реже середнякам), к концу 1928 г. в округах Дона работали 6 855 коммунистов (14% рост к 1926 г.), имелась 501 сельская партийная ячейка².

С 1925 г. быстрый рост парторганизаций наблюдался и на Кубани. С апреля по июль количество партийных ячеек Кубанского округа выросло вдвое. Численность парторганизации достигла 8 876 чел. (5 350 чел. было на 1 января 1924 г.). Благодаря «деревенским» кампаниям численность Кубанской парторганизации к 1926 г. выросла до 8 572, а за 1927 г. - до 9 597 коммунистов. Впрочем, сельский пролетариат не проявлял той активности, на которую рассчитывало партийное руководство (324 чел. - 2,2% в 1926 г. и 512 членов - 4,9% в 1927 г.). В 1926 г. в партию вступило лишь 297 батраков, а в 1927 г. из 344 подавших заявления вступили в партию меньше половины

¹ Очерки истории партийных организаций Дона (1921-1971 гг.). Ростов н/Д, 1973. Ч. 2. С. 98, 99.

² Там же. С. 132-138.

(41,5%)¹. Обострение отношений с кулачеством и зажиточной частью казачества вызывало затруднения у сельскохозяйственных рабочих и напряженное положение по обеспечению продовольствием безработных батраков. Социальный состав партийных организаций изменился не принципиально. В 1926 г. из 9 597 членов партии 54,7% составляли рабочие, 22% - крестьяне и 18,4% - служащие. В 1928 г. численность партийной организации достигла 11 390 чел. (61,2% - рабочие, 19,8% - крестьяне, 17% - служащие)².

Ещё более слабые результаты коммунисты показывали в национальных автономиях. Так, партийная организация Адыгейской (Черкесской) автономной области росла в 1925-1926 гг. крайне медленно и насчитывала в своих рядах всего 656 членов (240 членов партии и 416 кандидатов в члены партии), в том числе 111 коммунистов из числа коренного населения.³

В 1920-х гг. качественно меняется состав «советских служащих», которые пополнялись из числа беднейшего крестьянства и рабочих. В 1927 г. в краевой партийной организации рабочие по роду занятия составляли 32,5% и 55,6% по происхождению, соответственно крестьяне - 16,1% и 24,7% членов ВКП(б)⁴. В станицах края на 1 июля 1926 г. проживало 80,2% всего населения и только 32,8% состава парторганизации. Казаки составляли 27,5% всего населения и лишь 3,6% большевиков края⁵. К 1925 г. на Кубани и Дону и среди 10,5 тыс. коммунистов насчитывалось 745 казаков (7%)⁶. На Дону местные партийные работники предлагали создать партийные ячейки, состоящих только из казаков. Но политика «оказачивания» не оправдала себя. По состоянию на июль 1928 г. в составе Северо-Кавказской парторганизации состояло 3 042 казака (3,7%), т.е. к этому времени численность казаков-

¹ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 10. Л. 25.

² ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 12. Л. 54.

³ НАРА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 180. Л. 12-15.

⁴ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 843. Л. 65, 73, 74.

⁵ Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1928. Т. 5. С. 10; Казачество Северо-Кавказского края... С. 3-10; Северо-Кавказская краевая организация ВКП (б) в цифрах. Ростов н/Д, 1926. Вып. 3. С. 12, 26.

⁶ Перехов Я.А. Власть и казачество: поиск согласия (1920-1926 гг.) Ростов н/Д, 1997.

партийцев выросла всего на 411 чел.¹ Болезненные явления в партийной организации края усугублялись низким образовательным уровнем (60,3%) и качественным составом - только 3% членов партии относились к «старой дореволюционной гвардии»². Партийная организация края продолжала активно вовлекать в общественно-политическую деятельность молодых граждан, формируя резерв партийных и советских кадров³.

Рост партийных организаций требовал усиления контроля за их качеством. Региональная партийная организация со второй половины 1920-х гг. проводила систематические проверки деятельности местных партийных организаций. На начальном этапе нэпа В.И. Ленин особое внимание уделял не только внутрипартийной дисциплине и единству партии, но и гражданской и уголовной ответственности членов партии⁴. Так, ревизия Туапсинской партийной организации в 1927 г. подтвердила наличие проблем с соблюдением партийной дисциплины, норм партийной этики, отсутствие кадрового резерва. При росте численности партийной организации за год на 657 чел. качественных изменений не произошло⁵. Каждый четвертый исключенный из партии в округе работал в системе советских органов. В Майкопской окружной партийной организации за 1926 г. было исключено из партии за пьянство 55 чел., за нарушение этики - 57 чел., за должностные нарушения - 35 чел. Эта тенденция имела место и в 1927 г.⁶

Поворот к ограничению самодеятельности крестьянства и казачества, наметившийся уже в 1925 г., набирал силу в 1926 г. и завершился в 1927-1928 гг. установлением контроля над всеми сторонами жизни. Но, как

¹ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 754. Л. 151.

² Тяжелникова В.С. Состав партийных организаций в конце 20-х годов // Вопросы истории КПСС. 1990. № 1. С. 75-77.

³ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 6. Л. 6; ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 88. Л. 15.

⁴ Павлов Б.В. Становление контроля партийной номенклатуры над правоохранительной системой в 1921-1925 годах // Вопросы истории. 2004. № 1. С. 43. В ноябре 1921 г. по инициативе В.И. Ленина этот вопрос рассматривался на Политбюро ЦК РКП(б). Впоследствии появился циркуляр РКП(б) «О взаимоотношениях парткомов с судебными следственными комиссиями». Таким образом, партийное руководство пыталось повысить ответственность членов партии за свои поступки.

⁵ ЦДНИКК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 67. Л. 10.

⁶ ЦДНИКК. Ф. 2817. Оп. 1. Д. 3. Л. 57.

показывают документы, и в 1928 г. в местных парторганизациях было немало тех, кто не хотел разжигания классовой войны, в том числе не желал конфликтовать с казачеством. Бюро Кубанского окружкома ВКП(б) 17 сентября 1928 г. вынуждено было признать, «что повышение участия казачьих масс в советском строительстве не нашло достаточно отражения в повышении казачьего состава в рядах партийной организации, в руководящих кадрах районных и станичных организаций»¹. Вновь на повестку дня организацией также поставлен и вопрос о способах выделения кулацких хозяйств².

Нарастающие противоречия между большевиками и частью бедняков, с одной стороны, и большей частью станицыс другой, с неизбежностью корректировали внутреннюю политику. Общий вектор развития определялся магистральным курсом на нарастание классовой борьбы³. В итоге под влиянием решений XV съезда и в развитие установок апрельского пленума, специальным обращением ЦК ВКП(б) «партия призвала трудящихся к жестокой самокритике...»⁴. В связи с принятием новых ориентиров политики партии прежние кампании усиления классовой борьбы в деревне получили мощный импульс.

Так, резолюция Северо-Кавказского краевого совещания по советскому строительству (1928 г.) обращала внимание «на вовлечение переменников, демобилизованных красноармейцев и красных партизан»⁵. Резолюции IV (октябрьского) 1928 г. пленума краевого комитета ВКП(б) и два циркулярных письма (ноябрь, декабрь 1928 г.)⁶ особо ориентировали на максимальное повышение активности бедноты. Коммунисты на местах получали недву-

¹ ГАКК. Ф. Р-383. Оп. 1. Д. 59. Л. 168.

² ЦДНИКК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 832. Л. 69.

³ Но действительным застрельщиком нового поворота партийной политики в 1928 г. выступила именно парторганизация Северо-Кавказского края, вернее, ее крайком, постановление которого «О Шахтинской парторганизации» с сообщением о роспуске окружного комитета, «как не справившегося с руководством» появившееся в канун апрельского пленума ЦК ВКП(б), открыло новую эпоху в политической истории советской России. См.: Правда. 1928. 31 марта.

⁴ Правда. 1928. 3 июня.

⁵ ГАКК. Ф. Р-383. Оп. 1. Д. 63. Л. 19.

⁶ Известия Северо-Кавказского крайкома ВКП(б). 1929. № 21(50). С. 1-5; № 22(52). С. 10-14.

смысленные установки на необходимость быть готовыми к работе «в условиях обострения классовой борьбы в деревне»¹. На особенно строгий контроль был поставлен вопрос о количестве «лишенцев». От местных руководителей требовали ни в коем случае не допускать его сокращения². Более того, в местных парторганизациях развернулись настоящие поиски «защитников» кулачества³. Участники VI Майкопской окружной партконференции (8-13 декабря 1928 г.) соревновались в нагнетании атмосферы классовой нетерпимости⁴. 2 января 1929 г. на V Кубанской окружной конференции ВКП(б) в докладе о работе Северо-Кавказского крайкома А.А. Андреев указал на чрезвычайную засоренность «нашего аппарата» «чуждыми элементами», потребовав усилить борьбу с этим «злом» (правда, в основном речь шла о советском аппарате)⁵.

Таким образом, в условиях перехода к массовой, а затем и сплошной коллективизации в кубанской и донской станице ВКП(б) были развязаны масштабные репрессии. Специфика отношений партии с основной массой крестьянства и казачества хорошо иллюстрирует одна из листовок-анонимок, гласившая: «Да здравствует советская власть, смерть бумажным коммунистам». Зачитанная на пленуме Кубанского окружкома ВКП(б) 14-15 апреля 1929 г., она символизировала возврат в эпоху малой Гражданской войны и напоминала лозунги Кронштадтского восстания⁶.

Осуществление нового курса потребовало вовлечения в партию резервов. На Кубани в первом полугодии 1929 г. рост численности партийной организации составил 11,7% по сравнению с предыдущим периодом (10%). За указанный период рабочая прослойка в партии увеличилась на 2,4% при уменьшении численности служащих на 2%, крестьян - на 0,3%, женщин - на

¹ ГАКК. Ф. Р-383. Оп. 1. Д. 59. Л. 106.

² ЦДНИКК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 105. Л. 77 об.

³ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 456. Л. 12, 13. На Кубанском окружном партсовещании деревенских работников 5 декабря 1928 г. некоторые местные руководители были обвинены в правом, «кулацком» уклоне.

⁴ ЦДНИКК. Ф. 2816. Оп. 1. Д. 292. Л. 8.

⁵ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 544. Л. 41.

⁶ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 437. Л. 11.

0,5% при относительном увеличении числа батраков на 1,1%. По социальному составу окружная партийная организация состояла на 34,2% из рабочих, на 4,3% из батраков, на 13,3% из хлеборобов, на 48,2% из служащих¹. Существуют разночтения в партийных документах по численности партийной организации Кубанского округа, что связано с рядом объективных причин, в том числе - с организацией учета членов организации. Партийные структуры не смогли привлечь в организацию батраков и беднейшие слои крестьянства (численность батраков: 1926 г. - 25 515 чел., 1927 г. - 28 219 чел., 1928 г. - 8 981 чел.). Это был потенциал, который мог кардинально изменить внутрипартийную обстановку. В этот период растет и количество членов сельскохозяйственных батрацких организаций с 3 830 (1926 г.) до 9 213 чел. (1928 г.)². Перед партийной организацией была поставлена задача ежегодного количественного роста организации на 17%.

Таким образом, 1920-е гг. представляли собой сложный и противоречивый этап закрепления всевластия РКП(б)-ВКП(б) в деревне, время создания партийно-государственной системы управления на основе фактического слияния функций правящей большевистской партии и государства.

Некоторое время в рамках незавершенной революции парткомы и партийные ячейки были вынуждены воспринимать несовершенство властной модели в деревне и имевшие место социальные противоречия как негативные последствия нэпа. Методы их воздействия на хлеборобов с середины 1920-х гг. прежде всего в рамках курса «Лицом к деревне», отличались и от эпохи военного коммунизма, и от начального периода нэпа. Военные методы контроля замещались методами убеждения, совершенствования работы первичных партийных организаций, вовлечением крестьянской массы в систему самоуправления. При этом партия во многом оставалась закрытой для крестьян и, особенно, казачества. Тем не менее, в 1920-е гг., в немалой степени именно при поддержке нового поколения сельского актива, набирало силу

¹ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 17. Л. 36.

² ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 14. Л. 136, 137.

замещение революционной элиты первых лет нэпа на прагматичную элиту сталинского времени. Новые волны партийных наборов, как и прежде, нередко характеризовались отсутствием опыта, знаний, но они лучше отражали социальную структуру общества, новые ценности, которые все более утверждались в правящей партии. Крестьяне откровенно высказывали отрицательное отношение к политике открытой поддержки бедняцких слоев, провоцировавшей, по их мнению, новый очаг противостояния¹.

Получая «политическое крещение» в основном уже в середине 1920-х гг., когда партия ставилась под жесткий контроль аппарата и приобретала вид массовой, но строго централизованной организации, к началу коллективизации «выдвиженцы» стали во многом определять новый облик правящей партии, которая являлась для них высшей ценностью. С одной стороны, это существенно повысило эффективность и действенность работы местных партийных организаций, а с другой - отношение к партии крестьянства и казачества в этой системе координат принципиального влияния на их позицию уже не оказывало и оказать не могло. Деревня, станица выступали для нового поколения коммунистов прежде всего объектом преобразования. 1920-е гг. стали важнейшим этапом в становлении партийно-государственной системы управления и формирования единой системы партийного контроля над обществом². Эволюция РКП(б)-ВКП(б) от союза политических единомышленников до формирования централизованной иерархической структуры сформировала многоступенчатую систему управления от политической элиты до рядовых членов.

¹ РГАЭ. Ф. 396. Оп. 7. Д. 5. Л. 2.

² «В ожесточенных дискуссиях 1926-1927 гг. была фактически переосмыслена управленческая практика времен Гражданской войны, основанная на чрезвычайных мерах и революционном насилии. Осудив меры, предложенные Л.Д. Троцким в экономике, а с ними, по крайней мере, наиболее одиозные примеры «чрезвычайщины», большевистская партия оказалась на распутье: дальнейшее продолжение нэпа означало некоторое ограничение собственного радикального прошлого и авторитарного настоящего». См.: Фельдман М. А. Партийно-советская элита в 1922-1928 гг. (социокультурные характеристики и линии политического поведения) // Власть и государственное управление. 2018. № 3 (33). С. 33.

4.2. Советы рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов как органы государственной власти и управления

Начиная с Октябрьской революции 1917 г. становление новой российской государственности в решающей степени было связано с Советами. Выступая как особая форма государственности, власть Советов как органов «диктатуры пролетариата» основывалась на идеях ликвидации прежнего государственного аппарата и создания органов подлинного народовластия, олицетворяющих единство представительной (законодательной), исполнительной и контрольной власти¹.

В 1917 г. большевики взяли власть именно под лозунгом «Вся власть Советам!», как «органы власти народа, рабочих и крестьян над меньшинством»², а в «Апрельских тезисах» В.И. Ленин решительно противопоставил «парламентарную республику» и государство «Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов»³. В ноябре 1917 г. II Всероссийский съезд закрепил эту модель, а в январе 1918 г. после слияния Съездов рабочих и Съездов крестьянских депутатов она оформилась на деле. Решающее влияние на унификацию складывавшейся системы оказало принятие Конституции РСФСР 1918 г., которая закрепила в ст. 1 следующее положение: «Вся власть в центре и на местах принадлежит Советам»⁴.

В условиях нараставшего противоборства классовых сил Советы рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов как новая форма власти и управления объективно не могли стать «общедемократическими» органами и выражать интересы всего населения России. На заре их появления большевики видели источником этой власти «пролетариат и восстающее против все-

¹ Лепешкин А.И. Советы–власть трудящихся. 1917-1936. М., 1966.

² Ленин В.И. Победа кадетов и задачи рабочей партии // Полн. собр. соч. М., 1977. Т. 12. С. 317-319.

³ Ленин В.И. О задачах пролетариата в данной революции // Полн. собр. соч. М., 1977. Т. 31. С. 115.

⁴ Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Принята V Всероссийским съездом Советов заседании от 10 июля 1918 года. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1918.htm> (дата обращения 17.07.2020).

го помещичьего землевладения крестьянство»¹. Но поскольку их базовой идеей еще с 1905 г. являлась также борьба «деревенского пролетариата» и «крестьян-хозяев»², то Советы уже в 1917 г., в отличие и от имперской практики, и от «буржуазной демократии», мыслились как органы диктатуры, последовательно ограничивающей «эксплуататоров», нетрудовое население. К концу Гражданской войны «рабоче-крестьянская власть, Советская власть» понималась большевиками строго, как «диктатура рабочего класса»³. Несмотря на решения VIII съезда РКП(б), ограничившие антикрестьянские практики (чрезвычайную продовольственную политику) и утвердившие курс на союз с середняком, для основной массы большевиков реальным союзником уже с Октября являлось только «беднейшее» крестьянство, что активно доказывал затем И.В. Сталин⁴.

Вопрос о законодательном закреплении статуса Советов, в том числе на местах, активно обсуждался в период разработки Конституции РСФСР 1918 г. В итоге на практике обозначились три группы местных Советов: губернские, в меньшей степени уездные, Советы рассматривались как ключевой территориальный уровень государственной власти; городской совет; волостные и сельские Советы. Последним придавалось особое значение в обеспечении социальной стабильности крестьянского социума. Законодательство в отношении этой группы было крайне динамичным и следовало за колебаниями политики. Нормативно-правовая база, определявшая статус и порядок формирования и деятельности местных Советов, основывалась на конституционных положениях и корректировалась на советских и партийных съездах. Едва возникнув и оформившись в систему, Советы быстро утратили формальное «полновластие» и в Гражданской войне во многом были вытеснены

¹ Ленин В.И. Победа кадетов и задачи рабочей партии // Полн. собр. соч. М., 1977. Т. 12. С. 303.

² Ленин В.И. Социализм и крестьянство // Полн. собр. соч. М., 1977. Т. 11. С. 291.

³ Ленин В.И. Письмо к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком // Полн. собр. соч. М., 1977. Т. 39. С. 158.

⁴ Сталин И.В. О лозунге диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства в период подготовки Октября. Ответ С. Покровскому // Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М., 1933. С. 256.

чрезвычайными органами–ревкомами и комбедами. То, что полновластие Советов превратилось во многом в иллюзию, доказывало не только неуклонное усиление прямого властного значения партии большевиков, но и существенное возрастание роли органов исполнительной власти, начиная с правительства – Совета Народных Комиссаров (СНК), взявшего на себя не только исполнительные, но и законодательные функции и оказывавшего прямое влияние на всю советскую вертикаль, играя для нее не меньшую роль, чем ВЦИК. Как следствие, процесс советизации в стране происходил при активном участии Наркомата внутренних дел (НКВД), который предпочитал административный диктат (приказы, инструктирование, запреты)¹. Хотя Советы воспринимались как антитеза парламентаризму, идея демократии не утратила значения². Отражением нового курса в это время стало принятие Положения о сельских советах³ и Положения о волостных исполнительных комитетах⁴. Позднее, в 1921 г. ВЦИК издал два акта, посвященных городским Советам⁵.

Целенаправленная советизация региона началась лишь после его освобождения от сил Белого движения в 1920 г.⁶ Начало процессу было положено

¹ В конце 1917 г. Инструкция НКВД «О правах и обязанностях Советов» определила, что они являются самостоятельными в местных делах, но действуют в духе декретов центра, а также решений вышестоящих Советов. См. СУ РСФСР. 1917. № 12. Ст. 180.

² В 1920 г. VIII Всероссийский съезд Советов акцентировал внимание на необходимости общих собраний избирателей, привлечения на них максимально широких слоев рабочих и крестьян, проведения встреч в рабочих кварталах, на производстве, организации регулярной отчетности. См.: О советском строительстве // СУ РСФСР. 1921. № 1. Ст. 1.

³ О сельских Советах (Положение): Декрет ВЦИК от 2 февраля 1920 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. М., 1943. С. 87-92.

* Советы на Юге России в 1917-1918 гг. имели свою специфику. В станицах создавались объединенные Советы казачьих и крестьянских депутатов, в которых не последнюю роль играли представители прежних станичных администраций. С политической точки зрения в них лидирующие позиции занимали меньшевики и эсеры. Первые Советы в казачьих регионах Юга России просуществовали недолго. На Дону Советы были ликвидированы в мае 1918 г., а на Кубани - в июле 1918 г. в итоге казачьих восстаний.

⁴ О волостных исполнительных комитетах (Положение): Декрет ВЦИК от 18 марта 1920 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. М., 1943. С. 147-149.

⁵ Об организации городских Советов рабочих и крестьянских депутатов: Постановление Президиума ВЦИК от 8 февраля 1921 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. М., 1944. С. 117, 118.

⁶ По мнению Т.В. Панковой-Козочкиной, в сёлах и станицах Юга России советизация системы управления и самоуправления стартовала уже без помех со стороны антибольше-

декретом СНК «О строительстве советской власти в казачьих областях». Реализация курса на оживление Советов, восстановление их значения с неизбежностью отражала региональную специфику. Острота земельного и продовольственного вопроса подпитывала неизменно напряженные отношения между «иногородним» крестьянством и казачеством¹, хотя стихийной активности населения большевики явно опасались, а потому отдавали предпочтение ревкомам. Предполагалось до конца 1920 г. провести выборы и утвердить новые формы власти. С учетом специфики региона особое внимание предлагалось уделить антисоветски настроенным гражданам².

Изменение структуры казачьего самоуправления и замена ее системой Советов оказались задачами не столь сложными. Сложнее решался вопрос качественного содержания деятельности органов местного самоуправления, сводившейся к сбору хлеба. Выборная кампания 1920 г. приходила в основном спокойно, без серьезной политической борьбы, на фоне выжидательного отношения основной массы населения. Залогом военно-политической стабильности являлись части Красной армии, в немалом числе делегировавшие в городские и станичные Советы депутатов, обеспечившие надежный противовес казачеству³. Анализируя избирательную кампанию конца 1920 г. в Кубано-Черноморской области, отметим довольно высокую активность избирателей, в том числе непосредственно в сельской глубинке. Так, в Кавказском отделе при численности населения, имеющего право участвовать в выборах 136 673 чел., в избирательных собраниях приняли участие 88 817 чел., в Тимашевском отделе - 146 004 и 18 690 чел., в Майкопском отделе - 260 824 и 61 401 чел., в Темрюкском отделе - 25 196 и 7716 чел. Общая явка избирате-

вистских сил только в 1921-1922 гг. Но одобряемая большевиками практика формирования системы советов серьезно отличалась от буквы закона. См.: Панкова-Козочкина Т.В. Казаки и крестьяне Юга России в 1920-х годах: социально-политическая жизнь и хозяйственно-экономическая деятельность: дис. ... д-ра ист. наук. Новочеркасск, 2016. С. 354.

¹ Панкова-Козочкина Т.В. Казачье-крестьянское самоуправление эпохи нэпа: проблемы модернизации властных отношений на Юге России в 1920-е годы. Новочеркасск, 2014. С. 54.

² ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 29. Л. 31.

³ ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 30. Л. 3, 5 об.

лей на выборах составила 36%¹. С учетом особенностей региона и, прежде всего, «белого» прошлого значительной части казачества, эти показатели нужно считать весьма хорошими. Но они выявили политическую слабость иногородних и беднейшей части казачества. Зажиточные казаки смогли оказать серьезное влияние на результаты, хотя областная избирательная комиссия сформировала «черные списки» лиц, лишенных избирательных прав. После декабрьских 1920 г. выборов в городах, станицах и хуторах Кубани с 6 по 11 января 1921 г. в Краснодаре прошел первый Областной съезд Советов, на котором присутствовало 284 депутата, из которых 254 - с решающим голосом².

Выборы в Советы 1920 г. свидетельствовали о сложной политической обстановке в регионе. Верхи казачества, кулацкие хозяйства, большая часть середняков относилась к Советской власти враждебно и воспринимали в основном лишь «силовые» методы воздействия. Именно таким образом и удалось обеспечить описанный выше состав съезда. Беднейшая часть иногородних и казачьих хозяйств, не имевших политического, а тем более экономического влияния в станице, относилась к Советской власти сдержанно. Анализ результатов выборной кампании свидетельствует о том, что не были избраны депутатами Советов большинство членов местных ревкомов³.

Ко второй половине 1920 г. на фоне обострения политической обстановки произошла радикализация ревкомов, выразившаяся в расказачивании и подтасовке выборов. Уступив место Советам на областном уровне⁴, в 1921 г.

¹ ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 1. Л. 38.

² ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 1. Л. 38. По качественному составу депутаты были представлены следующим образом: беспартийных - 19,3%; по сословной принадлежности: казаков - 20,5%, иногородних - 76,7%, горцев - 2,8%, по социальному составу: хлеборобов - 32,7%, рабочих - 39,8%, интеллигенции - 18,1%; по уровню образования: с высшим образованием - 4,7%, средним - 13%, начальным - 82,3. Итак, типичным делегатом съезда являлся иногородний коммунист (рабочий или крестьянин) с начальным уровнем образования.

³ ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 173. Л. 12.

⁴ Берия М.В. Кубано-Черноморский областной ревком в борьбе за восстановление и упрочение Советской власти: январь 1920 г. - январь 1921 г.: дис. ... канд. ист. наук. Сухуми, 1968. Практика создания и деятельность ревкомов в регионе в 1920-1922 гг. представляется противоречивой. С одной стороны, они официально считались временной и вынужден-

ревкомы повсеместно сохранялись либо воссоздавались в станицах, волостях и районах, являвшихся социальной базой повстанческого движения¹.

Реалии многоукладности требовали политических свобод, тогда как система власти все более обращалась в централизованное, бюрократичное, оторванное от повседневных запросов граждан состояние. Несмотря на отмеченные проблемы, к началу 1921 г. переход от ревкомов к выборам Советов в регионе определился как доминирующая тенденция. Контроль за ситуацией по организации местной власти большевики установили.

Выборная кампания весны 1921 г. в регионе проходила в обстановке роста повстанческого движения, что сказалось на выборах даже в крупных городах. Так, крайне неудачными для большевиков оказались выборы 1921 г. в Ростовский городской Совет². На Кубани повстанцы взяли на вооружение лозунги: «Советская власть без коммунистов», «Кубань для кубанцев». Лозунг «Советская власть без коммунистов» приобрел немалую популярность и, по мнению основной массы населения, должен был трансформировать местные органы власти с учетом самобытности казачьих регионов³. Весенние

ной формой власти, с другой - наиболее адекватно соответствовали задачам управления непокоренным Югом России, где до 1924 г. продолжалась «малая» Гражданская война. Придя в регион на штыках Красной армии, на первой стадии существования (январь - июнь 1920 г.) ревкомы проводили компромиссный курс, рассчитанный на умиротворение. Он проявился в созыве Всероссийского съезда трудовых казаков и областных съездов трудящихся, в замедленности коренных реформ.

¹ Бугай Н.Ф. Чрезвычайные органы Советской власти: ревкомы 1918-1921 гг. М., 1990.

² ГАРО. Ф. Р-1817. Оп. 2. Д. 55.

³ К примеру, по активности населения в весенних выборах 1921 г. Кубано-Черноморскую область можно разделить на две части. В более «оппозиционных» новой власти Славянском (количество избирателей - 169 280 чел., присутствовало 38 561 чел.), Тимашевском (количество избирателей - 122 822 чел., присутствовало 18 695 чел.), Темрюкском отделах (количество избирателей 19 196 чел., присутствовало 7 716 чел.) на выборных собраниях присутствовало 21% от числа лиц, имевших право выбора. Были учтены ошибки первых выборов в Советы. Теперь выборы проводились в удобное для хлеборобов время; обеспечивалась их безопасность. В ряде отделов результаты оказались более благоприятными для большевиков как по количеству участников собраний, так и по качественному составу избранных депутатов. Население проявило активность в Кавказском (количество избирателей 146 643 чел., присутствовало 108 637 чел.), Краснодарском (количество избирателей 157 429 чел., присутствовало 78 045 чел.), Майкопском (количество избирателей 180 251 чел., присутствовало 76 027 чел.), Лабинском (количество избирателей 240 тыс. чел., присутствовало 70 тыс. чел.) отделах, в среднем активность составила 45%. Произошел перелом в составе Советов по сословному представительству. Так, в Славянском отделе было

выборы 1921 г. показали, что реальный контроль большевики способны обеспечить лишь на окружном (отдельском) уровне, а на волостном уровне, тем более в станицах, селах, хуторах, их позиции были скорее номинальными. Здесь большевики в первую очередь были вынуждены считаться с местной инициативой, исходившей от демобилизованных красноармейцев, в ряде случаев ведущих активную самоорганизацию и претендовавших на особую роль на перевыборах Советов¹. Главным на этом уровне для большевиков было предотвратить избрание явных противников - «от бывших офицеров, станичных атаманов, до кулаков, спекулянтов, самогонщиков и т.д.». Призывая «простить всякие ошибки» действующей власти, они агитировали избрать в Советы «честных, преданных и энергичных хозяйственников ... будь то коммунист или беспартийный»².

Обладая более чем скромными кадровыми ресурсами и стремительно падающим авторитетом, большевики особенно ревниво относились к формированию исполкомов Советов, сосредоточив внимание именно на этом вопросе. Так, бюро Донского комитета РКП(б) в мае 1921 г. отмечало принципиальную позицию против привлечения беспартийных в состав исполкома в Ростовском округе³. Более того, речь теперь шла не о выяснении позиции населения и его отношения к Советам, которое определяется на выборах, а о введении для него круговой поруки. Донецкий окружной съезд Советов (17-20 мая 1921 г.) высказался за «беспощадные меры», «установив, что за каждого советского работника отвечают головами три местных жителя из определенной группы населения»⁴. Летом 1921 г. ситуация осложнилась настолько, что задача «советизации» для большевиков отошла на второй

избрано казаков-депутатов 240 и иногородних 702; в Майкопском - казаков-депутатов 569 и иногородних 1 844; в Лабинском - 479 казаков-депутатов и 1 239 иногородних; в Краснодарском - 598 депутатов-казаков и 1 651 иногородних. На выборы в большей части не пришли женщины. См.: ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 47. Л. 21, 17.

¹ Серп и молот. Изд. Азовского отделения РОСТА. 1921. 3 июля; 10 июля.

² Котельников С. Кого не нужно выбирать // Донская правда. Нижне-Чирская, 1921. 28 апр.

³ ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 80. Л. 14 а.

⁴ Думы бедняка. Миллерово, 1921. 22 мая. № 44; МКУ города Сочи «Сочинский городской архив». Ф. 223. Оп. 1. Д. 21. Л. 22.

план. Так, в Донской области решением областного комитета РКП(б) от 7 августа 1921 г. перевыборы в Советы до завершения продовольственной кампании решено не проводить¹. Мнение о том, что идти на выборы не стоит, так как результат будет «неблагоприятным», вновь отстаивалось на заседании Донкома по вопросу о перевыборах Советов в городе и по области 16 ноября 1921 г. Но несмотря на сложнейшую ситуацию, в итоге всё же было решено отложить выборы только в Ростовском и Морозовском округах². Перевыборы в Донской области прошли в предельно сложной, критической ситуации. Так, в Донецком округе выборы окружного исполкома проводились на заседании бюро парткома. Основная борьба по данному вопросу разгорелась уже на пленуме окружного комитета, где 3 ноября 1921 г. противостояли друг другу 2 списка состава исполкома, выдвинутые различными группировками партийцев. Несмотря на то «что настоящий момент является вполне подходящим для проведения перевыборов; опасности со стороны враждебных партий нет, ввиду ареста их активных членов...»³, по округам выборы шли еще труднее и являлись имитацией. Неудивительно, что избранные таким образом Советы в основном имели для большевиков агитационное значение. На заседании Донкома РКП(б) 5 октября 1921 г. Агитпропотделу ставилась задача «придания агитационного характера» работе Советов⁴.

В общероссийском масштабе необходимость реорганизации губернских и уездных учреждений впервые стала активно обсуждаться именно осенью 1921 г. - перед созывом IX Всероссийского съезда Советов⁵. Выборы в рассматриваемый период были прямыми только в низовые органы власти, а от волостных Советов до Всероссийского съезда для крестьян являлись многоступенчатыми. Особенности избирательной системы было открытое голо-

¹ ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 84. Л. 14. Д. 80. Л. 121.

² ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 80. Л. 90, 91 а.

³ ЦДНИРО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 12. Л. 4 об, 22.

⁴ ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 85. Л. 30.

⁵ Ящук Т.Ф. Реформы местного управления в РСФСР в 1920-е годы // Lex Russica (Русский закон). 2017. № 10 (131). Октябрь. С. 174.

сование и короткий срок полномочий депутатов Советов¹. Активно использовалась политика лишения конституционных прав «неблагонадежных граждан»². Особенность положения «лишенцев» была в том, что с потерей избирательных прав они ограничивались в социальном статусе и правах³. Именно эти технологии позволяли большевикам осуществлять вполне эффективный контроль как над ходом выборов, так и над его результатами.

Практика перевыборов Советов в условиях малой Гражданской войны показывает высокое значение военно-политических инструментов в их регулировании. Несмотря на это, в 1921 г. и даже в 1922 г. сельская периферия в значительной степени, а порой и в основном, оставалась на Юге России вне контроля большевиков. С одной стороны, действовали ревкомы, а с другой - сохранялась высокая роль станичных сходов. Приоритетное значение в это время приобрело утверждение новой власти на областном и отдельском (окружном) уровнях.

Руководство страны по мере реализации политики и упрочения власти расширяло права местных Советов, но община по-прежнему оказывала существенное влияние на политическое поведение крестьянства и казачества. Последние, в отличие от сельсоветов и исполкомов, нередко дублировавших решения земельных обществ, зачастую являлись реальной властью. В земельных обществах ведущую роль играли зажиточные слои⁴, что не могло не вызывать у большевиков обеспокоенности.

Самыми многочисленными органами власти в РСФСР оставались сельские Советы, достигавшие 120 тыс., но продолжали функционировать и

¹ Саламатова М.С. Электоральное поведение крестьянства в 1920-е гг. // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 2013. № 4. С. 13.

² Архивный отдел администрации МО г. Новороссийск (АОА МО г. Новороссийск). Ф. Р-9. Оп. 3. Д. 3. Л. 50.

³ Тихонов В.И., Тяжельникова В.С., Юшин И.Ф. Лишение избирательных прав в Москве в 1920-1930-е годы. М., 1998. С. 25.

⁴ Кондратьев Ю.В. Волостные реформы середины 1920-х годов (по материалам Калужской губернии) // Общество и власть в императорской России, СССР и современной Российской Федерации: материалы Междунар. науч. конф., посвященной памяти д-ра ист. наук, почетного профессора МПГУ и РГУ им. С.А. Есенина, заслуженного деятеля науки РФ Э.М. Щагина 16-17 окт. 2014 г. М., 2018. С. 202.

110 тыс. сельских обществ¹. 26 января 1922 г. ВЦИК утвердил ряд документов, регламентирующих деятельность Советов: Положение о Советах губернских, уездных и заштатных городов и поселков городского типа, Положение об уездных съездах Советов и уездных исполнительных комитетах² и др., а 31 октября 1922 г. было утверждено Положение о губернских съездах Советов и губернских исполнительных комитетах³. Итак, на начальной стадии нэпа (1921-1922 гг.) основное внимание большевиков привлекали проблемы укрепления губернского (областного) звена Советов. Тем не менее сельские Советы являлись высшим органом власти в пределах обслуживаемой местности⁴. Соответствующее нормативное Положение подписано 26 января 1922 г. Председателем Президиума ВЦИК РСФСР М.И. Калининым. С целью активизации избранных депутатов их работу организовывали по секциям и комиссиям⁵.

В Кубано-Черноморской и Донской областях новым в выборах стало то, что, наряду со станичными и хуторскими Советами, в 1922 г. выбирались также волостные Советы, что сразу актуализировало проблему «подбора» состава волостных исполкомов,⁶ где преобладающими стали депутаты-коммунисты. Это должно стать проявлением поддержки со стороны населения⁷. Все большее значение приобретало, с одной стороны, по существу «аппаратное» формирование исполнительных органов Советов как на окружном

* В формирующейся многоуровневой системе управления несколько более уязвимым оставалось уездное управление. Что касается выборов в сельские Советы, то и после перехода к нэпу они регулировались в основном на правовой основе времён военного коммунизма.

¹ Кукушкин Ю.С. Традиции общинной демократии в формировании и деятельности сельских Советов в 1920-е гг. // Вестник РУДН. Сер. История России. 2012. № 4. С. 72; Фегин В. О руководстве советским аппаратом и элементах двоевластия в деревне // Большевик. 1928. № 9. С. 82.

² Положение об уездных съездах Советов и их исполнительных комитетах: Постановление ВЦИК от 26 января 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 10. Ст. 91.

³ Положение о губернских съездах Советов и губернских исполнительных комитетах: Постановление ВЦИК от 31 октября 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 72-73. Ст. 907.

⁴ ГАКК. Ф. Р-581. Оп. 1. Д. 5. Л. 199.

⁵ ГАКК. Ф. Р-581. Оп. 1. Д. 24. Л. 15.

⁶ К кампании по перевыборам Советов // Путь хлебороба. Ейск, 1922. 22 окт.

⁷ АОА МО г. Новороссийск. Ф. Р-9. Оп. 3. Д. 9. Л. 14.

и отдельском, так и на волостном уровне, а с другой - обеспечение массированного агитационно-пропагандистского обеспечения избирательных кампаний.

Как и в стране в целом, показательными представляются именно осенние выборы 1922 г. Президиум ВЦИК 14 августа 1922 г. принял постановление о назначении выборов в сельские, городские, волостные Советы с 15 октября текущего года и утвердил новую инструкцию о перевыборах. В итоге в состав около 80 тыс. сельских Советов РСФСР в 1922 г. было избрано 484 тыс. депутатов, из которых 94,3% крестьяне. Если на уездных собраниях более половины выборщиков являлись членами РКП(б), то на волостных съездах большевики составляли меньшинство (11,7%). В губернских и уездных исполкомах в 1922 г. члены и кандидаты в члены партии имели большинство, а в волостных исполкомах составляли лишь 20,1%, в сельских Советах намного меньше 6,1%. Одним из показателей отношения населения к политике большевиков была явка населения на избирательные собрания (выборы проводились открыто и безальтернативно). В 1922 г. явка избирателей составила 22% (в 1923 г. - 37% имеющих право выбора)¹. Партийные функционеры признавали сложность процессов становления новых органов власти и слабость их кадрового обеспечения. В этой связи требовалось мобилизовать парторганизации, проведя «всю кампанию в порядке внутривнутрипартийных указаний»². Это означало, что главное значение на осенних выборах 1922 г. для большевиков имела идея преемственности новых и старых составов исполкомов³. Прежде всего требовалось стабилизировать едва сложившийся советский аппарат. Характеризуя специфику решения ключевой задачи, следует отметить широкое применение властями давления и запугивания избирателей. В итоге осенние выборы 1922 г. отличались существенно возросшим

¹ История советского крестьянства: в 5 т. Т.1: Крестьянство в первое десятилетие Советской власти 1917-1927. М., 1986. С. 235.

² РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 261. Л. 3, 4.

³ Асаульченко П. К восстановлению сельского хозяйства на Кубани. Путь Советов. Краснодар, 1922. № 2. Август. С. 12.

уровнем агитационно-пропагандистской активности большевиков¹. Публикации отличались не только оптимизмом, но и изрядной долей демагогии².

Исполкомы избирались аналогично парткомам, а их формирование нередко сопровождалось жесткой борьбой группировок - в основном в лице парткомов и партийных фракций съездов Советов³. Столь острая борьба по вопросам персонального состава исполкомов Советов объяснялась, во-первых, тем, что в 1922 г. партийные структуры еще не закрепили за собой в полной мере безусловное лидерство на местном уровне. Более того, как отмечалось местными работниками, «как ни странно, но в станицах влияет Исполком на ячейку, а не ячейка дает руководящую линию работ членам РКП(б), работающим в станичных Исполкомах»⁴. Во-вторых, отметим массовое стремление партийных работников, тогда еще получавших весьма скромное жалование, к переходу на значительно более «сытную» советскую и хозяйственную работу. Как следствие, под влиянием существенного ужесточения контроля над населением и внутрипартийного перераспределения советских должностей 1922 г. ознаменован резким снижением активности избирателей при значительном ограничении их прав и возможностей влиять на результаты выборов на фоне курса на тотальную «большевизацию» Советов⁵. В Кубано-Черноморской области по Приморско-Ахтарскому району явка избирателей составила 20%, по Павловскому району - 7,4%⁶. Особенно откровенно практика бюрократического формирования Советов утвердилась в городских центрах⁷. Такая пассивность была характерна для всех районов Кубано-Черноморской и Донской областей.

¹ ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 135. Л. 13 а.

² Василич А. Готовьтесь к перевыборам // Красное Черноморье. Новороссийск, 1922. 7 окт.

³ ЦДНИКК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 196. Л. 107.

⁴ Знамя труда. Славянская, 1922. 1 февр.

⁵ ГАКК. Ф. Р-581. Оп. 2. Д. 6. Л. 15.

⁶ ГАКК. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 605. Л. 8. Такая тенденция отмечена и в Новороссийском округе. В ходе перевыборов в Нижне-Баканский станичный совет отмечено существенное сокращение числа избирателей на собраниях. См.: АОА МО г. Новороссийск. Р-9. Оп. 3. Д. 12. Л. 9.

⁷ Трудовой путь. Армавир, 1922. 6 июля.

Переход к нэпу не изменил ни одной из главных черт выборов - жесткого «классового» и «политического» ценза. Более того, для Кубани и Дона, где местное население обвинялось в повальной контрреволюционности¹, это стало особенно характерным. Нэп поставила перед органами управления задачу усиления контроля в вопросах формирования местных органов власти и реализации экономических реформ. Особое внимание с 1922 г. уделялось именно станичным и волостным исполкомам, которые вместе с милицией стали основным фискальным инструментом.

Важнейшими факторами, повлиявшими на политическую обстановку, оставались продовольственный вопрос, борьба с «бело-зелеными» мятежниками и уголовным бандитизмом, «неумелость большинства работников на местах с ревкомовскими замашками к работе в условиях новой экономической политики»². За 1920-1922 гг. большевики не смогли организовать устойчивую работу советского аппарата на уровне волостей и станиц, но механизмы, обеспечивавшие вполне эффективный контроль над избирательным процессом, были созданы.

Основная ставка делалась на обеспечение «пролетарского» состава Советов³. Под особый контроль попадало формирование исполнительного аппарата волостного уровня⁴. Поскольку выборы 1921 г. признавались в целом провальными, а возможное повторение ошибок рассматривалось как свидетельство слабости партии и уровня её влияния на массы в период роста мелкобуржуазной идеологии в крестьянской среде, ошибочным было признано прежде всего желание местных партийных структур избирать в состав Сове-

¹ Тютюник М.В. Феномен советских избирательных кампаний 1921-1924 гг. (опыт Дона и Кубани) // Наука и школа. 2009. № 6. С. 18.

² ГАКК. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 241. Л. 6.

³ Советы должны быть пролетарскими // Трудовой путь. Армавир, 1922. 22 окт.

⁴ Трудовой путь. Армавир, 1922. 17 сент.

* На местах проведение выборов (1922 г.) регулировалось непосредственно местными партийными и советскими органами. Так, Кубано-Черноморский областной комитет РКП(б) и избирательная комиссия в ходе подготовки выборов отправили секретную директиву местным партийным органам и избирательным комиссиям, в которой обосновывали необходимость проведения выборов после окончания посевной и продовольственной кампаний, а именно, начать 20 октября и закончить 7 ноября.

тов «крепких мужиков». В выборах 1922 г. ставка однозначно делалась на бедняков и демобилизованных красноармейцев в рамках курса на союз большевиков с «сознательной» частью крестьянства и казачества. Кроме этого была установлена непропорциональная норма представительства рабочих и крестьян в волостных Советах¹. Особо отметим установку на «большевизацию» Советов, намерение местных властей избрать в состав депутатов до 70% членов партии большевиков, что было явно необоснованным², и кадровый потенциал не позволял этого достичь. Но, несмотря на диктат действующей власти, зажиточные слои, как и в предшествующий период, активно шли на выборные собрания и проводили своих представителей в Советы.

Явка граждан на выборы в сельские Советы в 1922 г. по стране составила 22,3%; в городах - 36,5%. На Кубани и Дону явка избирателей в сельской местности, несмотря на значительный разброс цифр, была все же довольно значительной. На Кубани она составила 14% и в 32% - в Черноморском отделе. «Лишенцами» были объявлены 1,4% взрослых жителей деревни РСФСР и немногим больше на всём Юго-Востоке РСФСР (в основном - живущие на нетрудовые доходы, бывшие «белослужащие» и повстанцы)³. Созданный благодаря порядку голосования «эффект сита» позволил сформировать в 1922 г. вполне приемлемые для властей местные органы. Большевики и комсомольцы составили 6,1% числа депутатов сельсоветов, 20,1% членов волостных исполкомов, 81,2% - уездных исполкомов и 91,0% - областных⁴. Свобода выбора, «вольномудство» теперь могли проявляться только на уровне сельсоветов. В ходе выборной кампании 1922 г. была предпринята первая попытка предоставить избирательные права лицам из числа бывших врангелевцев и участников «бело-зеленого» движения, но она имела лишь

¹ ГАКК. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 591. Л. 21.

² ГАКК. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 454. Л. 49.

³ Избирательная кампания по РСФСР в 1923 г. М., 1924. С. 8.

⁴ Советы, съезды Советов и исполкомы. М., 1924. С. 62.

пропагандистский характер¹. Тенденция не иметь в Советах политических оппонентов приобретала устойчивый характер².

Фиксируя усиление контроля над выборами в Советы, следует признать, что и в 1922 г. выборы в Советы большевики Кубани и Дона проиграли, что было скрыто от населения процедурными уловками. Во многих протоколах имеются явные несоответствия и разночтения, которые свидетельствуют о несомненных манипуляциях в период голосования в пользу членов партии.

Сильной стороной большевиков стал учет специфики России как многонациональной. Новое государство изначально рассматривалось ими как республика «свободного союза наций»³. Первые выборы в местные органы власти Адыгейской автономной области были организованы на основании решения Президиума ВЦИК от 14 августа 1922 г. о выборах в сельские, городские, волостные Советы. Выборную кампанию в местные Советы провела Областная Избирательная комиссия, созданная 30 сентября 1922 г. на основании решения пленума Адыгейского облисполкома⁴. Перед началом выборной кампании местные комиссии утвердили списки лиц, лишенных избирательных прав. В Фарском округе из 16 085 избирателей в конституционных правах были ограничены 1% (160 чел.) избирателей, в Ширванском - 3% (202 чел.)⁵. Итоги выборной кампании свидетельствовали об отсутствии интереса со стороны местного населения к экономическим реформам, в том числе к переходу от продразверстки к продналогу. На итоги выборов оказали доминирующее влияние обычаи и традиции адыгского народа. Депутатский корпус (111 депутатов) местных Советов был представлен только мужчинами в

¹ ГАКК. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 710. Л. 27.

² Корчагин Д.М. Советские избирательные кампании 1920-х годов: На материалах Кубано-Черноморья: дис. ... канд. ист. наук. М., 2003.

³ Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа // Съезды Советов в документах. 1917-1936 гг. М., 1959. С. 27.

⁴ ГАКК. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 452. Л. 12. Черкесская (Адыгейская) автономная область (27 июля 1922 - 3 августа 1928 гг.) занимала площадь 242 154 дес., численность населения – 111 354 чел., в том числе 68 238 адыгов. См.: ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 315. Л. 1.

⁵ НАРА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 85. Л. 7; ГАКК. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 684 а. Л. 9.

возрасте от 45 до 55 лет¹. В сельские Советы избрано всего 6 женщин, среди которых не было адыгеек². Особо следует отметить влияние на местное население мусульманского духовенства³.

Отрицательное влияние на ход и итоги выборной кампании оказала позиция Кубано-Черноморского облисполкома, который активно выступал против создания Адыгейской (Черкесской) автономной области. Выборы также продемонстрировали скрытые противоречия между адыгами и русскоязычным населением в вопросах землепользования, приобретавшие черты конфликта.

Начальный этап нэпа оказался временем поиска форм, путей и механизмов формирования советской системы. Это был путь противостояния с основной массой населения и поиска временного компромисса в ходе установления диктатуры большевистской элиты. Но советизация означала также стабилизацию политической ситуации, возможность сочетания рыночных механизмов с плановой экономикой, соединения идей централизованной власти с принципами самоуправления. Советизация станиц Кубани и Дона определяла политические перспективы местных партийных организаций и эффективность формирующейся новой политической системы. Советские кампании выявили серьезные социальные, политические, межэтнические противоречия. На начальном этапе становления советской системы итоги выборов продемонстрировали доминирование крестьянской части населения по сравнению с казачеством: членов советов и исполкомов от крестьян было 78%, а от казаков - 20%. Поставленная правящей партией цель была достигнута⁴. До провозглашения политики «лицом к казачеству» в местные органы власти Дона коммунисты допускали только своих представителей. В итоге выборы

¹ НАРА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 85. Л. 12.

² Меркулов Д.Х., Удычак Ю.А. Государственная власть в Адыгее: становление, эволюция, перспективы. Майкоп, 2009. С. 31.

³ НАРА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 179. Л. 6.

⁴ Перехов Я.А. Власть и казачество: поиск соглашения (1920-1926 гг.). Ростов н/Д, 1997. С. 34.

проходили формально¹. Требованиям строительства низовых структур власти не удовлетворяло как качество исполнительного аппарата системы Советов, так и количество пришедших на выборы граждан.

В 1923 г. состояние Советов на местах центральной властью признавалось совершенно неудовлетворительным. На фоне острого дефицита подготовленных кадров работников повсеместно фиксировались многочисленные злоупотребления властью. Как следовало из доклада председателя Донского областного исполкома Н.Н. Патрикеева, в начале 1923 г. в качестве одной из действенных мер было предложено сократить количество отделов окружных исполкомов². Поднимая кадровый вопрос на VIII Донской областной партконференции (22-24.03.1923 г.), секретарь областного комитета РКП(б) Н.Н. Колотилов подчеркивал: «Важно, конечно, чтобы на ответместах были люди подготовленные, но раз их нет, то надо заняться их подготовкой»³.

Особенностью 1923 г. являлось то, что под влиянием решений XII съезда РКП(б) особую популярность получил лозунг «Все внимание волости», который в понимании местных работников представлял собой «перевод на деловой язык зиновьевской формулы: "приложим ухо к земле"⁴. Эти установки стали на местах весьма популярными⁵ и в 1923 г. не только прямо повлияли на кадровую работу, но и дали толчок ряду масштабных специальных агитационных кампаний. Как показывали обзоры ЦК РКП(б) этого времени, «бандитизм на Юго-Востоке уменьшился»⁶. Это делало более привлекательной службу в станицах для имевшегося контингента активистов, «ответработников». Увереннее чувствовали себя и руководители РКП(б) всех уровней, позволявшие теперь себе откровенные «заигрывания» с избирателем. На

¹ Тикиджьян Р.Г. Новая экономическая политика советского государства и проблема представительства донских казаков в органах власти и самоуправления в 1920-е годы // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2011. № 1 (19). С. 18.

² ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 160. Л. 16 а.

³ Там же. Л. 12 а.

⁴ Красное знамя. Краснодар, 1923. 15 июня.

⁵ Трудовой путь. Армавир, 1923. № 53.

⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 194. Л. 61.

деле выборы 1923 г. отличал уверенный диктат власти в лице правящей партии. Для руководства данной работой в масштабах всей РСФСР была создана комиссия под руководством С.Н. Равич в структуре Агитационно-пропагандистского отдела ЦК РКП(б). Под контролем этой комиссии по перевыборам, которая в сентябре - октябре 1923 г. собиралась трижды, были разработаны документы, регулировавшие партийное сопровождение выборов¹. Комиссия подготовила наказ о перевыборах в Советы от 23 августа 1923 г. за подписью В.М. Молотова. Как следствие, в 1923 г. предприняты попытки максимально формализовать выборы в Советы, предельно жестко регламентировать их итоги. Выборы были превращены в назначение заранее намеченных кандидатур².

И в кампании выборов 1923 г. главное значение имела прежняя задача укрепления советского аппарата на местах. Основные установки власти состояли в том, чтобы Советы, их исполкомы формировать из бедноты. Кулаков следовало самым беспощадным и решительным образом изгонять из них и, как было отмечено в Донском комитетом РКП(б) 5 декабря 1923 г., создавать в массах уверенность, что коммунист-хозяйственник думает о поднятии благосостояния населения³. Выборы в регионе, как и в стране, прошли во многом формально. Областные, окружные комитеты большевиков устанавливали жесткие нормы явки на выборы и процент депутатов-большевиков во всех уровнях Советов⁴.

Усиление организационно-политической работы в избирательной кампании 1923 г. позволило заметно повысить явку избирателей. По РСФСР в выборах приняли участие 35% избирателей. Но эти, казалось бы, позитивные результаты обеспечены преимущественно благодаря административному

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 416. Л. 54.

² Недвусмысленная установка, данная ведущим партийным журналом Юго-Востока России, требовала, чтобы председатели подбирались лучшие, а в случае отсутствия таковых на месте, необходимо использовать резерв в других волостях, как исключение допустим подбор и беспартийного председателя, но при условии полной преданности Советской власти и компартии. См.: Коммунист. Ростов н/Д, 1923. № 1 (13). Октябрь. С. 8.

³ ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 158. Л. 59.

⁴ ГАКК. Ф. Р-581. Оп. 1. Д. 89. Л. 30.

нажиму. С помощью жесткого регламентирования была организована отчетность избирательных комиссий. Предписывалось не доводить обстановку до откровенных столкновений и, самое главное, не проводить тайных голосований, допуская возможность поименного голосования¹.

В Краснодарском отделе в период выборной кампании 1923 г. (с 20 октября по 18 ноября) действовало 87 сельских Советов, где проживало 476 783 чел., из которых 279 931 относились к категории лиц, имевших пассивное и активное избирательное право. На избирательных собраниях присутствовало 40 292 избирателя (менее 14%) при количестве «лишенцев» в 5 444 чел. В итоге был избран 1 301 депутат в состав 54 сельсоветов. Была представлена достаточно разнообразная статистическая выкладка по итогам выборов, которая отразила возрастной, социальный состав депутатского корпуса и их образовательный уровень². До 40% депутатов были членами РКП(б)³. Типичным соработником стал русский демобилизованный красноармеец. Для обеспечения «плановых» показателей стали широко применять явно антиконституционные меры, связанные с отменой итогов выборов⁴. Обжаловать данное решение не представлялось возможным по ряду объективных причин, в первую очередь, из-за правового нигилизма в обществе. В ходе выборов и особенно при проведении волостных съездов большевики смогли организовать давление на депутатов и обеспечить комфортное представительство членов партии в исполнительных органах власти.

¹ ГАКК. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 53. Л. 4.

² ГАКК. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 500. Л. 13 об. В возрасте до 20 лет - 27, от 21 года до 35 лет - 828, от 36 до 50 лет - 404, старше 50 лет - 42 депутата, русских 1234, украинцев 50, других национальностей 17, коммунистов 361, кандидатов в члены партии 70, других сословий 95, хлеборобов 852, рабочих 151, служащих 158. Образовательный уровень: с высшим образованием - 11, средним - 112, начальным - 1 158; стаж работы в советских органах с 1917 г. - 26, с 1918 г. - 106, с 1919 г. - 29, с 1920 г. - 211, с 1921 г. - 110, с 1922 г. - 149 депутатов. По социальному составу депутатский корпус представляли 454 казака, 57 мещан, 791 крестьянин, 807 демобилизованных красноармейцев. В волысполкомы избрали 174 депутата (мужчины), в том числе 159 русских, 167 - с начальным образованием, демобилизованных красноармейцев - 155.

³ Там же. Л. 22.

⁴ ГАКК. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 53. Л. 40.

К 1924 г. регламентация и формализация избирательных кампаний в Советы, обеспечивавшие заранее заданные результаты выборов достигли своего апогея. Избирательная активность населения жестко контролировалась. В итоге, в Кубанском округе на перевыборах в стансоветы зарегистрировано 702 тыс. избирателей, а лишены избирательных прав 16 257 чел. Приняли участие в выборах 180 тыс. чел., т.е. 25%. В состав Советов избрали 9 849 депутатов, в том числе мужчин 8 721, женщин 1 128. Казачество было представлено 3 183 депутатами, крестьяне - 5 983 депутатами, что означало отчетливую дискриминацию казачества¹.

На Кубани и Дону, несмотря на пятилетние усилия большевиков, декларирувавшийся ими союз середняков и беднейшей части казаков не состоялся. Средняки в основном оставались союзником зажиточных групп, что толкало власти на отработку дополнительных механизмов контроля и формализации избирательных кампаний. С этого времени проблемы советского строительства в основном увязывались с борьбой с бюрократизмом. В 1924 г. сфера советского строительства обрела неустойчивое равновесие. С одной стороны, она попала под тотальный контроль правящей партии, функционеры которой в решающей степени определяли, как состав, так и характер работы Советов. С другой – в Советы всё же попадали лица, признанные властью явно нежелательными и вызывавшие резкое осуждение. Это вступало в явное противоречие со стратегическим курсом нэпа, а также с курсом на повышение эффективности управления страной, нашедшим отражение в территориальной реформе 1924 г. («районирование»), которую следует рассматривать в единстве с курсом на «расширение нэпа»². Данный курс вылился с конца 1924 г. в

¹ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 87. Л. 126 об. См.: МКУ города Сочи «Сочинский городской архив» Ф. Р-25. Оп. 2. Д. 8. Л. 16; Ф. Р-25. Оп. 2. Д. 38. Л. 48-49.

² Скорик А.П. Рассказывание как политика и социальный процесс на Дону в 1920-е годы // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 4. С. 105. Разработка политики РКП(б), получившая название «Лицом к казачеству» началась на основании постановления Оргбюро ЦК РКП(б) от 10 октября 1924 г. На октябрьском (1924 г.) пленуме партии была создана комиссия ЦК РКП(б) по казачьему вопросу ввиду медленного изживания сословной розни. По мнению А.В. Баранова, это стало качественным шагом в изменении политического курса большевиков в отношении

самую масштабную попытку смягчения репрессивных практик советского строя под лозунгом «Лицом к деревне». В рамках территориальной реформы приоритет отдавался хозяйственным и организационным задачам районирования: повышению управляемости населения, борьбе с бюрократизмом и непроизводительными расходами. Создание в октябре 1924 г. Северо-Кавказского края, обладающего выборной иерархией Советов, способствовало интеграции и политической лояльности казачества и крестьянства.

Ответственность за проведение выборов в 1924 г. возлагалась на избирательные комиссии, которые создавались на всех уровнях¹. Новое Положение о сельских Советах было утверждено 16 ноября 1924 г. Особое место отводилось социальным вопросам на селе и задачам Советов по развитию сельского хозяйства. Увеличен количественный состав Советов². Как приоритетная работа определялась организация отчетов исполкомов о проделанной работе Совета. В преддверии выборов на местах повсеместно срочно требовали «приступить к подбору руководящих т.т. по партийной и советской линиям» (Сальский округ)³. Все большее внимание уделялось «воспитанию» работников, звучали даже предложения посылать в села председателями сельсоветов тех, кто не имеет своего хозяйства, «чтобы они служили нам примером»⁴. Это означало возвращение к военно-коммунистическим практикам.

казачества. Мероприятия коммунистов с конца 1924 г. по 1926 г. рассматриваются исследователем как «расширение» нэпа вместо привычного наименования политики «лицом к казачеству», как возможность заключения политического союза с казачеством. См.: Баранов А.В. Политические настроения земледельцев казачьего Юга России в условиях «расширения» нэпа 1924-1926 гг. (по материалам информационных сводок ОГПУ) // Новейшая история России. СПб., 2013. № 3. С. 116.

¹ Конституция СССР. 1924 г. установила норму представительства в сельских Советах: 1 депутат от 100 граждан, позднее - от 400. На пленумах Советов избирались делегаты на районные съезды Советов, которые избирали депутатов на краевые съезды. Выборы были открытыми и многоступенчатыми. Сохранилось преимущество рабочего класса: на съезды Советов избирался 1 делегат от 25 тыс. рабочих, а крестьян - 1 делегат от 125 тыс. чел. В 1924 г. ВЦИК утвердил очередную Инструкцию о выборах в Советы и созыве съездов Советов. До принятия этого документа при проведении выборов применялись нормы Конституции РСФСР 1918 г. и инструкции принимались к каждой избирательной кампании.

² Кукушкин Ю.С. Сельские Советы и классовая борьба в деревне (1921-1932 гг.). М., 1978. С. 107.

³ ЦДНИРО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 28. Л. 7 об.

⁴ ЦДНИРО. Ф.97. Оп. 1. Д. 34. Л. 6.

Анализ результатов выборов, состоявшихся осенью 1924 г. по стране, показал, что принципиальный курс на максимальный контроль над выборами сохранил значение. В условиях растущего «нажима» население все более проявляло апатию. По всей РСФСР в 70% уездов, где проходили выборы, явка в 1924 г. составила лишь 29,9%¹.

Выборы в станичные Советы Юга России в 1924 г. прошли при низкой явке и сокращении числа коммунистов и комсомольцев, беднейших слоёв крестьян и казаков при одновременном росте доверия к беспартийным². Это были «крепкие» хозяева, которых опасались большевики. Выборы в Советы, по мнению руководства края, прошли организованно и под контролем партии. «Голосование проводилось по спискам, причем голосовали одним предложенным списком, за неимением других»³. Советы существовали, скорее, на «бумаге» и комплектовались назначенными кадрами из относительно скудного кадрового резерва РКП(б). Руководители Кубанского округа в этой связи давали простую, но типичную характеристику состава советского аппарата того времени: «Подбор руководителей всех окружных аппаратов удовлетворительный. Сельский аппарат в большинстве неудовлетворительный. Наблюдается нарушение гражданских прав»⁴. Но некоторые «горячие головы» считали возможным выступать с эсеровскими лозунгами, оставаясь членами РКП(б). Такие факты были зафиксированы в Анапском районе⁵.

По Кубанскому округу было зарегистрировано 572 829 избирателей (без учета 2 районов). В выборах приняли участие 88 982 избирателя (15,5%). В Советы избирали 10 496 депутатов. Такой рост числа депутатов объясняется изменениями в законодательстве о выборах, который увеличил избираемых депутатов в станичных Советах. Качественный состав Советов был следующим: мужчин 88%, женщин 12% (в 1923 г. женщин было 0,5%), из их

¹ Избирательная кампания в Советы РСФСР в 1924-1925 г. М., 1925. Вып. 2. С. 12.

² Отчёт о деятельности Северокавказского крайисполкома за 1924/25 хозяйственный год. Ростов н/Д, 1926. С. 42, 43.

³ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 34. Л. 2.

⁴ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 14. Л. 28.

⁵ АОА МО г. Новороссийск. Ф. Р-9. Оп. 3. Д. 20. Л. 55.

числа коммунистов - 1 720 (в 1923 г. - 1 927 депутатов), комсомольцев - 598 (153 депутатов), беспартийных - 5 930 (4 640 депутатов). Социальный состав депутатов отражал состав населения Кубанского округа. В 1924 г. избрано 2 888 казаков (33%) депутатов (в 1923 г. - 2 088 казака), крестьян - 5 096 (в 1923 г. - 162) мещан - 472 (в 1923 г. 402), демобилизованных красноармейцев - 3 539 (в 1923 г. - 3 309), военнослужащих - 115 (в 1923 г. - 40), не служивших в Красной армии - 3 619 (в 1923 г. - 3 374). Но явка избирателей оказалась критической для правящей партии, составив 10% числа лиц, имевших право голоса¹.

Естественным представляется ярко проявившееся в 1924 г. неприятие выборов казачеством. На Дону признавали, что выборы показали абсентеизм населения. Из 350 тыс. избирателей, имевших право голосовать, на избирательные собрания пришел каждый третий (31,45% составила явка). Окружком вынужден признать, что в 1923 г. выборы игнорировали 47% избирателей, а в 1924 г. - уже 70%. Такое отношение донцов к выборной кампании находило объяснение в неизменной политике большевиков².

Военно-командные методы, присущие первому этапу становления местных органов управления, завершился сменой кадрового состава Советов³. Партийные структуры понимали, что ситуация в южнороссийской станице изменилась и требовались подготовленные грамотные кадры, а до 70-80% «наших коммунистов неграмотны»⁴. Нарушение инструкции о выборах вело к росту числа лиц, лишенных избирательных прав. В это время были характерными не только индивидуальные обращения о восстановлении избирательных прав, но и коллективные. Так, группа бывших офицеров белой армии, вернувшихся на Родину, обратилась в Донецкий окружной избирком с

¹ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 44. Л. 42-43, Ф. 8. Оп. 1. Д. 94. Л. 36, Ф. 8. Оп. 1. Д. 87. Л. 12 об.

² ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 15. Л. 30 а34.

³ Яхутль Ю.А. Выборы Советов на Дону и Кубани (1925-1926 гг.): проблемы выбора курса реформ // Власть. 2017. Т. 25, № 12. С. 125.

⁴ К окружному совещанию секретарей станячек // Красное Знамя. 1925. 4 янв.

просьбой восстановить их в гражданских правах и предоставить право принимать участие в выборах¹.

Поскольку политическая активность казачества Кубани и Дона в кампании 1924 г. оказалась на крайне низком уровне, этим пользовались иногородние, которые доминировали в сельских Советах, что вызывало недовольство и казаков, и местных партийных структур, продолжавших применять в период выборной кампании административные методы воздействия². Активная политика лишения избирательных прав способствовала тому, что до 30% казаков не могли принимать участие в выборных собраниях. По итогам выборов в Советах Донского округа оказалось 27,75% казаков, а среди председателей станичных Советов они составляли 22,46%³. Но уже в 1924 г. стабилизируется и даже начинает постепенно сокращаться количество депутатов из числа демобилизованных красноармейцев - главных носителей «военных» методов работы, настоящее засилье которых дискредитировало сущность Советов как коллегиальных органов местного самоуправления.

На фоне существенного падения активности избирателей выборы 1924 г. в местные Советы закончились беспрецедентным решением о частичной отмене их результатов. Отмена произошла именно по инициативе руководства правящей партии. Провал выборов 1924 г. произошел в рамках проведения кампании по работе в деревне. Краевая газета «Молот» подверглась критике отдела печати ЦК за слабое освещение кампании перевыборов в Советы (1 ноября 1924 г.)⁴. Но именно газеты сыграли основную роль в активизации местного населения. Это стало причиной роста тиражей газет в крае с июня по ноябрь 1924 г. увеличившегося со 106 до 180 тыс. экземпляров⁵.

В декабре 1924 г. Президиум ЦИК СССР принял решение о частичной отмене итогов выборов и проведении повторных выборов в январе - феврале

¹ ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1, Д. 224. Л. 31.

² Иванов В.И., Чернопицкий П.Г. Социалистическое строительство и классовая борьба на Дону. 1920-1933 гг. Ростов н/Д, 1971. С. 76.

³ ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 15. Л. 31.

⁴ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 99. Л. 19.

⁵ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 14. Л. 35.

1925 г.¹ Новая Инструкция создавала более демократические условия выборов и главное, категорически запрещалось оказывать какое-либо давление на избирателей.

Встраиваясь в новый курс, Северо-Кавказский крайком РКП(б) 6 декабря 1924 г. констатировал, что выборы показали «целый ряд проявлений отчужденности и недоверия хлебороба к нашим местным организациям, что во многих случаях было вызвано грубыми ошибками наших местных работников». В этой связи поставлена задача изучить то, как проходила избирательная кампания, извлечь уроки из допущенных ошибок². На начальном этапе нового курса прежние настроения искоренить и даже скрыть было невозможно. На местах сплошь и рядом акцент по-прежнему делался на «незаменимых» работников³. Тем не менее краевые и областные структуры региона сумели перестроить работу довольно быстро. В рамках нового курса неожиданной для местных работников стала жесткая критика «некоторых ячеек», которые обнаружили на перевыборах Советов «неосновательную боязнь беспартийных»⁴. Более того, вслед за ЦК РКП(б) краевое руководство потребовало развернуть выдвижение на руководящую работу новых кадров, в том числе беспартийных. Так, на заседании бюро Северо-Кавказского крайкома РКП(б) 2 января 1925 г. решено «привлечь на постоянную работу в Краевых органах наиболее связанных по своей работе с деревней партийных и особенно беспартийных крестьян, казаков и националов, пользующихся авторитетом среди крестьянства своего района»⁵. Отмечался рост активности казачества и его возрастающий интерес к советской работе и партии, что необходимо было использовать для повышения эффективности работы в южнорос-

¹ О перевыборах в Советы в тех районах, где имели место неправильности в работе избирательных комиссий: Постановление Президиума Центрального Исполнительного Комитета Советов СССР от 29 декабря 1924 г. // СЗ СССР. 1925. № 1. Ст. 3.

² ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 10. Л. 18, 19.

³ Незаменимые работники // Красный пахарь. Майкоп, 1924. 3 дек.; Сельсоветы обновляются // Красный пахарь. Майкоп, 1924. 2 дек.; ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 577. Л. 32.

⁴ ЦДНИРО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 39. Л. 19.

⁵ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 99. Л. 4.

сийской станице. Однако следовало не забывать о прошлом казачества¹. Политическому оживлению казачества предлагалось противопоставить традиционный союз бедняка, середняка и проверенных красноармейцев². Но вскоре «реабилитированным» оказалось и казачество. Президиум ВЦИК 26 января 1925 г. принял постановление «Об амнистии по поводу I краевого съезда Советов Северного Кавказа» (г. Ростов-на-Дону, 31 января 1925 г.)³.

Первые попытки унификации норм представительства, предпринятые организационным отделом ВЦИК в 1924 г. после начала передачи ему от НКВД дел по руководству избирательными кампаниями, продолжились и в 1925 г. в рамках созданной Всероссийской Центральной избирательной комиссии. Эта кампания отражала тенденцию к унификации и централизации избирательных норм; устанавливалось единообразное толкование избирательных норм, вырабатывались единые формы избирательной отчетности и сроки проведения выборов⁴. Новая инструкция по выборам в 1925 г. расширяла круг лиц, восстановленных в гражданских правах⁵. Но расширение круга избирателей качественно не изменило их активность. Решением Президиума ВЦИК от 16 января 1925 г. создавались избирательные комиссии всех уровней от областных до сельских (станичных), которые организовывали проведение выборов⁶.

Выборная кампания прошла в два этапа. Первый относится к янв. - декабрю 1924 г., а второй охватывает время после отмены итогов выборов первого этапа, т.е. с января по апрель 1925 г. Итоги выборов подведены на XII Всероссийском и III Всесоюзном съездах Советов в мае 1925 г.

¹ Смотр станичных партячек // Красное Знамя. 1925. 8 янв.

² Внутрипартийно-организационная работа станячек // Красное Знамя. 1925. 11 янв.

³ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 15. Л. 110. В 1925 г. издаётся сборник статей и речей А.И. Микояна «Партия и казачество», имевший целью разъяснить членам местных партячек и населению новый курс партии в отношении крестьян и казаков - политику «Лицом к деревне». См.: Микоян А.И. Партия и казачество: Статьи и речи. Ростов н/Д, 1925.

⁴ Саламатова М.С. Нормы представительства на выборах в РСФСР в 1920-е гг.: законодательство и практика реализации // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 6 (55). С. 40.

⁵ Об Инструкции о перевыборах в Советы: Постановление Президиума ЦИК СССР от 16 января 1925 г. // СЗ СССР. 1925. № 6. Ст. 55.

⁶ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 50. Л. 22.

Повторные выборы в сельсоветы в начале 1925 г. продемонстрировала прежде всего рост активности избирателей. В среднем по краю в 1924 г. участие в выборах приняли 30,4%, а в 1925 г. - 40,6%. Женщин участвовало 10,4% и 16,7% соответственно. При отсутствии прежнего административного диктата выборы имели качественно новый облик и результаты. В 1925 г. на 9,3% уменьшилось число председателей сельсоветов из рабочих. На 15% - с 27% до 12% снизилось представительство в сельсоветах коммунистов (председателей сельсоветов с 77% до 54%). Это объяснялось активизацией тех групп избирателей, которые ранее были лишены такой возможности. Перевыборы и довыборы начала 1925 г. показали, что стихийная оппозиция не только была активнее, но и лучше использовала информационные потоки, неплохо разбиралась в законах, аргументировала свои высказывания, ссылаясь на высказывания лидеров партии¹. В докладе секретаря Кубанского окружного комитета ВКП(б) С.Ф. Баранова на заседании комиссии по работе в деревне 23-24 марта 1925 г. отмечалось, что в связи с новым курсом и пере выборами в станицах наблюдается не просто «оживление», они напоминают «встревоженный улей». В этой связи он призывал не бояться этой активности, а овладеть ею². На Дону хлеборобы откровенно высказывали свое недовольство содержанием проводимой земельных работ и ценовой политики на продукцию сельского хозяйства³.

На Дону представительство хлеборобов в сельских и станичных Советах по итогам выборов выглядело следующим образом: если в 1924 г. казаков-депутатов 29,7 %, а крестьян-депутатов 70,3%, то в 1925 г. представительство казачества увеличилось до 37,6%, а крестьянство потеряло свои позиции, получив 62,4%⁴.

¹ ГАРО. Ф. Р-1485. Оп.1. Д. 224. Л. 37, 14.

² ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 88. Л. 54.

³ ГАРО. Ф. Р-1485. Д. 230. Л. 39.

⁴ ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 141. Л. 61 а. На Дону активность казаков в ходе выборов в феврале - марте 1925 г. выросла с 28% до 43%. Из 6 102 чел. лишенных избирательных прав, в ходе выборов в правах были восстановлены 3 722 чел. «Из 160 сельсоветов Донского округа в 32 председателями были избраны казаки. Количество казаков возросло с 917 в

Коммунисты зачастую демонстрировали растерянность и были вынуждены соглашаться с такими результатами и сдержанно относиться к представительству активных хлебороб в Советах. С одной стороны, требовалось дать дорогу беспартийным, в том числе казакам, а с другой – «овладеть» активностью массы. При анализе работы на местах за 1-й квартал 1925 г. Кубанский окружком РКП(б), делая акцент на том, что на местах в ряде случаев еще не взят курс «на вовлечение в советскую общественность казачества». Причем новый курс «Лицом к деревне» многие воспринимали как отказ от прежней программы РКП(б)¹.

Возрастание политического влияния зажиточной части казачества в 1925 г. было очевидным. Отражением этого стали появившиеся в перевыборах начала 1925 г. рукописные прокламации в станицах Кубани². Такие проявления политической активности были для власти неприемлемы и с ними боролись. Но это не сказывалось на ключевом для 1925 г. требовании повсеместно «выдвигать» беспартийных и казаков. В решениях краевого казачьего совещания отмечалось, что к выдвинутым на руководящие посты беспартийным казакам «не следует придирается и жестоко критиковать их» за ошибки³. Появился огромный массив материалов и по выдвижению, и по борьбе с недостатками в организации выборов в местных советских аппаратах⁴.

Нередко ситуация явно выходила из-под контроля. В Вёшенском районе «население о перевыборах узнало давно из газет, но поняло это так, что коммунисты вообще не должны теперь избираться»⁵. Другой пример: «Пред. Ясенского сельсовета отказался выполнять предписание РИКа, заявив, что согласно лозунга «Лицом к деревне» никто предписаний делать не может»⁶.

1924 г. до 2 412 в 1925 г. См.: Воскобойников Г.Л., Прилепский Д.К. Казачество и социализм: Ростов н/Д, 1986. С. 94.

¹ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 88. Л. 49.

² ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 88. Л. 48.

³ Трудовое знамя. Ейск, 1925. 16 июля.

⁴ Сучки и задоринки в перевыборах Советов // Советский пахарь. Ростов н/Д, 1925. 11 июня.

⁵ ЦДНИРО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 64. Л. 2, 3 а.

⁶ Трудовое знамя. Ейск, 1925. 2 авг.

По оценке VI пленума Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) (17-18 апреля 1925 г.), коммунисты оказались «в обстановке разнообразнейших проявлений политической активности масс и повседневно нарастающих требований изменения форм работы»¹. Поэтому с рубежа 1924-1925 гг., как средство формирования блока беспартийных и большевиков, всё большее значение стали приобретать беспартийные конференции. Появилось в это время понятие «разумной критики», означавшее личную ответственность работников, но не политической системы. Именно на беспартийных конференциях озвучена идея персональной ответственности советских работников за проводимую политику, хотя не допускалась критика советской системы².

Политика оживления выборов в Советы выражалась в расширении круга избирателей, формировании новых организационных возможностей для активного участия населения в выборной кампании. Но утверждать, что произошло коренное изменение советского строительства в кубанской и донской станице, не представлялось возможным. Так, на Дону признавалось, что местные партийные организации продолжали «продавливать» свои кандидатуры в органы местного самоуправления, что негативно сказывалось на активности местного населения³. Из-за проводимой политики интеллигенция Дона почти не имела представителей в Советах в 1924 г. (3,9%) и в 1925 г. (2,3%)⁴. Уже на начальном этапе «оживления» деятельности Советов, как отмечали партийные работники на местах, было замечено «нездоровое движение» по созданию организации «союза хлеборобов»⁵.

Курс на определенное смягчение избирательных практик был закреплен на апрельском (1925 г.) пленуме ЦК РКП(б). Согласно принятой резолюции,

¹ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 94. Л. 4.

² ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 34. Л. 33.

³ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 8. Л. 199.

⁴ ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 224. Л. 4. Комиссия во главе с В. Молотовым по итогам перевыборов 1925-1926 гг. предоставила следующие данные: партийный состав Советов: 1924 г. - 7% коммунистов, 1925 г. - 3%; 1926 г. - 6%; председателей сельских советов: 1924 г. - 22%; 1925 г. - 55%; 1926 г. - 14%; Председателей волисполкомов: 1924 г. - 55%; 1925 г. - 28%; 1926 г. - 47%. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 19. Л. 78.

⁵ ЦДНИКК. Ф. 13. Оп. 1. Д. 43. Л. 2.

ближайшей задачей признавалась необходимость оживления Советов и привлечения широких слоев казачества к работе в Советах¹. Документы октябрьского (1924 г.) и апрельского (1925 г.) Пленумов ЦК ВКП(б) и XIV Всесоюзной партийной конференции, подтвердившие решения XIII съезда партии, были направлены на демократизацию Советов, активизацию общественных, особенно молодежных и женских, организаций. Начатая в ноябре 1924 г. кампания «оживления Советов» преследовала цель вовлечения большего количества граждан в избирательный процесс. Следует согласиться с оценкой событий: попытка «заключения политического союза с казачеством»².

Характеризуя результаты нового курса, вслед за совещанием по казачьему вопросу при Северо-Кавказском крайкоме РКП(б) 22-26 июня 1925 г., следует признать общее улучшение работы, в том числе положительные результаты выдвижения казачества³. Но есть многочисленные свидетельства того, что работники на местах в значительной их части считали, что «более легкий путь для работы в деревне» - прежний⁴.

Курс «Лицом к деревне» в 1925 г. приобрел для Кубани и Дона центральное значение. Он повлек за собой утверждение новой практики на выборах Советов, существенное обновление местных аппаратов управления. Так, в период перевыборов на Дону активность избирателей выросла с 28% до 43%. В 1925 г. из 6 102 чел., лишенных избирательных прав, в ходе выборной кампании в правах восстановлено 3 722 гражданина⁵. Именно это

¹ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898-1988). 9-е изд., доп. и испр. В 16 т. М., 1984. Т. 3. С. 350.

² Скорик А.П. Рассказывание как политика и социальный процесс на Дону в 1920-е годы // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 4. С. 105; Баранов А.В. Политические настроения земледельцев казачества Юга России в условиях «расширения» нэпа 1924-1926 гг. (по материалам информационных сводок ОГПУ) // Новейшая история России. 2013. № 3. С. 112125; Панкова-Козочкина Т.В. Казачье-крестьянское самоуправление эпохи нэпа: проблемы модернизации властных отношений на Юге России в 1920-е годы. Новочеркасск, 2014; Голанд Ю. Кризисы, разрушившие НЭП. Валютное регулирование в период НЭПа. Изд. 2-е, доп. М., 1998. С. 9.

³ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 215. Л. 11.

⁴ Там же. Л. 22.

⁵ Воскобойников Г.Л., Прилепский Д.К. Казачество и социализм. Ростов н/Д, 1986. С. 90, 94.

направление в «оживлении» станичных Советов отмечалось руководством Донецкого округа¹. На Дону в ряде округов отмечали возросший интерес казачества и коренного крестьянства к выборам в Советы, в том числе и среди лиц старших возрастов².

Итоги выборов продемонстрировали следующие тенденции: если в 1924 г. по Северо-Кавказскому краю казаки в сельских Советах составляли 28%, то в 1925 г. - 48,1%. За 1924-1925 гг. представительство казаков на Дону увеличилось до 32,1%, а крестьян - уменьшилось с 70,3% до 62,4%³.

Новый курс ВКП(б) получал всё более последовательное нормативное оформление⁴. Северо-Кавказский крайисполком в канун выборов отправил в окружные структуры письмо от 2 сентября 1925 г., в котором изложил принципы, на основе которых следовало организовать и провести выборы: гарантия свободы; максимальное вовлечение избирателей в выборную кампанию; восстановление избирательных прав, отказ от административного воздействия⁵.

Местные партийные структуры не одобряли решения об отмене результатов выборов, так как не видели опасности в низкой явке избирателей⁶. Не случайно лето - осень 1925 г. в регионе прошли в постоянных спорах о том, нужно ли «навязывать коммунистов» на выборах⁷. При всем энтузиазме в отношении нового курса сами крестьяне в массе не верили, «что выборы могут

¹ ЦДНИРО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 64. Л. 28.

² ЦДНИ РО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 33. Л. 3.

³ ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 141. Л. 61 а.

⁴ Так, вопросы строгого соблюдения гражданских прав отражены в инструкции № 32839/1 НКВД РСФСР от 31 июля 1925 г. Это решение было связано с выявленными грубыми нарушениями избирательного законодательства. В целом, инструкция не просто повторяла нормы Инструкции 1924 г., но усиливала демократические нормы, в том числе требование необходимой явки избирателей (35%), допускалась отмена выборов в случае выявления нарушений. Существенным фактом стал запрет на законодательную инициативу на местном уровне, т.е. запрещалось издавать какие-либо законодательные акты, касающиеся выборов в Советы. К середине 1925 г. в РСФСР сформирована система избирательных комиссий во главе с Центральной избирательной комиссией.

⁵ ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 225. Л. 2.

⁶ ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 577. Л. 32.

⁷ ЦДНИКК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 144. Л. 29.

быть проведены так, как пишется в газетах»¹. Уже в канун кампании перевыборов конца 1925 г. отмечаются первые попытки возврата к идее строгого руководства «высших Советских органов низшими»².

Избирательная кампания 1925 г., проходившая на качественно новой политической и правовой основе, по сравнению с 1924 г., имела несомненные успехи. Главное ее отличие - отсутствие явно выраженного политического давления на зажиточную часть станицы (деревни), в том числе казачество. Подготовка к выборам началась в октябре 1925 г. на основе директивных циркуляров ЦК партии и решений октябрьского пленума ЦК РКП(б). Особое внимание уделялось при этом рекомендациям, высказанным в докладе секретаря ЦК РКП(б) В.М. Молотова о работе партии среди деревенской бедноты.

Попытка поднять авторитет Советов после неудачных выборов 1924 г. отчасти усилила противостояние социальных полюсов в деревне. Руководство страны в борьбе за власть искало социальную опору. Расширяя социальную базу, большевики намеревались стабилизировать политическую обстановку. Но формирование новых общественных отношений шло в большей части методом проб и ошибок, мер, не имевших теоретических обоснований.

Итоги избирательной кампании 1925 г. продемонстрировали рост активности избирателей в два раза. По Северо-Кавказскому краю явка на собрания увеличилась на 15%, а в ряде районов превысила 50%. Избирательная кампания позволила партии увеличить представительство крестьян, казаков-середняков в Советах по сравнению с 1924 г. Хлеборобы Юга России проявили политическую активность, признали значимость Советов как властных структур, продвигая в них компетентных людей³. Возросла активность женщин в кампании 1925 г., в том числе и в Донецком округе, где казачье население составляло 36,6%. В Таганрогском округе на выборах были активны

¹ ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 224. Л. 33.

² Красное знамя. Краснодар, 1925. 9 авг.

³ Бородавкина Е.В. Выборы в Советы на Дону в 1925 году // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Ростов н/Д, 2010. № 3. С. 45.

женщины, чье представительство в Советах достигло почти 10%¹. Сохранялась тенденция снижения представительства молодежной организации.

На фоне все более жесткой борьбы управленческих групп с выдвигающимся на новой волне активом, прежде всего беспартийным, уже в конце 1925 г. стали очевидными первые признаки нового политического поворота, связанного с актуализацией для правящей партии вопроса о сохранении основ политического строя страны. Показательно мнение, которое было высказано в ходе выборов в 1925 г. местным большевиком Прочко: «Сейчас антисоветские элементы с желанием всё перестроить заново, захватив Советы, не понимая сущности классового характера, а потом, когда они увидят, что дело не в отдельном Совете, а в системе, они пойдут против системы в целом»².

С учетом отмеченной угрозы уроки перевыборов Советов в 1925 г. актуализировали разговор о необходимости организации на выборах бедноты³. Это было тем более актуально, что в кампании 1925 г. социальное противостояние в станице напоминало противостояние времен белого и красного террора. Борьба шла на всех уровнях выборов во все структуры: от Советов до членов правлений кооперации и ККОВ⁴. Так, в ходе выборов кулаки напомнили жителям ст-цы Новотитаровской, как по приказу С.М. Буденного было расстреляно 60 жителей станицы. В итоге выборов из 100 депутатов 31 депутат - это активные участники «бело-зеленого» движения⁵.

Особо необходимо сказать о трансформации кампаний перевыборов в Адыгейской (Черкесской) области. В 1924 г. в выборах вправе были принять участие 53 575 чел., имевших право избирать и быть избранными (старше 19 лет). Лишены избирательных прав 1 242 чел., в том числе 187 представителей мусульманского духовенства. Выборы 1925 г. зафиксировали 54 390

¹ ЦДНИРО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 62. Л. 59, 71.

² ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 111. Л. 84.

³ Красное Черноморье. 1925. 25 дек.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1023. Л. 187. Значительным было и движение по созданию крестьянских союзов, а настроение казаков на Дону было таковым, что были готовы восстать «хоть сейчас». См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 916. Л. 58.

⁵ ГАКК. Ф. Р-890. Оп. 1. Д. 19. Л. 6.

избирателей и только 717 лишенных избирательных прав, из которых 90 чел. предприниматели и 170 - духовные лица¹. В Адыгейской автономной области на выборах 1925 г. беднейшая часть крестьянства области и середняки выступили совместно с едиными кандидатами. Как и на Кубани и Дону, в Адыгее экономическая зависимость беднейшей части крестьян оказывала существенное влияние на итоги выборов. Для коренного населения Адыгейской автономной области в середине 1920-х гг. основными вопросами оставались рост социального расслоения крестьян, политика большевиков в земельном вопросе, экономическая помощь крестьянским хозяйствам. Выборы 1926 г. в Адыгейской (Черкесской) области принципиально не отличались от выборной кампании 1925 г. Зажиточная часть станиц и аулов продолжала проявлять активность, пользуясь экономическими возможностями воздействия на односельчан. Но председатели исполнительных комитетов были представлены бедняками или середняками. Это отражало общероссийские тенденции.

Несмотря на усиление активности государства в сфере организации эффективного контроля над выборами в Советы, курс «Лицом к деревне» в основном сохранил свое значение и в выборах рубежа 1926-1927 гг. И, главное, период 1924-1926 гг. способствовал снижению доли лиц лишенных избирательного права в РСФСР, с 1,6% до 1,0% в деревне и с 5,3% до 4,5% в городе. Избирательная кампания зимы 1925-1926 гг. продемонстрировала рост активности, в первую очередь жителей деревни (47,5%)². Большевики восстановили диалог (связь) с середняцкой и зажиточной частью сельского населения посредством компромиссных решений. Вместе с тем уже в 1926 г. началась ревизия курса «Лицом к деревне». Прежде всего приняты жесткие меры «по сужению неправильно получивших избирательное право». С началом экономического вытеснения эксплуататорских элементов в деревне стал набирать силу и процесс жесткого ограничения их политических прав. Ин-

¹ НАРА. Ф. 1. Оп.1. Д. 179. Л. 40.

² Выборы в Советы РСФСР в 1925-1926 гг. (городские советы, сельские советы, волсезьды, волисполкомы): стат. сборник / под ред. С.М. Гурвича, Н.А. Кокотова М., 1926. Ч. 1. С. 3, 4, 72-77. По сведениям НКВД, активность сельских жителей по выборам в Советы в 1926 г. возросла с 39, 7% до 47,4%. См.: ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 140. Д. 230. Л. 168.

струкция ЦИК СССР от 28 сентября 1926 г. значительно расширила круг «лишенцев» за счет различных категорий предпринимателей. Инструкция ВЦИК от 4 ноября 1926 г. вновь пересмотрела категории лиц, лишенных гражданских прав. К ним были отнесены использующие наемный труд, занимающиеся предпринимательской деятельностью и пр¹. Процесс ужесточения контроля на выборах осуществлялся при активном вмешательстве Наркомата внутренних дел.

В немалой степени под влиянием новых политических установок в предвыборной кампании 1926 г. усилились элементы конфликтности. Так, зажиточные казаки всё чаще отходили от испытанной тактики союза с беднотой, а бывшие красноармейцы и бедняки нередко игнорировали предвыборные собрания. Эти «новые» черты выборов всемерно раздувались и интерпретировались властями в «классовом» духе.

Объективные данные показывали, что избирательная кампания в Советы 1926 г. была вполне успешной, активность избирателей продолжала расти. В округах Северо-Кавказского края явка на выборы составила 38%, что было выше на 16% по сравнению с 1924 г. и на 3,5% - по сравнению с 1925 г. Жестко контролировали активность зажиточных слоев в ходе выборной кампании. Так, в Армавирском округе из 590 депутатов различного уровня только 18 депутатов относились к категории зажиточных хлеборобов². В ряде случаев результатом выборов стало усиление позиций казачества. Если в 1925 г. в Советы в Кубанском округе избрано от числа депутатов 65% казаков, то в 1926 г. - 71%, при уменьшении числа иногородних с 34% до 28%³. Однако с учетом состава населения это было вполне объяснимым и оправданным.

Итоги выборов 1926 г. не оставляли сомнений у местных партийно-советских работников наличие скрытого сопротивления казачества. III Ку-

¹ Инструкция о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов: Декрет ВЦИК от 4 ноября 1926 г. // СУ РСФСР. 1926. № 75. Ст. 77.

² ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 230. Л. 40.

³ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 117. Л. 2.

банская окружная партийная конференция ВКП(б) в конце 1926 г. констатировала наличие неконтролируемых экономических и социальных процессов в станице. В этих условиях требовалась активность партийных секций в Советах, переориентация их на хозяйственную повседневную деятельность, изменение методов работы путем привлечения на свою сторону беспартийных, активной части населения и пр.¹

Органы власти Донского округа (1926 г.) установили факт подпольной деятельности казаков и бывших офицеров, которые продолжали борьбу против Советской власти². Очевидным на выборах 1926 г. стало и заметное усиление активности органов ОГПУ, поднимавших вопрос о классовой самоорганизации кулачества и бывших «бело-зеленых». Ими выявлены нелегальные группы хлеборобов в с. Ново-Кубанском, хут. Бороновском, которые вели работу по выборам своих сторонников в Советы. Хлеборобы на своих тайных собраниях активно обсуждали хозяйственные проблемы, в первую очередь ценовую политику правительства, вопросы землеустройства³.

Обращаясь к «Материалам об антисоветских проявлениях в ходе выборов в Советы в 1926/27 гг.», подготовленным ОГПУ для ЦК РКП(б), мы также видим картину роста и активности кулачества, числа «лишенцев». В ходе выборов по стране зафиксировано 13 фактов распространения рукописных оппозиционных листовок (в том числе 2 – в Северо-Кавказском крае), агитировавших против избрания в Советы коммунистов и бедноты⁴. Столь незначительное число таких случаев и по стране, и по региону, напротив, свидетельствовало о вполне сформированной лояльности населения большевистской власти. Вопрос состоял в том, как эти случаи интерпретировать.

В 1925 г. наличие такого рода листовок не мешало успешному развертыванию курса «Лицом к деревне». Итоги выборов 1926 г. оставляли противоречивое впечатление. Большевики продолжали на местном уровне при-

¹ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 200. Л. 56.

² ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 250. Т. 1. Л. 122.

³ ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 230. Л. 40.

⁴ РГАСПИ. Ф.17. Оп. 67. Д. 372. Л. 63, 70.

держиваться точки зрения об ослаблении влияния зажиточных селян на итоги выборов, что большинство хлеборобов за беспартийный кандидатом. Данная установка была следствием ошибочной установки партийно-советской органов относительно союза с середняками. Большевикам явно не хватило умения принимать компромиссные решения, что привело в конце 1926 г. к свертыванию курса «Лицом к деревне»¹. Желание поставить Советы под партийный контроль заставило большевиков перейти к жесткому контролю за ходом выборов, тем самым обеспечив политическую стабильность при переходе к форсированной социалистической реконструкции.

Формирование депутатского корпуса в 1925-1926 гг. можно определить как особый этап в становлении новых структур власти как в станицах Кубани и Дона, так и в Адыгее². Политические компромиссы властвующей элиты продолжались до 1927 г. Тем не менее мероприятия не привнесли качественных изменений в систему местного самоуправления. В середине 1920-х гг. советизация по-прежнему в той или иной форме преследовала классовые интересы беднейших слоев. Небольшой промежуток времени с конца 1924 г. по 1926 г. стал временем выбора между административно-командной системой и регулируемыми рыночными реформами с активным участием государства. В итоге, в 1927 г. сельсоветы утратили приобретенные в 1925-1926 гг. качества органов народовластия и вновь превратились в низовые звенья админи-

¹ По мнению А.В. Баранова, «опыт преобразований 1924-1926 гг. дал свидетельства неприятия либерализации на всех уровнях власти. Реформы при опоре на партийно-советский аппарат остались шаткими. Чиновники не поняли и не приняли перемены. Реформы могли постепенно подорвать власть РКП(б)». См.: Баранов А.В. Революция 1917-1921 гг. в России: опыт преодоления посредством нэпа (иллюзии и реальность) // Юг России в условиях революционных потрясений, вооруженных конфликтов и социально-политических кризисов, 1917-2017 гг.: материалы Всерос. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 5-6 окт. 2017 г.). Ростов н/Д, 2017. С. 197.

² Правящая партия отреагировала на итоги выборов в 1926 г. требованием усилить работу по вовлечению беспартийных рабочих и крестьянских масс в советское строительство и выдвижение их на руководящие посты в госаппарате. См.: Объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 14-23 июля 1926 г. Из резолюции «Об итогах перевыборов Советов» // Ленин В.И., КПСС о партийной и государственной дисциплине. М., 1977. С. 281-282.

стративно-бюрократической системы с прежними фискально-административных функциями¹.

Скрытое противостояние в станицах Юга России, сохранявшееся до середины 1920-х гг., переросло в открытый конфликт в 1927-1928 гг. В этом противостоянии власти с зажиточной частью победил организованный государственно-партийный механизм, основу которого составили бедняцкие слои крестьянства, прежде всего «иногородние», хотя предпринимались активные действия и по обеспечению представленности в низовых Советах казаков². Внутрипартийная борьба на XV съезде ВКП(б) в декабре 1927 г. по вопросу о будущем нэпа переросла в спор, а в дальнейшем - и в открытое противостояние в политической элите страны. Авторитарная тенденция политики ВКП(б) возобладала, низводя роль Советов до одного из рычагов разрушения многоукладного общества. В итоге огосударствления экономики Советы стали играть соподчиненную роль под контролем партийной номенклатуры. «Левый маневр» партийного большинства в лице сталинской группировки проводился на Кубани и Дону в 1926-1927 гг. с особенным радикализмом. Партия поставила под жесткий контроль Советы, используя возможности ОГПУ, расширяя круг «лишенцев» и слухи о «военной тревоге».

Как следствие, кампания по выборам в Советы в 1927-1928 гг. продемонстрировала резкое ухудшение отношения к зажиточным крестьянам. По условиям избирательной кампании следовало провести перепись (учет) всех избирателей. На основании решения июльского пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) особое внимание было уделено организации учета (переписи) лиц, подлежащих лишению избирательных прав. «Лишенцами» стали многие зажиточные крестьяне и казаки, добившиеся роста производства и материального благополучия за счет улучшения культуры производства, применения новых агротехнических приемов, средств механизации.

¹ Панкова-Козочкина Т.В. Указ. соч. С. 262.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 63. Л. 9; МКУ города Сочи «Сочинский городской архив». Ф. Р-223. Оп. 1. Д. 35. Л. 9.

Главным в кампании 1927-1928 гг. стало требование кардинального изменения подготовки и проведения выборов в местные представительные органы с целью обеспечения союза рабочего класса и бедняцко-средняцких слоев станицы, вовлечения в Советы батрачества, изживания сословных противоречий. Поскольку главной социальной опорой должно было стать беднейшее крестьянство, для активизации работы с бедняком и закрепления нового политического курса в канун выборов 1927 г. основной акцент был сделан на проведении окружных беспартийных бедняцких конференций¹ и составлении списков лиц, лишенных избирательного права. В основном эта работа завершена к началу 1928 г. Так, в с. Калинино Кубанского округа казака В.Д. Тончева лишили избирательных прав за то, что он постоянно применял в своем хозяйстве труд 4 батраков. В ст-це Старокорсунской И.М. Щербина применял наемный труд свыше 150 трудодней в году. Граждане И.Н. Каланда, А.Н. Абросимов, Е.С. Вечерний сдавали свои трактора «Фордзон» для пахоты по 10-12 р. за 1 дес. земли, за что лишены избирательных прав².

Таким образом, главной чертой выборов 1927-1928 гг. стало усиление контроля при росте числа «лишенцев»³. В Туапсинском районе с укрупнением количество избирательных участков уменьшено с 59 до 47, что позволяло ослабить влияние кулаков и укрепить блок коммунистов и комсомольцев. Если в 1926 г. по району лишены избирательных прав 265 чел., то в

¹ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 12. Л. 2. Центральные органы власти отмечали рост обращений крестьян на незаконное лишение их избирательных прав. См.: РГАЭ. Ф. 478. Оп. 3. Д. 3255. Л. 20-46.

² ГАКК. Ф. Р-580. Оп. 1. Д. 248. Л. 14. Округ был разбит на избирательные участки, которые охватывали крупные населенные пункты с числом жителей от 500 до 1 тыс. чел. (в округе было 19 крупных станиц с населением в 1 тыс. чел и более). Небольшие станицы не имели возможности создавать свои структуры управления, поэтому они объединялись и создавали совместный общий Совет с представительством каждой станицы. Выборная кампания проходила в период с 10 по 20 февраля 1928 г. Собрания с участием менее 35% избирателей признавались недействительными.

³ ЦДНИКК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 64. Л. 34. МКУ города Сочи «Сочинский городской архив». Ф. Р-83. Оп. 1. Д. 1. Л. 11; Р-83. Оп. 1. Д. 3. Л. 12.

1927 г. - 590 чел., в г. Туапсе избирательных прав были лишены 777 чел. Работа волостного съезда проходила под руководством блока коммунистов¹.

Избирательная кампания 1927-1928 гг. показала снижение активности избирателей при усилении административного нажима на них. На предвыборные собрания, где обсуждались кандидатуры в состав крестьянских комитетов общественной взаимопомощи (ККОВ), бедняки приглашались повестками, в ходе дебатов между бедняками и середняками происходили столкновения. В итоге активности кулаков и бездействия членов партии в ряде случаев на перевыборных собраниях «списки» бедноты были полностью провалены².

Констатируя радикальный поворот в организации избирательных кампаний в Советы на рубеже 1927-1928 гг., необходимо признать, что к концу 1927 г. сохранялась путаница. Институт советского строительства в декабре 1927 г. направил в Орграспред ЦК проект циркуляра о перевыборах Советов, в котором настаивал на расширении избирательных прав (в выборах «отныне должно участвовать большинство населения СССР»)³. Но на фоне радикального поворота в политике партии были сформулированы иные задачи советского строительства. В повестку дня поставлено масштабное реформирование государственного аппарата на местах⁴. В связи с административно-территориальной реформой в 1928 г. было принято общее Положение о краевых (областных), окружных и районных съездах Советов и исполнительных комитетах. Документ регулировал организацию и деятельность органов в рамках двухуровневой системы Советов⁵. Вслед за этим Земельным законом от 15 декабря 1928 г. земельные общества подчинены сельсоветам. Крестьян-

¹ ЦДНИКК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 63. Л. 2; ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 10. Л. 3; НАРА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 197. Л. 17; НАРА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 19. Л. 18.

² Трагедия Советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы: в 5 т. Т. 1. Май 1927 - ноябрь 1929 / под ред. В. Данилова, Р. Маннинга, Л. Виола. М., 1999. С. 131.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 335. Л. 3.

⁴ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 10. Л. 3.

⁵ Ящук Т.Ф. Реформы местного управления в РСФСР в 1920-е годы // Lex Russica (Русский закон). 2017. № 10 (131). С. 175.

ское самоуправление в форме сельских земельных обществ¹, где решались основные вопросы, прекратило существование. Финалом независимости низового самоуправления крестьянских общин стало подчинение сельских сходов сельсоветам и последующая ликвидация земельных обществ. Взаимоотношения местных Советов и общин в 1929 г. характеризовались уже прямым подчинением последних и наделением неограниченными правами Советов. Очередное двоевластие в истории российской революции закончилось победой большевиков. Кулак, лишенный права голоса на выборах в Советы, до принятия данного закона мог избирать и быть избранным в общинные органы управления, теперь закон лишил его этих прав².

В избирательную кампанию 1928-1929 гг. произошел заметный сдвиг в ужесточении контроля и получении запрограммированных результатов выборов, так в избирательную кампанию в Донском округе избирательных прав было лишены 27 908 чел³. Как следовало из аналитической записки «Вопросы массовой агитационно-пропагандистской работы в Кубанском округе», основной упор в текущей деятельности сделан на рост активности кулачества и реакции на эту активность бедноты. Авторы записки обращали внимание на недостаточное понимание на местах угрозы «правой опасности»⁴. Как следствие, в кампании 1928-1929 гг., при сочетании принуждения и агитационной работы, явка на выборы по стране достигла 62% (рост на 14% по сравнению с 1927-1928 гг.). В городе этот уровень составлял 71% за счет вовлечения в активную общественную деятельность женщин и молодежи⁵.

Кубанская и донская станица в выборной кампании 1928-1929 гг. переживала острый политический кризис, связанный с коренной ломкой аграрной политики, активизацией колхозного строительства. Выборная кампания про-

¹ Кудюкина М.М. Органы управления в деревне: сельсовет и сход 1926-1929 гг. // Историческое значение НЭПа. М., 1990. С. 126.

² Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977. С. 190.

³ ГАРО. Ф. Р-1798. Оп. 1. Д. 1386. Л. 6.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 465. Л. 12-14, РГАЭ. Ф. Р-396. Оп. 7. Д. 12. Л. 14.

⁵ Там же. Л. 44.

ходила в условиях преднамеренного обострения классового противостояния. На фоне изменений избирательной политики кулак проявлял активность и не желал проигрывать. Роль Советов в решении местных хозяйственных вопросов возрастала, и оказаться в руководстве исполнительных органов означало сохранить свое экономическое влияние.

Нараставшее противостояние вылилось в некоторое снижение избирательной активности при наличии отдельных, порой острых эксцессов, в существенное усиление регламентирующих инструктивных инициатив партийно-советских структур, стремившихся максимально углубить конфликт на классовой основе. Станичное и районное звенья проявляли в этом отношении даже большую активность, чем краевые инстанции. Кулаки оказывали серьезное давление как в ходе отчетов исполкомов, так и в период выборов депутатов. Насколько это влияние было серьезным, свидетельствует, что в ряде случаев из 20% выборщиков в активном обсуждении вопросов принимало участие лишь 8-9% присутствующих¹. Пассивную позицию занимал середняк и бедняк. Активно в выборной кампании участвовали комсомольские и женские организации. Именно за их счет во многом обеспечен количественный рост числа участников в выборной кампании². Кампания по организации отчетности Советов о проделанной работе реализована в неполном объеме из-за самоустранения партийных структур. Начатая в 1929-1930 гг. чистка ВКП(б) свидетельствовала о нарастании кризисных явлений в структурах власти. Итоги выборов в Советы требовали коренных изменений в политике партии в низовых структурах. С 1928 г. ВКП(б) вернулась к политике опоры на бедняков и батраков и прекратила попытки учесть интересы казачества. Местные органы власти требовали, чтобы Советы изменили методы работы,

¹ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 598. Л. 3.

² ГАКК. Ф. Р-383. Оп. 1. Д. 59. Л. 238. По 22 станичным Советам Краснодарского района было избрано 949 большевиков, 149 комсомольцев, 47 казаков, 432 хлебороба, в том числе бедняков 359, батраков - 386, рабочих - 76, кустарей ремесленников - 39, интеллигентов - 6, служащих - 26, красноармейцев - 55, женщин - 5. Из 47 498 чел. жителей района на собраниях присутствовало 31 857 чел., а на выборы пришли 13 523 чел. В итоге выборов в хуторские и станичные Советы представительство бедняков составило 36,19%, середняков - 41% при значительном росте числа батраков - с 2,6% до 7,8%.

отойдя «от функции административной деятельности в сторону организации бедняцко-средняцкого и батрацкого населения вокруг подъема сельского хозяйства на основе плана»¹. Выборы проходили при полной пассивности селян. Для Кубани и Дона следует признать справедливым вывод: «Социально-политическая обстановка в стране продолжала ухудшаться. Тотальное давление на избирателей способствовало дальнейшему уклонению населения, главным образом, сельского, «активных хозяйствующих крестьян» от участия в выборах»².

Представители кубанского и донского казачества вытеснялись из государственных органов, а на их места приходили иногородние, которые не отличались высоким уровнем профессионализма и сельскохозяйственных знаний. «Процесс насильственного раскола деревни по имущественному признаку сопровождался расколом и по признаку компетентности»³. Политические установки правящей партии в сфере местного самоуправления оказывали существенное влияние на избирательную активность населения Юга России. Казачество игнорировало выборы в станичные Советы, расценивая их как чуждые казачеству⁴.

Курс партии на ускоренную индустриализацию, а в 1929 г. и на массовую коллективизацию означал необходимость отказа от норм «формальной» демократии. Новая система государственного управления подразумевала строгую вертикаль власти с единой системой соподчинения, что привело к ликвидации демократических принципов формирования местных органов власти. Как и в стране в целом, в регионе закреплению курса способствовало

¹ В план станицу, село и аул. Ростов н/Д, 1929. С. 9.

² Дмитриева А.А. Выборы в советы в Тамбовской губернии в первое десятилетие советской власти (1917-1928 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2012. С. 23; См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 857. Л. 188; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 16. Л. 242; МКУ города Сочи «Сочинский городской архив». Ф. Р-83. Оп. 1. Д. 2.

³ Глазков Б.Е. Социально-экономическая и общественно-политическая жизнь в Воронежском округе в 1928-1929 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2012. С. 16.

⁴ Тикиджьян Р.Г. Новая экономическая политика Советского государства и проблемы представительства донских казаков в органах власти и самоуправления в 1920-е годы // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. 2011. № 1 (19). С. 18. См.: МКУ города Сочи «Сочинский городской архив». Ф. Р-83. Оп. 1. Д. 6. Л. 12.

Постановление ВЦИК от 14 января 1929 г. «Об образовании на территории РСФСР административно-территориальных объединений краевого и областного значения». К 1930 г. новое районирование введено на всей территории страны. В условиях сплошной коллективизации и раскулачивания вопрос о характере выборов полностью утратил актуальность и дискуссионность.

Итак, родившись в качестве формы прямой «классовой» демократии и противовеса самодержавию, Советы прошли сложный путь эволюции, зависевший от расстановки политических сил на событийном уровне и от традиций российской государственности на уровне цивилизационном. Периодизация политической деятельности органов местной власти определяется соотношением тенденций народопрямства и диктатуры, традиций и реформаторства. По этим критериям мы выделяем для региона четыре этапа развития системы власти и управления: 1) 1920-1921 гг. Доминирование революционных комитетов как чрезвычайных органов власти и постепенный переход к системе Советов с возможностью манипулировать итогами выборов; 2) 1922-1924 гг. Оформление системы Советов, выполнявших в основном подчиненные - налоговые и регистрационные функции; 3) 1925-1926 гг. Создание в рамках курса «расширения нэпа» на основе лозунга «Лицом к деревне» Советов, избранных демократично и отражавших многообразие социальных интересов. Двоевластие в низовых структурах, когда номинально политическая власть принадлежала Советам, а основные вопросы сельской общины решались на сходах; 4) 1927-1929 гг. Уничтожение элементов самоуправления Советов и общин по мере «свертывания нэпа».

Своеобразие местных органов власти и их деятельности проявилось в затяжном характере Гражданской войны на юге страны, персонификации и централизации власти, всеобъемлющем административном регулировании, радикальном подавлении любой оппозиции. «Военный коммунизм» породил преобладание в 1920-1921 гг. ревкомов. И после перехода от ревкомов к Советам последние назначались местными большевистскими организациями, формализовавшими кампании перевыборов.

Ситуацию изменил курс «оживления Советов», проводимый РКП(б) с конца 1924 г. по 1926 г., который направлен на формирование эффективных технологий политического управления в деревне и в меньшей степени в городах. В это время выборы стали проводиться при массовом участии казаков и крестьян. Уникальность данного этапа в том, что протестные настроения населения получили канал легального выражения.

Но затруднения большевиков на относительно свободных выборах 1925 г. и 1926 г. неизбежно спровоцировали волну левацких настроений чиновников, стимулировавшую возврат с 1927 г. к жестко контролируемым избирательным кампаниям, к ограничению выдвижения на советские посты представителей среднего и особенно зажиточного крестьянства и казачества. Начавшийся в 1927 г. радикальный поворот закреплен в результате общего изменения политики правящей партии, отбросившей нэп и перешедшей к форсированному строительству социализма. Потребности государственного строительства направили процесс советизации в русло превращения Советов не столько в местные органы власти, сколько в органы представительства центра на местах, в низовое звено жестко централизованной партийно-советской вертикали, инструмент политического контроля и подавления любого инакомыслия. В развернувшихся в 1929-1930 гг. кампаниях коллективизации и раскулачивания они по существу вернули местные Советы к статусу назначаемых и подконтрольных партии органов.

5. СОПРОТИВЛЕНИЕ КАЗАКОВ И КРЕСТЬЯН КУБАНИ И ДОНА ПРОЦЕССАМ БОЛЬШЕВИЗАЦИИ

5.1. Особенности большевизации Кубани и Дона в начале 1920-х гг.

Несмотря на победу большевиков в рамках масштабного военного противостояния 1918-1920 гг., сразу подвести черту под эпохой Гражданской войны не удалось. В 1920 г. часть территории страны по-прежнему находилась под контролем белых либо сепаратистских режимов (Крым, Закавказье, Средняя Азия, Дальний Восток). Значительные пространства оставались вне зоны влияния центральной власти из-за невиданного роста крестьянского движения, во многом определявшего жизнь провинции на протяжении 1917-1920 гг. и достигшего апогея в «малой гражданской войне» 1921-1922 гг.

Недовольство стремительно «окрестьянивавшейся» страны (к 1920 г. лишь 13 из 1616 городов имели более 100 тыс. чел. населения)¹ неуклонно утверждавшимися военно-коммунистическими практиками вылилось в неотвратимо нараставшее протестное движение. Решающую роль в таком развитии событий сыграла проводимая большевиками политика военного коммунизма как совокупность мер, нацеленных на прямое, «непосредственное» и ускоренное строительство социалистического общества в период мировой революции.

Теоретическими истоками этого курса были традиции учений марксистов о коммунистическом обществе и авторитарная политическая культура². Сущностными чертами системы «военного коммунизма» можно считать: огосударствление промышленности и принудительное кооперирование; отказ от рыночных отношений; натурализация хозяйства; уравнительное распределение на основе классовых признаков; милитаризация сферы труда; жестокая

¹ Поляков Ю.А. Советская страна после окончания гражданской войны. М., 1986. С. 132.

² Сахаров А.Н. Революционный тоталитаризм в нашей истории // Коммунист. 1991. № 5. С. 60-71.

централизация и административные методы управления; создание бесклассовой структуры общества; установление однопартийности; классовый террор; экспорт революции. В итоге «всё это вело к социально-экономической нивелировке»¹.

Советские историки считали «военный коммунизм» ответом на трудности военного времени, а потому вынужденной, стихийно сложившейся политикой. Затем, во время «перестройки» были сформулированы аргументы, объяснявшие курс 1918-1921 гг., исходя из общемирового опыта государственного регулирования экономики в годы Первой мировой войны, преемственности «продовольственной диктатуры» имперского, Временного и Советского правительств². Однако эти доводы не опровергают главного - идеологической обусловленности военного коммунизма как российской разновидности практик леворадикального марксизма.

В.И. Ленин еще весной 1918 г. не оспаривал систему планового регулирования общественных процессов, рассматривая методы материальной заинтересованности и частной инициативы как вынужденные, временные, периферийные³. На этой основе в условиях Гражданской войны декретами ВЦИК и Совнаркома в 1918 г. введена государственная монополия на хлеб⁴. На VIII съезде РКП(б) (март 1919 г.) принята новая Программа партии, ориентированная на коммунистическое строительство, без рынка на основе продовольственной разверстки.

Наиболее активная, кульминационная фаза данного курса наступила на исходе Гражданской войны. Ее особенности - наступательность политики РКП(б), тотальное огосударствление, отказ от денежного обращения и ры-

¹ Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М., 1997. С. 9.

² Бордюгов Г.А., Козлов В.А. История и конъюнктура. М., 1991. С. 242-318. Но в историографии есть три трактовки «военного коммунизма» - традиционалистская, плюралистическая и нонконформистская (обозначим их так, хотя существуют и иные подходы к историографической градации и терминологии). Цит. по: Телицын В.Л. Военный коммунизм: власть и крестьянство // Власть. 2011. № 2. С. 335.

³ Ленин В.И. О «левом» ребячестве и мелкобуржуазности // Полн. собр. соч. Т. 36. С. 295-296.

⁴ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 409; Декреты Советской власти. М., 1959. Т. 2. С. 261-267; 307-312.

ночных методов хозяйствования, широкое применение принудительного труда. IX съезд большевиков подтвердил курс на ускоренный переход к коммунизму, используя средства и методы, вызванные чрезвычайными обстоятельствами. Идеологической основой этого курса стали воззрения В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого, в тот период малоразличимые¹.

По мнению многих исследователей, летом 1920 г. Россия прошла своеобразную точку триумфа «военного коммунизма»². Исходя из того, что южные области России скрывали богатые продовольственные ресурсы, был увеличен план продразверстки на 1920-1921 гг. Планировалось изъять у крестьян 500 млн пуд. зерновых культур при урожайности 40 пуд. с 1 дес. (на деле урожайность составила 28 пуд. с дес., а сбор разверстки - 304 млн пуд.)³.

Путь «военного коммунизма» в 1920 - начале 1921 г. считался руководством РКП(б) теоретически обоснованным и единственным вариантом социалистических преобразований⁴. В.И. Ленин рассматривал его как попытку «штурмовым» способом, т.е. самым быстрым, непосредственным, перейти к социалистическим основам производства и распределения⁵. Позднее он признал ошибочность этой политики⁶. Но ясность общего идейного замысла не

¹ Девятый съезд РКП(б). Март - апрель 1920 года: Протоколы. М., 1960. С. 26, 89; Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме...; Троцкий Л.Д. Сочинения. М.; Л., 1927. Т. 15.

² Павлюченков С.А. Крестьянский Брест, или Предыстория большевистского НЭПа. М., 1996. С. 168; Леонов С.В. Рождение Советской империи: государство и идеология 1917-1922 гг. М., 1997. С. 21.

³ Генкина Э.Б. Переход советского государства к новой экономической политике (1921-1922 гг.). М., 1954. С. 129; Десятый съезд РКП(б). Март 1921 года: стеногр. отчет. М., 1963. С. 416; Ленин В.И. Доклад о продовольственном налоге // Полн. собр. соч. Т. 43. С. 154.

⁴ Бухарин Н.И. Экономика переходного периода. Пг., 1920; Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Полн. собр. соч. Т. 41; Троцкий Л.Д. Основные вопросы революции. М.; Пг., 1923.

⁵ Ленин В.И. VI Московская губпартконференция. Доклад о новой экономической политике 29 октября // Полн. собр. соч. М., Политиздат. 1977. Т. 44. С. 204; Ленин В.И. Новая экономическая политика и задачи политпросветов // Полн. собр. соч. М., Политиздат. 1977. Т. 44. С. 157, 159; См. Павлюченков С.А. Военный коммунизм в плену большевистской доктрины // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996. С. 235.

⁶ Ленин В.И. К четырехлетней годовщине Октябрьской революции // Полн. собр. соч. М., 1977. Т. 44. С. 151.

приводила к законченности и целостности реальной политики. Так, при определении размера разверстки государство по существу исходило не из наличия излишков у крестьян, а из потребностей хотя бы минимально обеспечить нуждающихся в хлебе в городе¹. По воспоминаниям крестьян, большевики были «ненасытны»². На местах органы власти были обеспокоены открытым проявлением недовольства крестьян, которые часто обвиняли продовольственные органы в необоснованно завышенных нормах продовольственного сбора³. Конец 1920 - начало 1921 гг. - это период наивысшего «расцвета» политики «военного коммунизма», когда она обрела бескомпромиссного противника в лице крестьянства. Но провал политики «военного коммунизма» большевики осознали далеко не сразу⁴. Экономика страны находилась в тисках безысходности. Число рабочих к 1921 г. сократилось в 2 раза (с 2 400 тыс. чел. в 1913 г. до 1 270 тыс. чел. в 1920 г.), экономику разрушала гиперинфляция⁵. Отражением глубокого кризиса политики власти стало свертывание экономической активности крестьянства. К началу 1920-х гг. количество домашнего скота по сравнению с 1916 г. сократилось на 73 млн голов (40%), на 40 млн га сократились посевные площади (34%)⁶. Ставшие объектом безудержного грабежа крестьяне отказывались добровольно обеспечивать продуктами питания жителей городов Советской России. Это увеличило

¹ Гимпельсон Е.Г. «Военный коммунизм»: политика, практика, идеология. М., 1973. С. 59.

² Российская и советская деревня первой половины XX века глазами крестьян: Взгляды из эмиграции / сост., подгот. текста, предисл., коммент. Н.Ф. Гриценко. М., 2009. С. 207.

³ Архивный отдел администрации МО г. Армавира (далее АОА МО г. Армавир). Ф. Р-54. Оп. 1. Д. 2. Л. 11.

⁴ В конце 1920 - начале 1921 г. Совнарком принял новые меры по усилению вне рыночных, распределительно-коммунистических начал. 4 декабря 1920 г. принят декрет СНК РСФСР «О бесплатном отпуске населению продовольственных продуктов». В декабре 1920 г. на VIII Всероссийском съезде Советов принят План восстановления народного хозяйства и электрификации (план ГОЭЛРО). Очередным шагом к плановой экономике стало учреждение Совнарком в феврале 1921 г. Государственной комиссии (Госплан), перед которой стояла задача разработки текущих и перспективных планов хозяйственного развития страны. Правительство расширило список сельскохозяйственной продукции, подлежащих продразвёрстке. Рассматривался проект документа, который предусматривал отказ от денежного обращения.

⁵ Софинов П.Г. Исторический поворот (переход к новой экономической политике). М., 1964. С. 16.

⁶ Маслов С.С. Колхозная Россия. М., 2007. С. 89.

число горожан, в первую очередь рабочих, уходивших в деревню. Проблемы в стране быстро нарастали. Но решения VIII Всероссийского съезда Советов (декабрь 1920 г.) носили противоречивый характер. Мы видим не только признание личных интересов крестьянства и материального стимулирования труда, но и попытки государства контролировать производственные процессы сельского хозяйства, ужесточение продуктообмена, трудовые армии¹.

По стране с угрожающей силой прокатилась волна крестьянских выступлений. В обстановке растущей неопределенности власти пытались выжать из деревни оставшиеся экономические и политические ресурсы. Возможно, этим объясняется явно запоздалая реакция на события, в том числе на рост крестьянского протестного движения. Вопрос о крестьянских выступлениях был рассмотрен в ЦК лишь в начале 1921 г. В довершение, в результате засухи, сопоставимой с засухой 1891 г., в 1921 г. страну охватил страшный голод. Это была настоящая катастрофа, потребовавшая от общества и государства мобилизации всех сил.

На Кубани и Дону «военный коммунизм» впервые «заявил» о себе в 1918 г., когда вернувшиеся домой фронтовики на короткий срок обеспечили подобие «советизации» региона. Но, в отличие от Центральной России, с мая 1918 г. по январь 1920 г. на Дону, с сентября 1918 г. до марта 1920 г. - на Кубани существовали антибольшевистские режимы. И в этих условиях хозяйственной разрухи эпохи Гражданской войны аграрный регион отличала относительная стабильность.

Ситуация, во многом объясняющая развитие общественных настроений хлеборобов Кубани и Дона в 1920-е гг., требует краткого комментария специфики традиций этих казачьих областей. Как известно, кубанское и донское

¹ Восьмой Всероссийский съезд Советов: стеногр. отчет. М., 1921. С. 5-10, 21, 40. Представители партии меньшевиков и эсеров с трибуны съезда сформулировали требования крестьян по продовольственному вопросу. Они предлагали строить продовольственную политику так, чтобы излишки, оставшиеся после выполнения обязательств, крестьяне имели возможность использовать для добровольного товарообмена или сбывать их по согласованным ценам. См.: Павлюченков С. С чего начинался НЭП? // Трудные вопросы: Поиски. Размышления. Новый взгляд на события и факты. М., 1991. С. 46, 47.

казачество в имперской России составляли ядро и одновременно основную силу этого военно-служилого сословия. К 1917 г. в более чем четырехмиллионном казачестве страны казаки Дона и Кубани образовали массу в 2,8 млн чел., или 67% (1,5 и 1,3 млн соответственно). Эти области давали подавляющую массу казаков, находившихся непосредственно в войсках¹. До 80% земельных угодий в регионе использовалось казачеством, что превосходило землеобеспеченность «иногородних» (коренных крестьян-горцев), что предопределяло противоречия в аграрной сфере Юга России, определившие конфликтность отношений казачества и иногородних, казачества и горцев. Именно казаки, которые «представляли собой одну из самобытных частей русского народа»², превратили их в наиболее развитый аграрный регион империи. И в годы Первой мировой войны эти регионы отличались высоким уровнем развития товарности крестьянского хозяйства и арендных отношений и использования наемной рабочей силы³.

Регион по своей социальной и этнической структуре был уникальным. На Кубани был высок процент казаков - малороссов (в советской терминологии, «украинцев»), а в Донском войске 33 тыс. чел. составляли казаки-калмыки⁴. Тем не менее в этническом аспекте эти области были гораздо более однородными. По оценкам В.М. Кабузана, в 1917 г. русские составляли 69% населения Дона. На Кубани, где высоким являлся процент малороссов, а также в значительном количестве проживали горцы (в состав Кубанской области входила территория общей площадью 270 тыс. дес.⁵, на которой ком-

¹ Российское казачество: научно-справочное издание. М., 2003. С. 22. См.: История донского казачества / под ред. А.В. Венкова. Ростов н/Д, 2012. С. 420; Жупикова Е.Ф. Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920-1925 гг. М., 2016. С. 77; Сельское хозяйство России в XX веке. Сб. статист.-экономических сведений за 1901-1922 гг. М., 1923. С. 12, 18.

² Абдулатипов Р.Г. Мой русский народ: кубанские казаки. М., 2006. С. 147.

³ ЦДНИКК. Ф. 13. Оп. 1. Д. 244. Л. 14.

⁴ Калмыки в составе донского казачества (XVII - XX вв.). URL: <http://www.donkajak.ru/kazak-na-donu/history> (дата обращения: 01.06.2020).

⁵ НАРА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 179. Л. 85.

пактно проживали адыги (черкесы) и карачаевцы), великороссы составляли 46,8%¹.

Масштабные потрясения периода революций и Гражданской войны поставили казачество региона перед сложной дилеммой. «Трудовая» природа казака-земледельца, стихийно-демократическая основа психологии склоняли его симпатии к революции. Традиционные взгляды на государство и свою роль в нем, опасения за собственные земли, непринятие уравнительности, напротив, питали настороженное отношение к её лозунгам, стремление к сохранению устойчивого общественного порядка. Не случайно казаки Дона, и в еще большей степени Кубани, в условиях революционных потрясений пытались найти для себя выход на путях «самостийности».

Последствия войны на Юге России оказались катастрофическими. Если по стране безвозвратные потери составили в 1914-1921 гг. около 9,5% населения, то в регионе этот показатель был почти вдвое больше - 17,4% (в том числе 34,4% жителей сельской местности). По стране валовая продукция промышленности сократилась за эти годы в 7 раз, на Юге России - 5 раз. Объем валовой продукции сельского хозяйства по стране составлял 65% к довоенным показателям, 58% - в Кубанской области². Значительными были людские потери и в горских областях. Но на образе жизни и трудовой активности населения это не сказалось радикальным образом. Позднее, при образовании в 1922 г. Адыгейской (Черкесской) автономной области, выяснено, что основные показатели, характерные для этой территории до революции, не изменились. Как и до революции, коренное население занималось в большей части разведением домашнего скота. Русскоязычное население предпочитало зерновое производство³.

¹ Кабузан В.М. Русские в мире. СПб., 1996. С. 209, 210; См.: ГАКК. Ф. Р-6. Оп.1. Д. 14. Л. 4. ГАКК. Ф. Р-990. Оп. 2. Д. 67. Л. 9, 52; Списки населенных пунктов и сведения о количестве населения по отделам и округам области // ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 322. Л. 110; ГАКК. Ф. Р-587. Оп. 1. Д. 57. Л. 24.

² Баранов А.В. Многоукладное общество Северного Кавказа в условиях новой экономической политики. Краснодар, 1999. С. 91.

³ НАРА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 179. Л. 85.

За годы войны пришли в упадок многие отрасли экономики, изменилась структура регионального промышленного производства¹. На начало 1920 г. действующих предприятий на Юго-Востоке России было зарегистрировано 22 397². Производственная эффективность на этих предприятиях была достаточно низкой³.

Таким образом, и в момент окончания Гражданской войны, и позднее, несмотря на восстановление региона, его экономико-производственный облик оставался прежним. В первой половине 1920-х гг. промышленный сектор был развит недостаточно; основу экономики Кубани и Дона составляло крестьянское хозяйство, в котором в относительно ограниченных объемах использовался наемный труд⁴.

Структура кубанского и донского общества, специфика политической и экономической ситуации в регионе, особенности его исторического развития не могли не повлиять на характер аграрной политики большевиков, которая к этому времени ориентировалась в станицах на расслоение и нарастание классовой борьбы. Военное прошлое казачества, его особая роль в годы Гражданской войны оказали влияние на восприятие большевиками и соответственно на содержание политики большевиков. Она была противоречивой отчасти отражала стремление к быстрейшему «умиротворению» региона, а отчасти - к подавлению действительных и потенциальных противников, углублению противостояния казаков и остальной массы населения. Начальный период становления советской системы, связанный с формированием органов государственной власти в регионе, характеризовался военным противостоя-

¹ ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 214. Л. 5; ГАКК. Ф. Р-143. Оп. 7. Д. 400. Л. 25.

² Юго-Восток России (реже Юго-Восточный край) - термин, официально применявшийся в государственных и партийных документах 1920 - лета 1924 гг., в названиях органов власти. Включал в себя территорию Донской, Кубано-Черноморской и Терской областей, Ставропольской губернии, Горской Автономной Советской Социалистической республики. Летом 1924 г. на данной территории (с изменениями границ) создан Северо-Кавказский край; области и губернии упразднены и разделены на округа.

³ ГАРО. Ф. Р-1019. Оп. 1. Д. 880. Л. 70.

⁴ ЦДНИКК. Ф. 13. Оп. 1. Д. 24. Л. 56.

нием. На казачьем Юге России этот период имел явные особенности в социальной, политической и экономической сферах.

На Кубани и Дону бесконечно уставшего от войны населения к этому времени сформировались «устойчивые антиденикинские настроения», наиболее явно это проявилось в Черноморской губернии¹. Как следует из доклада помощника, регионального уполномоченного НКВД «О политическом положении Юго-Востока»: «Преобладающее большинство, не только рабочих и крестьян (иногородних), но и казачества Дона и Кубани, встречало вступившую в пределы их областей Красную Армию в высшей степени благожелательно»². Точнее, крестьяне и рабочие приветствовали восстановление советской власти, а подавляющее большинство казаков сохраняло благонадежный нейтралитет³. Эти настроения нашли отражение в воззвании членов Кубанской Рады к населению округа, обнародованном 2 апреля 1920 г.⁴

Поначалу большевики пытались избегать крайних мер, добиваясь «умиротворения». В этой связи принимались целенаправленные и вполне последовательные шаги, прежде всего осуществлялась с несомненным одобрением воспринятая в казачьей среде широкая амнистия, гарантировавшая личную безопасность и забвение вины казачества⁵. Первые робкие шаги советской власти наладить общественно-политический диалог были основаны также на желании предоставить семена для посева. К этому призывал, в частности, командир 8-й армии РККА Г.Я. Сокольников⁶. Но большевики призывали восстанавливать сельскохозяйственное производство на основе повышения производительности, объединения единоличных крестьянских хозяйств в крупные коллективные хозяйства. Эти призывы были преждевременными и

¹ Зайцев А.А. Региональный политический процесс в условиях гражданской войны 1917-1922 гг. (на материалах Дона и Кубано-Черноморья): дис. ... д-ра ист. наук. Краснодар, 2009. С. 384.

² ГАРО. Ф. Р-1185. Оп. 1. Д. 10. Л. 57.

³ Баранов А.В. Социальное и политическое развитие Северного Кавказа в условиях новой экономической политики (1921-1929 гг.). СПб., 1996. С. 132.

⁴ ЦДНИКК. Ф. 1774. Оп. 2. Д. 84. Л. 1.

⁵ Борьба за Советскую власть на Кубани в 1917-1920 гг. Сб. документов и материалов. Краснодар, 1957. С. 378.

⁶ ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.

не имели под собой ни политических, ни социальных и экономических основ. Задачи стояли более конкретные - противостояние сословным привилегиям, разрешение социальных конфликтов и выработка государственной политики по восстановлению сельского хозяйства и сбора продовольствия. Соответственно в арсенале большевистской политики «умиротворения», кроме амнистии, присутствовали довольно жесткие меры. Многие из них, к примеру акции по разоружению населения, представляются вполне оправданными. Вместе с тем, как по характеру, так и особенно по форме меры в сфере безопасности выглядят далеко не однозначными. Это ярко показала кампания регистрации потенциально опасных «офицеров-белогвардейцев, пленных и перебежчиков»¹, которая коснулась довольно широкого круга лиц².

Особенно драматичным стало то обстоятельство, что уже весной 1920 г. большевики перешли от практики «регистрации» потенциальных врагов к их физическому уничтожению, в том числе в ходе стихийных расправ. Так, в канун отмеченного обращения членов Кубанской Рады один из ее деятелей сотник А. Деркач с группой арестованных казаков при этапировании в г. Краснодар были убиты бойцами РККА, что вызвало значительный общественный резонанс³. После занятия Черноморья большевики арестовали руководителей эсеровского антиденикинского сопротивления (Комитет Освобождения Черноморья). Обвиненные в организации срыва мобилизации в Красную Армию, члены Комитета были этапированы в Ростов-на-Дону, после чего значительные контингенты бывших крестьянских ополченцев ушли в горы⁴.

¹ ГАКК. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 6. Л. 113 а.

² ГАРО. Ф. Р-1185. Оп. 1. Д. 6. Л. 15.

³ Зайцев А.А. Указ. соч. С. 401.

⁴ Зеленая книга... С. 151. С первых дней установления Советской власти на Кубани партийные органы и общественно-политические организации начинают проводить целенаправленную работу с национальными меньшинствами». См.: Чупрынников С.А. Партийно-государственные структуры и общественно-политические организации в решении национальных проблем в 1920-е - начале 1930-х годов // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2010. Ростов н/Д, № 5. С. 81-82.

Не менее активно действовали репрессивные органы и на Дону. Только в первом полугодии 1920 г. Донская ЧК ликвидировала более 15 антисоветских организаций¹. В мае 1920 г. Особый отдел Кавказского фронта арестовал 13 меньшевистских активистов, преимущественно членов Донского комитета РСДРП(м) во главе с Б.С. Васильевым². Но поначалу практика амнистий всё же преобладала. В июле 1920 г. были амнистированы более 100 казаков-заложников 1-го Донского округа, приговоренных к расстрелу в связи с действиями врангелевского десанта Ф.Д. Назарова. Во внимание был принят факт очевидного «не сочувствия местного казачьего населения» пришлому антибольшевистскому формированию³.

Общественно-политическая и экономическая жизнь региона в первом полугодии 1920 г. характеризовалась преимущественно умеренными политическими акциями большевиков. Тем более, что к моменту установления советской власти политика «военного коммунизма» уже явно обнаруживала несостоятельность в масштабах страны. Учитывая непростую обстановку, в апреле - мае местные органы в основном воздерживались от принятия чрезвычайных мер. Пленных казаков отпускали по домам, отказались от комитетов бедноты, создавались первые сельскохозяйственные коммуны.

Но избежать перехода к ограничительным и репрессивным практикам, к системному проведению политики «военного коммунизма» органы власти не имели возможности. Поэтому, главное, что с разгромом белых сил весной 1920 г. на Дон и Кубань вернулся «военный коммунизм», прежде всего нашедший воплощение в репрессивной политике. Наряду с этим, он воплощался в проведении традиционных и уже апробированных в центре страны мероприятий. Доминирование партии большевиков, централизация управления, продразверстка, огосударствление управления экономикой, единый государственный план, усиление карательных органов—все это взаимосвязанные звенья системы «военного коммунизма».

¹ Чекисты Дона: Очерки. Ростов н/Д, 1980. С. 13.

² ГАРО. Ф. 1185. Оп. 2. Д. 264. Л. 1-3.

³ ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 3. Д. 1. Л. 103.

В Кубано-Черноморской и Донской областях политика «военного коммунизма» имела ряд особенностей, прежде всего в политической сфере, определивших специфику большевизации и советизации. В условиях казачьего региона, с устойчивыми практиками самоуправления продолжали действовать традиционные казачьи сходы. Они сохранили традиционные правила выборов и отражали интересы казачьего населения, сохраняя скрытые противоречия в обществе. Весной 1920 г. в ряде случаев это вело также к стихийному созданию Советов¹. Для подобных действий объективно существовала и нормативная база, особенно после появления в марте 1920 г. декрета «О строительстве советской власти в казачьих областях»². Внешне советизация органов казачьего самоуправления стала набирать обороты. Но на деле начальный этап становления большевистской власти в 1920 г. стал временем своеобразной «десоветизации», в связи с распространенной практикой упразднения не только старых органов самоуправления, но и стихийно сформированных населением Советов³. Стихийные формы советской самоорганизации властями воспринимались с недоверием и ликвидировались. В результате от элементов советской власти в Кубанской области остался лишь открытый 24 марта 1-й дом Советов в г. Екатеринодаре⁴. Логику таких действий откровенно обосновал ответственный работник отдела управления Кубанского ревкома Сергиевский, предлагавший отменить выборы в Советы из-за большого количества контрреволюционных сил⁵.

В условиях острой нехватки большевистских кадров основная ставка в регионе была сделана на отличавшиеся своей централизованностью и дисциплиной ревкомы. Как показывают документы, общее количество ревкомов в регионе соответствовало количеству населенных пунктов. К примеру, в Май-

¹ ГАКК. Ф. Р-649. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.

² Декрет о строительстве советской власти в казачьих областях. От 25 марта 1920 г. // Декреты Советской власти. Т. 7. 10 декабря 1919 г. - 31 марта 1920 г. М., 1975. С. 391-392.

³ ГАКК. Ф. Р-649. Оп. 1. Д. 10. Л. 1, 2.

⁴ Хронология событий на Кубани с 17 марта по 31 декабря 1920 года. Краснодар, 1921. С. 3, 4.

⁵ ГАКК. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 3. Л. 47 об.

копском отделе ревкомы существовали во всех 105 населенных пунктах, в Тимашевском - во всех 75 населённых пунктах, в Лабинском - во всех 66, в Туапсинском - во всех 49, в Новороссийском отделе - во всех 61, Екатеринодарском - в 67 из 92 населенных пунктов¹.

Самоорганизация населения по формированию новых органов власти не воспринималась большевиками, упраздня стихийно создававшиеся органы местного самоуправления. Опора исключительно на военную силу имела и отрицательные стороны. Нередко военные прямо вмешивались в жизнь станций, а порой и просто занимались грабежами жителей. В этой связи позиция властей состояла в том, что в регионе предстояло вначале решить задачи создания сети революционных комитетов и партийных ячеек и на этой основе переходить к советизации. Не случайно власть на местах в основном ассоциировалась с красноармейцами и большевиками. К началу 1920 г. на Северном Кавказе в сельской местности было зарегистрировано до 13,5 тыс. членов РКП(б). Объяснить такое количество членов партии можно тем, что население занимало сторону сильного².

Если в политической сфере главная задача состояла в установлении контроля над регионом, в борьбе с остатками белых частей и весьма немногочисленными «бело-зелеными» повстанцами, то в экономической сфере - в реализации комплекса военно-коммунистических мер, прежде всего в выполнении плана продовольственной разверстки. В социальной сфере решающее значение имели меры, направленные на лишение казачества сословных привилегий и доминирующей роли в экономической и политической жизни.

Весьма недолгое время политика большевиков заключалась в продвижении к социализму посредством установления контроля над действующими структурами производства и распределения и ликвидации наиболее одиозных экономических реликтов прошлого. Так, весьма значительный общественный резонанс имел переход властей к активным мероприятиям по изъя-

¹ ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 317. Л. 23.

² ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 61 а. Л. 5.

тию денежных знаков и облигаций. В рамках «военного коммунизма» более легко в регионе вводились законы, регламентировавшие деятельность промышленности, воплощавшие в жизнь решения партии и декреты правительства, которые регулировали национализацию отраслей производства, предприятий мелкокустарного типа¹.

Заметно осложнило обстановку введение всеобщей трудовой повинности. В Кубано-Черноморской области она введена для мужчин в возрасте 18-55 лет и женщин 18-40 лет постановлением областного революционного комитета № 257 от 10 июня 1920 г.² Последовал приказ № 1 о всеобщей трудовой повинности Кубано-Черноморского облисполкома от 28 июня 1920 г.³ Во всех учреждениях области создавались комиссии по проведению всеобщей мобилизации в трудовые армии.

Несмотря на очевидное негативное значение такого рода мероприятий, в системе «военного коммунизма» следует выделить два основных для казачьего Юга России экономических аспекта - продовольственный и земельный. Наиболее важным для центра оставался продовольственный вопрос⁴.

Поначалу местное население отнеслось к необходимости ускоренной хлебосдачи с пониманием. Так, еще в марте 1920 г. без всякого принуждения и нажима казаки трех отделов Кубано-Черноморской области ссыпали на заготовительные пункты более 2,5 млн пуд. хлеба⁵. Но летом 1920 г. военно-коммунистические практики стали внедряться в регионе более агрессивно. Летом 1920 г. Л.Д. Троцкий настойчиво требовал от президиума Кубано-Черноморского облисполкома принятия экстренных мер по выполнению объема сбора продовольствия, не только за счет формирования товарообменного фонда и организации снабжения казачьих станиц сельскохозяйственным инвентарем, промышленными товарами, но и посредством более активного использования воинских частей 9-й армии. Тотальные изъятия хлебных запа-

¹ Баранов А.В. Указ. соч. С. 172.

² ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 1. Л. 33.

³ ГАКК. Ф. Р-990. Оп. 2. Д. 4. Л. 45.

⁴ ГАКК. Ф. Р-157. Оп. 1. Д. 100. Л. 33.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 4. Д. 230. Л. 8.

сов привели к тому, что для силового давления на казачество повсеместно стали создаваться трибуналы¹.

В Донской области к концу 1920 г. было 1 350 тыс. пуд. в зерна, а по плану продразверстки следовало собрать 1 500 тыс. пуд. Предложение советских органов собрать недостающие объемы путем установления товарообмена между городом и деревней выглядело утопичным. Реальным средством получения хлеба стали продотряды, в состав которых входило до 1 300 чел., кроме того, была проведена мобилизация членов партии. С целью повышения эффективности продовольственных отрядов к ним были прикомандированы части РККА. Реквизиционная политика не решила поставленной задачи, а лишь усугубила положение селян, что привело к сокращению потребления хлеба населением области на 40%². Непомерные запросы власти быстро ухудшили ситуацию. Продразверстка, проводившаяся в регионе крайне жесткими методами, стала наиболее серьезным дестабилизирующим фактором, резко изменившим политическую обстановку. Станичники, не выполнявшие задания по продразверстке, в массовом порядке подвергались судебному преследованию, сплошь и рядом это действительно вело к экономическому разорению казачьего хозяйства. Донпродком не выполнил взятых на себя обязательств перед хлеборобами, которые выполняли план сдачи продовольствия. Добросовестно внося налог, хлеборобы не получали обещанной промышленной мануфактуры. Зажиточная часть донского казачества не поверила большевикам и придержала хлеб. Поэтому при возрастающем повстанческом движении в ряде округов сложилась критическая ситуация, особенно - в Верхне-Донском. Округ был полностью под контролем «белозеленых» отрядов, создавая потенциальную угрозу советской власти на Дону³.

Понимая нецелесообразность таких действий, трезвомыслящие партийные, государственные, военные деятели предлагали хотя бы не преследовать

¹ Лабинская беднота. 1920. № 62.

² ЦДНИ РО Ф. 4. Оп. 1. Д. 72. Л. 2, 3.

³ ЦДНИРО Ф. 4. Оп. 1. Д. 73. Л. 8.

казаков за долги по предшествующему налоговому периоду. Однако окончательного решения по этому вопросу ни в 1920 г., ни в последующем в регионе не было принято. Информация с мест показывала резкое усиление деструктивного влияния практики принудительных хлебозаготовок. Следуя установкам центральной власти, местные ревкомы самостоятельно принимали произвольные решения по вопросам сбора налогов, чем во многом способствовали дискредитации советской власти перед казачеством. Неумелые действия большевиков в продовольственном, земельном, сословном вопросах при отсутствии хозяйственных связей усугубляли общественно-политическую обстановку в регионе. Начавшаяся мобилизация казаков в РККА спровоцировала рост числа дезертиров и уклонистов, активно пополнявших ряды бело-зеленых. Большевики стали стремительно терять поддержку населения и соответственно контроль за регионом.

Одним из свидетельств этих новых реалий может служить письмо заведующего рабоче-казачье-крестьянской инспекцией ст-цы Лабинской председателю ВЦИК М.И. Калинину и председателю СНК В.И. Ленину. Местный чиновник настоятельно просил прислать в регион подготовленные кадры, способные объяснить содержание проводимой политики, в том числе по отношению к трудовому казачеству¹.

Таким образом, военно-коммунистическая политика, прежде всего хлебные реквизиции, спровоцировало регион на антигосударственные выступления. Государство и общество вступили в новую полосу противостояния. Канска и донская станица летом 1920 г. оказалась вне реального контроля новой власти, опорой большевиков оставались города². Ослаблению контроля большевиков над регионом способствовали и «внешние» факторы – белые формирования, базировавшиеся в Крыму и Грузии. Крайне осложнили ситуацию летние десанты 1920 г. Русской армии П.Н. Врангеля на Дону и Кубани. И как отмечал В.И. Ленин, население региона поверило не словам, а делу

¹ ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 4. Д. 230. Л. 109, 110 об.

² Октябрь на Дону и Северном Кавказе. Ростов н/Д, 1977. С. 242.

и поддержало большевиков¹. И хотя население в основной массе не поддержало белых, десанты обернулись серьезным усилением большевистских репрессий. В ходе «Недели борьбы с Врангелем» в Екатеринодаре 15-19 августа 1920 г. чекисты провели массовое изъятие потенциальных «контрреволюционных элементов»². В массовом порядке летом - осенью 1920 г. различного рода репрессивными структурами (ревтрибуналами, особыми отделами воинских частей) явочным порядком применялась высшая мера наказания. Только 17 августа 1920 г. коллегией КубЧК к расстрелу приговорено 60 чел., а 18 августа высшая мера наказания применена в отношении 92 из 312 неблагонадежных лиц³.

Результатом мощной репрессивной волны лета - осени 1920 г. стал не только разгром наиболее крупных антибольшевистских формирований, но и некоторая стабилизация контроля над регионом. В шоке от широких и публичных расстрелов не только повстанцев, но и мирного населения станица оцепенела. В этих условиях вдохновленные первыми успехами в борьбе с повстанчеством большевики взяли курс на усиление военно-коммунистических практик. В решающей степени механизмы «военного коммунизма» начали работать во все более полном объеме благодаря «украинскому фактору». Согласно планам советского правительства, в 1920 г. Украина должна была сдать 600 млн пуд. хлеба. Однако сколько-нибудь значительных поступлений хлеба с Украины обеспечить не удалось. Как отмечал в этой связи В.И. Ленин, «мы не можем взять его с Украины, так как там кипит война, и Красной Армии приходится бороться против банд, которыми она кишит»⁴.

¹ Ленин В.И. Речь на совещании председателей уездных, волостных и сельских исполнительных комитетов Московской губернии 15 октября 1920 г. // Полн. собр. соч. Т. 41. С. 358.

² Кондаков А.А. Разгром десанта Врангеля на Кубани. Краснодар, 1960. С. 97-99.

³ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 112. Л. 1.

⁴ Ленин В.И. Заключительное слово на совещании представителей уездных, волостных и сельских исполнительных комитетов Московской губернии 15 октября 1920 г. // Полн. собр. соч. Т. 41. С. 364.

Развитие событий уже осенью 1920 г. создало колоссальную проблему для таких хлебопроизводящих районов как Кубань и Дон. Лишь самое недолгое время, на волне летне-осенних репрессий, удалось увеличить поступление хлеба по продразверстке. Но новые массовые изъятия хлеба в короткий срок вновь взбудоражили, казалось бы, умиротворенные станицы. К началу 1921 г. ситуация обострилась до предела. Основной чертой действительности вновь стали значительный рост недовольства населения, «бандитизм», в том числе в виде крупных формирований армейского типа.

Все это происходило в чрезвычайно напряженной обстановке: триумф «военного коммунизма» - непрерывные мобилизации, конфискации. Человека, его инициативу стремились полностью подчинить государству. Разруха, дополненная подавлением во всех сферах, создавала угнетающую общественную атмосферу, в которой Гражданская война приобретала иные формы. Согласимся с А.А. Семёновым в том, что «таких форм огосударствления крестьянского труда Европа еще не знала. Крестьянство ответило на введение новых, чрезвычайных мер, резким неприятием, а затем и вооруженными восстаниями»¹. Несмотря на это, в начале 1921 г. на хлеборобов Кубани и Дона легла основная тяжесть продразверстки. Это отмечал В.И. Ленин в телеграммах в Ростов-на-Дону 15 и 16 февраля 1921 г.² По партийным установкам Кубано-Черноморской области следовало в достаточно короткий срок отправить в потребляющие районы страны до 5,5 млн пуд. из 10 млн по Северному Кавказу. Всего же новая продразверстка на урожай 1920-1921 гг. составляла 65 млн пуд. Необходимо было собрать 45 млн пуд. зерновых культур при том, что урожайность с 1913 по 1920 г. сократилась с 304 до 64 млн пуд. Государственный семенной фонд Юго-Востока в количестве 2 млн пуд. в 1920 г. был сосредоточен на ссыпных пунктах и в станичных амбарах Кубанской области. Из этого объема 726 400 пуд. предназначалось для совхозов и колхозов. Государство могло обеспечить семенами засев 300 тыс. дес., при

¹ Семёнов А.А. Повседневная жизнь населения России в годы гражданской войны (1917-1920 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Краснодар, 2005. С. 103.

² Там же. С. 309.

том, что задание для области на весну 1921 г. составляло 2 318 тыс. дес. земли.

Семенной фонд Кубано-Черноморской области был сформирован за счет 10% отчисления от продразверстки и должен был остаться в области для весенней посевной кампании. Но для выполнения повышенных планов разверстки, по указанию правительства, зерно стали вывозить за пределы области. Особенно остро стоял вопрос в Ейском отделе. В шоке от мер военного коммунизма здесь было не только население, но и местные власти. Так, на объединенном заседании членов исполкома и коммунистической ячейки станицы Новосергиевской было принято воззвание к органам власти: «Мы уговаривали сомневающихся, что советская власть больше нас самих заботится о нас и о засевах полей и вдруг получается обратная картина. Приезжает вооруженный отряд тов. Попова, делает самые строгие распоряжения, не считает нужным даже объяснить данные ему инструкции, арестовывает людей, издевается над ними, давит лошадьё толпу ни в чем не повинных людей, превышает свою власть и забирает до одного фунта хлеба, обрекая людей на полный голод»¹.

Политика продразверстки во многом спровоцировала казачество и крестьянство на протестное движение. Но отчаянные призывы ряда местных партийных работников (Сергеевский) не применять репрессивные меры в отношении населения не находили поддержки². Эти действия подрывали доверие крестьян к новой системе сбора продовольствия. Гражданская война и, как следствие, разорение привели не к сословным противоречиям, а к социальным, основанным на имущественном неравенстве. Продовольственная разверстка выполнялась в основном за счет бедняцких хозяйств. Донская область в 1920 г. должна была сдать 20 млн пуд. продовольствия и большая часть разнарядки была выполнена бедняцкими хозяйствами³. И начальный этап советизации региона (1920 г.), и переходный период от продразверстки

¹ ГАКК. Ф. Р-990. Оп. 2. Д. 67. Л. 93.

² ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 73. Л. 6 б.

³ ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1. Л. 95.

к продналогу на Кубани и Дону сопровождался по большей части применением методов продразверстки с силовой поддержкой, что провоцировало большую часть населения на антисоветские действия.

Период 1920-1921 гг. характеризовался тем, что иногородние и казачество враждебно относились к советской власти, за исключением бедняков, демонстрируя недовольство продразверсткой. Большевики сознательно стали использовать не сословные противоречия, а социально-имущественные, противопоставляя друг другу зажиточную и беднейшую часть станичников. Руководители Черкасского округа были вынуждены признать, что при наличии частых столкновений с небольшими антисоветскими отрядами опоры для советского строительства в округе нет. Враждебное отношение местного населения к советской власти во многом объяснялось отношением большевиков к казачеству, названному «казакоманствующими местными коммунистами»¹.

Отражением триумфа военно-коммунистической политики стало общее количественное увеличение репрессивного аппарата. На Кубани к 1921 г. действовали 65 продотрядов общей численностью 1 400 чел. В помощь им командированы 12 тыс. красноармейцев из воинских частей, дислоцированных на территории области². Агрессивная продовольственная практика становилась нормой³. Принятые меры позволили собрать лишь половину зерна от плана. Для интенсификации работ по изъятию хлеба было предложено создать 200 совхозов, которые, по мнению партийных чиновников, могли бы стать экономическим противовесом казачьему товарному зерновому производству. Но в условиях массового изъятия хлеба организовать взаимопомощь среди хлеборобов было невозможно. Совхозы и колхозы остались без посевного материала. В критической ситуации оказались даже семьи красноар-

¹ ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 72. Л. 7.

² ГАКК. Ф. Р-157. Оп. 1. Д. 100. Л. 34.

³ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 92. Л. 20, 20 а. На пленуме Кубано-Черноморского обкома РКП(б) 24 апреля 1921 г. секретарь обкома М.С. Эпштейн считал возможным продолжение мер агрессивно принудительного воздействия на население области при сборе продовольствия. На X съезде РКП(б) представитель наркомата продовольствия на Юго-Востоке М.И. Фрумкин поддерживал идею продолжения политики продразверстки до осени 1921 г. См.: Десятый съезд РКП(б) ... С. 431-436.

мейцев, которые должны были находиться на особом положении. Запретили частную торговлю. Но реализовать эту меру было довольно сложно. В нарушение установленных директив даже в г. Краснодаре разрешено торговать на местном рынке частным лицам, в том числе ненормированными продуктами и изделиями кустарного производства¹.

Аналогичные проблемы, хотя несколько в меньших масштабах, наблюдались и на Дону. В сводке Донской ЧК за 1-15 февраля 1921 г. фиксировалось: «Что касается подразверстки, которая в Днобласти проходит слабо, можно указать, как на одну, в числе других причин, на то, что красноармейцы, которые посылаются в помощь продотрядам, размещаются на местах по домам наиболее зажиточного населения. И вот здесь, когда красноармейцы обращаются к домовладельцам за закупкой продуктов, то в ответ на это им говорят: "Раньше все было, а теперь нет, все обобрали". В результате у красноармейцев создается злоба не против кулаков, а против коммунистов...»².

В итоге, разгром на Северном Кавказе в 1920 г. Добровольческой армии, многочисленных остатков белых, а также возникавших отрядов повстанцев стал не концом антибольшевистского движения, а началом создания более широкой казачьей и крестьянской бело-зеленой оппозиции. Власти в ответ сделали ставку уже не столько на использование сословных противоречий, сколько на традиционную «борьбу с кулачеством». Так, на Дону средствами массовой информации тиражировалась идея безоговорочной поддержки советской власти и организации вокруг Совета трудящихся масс деревни, отделения их от кулачества³.

Большевики придерживались вертикали государственной власти, концентрирующейся в одном центре. Его состояние характеризовалось современниками в основном как критическое. Острейшей проблемой считалась нехватка на местах подготовленных работников. Эскалация гражданской войны с неизбежностью закрепляла в 1921 г. потребность в культивировании

¹ Красное Знамя. 1920. 18.12. № 205.

² РГАСПИ. Ф. 64. Оп. 1. Д. 131. Л. 1; АОА МО г. Армавир. Ф. Р-45. Оп. 1. Д. 45. Л. 8.

³ ГАРО. Ф. Р-3132. Оп.1. Д. 2. Л. 128.

ревкомов. В Донской области, столкнувшись с нежеланием местных исполнительных органов выполнять беспрецедентные военно-коммунистические мероприятия и требования окружных властей, большевики вновь стали широко создавать революционные комитеты,¹ наделенные неограниченными полномочиями.

В 1921 г. стали проявляться новые черты политики большевиков, связанные с отменой итогов выборов и возвращением к ревкомам. 28 февраля 1921 г. президиум исполкома Майкопского отдела распустил исполком ст-цы Кабардинской и восстановил ревком, аргументировав решение отсутствием работы, нарушением трудовой дисциплины². Наряду с возвратом к ревкомским практикам, под максимально возможный контроль партии ставились окружные Советы. Так, из 401 делегата на окружном съезде Советов Черкасского округа 291 чел. были членами партии большевиков. На областной съезд избрали 38 делегата, из которых 32 были членами РКП(б)³.

Тем не менее партийные лидеры на местах оптимистически оценивали советизацию⁴. Данные выводы не соответствовали действительности. Положение с «советизацией» и в Кубано-Черноморской, и в Донской областях, где весь советско-партийный аппарат был нацелен на выкачку хлеба, Советы назначались из иногородних, а исполкомы формировались из коммунистов, на деле было критическим. Это убедительно доказал полный провал попыток

¹ ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 8. Л. 44.

² ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 30. Л. 126.

³ ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 73. Л. 9 а.

⁴ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 5. В докладе члена президиума обкома И.И. Шафранского на 2-й областной конференции (20-22 февраля 1921 г.) Кубано-Черноморского областного комитета РКП(б) отмечено: «Мы имеем право похвастаться результатами советизации. Нет ни одного Совета, где бы преобладало казачье кулачество. Наша деревенская беднота отовсюду сумела сбросить кулаческое казачество. Если в советской России деревенская буржуазия сама себя лишила избирательного права, то здесь на Кубани крестьянская беднота сумела выжить отовсюду казачьи кулаческие элементы и занять их место. В наших советах почти везде преобладают иногородние. Цифра эта выражается 78%. В Исполкомках почти везде до 55% коммунистов. Партийный комитет руководил всеми отраслями Советского строительства. Не было ни одного собрания, заседания, Съезда, где бы не заслушивался доклад ответственного зав. отделом. Партийный комитет руководил не только советизацией, но буквально всеми отраслями в области организации советского строительства».

проведения в итоге отмененных перевыборов даже в городские советы Краснодара и Ростова-на-Дону. Впоследствии оценивая результаты февральско-мартовских (1921 г.) выборов на 3-й областной партконференции (11-15 июля 1921 г.), член президиума Кубано-Черноморского обкома РКП(б) В.Н. Толмачев отмечал: «К этому моменту настроение рабочих Краснодара с каждым моментом все ухудшалось и ухудшалось. В этот же момент происходили выборы в Горсовет Краснодара, которые как нельзя лучше, показали, каково было настроение рабочих Краснодара. Выборы провалились, но партийная организация не могла закрывать глаза на то, что произошло бы, если бы они были доведены до конца»¹. Значительно более сложной ситуация была в сельской местности, где большевики утратили малейшие признаки симпатий массы казачества и крестьянства. В течение всего 1921 г. положение в регионе было критическим.

Так, на Дону, признавалось, что обострение обстановки и сложности в работе местных советских структур возникают в период сбора продовольственного налога². Такая ситуация не могла не оказать влияния на выборы в Советы 1921 г. Информация свидетельствовала о кризисе новых органов власти: «выборы проходили ненормально... Выбирали того, кого не было на общем собрании, и теперь исполком осаждается председателями с просьбой об увольнении, а иногда просто дезертируют на Кубань, оставляя Советы на произвол судьбы...»³. В то же время на Кубани события развивались еще более непросто. Если в 1920 г., несмотря на сложные политические условия, начавшиеся в сентябре - октябре выборы были в основном закончены в ноябре - декабре, то в 1921 г. они были отложены, такое решение принято президиумом областного исполкома⁴. Необходимость переноса выборов объяснялась не ростом повстанческого движения (в оценке А.С. Бубнова, по степени организованности в августе 1921 г. бандитизм в Кубано-Черноморской обла-

¹ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 89. Л. 9.

² ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6. Л. 118.

³ Доклад предгубисполкома предревкома Хоперского округа. Доклад. 20 августа 1921 г. // ГАРО. Ф. Р-1798. Оп. 1. Д. 12. Л. 12.

⁴ ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 162. Л. 178, 189.

сти был наиболее «серьезным» в республике)¹, а необходимостью сбора продовольственного налога, оставшихся долгов по продовольствию за 1920 г. Первые попытки большевиков организовать работу по распределению земли, создания коммун наталкивались на открытое сопротивление зажиточной части казачества². То есть проведение военно-коммунистических мероприятий для региона сохраняло актуальность даже в конце 1921 г.

В связи с растущими хлебными трудностями и массовыми протестами ситуация в регионе осложнилась настолько, что, помимо отмены выборов в Советы и возврата к ревкомовской практике, в 1921 г. среди части партийного актива получила популярность даже идея создания комбедов, мыслившихся как инструмент, который может оказаться эффективным в деле становления Советской власти на местах³. Это был курс на развязывание Гражданской войны в станице.

В контексте призывов в партийной прессе к сотрудничеству с беднотой и планов создания комбедов, правящая элита с недоверием относилась к местному населению. Оно признавалось повально контрреволюционным и обосновывался вывод о неспособности областей Юго-Востока к самоуправлению. Подчеркивалось, что для внешнего управления нужны опытные организаторы, способные изменить настроение в южнороссийских станицах и селах.

Половинчатые решения и преобразования способствовали сохранению недовольства населения Кубани и Дона. В 1920-1921 гг. здесь накопилось множество проблем экономического и общественно-политического характера. Ситуация усложнялась из-за некомпетентности представителей советской власти и низовых партийных структур. Каждая ветвь власти (партийная, советская) по-своему пыталась объяснить кризис. Смена общественно-политического строя и связанные с ней изменения в мировоззрении населения оказали существенное влияние на общество. Во властные структуры,

¹ Арский Р. Казацкие настроения // ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 87. Л. 106.

² АОА МО г. Армавир. Ф. Р-54. Оп. 1. Д. 1. Л. 20.

³ Известия Кубанско-Черноморского областного комитета РКП(б). 1921. № 3. С. 3-5.

которые обретали новое содержание, стали приходить люди, не имевшие опыта управленческой работы, но руководствовавшиеся идеологическими принципами своей партии - это означало отрицание опыта прошлого, невозможность сохранить преемственность. Большевики испытывали серьезные проблемы в попытке удержать власть. Большая часть населения страны, как и изучаемых областей, не имела представлений об идеологическом содержании новой власти, которая не имела возможностей демонстрировать достижения. В этой ситуации большевики видели разрешение конфликта в силовом «успокоении края» как главной политической задаче¹.

Советские органы власти, вне зависимости от форм существования будь это ревкомы или Советы - вынуждены были решать задачи, обусловленные последствиями войны и состоянием экономики региона. Первоочередная задача заключалась в организации и проведении посевной кампании, которая осложнялась отсутствием посевного фонда, достаточного количества сельскохозяйственных орудий, продолжавшимися конфликтами. Вторая невыполнимая задача состояла в переходе к перераспределению земли под контролем государства. Особое отношение к семьям красноармейцев как основе советской власти на местах требовало дополнительных государственных субсидий и организации адресной помощи в обработке земли. Ввиду слабой оснащенности крестьянских хозяйств инвентарем и тягловой силой разрешалось создавать явочным путем общества трудовой взаимопомощи. Условиями создания таких обществ были: создание временных групп крестьян на добровольной основе на время предстоящих полевых работ; коллективное использование инвентаря, которое не лишало права собственности правообладателей; использование малоимущими инвентаря производилось на условиях отработки в пользу владельца. Эти меры в условиях постепенного перехода к нэпу способствовали формированию новых экономических отношений в казачьих станицах, развитию найма рабочей силы, установлению экономической зависимости беднейшей части от зажиточных казаков. И эти явления были ини-

¹ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 197. Л. 8.

цированы уже самой властью, которая осознанно шла на непопулярные мероприятия, отказываясь от принципов социальной справедливости, но сохраняя свою власть. Одним из рациональных решений того времени стал однозначный отказ от создания комбедов в казачьих регионах, закрепленный решением Кавказского бюро ЦК РКП(б) от 22 февраля 1921 г.

Тем не менее военно-коммунистическая практика, особенно продрозверстка в ее крайних формах, дестабилизировала положение в регионе в течение 1921 г. Семенной фонд для Дона и Кубани означал золотой запас аграрного сектора экономики. Но властями были приняты меры по изъятию большей его части, которая в последующем вывозилась за пределы региона. Одновременно крестьяне, использовавшие не по назначению семенной фонд, подвергались административным методам воздействия, конфискации имущества и направлению на принудительные работы. Для этого на Кубани была создана межведомственная комиссия, состоящая из представителей Особого отдела 9-й армии и областной Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности. Подотдел общественных работ Кубано-Черноморского облисполкома, курирующий вопросы трудовой мобилизации, активно применял меры принуждения и аресты с последующей организацией принудительных работ в лагерях. Точные данные о количестве заключенных в принудительных лагерях отсутствуют. Есть данные по месяцам 1920 г. Так, в октябре - декабре в лагерь, находящийся под Краснодаром, прибыло 523 чел., а убыло 230 чел. С января по апрель 1921 г. в лагерь прибыло 2 529 и убыло по причине истечения срока ареста 1 837 чел. В число арестованных входили казаки-середняки (50%), рабочие (25%), буржуазия (от 5 до 20%)¹.

Относительная политическая стабильность в 1921 г. сохранялась лишь в населенных пунктах, где размещались регулярные воинские части. Наличие воинских частей способствовало проведению дополнительных выборов в Советы и организации работы по сбору продовольствия. Довыборы в местные

¹ ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 1. Л. 75.

органы зачастую проводили из числа красноармейцев дислоцированных воинских частей. При отсутствии структур Советской власти довыборы производились в волостные или отдельские Советы, в состав ревкомов избирались только представители командного состава¹.

Основными регуляторами всей общественной и экономической жизни региона являлись партийные органы и ревкомы. В течение 1921 г. реальная власть постепенно смещалась от ревкомов к исполкомам, от исполкомов - к партийным комитетам. Заготовка продовольствия, передел земельных отношений, организация коллективных хозяйств, боевые действия против повстанцев, политические и культурные кампании все это сопровождалось инструкциями, директивами, но не подкреплялось массивной пропагандой и агитацией, особенно результатами действий. Соответственно неудачи в практической организационной работе компенсировались актуализацией репрессивной составляющей большевистской политики.

В этой связи местные органы ЧК свою деятельность осуществляли на основании приказа ВЧК о создании троек, которые имели право выносить решения о применении высшей меры наказания. В состав комиссий в обязательном порядке входили представители местных партийных органов. Организационное устройство троек способствовало установлению взаимосвязи партийных и силовых структур, что позже привело к формированию административно-командной системы с ярко выраженным партийным доминированием.

Особый статус представителей парткома позволял им приостанавливать решения трибунала о применении высшей меры наказания. Но это не привело к заметному ограничению масштабов репрессий². Основанием для приме-

¹ ГАКК. Ф. Р-581. Оп. 1. Д. 4. Л. 92.

² ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 112. Л. 27, 38. С 20 июля по 1 сентября 1921 г. особым отделом 9-й Армии было рассмотрено 796 дел, арестовано и выселено за пределы Кубано-Черноморской области 121 чел., расстреляно 535 чел., прекращены дела в отношении 200 чел., приговорены к различным мерам административного наказания 114 чел. Репрессии нередко приобретали вид организованных текущих кампаний. Так, за один день 8 августа 1920 г. арестовали 489 чел. за контрреволюционную деятельность, 81 - за антисоветскую

нения высшей меры наказания были не только контрреволюционная деятельность, участие в расстреле красноармейцев, организация банд и участие в их деятельности, но и составы преступлений: «опасный элемент для советской власти», «за укрывательство от регистрации», уклонение от мобилизации, спекуляция, пьянство.

Политическая ситуация в регионе еще более осложнилась после политических заявлений руководителей страны, признававших казачество контрреволюционным элементом, что в сочетании с бесконечными экономическими репрессиями вызвало недовольство местного населения. Градус недовольства был столь высок, что, хотя Революционный трибунал 1-й Конной Армии решительно и беспощадно реализовывал партийную установку по наведению «революционного порядка», в выступлениях на заседании трибунала казаки позволяли себе открыто призывать противостоять «продпятеркам» и выступали против политики Советской власти¹.

Политическая ситуация свидетельствовала о нарастании недовольства населения региона. Но партийное и государственное руководство Кубани и Дона долго не обнаруживало готовности к переходу от военных методов хозяйствования к экономическим. Это в основном объяснялось сложной военно-политической ситуацией и несовершенством структур и кадрового состава власти. Отсутствовала оперативная связь исполнительных станичных комитетов с областным центром. Население находилось под гнетом советской и партийной бюрократии. Ограниченно велась разъяснительная и просветительская работа. Органы милиции, которые первыми сталкивались с недовольством населения, были малочисленными и дезорганизованными².

Как и в ходе Гражданской войны, на усиление реквизиционной и репрессивной политики станица отвечала укреплением сплоченности. Несмотря на усилия большевиков, на этой основе сохраняли актуальность общинные

агитацию и укрывательство оружия, 53 - заложники, 74 - за воровство, хищения, бандитизм и т.д.

¹ ГАКК. Ф. Р-587. Оп. 1. Д. 4. Л. 97; АОА МО г. Армавир. Ф. Р-45. Оп. 1. Д. 1. Л. 20.

² ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 9. Л. 10.

начала, внутренний порядок самоорганизации. Несмотря на диктат власти, крестьяне и казаки стремились выбирать в Советы наиболее хозяйственных и авторитетных крестьян-представителей. Сельское население явно поддерживало «бело-зеленых» повстанцев как своё ополчение, защитников от произвола. Конечно, это был местный протест, не способный свергнуть систему власти в целом. Тем не менее всеобъемлющая централизация и военнo-коммунистическое огосударствление на Юге России реализовывались трудно.

Провозглашение в 1921 г. новых принципов хозяйствования и их внедрение потребовали времени. Политика «военного коммунизма» на Кубани и Дону по инерции продолжалась и после провозглашения принципов новой экономической политики. Решение об изменении продовольственной модели положительно сказалось на настроении населения и снизило социально-политическую напряженность в регионе, но продразверстка по инерции продолжалась до осени 1921 г. Согласно инструкциям ВЦИК, которыми руководствовались региональные органы власти, даже в ноябре 1921 г. Центр требовал выполнения заданий по продразверстке, а не сбора продналога¹.

Доверие к налогу подорвала продолжавшаяся реквизиционная политика, благодаря чему казаки Дона не видели разницы между двумя моделями продовольственной политики большевиков. Ситуация усугублялась активным использованием методов продразверстки и неурожаем, что свело к минимуму разницу между продразверсткой и продналогом².

Представителям советской власти в лице бывших красноармейцев, ставших руководителями, тяжело было отказываться от методов периода войны и переходить к задачам мирного строительства. Партии, отвечавшей за страну и её будущее, оставалось лишь разъяснять и обещать улучшение условий жизни. Необходимо было приступать к решению экономических проблем, проводить реформу местного самоуправления и расширять куль-

¹ ГАКК. Ф. Р-990. Оп. 2. Д. 67. Л. 29.

² ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 74. Л. 116.

турно-просветительскую работу среди населения¹. Но чрезмерная централизация парализовала и властные инициативы, и внутренний рынок потребления региона, провоцируя экономический и политический кризис. Все возрастающий экономический кризис угрожал политической власти большевиков. В этих условиях система управления хозяйственной и политической деятельностью была парализована.

Тем не менее переход к нэпу становился реальностью. Стремясь к преодолению кризисной ситуации, руководители региона все более ясно понимали необходимость преодоления тенденций падения всех показателей экономики. И в первую очередь эти меры были осуществлены в промышленности с привлечением частной инициативы². Причем установлено важное значение села не только для аграрного, но и для промышленного развития. Например, на Кубани, в сельской местности находилось 2/3 предприятий области, а в городах сосредоточена 1/3 предприятий мелкокустарного типа, которые были самыми крупными и технически оснащенными³.

Советские и хозяйственные органы Юга России в 1921 г. руководствовались политикой государственной централизации. Но национализированные предприятия, оставшиеся в пользовании бывших владельцев, работали неудовлетворительно, а государственные органы не могли профессионально

¹ ЦДНИКК. Ф.1. Оп. 1. Д. 120. Л. 6.

² Промышленная перспектива Кубани // Красное Знамя. 1921. 7 июля; Промышленность Кубано-Черноморской области // Красное Знамя. Краснодар, 1921. 27 сент. Реальную ситуацию в экономике еще предстояло адекватно оценить. Многочисленные разночтения в количественных показателях как промышленного, так и аграрного развития объяснялись неудовлетворительным состоянием статистической службы и несовершенными методами подсчетов. Так, в период переписи предприятия успевали открыться и закрыться из-за технического состояния или отсутствия сырья, что могло не учитываться в итоговых данных; ГАКК. Ф. Р-587. Оп. 1. Д. 57. Л. 5. Вопрос о создании статистической службы в Кубано-Черноморской области был основательно рассмотрен лишь в 1924 г., когда создана единая система статистики, охватывавшая всю область

³ ГАКК. Ф. Р-890. Оп. 1. Д. 6. Л. 135; ГАКК. Ф. Р-990. Оп. 2. Д. 912. Л. 15, 16; ГАРО. Ф. Р-1019. Оп. 1. Д. 290. Л. 88, 89; ГАРО. Ф. Р-1019. Оп. 1. Д. 328. Л. 9; Народное хозяйство // Советский Юг. 1921. 5 янв.; Конституция маслостроительной промышленности Юго-Востока // Красное Знамя. 1921. 12 июля; Лесной фонд // Красное Знамя. 1921. 16 сент.; Краевой съезд Совнархозов, Совпрофов, Чусо // Советский Юг. 1921. 8 февр.; ГАРО. Ф. Р-1019. Оп. 1. Д. 886. Л. 71.

вмешиваться в производственный процесс и предотвращать расхищение имущества¹.

Экономический хаос толкал страну в пропасть. Особенности социально-го и экономического развития казачьего Юга существенно влияли на весь комплекс мероприятий советской власти. Большевики отчетливо понимали, что восстановление сельского хозяйства, местной промышленности, повышение производительности мелкотоварного сектора экономики необходимо для стабилизации политической ситуации в регионе².

Настроение населения было по большей части пассивным и аполитичным. Оно устало от семи лет войны. Разруха, неопределенность и понимание того, что казачество проиграло в военно-политическом противостоянии большевикам, особенно отрицательно сказывались на общественно-политическом состоянии аграрного общества Дона и Кубани и в значительной степени на его экономической активности. Хотя враждебные действия зажиточных слоёв казачества с 1922 г. явно пошли на спад, неопределенность настроений большей части сообщества не способствовала формированию общественной платформы, способной сколько-нибудь активно поддерживать большевиков в социальных преобразованиях. Регион переживал трудные, критические дни, связанные с организационными преобразованиями³.

Прежние земельные и военные привилегии казачества сформировали из него замкнутое земледельческое сословие. Это было особенно характерным для Дона, в меньшей степени - для Кубани. Явно выраженные социальные противоречия вне зависимости от материального положения в станицах не способствовали быстрому переходу к мирному строительству. Занимая все более выраженную антиказачью позицию, региональные органы власти не делали особых различий между социально-классовыми и сословными характеристиками казачества.

¹ ГАКК. Ф. Р-143. Оп. 7. Д. 399. Л. 1.

² ГАКК. Ф. Р-990. Оп. 2. Д. 259. Л. 467. «Крестьянское хозяйство есть, ... индивидуалистическое, мелкобуржуазное. ... без усиления роста, подъема этого мелкобуржуазного хозяйства нам не обойтись». См.: Бухарин Н.И. Избранные произведения. М., 1990. С. 243.

³ ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

Большевики были вынуждены создавать условия формирования социальной базы в станицах, и одним из главных инструментов таких преобразований являлись землеустроительные работы, направленные на перераспределения земли в пользу беднейшей части сельского населения, прежде всего иногороднего. Но Дон, как и Кубань, испытывал явный дефицит тягловой силы и техники в сельском хозяйстве. В этих условиях передача земли беднейшей части крестьян означала срыв посевной кампании, невыполнение продовольственного задания, новые проблемы в снабжении продовольствием населения.

Как экономически, так и политически для власти было необходимо любой ценой восстановить полноценную хозяйственную жизнь станицы¹. Преодолеть состояние хозяйственной разрухи, получить надежный источник хлеба можно было только на основе обеспечения лояльности станичника, его перехода от войны к миру, от участия в повстанческом движении к трудовой деятельности. Не имея для этого никаких ресурсов как материально-финансовых, так и хозяйственно-организационных большевики на этом этапе могли дать только гарантии военно-политической стабильности, относительной безопасности повседневной трудовой деятельности крестьянства, снять для него внешние угрозы острого гражданского противостояния.

Реальный переход к нэпу, начавшийся на Дону и Кубани с 1922 г., явился для сельского труженика свидетельством готовности власти отказаться от тотального изъятия плодов его труда, от уничтожающих его хозяйство военно-коммунистических экспериментов, не мешать обычному, веками устоявшемуся производственному процессу. Отказ от продразверстки и многочисленных ограничений означал готовность государства прекратить гражданскую войну с крестьянством.

¹ По мнению историков начала 1990-х гг., было традиционным утверждение о том, что переход к нэпу был вызван необходимостью урегулирования взаимоотношений с крестьянством и имел целью сохранить созданный за послереволюционные годы государственный сектор хозяйствования. См.: НЭП и хозрасчет / ред. кол. Н.Я. Петраков. М., 1991. С. 6.

Уставшее от военных лишений крестьянство и казачество в большинстве своем с восторгом приняло большевистский компромисс, приветствуя новую экономическую политику. В отчетах с мест отмечалось: «НЭП был встречен восторженно всеми...»¹, но часть населения не скрывала своих анти-советских взглядов².

Определенная часть кубанских и донских станичников даже увидела на горизонте обнадеживающую перспективу возврата к традиционным отношениям. И это объяснимо. Ведь даже многие интеллектуалы восприняли нэп как начало буржуазной реставрации. Но крестьянин всегда оставался на твердой почве текущих реалий. Его ожидания, надежды на возврат к мирной жизни основывались не на теоретическом анализе, а на осмыслении реальных практик, которые оказались весьма далеки от идеала.

Пришедший на смену продразверстке продналог оказался для крестьянства чрезвычайно обременительным. Взымавшийся в натуральной форме по широкой номенклатуре аграрной продукции (хлеб, мясо, масло и пр.), он держал крестьян в состоянии крайнего напряжения в течение практически всего года. Теперь у производителя изымалось далеко не все «подчистую», как это нередко случалось прежде, но пришедшие на смену продразверстке многочисленные налоги по-прежнему буквально дезорганизовывали хозяйственную жизнь станицы.

В итоге восторги от перехода к нэпу вскоре сменились отчетливо пессимистическими настроениями. Совершенно правы исследователи, которые отмечают: «Значительная часть населения Северного Кавказа, в свою очередь, воспринимала введение нэпа как очередную уловку режима, который таким способом стремится изъять у крестьян и казаков продовольствие и лишить их остатков собственного имущества»³. Масштабы и формы налогового бремени, возложенного на крестьян, постоянная угроза оказаться в числе

¹ РГАСПИ. Ф. 64. Оп. 1. Д. 96. Л. 136.

² РГАСПИ. Ф. 65. Оп. 1. Д. 132. Л. 2, 3.

³ Семенов А.А., Щербинин С.А. Власть и население Северного Кавказа в период гражданской войны и НЭПа (1917-1925). Славянск-на-Кубани, 2008. С. 123, 124.

недоимщиков, пеня за действительные и мнимые нарушения сроков внесения платежей - всё это создавало настоящий фискальный психоз, порождало многочисленные конфликты, судебные и внесудебные репрессии. Это питало устойчиво негативное отношение населения к власти, в т.ч. еще имевшее место повстанческое движение, постепенно перерождавшееся в 1922-1923 гг. в уголовщину.

В этих условиях альтернативой вооруженному сопротивлению большевикам стали тенденции сплочения аграрного населения региона на традиционной общинной основе. В обстановке значительного фискального давления и крайне медленного возрождения производительных сил вместо углубления конфликтности казаков и иногородних, бедноты и кулачества, на которую всегда делали ставку большевики, наметилось единство сельского мира казачьего юга. «НЭП не расслоил население. На почве обложения налогами беднячество приблизилось даже к кулачеству, ища в нем поддержки в трудные минуты платежей»¹. По итогам обследования Каневской волости был сделан вывод, что «масса налогов, свалившихся на бедняков и заставивших их за отсутствием денег уплатить пеню, вследствие несвоевременной выплаты налогов, повела к сближению с кулаками, в трудную минуту кулак выручал»².

Несколько облагороженные, но в основе в значительной степени прежние военно-коммунистические практики объективно сплачивали сельское население на почве остро критического отношения к власти, её политике. Новый политический курс уже не имел принципиально неприемлемого характера, а недовольство селян, как правило, уже не приобретало откровенно конфликтных форм. Тем не менее общая обстановка в регионе в 1922-1925 гг., доминировавшие общественные настроения могут быть охарактеризованы как откровенно оппозиционные большевистской власти.

Кроме значительного налогового обременения крестьянских хозяйств, ситуацию существенно осложняли медленное проведение землеустроитель-

¹ РГАСПИ. Ф. 64. Оп. 1. Д. 96. Л. 147.

² Там же. Л. 136.

ных работ, задержка с перераспределением земель в соответствии с новыми социально-экономическими реалиями¹.

Введение нэпа, которое явилось следствием осуществленного под давлением вооруженного крестьянского протеста отказа от немедленного практического введения абстрактных, якобы истинно «коммунистических» норм организации общества, несмотря на многочисленные отступления от его основ, стало главным фактором стабилизации политической обстановки, начавшегося экономического возрождения. Именно переход к нэпу позволил за счет создания более прочной экономической базы большевистско-советской власти завершить процессы советизации региона.

Но было бы ошибкой недооценивать существенное сдерживающее влияние, которое оказывало на эти позитивные процессы наличие многочисленных реликтов военно-коммунистической эпохи, доминировавших в 1920-е гг. в политической сфере, прежде всего в работе властных структур. Именно эти недостатки в первую очередь тормозили и восстановление разрушенного народного хозяйства, и легитимацию власти. Вопреки широко распространенным в последнее время представлениям о едва ли не мгновенном расцвете села в эпоху нэпа, как в регионе, так и в России в целом, восстановительные процессы шли довольно медленно, а власть в основном воспринималась как чужеродное явление.

Как показывает майский 1924 г. циркуляр НКВД № 190 губернским административным отделам и губернским органам ОГПУ, даже к середине 1920-х гг. сохраняла актуальность проблема дефицита продовольствия, в том числе «голодбеженцев Поволжья». Органам административных отделов и ГПУ предлагалось представить данные «о количестве всех голодбеженцев»². Довольно медленно шло восстановление потенциала и в исследуемом регионе. Прежде всего это касалось людских ресурсов.

¹ РГАСПИ. Ф. 64. Оп. 1. Д. 96. Л. 147.

² Бюллетень НКВД. 1924. № 18 (112). 27 мая.

В условиях нэпа кубанская и донская станицы хотя и не голодали, но жили скудно, испытывая давление со стороны по существу прежнего военно-коммунистического аппарата. Настоящий энтузиазм основной массы местного населения вызвал лишь начавшийся с конца 1924 - начала 1925 гг. разворот политики большевиков в рамках курса «Лицом к деревне», когда многие партийные деятели заговорили о необходимости прямой поддержки хозяйственной инициативы крестьянства, пересмотра точки зрения на кулака. Председатель ВЦИК М.И. Калинин на заседании Политбюро 3 января 1925 г. заявлял: «кулак» не имеет ничего общего «с материальным состоянием крестьянина. Так называемый «кулак» «живет, во всяком случае, хуже наших представителей в деревне..., а работает больше, и всё-таки его зовут "кулаком"»¹.

Отмечая временную и системную ограниченность данного курса, полагаем, что в рамках нэпа только он впервые по-настоящему обозначил определенную и ясно выраженную альтернативу военно-коммунистическим практикам – «курс на смешанную экономику и свертывание репрессий»². Для основной массы населения региона она, безусловно, являлась наиболее привлекательной и открыла качественно новый этап 1925-1926 гг. с характерной для него попыткой власти действительно выйти за рамки военно-коммунистической идеологии.

Как показывает исторический опыт самых различных эпох, чаяния населения нечасто совпадают с планами власти. Не суждено было оправдаться и надеждам земледельцев на более свободное развитие в 1920-е гг. Переход к социалистической реконструкции и форсированному строительству социализма к концу десятилетия вновь с неизбежностью усилил раскол власти и крестьянского общества, на новом уровне актуализировав вопросы крестьянского протеста и большевизации региона.

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 865. Л. 8.

² Федоренко С.А. К вопросу о трансформации советской уголовной политики в условиях перехода к форсированному строительству социализма (1926-1928 гг.) // Современная научная мысль. Пятигорск, 2013. № 4. С. 127.

5.2. Вооруженный протест казачества и крестьянства (1920-1923 гг.) как фактор регулирования экономической политики и перехода к нэпу на Кубани и Дону

Нарастание волны широкого повстанческого движения как прямое следствие политики военного коммунизма стало отличительной чертой кубанской и донской действительности уже на начальном этапе утверждения новой власти. При наличии значительного контингента опытных в военном деле людей и огромных запасов оружия неуклонно усиливавшееся недовольство политикой большевиков обернулось острым военным противоборством, на некоторое время погрузившим регион в пучину нового раунда Гражданской войны. События лета - зимы 1920 г. показали, что протест лишь условно объединяла его антибольшевистская направленность. По своему идейному содержанию его природа была глубоко неоднородной. Большевики изначально ожидали по стране рост активного «контрреволюционного движения», в том числе и на Юге. Предвидя его, В.И. Ленин ещё в феврале 1920 г. в своем выступлении на IV конференции губернских чрезвычайных комиссий предупреждал об этом¹.

На Кубани и Дону казаки, как и горцы, занимали активные антибольшевистские позиции с 1918 г.² Постановлением Оргбюро ЦК РКП(б) от 24 января 1919 г. борьба с «верхами казачества путем поголовного их истребления»³ была объявлена официальной политикой государства. Это был единственный подобный документ, давший прямую установку на истребление целой социальной группы. В феврале 1919 г. этот курс обернулся репрессиями для частично занятого Красной Армией Дона⁴. Как следствие, в результате

¹ Ленин В.И. Речь на IV конференции губернских чрезвычайных комиссий 6 февраля 1920 г. // Полн. собр. соч. Т. 40. С. 114.

1. ² Известия. 1918. 23 февр.

³ Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 177.

⁴ Скорик А.П. 1-й Донской округ: опыт исторической реконструкции. Новочеркасск, 2012. С. 60, 97.

восстаний, прежде всего Вешенского и Хоперского мятежей (март, июнь 1919 г.), Дон снова перешел к белым.

Казачество и крестьянство Юга в революционных событиях эпохи, как и по всей России, стремились отстаивать свое право на свободное развитие, в том числе в крайних формах движения части казачества за «самостийность» и создание казачьих областей. Но и те, кто исходил из понимания важности общероссийского единства, проявляли тягу к свободе, с присущими ей процессами общинной самоорганизации («третий путь»).

Анализ конфликтности, которая стала основной для региона с 1920 г., свидетельствует о том, что сходившее с исторической сцены белое движение играло в антибольшевистской борьбе хотя и важную, но не решающую роль. Пик его активности, имевшей большое значение в силу прежде всего более высокого уровня организованности, пришелся на 1920 г. Фактором, резко осложнившим обстановку, летом стали врангелевские десанты, поставившие местные власти (особенно на Кубани) в крайне тяжелое положение. Но и на Кубани, и на Дону белые десанты, несмотря на все попытки выступить объединителем антибольшевистского протеста, не получили поддержки населения¹. Почти месяц «гулял» по Дону высадившийся в районе ст-цы Ново-Николаевской офицерский отряд полковника Ф.Д. Назарова. Не получив поддержки населения, отряд был уничтожен в ст-це Константиновской². По той же причине неудачей закончился ещё более мощный десант С.Г. Улагая на Таманском полуострове в августе 1920 г. Предпринятые им попытки мобилизации в 20 кубанских станицах показали явное нежелание дезертировавших казаков идти под знамена Врангеля³.

В Кубано-Черноморской и Донской областях отряды, созданные из остатков деникинской армии, поддерживая тесные связи с Врангелем, выступали с ярко выраженными монархическими лозунгами. Противостояние при-

¹ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 230. Л. 9.

² Голубинцев. Русская Вандея. Очерки Гражданской войны на Дону 1917-1920. Мюнхен, 1959.

³ ЦДНИКК. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 130. Л. 5.

обретало затяжной характер¹. В полной мере это показала финансируемая из Крыма и оперировавшая в предгорьях Майкопского, Лабинского и Баталпашинского отделов «Армия возрождения России» генерал-лейтенанта М.А. Фостикова, который утверждал, что он руководит отрядом численностью 15 тыс. чел., в том числе 3 конными дивизиями и 3 пластунскими бригадами². Эти сведения датированы 19 августа 1920 г. и отправлены Врангелю. Но по другим данным, в момент наибольших успехов «армия» М.А. Фостикова насчитывала 6 670 штыков и сабель³.

Офицеры Белой армии предпринимали попытки координации действий между отрядами Фостикова и Улагая, 1-м Кубанским сводным корпусом полковника Крыжановского, черкесско-казачьей «дикой дивизии» К.Ш. Султан-Гирея и др. Но все они были рассеяны в короткий срок и в октябре 1920 г. остатки «армии» Фостикова эвакуировались в Крым⁴, а часть попыталась вернуться из Грузии на Кубань (Терско-Кубанский отряд полковника Ануфриева). Остатки десанта Улагая закончили путь в распавшемся в это же время Кубано-Черноморском отряде⁵. Несмотря на организованность и силу белого движения в 1920 г., оно не могло увлечь за собой казаков Кубани, тем более Дона. Характер протестных настроений местного населения уже в это время определялся его «демократической», проэсеровской составляющей. В своей массе повстанцы изначально представляли собой традиционный тип участников местных локальных выступлений, хорошо известный в истории крестьянского движения, в том числе в годы Гражданской войны.

Обращаясь к опыту Кубани, мы видим, что повстанческая база окрепла уже в мае 1920 г.—с возвращением из Черноморья бывших «белых» из состава деникинских войск. К этому времени значительная часть населения крайне

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 834. Л. 46.

² ЦДНИКК. Ф. 1774-р. Оп. 2. Д. 529. Л. 16.

³ ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 2. Д. 275. Л. 2.

⁴ Степаненко В.И. Крушение контрреволюции на Дону, Кубани и Тереке в 1920 г. // Вопросы истории. 1976. № 9. С. 32; Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Документы и материалы: в 4-х т. Т. 1: 1918-1922 гг. / под ред. А. Береловича, В.П. Данилова. М., 2000. С. 273, 322.

⁵ ЦДНИКК. Ф. 1774-р. Оп. 2. Д. 529. Л. 24.

негативно воспринимала деятельность большевиков. С середины мая 1920 г. в областное ЧК стало поступать растущее число донесений о бело-зеленых группах из «белогвардейцев»¹. Летом 1920 г. «бело-зеленые» формирования повсеместно активизировались. Число повстанцев стало расти за счет местных жителей, недовольных продовольственной политикой большевиков. Особо можно выделить ту часть, которая уклонялась от службы РККА или дезертиров, которые в ходе боевых действий переходили на сторону повстанцев. Действия повстанческих отрядов охватывали всю территорию Кубани - от Тамани (Татаров в ст-це Ахтарской, отряд Рябоконя в ст-це Холмской, Сухенко) до предгорья Майкопского отдела и Черноморского округа (полковника Поддубного, пос. Черноморский) общей численностью до 1 610 чел. Отрядами руководили подготовленные офицеры: полковник Скакун, полковник Цыганков, сотник Милько-Калеников, Короленко. Небольшие по численности формирования занимали плавни, что не позволяло учитывать их количественный состав². В предгорной части рассредоточены отряды Беззубова численностью до 150 чел., Сапожникова - 33 чел., Дубко - 50 чел., Агеева - 35 сабель, Козлова - 50 пеших. Численность отрядов подвергалась постоянной ротации, так как члены отрядов из числа местных жителей предпочитали под прикрытием амнистии зиму и холодные месяцы проводить по месту жительства, а с весенним потеплением возвращались к активным действиям³.

«Бело-зеленые» формирования вели активные боевые действия, оказывая военно-политическое давление на советские и партийные органы, но избегая прямого боестолкновения с регулярными частями РККА⁴. Население Юга России находилось под двойным военно-административным давлением, с одной стороны, советской власти при реализации продовольственной политики, а с другой - бело-зеленых, которые терроризовали население, убивая, уничтожая имущество. С целью принятия превентивных мер власти прово-

¹ Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т. 1. 1918-1922 гг. М., 1998. С. 276.

² ГАКК. Ф. Р-756. Оп. 1. Д. 788. Л. 28.

³ АОА МО г. Армавир. Ф. Р-54. Оп. 1. Д. 45. Л. 9, 37.

⁴ ГАКК. Ф. Р. 756. Оп. 1. Д. 794. Л. 3; АОА МО г. Армавир. Ф. Р-54. Оп. 1. Д. 45. Л. 47.

дили массовые облавы, обыски, но поставленных целей не достигали¹. Очень быстро нарастало крестьянское движение в Черноморье².

Если в апреле 1920 г. на территории Кубани действовали отряды белозеленых численностью до 500 штыков при нескольких пулеметах, то на 10 июля 1920 г. их численность выросла до десятка отрядов общей численностью от 5,5 тыс. до 10,2 тыс. пешими и конными при 40 пулеметах и 11 орудиях. По сведениям РВС 9-й Кубанской армии, к середине лета 1920 г. численность повстанцев в Кубано-Черноморье возросла до 10 тыс. бойцов с 64 пулеметами и 3 орудиями. В течение последующего месяца численность повстанцев достигла 13 тыс. штыков и сабель³.

К осени 1920 г. антибольшевистское движение на общедемократической основе на Кубани и Дону резко усилилось: «Единичные до того времени случаи налетов и активных выступлений Зеленых и прочих банд стали заметно усиливаться и выливаться в организованные выступления, принявшие большие размеры в Донецком, Усть-Медведицком округах Донской Области, Баталпашинском и Лабинском отделах Кубанской области»⁴. Это было весьма неоднородное движение. Нередко повстанцы конкурировали, проводя акции против политических соперников⁵. Нарастающее сопротивление населения Кубано-Черноморской области и Дона, тенденция к объединению отрядов с ярко выраженной антисоветской окраской могли стать затяжными⁶.

Очевидная противоречивость повстанческого движения 1920 г., в стихии которого организованностью отличались, пожалуй, лишь монархисты, создает пеструю картину антибольшевистского сопротивления, питающую дискуссии о его характере. К примеру, Н.В. Кратова «не вполне обоснованной» считает его оценку И.В. Яблочкиной, «как белогвардейского, ставившего

¹ ГАКК. Ф. Р. 756. Оп. 1. Д. 785. Л. 12.

² МКУ города Сочи «Сочинский городской архив». Ф. Р-12. Оп. 2. Д. 108. Л. 113.

³ АОО МО г. Новороссийск. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 44. Л. 204.

⁴ ГАРО. Ф. Р-1185. Оп. 1. Д. 10. Л. 56, 57.

⁵ ЦДНИКК. Ф.1774-р. Оп. 2. Д. 529. Л. 5.

⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 196. Л. 21.

своей целью реставрацию старого мира»¹. Впрочем, она сама утверждает, что в 1920 г. в регионе доминировали монархисты, после чего в повстанчестве с 1921 г. возросла демократическая составляющая².

Бесперспективно создание «стройных» классификаций движения на основе анализа его идейной составляющей, что Н.В. Кратова показала при характеристике самостийников и сторонников «народовластия» из отряда «Донно-Кубанских зеленых орлов», бойцы которого, вопреки ее авторской классификации, весьма сочувствовали «державнику» П.Н. Врангелю³. Полагаем, что говорить о сколько-нибудь системных идейных программах повстанцев для данного времени вряд ли возможно.

Огромное море казачье-крестьянской стихии в 1920-1921 гг. принимало самые различные протестные группы, в том числе и монархистского толка (заметные своей организованностью и до разгрома Врангеля величиной). Но казаки и крестьяне, разочарованные аграрной политикой Добровольческой армии, не оказывали существенной поддержки данному направлению. Монархизм проявлялся в наибольшей мере среди белого. Основная масса казачьего населения сохраняла нейтралитет⁴. Степень радикализма повстанческого движения определялась аграрной политикой большевиков, которая проявлялась в насильственном изъятии сельскохозяйственной продукции и земли.

В казачьих регионах Юга России присутствовали идеи «самостийности» как проявление сословной автономии и сепаратизма. Лозунг самостийности преобладал среди большей части повстанцев, которая представляла казачье население Дона и западной части Кубани (черноморских казаков). На востоке

¹ Кратова Н.В. Повстанческое движение на Кубани и в Пятигорье в начале 20-х годов XX века. Ростов н/Д, 2012. С. 70.

² Кратова Н.В. Указ. соч. С. 65.

³ Кратова Н.В. Указ. соч. С. 72.

⁴ Так, комиссия по дезертирству РККА, оценивая политическую активность сельского населения Кубани, 5 августа 1920 г. констатировала: «Население в большинстве не имеет никакого политического самосознания. Кроме того, последнее время округ находился под влиянием белых, и население развращено этим влиянием. ... Отношение населения к зеленым благожелательное, так как зелено-армейские шайки состоят из дезертиров местных жителей, к которым отношение местного населения не может быть враждебно». См.: МКУ города Сочи «Сочинский городской архив». Ф. Р-116. Оп. 1. Д. 5. Л. 103.

Кубани (среди линейных казаков) преобладала идея «едини неделимой России». Анархические лозунги не нашли массовой поддержки на казачьем Юге, так как не имели социальной базы распространения. Были популярны эсеровские лозунги «трудоуластия», потому что совпадали с принципами организации самоуправления и землепользования в казачьих станицах, но это не могло означать осознанного принятия политической программы правых эсеров как партии.

Движущей силой повстанчества на казачьем юге в зависимости от периода активности выступали зажиточное казачество, демобилизованные красноармейцы РККА и дезертиры, а руководителями - бывшие командиры РККА и офицеры Белой армии. Не стоит излишне «идеологизировать» движение, основным содержанием которого являлся стихийный протест против чрезвычайной политики военно-коммунистической эпохи. Суть требований основной массы повстанцев Кубани и Дона состояла в элементарных установках, связанных с вынужденно отчаянной защитой своего хозяйства и права на труд. Казаки и крестьяне в письмах сыновьям, служившим в РККА, отмечали: «Ты служишь в Красной армии на защите рабочего и бедного крестьянства, но вместе с тем твоя родня подвергается всевозможным притеснениям вплоть до насилия»¹. Это в полной мере понимали и большевики. Не случайно в поисках компромисса и союзников среди казачества и крестьянства до августа ими принимались довольно сдержанные, зачастую противоречивые решения. Так, командование Кавказским фронтом 29 июня 1920 г. издало приказ № 1247, по которому захваченные с оружием в руках участники незаконных вооруженных формирований подлежали расстрелу на месте без суда и следствия. РВС 9-й Кубанской армии и Кубано-Черноморский ревком в воззвании к казакам осуждали «путь политической мести», обещая

¹ АОА МО г. Новороссийска. Ф. Р-9. Оп. 3. Д. 4. Л. 13.

не применять «репрессии за прошлое»¹. При этом местное население активно применяло метод заложничества, объявляя станицы на военном положении².

Подъем движения, особенно опасные июльско-августовские десанты, вызвал мобилизацию сил большевиков, активизации деятельности ревтрибуналов³. В августе - сентябре 1920 г. основные повстанческие формирования Кубани и Дона были разгромлены. Для борьбы с «бандитизмом» потребовались чрезвычайные меры - как превентивные, так и репрессивные. Среди первых - разоружение, переселение хуторян в станицы⁴, практика коллективной ответственности и заложничества⁵; среди вторых массовые высылки, аресты и расстрелы. Большевики понимали необходимость разумного сочетания репрессивных методов и средств мирного урегулирования конфликта. Проведение «карательных мероприятий», применение принципа «круговой поруки», особая «ответственность кулацких элементов» с применением мер насильственного выселения членов семей активных участников белозеленых, конфискации их имущества признавались действенным средством достижения целей. Но и без утверждения авторитета рабоче-крестьянской власти, решения экономических проблем невозможно было победить белозеленых⁶.

Большевики на местах признавали: «Продразверстка оттолкнула кулачество и часть бедняцкого населения»⁷. Именно эта масса казачества и крестьян стала основой антибольшевистского сопротивления при доминанте демокра-

¹ ГАКК. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 4. Л. 49.

² АОА МО г. Армавир. Ф. Р-54. Оп. 1. Д. 1. Л. 59.

³ Горьев Д.А. Деятельность революционных трибуналов на Кубани (1918-1922 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2011. С. 18.

⁴ ГАКК. Ф. Р-756. Оп. 1. Д. 770. Л. 4. Политика переселения для большевиков была излюбленной. Так, они её активно применяли в 1924-1926 гг., когда советская власть провела массовую публичную высылку бывших помещиков и членов их семей. См.: Козлов В.П. Операции «Переселение», «Выселение», «Изъятие» в тульской деревне 20-30-х годов XX в. ... С. 259.

⁵ ГАКК. Ф. Р-581. Оп. 2. Д. 206. Л. 13.

⁶ АОА МО г. Новороссийск. Ф. Р-9. Оп. 3. Д. 3. Л. 15, 16.

⁷ РГАСПИ. Ф. 64. Оп. 1. Д. 96. Л. 136.

тической составляющей, с такими популярными лозунгами «бело-зеленых», как «Советы без коммунистов», «Власть народным избранникам»¹.

В 1920 г. повстанческое движение на Кубани и Дону прошло путь от разрозненных, относительно малочисленных отрядов, как правило, не имевших четкого идейного и организационного оформления, в основном вооруженных стрелковым оружием и использовавших тактику партизанских отрядов, до качественно нового уровня организации, т.е. формирований армейского типа. Движение численно росло и организационно укреплялось, что сказалось и на тактике бело-зеленых. Населенные пункты региона становились опорными пунктами, источниками продовольствия, пополнения живой силы. Количественно возросшие отряды бело-зеленых могли себе позволить вести боевые действия на большом фронте, доходившего до 100 верст. Теперь боестолкновения частей РККА и бело-зеленых продолжались часто несколько часов. Так, в рапорте начальника 4-й Петроградской кавалерийской дивизии отмечено, что бой с отрядом повстанцев у ст-цы Рождественской продолжался 4 часа².

Несмотря на массовость сопротивления, большевики к началу нэпа добились немалых успехов, накопили большой опыт борьбы с повстанчеством. В октябре - ноябре 1920 г. активность повстанцев пошла на убыль из-за активных действий частей РККА, увеличилось число «бело-зеленых», добровольно сдававшихся. Поражение П.Н. Врангеля углубило идейный кризис движения, местное население убедилось в жизнеспособности Советской власти. Однако именно конец 1920 г. - начало 1921 г. ознаменовались не просто сменой характера классового противостояния, как утверждали многие советские историки, связанного с задачей «нейтрализации» крестьянства³, но с новой, еще более опасной фазой «малой гражданской войны». В это время под влиянием политики «военного коммунизма» по стране с угрожающей силой

¹ Там же. Л. 147.

² АОА МО г. Армавир. Ф. Р-54. Оп. 1. Д. 6. Л. 2.

³ Мухачев Ю.В. Идейно-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР. М., 1982. С. 126.

прокатилась волна крестьянских выступлений: в Западной Сибири, на Украине, в Тамбовской губернии. В феврале - марте 1921 г. началось массовое крестьянское восстание в Западной Сибири. Выступления крестьян показали всю несостоятельность проводимой социально-экономической политики.

Первая мощная волна повстанческого движения была воспринята органами власти на Юге России как естественное продолжение борьбы с Белым движением и «контрреволюционным» казачеством. Абстрагируясь от сезонных колебаний и вспышек сопротивления, связанных с текущими кампаниями, дающими основание для более дробных периодизаций, можно утверждать, что при общем понимании негативных сторон военного коммунизма в 1920 г. большевики не считали их фатальными и рассчитывали преодолеть их на основе волевых в том числе военных решений. Ошибочно считая протест «белогвардейским» и «контрреволюционным», они не поняли его демократической природы, а потому недооценили его силу.

События на Кубани и Дону развивались стремительно, с опережением общероссийских процессов. Активизация повстанчества отмечена на Дону уже в ноябре 1920 г. Этот регион всегда был весьма беспокойным - даже в моменты относительной стабильности страны. Так, в сентябре 1920 г. в область вторглись отряды махновцев численностью около 5 тыс. чел. при 9 орудиях, 100 пулеметах, 200 тачанок и захватили г. Миллерово. Части РККА вынуждены были отступить. Но позже сказалось превосходство регулярных частей Красной армии, явное непринятие идей махновцев в казачьей среде, с её «государственническими» идеалами, что привело к их поражению.

На фоне эскалации военно-коммунистических практик, особенно в связи с жестким взиманием осенью 1920 г. продразверстки, резкое ухудшение экономического положения привело к тому, что хлебоборобы проявляли все более явную враждебность к власти, которая не извлекла уроков из масштабного повстанческого движения 1920 г.¹

¹ Грищенко А.Н. Казачье повстанческое движение в Донской области осенью 1920 г. // Юг России в условиях революционных потрясений, вооруженных конфликтов и социально-

Зимой 1920 г. на Дону сохранялась прямая угроза со стороны бывших участников белого движения, которые могли сформировать подпольные организации и стать движущей силой антибольшевистского выступления. Донисполком в феврале 1920 г. принял постановление, в котором предупреждал население о возможности применения высшей меры революционного наказания за действия, направленные против РСФСР¹. Аналогичные приказы были изданы в станицах и хуторах Верхне-Донского, Черкасского, Ростовского, 1-го Донского, Сальского округов. Власти не скрывали агрессивных действий в отношении лиц, по их мнению, ведущих антиправительственную деятельность. Серьезной проблемой оставалось наличие большого количества неучтенного огнестрельного оружия в станицах Дона. Донской окружной комитет РКП(б) видел за антибольшевистской агитацией части населения и военно-политическую угрозу, так как с мест получала информацию о готовившихся восстаниях и росте недовольства казачества². Верхне-Донской округ создан временный штаб противодействия антисоветским силам, но его малочисленность не позволяла пресечь консолидацию антиправительственных сил³. Областную организацию перевели на военное положение, как и в Кубано-Черноморской области⁴. В станицах появились первые повстанцы, одновременно коммунисты стали формировать отряды особого назначения⁵. В области складывалась опасность возрождения гражданского противостояния.

политических кризисов, 19172017 гг.: материалы Всерос. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 5-6 октября 2017 г.). Ростов н/Д, 2017. С. 272.

¹ Постановление Донского областного исполнительного комитета от 10 февраля 1920 г. // ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 35. Л. 7.

² Протокол заседания комитета РКП(б) 1 Донокруга от 24 мая 1920 г. // ЦДНИРО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 3. Л. 9; Протокол II окружной конференции РКП(б) Верхне-Донского округа от 23 мая 1920 г. // ЦДНИРО. Ф. 2783. Оп. 1. Д. 1 а. Л. 4 об.

³ Протокол заседания бюро Верхне-Донского окружкома от 21 апреля 1920 г. // ЦДНИРО. Ф. 2783. Оп. 1. Д. 6. Л. 19 а, 21.

⁴ Доклад о деятельности Верхне-Донского окружного комитета РКП(б) с 25 апреля по 24 мая 1920 г. // ЦДНИРО. Ф. 2783. Оп. 1. Д. 13. Л. 7.

⁵ Протокол заседания окружного комитета РКП(б) 1-го Донокруга от 9 июня 1920 г. // ЦДНИРО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 3. Л. 12 об.

Весной - летом 1920 г. военное и партийное руководство вынуждено было признать рост протестных настроений казачьего населения. Для эффективного противостояния нарастающему военно-политическому противостоянию предлагалось, как и на Кубани, прибегать к активному взятию заложников¹. В кризисной ситуации действия продотрядов провоцировали нападения и убийства советских и партийных активистов, что привело к репрессиям по отношению к местному населению, взятию заложников, насильственной чистке Советов. Такое обострение отношений между большевиками и казачеством создавало прямую угрозу срыва сбора продовольствия. На начальном этапе сбора продовольствия и одновременного усиления репрессий серьезно обострилась политическая ситуация в Донецком и Верхне-Донском округах.

Нарастание гражданского противостояния в Донской области и логика укрепления политической власти заставляли большевиков выработать новые меры борьбы против повстанцев, которые к лету 1920 г. заявили о себе открыто. На начальном этапе они совмещали меры мирного, договорного характера, связанные с широкой пропагандистской работой среди населения, с силовым воздействием, взятием заложников.

Начало антиправительственных выступлений положено жителями слободы Сухой Донец Верхне-Донского округа 21 ноября 1920 г. Следующим этапом стало формирование отрядов под командованием полковника Смелова-Аржеусова, Колычева, Колесникова, которые собрали до 5 000 чел. На сторону повстанцев перешло небольшое количество красноармейцев из частей, дислоцированных в Усть-Медведицком округе. Повстанцами предприняты попытки сформировать региональное «Временное советское правительство», однако уровень организации восставших был весьма невысок, и они

¹ Стенограмма I Донской областной конференции РКП(б) 2-5 июня 1920 г. // ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4. Л. 116; Протокол заседания бюро Донкома от 26 июня 1920 г. // ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 19. Л. 5. Член РВС Кавказского фронта В.А. Трифонов телеграфировал 27.05.1920 г. в ЦК РКП(б) о положении на Дону, где критически оценил состояние дел в партийной организации и нарастания недовольства населения.

были разбиты¹. В декабре восстали Ефремово-Степановская волость Донецкого округа и слобода Михайловка Усть-Медведицкого округа. Очередной мятеж развернулся 17 декабря 1920 г., когда выступил батальон окружного военкомата под командованием кавалера ордена Красного Знамени К.Т. Вакулина. Он был поддержан жителями слободы Михайловской Усть-Медведицкого округа. Впервые против советской власти выступил красный командир (бывший командир полка дивизии Ф.К. Миронова). Повстанцы сформировали новые органы власти, издали воззвание от имени «трудовиков и восставших». Они требовали восстановления свободной торговли и применения денежных знаков белых правительств, не обошлось и без политических лозунгов: организации крестьянских союзов и политического плюрализма. Основным лозунгом стал широко известный в повстанческом движении: «Да здравствует Советская власть без коммунистов и комиссаров!». Восставшие насчитывали до 6 тыс. штыков и 440 сабель. В ходе активных боев они сумели прорваться в Поволжье и ненадолго захватить г. Камышин².

В декабре 1920 г. повстанческое движение на Дону переживало подъем: общая численность вооруженных сил составляла 6 750 штыков и сабель при 34 пулеметах и 1 орудии, объединенных в 4 формирования. Менялся социальный состав бело-зеленых отрядов, что сказывалось на идеологической составляющей движения. Антибольшевистские лозунги повстанцев во многом совпадали с общедемократическими требованиями социалистических партий. Но отсутствие единого руководящего центра, программы, разрозненный характер боевых действий привели к поражению бело-зеленых.

В связи с подъемом движения Донисполком вынужден был рассмотреть вопрос «О восстаниях в Донобласти», дать оценку ее внутривластическому состоянию. Президиум Донисполкома признал Верхнедонской и 1-й Донской округа регионами, где население активно настроено против проводимой политики большевиков и просил РВС Кавказского фронта подавить выступле-

¹ ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 5. Д. 138. Л. 63, 64.

² Баранов А.В. Повстанческое движение «бело-зеленых» в казачьих областях Юга России (1920-1924 гг.) // Альманах «Белая гвардия». М., 2005. № 8. С. 119-129.

ния. Тактика подавления повстанческого движения на Дону не отличалась от той, которая проводилась на Кубани (массовые аресты, взятие заложников из числа местного населения)¹. Даже в конце 1920 г. власти особо не задумывались над демократической природой протеста, делая основную ставку именно на силовое подавление протестов населения.

В отличие от Дона, на Кубани, где после разгрома основных белых формирований вновь широкое применение получила практика амнистий, в конце 1920 г. наблюдалось относительное затишье. В дни празднования годовщины Октябрьской революции на основании постановления Кубано-Черноморского революционного комитета от 26 ноября 1920 г. была объявлена амнистия участникам «бело-зеленого» движения и врангелевского десанта². Провозглашенная амнистия и наступление холодов к концу 1920 - началу 1921 г. способствовали спаду повстанческого движения. Но большевики не изменяли своим принципам и придерживались четко выработанной линии в борьбе: «Советская власть...не остановится перед тем, чтобы железной рукой беспощадно уничтожить остатки контрреволюции»³.

Даже после осенних побед над «бело-зелеными» по инерции, для устрашения населения особые тройки продолжали активно применять репрессии. Особым тройкам было предоставлено право применения внесудебных мер, в том числе взятия заложников и их расстрела⁴. Так, в ст-це Динской было расстреляно 109 чел., в Старомышастовской - 23 чел., Пашковской - 14⁵. Вдохновителем этой политики был представитель ВЧК по Донской области и Северному Кавказу К.И. Ландер, обладавший особыми полномочиями.

Тем не менее ситуацию в сельской местности в значительной степени контролировали «бело-зеленые» формирования. Местное население активно сопротивлялось проводимой политике большевиков, в первую очередь про-

¹ ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 5. Д. 153. Л. 36 об. См.: Алешкин П.Ф. Крестьянские восстания в России в 1918-1922 гг. От махновщины до антоновщины. М., 2012. С. 143.

² ЦДНИКК. Ф. 7. Оп. 1. Д. 50. Л. 51.

³ ГАКК. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 392. Л. 14. ЦДНИКК. Ф. Р-1774. Оп. 2. Д. 86. Л. 29.

⁴ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 249. Л. 1, 2.

⁵ ГАКК. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 394. Л. 1.

довольственной, при том что «некоторые ревкомы явно помогают «бело-зеленым», а коммунистические ячейки полностью бездействуют»¹. По мнению Рабоче-крестьянской инспекции Кубано-Черноморской области, до 30% населенных пунктов области в 1920-1921 гг. находились под влиянием «бело-зеленых» формирований².

Несмотря на размах репрессий, социальная база повстанческого движения в регионе, как и в стране в целом, не только сохранилась, но и становилась более массовой. С ноября 1920 г. наблюдается рост противостояния на Северном Кавказе. Во многом это объяснялось ростом повинностей и нарушением традиций местного населения. Главным фактором дестабилизации оставалась политика военного коммунизма. Началом нового всплеска противостояния казачества и крестьянства государству стали контрольные цифры продовольственной разверстки 1920-1921 гг.

В начале 1921 г. в Краснодарском и Майкопском отделах активно действовали отряды общей численностью до 2 тыс. чел. Их действия требовали мобилизации дополнительных сил и средств³. В это время все более заметную роль в сопротивлении, особенно на Дону, начали играть восстания частей Красной армии. В.И. Ленин явно сглаживал остроту конфликта, когда в отчете о политической деятельности ЦК X съезду РКП(б) сводил всё к проблеме «дезертиров». Он считал, что начавшаяся демобилизация армии способствовала рождению бандитизма⁴. На самом деле в это время восставали уже не просто демобилизованные или дезертиры, а целые армейские части. Вследствие стремительного роста повстанчества в партийных документах РКП(б)-ВКП(б) получает прописку термин «бандитизм», а борьба с ним превращается в важнейшую задачу ЦК партии⁵. Соответствующим образом пе-

¹ ЦДНИКК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 87. Л.1.

² ГАКК. Ф. Р-990. Оп. 2. Д. 112. Л. 4.

³ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 152. Л. 6.

⁴ Ленин В.И. Отчет о политической деятельности ЦК РКП(б) 8 марта. X съезд РКП(б) // Полн. собр. соч. М., 1977. Т. 43. С. 17.

⁵ Баранов А.В. Повстанческое движение «бело-зеленых» и казачьих областях Юга России (1920-1924 гг.) // Белая гвардия. № 8. М., 2005. С. 125.

рестраивалась работа и региональных партийных структур. Тем более, что на Кубани и Дону в начале 1921 г. наблюдалось заметное ухудшение. Доверие к власти падало. Политическая обстановка в казачьих регионах Юга России на рубеже 1920-1921 гг. свидетельствовала о наличии серьезной военной угрозы существованию Советской власти¹.

Части Красной армии, дислоцированные в пределах региона, состоявшие в большей массе из крестьян, не отличались высокой боеспособностью. Красноармейцы-крестьяне остро реагировали на аграрную политику. В некоторых станицах Кубано-Черноморской области, где размещались подразделения 3-й бригады 9-й Кубанской Армии, были зафиксированы факты активного противодействия красноармейцев продотрядам и открытой поддержки хлеборобов. Нарушая Устав РККА, они нередко принимали активное участие в сходах, выступая на стороне станичников². Следует отметить и наличие иных фактов в действиях расквартированных частей 9-й Кубанской Армии в Кубано-Черноморской области. Жители ст-цы Георгие-Афипской и Ставропольской, не выдержав грабежей и насилия со стороны красноармейцев, стали активно пополнять отряды повстанцев³.

Практика взятия заложников стала получить всё более широкое распространение в станицах Юга России как способ устрашения и усмирения местного населения. Так, исполнительный комитет Славянского отдела направил в ст-цу Анастасиевскую секретное предписание. В связи с усилением активности «бело-зеленых» он требовал от исполкома немедленно взять в заложники 3 селян не старше 50 лет из числа зажиточных казаков, активно выступающих против Советской власти, а также: «По взятию заложников предлагается широко оповестить население станицы, что в случае продолжения выступления банд, все взятые нами заложники будут беспощадно расстреляны»⁴. На основании решений краевого военного совещания СКВО о мерах по

¹ ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 138. Л. 1.

² ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 9. Л. 24.

³ ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 9. Л. 32.

⁴ ГАКК. Ф. Р-686. Оп. 1. Д. 3. Л. 44.

ликвидации бандитизма неблагонадежными объявлялись целые волости и округа. Только в Лабинском отделе 18 волостей, в которых было 23 станицы, не считая хуторов, подверглись «экспедиционно-карательной фильтрации»¹.

Далеко не все руководители области были согласны с репрессивными мерами в отношении казачества. Признано, что многие аресты среди мирного населения проводятся с нарушением закона, такие права были предоставлены только военным структурам². Положение осложнялось непрофессиональными действиями на местах со стороны партийных управленцев. Ситуацию осложняли продотряды, которые напоминали собой сборища маргинальных личностей, стремившихся выжить в условиях продовольственного кризиса.

Донская областная ЧК в начале 1921 г. признала, что положение принимает угрожающий характер, в том числе в продовольственном вопросе, и непринятие мер может привести к печальным последствиям³. На совещании президиума Донкома РКП(б) 1 марта 1921 г. выступил председатель ДонЧК В. Савинов, который констатировал тяжёлое военно-политическое положение области. «Банды» росли численно, а военная составляющая повстанцев усиливалась⁴. Вытеснение из области, а затем разгром в феврале 1921 г. отряда К.Т. Вакулина, предшествовавшие объявлению о переходе к нэпу, лишь отчасти стабилизировали обстановку. Отряд Вакулина быстро возродился под командованием его преемника, также красного орденосца Ф. Попова.

Катализатором нового витка вооруженной борьбы стало появление в Донской области в феврале 1921 г. отряда Г.С. Маслакова. Он был одним из создателей 1-й Конной армии, имел правительственные награды. Г.С. Маслаков категорически не воспринимал подразверстку и отрицал возможность

¹ АОАГА. Ф. Р-54. Оп. 1. Д. 4. Л. 18.

² ГАКК. Ф. Р. 686. Оп. 1. Д. 6 а. Л. 1. Приказ Реввоенсовета IX Кубанской армии и Кубано-Черноморского исполнительного комитета № 675 1131 от 3 мая 1921 г. регламентировал деятельность военных по взятию заложников из числа местных жителей. В последующем председатель Кубчерчека Д.П. Котляренко вынужден обратиться с официальным письмом в отделы Кубано-Черноморской области с требованием о прекращении незаконных арестов и взятии в заложники мирного населения.

³ РГАСПИ. Ф. 64. Оп. 1. Д. 131. Л. 1.

⁴ ГАРО. Р-97. Оп. 1. Д. 48. Л. 43, РГСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 834. Л. 46.

применения частей РККА против мирного населения. Численность его отряда достигала 150 сабель при наличии 2 пулеметов на начальном этапе, а в последующем численность достигла 2 тыс. пешими и конными при 25 пулеметах и 2 орудиях. Казачество Дона активно поддержало повстанцев¹. Под влиянием действий Маслакова с антиправительственными лозунгами выступили, и другие командиры РККА. В марте 1921 г. восстали отряды во 2-м Донском и Верхне-Донском округах (И. Колесов, Я. Фомин). Повстанческие отряды проводили мобилизацию населения, стараясь расширить свою социальную базу. Но на Дону продолжали действовать и небольшие отряды численностью от 6 до 70 чел., которые занимались грабежом местного населения и убийствами советских и партийных функционеров².

Переход к нэпу поставил новые, часто неразрешимые задачи перед большевиками в отношении демобилизованных красноармейцев³. Особо дерзким стало выступление И.П. Колесова, с 1918 г. сражавшегося на стороне большевиков⁴. Отряд не мог противостоять регулярным частям Красной армии, поэтому на некоторое время уходил в царицынские степи, но в мае вновь вернулся на Дон, где в июне был разгромлен⁵. Погиб и И.П. Колесов, по данным В.Я. Яценко, уже после смерти награжденный в 1922 г. за подвиги в ходе польской кампании вторым орденом Красного Знамени⁶. Он повторил судьбу разгромленных на Дону (Хопёрский округ) остатков в мае 1921 г. «рейдового» отряда Ф. Попова. Действовавший в феврале - марте в Самарской и Саратовской губерниях, он вернулся на Дон и, хотя поначалу сочувственно встречался населением, был ликвидирован в самые сжатые сроки. В

¹ ГАРО.Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 48. Л. 43

² ГАРО. Ф. Р-1174. Оп. 1. Д. 165. Л. 16.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 449. Л. 45, 46.

⁴ Осенью 1920 г. И.П. Колесов прибыв на Дон для набора новобранцев в свою бригаду, вступил в острый конфликт с местными властями, едва избежав ареста. Именно это, видимо, стало причиной его увольнения в запас. Вскоре после возвращения домой, в марте 1921 г. бывший комбриг поднял восстание против большевиков.

⁵ Яценко В.Г. Антибольшевистское повстанчество в Нижнем Поволжье и на Среднем Дону: 1918-1923. М., 2008. С. 65-67.

⁶ Партизанская и повстанческая борьба: опыт и уроки XX столетия. Саратов, 2009. С.48-58.

марте 1921 г. в ст. Вешенской поднял восстание ещё один красный рой - командир караульного эскадрона при военкомате Я.Е. Фомин. Но и этот отряд, возможно, наиболее «локальный» из всех упомянутых (а потому и наиболее продолжительно существовавший), в марте 1922 г. разгромлен частями Красной армии и ГПУ.

Восстания красных командиров на Дону не только имели большой общественный резонанс в области и на Юге России в целом, но и произвели значительное впечатление на командный состав Красной армии, а возможно, и на политическое руководство страны. Командующий Северо-Кавказским округом К.Е. Ворошилов позднее отмечал: «может быть, бандитизм не был никогда так силен, как в 1921 году на Дону весной»¹.

Разумеется, согласиться с такой оценкой невозможно. Выступления красных орденосцев на Дону весной 1921 г. по масштабу объективно не имели такого значения. Но состав их участников, вне сомнения, являлся более симптоматичным даже в сравнении с Кронштадтским мятежом. Эти «красные» выступления на Дону оказали определенное влияние на смену политического курса большевиков, ускорив переход к нэпу. Именно в силу своей специфической политической природы они показали, что в вооруженную борьбу с режимом вступают уже даже самые преданные и проверенные в боях его сторонники. Выступления красных орденосцев на Дону, поднявших оружие за своих братьев-казаков и крестьян против вчерашних однополчан-коммунистов, дали толчок второй мощной волне повстанческого движения на Юге России, отличавшейся доминантой общедемократических начал.

Активное участие красноармейцев стало особенностью повстанческого движения на Дону, что вызывало большую озабоченность областной партийной организации. На этом фоне на Кубани отмечались более редкие случаи попыток вербовки красноармейцев со стороны «бело-зеленых». Наряду с этим активное участие в повстанческом движении на Дону, как и на Кубани, принимали бывшие офицеры белой армии. Некоторую подпольную полити-

¹ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 86. Л. 1.

ческую работу вели оппозиционные партии, в том числе эсеровские группировки. Симптоматично, что вся контрреволюционная деятельность концентрировалась здесь вокруг экономических проблем первого этапа становления Советской власти - продовольственной и земельной¹. Идеология повстанцев на Дону не выходила за рамки демократических требований социалистических партий, но отличалась крайним антисемитизмом.

Всё более тревожные изменения отмечались к весне и на Кубани. Представители местных органов власти не могли разрешить общественный кризис и откровенно в этом признавались². На секретном заседании президиума облисполкома с участием председателя Кубано-Черноморской областной ЧК и начальника Особого отдела 9-й армии 13 марта 1921 г. собравшиеся признали, что органы милиции не могут эффективно противостоять повстанцам³. Поэтому руководство Кубано-Черноморья обратилось в Кавказское бюро ЦК РКП(б) с просьбой прислать отряды из числа бывших красных партизан, а также заменить местных, якобы сочувствующих казакам, кадрами из Центра России⁴. В марте 1921 г. был раскрыт антисоветский заговор в Кубано-Черноморской области⁵. В ходе следствия выяснилось, что у организаторов разработан план восстания и на территории области действовала разветвленная сеть местных ячеек⁶.

Решения о замене продовольственной модели достигли станиц к концу марта 1921 г. Первая реакция, основанная на отрицании старой развёрстки, при отсутствии понимания, что такое продналог, создала временное равновесие в противостоянии, но не ослабила военного сопротивления. Отличительной чертой в восприятии новой продовольственной политики на Юге стала положительная реакция части казачества и черкесов в отличие от крестьян Центральной России. Но большая часть населения Кубани и Дона с опасени-

¹ ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 48. Л. 43.

² ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. Л. 11.

³ ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 1. Л. 24, 24 об; ЦДНИКК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 88. Л. 5.

⁴ ЦДНИКК. Ф. 9. Оп. Доп. Д. 2. Л. 23; ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 138. Л. 24 об, 25.

⁵ ГАКК. Ф. Р-105. Оп. 1. Д. 90. Л. 20.

⁶ ГАКК. Ф. Р-105. Оп. 1. Д. 26. Л. 167.

ем относилась к новой модели продовольственного сбора. К тому же начальный этап нэпа выявил ряд серьёзных экономических и социальных противоречий: рост социального неравенства среди хлеборобов и экономическая зависимость бедняков и батраков от зажиточных слоев станиц¹.

Весной 1921 г. станицы Кубано-Черноморской и Донской областей, территории компактного проживания адыгов контролировались повстанцами. Делегат II областной партконференции П.В. Асаульченко утверждал: «Те массы, которые били Врангеля, теперь бьют коммунистов»². Отношение черкесов к советской власти было неопределенным, так как они не делали различий между Советами и ревкомом и понимали её как очередную смену диктатуры³. В этих условиях ЦК РКП(б), местные партийные органы вынуждены были спешно мобилизовать армейские части для ликвидации бело-зеленого движения⁴.

Оперативные информационные сводки ВЧК и Особых отделов воинских частей свидетельствовали о том, что хлеборобы Юга России не поддерживали советскую власть, игнорировали её экономические и политические проекты. Обращение органов власти к жителям региона начать торговлю через кооперацию не могло найти поддержки, так как подразумевало натуральный обмен под государственным контролем. Возрождение свободной торговли, по мнению большевиков, привело бы к восстановлению торгового капитала, что противоречило идеям революции⁵. И это происходило на фоне провозглашенной новой продовольственной политики.

Большевики не могли оказать существенного влияния на политическую обстановку в регионе, были вынуждены применять в основном военные, репрессивные меры. Неконтролируемая продовольственная реквизиция противопоставляла советской власти бывших союзников в лице середняков, бедняков, бывших красноармейцев. Кулачество пользовалось складывающейся об-

¹ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 205 а. Л. 5.

² ЦДНИКК. Ф. 7. Оп. 1. Д. 52. Л. 40.

³ Работа среди горцев // Красное Знамя. 1921. 17 апреля.

⁴ ЦДНИКК. Ф. 7. Оп. 1. Д. 49. Л. 6.

⁵ АОО МО г. Армавир. Ф. Р-54. Оп. 1. Д. 9. Л. 10.

становкой в южнороссийской станице¹. В станицах открыто призывали к свержению советской власти и убийству представителей власти, но идеи казаков и крестьян не имели четко очерченных политических концепций, а были основаны на принципах самосохранения. Так, повстанцы, жители ст-цы Бжедуховской изложили свои политические пристрастия следующим образом: «Мы "зеленые" русские люди ст-цы Бжедуховской. Мы ушли из юрта станицы Бжедуховской, но вернемся. Мы хотим быть защитниками русских людей» [без редактирования текста - Ю.Я.]².

На Черноморском побережье повстанческое движение получило поддержку сельского населения, которое возглавили местные атаманы и бывшие офицеры белой армии Кривоносов, Животов, Карасюк, Терещенко. В Новороссийском округе действовали повстанческие отряды общей численностью до 1 тыс. чел. На территории Туапсинского округа общее число повстанцев достигало 300 активных штыков. Признавалось, что в каждом населенном пункте Черноморского округа действовали отряды бело-зеленых³.

С весны 1921 г. регион вступил в принципиально новую фазу развития «бело-зеленого» движения, когда его активным участником стала масса местных жителей, а мелкие группы превращались в отряды и быстро множились. Весной 1921 г. в Армавирском отделе отмечены крупные соединения численностью от 300 до 400 активных штыков⁴. Ситуация была не в пользу большевиков, которые признавали ситуацию как «катастрофическую». Наибольшее количество «бело-зеленых» отрядов располагалось в районе г. Краснодара и закубанских горных станиц⁵. Своей активностью выделялась «Кубанская повстанческая армия» под руководством И.Г. Захарченко, которая действовала в районе ст. Воронежская и Кавказская. Эти отряды, часто переодетые в красноармейскую форму, своими действиями, дискредитировали Советскую власть. В отношении местного населения «бело-зеленые», как

¹ ЦДНИКК. Ф. 7. Оп. 1. Д. 53. Л. 11.

² ЦДНИКК. Ф.17. Оп. 1. Д. 325. Л. 14.

³ АОА МО г. Новороссийск. Ф. Р-9. Оп. 3. Д. 4. Л. 60. 111.

⁴ АОА МО г. Армавир. Ф. Р-45. Оп. 1. Д. 1. Л. 62.

⁵ ЦДНИКК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 325. Л. 11.

правило, не проводили противоправных действий. Но отношение населения к повстанческому движению было далеко не однозначным. Утверждение о полной поддержке со стороны казачества повстанческого движения не соответствует действительности. Отчасти это объяснялось и тем, что дислоцированные в регионе части РККА иногда провоцировали население станиц с целью выяснить, как они относятся к «бело-зеленым». Происходило это путем простого переодевания красноармейцев в гражданскую одежду и занятия ими станицы¹.

Положение в регионе становилось критическим. По состоянию на 1 мая 1921 г. в тылу 9-й Кубанской только в Ейском отделе действовало 8 отрядов численностью 930 сабель при 14 пулеметах². Особой активностью здесь отличались отряды хорунжего Шпака, подхорунжего Патоки, сотника Е. Дубины, вахмистра Долбина (Дологин), Додолбаря, полковника Пацука, сотника Зубаря, хорунжего Гриценко. Своими действиями они парализовали власть в 10 крупных станицах. В Таманском отделе зарегистрировано 7 отрядов общей численностью 530 чел. при 6 пулеметах. Действовавшие здесь отряды В.Ф. Рябокonia, Живота, Мамонтова и т.д. контролировали 12 населенных пунктов. В Краснодарском отделе - 8 отрядов численностью 510 штыков, 125 сабель при 2 пулеметах. Этот отдел отличался наличием небольших отрядов, во главе которых стояли Савицкий, Малиновский, есаул Самусь, подхорунжий Волынский, атаман Покровский, хорунжий Криворучко, Жарко, Султан-Сагат-Гирей, полковник Казанков (отряд «Спасения России»). В Майкопском отделе насчитывалось 12 отрядов общей численностью 515 чел. при 4 пулеметах. Среди повстанцев в этом отделе особенно выделялись отряды, во главе которых Маслов, Сивенко, Симоненко, Захарченко, Белоусов, Гостев, Мальцев, Славцуна, Ющенко, Москоленко, Красильников. Большую часть отрядов возглавляли бывшие офицеры белой армии. Их тактическая выучка и горная местность позволяли контролировать до 20 населенных пунктов. В

¹ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 116. Л. 2.

² ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 138. Л. 34 об, 35.

Лабинском отделе действовало 5 отрядов численностью 375 чел. (110 штыков и 265 сабель), но именно у этих отрядов было наибольшее количество пулеметов - 7. Во главе отрядов стояли казаки Козлихин, Озеров, Козловский, Ерыгин, Пономарев. Во всей Кубано-Черноморской области без учета 8 отрядов в Баталпашинском отделе было зафиксировано 50 бело-зеленых отрядов общей численностью 4 530 чел., на вооружении которых находился 51 пулемет¹. Но эти данные официального учета не отражали всей картины повстанчества. По некоторым оценкам, на территории Кубано-Черноморской области весной 1921 г. активно действовали до 200 «бело-зеленых» отрядов численностью более 4 тыс. чел.² Революционный Военный Совет 9-й Кубанской армии совместно с областным исполкомом издал секретную директиву № 693 от 7 мая 1921 г., которая предписывала взятие заложников и применение репрессий к семьям бандитов, вплоть до высшей меры наказания. Несмотря на репрессии, в течение последующих месяцев количество участников «банд», зарегистрированных Особым отделом 9-й Армии, увеличивалось. Особую активность в это время проявляли отряды М.П. Пилюка, П.А. Савицкого, полковника Серебрякова (в сумме 500 сабель, 350 штыков, 16 пулеметов)³. Наибольшую активность повстанцы проявляли в Ейском и Баталпашинском отделах. Многие отряды возглавляли казачьи офицеры. Так, в руководстве 20 отрядов «бело-зеленых» преобладали казачьи офицеры среднего командного состава, 13 отрядами командовали старшие офицеры, а в 16 отрядах командный состав неизвестен. Часть отрядов действовала весь период противостояния до их уничтожения частями РККА.

В мае 1921 г. военно-политическая обстановка в области была настолько сложной, что пришлось информировать об этом ЦК и одновременно перевести областную партийную организацию на военное положение⁴. Массовое развитие совершенно дезорганизовало власти, деятельность советских и пар-

¹ ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 138. Л. 35, 36.

² Жаркой М.Э. НЭП и карательная политика Советского государства: опыт исторического исследования практики реализации (1921-1929 гг.). СПб., 2010. С. 10, 11.

³ ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 138. Л. 3440.

⁴ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 111. Л. 3.

тийных работников, продагентов¹. Понимание всей остроты и важности проблемы в это время нашло отражение в циркулярном письме Юго-Восточного бюро РКП(б) обкомам и губкомам от 30 мая 1921 г., в котором отмечалось, что «ликвидация бандитизма и создание прочных основ существования рабоче-крестьянской власти в Донской, Кубано-Черноморской областях, Терской и Ставропольской губерниях является в данный момент основной боевой задачей всех органов власти»². Таким образом, весна 1921 г. в регионе ознаменована мощной вспышкой повстанческого движения, причем «стихия «кулацких мятежей» выявила подлинное мнение основной части населения, явившись своеобразной формой всенародного волеизъявления»³. На острие этого массового, демократического по сути движения нередко находились бывшие сторонники большевиков, среди которых, как доказано, наиболее ярко выделялись донские командиры-орденоносцы.

В силу традиционно слабой организации и размытости лозунгов, а также в связи с успешными действиями частей Красной армии и ВЧК весной 1921 г. основные отряды повстанцев на Дону были разгромлены, причем это происходило во время перехода к нэпу и замены продразверстки продналогом. Но военные части не могли предотвратить новый рост повстанческого движения. Активизация боевых действий отрицательно сказывалась на состоянии и отношении земледельцев к власти: агитации антибольшевистского содержания поддались даже бедняки, не говоря о большей части середняков.

Летом – в начале осени 1921 г. повстанческое движение достигло на Дону наибольшего развития. В это время специфика ситуации определялась именно широкой поддержкой повстанцев массой казачества и крестьянства. ДонЧК летом 1921 г. отмечал, что «при появлении банд население принимает участие в разграблении коммунистов. Кроме того, относясь к бандитизму со-

¹ ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 32. Л. 110.

² Чернопицкий П.Г. Повстанческое движение крестьян и казаков Дона в 1920-1922 гг. // Изв. вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Ростов н/Д, 1998. № 3. С. 3-12; ГАКК. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 378. Л. 6, 7.

³ Турицын И.В. Советская власть и российская пресса: проблема взаимоотношений и взаимовлияния (1921-1929 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Армавир, 1998. С. 148.

чувственно, население помогает бандам, что особенно ярко отмечено в районе ст. Романовской, Марииненской и Камышено с прилегающими хуторами». Представители местных органов власти признавали, что продовольственный кризис в регионе провоцирует контрреволюционные настроения¹. После временных весенних успехов в борьбе с повстанцами из-за продолжения военно-коммунистических практик положение на Дону вновь стало критическим. Не раз Донскую область тревожили отряды Н.И. Махно. В феврале 1921 г. они вновь ненадолго появились в Донецком округе. В июле в область вторглись уже более серьезные силы. С появлением отрядов Махно до 60% членов партийной организации были мобилизованы и переведены на казарменное положение. До начала активных действий отрядов Махно в области среди хлеборобов была проведена разъяснительная работа, и большая их часть поддержала большевиков. Лишь кулацкие элементы не поддались агитации и поддержали Махно, хотя и не явно. Округ постоянно тревожили также отряды Свеколкина, Назарова, Северякина. Отряд Назарова свою активность проявлял на территории 1-го Донского округа. Два месяца продолжались активные боевые действия, в результате разбиты отряды Свеколкина и Северякина. Большинство членов отряда Назарова скрылось в области и пополнило число дезертиров (500 чел.)².

Недолгим оказалось позитивное влияние сообщений о переходе к нэпу и на Кубано-Черноморье. Усталость населения от войны, его ожидания улучшения положения в связи с нэпом в начале благоприятным для большевиков образом отразились и на отношении к бело-зеленому движению. В летних информационных сводках 1921 г. признавалось, что появляются факты нежелания населения помогать бандитам³. Поэтому летом 1921 г. преждевременно расформирована 9-я Кубанская армия. Но, как показало развитие событий,

¹ РГАСПИ. Ф. 64. Оп. 1. Д. 131. Л. 72.

² ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 219. Л. 13.

³ ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 32. Л. 458; АОА МО г. Армавир Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 1. Л. 2; АОА МО г. Армавир. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 2. Л. 8-10.

это был поспешный шаг. Ситуация была взрывоопасной, разрозненные отряды мятежников стремились объединяться и действовать организованно¹.

На Кубани особое место в бело-зеленом движении заняло «самостийное» направление во главе с полковниками М.П. Пилюком и П.А. Савицким². «Самостийное» направление принято отождествлять с эсеровским, и считается, что отряды, выступавшие с лозунгами «За Советы без коммуны», были редким исключением для Кубани. Но этот вывод вызывает определенное сомнение. Анализ идейной платформы бело-зеленого движения свидетельствует о его общедемократическом содержании при откровенном непринятии политики большевиков³.

По мере активизации повстанческого движения росла и его самоорганизация. Предпринимались попытки перейти на формирование отрядов по принципу армейских подразделений, которые насчитывали до 7 тыс. чел. Общее руководство отводилось пожилому генералу М.А. Пржевальскому⁴. Летом 1921 г. большинство отрядов «бело-зеленых» признало главенство «Кубанской повстанческой армии»⁵. Это был период попытки консолидации и координации сил повстанцев. Первая встреча вожаков отрядов была организована в июле (ст-ца Бакинская), когда повстанческие отряды пытались

¹ Меньковский В.И., Черкасов А.А. Кубанская повстанческая армия генерала Пржевальского: попытка реванша в 1921 г. // Былые годы. Сочи, 2010. № 4 (18). С. 33.

² Проблематична принадлежность М.П. Пилюка и П.А. Савицкого к левому течению социалистов-революционеров. Документального подтверждения этого мнения нами не обнаружено. Признавая совпадение таких программных положений двух течений (самостийного и эсеровского) как созыв Учредительного собрания и решение аграрного вопроса, нельзя не видеть и различий между ними. См.: ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7. Л. 105, 130).

³ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 66. Д. 75. Л. 6. Бело-зеленые призывали объединиться всех для борьбы «с кровожадными большевиками», так как он несет «русским и главным образом крестьянам закрепощение, бесправное рабство и нищету, как в материальном, так и в духовном отношении».

⁴ Кратова Н.В. Указ. соч. С. 141.

⁵ ГАКК. Р-102. Оп. 1. Д. 9. Л. 18, ГАКК. Р-102. Оп. 1. Д. 138 Л. 60-62. Подпольная организация «Кубанское Временное Повстанческое правительство» действовала под руководством Пилюка и Савицкого, Малиновского. Идейным вдохновителем движения стал бывший товарищ председателя краевой Рады полковник П.А. Савицкий, в 1920 г. выступивший против войск Деникина и входивший в состав Казачьей секции Кубано-Черноморского областного ревкома. В 1921 г. он возглавил Политический отдел Кубанской повстанческой армии.

объединиться, вторая состоялась 23 августа близ ст-цы Гиагинской, где приняли решение о захвате областного центра г. Краснодара.

На протяжении лета 1921 г. на Юге России имели широкое хождение слухи о белом десанте, вызвавшие активизацию «бело-зеленого» движения. Протестное движение, которое большевики характеризовали как бандитизм, нарастало, что требовало принятия решительных ответных мер. Органы власти осуществили акции, связанные не только с силовым давлением, но и к подрыву социальной базы движения. В крестьянских семьях, где отсутствовали мужчины, проводилась конфискация имущества, продовольствия и сельскохозяйственного инвентаря.

В этих условиях летом 1921 г. на территорию Кубано-Черноморья были введены части 1-й Конной армии и одновременно издано Положение «О военных совещаниях по борьбе с бандитами в Донской, Кубано-Черноморской, Ставропольской и Терской губерниях» от 19 июля 1921 г. Центральная межведомственная комиссия по борьбе с бандитизмом рекомендовала создавать комитеты бедноты, что свидетельствовало о сложности обстановки в регионе, но эта мера не была реализована. Для координации борьбы с новыми угрозами на Юго-Востоке было создано Краевое военное совещание под председательством командующего Северо-Кавказского военного округа К.Е. Ворошилова¹.

Руководители региона сделали ставку на сочетание жесткого подавления любых проявлений протеста и поощрения лиц, отказывавшихся от сопротивления. 26 июля 1921 г. Военное совещание Кубано-Черноморской области объявило о начале очередной амнистии участников бело-зеленых формирований, которая распространялась и на дезертиров из РККА и лиц, бежавших из концлагерей. Своим приказом от 4 августа 1921 г. оно также обязало местные земельные органы обеспечить сдавшихся земельными участками и инвентарем². В обращении к повстанцам Кубано-Черноморский исполком

¹ Буденный С.М. Пройденный путь. М., 1959-1965. Кн. 1-2.

² ГАКК. Ф. Р-138. Оп. 2. Д. 668. Л. 7.

обещал вернувшимся до 1 сентября к мирному труду, что они будут пользоваться правами граждан республики¹. Впрочем, данная политика, делавшая ставку на «средняцкие элементы» крестьянства и санкционированная властями, была непоследовательной, сопровождалась многочисленными проявлениями репрессий. В ряде случаев местные правоохранительные органы шли на фабрикации дел, невыполнение достигнутых договоренностей. Ярким примером может служить знаменитое дело «князя Ухтомского, полковника Назарова и эсера Вишнякова»², связанное с вскрытыми донскими чекистами мифических организаций³ - «Армии спасения России» и «Южного Донского военного округа».

В то же время власти имели все возможности для того, чтобы договориться с казаками. Наряду с арестами в Ростове-на-Дону, Особым отделом СКВО в июле 1921 г. организованы плодотворные переговоры с реальными лидерами потенциальных донских повстанцев, в ходе которых казаки в обмен на амнистию решили сложить оружие, что и начало реализовываться. При Особом отделе был создан специальный «главный штаб ликвидации повстанческого движения» во главе с начштаба СКВО Тишковским, в который вошли наиболее авторитетные лидеры казаков - Миронов, Антонов, Сыроватский. На местах действовали районные штабы. В итоге, чтобы «обойтись без кровопролития, а все вопросы решать коллективно на съезде»⁴, командование СКВО (заместитель командующего С.М. Буденный) и руководство ВЧК (полномочный представитель ВЧК на Юго-Востоке России Г.А. Трушин) провели съезд в ст-це Елизаветинской, для участия в котором прибыли не 63 намеченных делегата, а порядка 7 тыс. казаков (в том числе женщины,

¹ ГАКК. Ф. Р-686. Оп. 1. Д. 4 а. Л. 5.

² Известия ВЦИК. 1921. 3 августа. На деле за известными именами имевшего смутное представление об этих организациях генерала Ухтомского и объявившего себя «полковником Назаровым» самозванца стояло лишь желание организовать громкий политический процесс с привязкой к нему и эсеров. В реальности князь Ухтомский стал лишь знаменем для действительно стоявших на грани восстания казаков ряда донских станиц (Елизаветинской, Егорлыкской и др.).

³ Кислицын С.А., Кириченко А.С. Указ и шашка. Политическая власть и донские казаки в XX веке. Ростов н/Д, 2007. С. 275.

⁴ Дон и Северный Кавказ в период строительства социализма. Ростов н/Д, 1988. С. 66.

старики и дети). Съезд доказал наличие взаимопонимания, повстанцам выдали удостоверения об амнистии. Но под предлогом учений уже 24 июля в «районы, охваченные повстанческим движением», ввели части ВЧК. Как следствие, 26 июля в Особый отдел СКВО поступила «Народная грамота», принятая на «Совещании всех представителей Задонья и Кубани. 26 июля 1921 г.», в которой, соглашаясь на переговоры, казаки писали: «Мы не хотим кровопролития. Но не сдадим оружия до тех пор, пока Вами и Вашими представителями не будет подписано мирное условие... и когда вы всенародно объявите уступки, удовлетворяющие желание народа». В этой связи в августе на местах проводились массовые собрания (переговоры), по итогам которых повстанческий актив помог снять остроту противостояния и начать разоружение населения. Но в ночь на 19 августа по приказу Тишковского проведены массовые аресты. По приговору чрезвычайной тройки ВЧК расстреляли 56 чел., а 18 отправили в концлагеря¹.

Это происходило в разгар объявленной большевиками амнистии. В итоге, несмотря на объявленную амнистию и другие меры, это не привело к полной ликвидации «бело-зеленого» движения. Летом 1921 г. в новую стадию перешло донское повстанческое движение. Причина его активизации - сохранение мер «военного коммунизма» в рамках объявленной новой продовольственной политики. «Бело-зеленые» отряды на Дону были не столь многочисленны, но столь же активны, как на Кубани. Их активность была столь высокой, что в резолюции IV Донской областной конференции РКП(б) 7 августа 1921 г. борьба с бандитизмом называлась «одной из ударных задач момента»².

Активность повстанцев мобилизовало все антибольшевистские силы Кубани. Подполье белого движения и «бело-зеленые» смогли объединиться под командованием генерала М.А. Пржевальского (псевдоним – Марченко).

¹ Боранова Г.Н. Авантюра Лагутина // Донской временник. Ростов н/Д, 2006. URL: <http://www.donvrem.dspl.ru/> (дата обращения: 27.03.2020).

² Кислицын С.А., Кислицына И.Г. История Ростовской области (от земли Войска Донского до наших дней). Ростов н/Д, 2007. С. 152.

Одновременно повстанцы качественно улучшили военно-техническое оснащение, численный состав и тактику действий и прекратили насильственное изъятие продовольствия у населения¹. РКП(б) считала это тактическим приемом повстанцев и допускала возможность руководства из заграничного центра.

Знакомство с документами показывает, что формирование армии М.А. Пржевальского, которое происходило в районе Горячего Ключа, всё же шло при довольно низкой активности населения. Попытки мобилизации мужчин призывного возраста не увенчались успехом, прибыло лишь 120 добровольцев. Армия насчитывала 730 чел. при 10 пулеметах², в августе она начала наступление на Краснодар³. Отмеченные процессы встревожили власть. 2 сентября 1921 г. краевое военное совещание приняло решение о выселении семей повстанцев в северные районы страны с конфискацией имущества, о заложничестве и применении массовых расстрелов.

Доминирующим вектором развития вновь стало революционное насилие над местным населением. Директива крайвоенсовещания, командующего СКВО К.В. Ворошилова от 1 сентября 1921 г. свидетельствовала о начале полномасштабной военной операции. Операции регулярных частей РККА против «бело-зеленых» дополнялись карательными мерами. В ходе операций осенью 1921 г. были арестованы руководители подпольного штаба «Донской повстанческой армии» Абрамов и Шомполонский. На Нижнем Дону оставалось 215 активных штыков. В Верхнедонском и Донецком округах отряда Фомина и Кондратьева достигла 220 чел. Активизация ряда отрядов осенью 1921 г. не получила широкой поддержки со стороны казачества. Впоследствии отряды Фомина и Кондратьева были разбиты.

Руководство Кубано-Черноморской областной партийной организации ситуацию оценивало так: «Мы вынуждены были принять жесточайшие и

¹ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 111. Л. 1.

² Шейдеман Е.С. Ликвидация повстанческой армии ген. Пржевальского // Война и революция. 1929. № 11. С. 131.

³ АОА МО г. Новороссийск. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 44. Л. 208.

беспощадные меры к уничтожению контрреволюционного настроения... Мы вынуждены были подвергнуть ряд станиц сожжению... Мужчин отправить в концентрационные лагеря»¹. Репрессии, которые активно применялись в отношении казачества, весьма широко использовались и против горского населения.

Последняя серьезная организованная военная кампания «бело-зеленых» в противостоянии с советской властью завершилась провалом при попытке 17 сентября 1921 г. овладеть г. Краснодаром «Второй Кубанской повстанческой армией». Бело-зеленые отряды Закубанья представляли ещё серьёзную силу (2 400 штыков и 4 800 сабель при 111 пулеметах), но противостоять регулярным частям 1-й Конной армии и 22-й стрелковой дивизии под командованием С.М. Буденного повстанцы не могли². В свете истории повстанческой армии Пржевальского, а также иных подобных формирований Н.В. Кратова, работа которой насыщена богатым фактическим материалом и очень ценна (выявлена динамика повстанчества, структура крупнейших отрядов 1921 г.)³, справедливо выделяет для 1921 г. «тенденцию перехода от иррегулярной системы к армейской» в связи с образованием крупных отрядов, которые «по своей организационной структуре являлись переходным звеном от отрядной системы к войсковой»⁴. Но вряд ли можно безоговорочно согласиться с её выводом о том, что возникновение крупных объединений повстанцев революционизирует всю округу, в связи с тем, что сразу растет и численность повстанцев, и численность отрядов⁵. Это, скорее, абстрактный тезис, не подтверждённый источниками.

¹ ЦДНИКК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 152. Л. 6.

² Без грифа «секретно» из истории органов безопасности на Кубани. Очерки, статьи и документальные повести. Краснодар, 2008. Кн. 3. С. 32-35. По мнению советских исследователей, осенью 1921 г. был нанесен решительный удар по контрреволюционным силам Кубано-Черноморской области, а к ноябрю ликвидированы крупные отряды на Дону. См.: Мухачев Ю.В. Идеино-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР. М., 1982. С. 158.

³ Кратова Н.В. Повстанческое движение на Кубани и в Пятигорье в начале 20-х годов XX века. Ростов н/Д, 2012. С. 83-87.

⁴ Там же. С. 82.

⁵ Там же. С. 63-65.

На примере действий армии М.А. Пржевальского мы, напротив, полагаем, что факт появления таких соединений является отражением роста протестных настроений населения. Но такие относительно крупные отряды сразу привлекали к себе повышенное внимание и быстро ликвидировались. В то же время жизнь более мелких отрядов чаще всего была гораздо более продолжительной.

Разгром армии Пржевальского не уничтожил повстанческого движения. Вместе с тем курс на прямое подавление повстанческого движения, как и на использование армии для взимания продналога и продразверстки, доминировал. В сентябре 1921 г. принято решение Кубано-Черноморского обкома РКП(б) о вводе подразделений 1-й Конной армии в населенные пункты области, не выполнившие план сбора продовольствия. Военным предоставлялось право брать в заложники членов семей повстанцев. С 20 сентября по 1 ноября 1921 г. в ходе активных действий частей Красной армии расстреляно 3 112 жителей Кубани¹. Исполком ст-цы Саратовской предоставил списки казаков, сочувствующих и оказывающих помощь «бело-зеленым» в количестве 12 чел., которых в последующем расстреляли. Аналогичное действие произошло в ст-це Бакинской, где расстреляли 27 чел.² С октября 1921 г. в условиях тотального террора появляются первые незначительные успехи по стабилизации обстановки, являвшиеся именно результатом действия «троек» и «пятерок» по борьбе с «бело-зелеными». В ходе осенней антиповстанческой кампании органы РККА и ВЧК продолжали активно совершенствовать систему репрессий, применяя заложничество, выселения, конфискацию имущества. Но все же, несмотря на поражения, «политический бандитизм» находил новую подпитку, порождая дальнейшие чрезвычайные меры. Отряды под руководством Захарченко, М.П. Пилюка, Колесникова, бывших офицеров Салова и Устинова активно вовлекали в «бело-зеленое» движение даже несо-

¹ История Кубани XX век: очерки / под ред. В.Е. Щетнева. Краснодар, 1998. С. 40.

² ЦДНИКК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 32. Л. 3.

вершеннолетних¹, использовали местное население для распространения сведений о скорой высадке союзников с целью дестабилизации обстановки в области².

Особенностями «политического бандитизма» на Кубани и Черноморье были активное участие в нем бывших офицеров Белой армии, руководство с их стороны вооруженными формированиями и сочувственное отношение к ним казачества. Вместе с тем утверждение, что протестные выступления были преимущественно результатом политического противостояния, на наш взгляд, не выдерживают критики. Важнейшей составляющей протеста стала прежде всего неумелые действия представителей Советской власти, не учитывавших особенности региона и населения, в первую очередь, в сфере продовольственной политики. Осенью 1921 г. наиболее трезвомыслящие большевики признали, что многие конфликты были спровоцированы.

В национальных автономиях повстанческое движение обрело свои особенности, но оно принципиально не отличалось от общего идейного содержания по Югу России. Так, в Адыгее бело-зеленые отряды, состоявшие из местного населения (черкесов), не имея четких политических взглядов, в своих действиях руководствовались тем же бунтарским противостоянием политике большевиков.

В целом для Кубани и Дона это было еще очень тревожное время. В связи с усилением осенью 1921 г. борьбы с бандитизмом на Украине наметился отток членов разгромленных банд в Донецкую губернию, Орловскую область, на Дон и Кубань. Связанное с этим осложнение обстановки отмечалось на центральном уровне (в том числе председателем ВЧК Ф.Э. Держинским)³. В этой связи способы умиротворения региона оставались преимущественно силовыми. Так, в письме И.С. Уншлихту, написанном между 26 и 31

¹ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 115. Л. 3.

² АОА МО г. Новороссийск. Ф. Р-24. Оп. 1. Д. 24. Л. 2.

³ ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 5. Д. 510. Л. 174.

января 1922 г., В.И. Ленин предписывал: «Малейшее усиление бандитизма должно влечь военное положение и расстрелы на месте»¹.

Местные командиры повстанцев для поддержания боевого духа брали имена активных участников белого движения². Региональные власти с конца 1921 г. стали применять новую тактику, формируя крестьянские отряды самообороны, поощряя добровольную сдачу повстанцам оружия. Органы ВЧК стали внедрять своих агентов в отряды бело-зеленых для ведения разведки и пропаганды³. Зима 1921-1922 гг. стала переломной в противостоянии, численность «бело-зеленых» на Кубано-Черноморье уменьшилась с 5 до 3 тыс. штыков и сабель⁴. Репрессивные методы, активно применявшиеся при усмирении региона, позволили большевикам добиться поставленной задачи. Кроме этого советские и партийные органы вынуждены были применять такие компромиссные решения, как добровольная сдача оружия повстанцами⁵.

Органы милиции в 1921-1922 гг. оставались дезорганизованными и неспособными противостоять антиправительственным силам⁶. Особо тяжелое положение сложилось в Черноморском округе, где в штате числилось всего 98 милиционеров⁷. В этой связи утверждение Я.В. Полуяна и А.К. Аболина о полном разгроме «бело-зеленых» формирований с помощью местной милиции не соответствовало действительности, как и их данные о 110 тыс. повстанцев в 1921 г. и о 50 тыс. чел. в 1922 г.⁸ В начале 1922 г. на Кубани и закубанских территориях было учтено 95 повстанческих отрядов, насчитывающих до 5 500 чел. В основном это были относительно небольшие отряды,

¹ Ленин В.И. Из письма И.С. Уншлихту // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 144.

² АОА МО г. Новороссийск. Ф. Р-24. Оп. 1. Д. 42. Л. 3

³ Баранов А.В. Повстанческое движение казачества и крестьянства на Северном Кавказе в условиях становления нэпа (1921-1922 гг.) // Кубань: 1920-е годы: сб. науч. тр. Краснодар, 1997. С. 35.

⁴ ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 32. Л. 456.

⁵ Красное знамя. 1922. 5 марта.

⁶ АОА МО г. Армавир. Ф. Р-45. Оп. 1. Д. 16. Л. 2.

⁷ АОА МО г. Новороссийск. Ф. Р-24. Оп. 1. Д. 22. Л. 12.

⁸ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 205 а. Л. 31.

проявлявшие сезонную активность¹. Вожак приазовских повстанцев В.Ф. Рябонь собрал под своим командованием 100 чел. и присвоил отряду наименование «Партизанский отряд особого назначения»². В это время началось восстановление разбитой в сентябре 1921 г. «Кубанской повстанческой армии» М.А. Пржевальского. «Бело-зеленые» группировки действовали практически во всех отделах области, из которых выделялись отряды Е. Дубины, Белого-Рутецкого, Святки, Нелюбы³. В Ейском отделе большевики с целью устрашения населения и повстанцев провели репрессии «красный коток»⁴.

Хотя постепенное утверждение нэпа и усиление большевиков на местах летом 1922 г. уменьшили масштабы повстанчества в регионе, оно имело место. Н.В. Кратова, определяя численность повстанцев, приходит к выводу, что в Кубано-Черноморской области в июне 1922 г. действовали 27 отрядов численностью 320 штыков и 461 сабля с 29 пулеметами⁵. Летом 1922 г. небольшие отряды избегали прямых боестолкновений с регулярными частями Красной армии⁶.

Завершение военно-политического противостояния и ликвидацию «политического бандитизма» на Дону следует отнести к весне - лету 1922 г. Уже в марте 1922 г. члены Донкома РКП(б) утверждали, что среди сельского населения антисоветских настроений не наблюдается и политический бандитизм изжит⁷. По заявлению отдела борьбы с бандитизмом при ДонГПУ, политический бандитизм ликвидирован летом (в июле) 1922 г. В 1922 г. большевики уже уверенно контролировали станицы, но небольшим отрядам повстанцев были подконтрольны многие хутора. Факт распределения сфер влияния признавали и сами большевики, рассматривая его в основном как ре-

¹ АОА МО г. Новороссийск. Ф. Р-24. Оп. 1. Д. 25. Л. 35; АОА МО г. Армавир. Ф. Р-45. Оп. 1. Д. 6. Л. 17.

² Хрестоматия по истории Кубани / науч. ред. В.В. Касьянов. Краснодар, 2015. С. 205.

³ Янчевский Н.Л. Гражданская борьба на Северном Кавказе. Ростов-на/Д, 1927. Т. 2. С. 154-155.

⁴ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 204. Л. 1.

⁵ Кратова Н.В. Указ. соч. С. 50-51.

⁶ АОА МО г. Новороссийск. Ф. Р-24. Оп. 1. Д. 25. Л. 21.

⁷ ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 104. Л. 3.

зультат непрофессионального поведения коммунистов, не желавших нести должной ответственности за порученное дело. По мнению местной партийной организации, большая часть повстанцев на Дону представлена крестьянами Воронежской и Тамбовской губерний. Казаки уже отрицательно относились к вооруженным отрядам. Но, по мнению коммунистов, политический бандитизм не только являлся результатом их политики, но и коренился в самом укладе жизни и психологии казаков¹.

С весны 1922 г. вооруженная борьба с советской властью устойчиво идет на спад. Летом 1922 г. военно-политическая обстановка в Юго-Восточном крае в основном находилась под устойчивым контролем органов власти. Нельзя не видеть и устойчивой положительной динамики борьбы с бандитизмом, о которой красноречиво свидетельствовало решение о ликвидации Донского и Кубано-Черноморского военных совещаний с 1 июля 1922 г. (при сохранении Северо-Кавказского краевого военного совещания).

Тем не менее проявления политического бандитизма еще имели место. Не случайно новый секретарь Юго-Восточного бюро ЦК А.И. Микоян в конце июля 1922 г. на Пленуме Донского комитета РКП(б) признавал наличие активного политического бандитизма².

По некоторым данным, в сентябре сложили оружие 12 руководителей и 100 активных участников повстанческого движения. В течение 1922 г. на Юге ликвидированы 26 и «рассеяны» 19 повстанческих отрядов³. К осени 1922 г. Кубань и Дон можно было считать в основном умиротворенными. Безусловно, население, уставшее от войны, задавленное жесточайшими репрессиями, всё менее активно поддерживало повстанцев. С другой стороны, антиправительственные выступления крестьян и казаков оказали определяющее влияние на большевиков при выборе нэпа. Следующим компромиссом стало принятие Земельного кодекса РСФСР, подтвердившего сложившийся

¹ ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 73. Л. 16.

² Микоян А.И. На Северном Кавказе // Новый мир. 1973. № 7. С. 196.

³ Трифонов И.Я. Классовая и классовая борьба в СССР в начале нэпа (1921-1923 гг.). Ч. 1: Борьба с вооруженной кулацкой контрреволюцией. Л., 1964. С. 241; АОА МО г. Армавир. Ф. Р-45. Оп. 1. Д. 4. Л. 4-8.

порядок землепользования в южных регионах. Уже с рубежа 1921-1922 гг., наряду с силовыми методами, в регионе все более применялись экономические и агитационные пропагандистские мероприятия¹.

Но проблема мятежей сохранялась. Так, 5-я Кубано-Черноморская областная партийная конференция (декабрь 1922 г.) выдвинула две основные задачи - аннулирование кабальных сделок между бедняками и зажиточными казаками и борьбу с бандитизмом, «бело-зелеными». Несмотря на бытующее мнение, не большевистская пропаганда стала причиной прекращения повстанчества. Повстанцы продолжали сопротивление по мере возможности, предпочитая погибнуть, но не сдаваться².

Политический бандитизм, как называли большевики антисоветские выступления казаков, в 1922 г. в основном изжит. Секретарь Юго-Восточного бюро А.И. Микоян в начале 1923 г. констатировал, что установление порядка и ликвидация «политического бандитизма» в крае относятся к концу 1922 г.³ Но он вырождался в бандитизм уголовный.

В Черкесской (Адыгейской) автономной области, образованной Постановлением ВЦИК от 27 мая 1922 г., активное противостояние с бело-зелеными отрядами продолжалось до 1922 г.⁴ Как следствие, этот период в Черкесской (Адыгейской) автономной области характеризовался устойчиво высоким уровнем бандитизма, проявлениями «деникинщины» и уголовными преступлениями. Рост активности местных бело-зеленых отрядов приходился на сентябрь - октябрь, когда завершались полевые работы, но еще не наступали холода. Периодически ситуация существенно осложнялась. Комиссию по борьбе с бандитизмом возглавил председатель облисполкома Ш.-Г.У. Хакурате⁵. Действия комиссии вызывали нарекания как со стороны адыгского,

¹ Семёнов А.А., Щербинин С.А. Власть и население Северного Кавказа в период гражданской войны и НЭПа (1917-1925). Славянск-на-Кубани, 2008. С. 109.

² АОО МО г. Новороссийск. Р-9. Оп. 1. Д. 26. Л. 82-82 об; ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 205 а. Л. 5 об.

³ Известия Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б.). Ростов н/Д, 1923. № 2. С. 6.

⁴ НАРА. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 1. Л. 5; НАРА. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 87. Л. 58.

⁵ НАРА. Р-8. Д. 56. Оп. 1. Л. 31.

так и русского населения, которые обвиняли друг друга в поддержке «бело-зеленых». Довольно крупные банды, в основном занимавшиеся конокрадством, в области активно действовали до 1925 г. Но не представляется возможным установить точное количество совершенных преступлений из-за отсутствия статистических данных и реорганизации областного уголовного розыска. Неполные статистические данные свидетельствуют о том, что 50% преступлений в течение 1924 г. не были раскрыты, но преступлений по ст. 57-73 УК РСФСР (контрреволюционная деятельность) и ст. 75, 78, 82-84 (массовые беспорядки) в автономии зафиксировано не было. Наибольшее беспокойство здесь по-прежнему вызывал рост преступлений, связанных с конокрадством¹. Остатки «бело-зеленых» отрядов, выродившиеся в уголовные банды, по-прежнему получали довольно значительную помощь от черкесов².

Постепенно нэп и нормализация жизни давали реальные результаты. Тем не менее «политический бандитизм» сохранялся и после 1922 г. Впрочем, существующая статистика, как и подсчеты исследователей, весьма противоречивы. По данным Н.В. Кратовой, в начале 1923 г. на Кубани насчитывалось всего несколько немногочисленных отрядов (около 25 сабель) сотника Нелюбы - 13 чел. (из «жуковцев»), банда в 5 чел. у Рябокonia, и 7 чел. у хорунжего Козлова (из «беловцев»)³. Но этот же автор далее фиксирует в начале 1923 г. 9 отрядов - 69 штыков, 51 сабля при 6 пулеметах⁴.

Обращаясь к Дону, мы видим в 1923 г. в основном только уголовный бандитизм. Но его масштабы были весьма значительны. В феврале - марте 1923 г. по указанию Донисполкома был даже объявлен «ударный месячник по борьбе с уголовным бандитизмом». В кампании, проходившей под контролем ОГПУ и при участии уголовного розыска, милиция, которая организовала патрулирование и охрану особо важных объектов, сыграла довольно

¹ НАРА. Р-8. Д. 144. Оп. 1. Л. 232.

² НАРА. Ф. Р-1. Оп.1. Д. 110. Л. 27.

³ Кратова Н.В. Повстанческое движение на Кубани и в Пятигорье в начале 20-х годов XX века. Ростов н/Д, 2012. С. 50, 51.

⁴ Кратова Н.В. Указ. соч. С. 77.

заметную роль благодаря проведению массовых облав. Большой вклад в борьбу с бандитизмом внес действовавший в окрестностях г. Ростова-на-Дону специально созданный конный отряд милиции¹.

Отмечая усилия милиции и уголовного розыска в борьбе с бандитизмом, нужно признать, что решающая роль в борьбе с бандитизмом с 1922 г. все более переходила к структурам ОГПУ. Эта прерогатива была закреплена за данным ведомством не просто серией нормативных актов², но и конституционно (борьба «с политической и экономической контрреволюцией, шпионажем и бандитизмом»)³. Ведущая роль ОГПУ стала тем более очевидной, что с 1923 г. милиция была переведена на местный бюджет и утратила статус единой общегосударственной структуры. Кроме того, органы милиции переживали острый кадровый дефицит из-за низкой заработной платы⁴.

Летом 1923 г. для ликвидации банд во 2-м Донском округе было специально выделено 3 отряда. Лишь один из них вернулся безрезультатно. Один отряд 4 июня 1923 г. у ст-цы Разинской обнаружил банду в 20 сабель, «между которой и отрядом произошел бой, результатом которого со стороны банды было убито 3 и ранено 2». Другой обнаружил банду в 12 сабель в районе ст-цы Суворовской, но смог ее только «обстрелять», поскольку организовать преследование не позволила усталость лошадей⁵. В связи с осложнением ситуации 2 ноября 1923 г. постановлением Малого Совнаркома РСФСР было введено исключительное положение в Кубано-Черноморской области⁶.

Характеризуя политическую ситуацию в регионе, отметим, что и в 1923-1924 гг. большевики с трудом находили поддержку у местного населения. Большевики пренебрегая объективно сложившимися условиями, про-

¹ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 42. Д. 29. Л. 49, 50.

² Положение о Государственном политическом управлении НКВД (утв. Постановлением ВЦИК от 06.03.1922) // Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Сб. документов. Январь 1922 - декабрь 1936. М., 2003. С. 15-17.

³ Конституция СССР 1924 г. // Систематическое собрание действующих законов СССР. М., 1926. Кн. 1.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 23 а. Д. 424. Л. 27.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 23 а. Д. 426. Л. 15.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 29. Д. 343. Л. 2.

должали использовать методы периода военного коммунизма. Казаки крестьяне и горцы устали от боевых действий, испытывали серьезные материальные затруднения, хотели, но не могли смириться с существующим политическим порядком. Перспективы повстанцев определялись во многом уровнем поддержки со стороны казаков, крестьян и горцев¹.

Непрофессионализм партийных и советских аппаратных работников в вопросах сбора продовольствия, землеустроительных работ, откровенно антиказачья политика большевиков провоцировали население на антигосударственные выступления. Многие советские, партийные и хозяйственные работники пользовались возможностью обогатиться, вызывая недовольство населения², что выступало объективным фактором сохранения противостояния власти и земледельцев³.

Несмотря на общую стабилизацию в регионе, как и в стране в целом, отдельные остаточные явления «политического бандитизма» фиксировались и в середине 1920-х гг. К этому времени части РККА создали сеть осведомителей и разведывательную агентуру⁴. По некоторым данным, в 1924 г. в РСФСР органами правопорядка зафиксировано наличие 260 действующих банд⁵. В 1924 г., во время первого экономического кризиса нэпа, на Кубани зафиксированы активные действия бывших участников отряда В.Ф. Рябоконея в Славянском районе. В Каневском районе в это время активизировался отряд казака Белоуса. Численность этих отрядов не превышала 12 чел. Всего же, по данным ОГПУ, в Северо-Кавказском крае в 1925 г. имелось 7 банд политического характера, причем самая большая насчитывала 4 чел.⁶ Банды, в основном совершавшие уголовные преступления, даже отдаленно не представляли прежней угрозы. И это питало безусловный оптимизм власти, кон-

¹ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 116. Л. 1; АОА МО г. Армавир. Ф. Р-45. Оп. 1. Д. 17. Л. 7.

² ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 214. Л. 7. АОА МО г. Армавир. Ф. Р-87. Оп. 1. Д. 4. Л. 6.

³ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 179. Л. 116.

⁴ АОА МО г. Армавир. Ф. Р-45. Оп. 1. Д. 10. Л. 6, 93.

⁵ Криминология / А.А. Герцензон, В.К. Звирбуль, Б.Л. Зотов и др. М., 1968. С. 109.

⁶ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 215. Л. 68.

статировавшей, что бандитизм, носивший политическую окраску, совершенно исчез, а действовали бандитские шайки исключительно «из туземцев»¹.

На наш взгляд, эти оценки не вполне соответствуют действительности. Элементы социального насилия с элементами политической составляющей сохранялись до 1926 г. Именно к этому времени, на волне курса «Лицом к деревне», произошло подлинное умиротворение региона. В частности, подтверждением поражения бело-зеленых было решение окружных партийных организаций о ликвидации оружейных комнат в районных комитетах РКП(б). Вооруженный политический протест для станиц остался в прошлом. Имея возможность легального выражения своего мнения (в ходе выборов в Советы, в письмах), население полностью сосредоточилось на вопросах хозяйственного развития. Население региона стало относиться «с уважением» к выборам в Советы². Власти в основном теперь заботились о вопросах поддержания текущего правопорядка. В этой связи дополнительные ассигнования Северо-Кавказскому крайисполкому СНК теперь выделял лишь на охрану курортов (51 753 р. в 1926 г.)³.

Впрочем, уже вскоре обстановка вновь осложнилась. В связи с новым поворотом партийного курса, связанным с переходом к форсированному строительству социализма, с 1927 г. в крае существенно активизировалась административная высылка «неблагонадежного элемента». Так, в ходе борьбы с «политическим бандитизмом» в ст-це Темижбекской Майкопского округа в 1927 г. за пределы Северо-Кавказского края выселены около 40 «пособников» банд⁴. Отличительной чертой нового периода стал не столько протест населения, настроения которого находили отражение в основном в обычных высказываниях критического содержания, сколько существенно возросшая репрессивная активность органов ОГПУ. Обычной практикой стали массовые «изъятия» активных оппозиционных элементов станицы нака-

¹ АОА МО г. Армавир. Ф. Р-45. Оп. 1. Д. 15. Л. 2.

² АОА МО г. Армавир. Ф. Р-45. Оп. 1. Д. 15. Л. 2.

³ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 66. Д. 142. Л. 10.

⁴ ЦДНИКК. Ф. 2816. Оп. 1. Д. 492. Л. 17.

нуне выборов в Советы. Отметим также работу ОГПУ в армии, где с начала 1928 г. ОГПУ начало осуществлять постоянную фиксацию «крестьянских настроений»¹.

Действия властей были тем более успешны, что к концу 1920-х гг. на местах созданы опиравшиеся на актив и довольно эффективно работавшие властные структуры. Это обеспечивало эффективный контроль, позволявший оперативно выявлять и ликвидировать любые формы сопротивления. Типичный пример такого рода действий местного актива приведен, в частности, в сводке о политическом положении на Дону (№ 7 за июль 1929 г.). В ней отмечалось, что, когда председатель Кололовского сельсовета сообщил уполномоченному ОГПУ по Обливскому району, что через хутор «проследовали три вооруженных неизвестных», последним немедленно была создана группа из 6 чел. В итоге оперативно организованного преследования бандитов догнали. В перестрелке 1 из них был убит, 2 арестованы². Тем не менее политические банды вновь стали реальностью. На 1 августа 1929 г. на учете состояли: в Армавирском округе - банда Козлова (2 чел.) и неустановленная (6 чел.), в Черноморском округе - банда Лысакова³. В 1929 г. пришла информация об открытом ОГПУ «Крестьянском Союзе» на Кубани⁴. В то же время население в основном лишь вербально выражало недовольство новым политическим курсом. Отдельные выступления были стихийными, неорганизованными. По оценкам И.Е. Романько, в 1928 г. «в крае не было зафиксировано единого фронта народного возмущения, очаги напряженности возникали стихийно и разрозненно»⁵. На новом этапе роста напряженности в кубанской и донской станице население уже не могло что-то противопоставить организованному и эффективно работавшему репрессивному аппарату. Таким обра-

¹ Антигосударственный бунт и негосударственная самоорганизация трудящихся: теория и практика. Омск, 1998. С. 24, 31.

² ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 83. Д. 16. Л. 1.

³ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 83. Д. 16. Л. 2.

⁴ Данилов В.П. Коллективизация сельского хозяйства в СССР // История СССР. 1990. № 5.

⁵ Романько И.Е. Крестьянские волнения на Северном Кавказе (1928-1930 гг.): предпосылки и динамика развития: дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2009. С. 21.

зом, массовое вооруженное казачье-крестьянское сопротивление 1920-1922 гг., явившееся важным фактором, заставлявшим большевиков переходить к реализации новой экономической политики, удалось преодолеть лишь на основе последовательного проведения принципов нэпа как в экономической, так и в политической («Лицом к деревне») сферах. Жестокие репрессии обеспечили ликвидацию массового повстанчества, в 1923 г. уже снятого с политической повестки дня. Но проявления политического бандитизма имели место и в 1923-1925 гг., периодически привлекая к себе внимание на самом высоком уровне.

Лишь политический курс «Лицом к деревне» позволил общественному протесту найти легальное выражение, исключавшее военное сопротивление власти. Но передышка оказалась недолгой. Уже с конца 1926 г. большевики перешли к превентивным репрессиям, позволившим им существенно ограничить масштабы новой волны вооруженного сопротивления в условиях масштабных преобразований конца 1920-х гг.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Опыт нэпа остается востребованным и требует всестороннего изучения с учетом современных реалий российского общества. Проблемы переходного периода и установления диалога между властью и обществом с целью формирования социальной базы реформ 1920-х гг. требуют нового подхода в изучении исторического опыта. В современных условиях доступность, открывшихся фондов 1920-х гг., накопленный опыт исследователей дают возможность объективно оценить процесс формирования диалога между властью и обществом в различных сферах политической и экономической деятельности в годы нэпа. Именно их содержание в конечном итоге и предопределило судьбу нэпа. Анализ взаимодействий власти и крестьянства (казачества) Юга России в 1920-х гг. актуализирует интерпретацию социально-экономических, социально-сословных процессов российской деревни в переходный период.

Ставка большевиков на бедняцкие слои крестьянства и казачества не оправдала себя и не обеспечила потребности государства в продовольствии. Налоговые кампании выполнялись только за счет применения репрессивных мер, что возвращало продовольственную политику большевиков к практикам эпохи военного коммунизма. Эти противоречия особо явно проявлялись в южнороссийской станице, в основе которой были принципы общинного самоуправления с высоким уровнем развития товарности индивидуального крестьянско-казачьего хозяйства, которые были поставлены в ограничительные рамки конфискационной политики большевиков. В итоге, установив к 1928 г. контроль над заготовками продовольствия, государство перешло к огосударствлению аграрной сферы и открытому противостоянию с «казачьей» самобытностью, том числе, под предлогом классовой борьбы с кулачеством. Зажиточная часть крестьянско-казачьей массы Кубани и Дона была подчинена государственному диктату посредством легитимных и внеправовых мер. Их функции по хозяйственному взаимодействию с бедняком и се-

редняком были замещены государственными программами по созданию коллективных хозяйств, которые выступили в качестве принудительных форм организации взаимодействия власти и крестьянства.

Развернутая землеустроительная кампания была призвана разграничить и уравнивать в земельных правах население, в том числе в южнороссийском регионе, ликвидировать крупные земельные общины и способствовать образованию из неё ряда земельных единиц, которые были бы гибкими к восприятию политики властей. Но земельная политика большевиков, основанная на приоритете поддержки бедняцких хозяйств станиц, не решала главных вопросов роста товарности и продуктивности труда крестьянско-казачьего хозяйства, что постоянно провоцировало конфликт как внутри крестьянского общины, так и крестьянства с государством. Таким образом, землеустройство все в меньшей степени способствовало экономическому росту большинства хозяйств, провоцируя их на увеличение внутривоспроизводственного потребления. Несмотря на все ограничительные практики, основное экономическое значение в станице сохранили зажиточные и устойчивые середняцкие слои. Важнейшую роль в регулировании землеустройства продолжали играть подконтрольные им станичные сходы.

Однако реализация политики «Землю бедным, лучшие земли бедным, ближние земли бедным» вела к увеличению числа хозяйств со средним уровнем землепользования, но без сельскохозяйственного инвентаря не способных осуществлять самостоятельную хозяйственную деятельность, не способных выполнять налоговые обязательства, хотя расширение рыночных механизмов и смягчение внутренней политики большевиков позволили части хлеборобов, особенно из казачества, в середине 1920-х гг. закрепить свое значение как главной экономической силы.

В 1928-1929 гг. землеустройство единоличных хозяйств почти одновременно утратило значение. Произошел резкий разворот в сторону принципиально новой формы землеустройства. Результаты колоссальных по масштабам землеустроительных работ 1920-1927 гг. фактически были аннулированы

и потеряли актуальность, начиналась эпоха коллективизации. Земельная реформа, проведенная на основе Земельного кодекса 1922 г., способствовала снижению сословного фактора, межсословного противостояния при одновременном формировании нового фактора - классово-имущественного противостояния. Именно уровень социально-политического противостояния в южнороссийской станице при снижении сословных привязанностей определял содержание аграрной политики большевиков. Следствием этого стала новая актуализация противостояния социально-имущественных группировок.

Одновременно неуклонно эволюционировал и социальный статус казаков и иногородних. Сословные преимущества казачества, основанные на их общественно-политической роли, как служилого сословия, а также их особом праве - привилегии на владение юртовой казачьей землей - все более становились достоянием прошлого. При сохранении прежних социальных «маркеров» - казаки, иногородние - происходило выравнивание реального социального статуса казачества и иногородних.

По мере стремительного и неуклонного ослабления сословной исключительности казачества всё большее значение в регионе приобретало типичное для буржуазного общества и набиравшее силу уже в предреволюционные годы имущественное расслоение. Особенно важным было то, что и новая власть, оценивая социальную структуру станицы, в своих подходах ставила во главу угла именно имущественные критерии в отмеченном структурировании «бедняк - середняк - кулак». А по мере восстановления хозяйства, осереднячивание и рост зажиточности в станицах Дона и Кубани стали доминирующими тенденциями. На наш взгляд, в силу утраты казачеством всех базовых социально-политических и социально-экономических характеристик эта социальная нивелировка станичников была объективной и неизбежной.

В результате отказа от крайностей политики расказачивания и ограничительных мер развития хозяйств хлеборобов, с одной стороны, и форсированного землеустройства - с другой, с 1924 г. и примерно по осень 1926 гг. мы наблюдаем явное сглаживание сословных различий. Политика большевиков

в вопросах землепользования сочетала как полувоенные (административные) методы, так и легитимные (правовые) и на очередном витке противостояния использовалась как средство компромисса, так как от его разрешения зависел продовольственный вопрос и сохранение социального «согласия» как в станице, так и казачества с государством. Неразрешимость этих противоречий во многом предопределила историческую перспективу нэпа. Не решенный окончательно земельный вопрос, осложнявшийся сословно-имущественными противоречиями в кубанских и донских станицах, хуторах, селах оказал негативное влияние на процесс восстановления и развития индивидуального крестьянско-казачьего хозяйства, потенциал которого был исчерпан к середине 1920-х гг.

В целом, реформы в сельском хозяйстве не приносили желаемых результатов. Эволюция сельского хозяйства Юга России в 1922-1925 гг. характеризовалась увеличением числа хозяйств, сохранением сельскохозяйственного инвентаря у зажиточной части хлеборобов, перераспределением земли в пользу союзников большевиков с одновременным ростом активности зажиточной части селян, ввиду расширения рыночных отношений. Экономический рост 1923-1925 гг. оказался довольно скромным. Необходимо было принимать меры по увеличению продуктивности сельского хозяйства, осуществлять структурные изменения. Помня о причинах, приведших к изменению внутренней политики в марте 1921 г., большевики старались предотвратить продовольственный кризис, создав государственные резервы, а на практике индивидуальные крестьянско-казачьи хозяйства демонстрировали отсутствие потенциала роста.

Результатом курса на приоритетную поддержку бедноты и кооперативных форм, а также на ударившее по середняку последовательное ограничение кулачества стало нарастание проблем в сфере производства, особенно заготовок аграрной продукции, в конечном счете, получивших вид «хлебозаготовительного кризиса» 1927-1928 гг., предварительно усиленного «военной тревогой» 1927 г. В рамках исследуемого региона, помимо общих для страны

причин, дополнительное значение имели проблемы с урожаем (особенно на Дону). В итоге хлебозаготовительные трудности зимы 1927-1928 гг., вошедшие в историю как «хлебная стачка», вызвали кризис экономической политики.

Экономическая политика большевиков периода 1920-х гг. продемонстрировала новый подход к модернизации сельского хозяйства, которую отличала поливекторность политических и экономических реформ. Предшествующий период истории России отличался незавершенностью модернизационных процессов, особенно в сельском хозяйстве, где сохранялись докапиталистические и капиталистические формы хозяйствования. Эти условия способствовали формированию конкурентной среды, которая была приемлема для крестьянства как средство развития индивидуальных хозяйств.

Так политика налогового протекционизма большевиков по отношению к беднейшей части хлеборобов с одновременным ограничением прав зажиточных слоёв привела к размыванию сословных противоречий при росте социально-классового противостояния в станицах Кубани и Дона. Классовая политика большевиков в ходе реформ 1920-х гг. была одним из определяющих факторов, тормозящих процесс модернизации сельского хозяйства. В последующем, пришлось вновь менять содержание союзнических отношений между партией и крестьянством, которая привела к союзу с середняком. Но политика классового ограничения по отношению к зажиточным слоям советской деревни имела устойчивый характер.

Противоречия стали основой неуспеха нэпа, так как основной агент модернизации зажиточный крестьянин был лишен возможности расширять своё хозяйство. Проблемы восстановительного процесса и формирование устойчивых структур партийно-советской системы требовали формирования социальной базы реформ. Политической опорой в аграрном секторе, по мнению большевиков, должны были выступить беднейшие слои. Классовая доктрина правящей партии не соответствовала экономическим возможностям бедняцких слоёв крестьянства и казачества. Проводимая партией земельная и

налоговая политика привела к росту середняцких хозяйств, чей хозяйственный уровень позволял быть самостоятельной хозяйственной единицей, но не способным к товарному росту. Социально-экономические трансформации в южнороссийской станице привели к росту социального противостояния с одновременным сглаживанием сословных противоречий, которые стали носить латентный характер. Но идеологическая враждебность к зажиточной части хлеборобов со стороны большевиков делала бесперспективной развитие индивидуальных крестьянско-казачьих хозяйств, что привело к переходу к насильственной коллективизации.

Модернизация советского общества в 1920-х гг. была возможна при условии формирования нового общественного сознания, способного воспринимать содержание проводимых реформ. По мере стабилизации политического положения и развития нэпа внимание власти и общества всё более привлекали традиционные вопросы образования, культуры, причем с соотношением их с проблемами возрождения хозяйственной жизни. На этом фоне произошла актуализация проблем хозяйственного возрождения аграрной экономики и вопросов компетентности, квалификации, начиная с руководителей села и хозяйствующего субъекта. Восстановление мирной жизни, процессы хозяйственного возрождения способствовали закреплению поворота к развитию базовых социальных институтов—образования и здравоохранения.

Это стало очередным полем сосуществования и противостояния традиций и новаций в южнороссийской станице. Культурная революция, начатая в 1920-х гг., ставила перед собой тактические и стратегические цели. Первоочередной задачей была ликвидация неграмотности и утверждение новых принципов в системе просветительской работы. Социальной опорой в реализации принципов новой школы в казачьих станицах выступила иногородняя молодежь и женщины и часть казачества, что провоцировало новый очаг противостояния в южнороссийской станице. Особенно это явно проявилось в повседневной деятельности хлеборобов, в период выборов в Советы, в новых советских праздниках.

Вместе с тем, нэп принес с собой не только восстановление и развитие на селе базовых социальных институтов образования, здравоохранения, но и модернизацию, способствовавшая общему росту уровня грамотности, распространению агрономических знаний, передовых форм хозяйствования, улучшению условий жизни, быта сельских жителей Юга России и т.д. Помимо общего улучшения условий жизни данные изменения несли с собой элементы советизации, чрезмерной политизации всей социокультурной сферы, продвижения советской символики. Переход к нэпу в аграрной политике и смена государственно-централизованной системы моделью с элементами рыночных механизмов, несмотря на диктат правящей партии, способствовали раскрепощению активности крестьянства в духовной и социальной сферах. Не смотря на активное идеологическое воздействие со стороны коммунистов, сельский социум в основном сохранил здоровые основы социокультурного бытия.

Преобладание силовых методов в проведении военно-коммунистических практик и пропаганде новых идей, свидетельствовали о слабости власти и отсутствии подготовленных кадров. Это дискредитировало партию в глазах сельского населения, лишало ее социальной базы, заставляло опираться главным образом на демобилизованных красноармейцев, молодежь и даже маргиналов на начальном этапе установления своей политической диктатуры. С другой стороны, население, превращенное в объект агитационно-пропагандистской обработки, все более впадало в общественно-политический анабиоз, обнаруживая повышенный интерес лишь к слухам о возможных угрозах власти (война, белые десанты). Что касается оценки текущей жизни станицы, то у сельского населения интерес вызывали не столько партийные призывы к «укреплению», «воспитанию», а сколько многочисленные примеры злоупотреблений местных властей и бесправия масс. Как и другие подобные мероприятия, они сопровождались проявлениями злоупотребления властью. Таким образом, векторы развития партийной политики и настроений крестьянства и казачества оставались разнонаправленными.

Местные органы власти оказались не готовы к резкому повороту политики центра, им потребовалось время для восприятия нэпа и отказа от принципов и методов «военного коммунизма». Это сказалось на содержании региональной политики, где явно прослеживалась антинэповская практика. Охваченные боязнью нэпа, чиновники принимали меры по его дискредитации, формируя образ нэпмана как эксплуататора, классового врага.

И в 1923 г., и в 1924 г. население, в массе своей не приемля коммунистов, опасалось открыто выступать против власти, жертвуя протестом ради стабильности. Непосредственно на местах, в ходе политических кампаний, крестьяне и казаки пассивно «слушали» и своих, и заезжих агитаторов, гадая о неясных перспективах.

Несмотря на неоднократные обсуждения крестьянского вопроса в партийных организациях региона, вопрос остался неразрешенным. В большинстве случаев процессы хозяйственного развития и социальных изменений в станице оставались малоуправляемыми. Влияние партийных структур на них было минимизировано, тогда как партийная элита, ориентированная на решения центра, требовала влияния на процессы, но не имела средств и методов влияния на первичные партийные структуры. Выходом из очевидного тупика стали, с одной стороны, последовательное игнорирование, а после 1928 г. и системное подавление политической активности крестьянско-казачьей массы. С другой стороны, ВКП(б) обеспечила тотальный контроль за сельским населением, подчинив всю производственную деятельность крестьянства посредством его насильственного объединения в коллективные хозяйства и связанного с этим раскулачивания.

В период нэпа региональные, местные и первичные партийные организации оставались основными проводниками политики правящей элиты. Их качественный и количественный состав оставался одним из проблемных, требовавших постоянных организационно-правовых мер по совершенствованию их деятельности. Формирующаяся однопартийная административно-командная система управления сводилась к неукоснительному исполнению

директив центральных партийных органов. Такое положение стало возможным вследствие отсутствия политического плюрализма в обществе, слабости кадрового состава низовых партийных структур, которые в последующем были выстроены в единой системе партийной номенклатуры.

Изначально политическое противостояние в станицах и селах Юга России во многом определялось земельно-имущественными противоречиями, что не могло не сказаться на их взаимоотношениях с Советами. Советы стали объектом прямого политического воздействия большевиков, так как были призваны заменить традиционные формы самоуправления, вследствие чего все десятилетие характеризовалось противостоянием сельсоветов и земельных обществ. Ревкомы в переходный период 1920-1921 г., выполнив частично свою миссию, передали полномочия низовых административных структур Советам. И следует признать, что военно-административная практика ревкомов была сохранена под покровительством партии, которая совершенствовала эти методы. Тотальный контроль над процессом выборов и государственно-административное регулирование (ограничение гражданских прав, согласованные партийные списки, отмена итогов выборов, контроль над избирательными комиссиями, многоступенчатость выборов) подчинили Советы и лишили их самостоятельности как органов местного самоуправления. Именно выборы в Советы стали важным индикатором противостояния правящей партии и оппозиционной части хлеборобов в борьбе за власть и выборе вектора общественных преобразований.

Реалии многоукладности требовали политических свобод, но большевики упорно шли к формированию централизованного, бюрократического, оторванного от повседневных запросов граждан органов власти. Государство и общество развивались в противоположенных направлениях, что способствовало росту внутреннего политического противостояния. Желание большевиков подчинить себе Советы привело к сосредоточению в руках партии и органов госбезопасности средств и методов формирования органов местного самоуправления, что вело к ослаблению Советов и превращению их в прида-

ток партийной системы, и действенным средством противостояния большевиков и основной части сельского населения в этих условиях стал механизм голосования.

Советы в 1920-х гг. прошли сложный путь эволюции, который был предопределен традициями российской государственности и противостоянием политических сил в борьбе за власть. На Юге России органы местного самоуправления прошли несколько этапов в своем развитии и на каждом из них выполняли политическую волю партии: стадия военно-коммунистических методов руководства, когда существовала возможность прямого манипулирования итогами выборов; выполнение фискальных функций; короткий период «демократизации» под партийным контролем, который позволил продемонстрировать наличие многообразия социальных интересов в обществе; и завершающая стадия, когда окончательно была уничтожена «самостийность» Советов на завершающей стадии нэпа. Так, Советы, которые могли стать платформой в политическом диалоге между властью и обществом, превратились в представительство партийных структур и стали инструментом реализации политической линии РКП(б) – ВКП(б), а не органом народовластия.

Доказано, что к моменту установления советской власти на Юге России политика «военного коммунизма» обнаружила свою несостоятельность. В Донской и Кубано-Черноморской областях политика «военного коммунизма» была реализована с региональными особенностями. В политической сфере это создание революционных комитетов, выполнявших функции «диктатуры пролетариата», при слабости партийных организаций. Партийные органы и ревкомы были регуляторами всей общественно-политической и экономической жизни региона. Заготовка продовольствия, землеустроительные работы, организация коммун и совхозов, борьба с «бело-зелеными» ми, - всё это сопровождалось многочисленными директивами, инструкциями, но не подкреплялось положительными результатами. Решение о замене продразверстки на продналог способствовало снижению социально-

политической напряженности на Юге РСФСР, но некомпетентность кадрового состава органов власти, идеологическая ограниченность инициировали продолжение продразверстки до осени 1921 г.

Переход к нэпу в Советской России осуществлялся под жестким давлением всеобщего недовольства населения и пересмотра политико-идеологических установок правящей партии. Гражданская война и политика «военного коммунизма» стимулировали условия и движущие силы смены стратегии развития в начале 1920-х гг. Модернизация в российской экономике (обществе), начатая в марте 1921 г., была инициативой сверху, следствием нараставшего экономического и общественно-политического кризиса, что и предопределило историческую судьбу нэпа. Решение проблем могло быть достигнуто только на основе кардинального изменения политической стратегии власти. Изменение стратегии большевиков, а именно частичный отказ от военно-административной политики и переход к нэпу для Советской России, в том числе Дона и Кубани, создавали условия для преодоления политического и экономического кризиса в стране. Частичное разгосударствление собственности, возврат бывшим собственникам ранее национализированных предприятий, хозяйственный расчет, конкуренция, аренда - стали характерными чертами нэпа. Признавая возможность применения в аграрном секторе экономики аренды земли, найма рабочей силы при одновременном отказе от системы трудовых повинностей и мобилизаций, правящая партия стимулировала экономическую заинтересованность у крестьян, что позволило обеспечить внутренний рынок продовольствием и преодолеть последствия «военного коммунизма». Но при этом мы признаем, что роль государства оставалась неизменной и при «военном коммунизме», и в условиях нэпа.

Допуск рыночных отношений, приведший к восстановлению экономики, позволил укрепиться политическому режиму большевиков. При этом следует признать, что изначально нэп был несовместим с идеологическими установками большевиков и не воспринимался как временный компромисс между властью и обществом. В период «расширения нэпа», когда были созданы

наиболее благоприятные условия для реформ (в середине 1920-х гг.), поступательные шаги в этом направлении делались неуверенно, противоречиво, с оглядкой на этап «военного коммунизма». Партийные лидеры на местах в 1920-х гг. сохраняли верность догматическим взглядам.

Политико-идеологические установки правящей партии и большинства её членов на строительство социализма посредством утверждения идей диктатуры пролетариата оставались приоритетными весь период 1920-х гг. Нэп воспринимался как временное отступление от достигнутого за годы «военного коммунизма» и правящая партия, не отказываясь от своих идеологических воззрений, продолжала монопольно руководить социально-политическими и экономическими процессами. Следовательно, нэп не мог выйти за идейные рамки большевизма и был обречен.

Повстанчество как общественно-политическое явление было порождено целым комплексом противоречий, возникших в переходный период, но сохранявших исторические корни в сословно-этнических и классовых отношениях. Это нашло отражение в лозунгах повстанческого движения.

Наличие остаточных явлений военного коммунизма в административно-распределительных структурах советско-партийной системы способствовало зарождению нового витка военно-политического противостояния. Оно усугублялось кадровой политикой большевиков, которые целенаправленно формировали новые органы местного самоуправления под своим контролем. Нарастание противостояния на Юге России было обусловлено не только продовольственной политикой большевиков, но и не восприятием особых местных форм самоуправления и хозяйственной деятельности, что во многом предопределило содержание упорного противостояния казачества и власти в 1920-1923 гг. Мнение большевиков о том, что рост бело-зеленого движения является происками бывших белогвардейцев и иностранных спецслужб, было идеологическим обоснованием собственных мер по «усмирению» региона. Решение о замене продразверстки продналогом лишь частично успокоило крестьянско-казачью массу Юга России. Потребовалось не менее одного года

для восприятия руководством Юга России и населением содержания нэпа. Рецидивы военного коммунизма, идеологические принципы партии, кадровые ограничения, узость социальной базы реформ (как одно из определяющих ограничений модернизационных преобразований) стимулировали рост повстанческого движения в южнороссийских селах и станицах. Военно-силовое подавление народного противостояния посредством применения репрессивных мер (аресты, внесудебные расправы, заложничество, выселение и т.д.) лишь на время снизило уровень противостояния общества и государства. Временный компромисс между властью и хлеборобами Юга России, заключенный по итогам военно-политическом противостоянии, нашел свое продолжение в системе социальных и политических реформ 1920-х гг. Разнородный состав и отсутствие единой политической платформы «белозеленого» движения, питавшегося местными интересами вплоть до сепаратизма, не могли служить факторами успеха повстанческого движения на Кубани и Дону. Конфликт большевистского режима и казачества завершился вынужденным молчаливым согласием населения на силовое правление партийно-государственной системы. Мы отмечаем, что политика РКП(б)-ВКП(б) в вопросах землеустроительных работ (уравнительное землепользование) и в дальнейшем провоцировала рост противостояния в станицах Юга России и ставила под угрозу эволюционное развитие индивидуального крестьянско-казачьего хозяйства. Традиции общинного землепользования, казачьего самоуправления и личная свобода доминировали в общественном пространстве южнороссийской станицы и противоречили политическим и идеологическим концепциям большевиков, что неминуемо вело к конфликту. Факты, свидетельствующие о сохранении протестных настроений в обществе, фиксировались до конца 1920-х гг.

Политический курс «Лицом к деревне» стал кульминационным в комплексе мер нэпа. Но его краткие хронологические рамки с июня 1924 г. (создание комиссии по работе в деревне) и до октября 1925 г. (принятие пленумом ЦК РКП(б) резолюции «О работе партии среди деревенской бедноты»)

ограничили полноценную реализацию политики «Лицом к деревне». Данная политика оказалась неприемлемой для советского общества, где новое поколение недолюбливало нэпманов и не соответствовало традиционной крестьянской психологии, не говоря уже о большей части руководителей страны. Политика «ликвидации кулака как класса» на основе прогрессивного налогообложения на самом деле отражала настроение большей части советской деревни.

Сочетание административных и рыночных методов хозяйствования содержало в себе источник постоянных противоречий. Это было определяющим в объяснении причин и путей выхода из кризисов нэпа. Но эти явления нельзя назвать в полной мере циклическими - это следствие противоречий законов рыночной экономики и новых общественных отношений.

В России на качество взаимоотношений власти и общества существенное влияние оказывают ряд факторов: это традиции сильной авторитарной власти, берущей на себя ответственность за социально-политическое и экономическое состояние в обществе при сохранении традиций общинного (коллективного) самоуправления. Ключевым при этом всегда оставался вопрос собственности, в данном случае вопрос о собственности на землю, который был решен в пользу государства. Именно в этом формате и сформировалась многомерная динамическая модель взаимодействия власти и сельского населения Юга России, которая была реализована через политические и экономические институты, порожденные как предыдущей общественно-политической практикой, так и нэпом. Главным звеном в сложных, а иногда кризисных периодах в истории страны 1920-х гг., выступило государство через политические институты диктатуры пролетариата (партии), взяв на себя роль стабилизирующего фактора, подавляя традиционные формы самоуправления и хозяйственной деятельности крестьянства и казачества Юга России. При этом власть в данной модели в зависимости от общественно-политической ситуации использовала такие методы как: подавление, компромисс, управления, конфронтации, а крестьянство соответственно приме-

няло методы сопротивления, соглашения, скрытого сопротивления и соглашения (молчаливого).

С момента прихода к власти до конца 1920-х гг., большевики вынуждены были постоянно под воздействием военно-политических и экономических факторов менять содержание своей стратегической цели построения социализма посредством формирования определенной модели взаимодействия с крестьянством, как наиболее многочисленной части населения России. Крестьянство и казачество, чьи позиции во многом определяли возможности РКП(б)-ВКП(б) по сохранению власти, ориентировались на традиционные для общины принципы самобытности и права распоряжаться продуктами своей хозяйственной деятельности и землей. Весь период 1920-х гг. РКП(б)-ВКП(б) пыталась проводить гибкую, иногда и компромиссную политику, но при этом исходила из позиции силы, демонстрируя её в кризисных ситуациях. Не имея программы реформ, правящая элита продолжала упорно подводить общество (в том числе крестьянство, казачество) к восприятию тех идей, от которых пришлось отказаться в 1920-1921 гг., т. е. непосредственного строительства социализма, в той концепции, которая была понятна большевикам. Именно идея социалистических преобразований была предметом противостояния власти и общества, в первую очередь крестьянства.

Столкновение в большей части традиций с большевистскими новациями формировали кризисы во взаимоотношениях власти с казачеством и крестьянством, которые в последующем были «переведены» в плоскость классового противостояния. В свою очередь большевики становились инициаторами формирования новых принципов (социальное партнерство) и форм взаимоотношений с сельским населением, при этом активно используя традиционные, устоявшиеся формы, такие как кооперация, совместная обработка земли, социальная помощь нуждающимся. Середина 1920-х гг. стала определяющей для нэпа, когда наметился новый курс на социалистическую модернизацию при одновременном свертывании реформ. Учитывая многообразие оценок нэпа, важно подчеркнуть, что реальные процессы, происходившие в

советской экономике в 1920-е гг., не соответствовали ориентации страны на создание принципиально нового, социалистического строя. Во второй половине 1920-х гг. это несоответствие стало опасным для власти. Форсированная индустриализация и модернизация экономики стали одним из главных причин отказа от принципов нэпа. Но нет гарантий того, что ход развития страны не был обусловлен именно этими изменениями.

Хрупкая система рыночных отношений 1920-х гг. не смогла противостоять государственному диктату и переросла в административно-командную систему с жестким государственным регулированием, где компромиссный диалог между властью и обществом был невозможен.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Неопубликованные источники

1. Архивные источники

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

1. Ф. Р-130. Совет народных комиссаров РСФСР. Оп. 4. Д. 230; Оп. 29. Д. 343.
2. Ф. Р-374. Фонд Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции СССР. Оп. 6. Д. 12, 95, 149, 183, 233.
3. Ф. Р-391. Российское телеграфное агентство (РОСТА) при Совете Народных комиссаров РСФСР. Оп. 1. Д. 75.
4. Ф. Р-393. Народный комиссариат внутренних дел РСФСР. Оп. 23а. Д. 424, 426; Оп. 42. Д. 29; Оп. 66. Д. 142; Оп. 83. Д. 16, 93, 142, 426.
5. Ф. Р-1235. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (ВЦИК). Оп. 104. Д. 112; Оп. 140. Д. 229, 230, 492.
6. Ф. Р-3316. Центральный Исполнительный Комитет СССР (ЦИК СССР) и подведомственные учреждения. Оп. 46. Д. 95, 96, 100, 101.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

7. Ф. 17. Центральный комитет КПСС (ЦК КПСС). Оп. 2. Д. 917; Оп. 11. Д. 194; Оп. 16. Д. 885; Оп. 32. Д. 31; Оп. 60. Д. 186, 416, 680; Оп. 65. Д. 449; Оп. 66. Д. 75; Оп. 67. Д. 372, 465; Оп. 68. Д. 240; Оп. 69. Д. 72, 74, 133, 335; Оп. 84. Д. 147, 148, 196, 834, 857, 865, 916, 917, 1023; Оп. 85. Д. 2, 16, 19, 28, 63, 134, 204, 216, 267, 338; Оп. 86. Д. 18, 32.
8. Ф. 64. Кавказское бюро ЦК РКП(б). Оп. 1. Д. 4, 96, 131.
9. Ф. 65. Юго-Восточное бюро ЦК РКП(б) Оп. 1. Д. 2, 132.
10. Ф. 74. Ворошилов К.Е. Оп. 2. Д. 86.

11. Ф. 76. Документы о деятельности Дзержинского в ВЧК-ОГПУ-НКВД. Оп. 3. Д. 261.

12. Ф. 78. Документы секретариата М.И. Калинина. Оп. 1. Д. 296.

Российский государственный архив экономики (РГАЭ).

13. Ф. Р-396. Редакция «Крестьянской газеты». Оп. 5. Д. 72; Оп. 7. Д. 5, 12.

14. Ф. Р-478. Наркомат земледелия РСФСР. Оп. 46. Д. 118, 166, 221, 251, 255, 341, 343, 482; Оп. 3. Д. 3247, 3255.

Центр документации новейшей истории Ростовской области

(ЦДНИРО)

15. Ф. 4. Донской областной комитет РКП(б). Оп. 1. Д. 1, 3, 4, 6, 8, 19, 61 «а», 67, 72, 73, 74, 80, 84, 85, 87, 98, 104, 122, 130, 135, 141, 152, 158, 160, 173.

16. Ф. 5. Донской окружной комитет РКП(б). Оп. 1. Д. 15, 22, 33, 52, 54, 88, 92, 141, 152; Оп. 5. Д. 52.

17. Ф. 6. 1-й Донской окружком РКП(б). Оп. 1. Д. 3.

18. Ф. 7. Северо-Кавказский краевой комитет ВКП(б). Оп. 1. Д. 8, 10, 14, 15, 21, 25, 50, 94, 95, 99, 215, 555, 704, 754, 760, 843, 945.

19. Ф. 12. Истпарт Ростовского обкома ВКП(б). Оп. 2. Д. 275; Оп. 5. Д. 138, 153.

20. Ф. 75. Донецкий окружной комитет ВКП(б) Северо-Кавказского края. Оп. 1. Д. 12, 20, 44, 62, 64.

21. Ф. 97. Сальский окружной комитет ВКП(б) Северо-Кавказского края. Оп. 1. Д. 21, 26, 28, 34, 39.

22. Ф. 118. Шахтинско-Донецкий окружком ВКП(б). Оп. 1. Д. 164, 180.

23. Ф. 2783. Верхне-Донской окружком РКП(б). Оп. 1. Д. 1 «а», 6, 13.

Центр документации новейшей истории Краснодарского края

(ЦДНИКК).

24. Ф. 1. Кубано-Черноморский областной комитет РКП(б). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2, 3, 7, 17, 33, 49, 79а, 80, 85, 89, 92, 100, 111, 112, 115, 116, 120, 125, 152, 154, 179, 193, 197, 214, 204, 205 (а), 230, 249, 276а, 293, 301, 315.

25. Ф. 6. Черноморская окружная контрольная комиссия ВКП(б). Оп. 1. Д. 63, 64, 67.
26. Ф. 7. Кубано-Черноморская областная контрольная комиссия РКП(б). Оп. 1. Д. 11, 18, 45, 49, 50, 52, 53, 61, 66, 82, 84, 129, 613.
27. Ф. 8. Кубанский окружной комитет ВКП(б). Оп. 1. Д. 1, 1а, 3, 4, 5, 6, 7, 10, 11, 12, 14, 15, 17, 20, 21, 22, 25, 31, 34, 44, 57, 88, 87, 94, 97, 100, 111, 117, 200, 202, 218, 250, 253, 344, 347, 375, 420, 437, 456, 544, 598.
28. Ф. 9. Черноморский окружной комитет РКП(б). Оп. 1. Д. 144, 196, 414, 767, 832, 896а; Оп. Доп. Д. 2.
29. Ф. 10. Кубанская окружная контрольная комиссия. Оп. 1. Д. 52, 53, 108.
30. Ф. 11. Армавирский отдельский комитет РКП(б). Оп. 1. Д. 207, 295.
31. Ф. 12. Армавирский окружной комитет РКП(б). Оп. 1. Д. 57, 105.
32. Ф. 13. Армавирская окружная контрольная комиссия ВКП(б). Оп. 1. Д. 9, 24, 34, 43, 62 св. 5, 244.
33. Ф. 17. Краснодарский отдельский комитет РКП(б). Оп. 1. Д. 19, 32, 87, 88, 152, 246, 274, 324, 325, 327, 341, 413, 414, 620, 780, 809, 820.
34. Ф. 160. Тимашевский отдельский партийный комитет РКП(б). Оп. 2. Д. 19.
35. Ф. 557. Сочинский райком ВКП(б). Оп. 1. Д. 6, 10, 35.
36. Ф. 581. Первичная организация КПСС дистанции пути Центральный район г. Сочи Краснодарский край. Оп. 1. Д. 4.
37. Ф. 1771. Кавказский отдельский комитет РКП(б). Оп. 1. Д. 123, 135.
38. Ф. 1774. Коллекция документов по истории Кубани. Оп. 2. Д. 84, 86, 529.
39. Ф. 2815. Майкопский отдельский комитет ВКП(б). Оп. 1. Д. 319, 195.
40. Ф. 2816. Майкопский окружной комитет ВКП(б). Оп. 1. Д. 137, 142, 254, 292, 492.
41. Ф. 2817. Майкопская окружная контрольная комиссия. Оп. 1. Д. 3.

42. Ф. 2830. Истпарт. Оп. 1. Д. 12, 130.

43. Ф. 3664. Туапсинский отдельский комитет РКП(б). Оп. 1. Д. 3.

Государственный архив Ростовской области (ГАРО).

44. Ф. Р-97. Исполнительный комитет Донского областного Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов (Донисполком, ДИК). Оп. 1. Д. 2, 21, 35. 48, 219; Оп. 3. Д. 1.

45. Ф. Р-1019. Северо-Кавказский краевой Совет Народного хозяйства (Крайсовнархоз) Высшего Совета Народного хозяйства (ВСНХ) Оп.1. Д. 290, 328, 880, 886.

46. Ф. Р-1174. Управление Дноблмилиции НКВД РСФСР. Оп. 1. Д. 165.

47. Ф. Р-1175. Краевой арбитражный суд при Северо-Кавказском краевом исполнительном комитете Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов (Крайисполком), г. Ростов-на-Дону Оп. 1. Д. 192.

48. Ф. Р-1185. Азово-Черноморская краевая рабоче-крестьянская инспекция (РКИ), г. Ростов-на-Дону. Оп. 1. Д. 6, 10; Оп. 2. Д. 264.

49. Ф. Р-1390. Азово-Черноморское краевое земельное управление (Край ЗУ) краевого исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся, г. Ростов-на-Дону. Оп. 5. Д. 567.

50. Ф. Р-1485. Исполнительный комитет Азово-Черноморского краевого Совета депутатов трудящихся (Азчеркрайисполком), г. Ростов-на-Дону. Оп. 1. Д. 169, 203, 211, 224, 225, 230, 250 Т. 1, 250 а Т. 2, 497, 572, 577, 580.

51. Ф. Р-1775. Донское областное земельное управление Донисполкома. Оп. 1. Д. 48, 192.

52. Ф. Р-1798. Донской окружной исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов (Донисполком, ДИК). Оп. 1. Д. 12, 1386.

53. Ф. Р-1817. Ростовский городской Совет народных депутатов и его исполнительный комитет. Оп. 2. Д. 55.

54. Ф. Р-2716. Исполком Нижне-Подпольного и Верхне-Подпольного сельского Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов, х. Нижне-Подпольный, х. Верхне-Подпольный. Оп. 1. Д. 1.

55. Ф. Р-3132. Богородицкий волостной революционный комитет, с. Богородицкое. Оп. 1. Д. 2.

Таганрогский филиал Государственного архива Ростовской области (ТФ ГАРО).

56. Ф. Р. 98. Земельное управление Таганрогского окружного исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских, красноармейских депутатов г. Таганрога Северо-Кавказского края. Оп. 1. Д. 6, 26, 29, 33, 36, 44.

57. Ф. Р 102. Земельный отдел Исполнительного комитета Таганрогского районного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов г. Таганрога Северо-Кавказского края. Оп. 1. Д. 15, 21, 26.

Государственный архив Краснодарского края (ГАКК).

58. Ф. Р-6. Канцелярия Совета Кубанского краевого правительства. Оп. 1. Д. 14.

59. Ф. Р-60. Кубано-Черноморский областной земельный отдел. Оп. 1. Д. 10, 965, 1700, 1843, 1930, 1932, 1984, 1996, 1998, 2006, 2018.

60. Ф. Р-102. Отдел управления Кубано-Черноморского облисполкома. Оп. 1. Д. 1, 9, 29, 30, 32, 34, 35, 47, 138, 162, 173, 199, 214, 317, 322.

61. Ф. Р-105. Исполнительный комитет Тимашевского отдельного совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. Оп. 1. Д. 26, 90.

62. Ф. Р-138. Кубано-Черноморский областной продовольственный комитет народного комиссариата продовольствия РСФСР. Оп. 2. Д. 668.

63. Ф. Р-143. Кубано-Черноморский Совет народного хозяйства. Оп. 7. Д. 399, 400.

64. Ф. Р-157. Кубано-Черноморское областное экономическое совещание. Оп. 1. Д. 67, 100.

65. Ф. Р-158. Кубано-Черноморский областной революционный комитет. Оп. 1. Д. 3, 6.

66. Ф. Р-226. Кубанская окружная рабоче-крестьянская инспекция Исполнительного комитета Кубанского окружного Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. Оп. 2. Д. 39.

67. Ф. Р-365. Кубано-Черноморский областной отдел народного образования исполнительного комитета Кубано-Черноморского областного совета рабочих, крестьянских, красноармейских, казачьих и горских депутатов. Оп. 1. Д. 1221.

68. Ф. Р-371. Кубанское окружное земельное управление. Оп. 1. Д. 1, 8, 15, 18, 19, 59, 79.

69. Ф. Р-382. Славянский отдельский отдел управления. Оп. 1. Д. 4, 53, 241, 378, 392, 394, 428, 452, 454, 500, 521, 533, 534, 544, 551, 554, 591, 605, 606, 684 а, 710.

70. Ф. Р-383. Краснодарский районный исполнительный комитет. Оп. 1. Д. 45. Т. 1, 59, 63, 73.

71. Ф. Р-389. Исполнительный комитет Некрасовского станичного Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. Оп. 1. Д. 8.

72. Ф. Р-580. Исполнительный комитет Славянского районного совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. Оп. 1. Д. 189, 248.

73. Ф. Р-581. Исполнительный комитет Приморско-Ахтарского городского и волостного Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. Оп. 1. Д. 4, 5, 13, 24, 57, 71, 72, 73, 75, 89, 133, 139, 179, 189, 205; Оп. 2. Д. 6, 206.

74. Ф. Р-587. Темрюкский горволисполком. Оп. 1. Д. 4, 8, 57.

75. Ф. Р-649. Ейский отдельский революционный комитет. Оп. 1. Д. 10.

76. Ф. Р-686. Исполнительный комитет Кубано-Черноморского областного совета рабочих, крестьянских, красноармейских, казачьих и горских депутатов. Оп. 1. Д. 3, 4 а, 20.

77. Ф. Р-756. Отдельские военные комиссариаты Кубано-Черноморского областного военкомата. Оп. 1. Д. 770, 785, 788, 794.

78. Ф. Р-890. Отдел народного образования Кубанского окрисполкома. Оп. 1. Д. 6, 19, 75 а.

79. Ф. Р-990. Кубано-Черноморская областная рабоче-крестьянская инспекция исполнительного комитета Кубано-Черноморского областного совета рабочих, крестьянских, красноармейских, казачьих и горских депутатов. Оп. 2. Д. 4, 63, 67, 69, 112, 167, 168, 259, 399, 401, 912.

80. Ф. Р-1594. Кубанский окружной исполнительный комитет совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. Оп. 1. Д. 11.

**Архивный отдел администрации муниципального образования
г. Армавир (АОА МО г. Армавир).**

81. Ф. Р-18. Кавказский отдельский продовольственный комитет. Оп. 1. Д. 1, 2.

82. Ф. Р-45. Армавирский отдельский Совет рабочих, крестьянских, красноармейских, казачьих и горских депутатов и его исполнительный комитет. Оп. 1. Д. 1, 4, 6, 15, 16, 17.

83. Ф. Р-54. Дмитриевский станичный Совет рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов и его исполнительный комитет. Оп. 1. Д. 1, 2, 4, 6, 9, 45.

84. Ф. Р-87. Армавирское окружное земельное управление. Оп. 1. Д. 4, 23.

85. Ф. Р-247. Армавирский окружная рабоче-крестьянская инспекция. Оп. 1. Д. 23.

Муниципальное казенное учреждение города Сочи «Сочинский городской архив» (МКУ города Сочи «Сочинский городской архив»).

86. Ф. Р-12. Производственно-сбытовые сельскохозяйственные кооперативные товарищества табаководов Сочинского района. Оп. 2. Д. 108.

87. Ф. Р-25. Исполнительный комитет Сочинского районного Совета Рабочих Крестьянских и Красноармейских депутатов. Оп. 1. Д. 69, 84, 102, 106; Оп. 2. Д. 7, 8, 18, 38, 41.

88. Ф. Р-83. Комиссия по лишению и восстановлению в избирательных правах при исполкоме Сочинского райсовета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов. Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 6.

89. Ф. Р-116. Военные комиссариаты Сочинского района Черноморского округа. Оп. 1. Д. 5.

90. Ф. Р-223. Сочинская Рабоче-Крестьянской инспекции. Оп. 1. Д. 21, 23, 35, 36, 147.

**Архивный отдел администрации муниципального образования г.
Новороссийск (АОА МО г. Новороссийск).**

91. Ф. Р-9. Отдел Управления Новороссийского окружного Исполкома. Оп. 1. Д. 26; Оп. 3. Д. 3, 4, 9, 12, 20.

92. Ф. Р-19. Черноморская окружная рабоче-крестьянская инспекция исполнительного комитета Черноморского окружного Совета рабочих, крестьянских, казачьих, красноармейских и флотских депутатов. Оп. 1. Д. 128.

93. Ф. Р-24. Черноморская окружная рабоче-крестьянская советская милиция Черноморского окружного исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и флотских депутатов. Оп. 1. Д. 22, 24, 25, 42.

94. Ф. Р-79. Коллекция документов по истории города Новороссийска. Оп. 1. Д. 44.

Национальный архив Республики Адыгея (НАРА)

95. Ф. 1. Адыгейский областной комитет КПСС. Оп. 1. Д. 19, 36, 85, 110, 178, 179, 180, 197, 206.

96. Ф. Р-5. Плановая комиссия Адыгоблисполкома. Оп. 1. Д. 1.

97. Ф. Р-8. Адыгейский областной административный отдел. Оп. 1. Д. 87, 56, 144.

**2. Нормативно-правовые акты и документы органов
государственной власти**

98. Бюллетень НКВД. - 1924. - № 18 (112). - 27 мая.

99. Бюллетень Пятого (Второго) Кубано-Черноморского областного съезда Советов. - Краснодар: Буревестник, 1921. - 13 декабря. - № 2. - 28 с.

100. Бюллетень Пятого (Второго) Кубанско-Черноморского областного съезда Советов. - 1921. - 11 дек. - № 1. - 8 с.; 1921. - 4 дек. - № 3. - 22 с.; 15 дек. - № 4. - 32 с.

101. Волисполкомы и сельсоветы по данным обследования ЦКК РКП(б) и НК РКИ. - М.: НК РКИ, 1924. - 219 с.

102. Восьмой Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов: стенографический отчет (22-29 декабря 1920 года). - М.: Государственное издательство, 1921. - 299 с.

103. Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа // Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных Советских Социалистических Республик: Сборник документов. 1917-1936 гг.: В 3 т. / ред. кол.: М.П. Георгадзе (гл. ред.) и др. - М.: Госюриздат, 1959. - Т. 1. - С. 321-323.

104. Декрет ВЦИК и СНК от 27 мая 1920 г. «Об увеличении размера землепользования в трудовых хозяйствах» // Собрание Узаконений РСФСР. - 1920. - № 52. - Ст. 226 (1).

105. Декрет ВЦИК от 18 марта 1920 г. «О волостных исполнительных комитетах (Положение)» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. - М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1943. - С. 147-149.

106. Декрет ВЦИК от 2 февраля 1920 г. «О сельских Советах (Положение)» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. - М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1943. - С. 87-92.

107. Декрет ВЦИК от 4 ноября 1926 г. «Инструкция о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов» // СУ РСФСР. - 1926. - № 75. - Ст. 77.

108. Директивы КПСС и Советского Правительства по хозяйственным вопросам. 1917-1957 гг. Сборник документов. В 4 т. - М.: Госполитиздат, 1957. - Т. 2. - 1958 с.

109. Единый натуральный налог 1922-1923 г.: Сборник налогового законодательства / РСФСР. Отд. заготовок Губпродкома. - Пермь: Звезда, 1922. - 12 с.
110. Земельный кодекс РСФСР. Постановление ВЦИК от 30 октября 1922 г. «О введении в действие Земельного Кодекса // СУ РСФСР. 1922. № 68.
111. Инструкция по применению Положения о социалистическом землеустройстве // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. - М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1943. - С. 569-589.
112. Инструкция по производству землеустроительных работ: Справочник землеустроителя: практ. пособие. – М.: Издание землеустроительного сектора ЦДС, 1928. – 80 с.
113. История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры. 1917-1954 гг. Сборник документов / сост. Л.Н. Гусев; под ред. С.А. Голунского. - М.: Госюриздат, 1955. - 635 с.
114. Конституции и конституционные акты Союза ССР (1922-1936): сборник документов / под ред. И.П. Трайнина. - М.: Изд-во «Ведомостей Верховного Совета РСФСР», 1940. - 206 с.
115. Конституция СССР 1924 г. // Систематическое собрание действующих законов СССР. - М., 1926. - Кн. 1.
116. Материалы к докладу о работе Кубанского окружного исполнительного комитета за 1924-25, 1925-26, 1926-27 и первую половину 1927-1928 гг. - Краснодар: Изд-во Кубан. окрисполкома, 1928. - 117 с.
117. Материалы к отчётному докладу Северо-Кавказского краевого комитета РКП(б) III Северо-Кавказской партийной конференции. Ростов н/Д, Краевое изд-во, 1925. - 206 с.
118. Наказ о хозяйственной работе. Постановление IX Всероссийского съезда Советов о мерах по восстановлению крестьянского сельского хозяйства. Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1922. - 20 февраля. - № 4. - М., 1950. - Ст. 40-41. - С. 45-47.

119. О мерах по восстановлению крестьянского сельского хозяйства. Постановление IX Всероссийского съезда Советов // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР. - 1922. - 20 февр. - № 4. - С. 47-54.
120. О советском строительстве // СУ РСФСР. - 1921. - № 1. - С. 1-5.
121. Об Инструкции о перевыборах в Советы: Постановление Президиума ЦИК СССР от 16 января 1925 г. // СЗ СССР. - 1925. - № 6. - Ст. 55. - С. 103-109.
122. Общие начала землепользования и землеустройства от 15 декабря 1928 г. // СЗ СССР. - 1928. - № 69.
123. Отчёт III Кубанского окружного съезда Советов 19-24 марта 1927 г. - Краснодар: Партиздат, 1927. - 42 с.
124. Отчет Донского областного экономического совещания в Совет труда и обороны по 1-е октября 1921 г. - Ростов н/Д: Донполиграфотд., 1921. - 100 с.
125. Отчет Донского областного экономического совещания в Совет Труда и Обороны с 1 октября 1921 г. по 1-е апреля 1922 г. - Ростов н/Д: Изд-во КрайЭКОСО, 1922. - 124 с.
126. Отчет Донского окружного исполкома Совета рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов Северо-Кавказского края за 1924-1925 г. - Ростов н/Д: Трудовой Дон, 1926. - 92 с.
127. Отчет Донского окружного исполнительного комитета Первому окружному съезду советов за 1923-1924 г. - Ростов н/Д: Гостип. Донполиграфбума, 1925. - 52 с.
128. Отчет о деятельности Северо-Кавказского краевого исполнительного комитета советов рабочих, крестьянских и красноармейских, казачьих и горских депутатов за 1924-25 хозяйственный год (1 окт. 1924 г. - 1 окт. 1925 г.). - Ростов н/Д: Севкрайисполком, 1926. - 398 с.

129. Отчет Первого окружного совещания председателей стансоветов и секретарей райисполкомов Кубанского округа. (17-20 января 1925 г.). - Краснодар: изд-во «Буревестник», 1925. - 167 с.

130. Отчет Сальского окружного исполнительного комитета 2-го созыва о работе за период: январь 1925 г. – март 1926 г. 3-му окружному съезду Советов. - Сальск: Сальский окрисполком, 1926. - 83 с.

131. Отчёт Северо-Кавказского краевого земельного управления за 1924–1925 операционный год / отв. ред. Н.А. Коген. - Ростов н/Д.: Изд. Сев.-Кав. Крайзу, 1926. - 318 с.

132. Отчет Славянского отдельского исполнительного комитета Советов РКККД за 1922-23 год. - Славянская, 1923. - 31 с.

133. Постановление ВЦИК от 26 января 1922 г. «Положение об уездных съездах Советов и их исполнительных комитетах // СУ РСФСР. - 1922. - № 10. - Ст. 91. - С. 172-177.

134. Постановление ВЦИК от 31 октября 1922 г. «Положение о губернских съездах советов и губернских исполнительных комитетах» // СУ РСФСР. - 1922. - № 72-73. - Ст. 907. - С. 1664-1677.

135. Постановление Президиума ВЦИК от 8 февраля 1921 г. «Об организации городских Советов рабочих и крестьянских депутатов» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. - М.: Управление делами СНК СССР, 1944. - С. 117-118.

136. Постановление Президиума Центрального Исполнительного Комитета Советов СССР от 29 декабря 1924 г. «О перевыборах в Советы в тех районах, где имели место неправильности в работе избирательных комиссий» // СЗ СССР. - 1925. - № 1. 9 января 1925. - Ст. 3. - С. 2-3.

137. Протокол заседания VIII Донского окружного съезда советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов 18-25 мая 1926 года. - Ростов н/Д: 1-я Государственная типография им. Коминтерна, 1926. – 39 с.

138. Расширенный пленум Кубано-Черноморского областного исполнительного комитета советов рабоче-крестьянских, казачьих и городских депутатов (16-19 мая 1921 года): отчет. - Краснодар: Государственное изд-во Кубано-Черноморского областного отдела, 1921. - 22 с.
139. Резолюции 7-го Кубано-Черноморского областного съезда Советов (6-13 января 1924 г.). - Краснодар, 1924. - 22 с.
140. Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР. 1917-1954 / сост. Н.Д. Казанцев, О.И. Туманова. - М.: Госюриздат, 1954. – 719 с.
141. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917-1952 гг. / сост. А.А. Герцензон. - М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1953. - 460 с.
142. Сборник основных указаний по исполнению плана землеустроительных работ 1929-30 года. - Ростов н/Д: Северный Кавказ, 1930. – 112 с.
143. Собрание кодексов РСФСР. 4-е изд. - М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1928. - 1188 с.
144. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг. - М.: Управление Делами Совнаркома СССР, 1942. - 1483 с.
145. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. - М., Управление Делами Совнаркома СССР. 1943. - 818 с.
146. Собрание узаконений и распоряжений правительства РСФСР за 1917-1918 гг. - 1917. - № 12.
147. Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР. – 1922. – № 36. – 36 с.
148. Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР. – 1922. – № 25. - Ст. 289.
149. Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР. 1924. - № 80.

150. Советы, съезды советов и исполкомы: (Материалы к изучению советской системы управления) / Народный комиссариат внутренних дел Р.С.Ф.С.Р. - М.: Н.К.В.Д., 1924. - 159 с.

151. Спутник продовольственника Донобласти. - Ростов н/Д: Государственное издательство Донское отделение. 1921. - 214 с.

152. Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных Советских Социалистических Республик. Сборник документов. 1917-1936 гг. В 3 т. / ред. кол.: М.П. Георгадзе (гл. ред.) и др. - М.: Госюриздат, 1960. - Т. 3. - 400 с.; Т. 4. Ч. 1. - 1210 с.

153. Тезисы докладов Н.К.З. к 3-му Всероссийскому совещанию земорганов. - М.: НКЗ СССР, 1926. - 66 с.

154. Юго-Восточное краевое продовольственное совещание 29 октября - 11 ноября 1922 г. - Ростов н/Д, 1922. - 96 с.

3. Документы Коммунистической партии

155. XI Всероссийская конференция РКП (большевиков). 4-7 августа 1922 года. - М.: Моск. Ком-т РКП(б), 1922. - 245 с.

156. Двенадцатый Съезд РКП(б). 17-25 апреля 1923 г. Стенографический отчет. - М.: Политиздат, 1968. - 903 с.

157. Десятый съезд РКП(б). Март 1921 года: Стеногр. отчет. - М.: Госполитиздат, 1963. - 915 с.

158. Известия Кубанско-Черноморского областного комитета РКП(б). - Краснодар: Гос. изд-во, Кубанско-Черноморское областное управление, 1921. - № 2, 3, 9.

159. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). 9-е изд., испр. и доп. - М.: Политиздат, 1983. - Т. 2. - 606 с.; 1984. - Т. 3. - 494 с.; Т. 4. - 575 с.; Т. 5. - 446 с.

160. Краевое совещание коммунистических организаций Дона и Кавказа (27-29 окт. 1920 г.). Стеногр. отчет. - Ростов н/Д: Дон. отд-ние Госиздата, 1921. - 66 с.
161. Материалы второй Юго-Восточной краевой конференции РКП(б) (Стенографический отчет). Ростов н/Д., Крайиздат, 1924 - 186 с.
162. Материалы Донского окружного сельского партийного совещания (10-14 мая 1927 года). - Ростов н/Д: Донком ВКП(б); Севкавиздат, 1927. - 64 с.
163. О замене развёрстки натуральным налогом. Резолюция X съезда РКП(б) 14 марта 1921 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1986. Изд. 9-е. - М., 1983. - Т. 2. - С. 370-371.
164. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б), 21-23 октября 1927 г.: документы и материалы / сост. И.И. Кудрявцев. - М.: РОССПЭН, 2018. - 471 с.
165. Одиннадцатый съезд РКП(б). Март - апрель 1922 года: Стенографический отчет. - М.: Госполитиздат, 1961. - 873 с.
166. Отчёт Донского окружного комитета РКП(б) с мая по октябрь 1924 г. - Ростов н/Д, издание Донкома РКП(б), 1925. - 121 с.
167. Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 14-23 июля 1926 г. Из резолюции «Об итогах перевыборов Советов» // Ленин В.И., КПСС о партийной и государственной дисциплине. - М.: Политиздат, 1977. - С. 281-282.
168. Протоколы XI съезда РКП(б). - М.: Институт Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б), 1936. - 838 с.
169. Пятнадцатый съезд ВКП(б). Декабрь 1927 года: Стеногр. отчет. В 2-х т. – М.: Госполитиздат, 1961. – Т. 1. – 850 с.; 1962. – Т. 2. – 851-1723 с.
170. Стенографический отчет II-го Таганрогского окружного сельского совещания (3/IV-6/IV 25 г.) / Таганрог. окр. ком. РКП(б). – Таганрог, Красное знамя, 1925. - 78 с.

171. Стенографический отчет Первой Юго-Восточной краевой конференции РКП(б). 25-28 марта 1923 г. - Ростов н/Д.: Юго-Востбюро ЦК РКП(б), 1923. - 144 с.

172. Четырнадцатая конференция Российской коммунистической партии (большевиков). Апрель 1925 г.: Стеногр. отчёт. – М.; Л.: Госиздат, 1925. – 335 с.

173. XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). 18-31 дек. 1925 г.: Стеногр. отчёт. 2-е изд. – М.; Л.: Госиздат, 1926. – 1029 с.

4. Выступления и работы партийных и государственных деятелей

174. Андреев, А.А. Итоги июльского пленума ЦК ВКП (б): Доклад на 3-м пленуме Северо-Кавказского краевого комитета ВКП(б) (14 июля 1928 г.). - Ростов н/Д: Северный Кавказ, 1928, 1928. - 30 с.

175. Андреев, А.А. Пути подъёма и социалистического строительства сельского хозяйства на Северном Кавказе. - Ростов н/Д: Северный Кавказ, 1929. - 141 с.

176. Бухарин, Н.И. Атака: сборник теоретических статей. - М.: Гос. издательство, 1924. - VI, 2, 303 с.

177. Бухарин, Н.И. Избранные произведения / ред. кол. Абалкин А.А. и др. - М.: Экономика, 1990. - 542 с.

178. Бухарин, Н.И. Избранные произведения. - М.: Политиздат, 1988. - 499 с.

179. Бухарин, Н.И. Проблемы теории практики социализма. - М.: Политиздат, 1989. - 515 с.

180. Бухарин, Н.И. Путь к социализму: Избранные произведения. - Новосибирск: Наука, 1990. - 494 с.

181. Бухарин, Н.И. Экономика переходного периода. Ч. 1. Общая теория трансформационного процесса. - М.: Гос. изд-во, 1920. - 157 с.

182. Зиновьев, Г.Е. Ленинизм и НЭП. - Л.: Прибой, 1926. - 66 с.

183. Каменев, Л.Б. Положение в стране и в партии. - М.: Красная новь, 1923. - 48 с.
184. Ленин В.И. Доклад на I Всероссийском съезде трудовых казаков 1 марта 1920 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1977. Т. 40. 166-187.
185. Ленин В.И. Доклад о продовольственном налоге на собрании секретарей от ответственных представителей ячеек РКП(б) г. Москвы и Московской губернии 9 апреля 1921 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. - М.: Политиздат, 1977. - Т. 42. С. 146-161.
186. В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891-1922. Изд. 2-е / ред. Ю.Н. Амиантов, Ю.А. Ахапкин, В.Т. Логинов. М.: РОССПЭН, 2017. 671 с.
187. Ленин В.И. О кооперации // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1977. С. 369-377.
188. Ленин В.И. Политический отчет Центрального Комитета РКП(б). XI съезд РКП(б) 27 марта - 2 апреля 1922 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1977. Т. 45. С 69-116.
189. Ленин В.И. Речь на IV конференции губернских чрезвычайных комиссий 6 февраля 1920 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1977. - Т. 40. С. 113-121.
190. Ленин В.И. Речь на заседании Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов 6 марта 1920 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. - М.: Политиздат. 1977. - Т. 40. – 196-202.
191. Ленин, В.И. - Г.М. Кржижановскому // Ленин В.И. Полн. собр. соч. - М.: Политиздат, 1977. - Т. 54. - С. 101.
192. Ленин, В.И. II Всероссийский съезд горнорабочих 25 января – 2 февраля 1921 г. Доклад о роли и задачах профессиональных союзов на заседании коммунистической фракции съезда 23 января // Ленин В.И. Полн. собр. соч. - М.: Политиздат, 1977. - Т. 42. - С. 245-261.

193. Ленин, В.И. III Конгресс Коммунистического Интернационала 22 июня - 12 июля 1921 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. - М.: Политиздат, 1977. - Т. 44. - С. 1-61.
194. Ленин, В.И. VI Московская губпартконференция. Доклад о новой экономической политике 29 октября // Ленин, В.И. Полн. собр. соч. - М.: Политиздат, 1977. - Т. 44. - С. 191-220.
195. Ленин, В.И. X Всероссийская конференция РКП(б) 26-28 мая 1921. Доклад о продовольственном налоге 26 мая // Ленин В.И. Полн. собр. соч. - М.: Политиздат, 1977. - Т. 44. - С. 312-313.
196. Ленин, В.И. X съезд РКП(б) 8-16 марта 1921 г. Отчет о политической деятельности ЦК РКП(б) 8 марта // Ленин В.И. Полн. собр. соч. - М.: Политиздат, 1977. - Т. 43. - С. 1-127.
197. Ленин, В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Ленин В.И. Полн. собр. соч. - М.: Политиздат, 1977. - Т. 41. - С. 1-104.
198. Ленин, В.И. Доклад на I Всероссийском съезде трудовых казаков // Ленин В.И. Полн. собр. соч. - М.: Политиздат, 1977. - Т. 40. - С. 166-187.
199. Ленин, В.И. Заключительное слово на совещании представителей уездных, волостных и сельских исполнительных комитетов Московской губернии 15 октября 1920 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. - М.: Политиздат, 1977. Т. 41.- С. 362-366.
200. Ленин, В.И. Землеустройство и деревенская беднота // Ленин В.И. Полн. собр. соч. - М.: Политиздат, 1977. - Т. 24. - С. 5-7.
201. Ленин, В.И. Из письма И.С. Уншлихту // Ленин, В.И. Полн. собр. соч. - М.: Политиздат, 1977. - Т. 54. - С. 144.
202. Ленин, В.И. К четырехлетней годовщине Октябрьской революции // Ленин В.И. Полн. собр. соч. - М.: Политиздат, 1977. - Т. 44. - С. 144-152.
203. Ленин, В.И. Неверные рассуждения «беспартийных» бойкотистов // Ленин В.И. Полн. собр. соч. - М.: Политиздат, 1977. - Т. 13. - С. 274.

204. Ленин, В.И. Новая экономическая политика и задачи политпросветов // Ленин В.И. Полн. собр. соч. - М.: Политиздат, 1977. - Т. 44. - С. 155-175.
205. Ленин, В.И. О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности // Ленин В.И. Полн. собр. соч. - М.: Политиздат, 1977. - Т. 36. - С. 285-314.
206. Ленин, В.И. О задачах пролетариата в данной революции // Ленин В.И. Полн. собр. соч. - М.: Политиздат, 1977. - Т. 31. - С. 113-118.
207. Ленин, В.И. О значении золота теперь и после полной победы социализма // Ленин В.И. Полн. собр. соч. - М.: Политиздат, 1977. - Т. 44. - С. 221-229.
208. Ленин, В.И. Об условиях приема новых членов в партию // Ленин В.И. Полн. собр. соч. - М.: Политиздат, 1977. - Т. 45. - С. 17-21.
209. Ленин, В.И. Очередные задачи Советской власти // Ленин В.И. Полн. собр. соч. - М.: Политиздат, 1977. - Т. 36. - С. 165-208.
210. Ленин, В.И. Письмо к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком // Полн. собр. соч. - М.: Политиздат, 1977. - Т. 39. - С. 151-159.
211. Ленин, В.И. Победа кадетов и задачи рабочей партии // Ленин В.И. Полн. собр. соч. - М.: Политиздат, 1977. - Т. 12. - С. 271-352.
212. Ленин, В.И. Предварительный, черновой набросок тезисов насчёт крестьян. 8 февраля 1921 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. - М.: Политиздат, 1977. - Т. 42. - С. 333.
213. Ленин, В.И. Рабочим, мастеровым, служащим и комячейке станции Пролетарская Владикавказской железной дороги // Ленин В.И. Полн. собр. соч. - М.: Политиздат, 1977. - Т. 52. - С. 50-51.
214. Ленин, В.И. Развитие капитализма в России // Ленин В.И. Полн. собр. соч. - М.: Политиздат, 1977. - Т. 3. - С. 1-609.
215. Ленин, В.И. Речь на совещании представителей уездных, волостных и сельских исполнительных комитетов Московской губернии 15 октября 1920 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. - М.: Политиздат, 1977. Т. 41.- С. 362-361.

216. Ленин, В.И. Социализм и крестьянство // Ленин В.И. Полн. собр. соч. - М.: Политиздат, 1977. - Т. 11. - С. 282-291.
217. Ленин, В.И. Телеграмма М.И. Фрумкину // Ленин В.И. Полн. собр. соч. - М.: Политиздат, 1977. - Т. 52. - С. 305-306.
218. Ленин, В.И. Телеграмма М.И. Фрумкину и С.Д. Маркову // Ленин В.И. Полн. собр. соч. - М.: Политиздат, 1977. - Т. 52. - С. 306-307.
219. Ленин, В.И. Успехи и трудности Советской власти // Ленин В.И. Полн. собр. соч. - М.: Политиздат, 1977. - Т. 38. - С. 39-73.
220. Микоян, А.И. Партия и казачество. Статьи и речи. - Ростов н/Д: Советский Юг, 1925. - 66 с.
221. Преображенский, Е.А. Основной закон социалистического накопления // Вестник Коммунистической академии. - 1924. - № 8. - С. 47-116.
222. Рыков, А.И. Деревня, новая экономическая политика и кооперация. - М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. - 46 с.
223. Рыков А.И. Избранные произведения. - М.: Экономика, 1990. - 494 с.
224. Смирнов А.П. Политика советской власти в деревне и расслоение крестьянства: (Кулак, бедняк и середняк). - М.; Л.: Гос. изд-во, 1926 [обл. 1925]. - 54 с.
225. Сокольников, Г.Я. Пройденный путь и новые задачи. - М.: Фин. изд-во НКФ СССР, 1926. - 48 с.
226. Сталин И.В. Письмо в редакцию журнала «Пролетарская Революция» // Вопросы ленинизма. Изд. 9-е, доп. М.: Партийное издательство, 1933. С. 604-614.
227. Сталин, И.В. К вопросам аграрной политики в СССР. Речь на конференции аграрников-марксистов. 27 декабря 1929 г. // Вопросы ленинизма. Изд. 9-е, доп. - М.: Партийное издательство, 1933. С. 442-460.
228. Сталин, И.В. На хлебном фронте. Из беседы со студентами Института Красной профессуры, Комкадемии и Свердловского университета 28

мая 1928 г. // Вопросы ленинизма. Изд. 9-е, доп. - М.: Партийное издательство, 1933. - С. 315-321.

229. Сталин, И.В. О лозунге диктатуры пролетариата беднейшего крестьянства в период подготовки Октября. Ответ С. Покровскому // Сталин И.В. Вопросы ленинизма. Изд. 9-е, доп. - М.: Партийное издательство, 1933. - С. 255-262.

230. Сталин, И.В. Об индустриализации страны и о правом уклоне в ВКП(б). Речь на пленуме ЦК ВКП(б) 19 ноября 1928 г. // Сталин И.В. Вопросы ленинизма. Изд. 9-е, доп. - М.: Партийное издательство, 1933. - С. 347-384.

231. Сталин, И.В. Политический отчет Центрального комитета на XVI съезде ВКП(б) (Доклад и заключительное слово 27 июня-2 июля 1930 г.) // Вопросы ленинизма. Изд. 9-е, доп. - М.: Партийное издательство, 1933. - С. 487-577.

232. Сталин, И.В. Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы. 9 февраля 1946 г. // Ленин В.И., Сталин И.В. О социалистическом государстве и советской демократии. Изд. 2-е, доп. - М.: Государственное издательство политической литературы, 1947. - С. 641-657.

233. Сталин, И.В. Статьи и речи: Сплошная коллективизация и ликвидация кулачества как класса. - Ростов н/Д: Северный Кавказ, 1930. - 136 с.

234. Троцкий, Л.Д. Вопросы быта. Эпоха «культурничества» и ее задачи. - М.: Красная новь, 1923. - 117 с.

235. Троцкий, Л.Д. Основные вопросы революции. - М.: Пг.: Госиздат, 1923. - 421 с.

236. Троцкий, Л.Д. Ответы на вопросы Б. Никитина // Архив Троцкого: Коммунистическая оппозиция в СССР 1923-1927 / ред.-сост. Ю. Фельштинский. - М.: Терра, 1990. - Т. 2. - С. 58.

237. Троцкий, Л.Д. Сочинения. - М.; Л.: Госиздат, 1927. - Т. 15. - 600 с.

238. Троцкий, Л.Д. Сталин. - М.: Русский Шахматный Дом, 2018. - 592 с.

239. Троцкий, Л.Д. Чтобы перестроить быт, надо познать его // Троцкий Л.Д. Проблемы культуры. Культура переходного периода. - М.: Госиздат, 1927.

240. Эйсмонт, Н.Б. Перспективы хозяйственного строительства Северо-Кавказского края. - Ростов н/Д: Изд-во Сев.-Кав. крайкома РКП(б), 1925. - 22 с.

241. Энгельс, Ф. Крестьянский вопрос во Франции и Германии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. - Т. 22. - С. 501-525.

242. Ярославский, Е. РКП, коммунизм и крестьянство. - М.; Л.: Молодая гвардия, 1925. - 96 с.

5. Публицистика

158. Азизян, А.К. Аренда земли и борьба с кулаком. - М.; Л.: Госиздат, 1929. - 118 с.

159. Асаульченко, П. К восстановлению сельского хозяйства на Кубани // Путь Советов. - 1922. - № 3-4.

160. Бауман, К.Я., Любимов, И.Е. Партия и оживление работы советов. - М.: Московский рабочий, 1925. - 30 с.

161. Бобылёв, М. Тракторное хозяйство в Северокавказском крае // Северо-Кавказский край. - Ростов н/Д, 1925. - № 11-12. - С. 44-67.

162. Боговой, И.В. Организация деревенской бедноты и борьба против кулачества. - М.; Л.: Московский рабочий, 1928. - 112 с.

163. Болтянский, Г.М. Ленин и кино. - М.; Л.: Гос. изд-во, 1925. - 96 с.

164. Буров, Я.И. Деревня на переломе: (Год работы в деревне) / предисл.: В. Карпинский. - М.; Л.: Гос. изд-во, 1926 - 278 с.

165. Воронович, Н.В. Меж. двух огней (Записки зелёного) // Архив русской революции. Репринт. изд. - М.: Terra, 1991. - Т. 7. - С. 53-183.

166. Воронович, Н.В. Разоренная Кубань // Нужды деревни. - Берлин, 1922. - № 3. - С. 58-63.

167. Гайстер, А.И. Расслоение советской деревни. - М.: Изд-во Комакадемии, 1929. - 141 с.
168. Горюнов, П.М. О казачьем вопросе (Из наблюдений и опыта работы по Ейскому району Донского округа). Новочеркасск: Изд-во Дон. комитета РКП(б), 1925. - 32 с.
169. Горюнов, П.М. О перевыборах советов на Дону. Ростов н/Д: Изд-во Дон. окружкама ВКП(б), 1927. - 49 с.
170. Дейчман, И. Кооперация в деревне как она есть (По материалам Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б)). - Ростов н/Д: Прибой, 1924. - 98 с.
171. Деревня при НЭПе. Кого считать кулаком, кого - тружеником. Что говорят об этом крестьяне? / предисл. Л.С. Сосновского. - М.: Красная новь, 1924. - 110 с.
172. Заметки о деревне / под ред. Г.И. Окуловой. - М.: Академия коммунистического воспитания, 1927. - 116 с.
173. Ильин, Т.Ф. Кто такой кулак и почему с ним надо бороться. - Ростов н/Д: Кн. изд-во «Северный Кавказ», 1930. - 40 с.
174. Каврайский, В. Классовое расслоение в деревне и политика партии. - Новосибирск: Сибкрайиздат, 1929. - 28 с.
175. Казачество под большевистским знаменем. - Пятигорск: Сев.-Кав. краев. гос. изд-во, 1936. - 71 с.
176. Как живёт и чем болеет деревня (По материалам комиссии по обследованию деревни на Юго-Востоке) / под ред. Н.Л. Янчевского. - М.; Ростов н/Д: Прибой, 1924. - 26 с.
177. Кактынь, А. Новая экономическая политика и «ножницы» (очередные задачи экономической политики). - М.: Красная новь, 1924. - 131 с.
178. Капалкин, В.М. Отменяет ли партия НЭП. - М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. - 40 с.
179. Киселёв, А.С. Вопросы укрепления и улучшения работы волисполкомов и сельсоветов. - М.: Изд. комиссии по низовому соваппарату при Президиуме ЦИК Союза ССР, 1925. - Ч. 1. - 76 с.

180. Клейнер, И.М. Действительность кубанской станицы. - Краснодар: Буревестник, 1924. - 124 с.
181. Клейнер, И.М. Очередные задачи волостных исполнительных комитетов на Кубани. - Краснодар: Кубано-Черномор. обл. испол. ком., 1922. - 47 с.
182. Колхозное строительство на Кубани // Северо-Кавказский край. - Ростов н/Д, 1928. - № 6-7. - с. 35-47.
243. Коновалов, А. Состояние сельского хозяйства на Юго-Востоке России в 1922 и 1923 гг. // Юго-Восток. - Ростов н/Д, 1924. - № 1-2. - С. 23-46.
244. Крестьяне о советской власти / сост. Я. Селих и И. Гриневский. - М.; Л.: Государственное издательство, 1929. - 304 с.
245. Кубанская станица на выборах в Советы (март 1925 года). Краснодар: Гос. изд-во, 1925. - 39 с.
246. Курейко, М.Г. Кулак - враг колхоза. - Ростов н/Д: Северный Кавказ, 1930. 56 с.
247. Лаврентьев, З. Оживление советов в деревне. - Л.: Прибой, 1925. - 32 с.
248. Лантух, Л. Колхозы на Дону // Северо-Кавказский край. - Ростов н/Д, 1928. - № 8-9. - С. 23-26.
249. Левин, С. Сельское хозяйство края в 1924-1925 году (по данным налогового учёта 1925 г.) // Северо-Кавказский край. - Ростов н/Д, 1925. - № 9. - С. 31-49.
183. Лежнев И. XX век или век XVII? // Новая Россия. Общественно-политический и литературно-художественный журнал - 1926. - № 3. - С. 1-8.
184. Лежнев И. НЭП - национальная экономическая политика // Новая Россия. Общественно-политический и литературно-художественный журнал - 1926. - Февраль. № 2. -С. 15-24.
250. Летавин, Н.И. Нивелировка или социальная маскировка // Северо-Кавказский край. - Ростов н/Д, 1925. - № 4-5. - С. 18-28.

251. Лифшиц, М.И. Налоговая политика ВКП(б) и оппозиция. - М.; Л.: Московский рабочий, 1928. - 80 с.
252. Лифшиц, М.И. Налоговая политика советской власти и новый сельскохозяйственный налог: Материалы для деревенских политпросветработников в семи беседах - М., 1926. - 87 с.
253. Лицо Донской деревни (по материалам обследования ДонКК и ДонРКИ). - Ростов н/Д: Изд-вл ДонРКИ, 1925. - 202 с.
254. Любимов, И. Оживление работы советов и советская общественность в деревне. - М.: Книгосоюз, 1925. - 214 с.
255. Матюхин, В.В. О тракторных колоннах // Пути сельского хозяйства. - 1929. - № 9. - С. 14-21.
256. Миксон, А.О. Кулак - злейший враг колхозного строительства. - М.; Л.: Сельхозгиз, 1930. - 62 с.
257. Милуков, П.Н. Листки из дневника. Потеря перспектив // Последние новости. - Париж, 1925. - 2 августа.
258. Милуков, П.Н. Рецензия на «Экономический вестник» // Последние новости. - Париж, 1923. - 8 ноября.
259. Мир России – Евразия. Антология / сост. Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. - М.: Высшая школа, 1995. С. 233-290.
260. Михайлов, И. Итоги колхозного строительства (к 10-й годовщине Октября) // Северо-Кавказский край. - Ростов н/Д, 1927. - № 10. - С. 17-36.
261. Мурин, В.А. Быт и нравы деревенской молодежи. - М.: Новая Москва, 1926. - 159 с.
262. Наумов, К.И. Строительство крупных колхозов // Пути сельского хозяйства. - 1929. - № 5. - С. 13-28.
263. Неманов, Н.Г. Наша финансовая и налоговая политика. - Екатеринбург: Уралбюро ЦК РКП, 1922. - 24 с.
264. Одинцов, С.С. Сельское хозяйство Северо-Кавказского края к 10-летию Октября // Известия Северо-Кавказского крайисполкома. - Ростов н/Д, 1927. - № 11. - С. 23-39.

265. Орлов, С. К характеристике современного сельского хозяйства Юго-Востока России // Юго-Восток. - Ростов н/Д, 1923. - № 1. - С. 22-29.
266. Осинский, С. Краткий очерк сельскохозяйственной кооперации Юго-Востока. - Ростов н/Д: Изд-во Донкома РКП(б), 1924. – 116 с.
267. Повалюхин, И. Итоги и очередные задачи землеустройства в крае // Северо-Кавказский край. - Ростов н/Д, 1927. - № 11-12. - С. 41-56.
268. Резунов, М. Сельские советы и земельные общества.- М.: Изд-во Комакадемии, 1928. - 77 с.
269. Рельский, Д. Тракторные колонны края // Ленинский путь. - Ростов н/Д, 1929. - № 8. - С. 5-11.
270. Самойлов, В.А. Налоговая политика в деревне и единый сельскохозяйственный налог. - Владимир, 1923. - 60 с.
271. Сарабьянов, В. Основные проблемы НЭПа: план, регулирование, стихия. - М.; Л.: Московский рабочий, 1926. - 194 с.
272. Смена вех: Сборник статей Ю.В. Ключникова, Н.В. Устрялова, С.С. Лукьянова, А.В. Бобрищева-Пушкина, С.С. Чахотина и Ю.Н. Потехина. - Прага: Наша речь, 1921. - 184 с.
273. Туткин, Н. Ячейка РЛКСМ и сельсовет. - М.; Л.: Молодая гвардия, 1925. - 98 с.
274. Ужанский, С.Г. Дифференциация деревни. - М.; Л.: ГИЗ, 1928. – 216 с.
275. Усов, И. Сельскохозяйственная кооперация на Северном Кавказе // Северо-Кавказский край. - Ростов-на-Дону, 1927. - № 11–12. - С. 42-59.
276. Фёдоров, Б.В. НЭП - путь к социализму. - М.; Л.: Московский рабочий, 1928.
277. Червочкин, П. Колхозы Северо-Кавказского края. - Ростов н/Д: Крайиздат, 1928. - 139 с.
278. Чёрный, В.Ф. Перевыборы Советов и сословно-классовые отношения на Кубани // На аграрном фронте. - 1928. - № 1. - С. 86-93.

279. Чёрный, В.Ф. Политика партии на Кубани в области землеустройства // На аграрном фронте. - 1927. - № 2. - С. 45-61.

280. Чугунов, С.И. Что показали последние перевыборы советов. - М.: ГИЗ, 1926. - 113 с.

281. Штейн, Б.Е. Торговая политика и торговые договора Советской России 1917-1922 гг. - М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. - 248 с.

282. Яковлев, Я.А. Деревня как она есть. Очерки Никольской волости. 4-е изд. М.; Л.: Красная новь, 1925. - 136 с.

283. Яковлев, Я.А. Итоги развития аренды в сельском хозяйстве и задачи нашей экономической политики // Большевик. - 1927. - № 15-16. - С. 49.

284. Яковлев, Я.А. Наша деревня: Новое в старом, старое в новом. Знаменская волость Тамбовской губернии: брошюра / Я.А. Яковлев. - М.: Красная новь, 1925. - 176 с.

285. Янсон, П.М. Советский актив в борьбе за новую деревню. Л.: Изд-во Лениблисполкома и Ленсовета, 1932. - 56 с.

6. Статистические материалы

286. Буцко, Б. Сельское хозяйство // Население и хозяйство Кубанско-Черноморской области. Статистический сборник за 1922-23 год. - Краснодар: Буревестник, 1924. - С. 299-363, 369-377, 404-424.

287. В план станицу, село и аул. Руководство по составлению и проведению сельскохозяйственных производственных планов станичных, сельских и аульных советов. - Ростов н/Д: Северо-Кавказское краевое земельное управление, 1929. - 116 с.

288. Всероссийская перепись членов РКП 1922 года / Статистический отдел ЦК РКП(б). - М.: Издательское отделением ЦК РКП, 1922-1924. - Вып. 4: Состав РКП(б) по итогам предварительной разработки. 1923. - 47 с.

289. Всесоюзная перепись населения 1926 года: В 56 т. / Центр. стат. упр. СССР. Отдел переписи. - М.: ЦСУ СССР, 1928-1930. - Т. V. - 388 с.

290. Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 г. (городские советы, сельские советы, волсъезды, волисполкомы). Статист. сборник / под ред. С.М. Гурвича, Н.А. Кокотова. - М.: Изд-во НКВД РСФСР, 1926. - Ч. 1. - 258 с.
291. Донской статистический ежегодник. 1923 г. / Донской окр. стат. отд. Ростов н/Д: Изд-во Дон. статбюро, 1923. - 307 с.
292. Избирательная кампания в Советы РСФСР в 1924–1925 г. (Предварительные итоги). М.: Изд-во НКВД, 1925. - 172 с.
293. Избирательная кампания по РСФСР в 1923 г.: К XI Всероссийскому съезду Советов РСФСР / предисл. И. Хлопьянкина. - М.: Изд-во НКВД, 1924. - 43 с.
294. Казачество Северо-Кавказского края. Итоги переписи населения 1926 г. / ред. Н.И. Воробьёв; предисл. А.И. Гозулова. - Ростов н/Д: Сев.-Кав. краев. исполн. комитет, 1928. - 99 с.
295. Контрольные цифры народного хозяйства Кубанского округа на 1928-1929 год. - Краснодар: Кубанская окружная плановая комиссия, 1928.
296. Краснодарская краевая организация КПСС в цифрах, 1917-1978 / А.Г. Бояджи, Р.А. Гулидова, А.А. Гелдыш; предисл. И.И. Алексеенко, А.А. Гелдыша. - Краснодар: Кн. изд-во, 1978. - 255 с.
297. Материалы к докладу о работе Кубанского окружного исполнительного комитета за 1924-25, 1925-26, 1926-27 и первую половину 1927-1928 гг. - Краснодар: Глав. тип. Кубполиграфа, 1928. - 117 с.
298. Материалы к отчетному докладу Донского окружного комитета ВКП(б) на XVI Донской окружной партийной конференции. - Таганрог: Изд-во «Донская правда», 1930. - 147 с.
299. Народное хозяйство Ростовской области за 20 лет / сост. под рук. А.И. Гозулова. - Ростов н/Д, Ростиздат, 1940. - 436 с.
300. Обзор конъюнктуры народного хозяйства Кубанского округа; 1927-1928 гг. Основные показатели конъюнктуры народного хозяйства Кубанского округа. - Краснодар: Кубанская окружная плановая комиссия при Кубокриспокоме, 1928. - 61 с.

301. Подворная перепись 1923 г. в Кубано-Черноморской области. Вып. 1. Поволостные итоги. - Краснодар, 1924. - 79 с.

302. Предварительные итоги избирательной кампании в советы РСФСР в 1924-1925 г. - М.: Р.С.Ф.С.Р., Народный комиссариат внутренних дел, Статистическое бюро, 1925. - 172 с.

303. Рубакин, Н.А. Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы: опыт статистической характеристики сословно-классового состава населения русского государства: Сто лет спустя. - М.: РАГС, 2009. - 308 с.

304. Северо-Кавказская краевая организация ВКП(б) в цифрах. - Ростов н/Д: Сев. Кавказ, 1926. - Вып. 2. - 39 с.

305. Северо-Кавказский край. Цифры и диаграммы. - Ростов н/Д: Донокрит, 1926. - 111 с.

306. Сельское хозяйство России в XX веке: Сборник статистико-экономических сведений за 1901-1922 гг. / сост. под ближайшей ред. и рук. Н.П. Огановского; под общ. ред. Н.Д. Кондратьева. - М.: Новая деревня, 1923. - 340 с.

307. Сельскохозяйственная кооперация Северо-Кавказского края в 1924–1925 гг. - Ростов н/Д, 1926. - 88 с.

308. Список населённых мест Северо-Кавказского края. - Ростов н/Д, 1925. - 639 с.

309. Тяжесть обложения в СССР: Социальный состав, доходы и налоговые платежи населения Союза ССР в 1924/25, 1925/26 и 1926/27 г. - М.: Гос. фин. изд-во, 1929. - 172, 11 с.

7. Воспоминания

310. Бердяев, С.К. Разбои на Северном Кавказе. Из воспоминаний старого администратора (Период 1907-1915 г.). Париж: Imprimerie d'Art, 1936. - 71 с.

311. Буденный, С.М. Пройденный путь. В 3-х кн. - М. Военное издательство Министерства обороны СССР, 1958-1965. - Кн. 1-2. - 448 с.

312. Игнатъев, А.А. Пятьдесят лет в строю. - Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1959. - 591 с.

313. История семьи Калиновых. Из воспоминаний Ольги Семёновны Калиновой (хутор Дамановка Даниловского района Волгоградской области). Запись Валерия Виноградского. 1992 г. // Голоса крестьян: Сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах / сост. и обраб. Е.М. Ковалёв. - М.: Аспект Пресс, 1996.

314. Каганович, Л.М. Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника. - М.: Вагриус, 1996. - 570 с.

315. Как мы освобождали Ростов: Сборник составлен Азово-Черноморским краевым землячеством 1 конной армии и ред. газ. «Красный кавалерист» / под общ. ред. П. Я. Ивангородского. - Ростов н/Д: Азчериздат, 1935. - 168 с.

316. Коробков, Д.И. Воспоминания донского казака / сост. С.А. Коробков. - СПб.: Дума, 2002. - 272 с.

317. Микоян, А.И. В начале двадцатых... - М.: Политиздат, 1975. – 383 с.

318. Микоян, А.И. На Северном Кавказе // Новый мир. - 1973. - № 7. - С. 184-206.

319. Первая борозда / сост. А.Ф. Чмыга, М.О. Левкович. - М.: Политиздат, 1981. - 350 с.

320. Скобцов, Д.Е. Три года революции и гражданской войны на Кубани. – М.: Кучково поле, 2015. - 542 с.

321. Станица Кужорская: историко-архивные документы, воспоминания / авт.-сост. Г.М. Романова. - Майкоп: Полиграф-Юг, 2017. - 398 с.

322. Черепахин, Г.В. Годы борьбы: Воспоминания старого большевика / лит. обраб. С. Швецова. - Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1955. - 72 с.

8. Периодические издания

Центральные

323. Беднота. Газета ЦК РКП(б). - 1920; 1921, 1922, 1929.

324. Вестник землеустройства и переселения. - 1928. № 4.
325. Вестник сельского хозяйства. - 1922. - № 6-7.
326. Вестник сельского хозяйства. - 1922. - № 6-7.
327. Вопросы социального обеспечения. - 1926. - № 5; 1929. - № 10.
328. Голос трудового казачества. - 1920. 1 февраля.
329. Известия ВЦИК. - 1921. 3 августа.
330. Известия ЦК РКП(б). - 1920. - № 24; 25; 27.
331. Крестьянская газета. Издание ЦК ВКП(б). - 1926.
332. Правда. - Газета ЦК и Московского Комитета партии. - 1921, 1923, 1925, 1926-1929.
333. Руль. - Берлин, 1923.
334. Сельское и лесное хозяйство. - 1922. - № 1-2.

Региональные

335. Верхне-Донская правда. - Вешенская, 1921. 15 июня. № 8; 22 октября. № 16; 29 октября. № 17.
336. Донская беднота. - Р1921. 1 июля.
337. Донская правда. - Н-Чирская, 1921. 28 апреля. № 17.
338. Донской кооператор. - Ростов н/Д, 1922. № 1(15). 1 января. С. 2, 3.
339. Донской пахарь. - Ростов н/Д, 1922, 1923.
340. Думы бедняка. - Миллерово, 1921. 23 марта. № 28; 22 мая. № 44.
341. Знамя труда. - Славянская. 1922. 1 февраля. № 20; 3 марта. № 36.
342. Известия 1-го Донского Окружного Комитета РКП(б). - 1921. 25 февраля, 30 ноября; 1922. № 1 (2).
343. Известия Донского комитета РКП(б). - Ростов н/Д, 1922. № 1 (2).
344. Известия Кубанско-Черноморского областного комитета РКП(б). - Краснодар, 1921. - № 2, 3, 9.
345. Известия Северо-Кавказского крайкома ВКП(б). - Ростов н/Д, 1926. - № 7, 8; 1927. - № 1, 11, 19; 1929. - № 21, 22.
346. Известия Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б). - Ростов н/Д, 1921. № 7(12); 1922. - № 2 (9); № 4 (11); 1923. - № 2.

347. Известия. Ейского Отдельского Исполнительного Комитета и Комитета РКП(б). - 1921. - 10 августа. № 16.
348. Красное знамя. – Краснодар, 1920, 1921, 1922, 1923, 1924, 1925, 1928.
349. Красное Черноморье. - Новороссийск, 1920, 1921, 1922, 1923, 1924, 1925.
350. Красный Дон. - Новочеркасск, 1920, 1921.
351. Красный пахарь. - Майкоп, 1923, 1924, 1925.
352. Кубанский кооператор. - Краснодар, 1923. - № 3.
353. Лабинская беднота. - 1920.
354. Молот. – Ростов н/Д, 1924; 1925; 1926; 1929.
355. Пролетарий Дона. - Константиновская, 1921.
356. Путь хлебороба. - Ейск, 1922.
357. Сальский пахарь. - Сальск, 1921, 1926.
358. Сельско-хозяйственная кооперация. - Краснодар, 1923. – 15 окт. - № 8.
359. Серп и молот. Изд. Азовского отделения РОСТА. - Азов, 1921.
360. Советский Дон. - Ростов н/Д, 1920.
361. Советский пахарь. - Ростов н/Д, 1924-1929.
362. Советский Юг. - Ростов н/Д, 1921, 1924, 1927.
363. Стенная газета Куб-Чер-РОСТА (Славянского Районного отд. РОСТА). - Славянская, 1921.
364. Трудовое знамя. - Ейск, 1925, 1926.
365. Трудовой Дон. - Ростов н/Д, 1922, 1924.
366. Трудовой путь. - Армавир, 1922, 1923, 1925.

9. Сборники документов

367. Большевистское руководство. Переписка. 1912-1927. Сборник документов / сост.: А.В. Квашонкин, О.В. Хлевнюк, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. - 423 с.

368. Борьба за Советскую власть на Кубани в 1917-1920 гг.: Сборник документов и материалов / сост.: Г.Т. Чучмай, В.Ф. Латкин, Я.И. Куценко, Л.Н. Корниенко. - Краснодар: Кн. изд-во, 1957. - 436 с.

369. Борьба КПСС за социалистическую индустриализацию страны и подготовку сплошной коллективизации сельского хозяйства (1926-1929 годы): Документы и материалы. - М.: Госполитиздат, 1960. - 512 с.

370. Восстановительный период на Дону (1921–1925 гг.). Сб. документов / науч. ред. П.В. Барчугов. - Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1962. - 496 с.

371. Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927-1932 гг.: Сборник / сост. В.П. Данилов и Н.А. Ивницкий. - М.: Политиздат, 1989. - 526 с.

372. Зеленая книга. История крестьянского движения в Черноморской губернии: Сборник материалов и документов / собр. Н.В. Воронович. - Прага: Изд. Черномор. крестьянск. делегации, 1921. - 166 с.

373. Как ломали нэп. Стенограмма пленумов ЦК ВКП (б) 1928-1929 гг. В 5 т. Т. 5. Объединенный пленум ЦК ВКП(б) 6-11 апреля 1928 г. / ред. кол. тома В.П. Данилов, О.В. Хлевнюк. - М.: Демократия; Материк, 2000. - 702 с.

374. Как ломали нэп. Стенограмма пленумов ЦК ВКП (б) 1928-1929 гг. Т. 2. Пленум ЦК ВКП (б) 4-12 июля 1928 г. / ред. кол. тома В.П. Данилов, О.В. Хлевнюк (отв. ред.), Н.В. Муравьева, Н.А. Сидоров. - М.: Международный фонд «Демократия», 2000. - 718 с.

375. Коллективизация и развитие сельского хозяйства на Кубани (1927–1941 гг.). Сб. документов. В 2-х т. / науч. ред. И.И. Алексеенко. - Краснодар: Кн. изд-во, 1981. - Т. 2. - 207 с.

376. Коллективизация сельского хозяйства на Кубани. Сб. документов и материалов / под ред. С.Ф. Парашенко, А.Н. Трубицыной. - Краснодар, 1959. - Т. 1. 1918–1927 гг. - 202 с.

377. Контроль по-ленински. Документы рассказывают: об организации и деятельности органов КК-РКИ на Дону / сост.: О.А. Богдановская, И.М. Борохова и Е.В. Миронов. - Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1965. - 78 с.

378. Кооперативно-колхозное строительство в СССР, 1923-1927: Документы и материалы / сост. Е.А. Тюрина и др. - М.: Наука, 1991. - 428 с.
379. Кубанская ЧК: Органы госбезопасности Кубани в документах и воспоминаниях / сост. Н.Т. Панчишкин, В.В. Гусев, Н.В. Сидоренко. - Краснодар: Советская Кубань, 1997. - 672 с.
380. Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД: Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Янв. 1922 - дек. 1936 / сост.: В.Н. Хаустов и др. - Москва: Демократия, 2003. - 910 с.
381. Наш край. Из истории советского Дона. Документы. Октябрь 1917 - 1965 / отв. ред. А.Г. Беспалова. - Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1968. - 622 с.
382. Партия в борьбе за восстановление народного хозяйства (1921-1925 гг.): Документы и материалы / сост. М.В. Кабанов. - М.: Госполитиздат, 1961.
383. Партия в период наступления социализма по всему фронту: Создание колхозного строя (1929-1932 гг.): Документы и материалы / сост. Б.С. Власов. - М.: Госполитиздат, 1961. - 463 с.
384. Пропаганда противоборствующих сил на Кубани и Черноморье в 1919-1922 гг.: сборник документов и материалов / авт.-сост. А.А. Черкасов. - Сочи: РИО СГУТиКД, 2003. - 68 с.
385. РКП(б): внутрипартийная борьба в двадцатые годы. Документы и материалы. 1923. - М.: РОССПЭН, 2004. - 464 с.
386. Сборник документов по истории СССР. Эпоха социализма. Вып. 2. 1921-1932 гг. / под ред. В.З. Дробижева. - М.: Высшая школа, 1979. - 271 с.
387. «Совершенно секретно»: Лубянка - Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.): в 10 т. / редкол.: Ю.Л. Дьяков (отв. ред.) и др. - М.: Наука, 2001. - Т. 1. - Ч. 1. - 490 с.; Т. 1. - Ч. 2. - 613 с.; Т. 2. - 511 с.; Т. 4. - Ч. 1. 704 с.; Т. 4. - Ч. 2. - 487 с.; 2003. - Т. 5. - 798 с.; 2002. - Т. 6. - 795 с.; 2004. - Т. 7. - 767 с.; 2008. - Т. 8. - Ч. 1. - 863 с.; Т. 8. - Ч. 2. - 872 с.; 2013. - Т. 9. - 896 с.; 2017. - Т. 10. - 656 с.

388. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Документы и материалы. В 4-х т. / Т. 2. 1923-1929 гг. / под ред. А. Береловича, В.П. Данилова. – М.: РОССПЭН, 2000. - 1168 с.

389. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939: Документы и материалы: В 4-х т. Т. 1. 1918-1922 гг. / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. - 864 с.

390. Советы народного хозяйства и плановые органы в центре и на местах. (1917-1932). Сборник документов. - М.: Госполитиздат, 1957. - 231 с.

391. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы. В 5 т. Т. 1. Май 1927 - ноябрь 1929 / под ред. В.П. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виола. – М.: РОССПЭН, 1999. – 877 с.

392. Управление народным хозяйством СССР. 1917-1940 гг.: Сборник документов / ред. В.З. Дробижев и др. - М.: Экономика, 1968. - 240 с.

393. Хрестоматия по истории Кубани / науч. ред. В.В. Касьянов. - Краснодар: Периодика Кубани, 2015. - 400 с.

394. Хронология событий на Кубани с 17 марта по 31 декабря 1920 года / Кубано-Черномор. архив. упр.; отд-ние истории революции. - Краснодар: Гос. изд-во; Кубано-Черномор. отд-ние, 1921. - 16 с.

10. Документы личного происхождения

395. Голос народа. Письма и отклики советских граждан о событиях 1918-1932 гг. - М.: РОССПЭН, 1997. - 650 с.

396. Крестная ноша. Трагедия казачества. Ч. I. Как научить собаку есть горчицу. 1924–1934 / сост. В.С. Сидоров. - Ростов н/Д: Гефест, 1994. - 512 с.

397. Крестьяне о советской власти / сост. Селих Я., Гриневский И. М. - Л.: Гос. изд-во, 1929. - 303 с.

398. Крестьянские истории: Российская деревня 1920-х годов в письмах и документах / сост., авт. предисл. С.С. Крюкова. – М.: РОССПЭН, 2001. - 230 с.

399. Письма во власть. 1928–1939. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям / сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов, О.В. Хлевнюк. - М.: РОССПЭН, 2002. - 528 с.

400. Российская и советская деревня первой половины XX века глазами крестьян: Взгляды из эмиграции / сост., подгот. текста, предисл., коммент. Н.Ф. Гриценко. – М.: Русский путь, 2009. - 488 с.

11. Научная литература

401. Абдулатипов, Р.Г. Мой русский народ: кубанские казаки. - М: Классикс Стил, 2006. - 158 с.

402. Агацци, Э. Научная объективность и ее контексты / под ред. и с предисл. В.А. Лекторского. - М.: Прогресс-Традиция, 2017. - 688 с.

403. Аграрная политика Коммунистической партии на Дону и Северном Кавказе (1920-1937) / С.М. Смагина, Я.А. Перехов, Н.Г. Цыганаш и др. - Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1985. - 165 с.

404. Алексеев, Г.М. Крестьянство и власть в условиях нэпа / Г.М. Алексеев // Государственная власть и крестьянство в XIX - начале XXI века. Сб. статей Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. А.И. Шевельков. - Коломна: Изд-во КГПИ, 2007. - Ч. I. - С. 188-194.

405. Алексеев, В.В., Алексеева, Е.В., Денисевич, М.Н., Побережников, И.В. Региональное развитие в контексте модернизации. - Екатеринбург; Лувен: Урал. отд-ние РАН, 1997. - 326 с.

406. Алёшкин, П.Ф. Крестьянские восстания в России в 1918-1922 гг. От махновщины до антоновщины. - М.: Вече, 2012. - 400 с.

407. Альтернативы большевистской модернизации в годы новой экономической политики / отв. ред. С.В. Виноградов. - М.: НИИ ИЭП, 2014. - 140 с.

408. Анфертьев, И.А. Особенности деятельности ЦКК РКП(б)-ВКП(б) в сельской местности в 1920-е гг. // Крестьянство и власть в истории России XX века: Сб. науч. статей участников Междунар. круглого стола (Журнал «Власть»»,

Институт социологии РАН, Москва, 12 ноября 2010 г.). - М.: ООО «АПР», 2011. - Вып. 2. - С. 48-62.

409. Апостолов, Л.Я. Кубано-Черноморский край. Краткий очерк его современного состояния с приложением карты. - Краснодар: Тип. Культура, 1924. - 54 с.

410. Архипов, В.А., Морозов, Л.Ф. Борьба против капиталистических элементов в промышленности и торговле 20-е - начало 30-х годов. - М.: Мысль, 1978. - 263 с.

411. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). - Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. - Т. 1. - 804 с.

412. Бакланов, В.И. К вопросу о незавершенности капиталистической модернизации в России // Представительная власть - XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. - 2014. - № 1 (128). - С. 8-9.

413. Баранов, А.В. «Военная тревога» 1927 г. как фактор развития политических ориентаций земледельцев Юга России // Каспийский регион: политика, экономика, культура. - Астрахань, 2011. - № 4. - С. 11-16.

414. Баранов, А.В. Многоукладное общество Северного Кавказа в условиях новой экономической политики. - Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 1999. - 346 с.

415. Баранов, А.В. Повстанческие движения казачества и крестьянства на Северном Кавказе в условиях становления нэпа (1921-1922 гг.) // Кубань. 1920-е. Сб. науч. тр. - Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 1996. - С. 25-41.

416. Баранов, А.В. Повстанческое движение «бело-зеленых» в казачьих областях Юга России (1920-1924 гг.) // Альманах «Белая гвардия». № 8. Казачество России в Белом движении. - М.: Посев, 2005. - С. 119-129.

417. Баранов, А.В. Политические настроения земледельцев казачества Юга России в условиях «расширения» нэпа 1924-1926 гг. (по материалам информационных сводок ОГПУ) // Новейшая история Россия. - СПб., 2013. - № 3. - С. 112-125.

418. Баранов, А.В. Революция 1917–1921 гг. в России: опыт преодоления посредством нэпа (иллюзии и реальность) // Юг России в условиях революционных потрясений, вооруженных конфликтов и социально-политических кризисов, 1917–2017 гг.: материалы Всерос. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 5–6 окт. 2017 г.). Ростов н/Д. Изд-во ЮНЦ РАН, 2017. С. 193-201.

419. Баранов, А.В. Социальное и политическое развитие Северного Кавказа в условиях новой экономической политики (1921–1929 гг.). - СПб.: Нестор, 1996. - 353 с.

420. Баранов, А.В. Экономическое и социальное развитие Юга России в условиях новой экономической политики 1920-х гг. - Краснодар. Кубан. гос. ун-т, 2019. - 253 с.

421. Баранов, А.В., Васильев, И.Ю. Причины провала украинизации на Кубани в годы Гражданской войны и нэпа // Клио. - СПб., 2015. - № 6. - С. 61-67.

422. Бежкович, А.С. Коллективизация сельского хозяйства на Юге России. - Л.: Книгосоюз, 1927. - 149 с.

423. Без грифа «Секретно»: из истории органов безопасности на Кубани: очерки, статьи, документальные повести / ред. совет: И.С. Колосов (пред.) и др.; сост.: А.М. Беляев и др. Изд. 2-е, испр. и доп. - Краснодар: Диапазон-В, 2008. - 630 с.

424. Безруков, М.П., Кулешов, С.В., Медушевский, А.Н., Свириденко, Ю.П. Новейшая история России в политико-историческом измерении. - М.: Пробел-2000, 2006. - 361 с.

425. Бейдик, А.И. Кубань прежде и теперь. Памятка читателю. - Краснодар: Кн. изд-во, 1957.

426. Белозерцев, А.Г. Земля и хлеб России: историко-экономический очерк (1900-2005 гг.). – М.: Изд-во МСХА, 2005. - 379 с.

427. Бернштам, М.С. Стороны в гражданской войне 1917-1922 гг.: (проблематика, методология, статистика). - М.: б.и., 1992. - 95 с.

428. Берхин, И.Б. Ленинский план построения социализма. - М.: Изд-во АН СССР, 1960. - 127 с.

429. Берхин, И.Б. Основные этапы формирования кооперативного плана В.И. Ленина // История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР. Материалы научной сессии, состоявшейся 18-21 апр. 1961 г. в Москве. - М.: Изд-во АН СССР, 1963. - С. 166-191.

430. Бершадская, О.В. Государственные мероприятия по развитию крестьянских хозяйств Черноморского округа в годы НЭПа // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века. Сб. статей Междунар. науч.-практ. конф. - Коломна: Изд-во МГОСГИ, 2013. - С. 213-219.

431. Бехтерева, Л.Н. Проблемы новой экономической политики 1920-х годов в современной отечественной историографии // Вестник Удмуртского университета. - Ижевск, 2010. - Вып. 1. - С. 57-64.

432. Богомолова, Е.В. Управление советской экономикой в 20-е годы: опыт регулирования и самоорганизации. - М.: ИНИОН РАН, 1993. - 159 с.

433. Боева, А.А. «Особенная каста»: ВЧК-ОГПУ и укрепление коммунистического режима в годы нэпа. - М.: АИРО-XXI, 2009. - 208 с.

434. Болдырев, М. Новая волость. - М.: Красная новь, 1924. - 54 с.

435. Большаков, А.М. Советская деревня за 1917–1924 гг. Экономика и быт. - Л.: Прибой, 1924. - 172 с.

436. Большаков, А.М. Деревня, 1917-1927. - М.: Работник просвещения, 1927. - 471 с.

437. Большаков, А.М. Очерки деревни СССР. 1917-1926. - М.: Моск. рабочий, 1928. - 214 с.

438. Бондарев, В.А. Крестьянство и коллективизация: многоукладность социально-экономических отношений деревни в районах Дона, Кубани и Ставрополья в конце 20-х-30-х годах XX века. - Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2006. - 520 с.

439. Бондарев, В.А. Культурничество как вариант модернизации российской деревни в 1920-х гг. // Государственная власть и крестьянство в

XIX - начале XXI века. Сб. статей Междунар. науч.-практ. конф. - Коломна: Изд-во МГОСГИ, 2011. - С. 278-283.

440. Бондарев, В.А., Панкова-Козочкина, Т.В. Агротехнические новации в хозяйствах крестьян и казаков Юга России в 1920-х гг. // Дикаревские чтения (15, 16). Итоги фольклорно-этнографических исследований этнической культуры казачьих групп России за 2008-2010 гг. Избранные материалы двух Всерос. науч. конф. г. Краснодар, 7 ноябр. 2009 г.; г. Краснодар, 2-4 дек. 2011 г. - Краснодар: Эдви, 2013. С. 140-146.

441. Бондарев, В.А., Самсоненко, Т.А. Социальная помощь в колхозах 1930-х годов: на материалах Юга России. – Новочеркасск: Лик, 2010. - 302 с.

442. Бондарь, Н.И. Древо жизни: очерки традиционной народной культуры. Этнография, антропология, семиотика. - Краснодар: Традиция, 2019. - 576 с.

443. Боранова, Г.Н. Авантюра Лагутина // Донской временник. Год 2006-й. - Ростов н/Д: Донская государственная публичная библиотека, 2005. - Вып. 14. - С. 90-93.

444. Бордюгов, Г.А., Козлов, В.А. История и конъюнктура: Субъективные заметки об истории советского общества. - М.: Политиздат, 1991. - 350 с.

445. Бородавкина, Е.В. Выборы в Советы на Дону в 1925 году // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. - Ростов н/Д, 2010. - № 3. - С. 43-46.

446. Боффа, Дж. История Советского Союза. В 2 т. - М.: Международные отношения, 1990. - Т. 1. - 628 с.

447. Бруцкус, Б.Д. Экономические предпосылки возрождения сельского хозяйства // Вестник сельского хозяйства. - 1922. - № 6-7.

448. Бруцкус, Б.Д. Экспорт хлеба // Руль. - Берлин, 1923. 26 нояб.

449. Бугай, Н.Ф. Чрезвычайные органы Советской власти: ревкомы 1918-1921. - М.: Наука, 1990. - 318 с.

450. Бугай, Н.Ф., Джимов, Б.М. От ревкомов к Советам на Кубани. - Майкоп: Краснодар. кн. изд-во: Адыгейское отделение, 1989. - 231 с.

451. Булатов, И.Г. Борьба Коммунистической партии за развитие кооперативного движения в СССР, 1921-1925. - Пенза: Изд-во Пензен. гос. ун-та, 1961. - 362 с.

452. Булатов, И.Г. Кооперация и её роль в подготовке сплошной коллективизации. - М.: Соцэкгиз, 1960. - 200 с.

453. Булдаков, В.П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия. 1920-1930 гг. - М.: РОССПЭН, 2012. - 759 с.

454. Булыгина, Т.А. Историческая антропология и исследовательские подходы «новой локальной истории» // Человек на исторических поворотах XX века. - Краснодар: Кубанькино, 2006. - С. 27-34.

455. Варнавских, И.А. Продналог и процесс «рассказывания» на Кубани // Кубанское казачество: проблемы истории и возрождении. Тезисы докл. науч. конф. (К 200-летию основания города Екатеринодара и 43 кубанских станиц). - Краснодар: Советская Кубань, 1992. - С. 72-75.

456. Вдовин, А.И. СССР. История великой державы (1922-1991 гг.). - М.: РГ-Пресс, 2019. - 768 с.

457. Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире / сост. Т. Шанин. - М.: Прогресс-Академия, 1992. - 432 с.

458. Великий Октябрь и первые социально-экономические преобразования на Кубани / ред. кол.: В.П. Малышев (отв. ред.) и др. - Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та, 1974. - 126 с.

459. Венер, М. Лицом к деревне: советская власть и крестьянский вопрос (1924–1925 гг.) // Отечественная история. - 1993. - № 5. - С. 86-107.

460. Верт, Н. История Советского государства. 1900-1991. 3-е, испр. изд. - М.: Весь мир, 2006. - 559 с.

461. Верт, Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система. - М.: РОССПЭН; Фонд Первого президента Б.Н. Ельцина, 2010. - 447 с.

462. Виноградов, Н.А. Работа партии среди деревенской бедноты и борьба с кулаком. - М.; Л.: Моск. рабочий, 1928. - 57 с.

463. Виноградов, С.В. НЭП: опыт создания многоукладной экономики. Изд. 2-е, расшир. и доп. - Астрахань: ИП Сорокин Р.В., 2015. - 147 с.
464. Вишневский, А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. 2-е изд. - М.: ГУ-ВШЭ, 2010. - 431 с.
465. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. 1870-1924. В 12 т. - М.: Политиздат, 1977. - Т. 8. - 704 с.; 1978. - Т. 9. - XVI, 744 с.
466. Власкина, Т.Ю. Домашний мир на сломе эпох. Очерки традиционной культуры донских казаков (конец XIX - середина XX вв.). - Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. - 432 с.
467. Власть и крестьянский социум в условиях советской модернизации второй половины 1920-х - 1930-х гг. / отв. ред. Т.Д. Надькин. - Саранск: Мордовский гос. пед. ин-т, 2013. - 220 с.
468. Водолацкий, В.П., Скорик, А.П., Тикиджьян, Р.Г. Казачий Дон: очерки истории и культуры. - Ростов н/Д: Терра, 2005. - 448 с.
469. Волвенко, А.А. Донское казачество позднеимперской эпохи. Земля. Служба. Власть: Вторая половина XIX - начало XX в. - М.: Центрполиграф, 2018. - 223 с.
470. Волкогонов, Д.А. Ленин. Политический портрет. В 2 т. - М.: АПН, 1991. - Т. 2. - 509 с.
471. Волкушкин, А.В. История налогов в России. - М.: Магистр; ИНФРА-М, 2011. - 477 с.
472. Волошко, Т.П. Памятный двадцатый год: Борьба большевистских комитетов за советизацию Кубано-Черноморской области в 1920 г. - Краснодар: Кн. изд-во, 1964. - 64 с.
473. Воскобойников, Г.Л., Батырев, В.Д. Советская власть и казачество (1921 – июнь 1941). - М.: ООО Принт, 2003. - 196 с.
474. Воскобойников, Г.Л., Прилепский, Д.К. Казачество и социализм: Исторические очерки. - Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1986. - 160 с.

475. Вылцан, М.А., Данилов, В.П., Кабанов, В.В., Мошков, Ю.А. Коллективизация сельского хозяйства в СССР: пути, формы, достижения. Краткий очерк истории. - М.: Колос, 1982. - 400 с.

476. Гагарин, А. Хозяйство, жизнь и настроения деревни: (по итогам обследования Починковск. волости Смоленск. губ.). - М., Л.: Гос. изд-во, 1925. 112 с.

477. Генис, В.Л. Рассказывание в советской России // Вопросы истории. - 1994. - № 1. - С. 42-55.

478. Генкина, Э.Б. Переход советского государства к новой экономической политике (1921-1922 гг.). - М.: Госполитиздат, 1954. - 505 с.

479. Гимпельсон, Е.Г. «Военный коммунизм»: политика, практика, идеология. - М.: Мысль, 1973. - 296 с.

480. Гимпельсон, Е.Г. Нэп и советская политическая система. 20-е годы. - М.: ИРИ РАН, 2000. - 439 с.

481. Гимпельсон, Е.Г. НЭП. Новая экономическая политика Ленина—Сталина: проблемы и уроки (20-е гг. XX в.). - М.: Собрание, 2004. - 304 с.

482. Говоров, А.С. Монографии крестьянских хозяйств: Опыт изучения крестьянских хозяйств монографическим методом. – Самара: Губиздат, 1924. – 53 с.

483. Гозулов, А.И. Влияние мощности хозяйства на структуру основных свойств населения. - Ростов н/Д, Изд-во Дон. обл. стат. бюро, 1925. - 24 с.

484. Гозулов, А.И. Народное хозяйство Дона до и после Октября. - Ростов н/Д: Ростов. н/Д. финансово-экономический ин-т; Ростиздат, 1940. – 436 с.

485. Голанд, Ю.М. Кризисы, разрушившие НЭП. Валютное регулирование в период НЭПа. Изд. 2-е, доп. - М.: Фонд экономической книги «Начала», 1998. - 154 с.

486. Голубинцев, А.В. Русская Вандея: Очерки гражданской войны на Дону, 1917-1920 гг. - Мюнхен: Изд. автора, 1959. - 211 с.

487. Голубых, М. Очерки глухой деревни. - М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. - 76 с.

488. Гольдентул, И.М. Земельные отношения на Кубани. Краткий очерк. - Ростов н/Д; Краснодар: Буревестник, 1924. - 96 с.
489. Горинов, М.М. Советская история 20-30-х годов: от мифов и реальности // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. - М.: АИРО-XX, 1996. - С. 239-278.
490. Горинов, М.М., Цакунов, С.В. Ленинская концепция нэпа: становление и развитие // Вопросы истории. - 1990. - № 4. - С. 20-39.
491. Городецкий, Б.М. Периодика Кубанско-Черноморского края 1863–1925. – Краснодар: Тип. Адыгчеркпромторга, 1927. - 72 с.
492. Грациози, А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933. - М.: РОССПЭН, 2008. - 135 с.
493. Грехова, Н.Н. Налоговая политика в деревне в первой половине 20-х гг. // Дискуссионные вопросы российской истории. Материалы третьей науч.-практ. конф. - Арзамас, Изд-во АГПИ, 1998. - С. 197–201.
494. Григорьев, Г.Г. Развитие форм обмена в условиях нэпа // Северо-Кавказский край. - Ростов н/Д, 1933. - № 1–2, 3.
495. Грищенко, А.Н. Казачье повстанческое движение в Донской области осенью 1920 г. // Юг России в условиях революционных потрясений, вооруженных конфликтов и социально-политических кризисов, 1917–2017 гг.: материалы Всерос. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 5-6 октября 2017 г.). - Ростов н/Д., Изд-во ЮНЦ РАН, 2017. - С. 266–274.
496. Гурьев, А.И. Как закалялся агитпроп: система государственной идеологической обработки населения в первые годы НЭПа. - М.: ООО «Науч.-изд. центр «Академика», 2011. - 432 с.
497. Давыдов, А.Ю. Кооператоры советского народа: Между «военным коммунизмом» и социалистической реконструкцией. - СПб.: Алетейя; Историческая книга, 2011. - 212 с.
498. Данилин, А.Б. Нэповская Россия: «социалистическая рационализация» рынка труда // Новый исторический вестник. - 2001. - № 1(3). - С. 75–92.

499. Данилов, В.П. «Бухаринская альтернатива» // Бухарин: человек, политик, учёный. - М.: Политиздат, 1990. - С. 82–129.
500. Данилов, В.П. Введение к сборнику «Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. («Антоновщина»). Документы и материалы» // Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды. В 2-х ч. Ч. 2. - М.: РОССПЭН, 2011. - С. 321–335.
501. Данилов, В.П. Введение к сборнику документов «Как ломали нэп» // Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928-1929 гг. В 5 т. Т. 1. Объединённый пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 6-11 апреля 1928 г. - М.: Междунар. фонд «Демократия», 2000. - С. 5-12.
502. Данилов, В.П. 20-е годы: нэп и борьба альтернатив // Вопросы истории. - 1988. - № 9. - С. 7-13.
503. Данилов, В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: в 2-х ч. - М.: РОССПЭН, 2011. – Ч. 1. – 831 с.; Ч. 2. - 831 с.
504. Данилов, В.П. История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР: Материалы Науч. сессии, состоявшейся 18-21 апр. 1961 г. в Москве. - М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – С. 49–80.
505. Данилов, В.П. К характеристике общественно-политической обстановки в советской деревне накануне коллективизации // Исторические записки. - М.: Наука, 1967. - Т. 79. - С. 3-18.
506. Данилов, В.П. Коллективизация... // Переписка на исторические темы: Диалог ведет читатель. Сб. - М.: Политиздат, 1989. - С. 355-400.
507. Данилов, В.П. Коллективизация сельского хозяйства в СССР // История СССР. - 1990. - № 5. - С. 7-30.
508. Данилов, В.П. Колхозное движение накануне сплошной коллективизации (1927 - первая половина 1929) // Исторические записки. - М.: Наука, 1968. - Т. 80. - С. 28-81.
509. Данилов, В.П. Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг. // Крестьяне и власть. Сб. статей. - М., Тамбов: Тамбовск. гос. техн. ун-т, 1996. - С. 4-23.

510. Данилов, В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. - М.: Наука, 1977. - 320 с.
511. Данилов, В.П. Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. - М.: Изд-во АН СССР, 1957. - 451 с.
512. Данилов, В.П. Чаяновский прорыв в будущее // Цивилизация: теория, история, современность. Сб. статей. - М.: Политиздат, 1989. - С. 21–44.
513. Данилов, В.П., Дмитренко, В.П., Лельчук, В.С. Нэп и его судьба // Историки спорят: 13 бесед. - М.: Политиздат, 1988. - С. 122–190.
514. Данилова, Л.В., Данилов, В.П. Крестьянская ментальность и община // Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды. В 2-х ч. - М.: РОССПЭН, 2011. - Ч. 2. - С. 106–120.
515. Данильченко, С.Л. Трансформация концессий в советскую экономику в годы НЭПа. - М.: МАКС Пресс, 2012. - 240 с.
516. Денисов, Н.Г. Кавказская армия труда в 1920–1922 годах // Вопросы истории. - 1988. - № 2. - С. 177-182.
517. Дмитренко, В.П. «Военный коммунизм», нэп... // История СССР. - 1990. - № 3. - С. 11-26.
518. Дмитренко, В.П. НЭП и построение социализма. - М.: Знание, 1981. - 64 с.
519. Дон и Северный Кавказ в период строительства социализма: Сборник статей / отв. ред. Н.В. Киселёва. - Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1988. - 139 с.
520. Дон советский. Историко-экономический и социально-политический очерк / под ред. А.И. Козлова. - Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1986. - 272 с.
521. Дон. 1920-1970: Факты, события, свершения / сост. И.М. Борохова, Е.В. Миронов. - Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1970. - 109 с.
522. Донецкий, М. Донское казачество (Историко-публицистические очерки) / предисл. А. Микояна. - Ростов н/Д: Севкавказкнига, 1926. - 69 с.

523. Донская история в вопросах и ответах / под ред. Е.И. Дулимова и С.А. Кислицына. - Ростов н/Д: Изд-во Донского юридического института, 1997. - Т. I. - 479 с.
524. Донские казаки и в прошлом и настоящем / под общ. ред. Ю.Г. Волкова. - Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та; ГинГО, 1998. - 502 с.
525. Донские страницы: Очерки, документы, публ. / ред.-сост. М.И. Лагунова. - Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1975. - 224 с.
526. Дроздов, А.В. Итоги новой экономической политики в современной отечественной историографии // Известия Алтайского государственного университета. - Барнаул, 2010. - № 4-3 (68). - С. 62–67.
527. Дронов, В.А. Дубовский район в годы НЭПа и коллективизации. - с. Дубовское, Ростовская область: [б. и.], 2016. - 117, 12 с.
528. Дубровский, С.М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. - М.: Наука, 1975. - 398 с.
529. Дуплякин, В.Ф., Коломиец, В.А., Шевяков, Г.Д. Потребительская кооперация Кубани 1872-1992. - Краснодар: Кн. изд-во, 1992. - 112 с.
530. Дэвис, Р.У. Советская экономическая реформа в исторической перспективе // НЭП: приобретения и потери. - М.: Наука, 1994. - С. 7-26.
531. Дэвис, Р.У. Развитие советского общества в 20-е годы и проблемы альтернативы // Россия в XX веке: историки мира спорят. - М.: Наука, 1994. - С. 311-318.
532. Дэвис, Р.У., Дмитренко, В.П., Мау, В.А. НЭП: приобретения и потери. - М.: Наука, 1994. - 217 с.
533. Емтыль (Калашаова), З.Я. Жернова истории. Социально-политическая история адыгов конца XIX в. - 20-х гг. XX в. в очерках и документах. - Краснодар: Изд. дом Юг, 2016. - 228 с.
534. Есиков, С.А. Российская деревня в годы нэпа. К вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). - М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. – 246 с.

535. Жаркой, М.Э. НЭП и карательная политика Советского государства: опыт исторического исследования практики реализации (1921-1929 гг.). - СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2010. - 167 с.
536. Жуков, Ю.Н. Обратная сторона НЭПа: экономика и политическая борьба в СССР. 1923-1925 годы. - М.: Концептуал, 2017. - 379 с.
537. Жуков, Ю.Н. Сталин. Шаг вправо. – М.: Концептуал, 2017. - 416 с.
538. Жупикова, Е.Ф. Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920–1925 гг. – М.: Новый хронограф, 2016. - 422 с.
539. Закарян, М.Р. Закарян, Р.М. Диалектическая системология. Научная методология общей теории систем / М.Р. Закарян, Р.М. Закарян. - Краснодар: Кубан. гос. университет, 2017. - 277 с.
540. Зима, В.Ф. Человек и власть в СССР в 1920-1930-е годы: политика репрессий. - М.: Собрание, 2010. - 238 с.
541. Зырянов, Н.Е., Афанасьев, В.И. Землеуказание: Учеб. пособие для землеустроительных техникумов. - М., Л.: ОГИЗ - Гос. изд-во с.-х. и колхоз-кооп. лит-ры, 1931. - 151 с.
542. Ибрагимова, Д.Х. НЭП и перестройка: массовое сознание сельского населения в условиях перехода к рынку. - М.: Памятники исторической мысли, 1997. - 218 с.
543. Ибрагимова, Д.Х. Рыночные свободы и сельский менталитет. Что жаждал крестьянин при нэпе? // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): Материалы междунар. конф., Москва, 14–15 июня 1994 г. – М.: РОССПЭН, 1996. - С. 260–275.
544. Иванов, В.И. Борьба коммунистов Дона за преодоление левацких перегибов в казачьем вопросе в период восстановления Советской власти (1920 г.) // Во главе технического прогресса и творческой активности масс. - Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1969. - С. 44–58.
545. Иванов, В.И., Чернопицкий, П.Г. Социалистическое строительство и классовая борьба на Дону. (1920–1937 гг.): Исторический очерк. - Ростов н/Д: 1971. - 191 с.

546. Иванович, Ст. ВКП: Десять лет коммунистической лии. - Париж: La Societe nouvelle d'editions franco-slaves, 1928. - 226 с.
547. Ивницкий, Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929–1932 гг.). - М.: Наука, 1972. - 360 с.
548. Игонин, А.В. Северокавказское общество на историческом переломе (1917 - конец 1920-х гг.) / А.В. Игонин, Е.Ю. Оборский, Н.И. Суханова. - Ставрополь: Изд-во СГУ, 2009. - 249 с.
549. Измозик, В.С. НЭП через замочную скважину // Родина. - 2001. - № 8. - С. 81-87.
550. Измозик, В.С., Старков, Б.А., Павлов, Б.А, Рудник, С.Н. Подлинная история РСДРП-РКП(б)-ВКП(б). Краткий курс. Без умолчаний и фальсификаций. - СПб.: Питер, 2010. - 496 с.
551. Ипполитов, Г.М. Принцип партийности исторической науки: неактуальное наследие советских времен или сегодняшняя методологическая давность (дискуссионные заметки) // Изв. Самар. науч. центра РАН. - 2015. - Т. 17, № 3 (2). - С. 475–484.
552. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс / под ред. Комиссии ЦК ВКП(б). - М.: Госполитиздат, 1950. – 351 с.
553. История Дона от Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней / отв. ред. В.И. Кузнецов. - Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1967. - 356 с.
554. История донского казачества / под ред. А.В. Венкова. - Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2012. - 464 с.
555. История Коммунистической партии Советского Союза в 6-ти т. Т. 4 Коммунистическая партия в борьбе за построение социализма в СССР 1921-1937 гг. Кн. 1 (1921-1929 гг.) / ред. Б.Н. Пономарёв. - М.: Политиздат, 1979. - 663 с.
556. История Кубани. XX век: Очерки / под ред. В.Е. Щетнёва. - Краснодар: ОИПЦ Перспективы образования, 1998. - 224 с.

557. История Кубани с древнейших времен до конца XX века. В 2 ч. / А.В. Баранов, А.Н. Еремеева, А.В. Жинкин и др. Ч. 2: С 1917 года до конца XX века. - Краснодар: Перспективы образования, 2011. - 272 с.

558. История кубанского казачества / под ред. В.Н. Ратушняка. - Краснодар, Традиция, 2013. - 413 с.

559. История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР: Материалы Науч. сессии, состоявшейся 18-21 апр. 1961 г. в Москве / ред. кол.: М.П. Ким (отв. ред.) и др. - М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. - 448 с.

560. История советского крестьянства. В 5 т. / редкол: Г.В. Шарапов (гл. ред.) Крестьянство в первое десятилетие Советской власти 1917-1927. - М.: Наука, 1986. - 455 с.

561. История советского крестьянства. Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Конец 1927-1937 / отв. ред. И.Е. Зеленин. - М.: Наука, 1986. - 455 с.

562. История социалистической экономики СССР / отв. ред. И.А. Гладков. - М.: Наука, 1976. - Т. 1. - 448 с.; Т. 2. - 480 с.

563. Кабанов, В.В. Аграрная революция в России // Вопросы истории. - 1989. - № 11. - С. 28-44.

564. Кабанов, В.В. Судьбы кооперации в советской России: проблемы, историография // Судьбы российского крестьянства. - М.: Изд-во РГГУ, 1996. - С. 212-248.

565. Кабанов, В.В., Школа А.В. Чаянова или организационно-производственное направление русской экономической мысли // История СССР. - 1990. - № 6. - С. 53-72.

566. Кабузан, В.М. Русские в мире: Динамика численности и расселения (1719-1989). Формирование этнических и политических границ русского народа. - СПб.: Рус.-Балт. информ. центр «БЛИЦ», 1996. - 347 с.

567. Казаневская, В.В. Философско-методологические основания системного подхода. - Томск: Изд-во Томского университета, 1987. - 232 с.

568. Казачество // Большая Советская энциклопедия. - М.: ОГИЗ РСФСР, 1937. - Т. 30. - С. 605–645.
569. Казачество в конце XIX - начале XXI в.: рассказывание и социокультурные трансформации: материалы Всерос. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 27–28 июня 2019 г.) / отв. ред. Г.Г. Матишов. - Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2019. - 296 с.
570. Казачество в революциях и гражданской войне: Материалы второй Всесоюз. науч. конф. 9-11 сент. 1986 г. - Черкесск: КЧНИИРЭ, 1988. - 312 с.
571. Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития: тезисы Всерос. науч. конф. (28-29 сент. 2010 г., Ростов-на-Дону) / отв. ред. Г.Г. Матишов. - Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. - 328 с.
572. Казачество России в бунтах, смутах и революциях (к столетию событий 1917 года): материалы Всерос. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 4-5 окт. 2017 г.) / отв. ред. Г.Г. Матишов. - Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2017. – 384 с.
573. Казачий Дон: Очерки истории / А.П. Скорик, Р.Г. Тикиджьян и др. - Ростов н/Д: Изд-во Ростовского облИУУ, 1995. - Ч. 1. - 192 с.
574. Карр, Э.Х. История Советской России. Кн. 1, т. 1-2: Большеви́стская революция 1917-1923. - М.: Прогресс, 1990. - 763 с.
575. Каспэ, С.И. Империя и модернизация. Общая модель и российская специфика. - М.: РОССПЭН, 2001. - 256 с.
576. Киселёв, В. Крестьянская взаимопомощь в РСФСР за 20 лет // Социальное обеспечение. - 1937. - № 10. - С. 53–59.
577. Кислицын, С.А. Государство и рассказывание, 1917-1945 гг. - Ростов н/Д: Изд-во ДЮОИ, 1996. - 80 с.
578. Кислицын, С.А. Политика Донбюро РКП(б) в отношении казачества в годы гражданской войны // Проблемы истории казачества XVI – XX вв. - Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1995. - С. 150-155.
579. Кислицын, С.А. «Рассказывание» - стратегический курс большевистской политической элиты в 20-х гг. // Возрождение казачества:

история и современность: Материалы к V Всерос. (междунар.) науч. конф. - Новочеркасск: Изд-во НГТУ, 1994. - С. 98–107.

580. Кислицын, С.А., Кириченко, А.С. Указ и шашка. Политическая власть и донские казаки в XX веке. – Ростов н/Д: Ростиздат, 2007. - 415 с.

581. Кислицын, С.А., Кислицына, И.Г. История Ростовской области (от земли Войска Донского до наших дней). - Ростов н/Д: Донской издательский дом. 2007. - 328 с.

582. Климин, И.И. Российское крестьянство в годы новой экономической политики (1921-1927) / И.И. Климин. - СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2007. - Вып. 3. - Ч. 1. - 428 с.

583. Книпович, Б.Н. Главные черты сельскохозяйственной эволюции Европейской России в 1916-1921 гг. - М.: Новая деревня, 1923. - 113 с.

584. Коваленко, А., Тумасов, Б. Годы больших свершений. - Краснодар: Кн. изд-во, 1959. - 40 с.

585. Ковтун, Л.В. История потребительской кооперации на Дону. - Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2005. - 269 с.

586. Кожанов, А.П. Донское казачество в 20-х годах XX века. - Ростов н/Д: Донской издательский дом, 2005. - 292 с.

587. Кожанов, А.П. К вопросу о социально-демографическом составе казачества Северного Кавказа (по материалам Всероссийской переписи населения 1926 года) // Изв. СКНЦ ВШ. Общественные науки. - Ростов н/Д, 1992. - № 3. - С. 52-62.

588. Козлов, А.И. Актуальность проблем истории казачества // Проблемы истории казачества XVI–XX вв. - Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1995. С. 4-18.

589. Козлов, А.И. Возрождение казачества: история и современность (эволюция, политика, теория). - Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та. 1995. - 248 с.

590. Козлов, А.И. На историческом переломе. - Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1977. - 214 с.

591. Козлов, В.П. Операция «Переселение», «Выселение», «Изъятие» в тульской деревне 20-30-х годов XX в. // Мир глазами историка: памяти академика Юрия Александровича Полякова. - М.: ИРИ РАН, 2014. - 255 с.
592. Кознова, И.Е. Сталинская эпоха в памяти крестьянства России. - М.: Политическая энциклопедия, 2016. - 464 с.
593. Кон, С. Опыт советской национализации // НЭП. Взгляд со стороны / сост. В.В. Кудрявцев. - М.: Моск. рабочий, 1992. - С. 58–103.
594. Кондаков, А.А. Разгром десанта Врангеля на Кубани. - Краснодар: Кн. изд-во, 1960. - 109 с.
595. Кондратьев, Н.Д. Избранные сочинения. - М.: Экономика, 1993. - 543 с.
596. Кондратьев, Н.Д. Критические заметки о плане развития народного хозяйства // Каким быть плану: дискуссии 20-х годов. - Л.: Лениздат, 1989. - С. 95–136.
597. Кондратьев, Н.Д. Особое мнение. Избранные произведения в 2-х кн. - М.: Наука, 1993. - Кн. 2. - 718 с.
598. Кондрашин, В.В. Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и её результаты (1929–1933 гг.). - М.: Политическая энциклопедия, 2014. - 349 с.
599. Коновалов, А.С., Бакурский, А.И. Кубанская станица: Очерк о станице Крымская. - Краснодар: Кн. изд-во, 1957. - 53 с.
600. Конюков, И.А. О расслоении крестьянских хозяйств Кубани. - Краснодар: Изд-во КСХИ, 1928. - 80 с.
601. Конюков, И.А. Очерки о первых этапах коллективного земледелия, 1917–1925. - М.: Госполитиздат, 1949. - 244 с.
602. Конюков, И.А. Сельскохозяйственная кооперация и её значение для крестьянского производства. - Краснодар: Изд. окружкама ВКП(б), 1927. - 66 с.
603. Кордо, Я. Эволюция крестьянского хозяйства Донокруга за 1924–1925 гг. // Северо-Кавказский край. - Ростов н/Д, 1926. - № 1–2. - С. 43–67.

604. Корнилов, Г.Е. Модернизация аграрной сферы России в XX веке: региональное измерение // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Учёные записки. - М.: Дело, 2011. - Вып. 6. - С. 210–228.
605. Коротков, И.С. Разгром Врангеля. - М.: Воениздат, 1955. - 327 с.
606. Корчин, М.Н., Раенко, Я.Н., Семернин, П.В. Очерки истории большевистских организаций на Дону. - Ростов н/Д: Облиздат, 1948. - Ч. 2. - 267 с.
607. Котов, Г. К вопросу об изучении экономической дифференциации крестьянских хозяйств. - Самара: Изд-во крайкома ВКП(б), 1927. - 76 с.
608. Кочкарлова, З.Р. Советская партийно-государственная политика в отношении сельскохозяйственной кооперации (на материалах Северо-Кавказского региона). - Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. - 258 с.
609. Коэн, С. Бухарин: Политическая биография. 1888-1938. - М.: Прогресс, 1988. - 574 с.
610. Краев, М.А. Победа колхозного строя в СССР. - М.: Госполитиздат, 1954. - 720 с.
611. Красильщиков, В.А. Вдогонку за прошедшим веком: Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. - М.: РОССПЭН, 1998. – 264с.
612. Красильщиков, В.А., Зиборов, Г.М., Рябов, А.В. Модернизация России (мировой опыт и наши перспективы) // Кентавр. 1992. Май–июнь. С. 80-88.
613. Кратова, Н.В. Повстанческое движение на Кубани и в Пятигорье в начале 20-х годов XX века. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. - 254 с.
614. Крестьяноведение 3: Социальные резервы стимулирования сельскохозяйственного труда. Материалы 2-й Всерос. конф. - М., Краснодар: Изд-во Кубан. гос. аграр. ун-та, 2001. - 439 с.
615. Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. 1997 / под ред. Т. Шанина и В.П. Данилова. - М.: Московская высшая школа социальных и экономических наук, Интерцентр, 1997. - 380 с.

616. Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Учёные записки. 2011 / под ред. Т. Шанина, А.М. Никулина, И.В. Троцук. - М.: Дело, 2011. - Вып. 6.
617. Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма / отв. ред. А.М. Анфимов. - Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1990. - 256 с.
618. Криминология / А.А. Герцензон, В.К. Звирбуль, Б.Л. Зотов, И.И. Карпец и др. - М.: Юрид. лит-ра, 1968. - 472 с.
619. Кринко, Е.Ф., Хлынина, Т.П. История Северного Кавказа в 1920–1940-е гг.: современная российская историография. - Ростов-н/Д., Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. - 304 с.
620. Крицман, Л.М. Пролетарская революция и деревня. - М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. - 580 с.
621. Круглов, В.Н. Административно-территориальное деление и экономическое районирование СССР: замыслы и реализации (1918 – первая половина 1960-х годов) // Мир глазами историка: памяти академика Юрия Александровича Полякова. - М.: ИРИ РАН, 2014. - С. 113–119.
622. Кругов, А.И. Крестьянское хозяйство России в конце XIX - первой четверти XX века (на материалах Ставрополя, Кубани, Дона). - Ставрополь: Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2008. - 399 с.
623. Кубанин, М.И. Классовая сущность дробления крестьянских хозяйств. - М.: Изд-во Ком. академии, 1929. - 206 с.
624. Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани / под ред. К.В. Чистова. - М.: Наука, 1967. – 356 с.
625. Кубань за 50 советских лет / под ред. Ф.П. Цыгикало. - Краснодар: Кн. изд-во, 1967. - 351 с.
626. Кубань: 1920-е годы: Сб. науч. тр. / В.Е. Щетнёв (науч. ред.). - Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 1996. - 100 с.
627. Кудюкина, М.М. Органы управления в деревне: сельсовет и сход 1926–1929 гг. // Историческое значение НЭПа. - М.: Ин-т истории СССР, 1990. - С. 109-128.

628. Кузнецов, В.А. Сельскохозяйственная кооперация Северного Кавказа и классовая политика в условиях нэпа // Кубань: 1920-е. Сб. науч. тр. – Краснодар: Изд-во КубГУ, 1996. - С. 18-25.
629. Кузьмин, С.А. Социальные системы: опыт структурного анализа. - М.: Наука, 1996. - 191 с.
630. Кукушкин, Ю.С. Сельские Советы и классовая борьба в деревне. 1921–1932. - М.: Наука, 1978. - 284 с.
631. Кукушкин, Ю.С. Традиции общинной демократии в формировании и деятельности сельских советов в 1920-е гг. // Вестник РУДН. Сер. История России. - 2012. - № 4. - С. 70–79.
632. Куприянова, Т.Г. Потребление печатной продукции в крестьянской среде в годы нэпа // Десятые Макушинские чтения: материалы науч. конф., 12-14 мая 2015 года, г. Томск. - Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2015. - С. 454-458.
633. Курин, Л.Л., Наумов, В.П. Новая экономическая политика: суть, опыт, уроки. - М.: Изд-во Агентства печати «Новости», 1990. - 32 с.
634. Куценко, И.Я. Борьба парторганизаций Кубани за вовлечение в социалистическое строительство казачьего населения в 1920–1925 гг. // Материалы докладов по итогам научной работы вузов Краснодарского края за 1962 год. - Краснодар: б.и., 1963. - С. 42-98.
635. Кушетеров, Р.М. Насилие. Политика коммунистической партии в отношении крестьян, методы и результаты её осуществления. - Черкесск: Пул, 1993. - 468 с.
636. Кушетеров, Р.М. Советское крестьянство в условиях тоталитаризма. - Черкесск: Пул, 1995. - 216 с.
637. Лацис, О.Р. Перелом. Опыт прочтения несекретных документов. - М.: Политиздат, 1989. - 399 с.
638. Левин, М. Советский век. - М.: Европа, 2008. - 675 с.
639. Лельчук, В.С. Индустриализация СССР: история, опыт, проблемы. - М.: Политиздат, 1984. - 304 с.

640. Ленинский комсомол. Очерки по истории ВЛКСМ / А.Н. Ацаркин, И.А. Смирнов, М.Б. Черненко и др. - М.: Молодая гвардия, 1958. - 590 с.
641. Ленинский кооперативный план и борьба партии за его осуществление / В.А. Голиков и др. - М.: Госполитиздат, 1969. - 468 с.
642. Леонов, С.В. Рождение советской империи: государство и идеология, 1917–1922 гг. - М.: Диалог-МГУ, 1997. - 355 с.
643. Леонтьева, О.Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX - начале XX в. – Самара: Самар. гос. ун-т, 2011. - 447 с.
644. Летопись борьбы и побед: хроника революционной борьбы на Дону, 1875-1920 гг. / сост. Г.В. Малашенко и др. – Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1984. – 256 с.
645. Лившин, А.Я. Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917–1932 гг. - М.: РОССПЭН, 2010. - 343 с.
646. Лившин, А.Я., Орлов, И.Б. Власть и общество: диалог в письмах. - М.: РОССПЭН, 2002. - 207 с.
647. Литвин, А.Л. Красный террор в России. 1918–1922 гг. - М.: Эксмо; Яуза, 2004. - 448 с.
648. Лихницкий, Н.Л. Классовая борьба и кулачество на Кубани. -Ростов н/Д: Северный Кавказ, 1931. - 192 с.
649. Лола, М.И. О кубанском казачестве (казачество и сословная рознь на Кубани). - Ростов н/Д, Краснодар: Севкавказкнига, 1926. - 41 с.
650. Лутцев, М.В., Федорова, А.А. Война как фактор социального бытия России // Современная научная мысль. - Пятигорск, 2020. - № 1. - С. 6-10.
651. Лютов, Л.Н. Неэффективность промышленности в условиях НЭПа // Вопросы истории. - 2000. - № 4-5. - С. 106–110.
652. Лютов, Л.Н. Обреченная реформа. Промышленность России в эпоху нэпа. - Ульяновск: Ульян. гос. ун-т, 2002. - 266 с.
653. Лященко, П.И. История народного хозяйства СССР. - М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. – Т. III. - 643 с.

654. Макаренко, М.Ю. Казачество Кубани в годы НЭПа: социально-демографический облик // Культурная жизнь Юга России. - Краснодар, 2009. - № 3(32). - С. 61-63.
655. Мартыненко, К.М. Большевистская печать в борьбе за власть Советов на Дону и Северном Кавказе (март 1917 - декабрь 1920). - Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1986. - 175 с.
656. Маслов, А.В. Кубань в старину. - Краснодар: Традиция, 2009. - 112 с.
657. Маслов, С.С. Колхозная Россия: история и жизнь колхозов / сост. Л.В. Никифоров, Т.Е. Кузнецова, А.В. Соболев, А.М. Никулин. - М.: Наука, 2007. - 299 с.
658. Маслов, С.С. Россия после четырех лет революции. В 2 ч. - Париж: Русская печать, 1922. - Ч. 1. - 206 с.; Ч. 2. - 207 с.
659. Мау, В.А. Государство и экономика: опыт экономических реформ. - М.: Дело, 2017. - 621 с.
660. Медведев, Р.А. К суду истории: О Сталине и сталинизме. - М.: Время, 2011. - 655 с.
661. Медушевский, А.Н. Проекты аграрных реформ в России. XVIII - начало XXI века. - М.: Наука, 2005. - 638 с.
662. Международный круглый стол «Крестьянство и власть в истории России XX века», Институт социологии РАН, ноябрь 2010 г. // Власть. - 2011. - № 8. - С. 61–71.
663. Мельникова, Т.А. Реализация государственной аграрной программы в СССР второй половины 1920-х - начала 1930-х гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. - Краснодар, 2011. - № 1-2(7). - С. 72–83.
664. Мельникова, Т.А. Состояние аграрного сектора в российской деревне во второй половине 20-х гг. XX в. // Историческая и социально-образовательная мысль. - Краснодар, 2010. - № 2 (4). - С. 94-104.

665. Менталитет и аграрное развитие России (XIX - XX вв.). Материалы междунар. конф., г. Москва, 11–15 июня 1994 г. / отв. ред. В.П. Данилов, Л.В. Милов. - М.: РОССПЭН, 1996. - 440 с.

666. Меньковский, В.И., Черкасов, А.А. Кубанская повстанческая армия генерала Пржевальского: попытка реванша в 1921 г. // Былые годы. - Сочи, 2010. - № 4 (18). - С. 33–36.

667. Меркулов, Д.Х., Удычак, Ю.А. Государственная власть в Адыгее: становление, эволюция, перспективы. - Майкоп: Адыг. респ. кн. изд-во, 2009. - 302 с.

668. Мерль, Ш. Как удалось Сталину воспрепятствовать «зелёной революции» в России? К вопросу о торможении аграрно-технического прогресса (1927–1941) // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Учёные записки. - М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2015. Вып. 10. - С. 88–147.

669. Мерцалов, В.С. Трагедия российского крестьянства: (Анализ колхозной системы). - Frankfurt a/M.: Посев, 1948. - 116 с.

670. Милов, Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. - М.: РОССПЭН, 2001. - 573 с.

671. Милюков, П.Н. Россия на переломе: Большевистский период русской революции. В 2-х т. - Париж: Impr. d'Art Voltaire, 1927. - Т. 1. - XV, 400 с.; Т. 2. - IX, 281 с.

672. Милютин, В.П. История экономического развития СССР 1917–1927 гг. - М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. - 427 с.

673. Минеева, Е.К., Семенова, И.Ю. Роль Женотдела ЦК РКП(б) по укреплению семьи в советском государстве (исторические уроки 1919–1930 гг.) // Современная научная мысль. - Пятигорск, 2020. - № 1. - С. 51–53.

674. Миронов, Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. - М.: Новый хронограф, 2010. - 911 с.

675. Морозова, О.М. Два акта драмы: боевое прошлое и послевоенная повседневность ветеранов Гражданской войны. - Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. - 360 с.

676. Мошков, Ю.А. Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1929–1932 гг.). - М.: Изд-во МГУ, 1966. – 231 с.

677. Муравьева Л. Массовая коллективизация: задачи, методы, практика // Финансы и кредит. - 2003. - № 10. - С. 79-87.

678. Мухачев, Ю.В. Идеино-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР. - М.: Мысль, 1982. - 269 с.

679. Наухацкий, В.В. Сельское хозяйство Северо-Кавказского края второй половины 1920-х гг. и проблема продовольственной безопасности // Государственная власть и крестьянство в XIX - начале XXI века. Сб. статей Междунар. науч.-практ. конф. - Коломна: МГОСГИ, 2011. - С. 267-272.

680. Наше Отечество: Опыт политической истории / авт. кол.: С.В. Кулешов и др. - М.: Терра, 1991. - Т. 2. - 620 с.

681. Ненин, А.Е. Совнарком и новая экономическая политика (1921–1923 гг.). - Н. Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии гос. службы, 1999. - 159 с.

682. Новая экономическая политика: уроки хозяйственных реформ (Темат. сб.) / отв. ред. Ю.Ф. Воробьев. - М.: Ин-т экономики АН СССР, 1989. – 200 с.

683. Новые страницы истории Отечества (по материалам Северного Кавказа. Межвуз. сб. науч. статей / отв. ред. А.И. Кругов. - Ставрополь: Изд-во Ставроп. гос. технич. ун-та, 1996. - Вып. 1. - 246 с.

684. Носова, Н.П. НЭП: государство и сельское хозяйство (проблемы регулирования) // Нэп: приобретения и потери. - М.: Наука, 1994. - С. 150–163.

685. Носова, Н.П. Управлять или командовать? Государство и крестьянство Советской России (1917–1929). - М.: Изд-во МГУ, 1993. - 348 с.

686. Ноув, А. О судьбах нэпа // Вопросы истории. - 1989. - № 8. - С. 172–176.

687. НЭП в контексте исторического развития России XX века / редкол.: А.К. Соколов (отв. ред.) и др. - М.: Ин-т рос. истории, 2001. - 317 с.

688. НЭП и основные этапы его развития / сост. К. Смирнова. - Саратов; М.: ОГИЗ РСФСР; Н.-Волж. краев. отд-ние, 1931. - 212 с.
689. НЭП и хозрасчет / редкол.: Н.Я. Петраков (пред.), Н.П. Федоренко и др. - М.: Экономика, 1991. - 364 с.
690. НЭП: Взгляд со стороны: Сборник / сост. В.В. Кудрявцев. - М.: Московский рабочий, 1991. - 304 с.
691. НЭП: завершающая стадия: соотношение экономики и политики: Сб. ст. / редкол.: Дмитренко В.П. (отв. ред.) и др. - М.: Ин-т рос. истории РАН, 1998. - 270 с.
692. НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты / редкол.: А.С. Сенявский (отв. ред.) и др. - М.: РОССПЭН, 2006. - 544 с.
693. Оборин, И. Потребительская кооперация на Юго-Востоке России. - Ростов н/Д: Советский Юг, 1924. - 57 с.
694. Овчинникова, М.И. Советское крестьянство Северного Кавказа (1921–1929). - Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1972. - 200 с.
695. Опыт российских модернизаций. XVIII - XX века / отв. ред. В.В. Алексеев. - М.: Наука, 2000. - 246 с.
696. Орлов, И.Б. Новая экономическая политика: история, опыт, проблемы. - М.: Гос. ун-т гуманитар. наук, 1999. - 193 с.
697. Орлов, И.Б. Нэп в региональном ракурсе: от усреднённых оценок к многообразию // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. - М.: РОССПЭН, 2006. - С. 33–54.
698. Орлов, И.Б., Маркосян, Г.М. Взятка и борьба с ней в годы нэпа. - М.: Принципус, 2011. - 199 с.
699. Осипова, Т.В. Крестьянский фронт в Гражданской войне // Судьбы российского крестьянства. - М.: Изд-во РГГУ, 1996. - С. 90–161.
700. Осипова, Т.В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. - М.: Стрелец, 2001. - 399 с.
701. Осколков, Е.Н. Победа колхозного строя в зерновых районах Северного Кавказа (очерки истории партийного руководства коллективизацией

крестьянских и казачьих хозяйств). - Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1973. – 311 с.

702. Осколкова, Э.Д. Проблемы методологии и историографии ленинской концепции нэпа. - Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1981. - 191 с.

703. Осокина, В.Я. Социалистическое строительство в деревне и община. 1920-1933. - М.: Мысль, 1978. - 175 с.

704. Островский, В.Б. Колхозное крестьянство СССР: Политика партии в деревне и ее социально-экономические результаты. - Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1967. - 329 с.

705. От капитализма к социализму. Основные проблемы истории переходного периода в СССР 1917-1937 гг. В 2 т. Т. 2. Развернутое строительство социализма в СССР 1929-1937 гг. / под ред. Ю.А. Полякова. - М.: Наука, 1981. - 440 с.

706. Очерки истории идеологической деятельности КПСС. Октябрь 1917–1937 гг. / Морозов Л.Ф. и др. - М.: Политиздат, 1985. - 415 с.

707. Очерки истории Краснодарской организации КПСС / под ред. И.И. Алексеенко. 2-е изд., доп. – Краснодар: Кн. изд-во, 1976. - 656 с.

708. Очерки истории партийных организаций Дона. Ч. 2. 1921-1971 гг. / под ред. П.В. Барчугова. - Ростов н/Д: Ростиздат, 1973. - 764 с.

709. Очерки традиционной культуры казачеств России / под общ. ред. Н.И. Бондаря. - Краснодар: ЭДВИ, 2005. - 632 с.

710. Павлов, Б.В. Становление контроля партийной номенклатуры над правоохранительной системой в 1921–1925 годах // Вопросы истории. - 2004. - № 1. - С. 32–50.

711. Павлюченков, С.А. Военный коммунизм–в плену большевистской доктрины // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. - М.: АИРО-XX, 1996. - С. 223–238.

712. Павлюченков, С.А. Военный коммунизм в России: власть и массы. - М.: Русское книгоиздательское товарищество, 1997. - 270 с.

713. Павлюченков, С.А. Крестьянский Брест, или Предыстория большевистского нэпа. - М.: Русское книгоиздательское товарищество, 1996. - 298 с.

714. Павлюченков, С.А. С чего начинался нэп? // Трудные вопросы истории. Поиски. Размышления. Новый взгляд на события и факты. - М.: Политиздат, 1991. - С. 45–61.

715. Паин, Э.А. Особенности российской модернизации и их историческая природа // Российская модернизация: размышляя о самобытности. Сб. статей. - М.: Три квадрата, 2008. - С. 15–45.

716. Пайпс, Р. Россия при большевиках. - М.: РОССПЭН, 1997. - 671 с.

717. Пайпс, Р. Русская революция. Кн. 3. Россия под большевиками 1918-1924. - М.: Захаров, 2005. - 704 с.

718. Панарин, А.А. К проблеме эволюции северокавказской кооперации в 1920-е годы // Проблемы аграрной истории Северного Кавказа. - Ставрополь: Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 1999. - С. 42–58.

719. Панарин, А.А. Развитие сельскохозяйственной кооперации на Дону, Кубани и Ставрополье в 1921–1929 гг. - Армавир: АГПУ, 2000. - 154 с.

720. Панарин, А.А. Участие кооперации в развитии системы местного самоуправления на Северном Кавказе в середине 1920-х гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. - Краснодар, 2015. - Т. 7, № 1. - С. 89–91.

721. Панарин, А.А. Эволюция кооперации на Дону и Северном Кавказе в 1921–1929 гг. 2-е изд., испр. и доп. - Армавир. АГПУ, 2017. - 334 с.

722. Панкова-Козочкина, Т.В. Казачье-крестьянское самоуправление эпохи нэпа: проблемы модернизации властных отношений на Юге России в 1920-е годы. - Новочеркасск. Лик, 2014. - 308 с.

723. Панкова-Козочкина, Т.В. Состояние сельского хозяйства Дона, Кубани и Ставрополья после окончания Гражданской войны // Юг России в условиях революционных потрясений, вооруженных конфликтов и социально-политических кризисов, 1917–2017 гг.: материалы Всерос. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 5-6 окт. 2017 г.). - Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2017. - С. 249–257.

724. Панкова-Козочкина, Т.В., Бондарев, В.А. Казачье-крестьянское хозяйство эпохи нэпа: проблемы модернизации аграрных отношений на Юге России. - Новочеркасск: Лик, 2012. - 226 с.

725. Перейра, Н. Советская Россия в 20-е годы глазами Запада // Россия в XX веке: Историки мира спорят: Сб. статей. - М.: Наука, 1994. - С. 382–392.

726. Перехов, Я.А. Административно-территориальная реформа на Северном Кавказе 1920-х гг. и казачий вопрос // Национальные элиты и проблемы социально-политической и экономической стабильности. Материалы Всерос. науч. конф, г. Ростов-на-Дону, 9-10 июня 2009 г. - Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. - С. 246–248.

727. Перехов, Я.А. Власть и казачество: поиск согласия (1920–1926 гг.). - Ростов н/Д: Гефест, 1997. - 140 с.

728. Перехов, Я.А. Из истории борьбы Коммунистической партии за вовлечение казачества в социалистическое строительство (1924-1925) // Из опыта работы парторганизаций Северного Кавказа по руководству хозяйственным и культурным строительством (1918-1965). - Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1965. - С. 74–86.

729. Перехов, Я.А. Казачество и власть: поиск консенсуса // Возрождение казачества: история и современность. Сб. науч. статей к V Всерос. (международ.) науч. конф. - Новочеркасск: Изд-во НГТУ, 1995. - С. 92–97.

730. Перехов, Я.А. Об аграрных преобразованиях на Дону и Кубани в первые годы социалистического строительства (1921–1925 гг.) // Проблемы аграрной истории советского общества. Материалы науч. конф. 9–12 июня 1969 г. М.: Наука, 1971. - С. 45–48.

731. Переход от феодализма к капитализму в России: Материалы Всесоюз. дискуссии / ред. кол.: В.И. Шунков (отв. ред.) и др. - М.: Наука, 1969. - 413 с.

732. Плискевич, Н.М. Устарела ли история по Ключевскому?: Круглый стол // Общественные науки и современность. - 2012. - № 2. - С. 92–109.

733. Погудин, В.И. Путь советского крестьянства к социализму. Историографический очерк. - М.: Мысль, 1975. - 275 с.
734. Полищук, И.С. Духовенство и крестьянство в общественной жизни России: конец XIX - 30-е годы XX века (Опыт историко-сравнительного анализа). - Тверь: Твер. гос. мед. акад., 2004. - 386 с.
735. Полищук, И.С. Новая экономическая политика: теория и практика (опыт исследования истории России 20-х гг. XX в.). - Тверь: б.и., 2007. - 188 с.
736. Полюдов, Е. Волостной бюджет и волостное строительство в деревне. - М.: Новая деревня, 1925. - 97 с.
737. Поляков, Ю.А. Переход к нэпу и советское крестьянство. - М.: Наука, 1967. - 510 с.
738. Поляков, Ю.А. Советская страна после окончания Гражданской войны: территория и население. - М.: Наука, 1986. - 270 с.
739. Поляков, Ю.А., Дмитренко, В.И., Щербань, Н.В. Новая экономическая политика: Разработка и осуществление. - М.: Политиздат, 1982. - 240 с.
740. Пономарёв, А.А. К характеристике расслоения северокавказской деревни. - Ростов н/Д: Сев.-Кав. краев. стат. управл., 1925. - 90 с.
741. Пономарёв, А.А. Расслоение современной юго-восточной деревни (по материалам подворной переписи НКЗ, 1922) // Юго-Восток. - Ростов н/Д, 1923. - № 4. - С. 38-52.
742. Пономарёв, А.А. Сельскохозяйственные районы Дона, Северного Кавказа, Черноморья и Дагестана. - Ростов н/Д: Изд-во краев. стат. упр. Юго-Востока России, 1924. - 174 с.
743. Попов, П.И. Производство хлеба в РСФСР и федерирующихся с ней республиках. - М.: Госиздат, 1921. - 56 с.
744. Попов, П.И. Сельское хозяйство Союза республик: краткая экономико-статистическая характеристика. - М.; Л.: ЦСУ СССР, 1924. - 42 с.
745. Попова, Н.А. Продовольственная политика большевиков в первые годы советской власти на Дону // Власть. - 2012. - № 10. - С. 168-170.

746. Посадский, А.В. Гражданская война в России под углом зрения политической конфликтологии // Политические исследования. - 2002. - № 3. - С. 72–80.

747. Посадский, А.В. Партизанско-повстанческая борьба: опыт и уроки XX столетия // Военная история. - Саратов, 2009. - № 3 (38). - С. 6-11.

748. Присяжный, Н.С. Экономическая чума: Военный коммунизм в России (Историко-экономический анализ. 1918-1921 гг.). - Ростов н/Д: Изд-во Рост. гос. ун-та, 1994. – 451 с.

749. Проблемы аграрной истории советского общества: Материалы науч. конф. 9–12 июня 1969 г. / отв. ред. М.П. Ким. - М.: Наука, 1971. - 367 с.

750. Прокопович, С.Н. Банкротство НЭПа // Свободная Россия. - Прага, 1924. - № 2. – С. 20.

751. Прокопович, С.Н. Народное хозяйство СССР. - Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952. - Т. 1. - 398 с.

752. Прудникова, Е.А. Битва за хлеб. От разверстки до коллективизации. - М.: Вече, 2016. - 480 с.

753. Пути созидания: Очерки о социально-экономическом развитии Дона и Северного Кавказа / науч. ред. Ф.И. Поташев. - Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1975. - 215 с.

754. Пыльцина, М.В. Правовое регулирование единого сельскохозяйственного налога в годы НЭПа // Наука. Мысль. - 2016.- № 4. - С. 193–197.

755. Ратушняк, В.Н., Ратушняк, О.В. История казачества России. - М.: Флинта, 2019. - 344 с.

756. Рвачева, О.В. Политика партийно-советских органов и социально-политические настроения донского казачества в период социалистической модернизации 1920–1940 гг. - Волгоград: Волгоградский ин-т управл., 2017. – 231 с.

757. Рогалина, Н.Л. Аграрное реформирование в России XX века (Краткий историко-сравнительный анализ) // Судьбы реформ и реформаторства

в России. Материалы Всерос. науч.-практ. конф., 19-20 окт. 2006 г. - Коломна: МГОСПИ, 2006. - С. 115-120.

758. Рогалина, Н.Л. Власть и аграрные реформы в России XX века. - М.: Энцикл. российских деревень, 2010. - 230 с.

759. Рогалина, Н.Л. Новая экономическая политика и крестьянство // Нэп: приобретения и потери. - М.: Наука, 1994. - С. 139-149.

760. Рогалина, Н.Л. Реализация государственной аграрной программы в СССР второй половины 1920-х - начала 1930-х гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. – Краснодар, 2011. - № 1-2. - С. 72-83.

761. Рогалина, Н.Л. Эксплуататорская сущность кулацкого хозяйства и его производственная основа: по материалам российской деревни второй половины 20-х годов // Проблемы социально-экономического развития советской деревни. - Вологда: Изд-во Вологод. гос. ун-та, 1975. - С. 54-72.

762. Российское казачество: История, проблемы возрождения и перспективы развития: материалы Всерос. заоч. науч.-практ. конф. (октябрь 2011 г.) / отв. ред. В.Н. Ратушняк. - Краснодар: Традиция, 2012. - 272 с.

763. Российское казачество: Науч.-справ. изд. / О.В. Агафонов и др. - М.: Наука, 2003. - 880 с.

764. Российская и советская деревня первой половины XX века глазами крестьян: взгляд из эмиграции / сост. Н.Ф. Гриценко. - М.: Русский путь, 2009. - 488 с.

765. Российское село в XIX - XX веках: Междунар. науч. конф., 28 окт. 2009 г.: сб. статей / редкол.: С.А. Есиков (отв. ред.) и др. - Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2009. - 276 с.

766. Россия нэповская / рук. авт. кол. С.А. Павлюченков; под ред. А.Н. Яковлева. - М.: Новый хронограф, 2002. - 468 с.

767. Савельев, В.А. Хозяйственные представления крестьянства и казачества в условиях новой экономической политики: особенности трансформации (на материалах Дона и Кубани). - Армавир: Изд-во АГПА, 2012. - 159 с.

768. Савельева, И.М., Полетаев, А.В. Знание о прошлом: теория и история: В 2 т. Т. 1. Конструирование прошлого. - СПб.: Наука, 2003. - 632 с.

769. Саламатова, М.С. Нормы представительства на выборах в РСФСР в 1920-е гг.: законодательство и практика реализации // Актуальные проблемы российского права. - 2015. - № 6 (55). - С. 36–43.

770. Саламатова, М.С. Электоральное поведение крестьянства в 1920-е гг. // Гуманитарные науки в Сибири. - Новосибирск, 2013. - № 4. - С. 12-17.

771. Сахаров, А.Н. Революционный тоталитаризм в нашей истории // Коммунист. - 1991. - № 5. - С. 60–71.

772. Селиванов, А.М. Социально-политическое развитие российской деревни в годы новой экономической политики. Историография проблемы. - Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 1994. - 48 с.

773. Семёнов, А.А., Щербинин, С.А. Власть и население Северного Кавказа в период гражданской войны и НЭПа (1917–1925). - Славянск-на-Кубани: Изд. центр СГПИ, 2008. - 150 с.

774. Сергеев, Г.С. Социально-экономические проблемы развития деревни и ее социалистического переустройства. (1921–1937 гг.). – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1974. - Ч. 1. - 126 с.

775. Сидоров, В.А. Классовая борьба доколхозной деревне (1921–1929 гг.). - М.: Мысль, 1978. - 246 с.

776. Сирин, С.Н. Юго-Восток России: К проблеме его экономического восстановления. - Берлин: Изд-во Комитета экон. возрождения Юго-Востока России, 1922. - 133 с.

777. Сквозь ветры века: Очерки истории Ростовской областной организации КПСС (80-е гг. XIX в. – 1987 г.) / Е.Н. Осколков (отв. ред.). - Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1988. - 509 с.

778. Скворцов, С.А. Землевладение в Кубанской области. Использование земель общинами Кубани. - Краснодар, Изд-во окружного комитета РКП(б), 1925. - 174 с.

779. Скорик, А.П. Борьба донских казаков с советской властью в начале 1920-х годов: исторические факты и оценка в документах эпохи // Стратегическое планирование в полиэтническом макрорегионе в условиях неравномерного развития и роста напряженности: материалы Всерос. науч. конф. (Ростов н/Д, 3–4 окт. 2013 г.). - Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. - С. 128–131.

780. Скорик, А.П. Казаки Юга России и советская власть в 1917–1929 гг.: взаимоотношения в преддверии «великого перелома» // Казачество России: прошлое и настоящее: Сб. науч. ст. - Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. - Вып. 3. - С. 190–201.

781. Скорик, А.П. Милютинский казачий юрт: опыт исторической реконструкции. - Новочеркасск: Лик, 2015. - 1184 с.

782. Скорик, А.П. Многоликость казачества Юга России в 1930-е годы: Очерки истории. - Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2008. - 343 с.

783. Скорик, А.П. 1-й Донской округ: опыт исторической реконструкции. - Новочеркасск: Лик, 2012. - 519 с.

784. Скорик, А.П. Расказачивание как политика и социальный процесс на Дону в 1920-е годы // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. - 2019. - Т. 24, № 4. - С. 102–113.

785. Скорик, А.П., Тикиджьян, Р.Г. Донские казаки и советская власть в ходе «чрезвычайных хлебозаготовок» 1927–1928 гг.: от нэпа к «великому перелому» // Лосевские чтения: труды Междунар. ежегод. науч.-теорет. конф., г. Новочеркасск, май 2008 г. - Новочеркасск: ЮРГТУ(НПИ), 2008. - С. 191–194.

786. Скорик, А.П., Тикиджьян, Р.Г. Донцы в 1920-х годах: очерки истории. - Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2010. - 244 с.

787. Скорик, А.П., Тикиджьян, Р.Г. Крестьяне и казаки Дона в середине 1920-х гг.: рецидивы сословного антагонизма // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XX века. Сб. статей (по итогам III Междунар. науч.-практ. конф., 5–7 окт. 2011 г.). - Коломна: МГОСГИ, 2011. - С. 273–278.

788. Скорик, А.П., Тикиджьян, Р.Г. Политика большевиков по отношению к казачеству в 1920-х–1930-х гг.: различие и противоборство подходов // Актуальные проблемы социальной истории: Сб. науч. ст. - Новочеркасск; Ростов н/Д., 2009. - Вып. 10. - С. 136–143.

789. Скорик, А.П., Федина, И.М. Генезис казачьего хутора и генерации хуторян на Кубани с конца XVIII и до конца 1920-х годов // History and Historians in the Context of the Time (История и историки в контексте времени). - Сочи, 2013. - Vol. 10. - No 1. - P. 4-14.

790. Скрыпников, А.В. Российская деревня в годы новой экономической политики: тенденции и противоречия социально-экономического развития российской деревни в условиях НЭПа. - М.: МГПУ; Пенза: Изд-во ИПКиПРО, 2006. - 416 с.

791. Смирнский, В.И. Динамика коллективного земледелия и социальная структура Кубанского округа. - Краснодар, 1930. - Вып. 2. - 54 с.

792. Смирнский, В.Н. Население и хозяйство Кубанского округа. - Краснодар: Изд-во Кубан. окр. исполн. к-та, 1924. - 46 с.

793. Советская историография / общ. ред. Ю.Н. Афанасьев. - М.: Изд-во РГГУ, 1996. - 592 с.

794. Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал: В 2 т. / под ред. Ю.Н. Афанасьева. - М.: Изд-во РГГУ, 1997. - Т. 1. - 510 с.

795. Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке / под ред. В.В. Бабашкина. - М.: Политическая энциклопедия, 2015. – 743 с.

796. Соколов, А.С. Из истории становления и развития финансовой системы России в период новой экономической политики. - М.: б.и., 1998. – 120 с.

797. Солдаткин, А.П. Местные органы власти (структура, функции, социальный состав) накануне коллективизации // Судьбы реформ и реформаторства в России. Материалы Всерос. науч.-практ. конф., 19–20 окт. 2006 г. - Коломна: МГОСГИ, 2006. - С. 207–211.

798. Солопов, А. Кого считали кулаком в 1924–1925 годах // Трудные вопросы истории: Поиски. Размышления. Новый взгляд на события и факты. - М.: Политиздат, 1991. - С. 83–100.

799. Сорокин, П.А. Россия после нэпа // Крестьянская Россия: сборник статей по вопросам общественно-политическим и экономическим. - Прага: Изд-во «Крестьянская Россия», 1922. - Вып. 2–3. - С. 140–157.

800. Сорокин, П.А. Социология революции. - М.: РОССПЭН, 2005. - 704 с.

801. Софинов, П.Г. Исторический поворот (переход к новой экономической политике). - М.: Политиздат, 1964. - 79 с.

802. Социальное противостояние и его проявления на Юге России в XX – начале XXI в.: материалы всерос. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 19-22 сент. 2018 г.) / отв. ред. Г.Г. Матишов. - Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2018. – 548 с.

803. Сперанский, А.В., Сперанский, П.А. Российская модернизация в контексте мировой истории: концептуально-методологические интерпретации // Вестник Уральского института экономики, управления и права. - Екатеринбург, 2017. - № 3 (40). - С. 22-30.

804. Степаненко, В.И. Крушение контрреволюции на Дону, Кубани и Тереке в 1920 г. // Вопросы истории. - 1976. - № 9. - С. 15–33.

805. Столляр, Н.А. Черты нового быта в современной деревне. - М.: Современные проблемы, 1926. - 86 с.

806. Суворова, Л.Н. Нэповская многоукладная экономика: между государством и рынком. - М.: АИРО-XXI, 2013. - 304 с.

807. Супрунова, К.М. Государственный капитализм в промышленности Кубани и Черноморья // Новая экономическая политика. Вопросы теории и истории. - М.: Наука, 1975. - С. 304.

808. Супрунова, К.М. Политика партии в использовании госкапитализма для восстановления промышленности 1921-1924 гг. // Из истории борьбы партийной организации Северного Кавказа за победу социализма. - Краснодар: Краснодарск. гос. пед. ин-т, 1969.

809. Тархов, Д. Налоги и налоговая политика советской власти. - М.: НКФ СССР, 1927.
810. Телицын, В.А. Новая экономическая политика: взгляд из русского зарубежья // Вопросы истории. - 2000. - № 8. - С. 30–41.
811. Телицын, В.Л. «Бессмысленный и беспощадный»?...: Феномен крестьянского бунта 1917–1921 гг. - М.: Изд-во РГГУ, 2002. - 338 с.
812. Телицын, В.Л. Военный коммунизм: Власть и крестьянство – Крестьянство и власть // Крестьянство и власть в истории России XX века. Сб. науч. статей участников Междунар. кругл. стола (Москва, 12 ноября 2010 г.). - М.: Институт социологии РАН, 2011. - С. 335–346.
813. Тикиджьян, Р.Г. Новая экономическая политика советского государства и проблема представительства донских казаков в органах власти и самоуправления в 1920-е годы // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. - 2011. - № 1 (19). - С. 18–24.
814. Трагедия казачества (очерк на тему «Казачество и Россия»). В 4 частях. - Прага: Вольное казачество, 1938. - Ч. 4. - 504 с.
815. Трапезников, С.П. Исторический опыт КПСС в осуществлении ленинского кооперативного плана. - М.: Мысль, 1965. - 615 с.
816. Трапезников, С.П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. В 2 т. 2-е изд. - М.: Мысль, 1976. - Т. 1. - 567 с.; Т. 2. - 645 с.
817. Трельч, Э. Историзм и его проблемы. - М.: Юрист, 1994. - 719 с.
818. Трифонов, И.Я. Классовая и классовая борьба в СССР в начале нэпа (1921-1923 гг.). Часть 1. Борьба с вооруженной кулацкой контрреволюцией. - Л.: Ленинградский университет, 1964. - 311 с.
819. Трифонов, И.Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. - М.: Политиздат, 1975. - 406 с.
820. Трифонов, И.Я. Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы НЭПа (1921–1937). - М.: Госполитиздат, 1960. - 279 с.

821. Турицын, И.В. Власть и пресса в Советской России: проблема взаимоотношений и взаимовлияния в 20-е годы. - М.: Диалог-МГУ, 1998. - 248 с.

822. Турицын, И.В. Кадровая политика РКП(б) и периодическая печать (1921–1925 гг.). - Армавир: Изд-во АГПИ, 1998. - 139 с.

823. Турицын, И.В. Революционный порыв и традиция как элементы формирования нового управленческого слоя в 1920-е годы (на материалах Юго-Востока России) // Альтернативы большевистской модернизации в годы новой экономической политики. - М.: НИИ КРО, 2014. - С. 94–104.

824. Туфанов, Е.В. К вопросу становления системы льгот и привилегий партийно-государственной номенклатуры в 1920–1930-е гг. (на материалах Северного Кавказа // Современная научная мысль. - Пятигорск, 2018. - № 2. - С. 80–86.

825. Туфанов, Е.В. Кадры региональных управленцев в 1920-1930-е годы: становление и функционирование (на материалах Северного Кавказа). - Ставрополь: ООО ИД ТЭСЭРА, 2018. - 206 с.

826. Тютюник, М.В. Феномен советских избирательных кампаний 1921–1924 гг. (Опыт Дона и Кубани) // Наука и школа. - 2009. - № 6. - С. 18–22.

827. Тяжелникова, В.С. Состав партийных организаций в конце 20-х годов (Опыт количественного анализа по материалам Всесоюзной партийной переписи 1927 г.) // Вопросы истории КПСС. - 1990. - № 1. - С. 70–81.

828. Узнардов, М.Т. Деятельность Кавказского и Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) по руководству партийными организациями Юго-Востока России в 1920–1924 годах. - Орджоникидзе: Ир, 1968. - 207 с.

829. Уиткрофт, С.Г. Голод и эпидемии в России в 1918–1922 гг. Пример Саратова; Голод и другие факторы, влияющие на уровень смертности в СССР. Демографические кризисы 1918–1922 гг. и 1930–1933 гг. // Демографические процессы в СССР. 20–80-е гг. (Современная зарубежная историография). - М.: ИНИОН, 1991. - С. 44–87.

830. Ульянов И.С. Казаки и Советская республика. - М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. - 174 с.
831. Устиновский, И.В. Ленинская аграрная программа и её осуществление на Северном Кавказе (октябрь 1917–1927 гг.). - Ростов н/Д, Изд-во Рост. ун-та, 1989. - 326 с.
832. Федина, И.М. Отношение земледельцев кубанских станиц к аграрным преобразованиям советской власти в 1920-е гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. - 2018. - Т. 17, № 4. - С. 792–811.
833. Федина, И.М. Регулирование земельных отношений на Кубани в 1920-е годы // Историческая и социально-образовательная мысль. - Краснодар: 2016. - Т. 8. - № 2–1. - С. 39–45.
834. Федина, И.М. Хутора Кубани: история становления и развития (1794–1930). - Краснодар: Кубанский государственный университет, 2016. - 138 с.
835. Федоренко, С.А. К вопросу о трансформации советской уголовной политики в условиях перехода к форсированному строительству социализма (1926–1928 гг.) // Современная научная мысль. - Пятигорск, 2013. - № 4. - С. 127–138.
836. Фельдман, М. А. Партийно-советская элита в 1922–1928 гг.: (социокультурные характеристики и линии политического поведения) // Власть и государственное управление. - 2018. - № 3 (33). - С. 29–36.
837. Фешбах, М. Демография и советское общество: социальные и культурные аспекты // Демографические процессы в СССР. 20–80-е гг. (Современная зарубежная историография). - М.: ИНИОН, 1991. - С. 147–148.
838. Фигуровская, Н.К. Развитие аграрной теории в СССР. Конец 20-х – 30-е годы. - М.: Наука, 1983. - 384 с.
839. Формирование административно-командной системы (20-30-е годы). Сб. статей / под ред. В.П. Дмитренко. - М.: Наука, 1992. - 236 с.

840. Фридберг, Л.Я. Продналог – главное звено перехода к новой экономической политике // Экономические науки. - 1990. - № 1. - С. 86–93.
841. Хмелевский, К.А., Хмелевский, С.К. Буря над Тихим Доном: Исторический очерк о гражданской войне на Дону. - Ростов н/Д., Кн. изд-во, 1984. – 176 с.
842. Холмс, Л. Социальная история России: 1917–1941. - Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1993. - 142 с.
843. Хрящева, А.И. Группы и классы в крестьянстве. Изд. 2-е, испр. и доп. - М.: Изд-во ЦСУ СССР, 1926. - 172 с.
844. Хрящева, А.И. К вопросу о неправильных приемах исследования динамики крестьянских хозяйств. - М.: Тип. М.К.Х., 1923. - 32 с.
845. Хрящева, А.И. Крестьянство в первом десятилетии (1917-1927) // Экономическое обозрение. - 1927. - № 10. - С. 32–44.
846. Цакунов, С.В. В лабиринте доктрины. Из опыта разработки экономического курса страны в 1920-е годы. - М.: Изд. центр «Россия молодая», 1994. - 186 с.
847. Цыганаш, Н.Г., Чернопицкий, П.Г. Земельная аренда на Дону в 1922–1927 гг. // Вопросы истории социалистической революции и социалистического строительства. - Горький: Кн. изд-во, 1971. - С. 57–72.
848. Чайнов, А.В. Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. - М.: Наука, 1991. - 456 с.
849. Чекисты Дона: Очерки. Сборник / сост. М.Н. Ровенский. - Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1980. - 127 с.
850. Челинцев, А.Н. Динамика крестьянского хозяйства. - М.: Книгосоюз, 1928. - 116 с.
851. Ченская, Т.В. Язык крестьян начала 20-х годов XX века: на основе анализа анкетных листов Я. Шафира // Современная научная мысль. - Пятигорск, 2019. - № 4. - С. 73–77.

852. Черемисинов, Г.А. Государственное предпринимательство в отечественной экономике. «Узоры» новой экономической политики (20-е г. – начало 30-х г. XX в.). - Саратов: Изд-во Сарат. гос. ун-та, 2002. - 322 с.

853. Черкасов, А.А. Кубано-Черноморское повстанческое движение (1920–1922 гг.): краткая характеристика // Былые годы. Сочи, 2006. - № 2 (2). - С. 12-20.

854. Черкасов, А.А. Повстанцы Кубани и Черноморья (1920–1930 гг.): повседневная деятельность // Вестник СГУТиКД. – 2010. - № 4 (14). - С. 182–186.

855. Черкасов, А.А. Крестьянское движение на Черноморье в период революции и гражданской войны. - Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2003. - 194 с.

856. Чермак, Л.К. Основные черты развития сельского хозяйства на Юго-Востоке России // Экономическое районирование Юго-Востока России. - М.: Статиздат, 1923. - Вып. 1. - С. 64–80.

857. Черноморский округ и его производительные силы. Сб. статей: В 2 т. / под ред. П.И. Неволина, В.М. Четыркина. – Новороссийск: Черномор. окр. экон. совещание, 1923. - Т. 1. - 337 с.

858. Черноморский, М. Земельный вопрос в Кубанском крае. - Екатеринодар: б.и., 1918. - 7 с.

859. Чернопицкий, П.Г. К вопросу о расказачивании // Казачество России: история и современность: Тезисы Междунар. науч. конф., г. Геленджик (8-11 октября 2002 г.). - Краснодар: КубГУ, 2002.

860. Чернопицкий, П.Г. Социалистическое строительство и классовая борьба на Дону (1920–1937 гг.). Исторический очерк. - Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1971. - 191 с.

861. Чернопицкий, П.Г. Деревня Северокавказского края в 1920–1929 гг. - Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1987. - 230 с.

862. Чернопицкий, П.Г. Повстанческое движение крестьян и казаков Дона в 1920-1922 гг. // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. - Ростов-на-Дону, 1998. - № 3. - С. 3–12.

863. Чернопицкий, П.Г. Советская власть и казачество // Проблемы казачьего возрождения. Сб. науч. статей. - Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1996. - Ч. 2. - С. 84–88.

864. Чернышова, А.В. Механизм государственного управления деревней в условиях нэпа: Проблемы функционирования. - М.: Изд-во МГУ, 2005. – 446 с.

865. Чупрынников, С.А. Партийно-государственные структуры и общественно-политические организации в решении национальных проблем в 1920-е – начале 1930-х годов // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. - Ростов н/Д, 2010. - № 5. - С. 81–86.

866. Чупрынников, С.А. Региональная партийно-советская элита в 1920-30-х гг.: от девиации к коррупционным преступлениям и последующим репрессиям (на материалах Кубани) // Общество: философия, история, культура. - Краснодар, 2019. - № 4. - С. 45–49.

867. Шадрина, А.В. Преследования донского духовенства в 1920-х гг. как составляющая латентного рассказывания // Казачество в конце XIX – начале XXI в.: рассказывание и социокультурные трансформации. Материалы Всерос. науч. конф., г. Ростов-на-Дону, 27–28 июня 2019 г. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2019. - С. 147–151.

868. Шейдеман, Е.С. Ликвидация повстанческой армии генерала Пржевальского // Война и революция. - 1929. - Кн. 11. - С. 121–133.

869. Шишкин, В.А. Власть. Политика. Экономика: Послереволюционная Россия. 1917–1928 гг. - СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. - 399 с.

870. Шмелев, Г.И. Аграрная политика и аграрные отношения в России в XX веке. - М.: Наука, 2000. - 255 с.

871. Шпаков, В.О. Власть и крестьянство на Северном Кавказе в годы новой экономической политики (1921–1928 гг.) // Вестник Чуваш. гос. пед. ун-та им. И.Я. Яковлева. - Чебоксары, 2008. - № 1. - С. 21–29.

872. Шулейкин, И. Земельный вопрос в казачьих областях и районах // Землеустроитель. - 1925. - № 11. С. 73–77; № 12. - С. 66–72.

873. Щербина, Ф.А. Законы эволюции и русский большевизм. - Белград: Русская мысль, 1921. - 262 с.

874. Щетнёв, В.Е. Деятельность КПСС по осуществлению первых земельных преобразований на Кубани (1920–1922) // КПСС–организатор аграрных преобразований на Северном Кавказе. - Орджоникидзе: Кн. изд-во, 1981. - С. 67–89.

875. Щетнёв, В.Е. Из истории классовой борьбы в кубанской станице (1920-1927 гг.) // На путях к социализму (по материалам Кубани и Адыгеи). - Краснодар, Изд-во КГПИ, 1966. - С. 5–36.

876. Щетнёв, В.Е. Классовая борьба и осуществление первых земельных и продовольственных мероприятий советской власти на Кубани // Аграрная история Дона и Северного Кавказа. Сб. статей. - Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1980. - С. 40–56.

877. Щетнёв, В.Е. Кубанская станица до коллективизации сельского хозяйства // Великий Октябрь и первые социально-экономические преобразования на Кубани. – Краснодар: Изд-во КубГУ, 1974. - С. 22–52.

878. Щетнёв, В.Е. Население северокавказской деревни в начале социалистической реконструкции // Октябрьская революция и изменения в облике сельского населения Дона и Северного Кавказа (1917–1929 гг.). Сб. науч. трудов. - Краснодар, Изд-во КубГУ, 1984. - С. 91–103.

879. Эйзенштадт, Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. - М.: Аспект Пресс, 1999. – 415 с.

880. Экономическая история сегодня. «Круглый стол» по итогам XII Международного конгресса экономической истории / материал подгот. Л.И. Бородкин, С.А. Ломова // Отечественная история. - 1999. - № 4. - С. 71–87.

881. Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований: сб. науч. тр. / гл. ред. Л.Н. Мазур. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. - 754 с.

882. Югов, А. Индустриализация и проблемы капитала // Нэп. Взгляд со стороны. - М.: Моск. рабочий, 1991. - С. 114–202.

883. Яблочкина, И.В. Рецидивы гражданской войны: Антигосударственные вооруженные выступления и повстанческие движения в Советской России. 1921–1925 гг. - М.: Фирма «Хельга», 2000. - 495 с.
884. Яковцевский, В.Н. Колхозное строительство в восстановительный период. 1921–1925 // Очерки по истории народного хозяйства СССР. Сб. статей. - М.: Госполитиздат, 1959. - С. 56–98.
885. Янчевский, Н.Л. Гражданская борьба на Северном Кавказе. – Ростов н/Д: Севкавказ, 1927. - Т. 2. - 157 с.
886. Яхутль, Ю.А. Бело-зеленое движение на Кубани и Черноморье в начале 20-х годов прошлого столетия // Культурная жизнь Юга России. - Краснодар, 2010. - № 3 (37). - С. 49–53.
887. Яхутль, Ю.А. Временные явления, временные трудности (взгляд на НЭП с высоты XXI в.). - Краснодар, Кубан. гос. ун-т, 2019. - 189 с.
888. Яхутль, Ю.А. Выборы Советов на Дону и Кубани (1925–1926 гг.): проблемы выбора курса реформ // Власть. - 2017. - № 12. - С. 123–129.
889. Яхутль, Ю.А. Казачьи хозяйства в условиях новой экономической политики 1920-х гг.: противоречия развития (по материалам Дона и Кубани) // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. - 2019. - Т. 24. - № 4. – С. 124-134.
890. Яхутль, Ю.А. НЭП и крестьянско-казачье хозяйство Советской России: (на материалах Дона и Кубани). - Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2020. - 234 с.
891. Яхутль, Ю.А. Проблемы нэпа в отечественной историографии // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1. Регионоведение. - Майкоп, 2011. - № 1. - С. 41–48.
892. Ященко, В.Г. Антибольшевистское повстанчество в Нижнем Поволжье и на Среднем Дону, 1918-1923. - М.: URSS, 2008. - 147 с.
893. Яшук, Т.Ф. Реформы местного управления в РСФСР в 1920-е годы // Lex Russica (Русский закон). - 2017. - № 10 (131). - С. 171–186.

894. Baranov, A.V. Land Reforms in Soviet Russia and the Peasant Uprisings of the 1920s in the Context of the Concept of Theodor Shanin (Regional Aspect) // *Old and New Worlds: The Global Challenges of Rural History: International Conference*. Lisbon, ISCTE-IUL, 27-30 January 2016. Conference Book. – Lisboa: Universidade Novo de Lisboa, 2016. - P. 70-71.

895. Fitzpatrick, S. *Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921-1934*. - Cambridge [etc.]: Cambridge Univ. Press, 2002. - X, 355 p.

896. Fitzpatrick, S., Rabinowitch, A., Stites, R. (ed.). *Russia in the Era of NEP: Explorations in Soviet Society and Culture*. – Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1991. – 344 p.

897. Harrison, M. Why Did NEP Fail? // *Economics of* ...
ning. - 1980. - Vol. 16. - No 2. - P. 57-67.

898. Holquist, P. *Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914-1921*. - Cambridge (Mass.); London: Harvard Univ. Press, 2002. - IX, 359 p.

899. Lewin, M. *The Making of the Soviet System: Essays in the Social History of Interwar Russia / With a new pref. by the auth.* - New York: New York Press, 1994. - XI, 354 p.

900. Malia, M.E. *The Soviet Tragedy: A History of Socialism in Russia, 1917-1991*. - New York: Free Press, 1994. - X, 575 p.

901. Nove, A. *Some Thoughts on the End of NEP // Economy and Society in Russia and the Soviet Union, 1860–1930*. - London: Palgrave Macmillan, 1992. - P. 234-243.

902. *Roots of Human Sociality: Culture, Cognition and Interaction / ed. by N.J. Enfield and S.C. Levinson*. - Oxford; New York: Routledge, 2006. – 530 p.

903. Sanchez-Sibony, O. *Global Money and Bolshevik Authority: The NEP as the First Socialist Project // Slavic Review*. - Harvard, 2019. - Vol. 78. - No 3. - P. 694-716.

904. Siegelbaum, L.H. *Soviet State and Society Between Revolutions, 1918-1929*. Reprint. - Cambridge [etc.]: Cambridge Univ. Press, 1994. - XIII, 284 p.

905. Skocpol, Th. States and Social Revolution: a Comparative Analysis of France, Russia, and China. First Published 1979. 15th Printing. – Cambridge: Univ. Press, 2007. – 407 p.

12. Диссертации и авторефераты

906. Абрамова, И.Е. Социально-экономическое развитие донской деревни в условиях новой экономической политики: 1921-1927 гг.: дис. ... канд. ист. наук. - Зерноград, 2000. - 232 с.

907. Абрегова, Ж.О. Повседневная жизнь сельского населения Кубани: Конец XIX– первая треть XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. - Майкоп, 2004. – 196 с.

908. Алиев, А.Ш. Исторический опыт и уроки кооперативного движения на Северном Кавказе в годы НЭПа: 1921-1929 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. - М., 2011. - 397 с.

909. Багдасарян, С.Д. Сельская повседневность на Юге России в эпоху нэпа: устойчивость традиций и противоречия преобразований: дис. ... д-ра ист. наук. - Новочеркасск, 2017. - 869 с.

910. Баранов, А.В. Многоукладное общество в русских областях Северного Кавказа в 1920-х гг.: тенденции развития: дис. ... д-ра ист. наук. - Ростов н/Д, 1999. - 612 с.

911. Берберих, М.В. Коммуникативный подход и историческая концепция Юргена Хабермаса: дис. ... канд. ист. наук. - Волгоград, 2011. - 247 с.

912. Берия, М.В. Кубано-Черноморский областной ревком в борьбе за восстановление и упрочение Советской власти: январь 1920 г. – январь 1921 г.: дис. ... канд. ист. наук. - Сухуми, 1969. - 318 с.

913. Бершадская, О.В. Черноморская деревня в условиях НЭПа: социально-экономический аспект. дис. ... канд. ист. наук. - Краснодар, 2007. – 219 с.

914. Богатырёв, М.А. Н.И. Бухарин и НЭП: Проблемы и противоречия: дис. ... канд. ист. наук. - Ростов н/Д, 1994. - 200 с.

915. Бомбергер, И.И. Советская пенитенциарная система в годы новой экономической политики 1921-1928 гг.: дис. ... канд. ист. наук. - М., 2009. - 207 с.

916. Бондарь, А.Ф. Донская областная партийная организация в борьбе за хозяйственное и культурное строительство в конце интервенции и гражданской войны (1920 – начало 1921 гг.): дис. ... канд. ист. наук. - М., 1961. - 288 с.

917. Бондарь, И.А. Социально-экономическое обеспечение интеграции Предкавказья в систему аграрного капитализма России: вторая половина XIX - начало XX века: на примере Ставрополя и Кубани: дис. ... д-ра ист. наук. - Владикавказ, 2012. - 460 с.

918. Бочкарёва, А.С. Политическая пропаганда и агитация партийно-советских органов власти на Кубани в 20-х гг. XX в.: дис. ... канд. ист. наук. - Краснодар, 2007. - 212 с.

919. Верхотуров, Ю.И. Деятельность партии по развитию экономических связей между городом и деревней в 1921–1927 гг. (На материалах Дона, Кубани и Ставрополя): дис. ... канд. ист. наук. - Краснодар, 1990. - 185 с.

920. Волкова, Е.В. Донская потребительская кооперация в условиях новой экономической политики: 1921–1929 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Ростов н/Д, 2004. - 190 с.

921. Гелдыш, А.А. Кубано-Черноморская партийная организация в борьбе за восстановление народного хозяйства (1921–1924 гг.): дис. ... канд. ист. наук. - Краснодар, 1959. - 212 с.

922. Глазков, Б.Е. Социально-экономическая и общественно-политическая жизнь в Воронежском округе в 1928-1929 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Воронеж, 2012. – 239 с.

923. Грищенко, А.Н. Антибольшевистское повстанческое движение в Донской области в 1920-1922 годах: дис. ... канд. ист. наук. – Ростов н/Д, 2009. - 229 с.
924. Гусакова, М.Г. Борьба большевистской партии за оживление советов (1924–1926 годы): дис. ... канд. ист. наук. - М., 1950. - 218 с.
925. Демьянов, М.А. Борьба Коммунистической партии Советского Союза за кооперацию в первые годы нэпа (1921–1923): дис. ... канд. ист. наук. - Л., 1954. – 242 с.
926. Денисов, Н.Г. Кавказская армия труда в борьбе за восстановление народного хозяйства Юго-Востока Европейской части РСФСР в 1920-1922 гг.: дис. ... канд. ист. наук. - Ростов-на-Дону, 1982. - 202 с.
927. Емельянов, Ю.Н. Генезис и региональные особенности сословной ментальности кубанского казачества (конец XVIII - 30-е гг. XX вв.): дис. ... канд. ист. наук. - Краснодар, 2006. - 192 с.
928. Зайнетдинов, Ш.Р. Изменения в социальной структуре российского общества (По материалам переписей населения 1897–1939): дис. ... д-ра ист. наук. - Екатеринбург, 2000. - 659 с.
929. Зайцев, А.А. Региональный политический процесс в условиях Гражданской войны 1917-1922 гг.: на материалах Дона и Кубано-Черноморья: дис ... д-ра ист. наук. - Краснодар, 2009. - 520 с.
930. Засорина, Т.Д. Новая экономическая политика: отношение населения Кубани (1921–1929 гг.): дис. ... канд. ист. наук. - Майкоп, 2003. - 155 с.
931. Зинченко, С.А. Южнороссийское крестьянство в системе советских аграрных отношений (1920-е - первая половина 1930-х годов): дис. ... канд. ист. наук. - Пятигорск, 2006. - 176 с.
932. Иванцов, И.Г. Роль внутрипартийного контроля в укреплении и развитии ВКП(б) 1920-1929 гг. (на материалах Кубани): дис. ... канд. ист. наук. - Краснодар, 2005. - 222 с.

933. Ким, Т.И. Советская государственная налоговая политика в период нэпа (1921-1929 гг.) (На материалах Кубани и Черноморья): дис... канд. ист. наук. - Краснодар, 2011. - 158 с.

934. Кожанов, А.П. Деятельность партийных организаций Дона по кооперированию крестьянства накануне сплошной коллективизации (1928–1929 гг.): дис. ... канд. ист. наук. - Ростов н/Д, 1970. - 277 с.

935. Кожура, О.И. Социально-психологический облик кубанского крестьянства и казачества в годы нэпа: дис. ... канд. ист. наук. - Краснодар, 1999. – 244 с.

936. Кондратенко, Н.П. Коммунистическая партия Советского Союза в борьбе за укрепление местных Советов в годы восстановительного периода (1921–1925 гг.): дис. ... канд. ист. наук. - М., 1959. - 249 с.

937. Конюхов, Г.А. Борьба за хлеб в 1928 году: автореф. дис. ... канд. ист. наук. - М., 1951. - 25 с.

938. Корчагин, Д.М. Советские избирательные кампании 1920-х годов: На материалах Кубано-Черноморья: дис. ... канд. ист. наук. – М., 2003. - 217 с.

939. Кочкарлова, З.Р. Эволюция отечественной кооперации и её социально-экономическая трансформация в условиях модернизации российского общества (на материалах Дона, Кубани и Ставрополья): дис. ... д-ра ист. наук. - Владикавказ, 2011. - 520 с.

940. Кузнецов, В.А. Организация изучения станицы Дона и Кубани в 1920-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. - Краснодар, 1999. - 253 с.

941. Куштеров, Р.М. Аграрная политика Советского государства, 1917–1991 гг.: На материалах Северо-Кавказского региона: дис. ... д-ра ист. наук. - Ставрополь, 1997. - 302 с.

942. Лакизо, Л.И. Осуществление Северо-Кавказской организацией ВКП(б) политики ограничения и вытеснения кулачества в 1926–1929 гг. (На материалах Дона, Кубани и Ставрополья): дис. ... канд. ист. наук. - Ростов н/Д, 1985. - 232 с.

943. Макаренко, М.Ю. Население Северного Кавказа в конце XIX - первой четверти XX века: историко-демографическое исследование. Дис. ... д-ра ист. наук. - Краснодар, 2011. - 391 с.
944. Макаренко, М.Ю. Население Кубани в 1920–1926 гг. (историко-демографический аспект): дис. ... канд. ист. наук. - Краснодар, 1997. - 204 с.
945. Некрасов, А.В. Система социального обеспечения в РСФСР в 1920-е годы (на примере Дона, Кубани и Ставрополья): дис. ... канд. ист. наук. - Новочеркасск, 2009. - 227 с.
946. Ноздрачёв, В.В. Борьба большевистской партии за оживление Советов в деревне в 1924–1925 гг.: дис. ... канд. ист. наук. - М., 1950. - 256 с.
947. Осинцов, Я.А. Политика Коммунистической партии в области торговли в первые годы нэпа: дис. ... канд. ист. наук. - Ростов н/Д., 1972. - 226 с.
948. Осколков, Е.Н. Победа колхозного строя в зерновых районах Северного Кавказа (Очерки истории партийного руководства коллективизацией крестьянских и казачьих хозяйств): дис. ... д-ра ист. наук. - Ростов н/Д., 1973. – 100 с.
949. Осколкова, Э.Д. Партийное строительство на селе в первые годы нэпа (1921–1925 гг.) (По материалам Дона): дис. ... канд. ист. наук. - Ростов н/Д, 1963. - 301 с.
950. Панарин, А.А. Социально-экономическая трансформация отечественной кооперации в 1921–1929 гг. (на материалах Дона и Северного Кавказа): дис. ... д-ра ист. наук. - Ставрополь, 2004. - 589 с.
951. Панкова-Козочкина, Т.В. Казаки и крестьяне Юга России в 1920-х годах: социально-политическая жизнь и хозяйственно-экономическая деятельность: дис. ... д-ра ист. наук. - Новочеркасск, 2016. - 617 с.
952. Перехов, Я.А. Политика Коммунистической партии по вовлечению казачества Дона и Кубани в социалистическое строительство (1920–1925 гг.): дис. ... канд. ист. наук. - Ростов н/Д, 1966. - 270 с.

953. Пономарёв, Е.Г. Партийное руководство советским строительством на селе в 1926–1932 годах (На материалах Дона, Кубани и Ставрополья): дис. ... канд. ист. наук. - Ставрополь, 1988. - 259 с.

954. Попова, Г.А. Борьба большевистских организаций Юго-Востока за восстановление народного хозяйства и укрепление союза рабочего класса с трудящимся крестьянством в 1921–1925 гг. Дис. ... канд. ист. наук. - М., 1950. - 316 с.

955. Ракачёва, Я.В. Сельскохозяйственная кооперация Кубани в период новой экономической политики (1921–1927 гг.): дис. ... канд. ист. наук. - Краснодар, 2000. - 209 с.

956. Резников, Е.П. Сельские Советы Кубани в период восстановления народного хозяйства (1921–1925 гг.): дис. канд. ист. наук. - Краснодар, 1974. - 220 с.

957. Рожков, А.Ю. Молодое поколение в условиях новой экономической политики: облик, проблемы, противоречия, 1921–1929 гг., на материалах Кубани и Черноморья. дис. ... канд. ист. наук. - Краснодар, 1992. – 230 с.

958. Рожков, А.Ю. Молодой человек в советской России 1920-х гг., повседневная жизнь в группах сверстников: Школьники, студенты, красноармейцы: дис. ... д-ра ист. наук. - Краснодар, 2003. - 493 с.

959. Романько, И.Е. Крестьянские волнения на Северном Кавказе (1928–1930 гг.): предпосылки и динамика развития: дис. ...канд. ист. наук. - Пятигорск, 2009. - 187 с.

960. Савельев, В.А. Эволюция хозяйственных представлений крестьянства и казачества на Дону и Кубани в условиях новой экономической политики (1921–1929 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. - Армавир, 2009. - 284 с.

961. Семёнов, А.А. Повседневная жизнь населения России в годы гражданской войны (1917-1920 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. - Краснодар, 2005. – 564 с.

962. Серебрякова, Т.Е. Деятельность Северо-Кавказского крайкома (1924–1934 гг.): дис. ... канд. ист. наук. - Ростов н/Д, 1990. - 237 с.
963. Смагина, С.М. Освещение в советской исторической литературе тактики Коммунистической партии по укреплению союза рабочего класса и крестьянства в первые годы НЭПа, 1921–1925 гг.: по материалам Северного Кавказа: дис. ... канд. ист. наук. – Ростов н/Д, 1972. - 256 с.
964. Смородина, Е.В. Сельское хозяйство Кубани в условиях НЭПа (1921–1927 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Краснодар, 1994. - 16 с.
965. Степаненко, Б.И. Борьба с вооружённой контрреволюцией на Дону и Кубани и ее разгром (март 1920–1922 гг.): дис. ... канд. ист. наук. - Ростов н/Д, 1972. - 205 с.
966. Съёмщиков, С.С. Деятельность крестьянских комитетов общественной взаимопомощи на Дону и Кубани в 1921-1932 гг.: дис. ... канд. ист. наук. - Армавир, 2013. - 225 с.
967. Токарева, Н.А. Деформация социально-экономических отношений в станицах и сёлах Северо-Кавказского края в 1928-1929 гг.: дис. ... канд. ист. наук. - Ростов н/Д, 1994. - 202 с.
968. Турицын, И.В. Советская власть и российская пресса: Проблема взаимоотношений и взаимовлияния, 1921–1929 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. - Армавир, 1998. - 547 с.
969. Тютюник, М.В. Региональный избирательный процесс и формирование системы местных Советов РСФСР в 1920–1924 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. - М., 2009. - 213 с.
970. Узнародов, М.Т. Большевики Дона в борьбе за восстановление сельского хозяйства в 1921–1925 гг.: дис. ... канд. ист. наук. - Ростов н/Д., 1950. – 293 с.
971. Устиновский, И.В. Деятельность партийных организаций Кубани по развертыванию производственного кооперирования крестьянства (1920–1927 гг.): дис. ... канд. ист. наук. - Ростов н/Д, 1967. – 349 с.

972. Устиновский, И.В. Деятельность Коммунистической партии по осуществлению ленинской аграрной программы на Северном Кавказе (октябрь 1917–1927 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. - М., 1990. - 461 с.

973. Холодный, М.А. Изменение отношения к собственности у населения РСФСР в условиях новой экономической политики (1921–1928 гг.): дис. ... канд. ист. наук. - М., 2009. - 211 с.

974. Цыганаш, Н.Г. Партийное руководство регулированием социально-экономических процессов в деревне в 1921–1925 гг. (на материалах Дона и Северного Кавказа): дис. ... канд. ист. наук. - Ростов н/Д, 1978. - 274 с.

975. Черкасов, А.А. Гражданская война на Кубани и Черноморье (1917–1922 гг.): «Третья сила» в социально-политическом противостоянии: дис. ... д-ра ист. наук. - Ставрополь, 2007. - 581 с.

976. Чернопицкий, П.Г. Социально-экономическое развитие деревни Северо-Кавказского края в 1920–1929 годах: дис. ... д-ра ист. наук. - Ростов н/Д, 1989. - 501 с.

977. Шаповалов, С.Н. Исторические трансформации российских (советских) государственных праздников в 1917–1991 гг. (на материалах Краснодарского края и Ростовской области): дис. ... канд. ист. наук. - Краснодар, 2011. - 241 с.

978. Шолохов, Л.Г. Партийные организации Дона и Кубано-Черноморья в борьбе за укрепление и оживление советов (1920–1925 гг.): дис. ... канд. ист. наук. - Ростов н/Д, 1969. - 293 с.

979. Щетнёв, В.Е. Классовая борьба в кубанской станице (1920–1927 гг.): дис. ... канд. ист. наук. - Краснодар, 1968. - 306 с.

980. Яхшиян, О.Ю. Крестьянская община и местные органы власти в русской деревне 1920-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. - М., 1998. - 218 с.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Таблицы

Таблица 1

Общее количество бедняцких хозяйств не имевших доходов кроме как от сельскохозяйственной деятельности 1925–1926 гг. (Донской округ)

Районы	Количество бедняцких хозяйств	Процент к общему числу хозяйств
Ейский	2 840	14,5%
Старо-Минской	2 421	17,7%
Кущевский	3 157	21,1%
Мечетинский	2 806	22,4%
Батайский	4 823	28%
Аксайский	3 849	34%
Азовский	2 996	30%
Новочеркасский	1 942	27%
Балаевский	2 907	39%
Семикаракорский	2 037	30
Итого по округу	29 778	26,4%

Источник: ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 52. Л. 46 а.

Таблица 2

Посевная площадь, общий сбор хлебов и товарные излишки

Показатели	Ед. уч.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	В процентах	
					1926 к 1925 гг.	1927 к 1926 гг.
Площадь посевов	Тыс. дес.	1488,1	1540	1596	103,1	103,6
В том числе						
Пшеница		822,9	897,1	927,5	109	103,4
Ячмень		262,7	311,7	240,1	118,8	76,9
Подсолнечник		153,3	115,2	175,9	75,2	152,9
Кукуруза		92,2	79,0	77,7	75,9	110,0
Общий сбор хлебов						
Пшеница	тонн	902457	862683	696027	95,5	90,7
Ячмень		414989,3	290656,2	140835	70,0	45,0
Подсолнечник		147588,8	104417,7	221121	70,1	211,7
Прочие		238907,4	169094,2	160521	70,8	94,4
Всего		17039242,5	1426851,1	1218504,5	83,7	83,3
Товарные излишки						
Пшеница		506077,8	432221,1	219439	85,4%	50,8
Ячмень		259079,4	128558,6	29128,6	49,6	22,6

Подсолнечник		10396 5,6	62745,3	1728 97,8	60,3	27,5
Прочие		24276, 8	22252,2	3426 6,0	91,7	153, 9
Всего		89339 9,6	645777, 2	4557 31,4	72,3	79,6

Источник: Обзор конъюнктуры народного хозяйства Кубанского округа в 1926/27 году. Краснодар, 1928. С. 6-8.

Таблица 3

Рост посевных площадей на Кубани в 1913-1926/27 гг.

Год	1913 г.	1924/25г	1925/26г.	1926/27г.
Десятин / % к 1913 г.	1.789.000 (100%)	1.488.103 (83,2%)	1.539.965 (86,1%)	1.595.996 (89,2%)

Источник: Материалы к докладу о работе Кубанского окружного исполнительного комитета за 1924–1925, 1925–1926, 1926–1927 и первую половину 1927–1928 гг. Краснодар, 1928. С. 23.

Таблица 4

Урожайность базовых культур в Кубанском округе в 1924–1927 гг.

Год/ пудов с десятины	1924/25г.	1925/26г.	1926/27г.
Озимая пшеница	72,4	63,7	48,6
Яровая пшеница	47,2	42,4	37,3
Ячмень	97,5	56,6	35,5
Подсолнечник	54,9	54,9	76,8

Источник: Материалы к докладу о работе Кубанского окружного исполнительного комитета за 1924–1925, 1925–1926, 1926–1927 и первую половину 1927–1928 гг. Краснодар, 1928. С. 23.

Таблица 5

Состояние посевных площадей Донского округа (1922–1927 гг.)

Год	1922 г.	1924/25г	1926/27г.
Тыс. га / % к 1913 г.	519,3 (33,1%);	1383,8 га (88,2%)	1494,5 га (95,3%)

Источник: Материалы к отчетному докладу Донского окружного комитета РКП(б) на XVI Донской окружной партийной конференции. Таганрог, 1930. С. 26.

Таблица 6

Уровень социальной дифференциации в процентах
(группировки по коровности)

Годы	Процент хозяйств в группах				
	Без ко- ров	С 1 ко- ровой	С 2 ко- ровами	С 3 ко- ровами	С 4 и более коро- вами
	Северо-Кавказский край				
1922	34,2	46,0	15,9	2,8	0,9
1923	36,4	43,0	16,1	3,3	1,2
1924	35,0	43,6	16,2	3,6	1,6
1925	32,8	43,2	18,0	4,2	1,8

Источник: Кондратьев Н.Д. Особое мнение. Избранные произведения в 2-х книгах. М.: Наука, 1993. Кн. 2. С. 167.

Таблица 7

**Об урожайности в коллективных и единоличных хозяйствах
Кубани за 1926–1927 гг. (в пудах)**

Сельскохозяйственные культуры	1926 год		1927 год	
	колхозы	единоличники	колхозы	единоличники
Озимая пшеница	80,0	61,9	70,7	42,2
Яровая	55,8	42,6	28,6	24,0
Ячмень яровой и озимый	68,7	55,9	27,1	22,6
Овес	92,7	55,9	37,8	31,1
Кукуруза	69,9	72,2	128,2	118,2
Подсолнух	50,3	51,4	61,1	56,1

Источник: Сборник документов по истории СССР. Эпоха социализма. Вып. 2. 1921-1932 гг. / под ред. В.З. Дробижева. Москва: Высшая школа, 1979. С. 181.

Таблица 8

Число крестьянских хозяйств

Число крестьянских хозяйств (тыс.)	1916	1920	1925	1926	1927	1928
	186,7	223,3	235,5	240,4	255,5	268,0
% к 1916 г.	100	119,7	125,5	128,5	137,0	143,0
% к предыдущему году		100	105,4	102,3	106,2	105

Источник: Контрольные цифры народного хозяйства Кубанского округа на 1928-1929 год. Кубанская окружная плановая комиссия. Краснодар, 1928. С. 12-13.

Таблица 9

Число хозяйств, арендуемых земельные участки

Регион	1924 г.	1925г
По РСФСР	5,4%	11,7%
По Северо-Кавказскому краю	16,7%	18,7%

Источник: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 2. Л. 48.

Таблица 10

Завоз тракторов в Северо-Кавказский край с 1923 г. по 1927 г.

До 1923 г.	1923 г.	1924г	1925 г.	1926 г.	1927 г.
33 (7%))	327 (6,8%)	311 (6,5%)	1 341 (28,1%)	2185 (46,1%)	568 (12%)

Источник: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 267. Л. 87.

Таблица 11

Распределение тракторов по округам Северо-Кавказского края

Округ	Площадь посева (тыс. га)	Количество тракторов	Значение тракторов (количество обрабатываемой земли в процентах)
Донецкий	449.391	262	11,6
Шахтинский	531.254	216	8,1
Сальский	617.510	275	8,4
Таганрогский	284.486	197	13,8
Донской	1.035.000	553	10,7
Кубанский	1.517.128	791	10,4
Черноморский	85.737	44	10,2
Майкопский	193.978	178	18,3
Адыгейская область	97.753	52	10,6

Источник: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 267. Л. 87.

Таблица 12

Удельный вес посевов по секторам (Таганрогский округ)

Сектор	Площадь (дес)				Удельный вес (%)			
	1928	1929	1930	1931	1928	1929	1930	1931
Совхозы	826,6	948,0	1153,1	2324	0,4	0,6	0,6	1,4
Колхозы	3620,8	6806	80111,4	181331	2,4	4,3	45,3	93,7
Единоличники	148016	148561	95839,3	9527	97,2	95,1	54,1	4,9

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Тексты

Источник: ТФ ГАРО. Ф. Р 102. Оп. 1. Д. 26. Л. 19.

Стенограмма II областной партийной конференции Донского комитета РКП(б) 11-15 октября 1920 г.

«Отрицательным фактором советского строительства на Дону является рознь между крестьянским населением, вызванной всем ходом истории казачества. Земельные привилегии казачества, особенно в воинской службе создали из него строго замкнутый класс-касту, относящегося к крестьянству с высоко. Как это было если мелкий помещик относился к своему крестьянину. Необходимо вести борьбу с этим пережитками крепостничества... Борьба с технической, культурной отсталостью и психологическими пережитками крепостничества должны вестись методами убеждения, помогая в организации примерных образцовых земледельческих хозяйств».

Источник: ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1. Л. 19.

Доклад тов. Мерен о Верхне-Донском округе. Октябрь 1921 г.

«Политическое состояние. Власть в станицах, в хуторах ее нет; они находятся в руках бандитов. Бандитизм не носит контрреволюционный характер. Казаки относятся к бандитизму отрицательно. Во время продрозверстки окружные работники - Мошкурлов, Пугачев, Воронков и др., верхушки местной организации вели себя невыдержанно: умывали руки от разверсток и ссылались на то, что они исполнители лишь распоряжений из области. Бандитские шайки составлены из крестьян Воронежской, Тамбовской губ. и Донецкого округа. Местное население как-будто в стороне» (без редактирования).

Источник: ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 74. Л. 9.

Сводка белоэмигрантской прессы. 23.01. 1927 № 1.

«Резкая передвижка вверх» Доклад Б.А. Никольского в Экономическом совещании. «Возрождение» 2 января 1927 г.

«Общая линия развития (совесткая и дореволюционная) отличается от довоенного только тем, что исключена возможность прикупа земли. В остальном же из столкновений двух встречных волн - хозяйственного подъема и стремления к дроблению земель - остается почти такой же след: стихийное стремление крестьянского хозяйства к высшей возможной при настоящих условиях форме товарно-капиталистического (фермерского) хозяйства».

Источник: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 216. Л. 6.

Струве П.Б. Дневник политика // Возрождение. 1927. 6 января.

«Все яснее и яснее становится, что экономическая жизнь и ее необходимость все более и более сжимающимся кольцом давят на экономическую и общую политику засевшей в России ком-власти. Хозяйственная жизнь России требует раскрепощения, требует органического взаимодействия между внутренней экономикой и мировым хозяйством».

Источник: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 216. Л. 3 об.

Стенограмма заседания Аграрного института Комакадемии с докладом Н.Н. Суханова «Об экономических предпосылках к подъему сельского хозяйства», декабрь 1928 г.

«Крестьянство, сознательно планируя в пределах своего индивидуального хозяйства, определяет количество продуктов, которое ему выгодно выпустить на рынок... Хозиева не рассматривают посевную площадь потому что не хотят, потому что нет хозяйственного расчета... Причины нашего недопроизводства заключается в том, что крестьянство утратило стимул, утратило хозрасчет к расширению зернового хозяйства. Государство не может мириться с таким положением дел». (Л. 7, 8) «Вследствии тяжелого положения в прошлом году (1927 г.) с хлебозаготовками пришлось направить ряд административных мероприятий, которые поссорили со значительной массой середняка, они создали известный момент социального конфликта. Этот конфликт должен быть уничтожен компетентными органами на основе социалистической законности». (Л. 82).

Источник: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 338. Л. 6,8, 82.